

Место под солнцем

БЕНЬЯМИН НЕТАНИЯГУ

БЕНЬЯМИН НЕТАНИЯГУ

Место под солнцем

Борьба еврейского народа за обретение независимости,
безопасное существование и установление мира

БЕНЬЯМИН НЕТАНИЯГУ

Место под солнцем

Борьба еврейского народа за обретение независимости,
безопасное существование и установление мира

Ассоциация "Алия за Эрец Исраэль"

1996

© **БЕНЬЯМИН НЕТАНИЯГУ**

Ассоциация "Алия за Эрец-Исраэль"

Издательство журнала "Алеф"

Русское издание подготовлено при содействии научной группы издательства "Гешарим" под руководством д-ра Виктора Яковлева.

Редакторы: С. Подражанский
Г. Трестман

Графическое оформление: М. Трестман

OCR Давид Титиевский, июнь 2020 г., Хайфа

העמותה לקידום עליית התיבה

רח"ל ל פרץ 20 תופה 33041

סג"מ

.....1254' מס

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЙОНИ

Скорблю о тебе, брат мой Йонатан
Очень ты дорог был мне.

(Шмуэль II, 1:26)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово благодарности	11
Предисловие	13
Введение	21
1. Рождение и становление сионизма	31
2. Предательство	89
3. Палестинская проблема	145
4. Вопреки логике	195
5. Троянский конь по имени ООП	273
6. Два вида мирных отношений	369
7. Горный щит Израиля	401
8. Существует ли демографическая угроза	453
9. Путь к прочному миру	501
10. Легко ли быть евреем?	543
Приложения	597
Приложение 1	599

Приложение 2	602
Приложение 3	604
Приложение 4	615
Приложение 5	616
Приложение 6	624
Приложение 7	626
Приложение 8	634
Приложение 9	635
Приложение 10	637
Примечания	638
Карты	664

СПИСОК КАРТ

1. Относительные размеры Израиля
2. Израиль и арабский мир
3. 1906: Эрец-Исраэль в период турецкого правления
4. 1920 : Еврейский национальный дом в Эрец-Исраэль в начальный период британского мандата
5. 1923: Еврейский национальный дом после создания Трансиордании
6. 1947: План раздела Палестины, принятый ООН
7. 1949-67:Израиль в прямой досягаемости вражеского огня
8. 1949: Линии прекращения огня после Войны за независимость
9. 1967: Линии прекращения огня после Шестидневной войны
10. 1994: Израиль в нынешних границах
11. Узвямая береговая линия Израиля, 1949-67 гг.

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Написать такую книгу - дело, достаточно трудное само по себе, а написать ее, находясь в центре бурной политической жизни Израиля, еще труднее. Я хочу поблагодарить тех людей, чья помощь помогла мне справиться со многими трудностями.

Д-р Дори Голд из Центра стратегических исследований им. Яффе при Тель-авивском университете и г-н Дуглас Фейт прочитали рукопись книги и предложили внести в нее некоторые существенные поправки.

Мой брат Идо Нетаниягу, мой кузен Натан Милейковский и брат моей жены Хагай Бен-Арци помогли сделать текст яснее, доходчивее. Мишель Оптовский обеспечил необходимые карты и таблицы. Эстер Леви, Авишай Коэн и Ита Алькалай произвели сверку фактов и цитат, безжалостно борясь с неточностями. Ральф Сверман методично выбирал из моих отдельных выступлений в ООН материалы, которые вошли в текст этой книги. Д-р Йорам Хазони - исследователь и редактор в одном лице - привнес в работу над книгой присущие ему пронизательный ум, терпение и самоотверженность. Я многим обязан каждому из них и хочу выразить им свою благодарность.

Последнее и самое главное: я в неоплатном долгу перед своей женой Сарой, которая, сочетая мудрость суждений с умением глубоко чувствовать, помогла мне отличить главное от второстепенного. Мне передалась ее твердая убежденность и ее смелость.

Б.Н.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будучи послом Израиля в ООН, я время от времени тайно встречался с одним высокопоставленным арабским дипломатом. Происходило это в середине 80-х годов. В ходе одной из встреч мой собеседник произнес загадочную фразу:

"Я постоянно говорю своим арабским братьям, что карта бита".

"Какая карта?" - удивился я.

"Карта военного противоборства, - ответил мой собеседник. - Возможность достижения решающей военной победы над Израилем. После июньской войны 1967 года стало невозможно разгромить Израиль на поле боя. Ни одно израильское правительство не согласится вернуться к прежним границам. И я считаю, что теперь у нас, арабов, нет выбора. Мы должны примириться с существованием Израиля на Ближнем Востоке".

В этих словах заключалась формула признания еврейского государства арабским миром. Победа, одержанная Израилем в ходе Шестидневной войны, перенесла наши границы от берегов Яркона к берегам Иордана, от Кинерета - к скалистым склонам Голанского плато, от Негева - к Суэцкому каналу. В новой ситуации арабские армии лишились возможности нанести смертельный удар по центральным районам Израиля. Эта оценка получила дополнительное подкрепление в ходе Войны Судного дня, начатой арабами при оптимальных стратегических обстоятельствах, но завершившейся на подступах к Каиру и Дамаску.

Признание невозможности добиться решающей военной победы над Израилем породило в арабском мире две различные концепции. Одни пришли к выводу о необходимости примирения с еврейским государством. Так, например, постепенная стабилизация отношений между Израилем и Иорданией привела к подписанию официального мирного соглашения между двумя странами. Пути примирения ищут и иные арабские политики, среди них и тот дипломат, с которым мне приходилось встречаться во время работы в ООН.

В то же время в арабском мире существует и другая концепция, согласно которой нет никакой необходимости мириться с существованием Израиля - следует по-прежнему стремиться к его уничтожению. И, коль скоро невозможно уничтожить Израиль, пока он существует в сегодняшних безопасных границах, следует прежде всего добиться его возвращения к границам 1967 года - с тем, чтобы впоследствии нанести решающий удар по еврейскому государству. Для того, чтобы добиться возвращения к границам 1967 года, следует сочетать силовые методы (террор и интифада) с политическим давлением на страны Запада - а те, в свою очередь, будут требовать от Израиля территориальных уступок.

Эта концепция и является фактической платформой ООП уже более двадцати лет - с тех пор, как 8 июня 1974 года "Палестинский национальный совет" утвердил программу поэтапного уничтожения Израиля. В соответствии с этой программой, ООП будет готова на первом этапе создать палестинское государство "на любом участке территории, покинутой сионистским врагом". Затем палестинское государство достигнет военного союза с иными арабскими странами, чтобы в подходящий момент нанести решающий удар по Израилю, вернувшемуся к прежним уязвимым границам.

До 1992 года все израильские правительства стремились содействовать укреплению первой тенденции в арабс-

ком политическом мире. В Израиле рассчитывали на то, что постепенно арабы смирятся с существованием еврейского государства в безопасных границах. Было немало споров о том, где именно пройдет окончательная - безопасная - граница Израиля, но при этом в стране существовал самый широкий национальный консенсус относительно недопустимости возвращения к границам 1967 года и создания палестинского государства к западу от реки Иордан.

Два важнейших события последних лет - распад Советского Союза, оказывавшего решительную поддержку агрессивным арабским диктаторским режимам, и поражение Ирака в ходе войны в Персидском заливе - создали благоприятные условия для достижения Израилем принципиальной цели: заключения мирных соглашений с арабами при сохранении основных плодов победы 1967 года. Твердо осознавая свою задачу, Израиль впервые вступил в прямые переговоры с сопредельными арабскими странами на Мадридской конференции 1991 года.

Победа левой коалиции на парламентских выборах 1992 года привела к резкому повороту в израильской внешней политике. Игнорируя декларативные цели ООП (главная среди них - уничтожение еврейского государства), новое израильское правительство пошло на тайный сговор с этой организацией, в результате которого было подписано Норвежское соглашение. Тем самым были созданы предпосылки для создания палестинского государства, что в глазах ООП является первым шагом на пути к уничтожению "сионистского образования".

Во время войны в Персидском заливе Израиль пережил 39 ракетных обстрелов, когда "Скады" обрушились на наши города. Оглушительный вой сирен заставлял израильтян надевать противогазы. Во время одной из таких тревог я, сидя в противогазе, давал интервью в телестудии Си-Эн-Си в Иерусалиме. После отбоя руководитель студии, потрясенный пережитым, попросил меня показать телезрителям положение Израиля на карте Ближнего Востока.

- Покажите им то, что вы на днях показывали мне в своем кабинете, - сказал он, раскладывая перед камерой карту Ближнего Востока.

- Вот арабский мир, - начал я, широко "шагая" по карте расставленными пальцами. Мне потребовалось какое-то время, чтобы "обойти" 21 арабскую страну. - А вот Израиль, - добавил я, целиком прикрыв его большим пальцем.

Результаты этого незамысловатого показа были поразительны. В течение нескольких месяцев после окончания войны я получил сотни писем с выражением симпатии и поддержки Израилю - со всех концов земли. Во многих письмах говорилось об одном и том же: о шоке, испытанном зрителями Австралии или штата Миннесота, в тот момент, когда я мерил пальцами карту. Увидев на телеэкране констатацию простого географического факта, одна из зрительниц написала мне: "Многие американцы, и я в их числе, имеют очень слабое представление о бурной и опасной жизни в вашем регионе. Внезапно картина прояснилась и, я думаю, не только для меня, но и для многих американцев". В другом интервью мне представилась возможность изложить основные факты, касающиеся сложного положения Израиля, что заставило телезрителя из Великобритании признаться, что услышанное изменило его точку зрения: "Я пошел в библиотеку, чтобы найти литературу по арабо-израильской проблеме, и обнаружил, что мои знания о ней весьма невелики". По мнению другого телезрителя, эти факты представляют собой "впервые услышанное мнение израильской стороны о происходящем. Я начал сочувствовать вам",- пишет он. Эти слова повторялись вновь и вновь по мере того, как приходили все новые и новые письма с откликами./1

Я и раньше отдавал себе отчет в том, что мир недостаточно знаком с жизнью Израиля, но этот поток писем наглядно показал мне, как же мало в разных странах знают о нашем государстве и его борьбе. Мне писали люди, безусловно желавшие Израилю добра, но не знавшие самых простых

фактов - например, того, что арабский мир владеет территорией, в пятьсот раз превышающей площадь еврейского государства. (См. карты 1 и 2). Они не представляли себе, что тот самый Израиль, о котором ежедневно говорят в телевизионных новостях, в ширину имеет протяженность всего 40 миль (включая Западный Берег), что если он будет вынужден лишиться Западного Берега - то расстояние от берега Средиземного моря до восточной границы составит всего лишь 10 миль.

Людям, которые каждый день слышат об Израиле по телевидению, начинает казаться, что наша страна огромна. Они видят ее пейзажи, слышат о ее истории и культуре и представляют себе гигантскую державу. Вопреки общему мнению, это не только результат воздействия телеэкрана. Еще в минувшем веке наставления воскресных школ давали похожий результат. Вот что писал Марк Твен о своем путешествии в Святую Землю в 1869 году: "Мне пришлось прилежно и честно стараться забыть о множестве сведений, когда-то усвоенных относительно Палестины... Я себе представлял все в Палестине гораздо большим. Некоторые из моих представлений были просто дикими. Палестинский мир всегда оставлял у меня неясное впечатление такой же большой страны, как Соединенные Штаты...Мне кажется, причина была в том, что я не мог себе представить, чтобы у маленькой страны была такая огромная история"./2

Подобные представления об Израиле оказались очень живучими. Они относятся не только к географическим реалиям нашей страны. Им сопутствует практически полное отсутствие знаний о политических и исторических обстоятельствах возникновения Государства Израиль, о его усилиях достичь мира с арабскими соседями. Марк Твен хорошо знал библейскую историю и имел представление о положении еврейского народа. К сожалению, этого нельзя сказать о большинстве из тех, кто сегодня формирует общественное мнение об Израиле, как, впрочем, и о тех, кто это мнение усваивает.

Двадцать лет назад, став студентом американского университета после войны Судного Дня, я принялся за сизифов труд: я по сей день пытаюсь закатить на место все увеличивающийся в размерах камень невежества. С каждым годом история возникновения Государства Израиль все дальше уходит из памяти (хотя сведения о ней нетрудно обнаружить в любой библиотеке). Ее представляют в каком-то искаженном свете. Более того, в Соединенных Штатах и других странах Запада наблюдается тенденция использовать не соответствующее истине представление об Израиле для объяснения сложных региональных конфликтов. В массовое сознание внедряется мнение, что напряженность на Ближнем Востоке каким-то образом связана с еврейским государством. Такое мнение опасно по двум причинам: во-первых, оно лишает Израиль жизненно необходимой зарубежной поддержки, и, во-вторых, мешает западным политикам дать трезвую оценку нестабильному положению на Ближнем Востоке, опасную для мира во всем мире.

Эта книга - попытка восстановить в общественном сознании очевидные истины, которые когда-то были известны всем беспристрастным исследователям, занимавшимся этим регионом. Я предпринял попытку сосредоточиться на основных представлениях относительно арабо-израильского конфликта и проанализировать их. Я также попытался перечислить задачи, которые стоят перед Израилем и касаются его положения в мире, внутреннего управления, его взаимоотношений с мировым еврейством. В мою задачу не входило сделать книгу исчерпывающей хроникой событий. Но в то же время это и не мемуары, несмотря на упоминания в книге истории моей семьи - каждая израильская семья на своем примере может поведать историю сионизма, историю движения за образование еврейского государства. Именно поэтому я использовал свой опыт военной службы, работы в правительстве - чтобы помочь читателю понять, почему многие израильтяне придерживаются взглядов, сходных с моими. Может показаться, что эти мои слова могут быть

опровергнуты фактом победы на выборах 1992 года оппозиционной партии Труда над правительством, в котором я работал. Это не так. Дело в том, что различия, разделяющие израильтян в политическом отношении, весьма незначительны по сравнению с тем, что их объединяет. Внимательный читатель обнаружит, что этим политическим разногласиям посвящена лишь небольшая часть книги. Думаю, что по многим вопросам мои взгляды совпадают со взглядами большинства израильтян, независимо от их политических пристрастий.

Я писал эту книгу как израильтянин, который хочет видеть безопасный Израиль, живущий в мире с соседями, но я глубоко убежден, что мира нельзя добиться заклинаниями. Пока он прочно не обоснуется на фундаменте истины, ему придется устраиваться на остриях копий ближневосточной реальности.

Главным оружием арабского мира в его вековой борьбе против Еврейского Национального Очага является искажение истины. В глазах многих людей во всем мире (и даже некоторых израильтян), основные факты этого конфликта затемнены и искажены. Это касается и природы сионизма, справедливости его целей. Это касается и источников неискоренимой враждебности арабов к еврейскому государству, барьеров, которые мешают миру воцариться в этом беспокойном регионе.

Еврейский народ никогда не мирился с клеветой, преследовавшей его на протяжении многих поколений. Но сегодня масштабы этой вековой клеветы, ее влияние и разрушительные последствия превосходят все, бывшее ранее. Я убежден, что со злословием следует покончить, следует приблизить победу истины, чтобы непредубежденные люди сумели отличить неприукрашенную истину от бесконечных нагромождений клеветы.

Победа истины откроет путь к прочному миру между арабами и евреями. Я не сомневаюсь, что такой мир может

быть достигнут. Но необходимо понимать, что для поддержания мирных отношений на Ближнем Востоке потребуются особые условия. В этой книге я попытался разобраться в том, каким мог бы быть этот мир и какие перемены должны быть совершены для его достижения - и перемены в политике Запада по отношению к нашему региону, и в подходе арабского мира к Израилю, и в собственных позициях Израиля.

Мы вступаем в новый исторический период, который таит в себе и угрозу, и надежду. Старый порядок разрушен, а новый далек от стабильности. Решающим фактором выживания маленького народа в эти бурные времена служит его способность управлять собственной судьбой - то, чего еврейский народ был лишен в течение долгих веков изгнания. Восстановить эту способность - основная его задача сегодня.

Никто не знает, какое будущее ждет евреев в XXI веке, но мы должны приложить все усилия, чтобы оно оказалось лучше, чем то, что выпало на их долю в XX веке, в столетии Холокоста. Возрождение Израиля, его развитие и укрепление представляют собой единственную гарантию этого. На карту поставлено не только судьба еврейского народа. С библейских времен взоры цивилизации прикованы к "одиссее евреев". Если после всех трагических странствий еврейский народ построит прочный и надежный дом на своей древней земле, это, безусловно, укажет новые пути всему человечеству.

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение евреев на историческую арену в качестве суверенной нации является беспрецедентным событием в истории человечества. Однако при всей уникальности этого явления, невозможно правильно понять борьбу еврейского народа за создание Государства Израиль вне свойственного всем народам стремления к свободе и независимости. Становление сионистского движения можно осмыслить только в контексте глобальных исторических процессов последних двух веков, в контексте столкновения национальных и имперских устремлений - на фоне противоборства между требованием самоопределения наций и наднациональной коммунистической идеологией. По этой же причине происходящие на наших глазах политические и социальные потрясения конца XX века должны будут оказать глубокое воздействие на будущую судьбу Государства Израиль.

В мировой истории трудно найти пример столь стремительного распада империи, как это произошло с Советским Союзом. Вдребезги разбилась советская мечта о мировом господстве, которое должно было быть достигнуто с помощью жесткого контроля над послушными протекторатами - от Восточной Европы до Латинской Америки. Так же стремительно испарилась и вера в коммунизм как великий организующий принцип мирового порядка и социальной справедливости - принцип, в который верили миллионы людей, одержимых поистине религиозной страстью. Такое двойное крушение величайшей (по размерам) империи и величайшей (по числу приверженцев) "религии" не могло не вызвать мощную политическую реакцию, захлестнувшую все народы и государства.

Неслучайно человечество занято сегодня поиском новых принципов, призванных привнести стабильность в распадающийся мир. Естественным образом этот поиск имеет наибольшее значение для бывших советских республик и для освободившихся стран коммунистического блока. Решения, которые будут найдены в этих странах, окажут самое существенное влияние на прочие народы мира.

В своем стремлении к новому мировому порядку международное сообщество, едва ли не против собственной воли, возвращается назад - туда, где его развитие было столь грубо прервано появлением коммунизма. Под воздействием советского тоталитаризма и порожденной им холодной войны, образовалось нечто вроде ледника, похоронившего под собой нерешенные проблемы XIX века, которые сохранились в состоянии абсолютной консервации, чтобы напомнить о себе, как только оттаял лед. Новая вспышка этнического конфликта на Балканах - наглядное тому свидетельство.

Некоторые наивно полагают, что XIX столетие не было отягчено особенно серьезными проблемами, что после окончательного разгрома Наполеона в 1815 году наступил самый спокойный век за две тысячи лет, прошедших со времени утвержденного римскими легионами Pax Romana. Соперничающие империи разделили между собой мир на сферы влияния, не вступая при этом в разрушительные войны друг с другом и не навлекая нестерпимых бедствий на человечество.

Но за внешним фасадом имперского спокойствия происходило постоянное брожение. Исторически сложившиеся народности, региональные княжества и сохранившиеся со времен средневековья города-государства сливались в нации по всей Европе. Миллионы людей покидали села и переселялись в крупные промышленные центры. Эти процессы продолжают и в наши дни - из Европы они перекинулись в Азию и Африку, подчинив своей динамике весь современный мир.

Подъем национально-освободительных движений во второй четверти XIX века пришел в столкновение с тогдашним мировым порядком. В 1848 году, после недолгой "весны народов", национальные восстания в Европе были безжалостно подавлены. Лишь Первая мировая война, в результате которой развалились крупные империи, положила конец старому миропорядку. Многие нации, освободившиеся из-под имперского господства, выдвинули законные (но часто абсолютно противоречивые) требования, суть которых - право самостоятельно решать свою судьбу.

Поэтому союзным державам, одержавшим победу в Первой мировой войне, пришлось немедленно решать проблемы, связанные с установлением нового мирового порядка. Победители подписали Версальский договор, учредили Лигу Наций и официально провозгласили доктрину президента США Вудро Вильсона о праве наций на самоопределение.

Версальская конференция была первой в долгой череде международных конференций, проходивших с 1919 по 1922 год и призванных подвести итоги мировой войны. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд-Джордж, один из главных архитекторов послевоенного урегулирования, лично участвовал в работе, по меньшей мере, 33-х таких конференций; некоторые даже полагают, что он лишился премьерского поста из-за того, что международная дипломатическая деятельность стала его единственным занятием.

Самыми значительными для судеб еврейского народа были три конференции того периода: Версальская (открылась в январе 1919 года), 1-я Лондонская (апрель 1920) и Севрская (август 1920). Решения, принятые на этих послевоенных конференциях, ради удобства принято называть Версальским пактом.

В ходе Версальской конференции и некоторых последующих международных форумов был выработан определенный, хоть и неполный, план: кому, что и почему нужно дать. Этот план был основан на тезисе президента

Вильсона, согласно которому каждая отдельная национальная группа имеет право на создание собственного государства и самостоятельное решение своей судьбы.

Далеко не всегда на основании этого рецепта можно было сформулировать и реализовать конкретный план. В некоторых случаях, когда представлялось невозможным обеспечить государственную независимость каждой нации того или иного региона, несколько наций объединялись для последующего сосуществования в общем государстве. Такое урегулирование было достигнуто в Югославии и Чехословакии, но это были лишь исключения, подтверждающие общее правило.

В соответствии с принципами Версаля были созданы самостоятельные балтийские государства - Эстония, Латвия и Литва. Равным образом обрели государственную независимость Польша, которая более ста лет была разделена между Россией, Пруссией и Австрией, и Венгрия, бывшая, как и Чехословакия, под властью Австро-Венгерской империи. В тех же решениях предполагалось, что Армения, Грузия и Азербайджан должны быть освобождены от российского владычества. Большой части западной Анатолии, населенной, в основном, греками, предстояло отойти к Греции, Албании была обещана независимость, а Курдистану - автономия. Народы Австралии, Канады и Южной Африки были впервые признаны в качестве суверенных наций. Такое же признание получил еще один народ - евреи/2.

Положение евреев было уникальным, поскольку, в отличие от других народов, они были рассеяны по миру, будучи изгнаны со своей родины много веков назад. Но в начале XX столетия это обстоятельство не помешало цивилизованному миру признать за еврейским народом право на самоопределение. Напротив, трагическая история еврейского изгнания воспринималась как дополнительный аргумент в пользу права евреев на обретение собственного государства, призванного положить конец их скитаниям. Сверх того, в цивилизованном мире утвердилось почти единодушное согласие

относительно того, что еврейская государственность должна быть возрождена на древней родине евреев - в Палестине*, находившейся до 1917 года под властью Османской империи. Таким образом, сионизм удостоился такого же международного признания, как иные национальные движения.

Сейчас, когда лед холодной войны растаял, похороненные под ним принципы Версаля снова выходят на свет. Восстанавливаются полузабытые соглашения (независимость стран Балтии), возвращаются нерешенные проблемы (Балканы и Чехословакия) - как если бы в мире ничего не произошло со времени Первой мировой войны. Иногда кажется, что прошедшие после Версаля бурные десятилетия не оставили никакого следа в европейской истории. Даже провозглашенное и ожидаемое всеми объединение Европы, судя по всему, не приведет к радикальным изменениям в осознании принадлежности к определенной нации.

На наших глазах вновь возрастает значение национализма в качестве главной движущей силы международного развития. Достигнутые в начале века соглашения доказывают свою действенность применительно ко многим национальным конфликтам. Большая часть человечества с признательностью принимает принципы, послужившие основой для этих соглашений.

Но не так обстоит дело с отношением к национальным правам еврейского народа. Многие правительства отвергают

---

* Название "Палестина" происходит от филистимлян, народа мореплавателей, захвативших примерно в XII веке до нашей эры побережье Ханаана вскоре после победы евреев на востоке. Основные владения филистимлян никогда не превышали узенькой полосы побережья между Газой и нынешним Тель-Авивом, а сами филистимляне исчезли как народ под властью Вавилона. Только во времена Римской империи, жаждущей истребить всякое воспоминание о принадлежности этой земли евреям, было придумано название "Палестина", для замены исторического названия "Иудея".

сегодня то, что было принято в Версале в качестве справедливого решения еврейского вопроса. Большинство стран мира признают за евреями право на собственное государство, но при этом они отвергают версальские решения о размерах этого государственного образования. В лучшем случае они готовы оставить евреям клочки первоначального дара.

В Версале евреям было обещано право на создание собственного государства в Палестине, то есть на обоих берегах реки Иордан (карта 3). Эта территория, которую принято называть подмандатной Палестиной, включала в себя нынешние государства Иорданию и Израиль. Именно на этой территории Британия обязалась создать "еврейский национальный дом".

Сегодня многие утверждают, что евреи не заслуживают и 20% этой территории (т.е. нынешнего Израиля, включая Иудею, Самарию и Газу) и требуют, чтобы еврейский народ удовлетворялся 15% первоначальной подмандатной территории (т.е. Израиль в пределах "зеленой черты"). Такое урегулирование оставит евреев с государством, ширина которого - всего 15 км. Перенаселенные израильские города будут тесниться вдоль узкой полосы на побережье Средиземного моря в то время, как арабы будут взирать на них с господствующих высот Самарийского хребта и Иудейского нагорья.

От обещанного в Версале маленького, но жизнеспособного государства, могущего принять 15 миллионов евреев и обеспечить надлежащие условия для проживания их потомкам, останется жалкое приморское гетто.

Какая странная метаморфоза! Версаль обещал еврейскому народу национальный дом на исторической родине, на территории, в пять раз большей, нежели площадь нынешнего Государства Израиль (включая Иудею, Самарию и Газу). Это обещание было дано вследствие однозначного международного признания права евреев на возвращение в землю, из которой они были насильственно изгнаны много веков назад. Правомочность еврейских претензий подкреп-

лялась признанием тех огромных страданий, которые довелось пережить изгнанникам и их далеким потомкам.

Никто так отчетливо не выразил понимание связи между изгнанием евреев из Эрец-Исраэль и их последующими муками, как лорд Байрон в своих меланхолических "Еврейских мелодиях" - и в Версале весь мир разделил его чувства. И вот сегодня - после Версаля, после беспрецедентного нацистского геноцида, после пяти войн, развязанных арабами с целью уничтожить Государство Израиль, - после всего этого еврейскому народу говорят, что и пятой части обещанной территории ему слишком много. Хуже того, ему говорят, что желание иметь страну не в 15, а в 65 км шириной есть доказательство его экспансионизма, агрессивности и неразумия.

Как могло случиться, что сионизм, который пользовался всеобщим расположением в начале столетия, стал подвергаться постоянным нападкам в конце века? Как могло случиться, что движение, с таким энтузиазмом поддержанное ведущими государственными деятелями мира - такими, как Вудро Вильсон, Дэвид Ллойд-Джордж, Жорж Клемансо и Томаш Масарик - ныне оказалось под огнем критики и под прессом сильнейшего международного давления? Как могло случиться, что само слово сионизм, о солидарности с которым заявляли с равной гордостью как евреи, так и христиане, приобрело оттенок столь негативный, или, по меньшей мере, подозрительный?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны проследить за тем, как происходил удивительный подъем сионизма, поддержанный крупнейшими державами мира, и как, впоследствии, эти самые державы предали еврейское национальное движение в угоду собственным интересам.

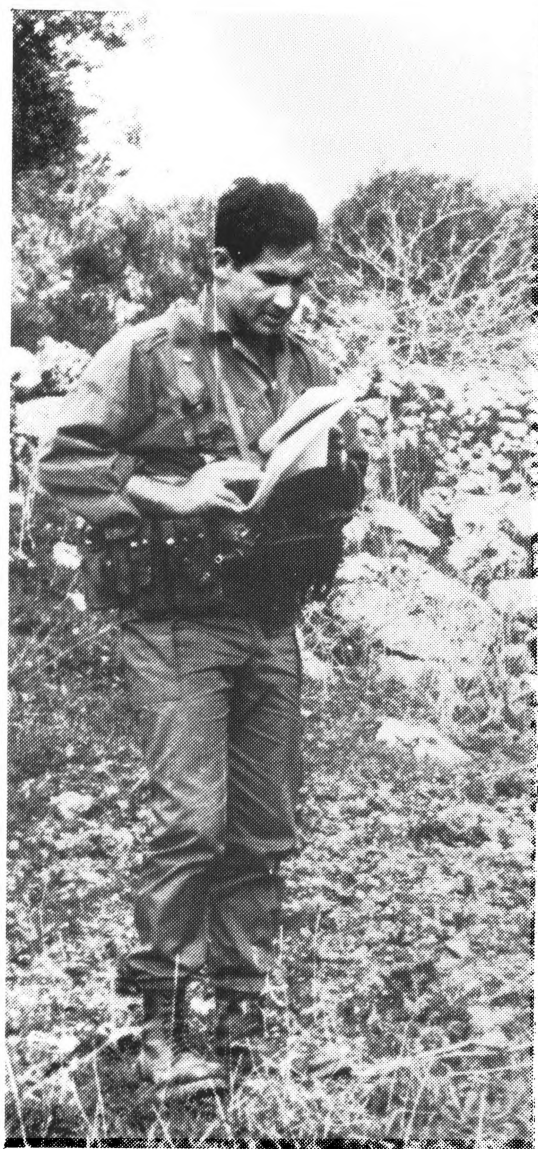
Итак, по определению профессора Бернарда Льюиса "Официальное принятие названия "Палестина" римлянами, дабы обозначить территорию бывшего государства Иудея, восходит ко времени крупного еврейского восстания под предводительством Бар-Кохбы в 135 году нашей эры. Кажется,

само название "Иудея" было уничтожено и страна была переименована в Палестину, или Сирийскую Палестину с целью стереть память о ее исторической еврейской принадлежности.

Когда само это римское название исчезло с этой земли после мусульманского завоевания, христианские картографы сохранили его в своих собственных странах, и именно они завещали его союзным державам на переговорах в Версале и обитателям этой земли, которые приняли его после установления британского господства.

По словам профессора Льюиса "в начале двадцатого столетия, в силу преобладания европейского влияния название "Палестина" стало употребляться даже в самой стране (т.е. Палестине). Однако употребляли его в основном христиане и небольшая группа европеизированных мусульман. Оно не употреблялось официально и не имело определенной территориальной принадлежности до того момента, как его приняли британцы для обозначения региона, завоеванного ими в конце первой мировой войны". Таким образом, до двадцатого столетия название "Палестина" относилось исключительно к бывшей земле евреев - подобно названиям Иудея, Сион и Израиль. Никогда не было доказано, что там жил некий "палестинский народ", отличный от евреев. Арабы, жившие там, назывались арабами, совсем как армяне, турки, друзы и черкесы. В отличие от евреев, которые называли эту землю "Эрец-Исраэль" (Земля Израиля) и смотрели на нее, как на свой национальный очаг, все эти народы считали, что живут в "Южной Сирии".

Глава первая

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СИОНИЗМА

Осенью 1895 года парижский корреспондент влиятельной венской газеты "Нойе Фрайе Прессе" Теодор Герцль обратился за советом к своему другу, известному писателю Максу Нордау. Герцлю хотелось узнать, как оценивает Нордау его тезис о том, что евреи в Европе находятся перед лицом небывалой опасности, источник которой - расовый антисемитизм нового типа.

Герцль предвидел, что осознание грядущей опасности подтолкнет многих евреев к вступлению в ряды коммунистических группировок, а это, в свою очередь, обеспечит антисемитам новые козыри. Подобное развитие событий, полагал он, может привести к катастрофе не только евреев, но и Европы в целом. Единственным выходом могло стать немедленное создание еврейского государства и переселение в него преследуемых евреев.

Герцль не скрывал от своего друга, что еврейское сообщество воспринимает его идеи с глубоким скептицизмом. Один из знакомых Герцля посоветовал ему рассказать о своих планах Нордау, который был психиатром.

"Шифф утверждает, что я сошел с ума", - сказал Герцль, предупреждая очевидный вопрос. Нордау повернулся к своему другу и сказал: "Если ты сумасшедший, то и я тоже. Ты можешь на меня рассчитывать"/1.

Союз Герцля и Нордау был весьма плодотворен: два еврейских интеллектуала, сочетающих преданность своему народу с глубоким европейским образованием; пророческий гений вкупе с прагматическими усилиями - вот что лежало в основе сионизма, движения, которому было суждено совершить подлинную революцию в современной еврейской истории. Для обоих этих людей гора Сион, расположенная в центре Иерусалима, символизировала восстановление еврейского государства, призванного обеспечить убежище и новую жизнь рассеянному народу.

Сионизму Герцля предшествовало многое: от вековой еврейской мечты о возвращении на родину предков до поисков путей национального спасения, предпринятых рабби Йегудой Алкалаем в Сербии в 40-х годах XIX века и рабби Цви-Гиршем Калишером в Польше в 60-х. Предшественником Герцля был также секулярный мыслитель Моше Гесс, который одно время рассчитывал на коммунистическое переустройство общества, которое и решит еврейскую проблему в Европе (кстати, именно Гесс приобщил к коммунизму своего неблагодарного ученика Карла Маркса). В конечном счете Моше Гесс отказался от коммунистического прожектерства в пользу идеи восстановления еврейской государственности/2.

Среди непосредственных предшественников Герцля следует особо выделить М. Л. Лилиенблюма и Л. Пинскера, руководителей еврейского национального движения, возникшего в 80-х годах XIX века в России. В кратком, но основательном трактате Лео Пинскера "Автоэмансипация", изданном в 1882 году, через год после прокатившейся по России волны погромов, были затронуты основные темы, развитые позже Герцлем. Трактат Пинскера пробудил спящее национальное сознание значительной части российского еврейства, что вдохнуло новую жизнь в "Палестинофильское движение", начавшееся с тонкой струйки репатриации в 1880 году. Герцль не читал брошюру Пинскера до того, как написал "Еврейское государство" в

в 1896 году, но независимо от ее автора он пришел к точно таким же выводам - подобно тому, как в XVII столетии Лейбниц и Ньютон разработали систему интегрального исчисления, не зная работ друг друга. Равным образом Герцль не знал в начале своего пути, что в еврейских общинах Восточной Европы уже созрела благоприятная атмосфера для восприятия его идей. Когда идеи Герцля уже распространились по еврейскому миру, ему удалось познакомиться и с этим восточноевропейским движением.

Теодор Герцль не был похож на прежних еврейских идеалистов, грезивших о возвращении в Сион. Герцля подтолкнул к действию инспирированный антисемитами процесс Дрейфуса в Париже (в 1894 году он освещал его в качестве корреспондента "Нойе Фрайе Прессе"); вскоре он сумел представить реальную программу решения конкретной проблемы. Герцль предложил серию практических шагов, направленных на создание национального государства в Палестине, которому надлежало стать убежищем и родным домом для миллионов евреев, чья жизнь в Европе, как хорошо понимал Герцль, стремительно приближалась к катастрофическому концу.

Герцль искал понимания ведущих мировых держав, чтобы добиться их содействия в организации еврейского автономного образования в Палестине, защищенного собственными военными формированиями. Он стремился вовлечь в дело еврейских финансистов и стал основателем Еврейского колониального треста (на основе которого был создан впоследствии израильский банк Леуми) и Еврейского национального фонда (Керен кайемент) - для выкупа земель и организации поселенчества в Эрец-Исраэль.

Именно политическая форма, приданная Герцлем вековой еврейской мечте о возвращении в Сион, разжигала воображение миллионов евреев и неевреев по всему миру. Одним из бесконечного множества людей, вдохновленных дерзкими идеями Герцля, был мой дед рабби Натан Милейковский, который обратился к сионизму еще в

молодости, в 90-х годах прошлого века. Рабби Натан стал одним из самых заметных ораторов, распространявших новое учение от Сибири до Миннесоты. Позднее, в 1920 году, он исполнил то, к чему призывал других, добравшись из Триеста в Хайфу, перевезя всю свою семью в Палестину. У меня хранится фотография, на которой Натан Милейковский запечатлен в качестве участника 8-го Сионистского конгресса в Гааге.

Фотография датирована 1907 годом - конгресс был созван уже после безвременной кончины Герцля. Для моего деда, которому тогда было всего 27 лет, это был первый конгресс. Но он был не первым для Хаима Вейцмана, которому было суждено возглавить Всемирную сионистскую организацию, а затем стать первым президентом Израиля; не первым - для одаренного литератора и публициста Владимира Жаботинского, ставшего позже лидером ревизионистского направления в сионизме и возглавившего борьбу с британскими властями, которые препятствовали провозглашению независимости Израиля. В течение последующих трех десятилетий в столкновениях двух этих людей будут определяться судьбы сионистского движения. Но в 1907 году они еще были единомышленниками почти по всем актуальным вопросам. Конгресс собрал не только политических активистов - в его работе принимал активное участие Хаим-Нахман Бялик, величайший еврейский поэт нового времени.

Блеск и мощь идей Герцля были столь очевидны, что очень скоро его поддержали ведущие еврейские писатели, ученые и художники Европы. Сионизм обрел пламенных сторонников во всех культурных нациях, во всех европейских правительствах.

Политический сионизм указал реальный путь к обретению государственной независимости и побудил десятки тысяч евреев переселиться на покинутую, разоренную родину. Сначала Герцль нашел большую поддержку среди неевреев, нежели в своем народе. Ему удалось, например,

добиться аудиенции у германского кайзера Вильгельма II (сегодня частному лицу - иностранцу было бы проще добиться приема у лидера Китая).

Секрет Герцля состоял в том, что он стал первым евреем новейшего времени, открывшим для себя искусство политики и научившимся использовать общность интересов. Кайзеру он представил сионизм как движение, которое не только отвлечет энергию молодых германских радикалов, но и создаст в самом сердце Ближнего Востока еврейский протекторат, дружественно расположенный по отношению к Германии. Таким образом, для кайзера откроется дорога в Индию. Герцль добивался германского покровительства, подчеркивая ту выгоду, которую Берлин сможет извлечь из сотрудничества с сионизмом, но кайзер был заинтересован также и в том, чтобы избавить свою страну от большей части "ростовщиков".

Снова прибегнув к использованию эгоистических интересов сильных мира сего, Герцль добился еще одной, совершенно немислимой аудиенции - на этот раз у султана Османской империи, в Константинополе в мае 1901 года. Напомнив султану историю об Андрокле, который вытащил из лапы льва мешавшую тому колючку, Герцль сказал увязшему в долгах властелину:

"Вы, ваше величество, - лев, а я, возможно, Андрокл, и, быть может, есть колючка, которую надо вытащить. Колючка, как я понимаю, - это ваши долги". И эту колючку Герцль предложил вытащить с помощью крупных еврейских банкиров/3.

Тот интерес, который мировые лидеры очень скоро проявили по отношению к едва созревшему плану Герцля, доказывает успех его тактики и мощь его яркой индивидуальности. К октябрю 1898 года, спустя всего лишь год после того, как сионизм впервые заявил о себе на 1-ом конгрессе в Базеле, Герцль успел уже дважды встретиться с кайзером Вильгельмом. Внимание, оказанное Герцлю при дворах ведущих европейских держав, никоим образом не

ослепило национального лидера, который прекрасно понимал, что его главная задача - привлечь на сторону сионизма самих евреев. После Макса Нордау самым крупным его союзником среди еврейских интеллектуалов стал известный английский писатель Израэль Зангвиль, который использовал весь свой талант и влияние для пропаганды идей сионизма в Британии, могущественнейшей державе мира начала XX столетия. Однако самая пылкая, самая обнадеживающая поддержка исходила не из уютных еврейских салонов в Центральной и Западной Европе, а из Польши и России, где многомиллионные еврейские массы владели жалкое нищенское существование. Нарождавшаяся еврейская интеллигенция этих стран с энтузиазмом восприняла идеи сионизма, сулившие евреям новые горизонты за стенами гетто и незримыми границами черты оседлости.

Герцль начал свою общественную деятельность, когда ему было 36 лет. Он умер всего лишь восемь лет спустя, в возрасте 44 лет. Но за этот недолгий срок он совершил настоящую революцию, не имевшую аналогов в истории еврейского народа. Сила его предвидения была сродни пророческому гению, и в течение пяти последующих десятилетий пророчества Герцля полностью подтвердились - как небывалыми ужасами Катастрофы, так и полным триумфом его идей. Отдельные очаги антисемитизма слились в огромный пожар, который уничтожил тысячелетние еврейские общины в Европе, а вслед за тем еврейский народ восстановил свою национальную независимость в Государстве Израиль.

Почему мировая общественность с такой готовностью восприняла новаторские идеи Герцля?

В начале XX столетия широкая поддержка сионизма в ведущих странах мира была результатом нового отношения к евреям, начало которому положили принципы эпохи Просвещения - признание естественных прав и личной свободы каждого человека. Многие мыслители Просвещения

(самым заметным исключением был, пожалуй, Вольтер) полагали, что евреи были безвинно осуждены христианским миром на страдания и несправедливость. Следовательно, еврейский народ имел право вновь обрести достойное и равное место среди прочих наций. Жан-Жак Руссо, автор множества самых лучших и самых худших идей Просвещения, чрезвычайно точным образом описал уникальное положение евреев в мире:

"Евреи являют собой поразительный пример - законы Нумы, Ликурга и Солона умерли, тогда как гораздо более древние заветы Моисея живы до сих пор. Афины, Спарта и Рим погибли - населявшие их народы исчезли с лица земли; Сион, хотя и разрушенный, не растерял своих детей. Они живут среди всех наций, но не затерялись в них; у них давно уже нет вождей, однако они остались народом; у них давно уже нет государства, однако они остались гражданами"/4.

Сначала решение еврейской проблемы представлялось очевидным. Евреям должно быть даровано гражданское и религиозное равноправие в тех странах, где они проживают. В Америке, где новое общество создавалось на основе идей Просвещения, Томас Джефферсон писал, что он "счастлив быть свидетелем восстановления евреев в гражданских правах"/5. Аналогичный прогресс можно было отметить тогда и в Европе. Казалось, что еврейская проблема стоит на пороге благополучного разрешения.

Так ли обстояло дело в действительности?

Руссо, сочетавший революционный дух с глубоким скептицизмом, одним из первых выразил сомнения по этому поводу. Он не был уверен, что евреи, несущие на своих плечах тяжкий груз "тиранических преследований", будут способны воспринять новые свободы, провозглашенные европейским Просвещением, включая самую основную - свободу слова:

"Я никогда не поверю в серьезность аргументации евреев, пока они не получат свободное государство, школы и университеты (свои собственные), где будут разговаривать и вести споры без опаски. Только тогда мы сможем узнать, что же они хотят сказать на самом деле"/6.

И здесь Руссо оказался первым, кто понял зависимость личной свободы от национальной. В нашем столетии, породившем самые разнообразные диктаторские режимы, многие склонны думать (я полагаю, они ошибаются), что национальная свобода может прекрасно существовать без индивидуальной свободы граждан/7.

Но Руссо исходил из прямо противоположного убеждения: евреи никогда не смогут быть по-настоящему свободными в качестве отдельных индивидуумов, если у них не будет собственного независимого государства.

Позже эта идея была развита и дополнена сионистами, которые утверждали, что евреи не добьются подлинного равенства в странах рассеяния, пока у них не будет собственного государства. Если же такое государство будет создано, то даже те, кто предпочтут остаться за его пределами, избавятся от мучительного комплекса неполноценности и обретут естественное чувство национальной принадлежности. У них появится дом, двери которого будут для них всегда открыты, - подобно тому, как Ирландия является национальным домом для американских ирландцев, Италия - для итальянцев, Китай - для китайцев.

Но дело в том, и это было очевидно для великих мыслителей Просвещения, что у евреев нет такой родины, куда они могли бы вернуться. С предельной ясностью выразил это Байрон в своих "Еврейских мелодиях":

У дикого голубя есть гнездо,
У лисицы - нора, у человека - отчизна,
У Израиля - только могила/8!

Сначала медленно, а затем все быстрее стала проникать в умы идея, что гражданское равноправие в странах рассеяния есть необходимое, но недостаточное условие для решения еврейской проблемы. Только национальное возрождение на древней родине Израиля способно вернуть нормальную жизнь не только еврейскому народу в целом, но и каждой отдельной личности. Именно так подходил к этому вопросу Руссо.

Президент США Джон Адамс заметил в связи с этим:

"Я действительно хочу, чтобы еврейский народ вернулся в Иудею в качестве независимой нации, ибо я верю, что как только евреи восстановят независимость в вопросах правления и освободятся от угнетения, они очень скоро избавятся от некоторых неприятных особенностей своего характера"/9.

Необходимость восстановления еврейской государственности в Эрец-Исраэль была признана Наполеоном, который, судя по всему, понимал, что предоставление гражданского равноправия евреям во Франции не сможет заменить национального возрождения. В 1799 году, когда его армия стояла в 40 км от Иерусалима, он провозгласил:

"Пробудитесь, сыны Израиля! Настал момент (...) заявить ваши права на политическое существование, как нация среди наций!"/10

В XIX столетии симпатии к евреям стали ощутимы в Соединенных Штатах и Великобритании. Западные путешественники стали все чаще посещать Святую Землю. Постепенно увеличивались масштабы еврейской репатриации в Эрец-Исраэль, появились первые конкретные планы поселенческой деятельности - все это способствовало популярности идеи национального возрождения Израиля. Перспектива возвращения евреев на историческую родину привлекла внимание великих умов Запада - так же, как романтика ожившего греческого национализма вызвала

восторженное отношение Байрона, а освободительное движение в Италии очаровало многих выдающихся европейцев. Так, например, лорд Шефтсбери писал в 1838 году:

"Я с волнением слежу за чаяниями и судьбой еврейского народа... Все готово для его возвращения в Палестину... Врожденная жизнеспособность еврейской расы подтверждается с потрясающим постоянством, но великое возрождение может произойти только на Святой Земле"/11.

В 1840 году британский министр иностранных дел лорд Палмерстон предложил евреям покровительство в Эрец-Исраэль, взяв на себя задачу убедить турецкого султана в том, что ему будет только на пользу, если "евреи, рассеянные практически, по всем странам Европы и Африки, приедут и осядут в Палестине"/12. Лорд Линдсей также писал в 1847 году, что "еврейская раса, столь удивительным образом сохранившаяся, может вступить в совершенно новую стадию национального существования, которая открывается для нее ныне, евреи могут вновь овладеть своей родной землей"/13.

В 1845 году сэр Джордж Гаулер, губернатор Южной Австралии и основатель Палестинского колонизационного фонда, призвал "вернуть на фермы и поля Палестины энергичный народ, чья горячая любовь возродит эту землю"/14.

В поддержку еврейского национального возрождения выступали самые влиятельные государственные деятели Великобритании; помимо Палмерстона и Шефтсбери, нужно назвать Дизраэли, лорда Солсбери и лорда Манчестера. В США целый ряд президентов, сменявших друг друга, высказывали свое сочувствие сионистским устремлениям. Ограничимся упоминанием Уильяма Маккинли, Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта/15.

Итак, уже в XIX столетии сионизм пользовался самым широким расположением в нееврейском мире, и ему оказывалась всемерная поддержка со стороны самых влиятельных политических сил. Это обстоятельство нашло отражение в литературе того времени: во многих произведениях высказывались пророческие идеи, позднее подхваченные и развитые сионистским движением.

В 1876 году великая английская писательница Джордж Элиот следующим образом предсказала возрождение Израиля в своей известной новелле "Даниэль Деронда":

"У нас достаточно мудрости, чтобы создать новое еврейское сообщество, величественное, простое, справедливое, сходное с тем, что было издревле; республику, где все будут находиться под равным покровительством - подобно тому, как древнее равенство, царившее в нашем сообществе, звездой сияло среди деспотических монархий Востока, и сияние это было ярче света западной свободы... Сообщество, которое мы создадим на Востоке, впитает в себя культуру всех великих наций, и тем самым удостоится их сочувствия"/16.

В это гуманистическое течение вливается другой, не менее важный поток, который берет начало в прошлом столетии - христианский сионизм. Сторонники этого движения верили в то, что духовному возрождению человечества должно предшествовать возвращение еврейских изгнанников на Святую Землю, как это предсказано в Библии. Как евреям, так и христианам сионизм представлялся осуществлением древних библейских обетований. "И вознесет знамя народам, и соберет отторженных Израиля, и изгнанников Иудеи созовет от четырех концов земли", - пророчествовал Исайя. "Кто рассеял Израиль, Тот и соберет его", - обещал Иеремия. "И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу", - предсказывал Иезекииль/17.

Христианские духовные деятели привнесли актуальный смысл в эти библейские стихи - по крайней мере за полвека до появления политического сионизма. Уже в 1814 году нью-йоркский пастор по имени Джон Макдональд напечатал знаменитую проповедь, где доказывал (в соответствии с провидением пророка Исаяи), что главную роль в возвращении евреев на Святую Землю должно сыграть молодое американское государство. "Поднимайтесь посланцы Америки, - призывал пастор, - и готовьтесь нести радостную весть и спасение народу Спасителя вашего, пребывающему в унижении (...) дабы послали они сынов своих в этот Небом благословенный поход, положив на него все силы свои"./18.

В 1821 году миссионер Леви Парсонс доказывал: "В сердце каждого еврея живет страстное желание обитать на земле, дарованной их отцам... Если рухнет Османская империя, то лишь чудо сможет помешать немедленному возвращению евреев в Палестину, хоть и рассеяны они ныне по всем концам земли". И по мере того, как увеличивалось еврейское население в Иерусалиме, Цфате и Хевроне, по мере того, как рос международный интерес к сионизму, все более вероятным казалось, что этим пророчествам суждено сбыться.

В 1848 году, за пятьдесят лет до 1-го Сионистского конгресса, мормонский лидер Орсон Хайд уже мог сказать: "Мечты евреев о возвращении в Палестину обретают плоть... Великое колесо сдвинулось с мертвой точки, в этом нет более никакого сомнения, и сам Господь определил этому колесу вращаться вокруг своей оси".

В христианском мире нашлись люди, готовые помочь колесу вращаться. В 1844 году Уордер Крессон стал американским консулом в Иерусалиме. Крессон рассчитывал обратить в христианство иерусалимских евреев, но вместо этого он основал еврейское поселение в долине Рефаим близ Иерусалима, опираясь на поддержку христианско-еврейской ассоциации в Англии. Полвека спустя христианский сионизм уже обрел значительную силу.

В 1881 году, после того, как погромы в Восточной Европе привели к массовой еврейской эмиграции, американскому евангелисту Уильяму Юджину Блекстоуну удалось собрать подписи 400 известных американцев - включая Дж. Д. Рокфеллера, Дж. П. Моргана, ведущих конгрессменов и редакторов газет - под петицией президенту Бенджамину Харрисону, в которой предлагалось содействовать возвращению еврейского народа в Палестину.

"Более семнадцати веков евреи терпеливо ожидали этого благоприятного случая, - писал Блекстоун. - Вернем же их на землю, с которой они были безжалостно изгнаны"/19. Блекстоуну была настолько дорога эта идея, что, когда стала обсуждаться возможность создания еврейского государства в Уганде, он послал Теодору Герцлю экземпляр Ветхого Завета, где подчеркнул пророческие строки о возвращении евреев на землю Израиля.

* * *

Подъем христианского сионизма совпал по времени с появлением нового секулярного движения в нееврейском мире - речь идет о возрастании интереса к научному изучению библейского наследия. На протяжении всего XIX столетия новые методы археологии, филологии и дешифровки древних текстов использовались в Мессопотамии и других районах Ближнего Востока. Но библейская земля была особенно притягательным объектом исследований. Являются библейские сказания историческим свидетельством, или вымыслом? Действительно ли существовали упомянутые в Библии поселения и города? Где именно они находились? Что можно узнать, если провести на этих местах археологические раскопки?

Научные усилия по изучению Палестины приобрели международный размах. Дорогу проложили талантливые первопроходцы, каждый из которых использовал достижения своих предшественников: американец Эдвард Робин-

сон (проводил изыскания в 1837 - 38 годах и потом в 1845 - 47), немец Титус Тоблер (1845-46), француз А.В. Герен (1852-75) и англичанин Клод Кондер (1872-77). Американский археолог Джонс Блисс, который вел раскопки в Палестине в 90-х годах прошлого века, следующим образом резюмировал основные достижения вышеупомянутых исследователей:

"В работе четырех этих ученых прослеживается несомненный прогресс. Робинсон установил точные принципы научных исследований библейского материала в Палестине. Тоблер разработал их более тщательно, но все еще не вышел за пределы довольно ограниченного географического пространства. Герен стремился с тем же тщанием исследовать весь регион - Иудею, Самарию, Галилею* - но дело затруднялось тем, что он работал в

---

* Поскольку Блисс и его современники писали в конце прошлого века, для обозначения центрального горного кряжа Эрец-Исраэль они употребляли древние названия Иудея и Самария, а не "Западный берег". Само это выражение было придумано и вошло в международный обиход только после завоевания Иудеи и Самарии Иорданией в 1948 году. Король Абдалла назвал оккупированную им территорию "Западным берегом", чтобы изгладить из памяти человечества историческую связь этой земли с еврейским народом - точно так же, как двумя тысячелетиями ранее римляне попытались добиться аналогичной цели, переименовав захваченную ими Иудею в Палестину. Используя термин "Западный берег", король Абдалла желал установить ассоциативную связь между оккупированной частью Эрец-Исраэль и его собственным государством, расположенным на восточном берегу реки Иордан. Столь же привычно и без всякого политического подтекста употребляли названия Иудея и Самария такие путешественники, как Марк Твен и картограф Артур Пенхрин Стэнли; название Иудея неизменно использовали такие политические деятели, как президент Джон Адамс и лорд Роберт Сесил). Мнение о том, что именно Израиль политизирует географию, используя исторические названия Иудея и Самария, представляет собой одно из тех характерных извращений истины, которыми изобилует арабская пропаганда.

в одиночку и был ограничен в средствах. Кондер, возглавивший научную экспедицию, оснастил ее великолепным оборудованием и собрал необходимое количество людей, поэтому ему удалось заполнить многочисленные топографические пробелы, оставленные его предшественниками"/20.

К этим исследователям примыкают сэр Чарльз Вильсон и сэр Чарльз Уоррен, которые внесли значительный вклад в археологическое изучение Иерусалима; Шарль Клермон-Гано (определил местоположение библейского города Гезер); Флиндерс Петри (создал систему датировки археологических объектов на основании анализа керамики).

Многие европейские правительства поощряли подобные устремления своих ученых, поскольку под эгидой научных изысканий можно было исследовать вопрос о том, какие военные и политические выгоды сулит в будущем эта земля. Особое рвение в изучении Палестины проявляло правительство Великобритании.

22 июня 1865 года, под покровительством королевы Виктории, целый ряд государственных деятелей, ученых и духовных лиц учредили Палестинский исследовательский фонд (ПИФ), который оказал решающее влияние на формирование общественного отношения к Палестине - как в Британии, так и в других странах. Именно этот фонд руководил работой многих исследователей, упомянутых выше, но, несомненно, самым внушительным его предприятием стала экспедиция Кондера, которой удалось провести грандиозные раскопки в западной части Эрец-Исраэль.

При помощи своих талантливых подчиненных (в экспедиции, в частности, принимал участие лейтенант Горацио Герберт Китченер, позднее лорд Китченер, герой Хартума и Первой мировой войны) Кондер составил первую современную карту страны - от реки Иордан до Средиземного моря и от Ливана до Синая. В сознании миллионов людей эта земля была окутана мифическим

ореолом, и сбросить его помогло научное исследование. Палестина, которая до тех пор была легендарной библейской страной, теперь вновь стала конкретной и реальной. Иерусалим находился теперь не на небе, а твердо стоял на земле. То же самое произошло и с Бейт-Лехемом (Вифлеемом), Назаретом, Хевроном и Яффой. Пусть эти города обнищали и обезлюдели - им вовсе не обязательно было оставаться такими.

Изучая эту землю, ее климат и историю ее разорения, многие исследователи пришли к выводу о том, что бывшее благоденствие может вернуться в Палестину - при условии, что сюда позволят вернуться евреям. В 1875 году археолог и исследователь сэра Чарльз Уоррен опубликовал книгу "Земля обетованная", где выдвинул идею британской колонизации Палестины, целью которой должно было стать "содействие возвращению евреев на их древнюю родину". Для Уоррена было очевидно, что эта земля может принять евреев. Поэтому он без колебаний заявил:

"Израиль должен обрести свою собственную землю...

Но нужно еще добиться общественного признания этого факта, равно как и восстановления, в целом или частично, еврейской национальной жизни под покровительством одной или нескольких великих держав"/21.

Равным образом, Клод Кондер прекрасно понимал, что нет другого народа, который приступил бы с энтузиазмом и энергией к возрождению Палестины. При этом ему было вполне очевидно, что энтузиазма и энергии евреев хватит для того, чтобы вернуть жизнь этой разоренной и запущенной земле. Итак, и для евреев, и для неевреев сионистские чаяния стали вполне осязаемыми и реальными, благодаря научным изысканиям XIX века.

Научный энтузиазм породил практические планы обустройства: например, сэра Лоуренс Олифант в 1879 году предложил поселить евреев в Гиладе, на восточном берегу реки

Иордан, и этот проект получил поддержку премьер-министра Британии, британского и французского министерств иностранных дел, а также принца Уэльского./122

В 1898-м, после ста лет религиозных и научных изысканий, посвященных этой земле, Эдвин Шервин Уоллес, американский консул в Палестине, выразил мнение, которое все более и более распространялось в западном мире:

"Израилю нужен дом, земля, которую, он сможет назвать своей; город, где он сможет обрести спасение. Ничего этого он сейчас не имеет. Нынешний дом его - среди чужих людей, шалаш скитальца. Земля, на которой он живет, ему не принадлежит... Надежды Израиля обрести родину могут осуществиться только в Палестине". И он заключает: "Я верю, что недалеко то время, когда Палестина будет в руках народа, который вернет ей ее прежнее процветание. Земля ждет, люди готовы вернуться домой, и они вернуться, как только получают гарантию защиты их жизни и имущества"./123

Литературные произведения, филантропические мероприятия, увещевания и научные исследования нееврейских сионистов - как религиозных, так и атеистов - оказали непосредственное влияние на образ мыслей таких выдающихся государственных деятелей начала столетия, как Дэвид Ллойд-Джордж, Артур Бальфур и Вудро Вильсон. Это были широко образованные люди, и они близко к сердцу принимали разорение Палестины и трагическую историю евреев.

"Я больше всего желаю, - писал Бальфур, - найти хоть какие-нибудь средства, при помощи которых можно было бы положить конец нынешнему бедственному положению столь значительной части еврейского народа"/24.

Итак, именно нееврейский сионизм западных государственных деятелей помог еврейскому сионизму добиться

осуществления поставленной цели - политического возрождения Израиля.

Но был еще один фактор, убеждавший западных лидеров в справедливости сионистских устремлений; фактор, более важный, чем библейское наследие, научное изучение Эрец-Исраэль и сочувствие трагической судьбе евреев в изгнании. Люди, собравшиеся в Версале, были прежде всего политиками и к вопросу о возрождении еврейского государства они подходили, опираясь на политическую концепцию о праве наций на самоопределение - точно так же, как они подходили к разрешению иных национальных проблем. Именно на этом основании и могли успешно апеллировать к ним еврейские сионисты.

В самом деле, лидеры сионизма, начиная с Теодора Герцля, проявляли готовность сотрудничать с ведущими политическими деятелями своего времени. Это сотрудничество в некоторых случаях имело давнюю историю; задолго до своего избрания на пост премьер-министра Великобритании Ллойд - Джордж состоял при Герцле в качестве адвоката, представляя сионистское движение на Британских островах, и именно от него исходило предложение учредить в Палестине британский протекторат/24.

Герцль, Нордау и их последователи понимали, что если сионизм намеревается осуществить необычайно трудную задачу собирания рассеянной нации в далеком и заброшенном углу на краю Азии, то он должен заручиться широкой международной поддержкой своих целей и принципов.

Сионисты утверждали, что евреи могут восстановить свое государство в Эрец-Исраэль, и европейские лидеры согласились с этим утверждением, хотя им было известно, что такое восстановление погибшего государства не имеет аналогов в мировой истории. Они знали также, что сионистское движение может столкнуться с сопротивлением со стороны местного арабского населения.

В начале XX века общественное мнение без колебаний склонилось на сторону евреев.

* * *

Почему так получилось? Ныне арабы утверждают, что в период проведения Версальской конференции у евреев не было политических прав на Эрец-Исраэль, и только арабские жители этой земли располагали такими правами. Следовательно, "первородный грех" международного сообщества, поддержавшего сионистские устремления, арабская пропаганда относит не к 1948 году (когда было основано Государство Израиль) и не к 1967-му (когда Израиль установил свой контроль над Иудеей, Самарией и Газой), а к 1917-му, когда британское правительство выступило с Декларацией Бальфура, гарантирующей евреям право на создание "национального очага" в Палестине.

Совершенно очевидно, что в начале XX века лидеры мировых держав относились к этой проблеме совершенно иначе. Они полагали, что еврейский народ обладает особыми историческими и политическими правами на Эрец-Исраэль - правами, превосходящими по своему значению любые возможные претензии местных жителей.

Каковы источники этой позиции, признающей за евреями историческое право на Эрец-Исраэль? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть само понятие исторического права, хотя бы в общих чертах/25.

Многие полагают, что теоретические дискуссии о правах наций совершенно бессмысленны, поскольку на практике границы государств определяются в столкновении враждующих сил, а национальные конфликты разрешаются, в конечном счете, в соответствии с простым правилом: побеждает сильнейший. Это верно до некоторой степени, однако данная проблема имеет не только эмпирический, но и нравственный аспект. Кроме того, если это верно, то правым надлежит считать последнего завоевателя, и в таком

случае Израиль законно и по праву владеет этой землей.

Однако не только эмпирическими критериями следует руководствоваться в отношении к еврейскому национальному возрождению. Если, как сказал Уинстон Черчилль в 1922 году, "евреи живут в Палестине не по милости, но по праву"/26, то необходимо представить ту моральную основу, на которой зиждется еврейское государство.

В вопросе о еврейских притязаниях на Эрец-Исраэль главным поводом для споров является следующая проблема: имеет ли право народ, утративший свою землю много веков назад, требовать ее возвращения после смены стольких поколений? И могут ли иметь законную силу исторические права такого рода, если в течение истекших столетий утраченная земля была заселена другим народом? Арабы и их сторонники неизменно выступают с двумя этими вопросами, и на оба вопроса они дают, разумеется, отрицательный ответ. Кроме того, добавляют они, если у евреев и имеются основания для "исторической тяжбы", то ее следовало бы вести с древними римлянами, которые изгнали их с земли, а не с арабами, пришедшими в Палестину, когда в ней почти не оставалось еврейского населения.

Внешне убедительные и логичные доводы арабской стороны редко опровергаются евреями и их сторонниками, однако отказ от спора не всегда является оптимальной позицией. Поставленные вопросы несомненно требуют ясного и недвусмысленного ответа.

Множество людей хорошо знакомы с первым тысячелетием еврейской истории, то есть эпохой, описанной в Библии. Образованная часть общества знает о том, что евреи были рабами в Египте, и что они стали народом, вырвавшись из рабства под предводительством Моисея и приняв на себя исполнение законов Торы. Затем евреи поселились на земле своих предков, которую им удалось захватить при Иисусе Навине (Йегошуа Бин-Нун). Колена Израиля слились в единое государство во времена царя Давида

(около 1000 года до н.э.), и после этого они в течение долгих столетий вели борьбу за политическую независимость от сменявших друг друга региональных империй. Библейское повествование завершается на возвращении изгнанников из Вавилонского плена и на восстановлении еврейской автономии при персидском царе Кире в 538 году до н.э. Александр Македонский, отвоевавший Эрец-Исраэль у персов, не предоставил евреям независимости, однако в 167 году до н.э. еврейский народ вернул себе свободу в результате Маккавейского восстания против Антиохийской династии. Затем евреи вновь лишились независимости, попав под власть Рима в 63 году до н.э./27. Но даже в течение тех столетий, когда в Эрец-Исраэль правили персы и греки, евреи продолжали организованное национальное существование в этой стране.

Каким же образом евреи были, в конце концов, изгнаны со своей земли? Распространенное мнение гласит, что евреи обязаны своей бездомностью исключительно римлянам. Считается, что именно римляне, завоевав Палестину и уничтожив еврейское государство, отобрали затем у евреев их землю и обрекли их на многовековое изгнание, которое продолжалось вплоть до самого недавнего времени. Такое представление о еврейской истории широко распространено, но, тем не менее, ошибочно.

Разрушение Иерусалимского Храма римлянами в 70 году н.э. было, несомненно, трагическим событием колоссального масштаба, но не оно привело к прекращению еврейского присутствия в Эрец-Исраэль. Поэтому нас не должно вводить в заблуждение частое упоминание о "двухтысячелетнем изгнании". С одной стороны, крупные еврейские общины существовали в Александрии, Вавилоне и некоторых других местах задолго до разрушения Иерусалима римлянами. С другой стороны, еврейская национальная жизнь в Эрец-Исраэль продолжалась еще много веков после того, как легионеры сожгли Храм. В 135 году н.э., через шестьдесят пять лет после разрушения Иерусалима, евреи

вновь восстали против Рима под предводительством Бар-Кохбы, и масштабы этого восстания были столь велики, что, как свидетельствует греческий историк III века Дион Кассий/28, "вся земля пришла в смятение".

Тремя годами позже восстание Бар-Кохбы было жестоко подавлено, однако Эрец-Исраэль все еще оставалась преимущественно еврейской страной. Вскоре после завершения восстания евреи получили от Рима широкие автономные права, которые оставались в силе более 250 лет. Когда в 212 году римский император Каракалла даровал гражданство большинству подданных империи, он отказал в этой привилегии тем, кто не имел собственной страны. Евреям было предоставлено римское гражданство, поскольку они считались народом, имеющим собственное государство/29.

В период многовекового римского владычества в Эрец-Исраэль были созданы такие великие произведения иудаизма, как Мишна и Иерусалимский Талмуд. Их многочисленные трактаты свидетельствуют об интенсивной интеллектуальной жизни еврейского сообщества в Эрец-Исраэль под властью Рима и Византии. Поразительно, но даже в 614 году евреи все еще боролись за возвращение утраченной независимости. Во время персидского вторжения в Эрец-Исраэль многочисленные еврейские отряды, набранные из числа местных жителей, приняли участие в сражениях против правивших в стране византийцев. Они участвовали в захвате Иерусалима, надеясь на то, что изгнание византийцев вернет Израилю свободу. О численности и жизнеспособности еврейского населения Эрец-Исраэль в начале VII века можно судить уже по тому факту, что только в осаде Тира принимали участие более 20.000 еврейских солдат/30.

Но в 636 году, после возвращения и недолгого правления византийцев в период царствования Ираклия, в страну вторглись арабские племена, уничтожившие незадолго до этого процветающие еврейские общины Аравийского полуострова. Гнет Византии был тяжел для евреев, но толь-

ко под властью арабов евреи превратились в незначительное меньшинство у себя на родине и перестали представлять собой реальную национальную силу в Эрец-Исраэль. Первоначально евреи возлагали свои надежды на "завоевателей-исмаилитов" (так именуются арабы в источниках той эпохи), но уже через несколько лет эти надежды рухнули. В отличие от прежних завоевателей, арабы направили сюда поток колонистов. Это были целые полчища, сопровождаемые чадами и домочадцами, так что намерение арабизировать страну стало совершенно очевидным. В рамках политики военного поселенчества арабы осуществляли массовую экспроприацию земель, домов и прочего имущества. Они также насильственно обращали в рабство местных жителей. В конечном счете эта политика привела к тому, чего не было при прежних завоеваниях: еврейские крестьяне были изгнаны со своей земли/31.

Таким образом, не евреи узурпировали арабские права, а арабы обездолили евреев, забрав себе их землю*.

---

* В последнее время мы являемся свидетелями искажения исторической истины в произведениях некоторых израильских авторов. Приходится слышать, что еврейский народ утратил свою землю не в результате насильственной узурпации, а в силу собственного пренебрежения. Эрец-Исраэль лишилась еврейского населения, поскольку евреи не проявляли к ней достаточной привязанности и добровольно предпочитали жизнь в диаспоре. А, коль скоро, евреи добровольно отказались от своей земли, то они не могут предъявлять исторические права на нее по прошествии многих столетий. Такой подход полностью опровергается приведенными выше фактами. К прекращению еврейской национальной жизни в Эрец-Исраэль привела насильственная экспроприация земель арабскими завоевателями в VII веке. Это со всей очевидностью следует из исторических документов, опубликованных профессором Бенционом Динуром. Можно с уверенностью сказать, что ни один другой народ не держался с таким упорством за свою землю, как еврейский. Тяжелые бедствия, обрушившиеся на евреев во времена римского и византийского владычества, подорвали их экономическое и политическое положение в Эрец-Исраэль, но только арабское завоевание коренным образом изменило демографическую ситуацию в стране, превратив евреев в незначительное меньшинство у себя на родине.

Почему это так важно? В конце концов, с тех пор прошло более 1200 лет. Сменяются поколения, народы приходят и уходят, а история продолжается. Даже если арабы покончили с еврейским присутствием в Эрец-Исраэль, то что из того? Они завоевали эту землю, и она стала их собственностью. Во многих отношениях спор между евреями и арабами о правах на Эрец-Исраэль напоминает тяжбу о правах владельца на принадлежавший ему дом. Если подлинный владелец, изгнанный из своего дома, не отказывается от прав собственности, он всегда может потребовать возвращения похищенного имущества. Но предположим, что новый жилец обосновался в доме и перестроил его по своему усмотрению, в то время, как изгнанный хозяин бродит где-то рядом, не имея возможности предъявить свои претензии. Даже в этом случае права нового хозяина считаются меньшими по сравнению с правами подлинного владельца. И, тем более, если новый хозяин не сделал похищенный дом своим жилищем, не обустроил его, но, напротив, довел до полного запустения. В таком случае, подлинный владелец имеет несомненное право вернуться в свой дом, как только представится возможность для этого.

Следуя этому примеру, необходимо прежде всего ответить на два ключевых вопроса. Во-первых, продолжали ли евреи считать Эрец-Исраэль своим домом в течение многих веков изгнания? И, во-вторых, сумели ли арабы превратить Эрец - Исраэль в свою исключительную национальную собственность после того, как они изгнали оттуда евреев?

Ясно, что завоевание само по себе не обеспечивает завоевателю национальных прав на обладание той или иной территорией. В основе легитимного территориального притязания стоит воля определенного народа, осознающего свое отличие от всех остальных наций и связавшего свою судьбу с данной территорией. Таков исходный пункт еврейских требований. И потому арабы пытаются доказать сегодня, что еще много столетий назад в Палестине

возник определенный, отличный от других арабский народ - "палестинцы".

Если в имущественных спорах между частными лицами временной фактор играет заметную роль, то применительно к национальным конфликтам, в ходе которых народы оспаривают права на одну и ту же землю, "срок давности" силы не имеет. В этом легко убедиться, задумавшись над нынешней ситуацией в Восточной Европе, где ожили на наших глазах давние национальные конфликты.

Но самый близкий нам пример - это история мусульманского завоевания Испании. В 711 году, в ходе своей победоносной экспансии, арабы захватили Иберийский полуостров. Они правили им в течение многих столетий; испанцы сумели удержать только небольшую горную гряду на севере, и вся структура населения в стране полностью преобразилась. Христиане стали меньшинством, мусульмане подавляющим большинством. В дальнейшем испанцы начали медленный и мучительный процесс отвоевания, вошедший в историю под названием Реконкиста. Севилья и Кордова были отвоеваны после пяти столетий арабского владычества, Гранада - после восьми. К этому времени Испания была уже совершенно иной страной в социальном и политическом отношении. Мавританские арабы были привязаны к этой земле и создали на ней изумительную цивилизацию.

Тем не менее, испанцы никогда не переставали считать Испанию своей родиной. Они вернули себе страну после того, как она в течение огромного срока пребывала под арабским владычеством. И никто не может всерьез утверждать, что, вернув себе Испанию, испанцы совершили "историческое преступление" по отношению к обитавшим там мусульманам.

То, что испанцы сделали через восемь веков, евреи совершили через двенадцать, но принципиальных различий здесь нет. Гораздо важнее разница в способах, с помощью

которых два народа осуществили свое национальное возрождение. Испанцы отвоевали захваченную арабами землю огнем и мечом, ценой огромного кровопролития. Евреи вернули себе Эрец-Исраэль путем мирной поселенческой деятельности, соблюдая законы страны и прибегая к оружию только в целях самозащиты.

Испанцы сражались против мавров, создавших на Иберийском полуострове один из величайших культурных центров в истории человечества. Они вернули себе страну, которая пребывала в гораздо лучшем состоянии, нежели она была за восемь веков до мусульманского завоевания. Евреи, вернувшиеся в Эрец-Исраэль после долгого изгнания, обнаружили разоренную и запущенную страну с весьма незначительным населением.

Объединяет же Испанию и Израиль следующее: в обоих случаях продолжал существовать народ, лишившийся своей страны, но не смирившийся с иноземным завоеванием и хранивший надежду вернуться на родину. Испанцы, будем точны, сумели сохранить крошечную часть своей страны, но это всего лишь облегчило их освободительную задачу. Принципиальное право испанцев вернуться в Испанию не было обусловлено их контролем над северной оконечностью Иберийского полуострова.

Оспаривая аналогичное право еврейского народа, арабы и их союзники приводят самые разнообразные доводы. Так например, они любят ссылаться на известного британского историка Арнольда Тойнби, недолюбливавшего евреев за то, что они не пожелали вести себя в соответствии с выведенными им железными законами истории ("ископаемые окаменелости", писал он, не должны возвращаться к жизни). Тойнби пытался установить правовые ограничения, имеющие силу по отношению к национальным конфликтам, на основании аналогии с гражданским имущественным правом. В соответствии с его логикой можно вывести следующую формулу: если арабы вернут себе Палестину, пока не прошло 50 - ти лет со времени обра-

зования еврейского государства, то это будет в высшей степени законный и справедливый возврат. Но евреи, вернувшиеся в Эрец-Исраэль после многовекового изгнания, совершили историческое преступление и потому не могут считаться законными владельцами страны.

Однако положение о сроке давности, действующее в гражданском имущественном праве, неприменимо к национальным конфликтам. Как бы ни играл Тойнби с цифрами, временной промежуток сам по себе не может поставить под сомнение справедливость тех или иных национальных требований. Историческое право утратит силу только в том случае, если исчезнет субъект, требующий его осуществления*/32.

---

* Другим критерием для решения национальных споров Тойнби предлагал считать сопоставление страданий, которые выпадут на долю народа в том случае, если его требования будут отвергнуты. Тойнби считал необходимым предпочесть требования той стороны, которой отказ сулит наибольшие страдания. Этот критерий, несомненно, решает дело в пользу евреев. Бедствия, перенесенные еврейским народом в результате его многовековой бездомности, невозможно даже сопоставить с теми страданиями, которые выпали на долю арабов в результате восстановления еврейского государства в Эрец-Исраэль. Это настолько очевидно, что, казалось бы, не может быть опровергнуто. Однако арабы - с помощью европейских антисемитов - пытаются "обесценить" еврейские страдания, доходя при этом до отрицания Катастрофы. С другой стороны, они охотно сравнивают страдания палестинских арабов с участием европейских евреев в годы нацистского геноцида. Арабским пропагандистам ничего не стоит поставить знак равенства между крематориями Освенцима и израильской военной администрацией в Иудее, Самарии и Газе. Той самой администрацией, которая обеспечила условия для создания 6 палестинских университетов, которая наложила строжайшие ограничения на использование оружия солдатами ЦАХАЛа и предоставила местным жителям право апелляции в Высший суд справедливости с целью отмены ее собственных решений. Эта лживая "симметрия" с готовностью воспринимается не только в арабском мире, но и на Западе, где многие карикатуристы и авторы редакционных статей охотно сопоставляют солдат ЦАХАЛа с эсэсовскими палачами. Трудно спорить с Гейббельсом, говорившим, что чем ужаснее ложь, тем легче в нее поверить.

В этом отношении евреи действительно отличаются от прочих наций. Более тысячи лет рассеяния не заставили их перестать быть единым народом. В истории есть множество примеров того, как тот или иной народ становился бездомным. Во всех этих случаях изгнанные и рассеянные народы со временем или ассимилировались в окружающей национальной среде, или занимали другую землю, которая впоследствии становилась их национальным домом. Евреи не сделали ни того, ни другого.

В качестве отдельных индивидуумов ассимилировались миллионы евреев (этот процесс продолжается и сегодня на Западе), но в качестве национального коллектива евреи отказались раствориться и исчезнуть с исторической арены. Вместе с тем, они отвергли все предложения учредить еврейское государство где - либо еще, кроме Эрец-Исраэль. Когда такая возможность представлялась им в новейшее время, они отказывались принять Биробиджан, Аргентину, Уганду, Маньчжурию.

В 1903 году, сразу после кровавого Кишиневского погрома, сионистское движение постиг мучительный кризис. Британия предложила сионистам немедленно создать еврейское государство в Уганде, находившейся под ее контролем. Это должно было решить острейшие проблемы восточноевропейского еврейства, большая часть которого пребывала в ужасной нищете и подвергалась жестоким преследованиям. Угандийский план был отвергнут, когда прибывшие на 6-й Сионистский конгресс представители еврейских общин Восточной Европы заявили, что они не готовы променять Эрец-Исраэль ни на какую иную страну.

Герцль был сторонником угандийского плана. Сегодня, по прошествии многих лет, нам легче понять его прагматическую позицию. Герцль полагал своей наивысшей задачей обеспечить национальное убежище, хотя бы временное, миллионам европейских евреев. Но преданность еврейского народа Эрец-Исраэль была сильнее сиюминутных соображений. И только благодаря этой пре-

данности сионистское движение могло мобилизовать еврейские массы на организованную политическую борьбу за восстановление национального государства. Тщетно пытался Герцль убедить делегатов конгресса в том, что Уганда - всего лишь временная остановка на пути в Эрец-Исраэль. Владимир Жаботинский, голосовавший против угандийского плана, признался позже, что он не мог объяснить себе, что заставляет его действовать именно таким образом. "Это была какая-то априорная очевидность, которая перевешивает тысячи самых разумных доводов", - говорил он/33.

Мой дед Натан Милейковский смог более конкретно объяснить, почему он, вместе с другими восточноевропейскими сионистами, выступил против Теодора Герцля. 25 лет спустя, когда отношения между Великобританией и сионистским движением уже испортились, мой отец спросил его, исходила ли оппозиция угандийскому плану из убеждения, что Британия не выполнит своих обязательств, и план этот все равно не будет осуществлен на практике. Он хорошо запомнил ответ моего деда:

"Напротив, мы были убеждены в том, что англичане сдержат слово. В те дни Британия пользовалась огромным авторитетом в глазах евреев. И мы категорически выступили против угандийского плана именно потому, что верили в его осуществимость. В течение многих столетий евреи принесли столько жертв во имя Эрец-Исраэль, пролили столько крови ради того, чтобы удержаться на этой земле, вознесли столько молитв о возвращении к Сиону... Мы считали немислимым предать мечту поколений. Если бы мы согласились принять иную страну в качестве еврейского национального дома, то наш народ был бы обречен на нравственное и психологическое крушение. Еврейская история лишилась бы в этом случае всякого смысла".

В самом деле, евреи пронесли сквозь века неумирающую надежду на возвращение в Эрец-Исраэль. Эта надежда не была преходящим эмоциональным порывом, но, напротив, она становилась тем сильнее, чем дольше евреи жили в изгнании. Сменявшие друг друга поколения стремились отстроить свою национальную жизнь на древней родине не только потому, что это была земля их предков, но и в силу глубокого убеждения, что только в Эрец-Исраэль, где евреи стали народом и обрели свою веру, они смогут снова вернуться к полноценному духовному и физическому существованию.

Невозможно переоценить значение идеи Возвращения в еврейской истории, равно как и ее центральное место в современном возрождении Израиля. Однако, в силу принятого сегодня пренебрежения к историческим фактам, появилась точка зрения, согласно которой главным фактором, обеспечившим создание Государства Израиль, стала Катастрофа европейского еврейства.

Без сомнения, Катастрофа является стержневым событием не только еврейской, но и мировой истории. Очевидно и то, что она заставила многих людей осознать трагическую судьбу еврейского народа. Волна сочувствия к евреям, вызванная беспрецедентным нацистским геноцидом, создала благоприятную политическую почву для провозглашения Государства Израиль. Но, прежде всего, Катастрофа была апогеем истребления. Погибли миллионы сердец, устремленных к Сиону. В гитлеровских лагерях была почти полностью уничтожена человеческая основа, на которой предполагалось создать жизнеспособное еврейское государство.

И потому - не благодаря Катастрофе возник Израиль, но вопреки ей. Катастрофа, предвиденная основоположниками сионизма с такой мучительной ясностью, стала кульминацией еврейской трагедии. Но если бы не вековая мечта о Возвращении и не громадные усилия, предпринятые для ее реализации, то Катастрофа вызвала бы лишь

беспредельный ужас и, возможно, сострадание народов мира. Не исключено, что, не будь сионистских усилий первой половины XX века, Катастрофа положила бы конец национальному существованию еврейского народа.

В идее Возвращения заложен секрет еврейской живучести. В ней заключалась движущая сила возрождения Израиля и в ней же хранится ключ к его будущему. Эта мечта сохранилась в неприкосновенности - от античности до наших дней, благодаря уникальной природе иудаизма.

На Западе многие считают, что иудаизм, подобно христианству, представляет собой религию - и только. Но с момента своего возникновения иудаизм сочетает религиозную и национальную природу. Прозелиты, принимающие еврейскую религию, тем самым, становятся членами еврейской национальной общности. Так Рут-моавитянка, самая прославленная из новообращенных, говорит своей свекрови Наоми:

"Твой народ - мой народ, Твой Бог - мой Бог".

В период рассеяния двойственная природа иудаизма обрела еще более выраженный характер. Когда евреи лишились родины, самоуправления и общего языка, религия превратилась в главный фактор их национальной самоидентификации. В этом сосуде хранили евреи свои мечты о возвращении в Эрец-Исраэль и воссоединении рассеянных по миру изгнанников. Иудаизм установил ежегодный цикл траурных дней и повседневных ритуалов поминовения разрушения Иерусалима, евреи каждый день троекратно возносили молитву "Собери изгнанников наших с четырех концов земли". Таким образом, еврейская религия стала кладезем воспоминаний и надежд на возвращение к Сиону/34.

Эта неизменная привязанность народа к своей земле отличает иудаизм от всех других религий. Католики, к примеру, не возносят молитву "В будущем году в Ватикане".

Паломники различных конфессий периодически отправляются к святым местам, дабы углубить свои религиозные чувства или сподобиться мистического вдохновения. Но когда в сотнях разных стран, столетие за столетием, евреи произносят "В будущем году в Иерусалиме", они имеют в виду нечто совершенно иное. Это не надежда отдельного человека посетить святые места и вознести там молитву, но надежда целого народа вернуться на родину и отстроить там свою национальную жизнь/35.

Сторонние наблюдатели часто принимали это страстное желание за предсмертный стон угасающего народа, но не так обстояло дело в действительности. Стремление к Возвращению было источником жизненной силы еврейства, свидетельством упорного отказа смириться с уготованной изгнанием исторической судьбой. Возьмите наугад любое столетие, и вы найдете в еврейской литературе множество выражений острой тоски по утраченной родине. Это чувство было общим для великих философов и самых простых людей, для поэтов и кодификаторов религиозного права. Так, в X веке еврейский философ Саадия Гаон писал:

"Да будет воля твоя, Господи, чтобы в сии времена закончилось изгнание народа твоего, Дома Израилева. Положи конец рассеянию и печали нашей, да завершатся дни муки и притеснения"/36.

В XII веке великий еврейский поэт Йегуда Галеви писал о Иерусалиме на иврите в Испании:

Радость вселенной, обитель Царя!
К тебе душа устремлена
От дальних Запада пределов.
Сердце сжимается воспоминанием
Славы поруганной, Храма сожженного.
О, полететь бы на крыльях орлиных,
Прах твой слезой оросить/37.

Позднее, в том же столетии, великий философ Маймонид провозгласил, что возвращение в Эрец-Исраэль есть единственная надежда положить конец страданиям евреев от рук арабов, о которых он писал: "Никакая иная нация не была столь враждебна Израилю; не мучила, не терзала и не унижала нас так, как они". И он обещает: "Не может такого быть, чтобы не встал из потомков царя Соломона (Шломо) человек, который соберет изгнанников Израиля и сотрет наш позор"/38.

В XIII веке Нахманид пошел еще дальше, провозгласив, что проживание в Эрец-Исраэль есть прямая религиозная обязанность каждого еврея/39. Он не ограничился включением этой обязанности в свод 613 заповедей Торы, но осуществил свои убеждения на практике, переселившись в Эрец-Исраэль, где ему удалось немало содействовать восстановлению разгромленной крестоносцами еврейской общины.

В XVI веке получила распространение идея союза между евреями и христианами, цель которого - освободить Эрец-Исраэль от мусульманского владычества. Эта идея была с энтузиазмом воспринята в еврейских общинах Италии и среди португальских марранов (евреев, насильственно обращенных в христианство)/40. Изгнанники из Испании отстроили еврейский квартал в Хевроне, а руководителю португальской общины Дону Йосефу ха-Наси удалось получить разрешение султана на восстановление города Тверии. Волна возвращения в Эрец-Исраэль породила также беспрецедентный духовный и культурный расцвет в Цфате. К концу XVI столетия в этом галилейском городе проживало от 10-ти до 20-ти тысяч евреев.

Тогда же известный пражский раввин Йегуда-Леви бен-Бецалель (МААРАЛ) с полной уверенностью писал:

"Изгнание и рассеяние, несомненно, являются нарушением того порядка, который установлен Творцом. Ибо Господь определил каждой нации подобающее место, и

то место, в котором подобает обитать евреям - это Эрец-Исраэль... И евреям не сообразно находиться вечно в их нынешнем положении, но надлежит им жить в Эрец-Исраэль своей властью, а не под игом иного народа/41".

В XVII веке мессианское движение Шабтая Цви сопровождалось новым всплеском надежд на скорое освобождение. Крах саббатрианства вызвал глубокий кризис в еврействе, однако очень скоро практические приготовления к возвращению в Сион возобновились в Польше. В XVIII веке Виленский Гаон и основатель хасидизма Баал Шем-Тов, два виднейших еврейских духовных вождя в Восточной Европе, призывали своих учеников переселяться в Эрец-Исраэль организованными группами. Один из учеников Виленского Гаона оставил следующее свидетельство:

"Учитель с волнением сказал, обращаясь к тем из своих учеников, которые пообещали ему отправиться в Святую Землю: "Вам выпала великая честь - исполнить заповедь проживания в Эрец-Исраэль, которая весит столько же, сколько все остальные заветы Торы, вместе взятые. Вам выпало счастье стать соратниками Всевышнего, возвращающего пленников Якова и оказывающего милость его обители. Господь - зиждитель Иерусалима, устанавливает Он пределы вдовы обездоленной, расширяет Он пределы Израиля... Исполнение заповеди этой (возвращение в Эрец-Исраэль) приведет к собиранию изгнанников"/42.

И действительно, когда сионисты-первопроходцы стали прибывать в Эрец-Исраэль в конце XIX столетия, они нашли здесь маленькие общины, созданные учениками этих великих наставников и другими евреями, приехавшими в страну еще ранее. При этом, в Иерусалиме евреи уже составляли большинство населения.

Ручейками и струйками, а иногда и потоками, возвращались евреи на свою землю в течение многих столетий. Одни из них пересекали российские равнины, а затем проникали в Эрец-Исраэль с севера, через Дамаск и Бейрут. Другие прибывали в Яффо после длительного путешествия по кишевшим пиратами водам Средиземного моря. Отсюда они направлялись в Иерусалим, Хеврон, Тверию и Цфат, где веками существовали древние еврейские общины. В истории не было периода, когда в Эрец-Исраэль не проживали евреи. В галилейских деревнях Пеки'ин и Шефар'ам евреи жили всегда - с самой древней поры вплоть до настоящего времени/43.

Однако массовое переселение евреев в Эрец-Исраэль было невозможно до появления современного сионизма во второй половине XIX века. Сионизм перевел вековую мечту о Возвращении на язык политических планов и конкретных действий. В своих сочинениях Моше Гесс ("Рим и Иерусалим", 1862) и Лео Пинскер ("Автоэмансипация", 1882) доказали, что древняя мечта может и должна быть реализована - уже сейчас. Волна погромов, прокатившаяся по России в 1881 году, ускорила развитие этого процесса. В начале 80-х годов прошлого века движение "Ховевей-Цион" совершило первую (в новейшую эпоху) попытку организованного переселения в Эрец-Исраэль.

На этом фоне в самом конце XIX столетия и появился современный политический сионизм. Правившая на Ближнем Востоке Османская империя была ослаблена - она рушилась под собственной тяжестью. Впервые со времени разрушения Второго Храма у евреев появилась практическая возможность восстановить свою государственную независимость на древней родине*. Эта возможность была

---

* Еще один довод израильских авторов, принадлежащих к "новой исторической школе", состоит в следующем: евреи утратили свое право на Эрец-Исраэль в силу отсутствия массовой еврейской репатриации в течение минувших столетий. Этот факт свидетельствует о том, что евреи не испытывали искреннего желания возобновить свою связь с древней родиной, а такое нежелание равносильно декларативному отказу.

распознаана Теодором Герцлем и Максом Нордау. Герцль не ограничился составлением общего плана - он создал конкретную политическую структуру, призванную реализовать его на практике. Начиная с 1897 года Всемирная сионистская организация становится активной действующей силой на международной арене.

* * *

Теодору Герцлю удалось преобразовать стихийный, эмоциональный сионизм еврейских масс в политическое движение, учитывающее специфику современного мира. Герцль, выдающийся лидер, прекрасно понимал природу политической игры и тонко чувствовал глубинные процессы истории. Он исходил из однозначного убеждения: при существующей ситуации евреям Европы угрожает скорая и очевидная опасность. При этом Герцль верил в возможность избежать этой опасности путем создания еврейского независимого государства. Поэтому он отстаивал сио-

---

История еврейской диаспоры последних 1200 лет однозначно доказывает несостоятельность вышеприведенного утверждения. В течение всего этого времени евреи предпринимали чрезвычайные усилия для того, чтобы сохранить и укрепить свою связь с Эрец-Исраэль; во многих случаях эти усилия обретали практическое выражение, когда евреи переселялись в страну. Однако переселение носило неизбежно ограниченный характер, поскольку правившие в Эрец-Исраэль мусульмане и христиане препятствовали массовой репатриации. Организованное возвращение евреев на родину расценивалось ими как серьезная религиозная угроза.

Только ослабление религиозного влияния в Европе и усиление национально-освободительных движений в конце XIX века, совпавшее по времени с развалом Османской империи, создало практические условия для массового возвращения евреев в Эрец-Исраэль. Историческая возможность была использована сионистами, усилиями которых было создано Государство Израиль. Подробный анализ этих событий представлен в работе известного израильского историка Бенциона Динура "Борьба поколений".

нистские притязания со всей настойчивостью, на какую был способен.

Его последователи распространяли идеи политического сионизма во многих странах, содействуя постепенному признанию принципиального права еврейского народа на создание собственного государства. В то же время получил развитие процесс организованной еврейской репатриации в Эрец-Исраэль. Страна пребывала тогда в нищете и запустении. Арабские землевладельцы (эфенди) не уделяли особого внимания своим палестинским поместьям, они наслаждались жизнью в Бейруте и Дамаске.

Еврейские поселенцы преобразили эти бесплодные угодья. Выкупленная земля - болота и каменистая целина - превратилась в плодородную почву. В Эрец-Исраэль появились первые еврейские деревни, а затем и города. Эти усилия были поддержаны некоторыми известными еврейскими финансистами, такими как Моше Монтефиори и барон Ротшильд. В 1882 году прибывшие из России репатрианты Первой алии основали сельскохозяйственный поселок Ришон ле-Цион ("Первенец Сиона"). Вскоре первопоселенцы получили финансовую поддержку барона Ротшильда.

Когда в 1896 году мой дед по матери Авраам Маркус приехал в Ришон ле-Цион, он обнаружил деревушку из нескольких побеленных домов с красными черепичными крышами. Эти дома стояли посреди обширной песчаной пустыни. Ныне Ришон ле-Цион - крупный город, расположенный к югу от Тель-Авива.

Авраам Маркус принадлежал к движению "Ховевей-Цион". Став фермером, он не оставил своих ученых занятий: днем он ухаживал за миндальными деревьями, а по ночам учил Талмуд. К тому времени, когда в 1912 году в Петах-Тикве родилась моя мать, семья жила в прекрасном доме среди фруктовых садов. Ко входу в дом вела пальмовая аллея.

Но такой роскоши достигли лишь немногие укоренившиеся семьи; новоприбывшие поселенцы жили в

гораздо более трудных условиях. В 1920 году в Эрец-Исраэль прибыл мой дед по отцу рабби Натан Милейковский. К тому времени в стране почти не было мощеных дорог и фактически отсутствовал современный транспорт. Семья высадилась с корабля на гребной шлюпке, поскольку пристани в Яффо тоже еще не было. Проведя какое-то время в Тель-Авиве, Натан Милейковский вместе со всеми своими домочадцами отправился в Цемах. Два дня они добирались к Кинерету по разбитым дорогам. В Цемахе мой дед нанял лодку, чтобы перевезти багаж в Тверию, а его семья продолжила путешествие в телеге.

К вечеру поднялся сильный ветер и на озере началась настоящая буря, лодка едва не перевернулась. К счастью, Натану Милейковскому удалось благополучно добраться до Тверии. В городе семья переночевала, а наутро все отправились в повозке в Цфат. В Рош-Пине поменяли лошадей. Рош-Пина была единственным населенным пунктом к северу от Кинерета, вокруг нее простиралась бесплодная пустыня, где изредка можно было наткнуться на бедуинскую стоянку. Три дня длилось в те годы изнурительное путешествие из Яффо в Цфат. Сегодня мы проделываем ту же дорогу менее, чем за 3 часа.

Потоки сионистской репатриации, следовавшие один за другим, начиная с 1882 года, неузнаваемо изменили лицо страны. Евреи проложили дороги, возвели города и поселки, построили первые больницы, создали современное сельское хозяйство и промышленное производство. И чем больше становилось еврейское население Эрец-Исраэль, тем больше прибывало в страну арабов. Массовая арабская иммиграция в Эрец-Исраэль была связана с возможностью трудоустройства на еврейских предприятиях. Уровень жизни в стране повышался вследствие быстрого развития еврейской экономики. Этот процесс был настолько очевиден, что президент США Франклин Рузвельт вынужден был заметить в 1939 году: "Начиная с 1921 года арабская иммиграция в Палестину значительно превосхо-

ходит суммарную еврейскую иммиграцию всего последнего периода"/44.

Развитие промышленности и торговли привело к резкому повышению уровня жизни арабского населения в Эрец-Исраэль. Вовлечение арабского населения в сферу промышленного производства не имело аналогов в соседних странах. Таким образом, в 1947 году зарплата арабского рабочего в Яффо была вдвое выше, нежели у его соплеменника в Шхеме, где евреи тогда не селились/45.

Параллельно с этим число арабских коммерческих предприятий в Эрец-Исраэль увеличилось между 1931 и 1942 годами на 400%. Численность арабских рабочих, занятых на этих предприятиях, возросла в 10 раз с 1931-го по 1946 год/46.

Чрезвычайно показательным является увеличение арабской иммиграции именно в те районы, где проживали евреи. Между 1922 годом, когда был окончательно утвержден британский мандат на управление Палестиной, и 1947 годом (начало Войны за независимость) арабское население в "смешанных" городах выросло: на 290% в Хайфе, на 158% в Яффо и на 131% в Иерусалиме. В то же время, прирост арабского населения в Хевроне составил 64%, в Шхеме - 56%, в Бейт-Лехеме - 37%. В этих городах, как известно, евреи почти не жили/47.

Но даже массовое переселение арабов на территорию будущего еврейского государства не изменило господствовавшего в мире убеждения: Эрец-Исраэль предназначена стать национальным государством еврейского народа, в котором будет сохраняться арабское меньшинство. Еврейские притязания на эту страну получили конкретное подкрепление, благодаря непрерывной поселенческой деятельности последнего столетия.

* * *

Но нравственная сила законных еврейских притязаний на Эрец-Исраэль была бы ослаблена, если бы арабы суме-

ли доказать, что они с такой же настойчивостью заявляли свои права на эту землю в течение минувших столетий.

Сегодня арабы утверждают, что когда участники Версальской конференции признали историческое право еврейского народа на Эрец-Исраэль, они игнорировали существование иной нации, которая возникла и формилась в Палестине за долгие века еврейского изгнания, - палестинского народа.

Утверждается также, что в течение веков палестинцы установили собственные эмоциональные и культурные связи со страной своего проживания; не менее прочные, чем связи евреев с Эрец-Исраэль. Таким образом, собравшиеся в Версале лидеры мировых держав ошибались, полагая, что они передают "землю без народа народу без земли".

Ллойд-Джордж, лорд Бальфур, Вудро Вильсон и многие другие деятели эпохи Версаля были широко образованными, умными и дальновидными людьми. Неужели они в самом деле были настолько ослеплены библейскими пророчествами и гуманистическими идеалами, что это заставило их закрыть глаза на объективные демографические условия, сложившиеся в Эрец-Исраэль к моменту проведения Версальской конференции?

Конечно же, нет. Эти люди принимали свои решения с учетом общеизвестной и документально подтвержденной ситуации в Палестине. Они опирались на очевидные факты, которые с тех пор позабылись и международным сообществом, и, как это ни прискорбно, многими израильтянами.

Основной довод арабов сегодня сводится к тому, что евреи отобрали Палестину у арабского народа, который жил там веками и являлся законным хозяином своей страны. В 1974 году Ясер Арафат заявил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

"Еврейское вторжение началось в 1881 году... К этому времени Палестина была цветущей страной, где прожива-

ли в основном арабы, занятые созидательным трудом и развивавшие свою самобытную культуру"/48.

Итак, Арафат и арабы считают началом сионистского вторжения 1881 год, когда в Эрец-Исраэль прибыла первая организованная группа еврейских репатриантов (начало Первой алии). Здесь уместно заметить, что к этому времени евреи уже в течение 60 лет составляли большинство населения Иерусалима/49. Но рассмотрим состоятельность представленного Арафатом довода в более широком контексте.

Арабская пропаганда хорошо потрудились, и сейчас представление о том, что сионисты украли Палестину у извечных ее обитателей, глубоко укоренилось в западном сознании и в некоторых израильских кругах. Это убеждение теперь непросто искоренить, хотя оно абсолютно не соответствует историческим фактам. Нарисованная Арафатом картина процветающей и многолюдной Палестины в канун возвращения туда евреев находится в явном противоречии с многочисленными свидетельствами, которые были оставлены европейскими и американскими путешественниками, посетившими Эрец-Исраэль в XVIII и XIX столетиях.

В новое время, когда на Западе возрос интерес к научному изучению библейского периода, в Эрец-Исраэль устремились археологи, писатели, географы, дипломаты и военные. Многие из них вели подробные записи, излагая собственные впечатления от увиденного в книгах, путевых дневниках и журнальных публикациях. Все они оставили описания демографического и природного состояния страны, и их свидетельства полностью опровергают измышления арабской пропаганды.

В 1697 году Генри Маундрелл писал, что Назарет - это "ничтожная деревушка", что Шхем состоит из двух улиц, что Иерихон "стал грязным поселком", а крепость Акко представляет собой "обширные и пустынные развалины"/50.

В 1738 году английский археолог Томас Шоу писал о "бесплодной и обезлюдившей земле"/51. В 1785 году Константин Франсуа Вольне оставил следующее описание Эрец-Исраэль:

"Мы с большим трудом узнали Иерусалим... Населения в нем, полагаю, не больше 12-14 тысяч... Второе место, заслуживающее упоминания, это Бейт-Лехем, или Вифлеем... Как и во всех других местах, обработка земли оставляет желать лучшего. В поселении насчитывается около шестисот мужчин, способных носить оружие... Третье и последнее место, о котором нужно сказать, это Хабрун, или Хеврон, самая крупная деревня во всей этой местности... Она способна выставить около восьмисот или девятисот вооруженных мужчин"/52.

Однако в 1843 году Александр Кейт отметил, что "во времена Вольне страна еще не достигла нынешнего уровня разорения и безлюдности, соответствующего предсказанному в пророчествах"/53. В 1816 году Дж. С. Бэкингом описывается Яффо как "бедную деревеньку", а Рамлу как место, "где, подобно всему, что мы видели в Палестине, лежащая в руинах часть кажется более обширной, нежели обитаемая"/54. В 1835 году французский поэт Альфонс де Ламартин так обрисовал свои впечатления:

"За воротами Иерусалима мы не видели живых существ, не слышали человеческих голосов. Мы нашли ту же самую пустоту, то же безмолвие, что и в засыпанных пеплом Помпеях и Геркулануме... Полное, вечное безмолвие царит в городе, на дорогах, во всей стране... Могила целого народа"/55.

А двадцать лет спустя, в 1857 году, британский консул в Палестине Джеймс Финн сообщает в Англию: "Страна в значительной степени обезлюдела и, следовательно, чрезвычайно нуждается в притоке населения"/56.

Возможно, самым знаменитым гостем Святой Земли был американский писатель Марк Твен, посетивший Эрец-Исраэль в 1867 году; отчет об этом путешествии можно найти в его книге "Простаки за границей":

"Никаких волнующих событий... В этой долине (Изреэль) невозможно встретить даже захудалую деревушку на протяжении тридцати миль в любом направлении. Имеются только два-три бедуинских кочевья, но ни одного постоянного поселения. Можно проехать десятки миль, так и не увидев живого человека".

Любителям мрачного уединения Марк Твен рекомендовал посетить Галилею: "Эти безлюдные пустыни, эти рыжие бесплодные долины - ничто, ничто не нарушает покой сверкающих суровых холмов... Печальные руины Капернаума, оцепеневшая деревенька Тверия, дремлющая под сенью своих шести траурных пальм... Заброшенность и запустение здесь настолько велики, что никакому воображению нельзя представить, чтобы здесь могла кипеть жизнь... Мы достигли (горы) Тавор в полном здравии... За всю дорогу так и не встретили ни одного живого существа".

В "бесплодных" (по его собственному определению) горах Иудеи Марк Твен нашел все то же самое:

"Проклятый Богом Иерихон поражает своим запустением, в котором оставил его Иисус Навин более трех тысячелетий назад. В Вифлееме, священном месте, где по ночам пастухи стерегли стада, а ангелы пели "мир на земле и в человецех благоволение", теперь нет ни одного живого существа". А вот запись об Иерусалиме:

"Чем дальше мы продвигались... тем чаще встречали голые скалы; ландшафт стал отталкивающим и пугающим. Даже если бы здесь веками селились одни только

каменотесы, им не удалось бы набросать столько камней. Едва-едва попадается дерево или куст. Даже оливы и кактусы, эти последние друзья бесплодной земли, почти покинули страну... Сам Великий Иерусалим, чье имя высечено в веках, потерял свое древнее великолепие и стал нищей деревушкой".

Вся же страна в целом произвела на него самое гнетущее впечатление:

"Палестина словно в рубище и с головой, посыпанной пеплом. Над ней тяготеет проклятие, опустошившее ее поля и лишившее ее воли к жизни. Палестина покинута и несчастна. Унылая, безнадежная страна - страна с разбитым сердцем"/57.

Четырнадцать лет спустя сходный отзыв дал в своем докладе известный английский картограф Артур Пенхрин Стэнли: "Едва ли будет преувеличением сказать, что в Иудее на протяжении многих миль нет никакой жизни, никакого человеческого присутствия"/58.

Стэнли написал эти слова в 1881 году - именно этот год Арафат назвал началом "сионистского вторжения" и вытеснения коренного населения из цветущей, плодородной страны. Не так уж важно, что Арафата в очередной раз поймали на лжи. Важно то, что эта бесконечно повторяемая, тщательно сфабрикованная ложь подменила истину, которая была известна каждому цивилизованному человеку в конце XIX столетия: Эрец-Исраэль действительно пребывала в запустении и безлюдности; она вполне могла дать приют миллионам евреев, которые жили в невыносимых условиях в европейских гетто, подвергаясь там постоянной опасности и мечтая вернуться на родную землю, дабы возродить ее к жизни.

---

* * *

Верно, конечно, что арабы жили в Эрец-Исраэль, и в середине XIX столетия они численно превосходили евреев. Но в третьей четверти прошлого столетия все население страны, арабы и евреи вместе, составляло 400.000 человек - менее 6% сегодняшнего населения/59. В 1881 году начинается сионистская репатриация, и к концу Первой мировой войны число жителей Эрец-Исраэль составило 900.000 человек на обоих берегах реки Иордан (т.е. включая нынешнюю Иорданию). В западной части страны (нынешнее государство Израиль) проживало 600.000 человек. Но и это было ничтожным количеством в сравнении с потенциалом заселения и обустройства страны/60.

В 1898 году Эрец-Исраэль посетил германский император. Здесь он встретился с Теодором Герцлем и сказал ему: "Поселения, которые я видел - и немецкие, и вашего народа - могут служить примером того, что можно сделать с этой страной. Здесь есть место для всех"/61.

Когда такие умные и гуманные люди, как Вудро Вильсон и Ллойд-Джордж решали проблему разоренной Палестины, они понимали, что присутствие незначительного арабского населения, почти не использующего землю и не способного обеспечить собственное пропитание, нельзя считать серьезным препятствием для удовлетворения национальных чаяний миллионов евреев. Этот вывод был сделан с учетом того факта, что арабы обладают громадным территориальным пространством, на котором они могут реализовать свои национальные устремления (совокупная площадь арабских стран более чем в 500 раз превосходит площадь Государства Израиль в его сегодняшних границах)*.

---

* В настоящее время совокупная площадь арабских стран составляет 14.022.250 кв. км. Площадь Государства Израиль в границах 1967 года составляет 21.470 кв. км, а вместе с Иудеей, Самарией и Газой - 26.990 кв. км. Таким образом, сегодняшнее соотношение - 1:520.

Выступая перед членами комиссии Пила, Владимир Жаботинский сформулировал суть национальной проблемы в Эрец-Исраэль следующим образом:

"Я не отрицаю, что (в построенном еврейми государстве)... арабы Палестины неизбежно станут меньшинством. А отрицаю я, что это наносит им ущерб. Нельзя нанести ущерб народу или нации, обладающей таким количеством национальных государств в настоящее время; в будущем их станет еще больше. Одна часть, одна ветвь арабского народа, причем совсем небольшая, будет жить в чужом государстве... Я вполне допускаю, что любому меньшинству хочется стать большинством. Равным образом, понятно, что палестинские арабы предпочли бы, чтобы Палестина стала четвертым, пятым или шестым арабским государством... но, когда арабские притязания вступают в конфликт с правом евреев, это тоже самое, что сытому пытаться отнять пищу у голодного"/62.

Отметим, что в настоящее время в мире имеется 21 арабское государство. В стремлении обосновать свои притязания на Эрец-Исраэль арабы не только искажают общеизвестные факты, касающиеся природной и демографической ситуации этой страны конца XIX столетия, но и убеждают мир в том, что в Палестине возник и оформился особый, отличный от других народ - ведь иначе невозможно добиваться права на самоопределение. Так, они заявляют, что в ходе своего "вторжения" евреи захватили независимую страну - "Палестину", где проживал особый народ - "палестинцы".

Но это утверждение - глумление над историей. Как показал профессор Бернард Льюис, после арабского завоевания в VII столетии никакой Палестины просто не существовало: "С момента разрушения древнего еврейского государства и вплоть до начала британского правления

территория, называемая ныне Палестиной, не была страной и не имела иных границ, кроме административных; это была одна из провинций, но не более того, огромного государственного образования"/63.

Турки разделили страну на четыре административных округа или санжака. Иерусалимский округ включал в себя Синай и простирался до Африки, тогда как Самария, Галилея и Трансиордания были тремя дополнительными, отдельными округами. При смене правителей границы менялись, некоторые районы переходили в другие округа (см. карту 3), так что никогда не существовало арабского государства Палестина, или даже единой арабской провинции Палестина.

Даже само это название "Палестина" арабы не использовали и переняли его у англичан уже в нашем столетии. Где были борцы за свободу палестинского народа во времена двухвекового правления мамелюков и четырехвекового османского владычества? В каких политических организациях, социальных учреждениях, произведениях литературы и искусства отразились чаяния этой фантомной нации? Быть может, хотя бы в частной корреспонденции? Увы, ни единого упоминания. За весь этот огромный период арабские жители Палестины не выказывали даже намека на желание обрести независимость.

Были арабы, жившие в Эрец-Исраэль, равно как и во многих других местах, но не было палестинского народа с собственным национальным самосознанием, со своими национальными особенностями, с общим представлением о своих национальных интересах. Так же, как не было государства Палестина, не было и палестинской нации или палестинской культуры. Такое заключение дала в 1937 году британская королевская комиссия, представившая отчет о положении в стране:

"За двенадцать столетий, прошедших со времени арабского завоевания, Палестина фактически исчезла с

исторической арены... В экономике, как и в политике, Палестина находится далеко в стороне от главных устремлений мировой жизни. В сфере науки или литературы она не внесла никакого вклада в современную цивилизацию"/64.

Нам могут возразить, что в 30-е годы палестинская проблема уже приобрела политическое звучание, поэтому неправомерно делать далеко идущие выводы на основании приведенной выше оценки. Но подобное возражение неприменимо к свидетельствам очевидцев, посетивших Эрец-Исраэль в прошлом столетии. Вот, например, к каким выводам пришел швейцарский ученый Феликс Бове, который побывал в Палестине в 1858 году:

"Христиане, завоевав Святую Землю, так и не сумели удержать ее; для них она всегда была либо полем сражения, либо кладбищем. Сарацины (т.е. арабы), которые отняли ее у них, также ее оставили, и она была захвачена османскими турками. А те... превратили ее в пустыню, куда и сами опасаются заглядывать. Арабы, живущие здесь, могут считаться лишь временными поселенцами. Они разбивали свои кочевья на пастбищах или строили убежища в разрушенных городах. Они не создали ничего. Поскольку они чужаки на этой земле, то они и не стали ее хозяевами. Ветер пустыни, что занес их сюда, может унести их прочь, и не останется здесь ни единого следа их пребывания"/65.

Когда Эдвард Робинсон, Клод Кондер и другие археологи впервые оказались на этой земле, они без большого труда сумели опознать древние еврейские города, потому что арабы так и не удосужились дать им новые названия. Еврейские топонимы, которые исследователи нашли практически нетронутыми, включали в себя место рождения пророка Иеремии Анатот (Аната), поля маккавейских

сражений Левона (Лубане) и Бейт-Хорон (Бет-Ур), последнюю крепость Бар-Кохбы Бейтар (Батир), место пребывания Скинии Завета в Шило (Сийлун), Арад (Тель-Урад), Ашкелон (Аскалун), Беэр-Шеву (Бир эс-Саба), Бней-Брак (Ибн-Ибрейк), Бейт-Шеан (Бейсан), Бейт-Шемеш (Айн-Шамс), Адураим (Дура), Эштемоа (Эс-Самуа) и множество других/66. Фактически за 12 веков своего присутствия в Палестине, вплоть до возвращения евреев, арабы построили только один город - Рамле/67. Эти очевидные факты позволили сэру Джорджу Адамсу Смиту, автору "Исторической географии Святой Земли", написать в 1891 году: "Нет никакой местной цивилизации в Палестине, которая могла бы вытеснить турецкую, исключая евреев... давших Палестине все, что имеет какую-нибудь ценность для мировой цивилизации"/68.

Поэтому, когда мировые лидеры в Версале взвешивали конкурирующие доводы арабов и евреев, они с полным основанием не уделили никакого внимания национальным требованиям "палестинцев". Ни один арабский лидер в Версале - или даже в Палестине! - не выдвинул подобных требований. Возглавляемая Фейсалом, сыном шерифа Мекки, а, позднее, королем Ирака, арабская делегация отстаивала независимость арабского государства, которое, по их мнению, должно было включать территорию нынешних Сирии и Ирака, а также Аравийский полуостров. Фактически арабы смотрели тогда на сионистов как на потенциальных союзников. В январе 1919 года, за месяц до открытия Версальской конференции, Фейсал подписал с Хаимом Вейцманом соглашение о "возможно более тесном сотрудничестве" между арабским и еврейским народами с целью "дальнейшего развития арабского государства и Палестины (еврейской)". В этом соглашении отмечалось, что конституция Палестины "должна дать полные гарантии осуществления декларации британского правительства от 2 ноября 1917 года" (Декларация Бальфура) и что "все необходимые меры будут приняты, дабы поощрить

и ускорить широкомасштабную иммиграцию евреев в Палестину".

В ответ на это Всемирная сионистская организация обязалась "приложить все усилия в помощь арабскому государству, дабы обеспечить необходимые средства для развития его природных ресурсов и экономических возможностей". Евреи и арабы приняли решение выступить с совместной позицией на мирной конференции. В марте 1919 года Фейсал обратился к Феликсу Франкфуртеру, который был членом американской делегации, со следующим заявлением: "Наша делегация в Париже прекрасно осведомлена о предложениях, представленных вчера сионистами на рассмотрение мирной конференции; мы считаем эти предложения умеренными и корректными... Мы говорим евреям от всего сердца: добро пожаловать домой, на родину". (Полный текст цитируемых документов приводится в приложениях 2 и 4).

Следует отметить - также в противовес тому, что утверждается ныне - что Британия и Лига Наций были прекрасно осведомлены о том, что некоторые палестинские арабы не желают мириться с исключением крохотной части Ближнего Востока из сферы арабского суверенитета с целью создания там национального очага для еврейского народа. Поэтому, арабскому меньшинству гарантировалась вся полнота гражданских прав.

В Палестине проживало лишь 5% многомиллионного арабского населения, только что освобожденного Британией от османского ига. В силу этого обстоятельства, лорд Бальфур считал предложенный Фейсалом компромисс совершенно справедливым. Для Бальфура сионизм был "укоренившейся древней традицией, которая отвечала потребностям сегодняшнего дня и давала надежду на будущее, что гораздо важнее, нежели желания и предрассудки 700 тысяч арабов, обитающих на этой древней земле"/69. Придя к согласию, стороны, подписавшие Версальский договор, вручили Британии мандат на управление

Палестиной. Это произошло на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 года - после того, как подстрекатели из Дамаска организовали столкновения в Иерусалиме, в ходе которых 6 евреев были забиты насмерть, а около сотни получили ранения. Весьма показательно, что погромщики вовсе не требовали независимости для Палестины, но настаивали на ее включении в состав Сирии/70.

* * *

В британской политике ясно выражалось убеждение, что существуют два народа - арабы и евреи - и каждый из них получил свое. В декабре 1917 года, вскоре после оглашения Декларации Бальфура, заместитель министра иностранных дел лорд Роберт Сесиль объяснил политику своей страны в очень простых словах: "Мы хотим, чтобы арабские страны принадлежали арабам, Армения - армянам, Иудея евреям"/71.

Оценивая много лет спустя результаты Версальской конференции, Ллойд-Джордж был оскорблен предположением о том, что мировые державы обделили арабов в Палестине или где-либо еще:

"Ни одна нация не извлекла стольких выгод из верности союзников своему обещанию защищать интересы угнетенных народов. Благодаря огромным жертвам союзных наций и, особенно, Британской империи, арабы уже получили независимость в Ираке, Аравии, Сирии и в Трансиордании - и это несмотря на то, что многие арабские народы всю войну сражались на стороне своих турецких угнетателей... В частности, палестинские арабы воевали за продолжение турецкого господства"/72.

Сходным образом резюмировал суждения британского кабинета в вопросе об оказании покровительства евреям,

желающим создать собственное государство в Эрец-Исраэль, и южноафриканец Ян Сматс, член Британского военного совета, принимавший активное участие в дискуссиях по поводу Декларации Бальфура и Версальского договора:

"Казалось само собой разумеющимся, что широкомасштабное переселение евреев на их историческую родину никак нельзя расценивать как враждебный акт по отношению к арабскому народу... который по окончании Первой мировой войны оказался в гораздо лучшем положении, нежели любая другая нация - причем это произошло благодаря усилиям Британии"/73.

И нет ничего удивительного в том, что лорд Бальфур официально выразил эту точку зрения в письме от 2 ноября 1917 года, переданном через Ротшильда лидерам Британской сионистской организации:

"Правительство Его величества благосклонно расценивает усилия по созданию в Палестине национального очага для еврейского народа; оно приложит все старания, чтобы содействовать осуществлению этой цели. При этом следует ясно понимать недопустимость шагов, ущемляющих гражданские и религиозные права нееврейского населения Палестины или же права и политический статус евреев, проживающих в других странах".

Со временем этот документ получил известность под названием Декларация Бальфура. Всем было ясно, что усилия по созданию еврейского национального дома в Эрец-Исраэль приведут, в конце концов, к появлению еврейского государства, в котором арабы будут меньшинством. Этому меньшинству надлежало обеспечить "гражданские и религиозные права". Казалось, что таким образом проблема будет исчерпана.

В 1920 году в Сан-Ремо состоялась конференция Лиги Наций. В ходе этой конференции Британии был вручен мандат на управление Палестиной. Принимая свое решение, Лига Наций опиралась на Декларацию Бальфура, отдельные формулировки которой были включены в текст Мандатного поручения:

"Мандатный уполномоченный (то есть правительство Великобритании) обязан создать в стране такие политические, административные и экономические условия, которые обеспечат создание национального дома для еврейского народа".

Мандат предписывал Британии содействовать еврейской иммиграции в Палестину и "укоренению еврейского населения на этой земле". (Полный текст Мандатного поручения можно найти в приложении 5).

Британия считала себя вправе действовать подобным образом, поскольку именно она только что освободила арабов от четырехвекового турецкого владычества и предоставила им огромные территории, на которых эта нация обрела полную свободу национального выражения. Британия ощущала также, что евреи заслуживают особой признательности за их лояльность и помощь ей в ходе Первой мировой войны.

Многие евреи сражались в союзных армиях и, таким образом, внесли свой вклад в освобождение Эрец-Исраэль от турецкого владычества. Арабы же не сделали практически ничего, дабы избавиться от турок (большинство арабов, как отметил Ллойд-Джордж, и в особенности палестинских, поддерживали турок-мусульман). Исключением можно считать несколько налетов на Хиджазскую железную дорогу, предпринятых нерегулярными отрядами Т.Э. Лоуренса, который впоследствии немало потрудился, чтобы раздуть значение этих вылазок и, соответственно, свой личный вклад в победу над Османской империей.

Помимо тех сотен тысяч евреев, которые служили в вооруженных силах стран Антанты/74, в военных действиях

принимали участие и прекрасно себя проявили еврейские батальоны, созданные в рамках британской армии по инициативе сионистских лидеров. Этими батальонами командовал полковник Джон Генри Паттерсон*. Они ощутимо помогли британцам в их кампании против турок в Самарии, Галилее и Трансиордании.

Итак, в силу благодарности за военное содействие и признавая исторические права евреев, Британия поддержала сионистские усилия по созданию национального дома в Эрец-Исраэль. Именно британские политические деятели внесли упоминание о еврейских правах в текст Мандатного поручения Лиги Наций - что было не особенно трудным делом, поскольку эти права были широко признаны.

В сущности, мандат Лиги Наций не даровал евреям права на Эрец-Исраэль, но лишь признал их существующими и сохраняющими законную силу. Именно так звучит соответствующий параграф Мандатного поручения: "Сим признается историческая связь еврейского народа с Палестиной и его право воссоздать в этой стране свой национальный дом". Такая формулировка стала возможной лишь потому, что образованные люди Запада твердо вери-

---

* Паттерсон был замечательным сионистом-неевреем. Этот британский офицер возглавил первое за многие столетия еврейское воинское формирование - "Полк погонщиков мулов", основанный Йосефом Трумпельдором. Под его началом Полк принимал участие в Галлиполийской кампании. Затем Паттерсон возглавил Еврейский легион, созданный Владимиром Жаботинским.

Это был солдат и ученый; он сотрудничал с моим отцом в Америке, когда тот приехал туда в составе делегации Жаботинского вскоре после начала Второй мировой войны, чтобы вести пропагандистскую кампанию за создание еврейского государства. Они настолько сдружились, что мои родители решили назвать своего первенца Йонатаном. В английском звучании это имя Jonathan сочетает упоминания о двух дорогих им людях: Джон - в честь Паттерсона, Натан - в честь деда, Натана Милейковского. По торжественным случаям в моей семье выставляют серебряный кубок с надписью: "Дорогому Джонатану от его восприемника Джона Генри Паттерсона".

ли, что право евреев на Эрец-Исраэль даровано им самой историей и извечным устремлением еврейского народа к возрождению своей национальной жизни.

Эта мысль была красноречиво выражена в 1921 году Уинстоном Черчиллем, которому покровительствовал тогда Ллойд-Джордж:

"Совершенно очевидно право рассеянных по миру евреев обрести свой национальный центр и национальный дом, дабы они могли там вновь соединиться. И где же еще быть такому центру, как не в Палестине, с которой евреев, вот уже три тысячелетия, связывают самые прочные узы? Мы полагаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев, хорошо для Британской империи, но также хорошо и для арабов, проживающих в Палестине... Они получают свою долю выгод и прогресса от успехов сионистского начинания".

Черчилль твердо верил, что евреи построят свой национальный дом в Эрец-Исраэль и принесут немалую пользу арабским жителям страны. Когда арабы обратились к нему с петицией, требуя запретить евреям приобретение земли в Палестине, он ответил им:

"Никто не нанес вам ущерба... У евреев более трудная задача, чем у вас. Вы можете пользоваться собственными владениями; им же предстоит создать из пустыни, из бесплодных равнин место, где смогут жить люди, которых они приведут сюда".

Когда в палате общин Черчилля критиковали за то, что евреям была предоставлена концессия на строительство гидроэлектростанции на реке Иордан, он ответил:

"Мне говорят, что и арабы могли бы это сделать. Кто в это поверит? Предоставленные сами себе, палестинские арабы за 1000 лет не предпримут ни одной серьезной попытки произвести работы по ирригации и элек-

трификации Палестины. Они вполне довольны тем, что нежатся - ибо это народ философского склада - под солнцем на выжженной равнине, позволяя водам реки Иордан свободно течь в Мертвое море"/75.

Как уже было отмечено, в начале XX столетия симпатии к сионизму получили широкое распространение по обе стороны Атлантики. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Соединенные Штаты поспешили признать Декларацию Бальфура. В июне 1922 года она была утверждена обеими палатами Конгресса, а затем президент Уоррен Дж. Гардинг издал постановление, обеспечивающее решению Конгресса силу закона.

Итак, в 1922 году, после десятилетий политической борьбы, сионизм достиг пика международного признания. Дело его повсеместно считалось правым, лидеры его пользовались всеобщим уважением и восхищением, а цель сионистского движения - создание еврейского национального дома на обоих берегах реки Иордан - рассматривалась как в высшей степени справедливая и правомерная. Конечно, речь шла о национальной территории весьма скромных размеров, а заболоченная и занесенная песками земля была беззащитна под лучами жестокого солнца. Но, все же, обещанная евреям территория была почти пуста и в достаточной степени просторна.

Разве не возделывали их предки гилеадские поля в Заиорданье, не высаживали виноградники на холмах Иудеи, не рыбачили на озере Кинерет, не выходили в море от берегов Яффо? Потомки древних израильтян смогут делать все то же самое и даже большее. Ведь Герцль предсказывал в своем романе "Старо-новая земля", что еврейское государство сумеет возродить древние традиции, применяя при этом все достижения современной науки и техники.

Ведь Джордж Элиот писала, что евреи создадут республику, "в сердце которой будут сохранены культура и уважение ко всем великим нациям"; ведь предвещала

она, что евреи "принесут свет западной свободы на деспотичный Восток".

В 1922 году, невзирая на зловещие тучи, нависшие над еврейским сообществом в Европе, создание надежного убежища и национального дома для евреев казалось делом скорым и несомненным. Никогда еще на протяжении двух минувших тысячелетий будущее еврейского народа не представлялось таким ясным и обнадеживающим.

Глава вторая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Но надеждам еврейского народа не суждено было сбыться. Еще до того, как на конференции в Сан-Ремо Британия получила мандат на управление Палестиной, различные силы внутри британского политического истеблишмента выступили против обязательств, принятых Лондоном в ходе Версальской конференции. В 1922 году, когда Лига Наций окончательно утвердила мандатные полномочия, воля британских политиков к действительному выполнению Декларации Бальфура уже значительно ослабла.

В рамках своей новой ближневосточной политики Британия отказалась от обязательств, принятых ею с провозглашением Декларации Бальфура. Эти обязательства казались англичанам выражением несомненной нравственной истины и исторической справедливости по отношению к еврейскому народу, однако они были отброшены без всяких сомнений, так как не соответствовали реальной политической ситуации в регионе.

В 1922 году Британия отрезала Трансиорданию от территории, выделенной для создания еврейского государства. Одним росчерком пера у евреев было отнято около 80% обещанной им земли. Евреям было запрещено селиться на территории Трансиордании, и этот запрет фактически сохраняет свою силу вплоть до сегодняшнего дня (см. карту 5). Вся восточная часть Эрец-Исраэль была передана англичанами под управление Абдаллы, представителя Хашимитской династии из Мекки. Британия присвоила ему

титул эмира и создала для него собственное государство, получившее название Трансиордания (ныне - Иордания). Это государство по сегодняшний день страдает от многих причин, связанных с обстоятельствами его искусственного рождения.

В 1930 году Британия опубликовала "Белую книгу" - сборник законодательных постановлений, который вводил многочисленные ограничения на еврейскую репатриацию в подмандатную Палестину. Кроме того, евреям запрещалось приобретать земельные участки во многих районах Эрец-Исраэль. Этот шаг был предпринят Лондоном в результате арабских волнений, прокатившихся по подмандатной Палестине в конце 20-х годов. Англичане полагали, что ограничив приток евреев в Эрец-Исраэль, они смогут умиротворить арабов.

На протяжении 30-х годов британская политика блокадного удушения евреев Палестины принимала все более выраженный характер. К началу Второй мировой войны, после того, как была опубликована вторая "Белая книга" с еще более жесткими антиеврейскими ограничениями, Британия сумела почти полностью прекратить алию. Расселение евреев в Эрец-Исраэль было ограничено тесными рамками и дозволялось на мизерной части территории страны.

Эта предательская политика вызвала возмущение президента США Франклина Рузвельта. Обращаясь к государственному секретарю Корделлу Халлу, он спрашивал: "Я был в Версале, знаю, что англичане не делали тайны из того, что обещали Палестину евреям. Почему же теперь они не выполняют своих обязательств?"¹.

В самом деле, почему? Каковы причины этой разительной перемены? Что заставило могущественную Британскую империю отказаться от выполнения столь торжественно данных ею обязательств - и это в том момент, когда в Центральной Европе уже заработала гитлеровская машина уничтожения?

Правительство Ллойд-Джорджа утвердило Декларацию Бальфура и поддержало сионистские требования в Версале по двум причинам, сходным с теми, по которым сегодня многие американцы поддерживают Израиль. Во-первых, Ллойд-Джордж считал, что поддержка еврейских национальных устремлений в Палестине является нравственным актом, соответствующим требованиям исторической справедливости. Но он выступал в поддержку сионизма и по другой причине, не менее важной: британский премьер полагал, что цели сионистов соответствуют имперским интересам Великобритании.

Подобно кайзеру Германии, Ллойд-Джордж считал, что евреи представляют собой силу, с которой следует считаться. Он верил, что союз с еврейским народом в Палестине, расположенной на пересечении Суэцкого канала и сухопутного пути в Индию, окажется чрезвычайно выгодным для Британии/2. Таким образом, он был убежден, что, чем сильнее будут евреи в Палестине, тем сильнее будет Британская империя. В конечном счете, это должно было привести к укреплению ценностей западной свободы, главной хранительницей которых Ллойд-Джордж считал Великобританию.

Резкая смена британской политики после падения правительства Ллойд-Джорджа была обусловлена переменами в восприятии двух вышеупомянутых факторов. Во-первых, британские политики пришли к выводу, что союз с арабами может оказаться гораздо более выгодным и перспективным для Лондона, нежели союз с евреями. А, во-вторых, англичане убедились в том, что большинство арабских лидеров отвергает дипломатию Фейсала и выступает против переселения евреев в Палестину. Британские политики сочли, что предпочтение, оказанное сионизму, явилось ущемлением арабских интересов.

Новая ближневосточная концепция Великобритании оформилась в период между двумя мировыми войнами, однако она сохранила силу и во второй половине XX столе-

тия. Исходя из этой концепции, британские лидеры с готовностью воспринимали даже самые абсурдные утверждения арабской пропаганды как истину в последней инстанции. Концепция, основанная на предпочтении стратегического союза с арабами и на убежденности в их принципиальной правоте, и сегодня влияет на европейскую и американскую политику по отношению к Израилю.

Поэтому необходимо проследить, насколько данная концепция состоятельна в обоих своих аспектах - нравственном и политическом.

Отказ от политики содействия сионизму не был, разумеется, инициативой Бальфура или Ллойд-Джорджа. Это был результат имперских расчетов, которыми руководствовались чиновники британских министерств обороны и иностранных дел. В результате Первой мировой войны Британия отобрала у Османской империи огромную часть арабского мира. Идеализм Вильсона и Бальфура был хорош для военной пропаганды, но когда Палестина, Сирия, Ирак и Аравия действительно оказались в руках англичан, перед Британией встала конкретная проблема: захваченными странами должен был кто-то управлять.

Управление было поручено небольшой и достаточно узкой группе "арабистов" из британского внешнеполитического ведомства. Эти люди проводили жизнь, изучая арабский язык, путешествуя по Каиру и Хартуму, проникаясь романтическими представлениями о "благородных бедуинах". Они мечтали о создании обширной пробританской федерации арабов - от Судана до Ирака, и эта федерация должна была составить среднее звено огромной империи, простиравшейся от Южной Африки до Индии.

Во время Первой мировой войны эти романтически настроенные чиновники боролись за "освобождение" арабов от османского ига. Они неустанно пытались выдвигать арабских лидеров, способных привести разрозненные племена к альянсу с Британией и ко внутреннему миру. Странно, но, кажется, их совершенно не беспокоил тот

факт, что сотни тысяч арабов воевали и умирали за Османскую империю. Лишь немногочисленные отряды бедуинских всадников были привлечены на сторону Британии с помощью денежных подачек и щедрых политических посулов.

Британские "арабисты" не придавали особого значения небольшому и отсталому арабскому населению Палестины. Но сама Палестина должна была стать мостом между Каиром, с одной стороны, Багдадом и Дамаском - с другой. Эта земля была в глазах британских чиновников абсолютно незаменимым стратегическим звеном.

Без устали пытались они завоевать симпатии своих новых подданных, поэтому арабский антагонизм по отношению к сионизму был включен ими в практическую политику Великобритании. Так, например, они попытались включить Палестину в состав британской Сирии уже вскоре после получения мандата (незадолго до французской оккупации Дамаска).

Как только англичане захватили Иерусалим - 11 декабря 1917 года, через месяц после оглашения Декларации Бальфура, - среди британских чиновников в Палестине появились первые признаки недовольства теми обязательствами, которые приняла на себя их страна. Целью противников сионизма вовсе не было обеспечение справедливости - ими руководило отчетливое желание снискать симпатии арабов. Так, бригадный генерал Гилберт Клейтон, политический секретарь сэра Эдмунда Алленби, командовавшего британскими войсками при освобождении Палестины, открыто утверждал, что Декларация Бальфура была ошибкой:

"Мы должны подумать, не поставит ли нас ситуация, при которой мы оказываем поддержку сионизму, перед угрозой арабской враждебности в критический момент"/3.

Доводы Клейтона предшествовали аналогичной аргументации будущих "арабистов" - они конкретно изложены в споре с просионистски настроенным сэром Марком Сайксом

"Я должен подчеркнуть, что оказывая им (сионистам) содействие, мы рискуем восстановить против себя возможное объединение арабов"/4.

Клейтона поддержал верховный комиссар Египта сэр Реджинальд Вингейт, который предостерегал Алленби: "Марка Сайкса немного заносит в вопросе о сионизме, его увлекает поток собственного красноречия. Если он не притормозит, то телега может перевернуться"/5.

Новый военный губернатор Иерусалима Рональд Сторрс тоже старался охладить энтузиазм англичан в отношении сионистских планов и данных евреям обещаний. Он требовал от Лондона политического сочувствия к арабам Палестины и утверждал, что любые практические перемены должны осуществляться постепенно и с крайней осторожностью. "В противном случае мы вызовем у арабов вечную неприязнь к Британии", - говорил Сторрс /6.

В результате генерал Алленби отказался опубликовать Декларацию Бальфура в Эрец-Исраэль. Вместо этого он распространил собственное заявление, в котором говорилось, что "британская администрация будет содействовать становлению туземных правительств в Сирии и Месопотамии". Это заявление было с благосклонностью воспринято местными арабскими вождями, поскольку в их глазах Палестина являлась частью Сирии. Наблюдая за развитием событий в Эрец-Исраэль, Зеев Жаботинский назвал политику Британии "извинением перед арабами за обмолвку мистера Бальфура"/7.

* * *

Вскоре доклады о том, что мандатная администрация в Палестине противодействует официальной политике Лондона, стали поступать в британское министерство иностранных дел. Во главе МИДа по-прежнему стоял лорд Бальфур, и он незамедлительно отреагировал на эти тревожные сигналы. 4 августа 1918 года мандатная администрация

ция получила телеграфное предписание МИДа, в котором всем чиновникам разъяснялось, что Декларация Бальфура является выражением официальной британской политики на Ближнем Востоке/8.

Но это не возымело действия. Негативное отношение мандатной администрации к политике содействия сионизму, да и к самим евреям, становилось все более очевидным. Генерал Артур Муни, который сменил Алленби на посту военного губернатора Палестины, жаловался на "крючконосых друзей Ллойд-Джорджа"/9. Он приказал печатать правительственные постановления только на английском и арабском языках/10 и отказался вставить при исполнении еврейского национального гимна "Атиква"/11.

Военный губернатор Яффо подполковник Дж. Хаббард создал первые политические организации палестинских арабов и финансировал их. При этом он рассчитывал использовать свежее испеченных арабских лидеров, поставленных им во главе этих организаций, для противодействия официальной британской политике, которая все еще была ориентирована на поддержку сионизма/12. Хаббард дал понять, что если арабы захотят устроить антиеврейские беспорядки, то он не будет препятствовать им/13.

Британская разведка предупреждала Лондон, что дозволение свободной еврейской репатриации в Эрец-Исраэль является чрезмерно рискованным шагом, могущим подорвать престиж Великобритании в глазах арабов. Разведка рекомендовала МИДу прекратить выдачу евреям иммиграционных виз "вплоть до стабилизации военного положения в Палестине"/14.

Жаботинский, бывший поначалу горячим приверженцем сотрудничества с англичанами, теперь был вынужден с сожалением признать, что британскую администрацию охватила "беспрецедентная эпидемия антисемитизма". Он писал:

"Ни в России, ни в Польше не было столь густой и всепроникающей атмосферы ненависти (к евреям), которая

царила в британской армии в Палестине в 1919 и 1920 гг."/15.

Однако в британской администрации оставалась горстка чиновников, сочувствующих сионизму. Эти люди вели упорную и, в конечном счете, обреченную борьбу за реализацию политического курса, определенного Ллойд-Джорджем и Бальфуrom. Они придерживались воззрений, прямо противоположных тем, что защищали "арабисты". Заискивание перед арабами представлялось им бесперспективным делом, и они считали, что Британия не сможет полагаться даже на тех арабов, которые проявляют готовность сотрудничать с ней. Содействие же евреям, по их мнению, должно было привести к созданию мощного западного государства в самом сердце Ближнего Востока.

Наиболее убедительно защищал эту позицию полковник Ричард Майнерцаген, глава британской разведывательной службы на Ближнем Востоке, блистательные операции которого немало содействовали успешному освобождению Палестины от турок в 1917 году. Майнерцаген признавал позже, что в начале своей карьеры он был антисемитом, однако его мнение о евреях и сионизме изменилось в ходе Первой мировой войны, когда ему приходилось пользоваться услугами еврейских и арабских агентов. К 1919 году, когда он был назначен политическим координатором мандатной администрации в Палестине, Майнерцаген был уже убежденным сторонником сионизма. Его просионистская деятельность достигла апогея, когда он встретился с Гитлером, чтобы попытаться спасти евреев Германии и обеспечить им убежище в Эрец-Исраэль.

Майнерцаген был независимо мыслящим британским патриотом. Замечательный характер этого человека проявился при его первой встрече с Гитлером. Фюрер, шествуя к Майнерцагену, вскинул руку и воскликнул: "Хайль Гитлер!" Не дрогнув ни единым мускулом, Майнерцаген ответил: "Хайль Майнерцаген!"/16.

Став представителем бальфуровского МИДа в Палестине,

Майнерцаген обнаружил, что он "один здесь, среди неевреев, защищает сионизм"/17. Тем не менее, он упорно настаивал на том, что поддержка сионистских устремлений соответствует принципиальным интересам Британии:

"Национальные противоречия сулят крах нашей позиции. Мы не можем дружить одновременно и с арабами, и с евреями. Я считаю правильным развивать дружеские связи с теми, кто сохранит нам верность в будущем, то есть с евреями... Хотя мы очень много сделали для арабов, они не знают, что такое благодарность; более того, они будут тяжким бременем для нас, а дружба с евреями - это хорошо вложенный капитал... Кроме того, евреи доказали свои бойцовские качества еще во времена римской оккупации Иерусалима. Арабы - плохие бойцы; они способны лишь к грабежу, саботажу и убийствам... Мое предложение приведет к реальному укреплению наших позиций на Ближнем Востоке"/18.

За три десятилетия до провозглашения независимости Израиля, Майнерцаген был абсолютно убежден в том, что союз с евреями, поддерживающими ценности западной свободы, есть единственный способ сохранить позиции Британии в ближневосточном регионе:

"Мы потеряем контроль над Суэцким каналом в 1966 году; к этому времени нас выгонят из Египта, и канал может быть закрыт для наших кораблей... Я всегда рассматривал Палестину как ключевую точку для защиты Ближнего Востока. Поэтому на прошлой неделе я вступил в контакт с Вейцманом, чтобы окончательно обговорить, получит ли Великобритания возможность сохранить свои воздушные, морские и военные базы в Палестине, когда там возникнет суверенное еврейское государство. Кстати, на евреев можно положиться во всем, что касается выполнения соглашений, на арабов же полагаться невозможно...

Если у нас будут собственные базы в Палестине, британские позиции на Ближнем Востоке можно будет считать гарантированными"/19.

Борьба между Майнерцагеном и антисиионистами достигла высшей точки в марте 1920 года, когда эмир Фейсал был провозглашен королем всей Сирии - включая Палестину. Британская мандатная администрация не могла формально признать его власть над Палестиной/20, но она организовала яростные арабские демонстрации, участники которых требовали положить конец просиионистской политике Лондона и включить Палестину в состав Сирии. По согласованию с Фейсалом, губернатор Иерусалима Сторрс и начальник его штаба Ричард Уотерс-Тейлор оказывали всяческое содействие организации панарабистских радикалов, во главе которой стоял Хадж-Амин эль-Хусейни. Англичане были уверены в том, что он выступит за включение Палестины в состав Сирии.

Майнерцаген был вынужден использовать агентов для того, чтобы обеспечить себе контроль над антисиионистской деятельностью мандатной администрации. Он свидетельствовал, что в начале 1920 года Уотерс-Тейлор обратился к арабским радикалам с предложением организовать серию антиеврейских беспорядков, цель которых - "убедить британское правительство в непопулярности его просиионистской политики". Губернатор Иерусалима Сторрс и эмир Фейсал были осведомлены об этой инициативе/21.

Уотерс-Тейлор встретился с Хадж-Амином эль-Хусейни. Майнерцаген докладывал об этой встрече:

"Они встретились в среду перед Пасхой, и Уотерс-Тейлор сказал лидеру арабских радикалов, что в Пасху представляется прекрасный случай показать всему миру, то что арабы не потерпят еврейского господства в Палестине. Он сказал также, что сиионизм непопулярен не только среди чиновников местной мандатной администрации, но

и в Уайтхолле, и что если на Пасху в Иерусалиме случатся беспорядки достаточной силы, генерал Боулс и генерал Алленби также выступят против идеи создания еврейского национального дома"/22.

В день массовых беспорядков Иерусалим был увешан плакатами, гласившими: "Правительство за нас! Алленби за нас! Убивайте евреев - за это не будут наказывать!"/23. Арабские активисты кричали: "Да здравствует король Фейсал! Именем короля мы призываем вас бороться с евреями!"/24.

Британская полиция отстранила от дежурств еврейских офицеров, войска были отведены в казармы, и на улицы вышли только арабские полицейские, которые тут же присоединились к погромщикам. В течение трех дней арабы беспрепятственно грабили и убивали евреев. Немногие арестованные были освобождены англичанами еще до окончания беспорядков, и те снова присоединились к бесчинствующей толпе/25. Шесть евреев были убиты и 211 получили ранения.

Когда порядок был наконец "восстановлен", англичане арестовали двух арабов (за изнасилование еврейских женщин) и двадцать евреев - за организацию отрядов самообороны. В числе арестованных был Зеев Жаботинский. Хадж-Амин эль-Хусейни, главный вдохновитель кровавого побоища, улизнул из страны. Ареф эль-Ареф, один из ведущих арабских подстрекателей, заявил на встрече мусульманских старейшин, состоявшейся вскоре после завершения беспорядков:

"К счастью, британская администрация стоит на нашей стороне. Мы не пострадаем. Поэтому мой совет - продолжить применение силы против евреев"/26.

В первое время после кровавых арабских волнений могло показаться, что взгляды Майнерцагена берут верх. Его протесты по-прежнему сочувственно воспринимались министерством иностранных дел. Майнерцаген выступил

перед комиссией по расследованию, и его исчерпывающие показания потрясли лондонское правительство до такой степени, что палестинская военная администрация была расформирована. Генералы Льюис Боулс и Уотерс-Тейлор были отправлены в отставку, и в июле 1920 года верховным губернатором Палестины стал лорд Герберт Сэмюэль, открытый сторонник сионизма. Жаботинский и другие арестованные бойцы еврейской самообороны были освобождены.

Тем временем французы оккупировали Дамаск и низвергли поставленное англичанами правительство Хашимитов. Париж выдвинул собственные притязания на Сирию и, таким образом, были навеки погребены мечты "арабистов" о включении Палестины в состав британской Сирии.

* * *

Но шли месяцы, и становилось ясно, что борьба за выполнение Британией своих обязательств будет долгой и нелегкой. "Боулс ушел, - писал полковник Паттерсон, - однако сохранилась взлелеянная им система. Чиновники-антисемиты, которых он привез с собой, остались на местах"/27.

Исполненный добрых намерений Герберт Сэмюэль оказался не в силах сопротивляться своим подподчиненным, и положение вскоре ухудшилось. Чиновники постоянно твердили верховному губернатору, что неприязнь арабов к Британии возрастает из-за евреев. Они заботились о том, чтобы все ключевые посты в местной администрации (и даже в службе безопасности) были заняты арабами/28. "Арабисты" уговорили лорда Сэмюэля совершить "жест доброй воли" и помиловать Хадж-Амина эль-Хусейни. Главный вдохновитель кровавых волнений вернулся в Иерусалим и немедленно возобновил свою подстрекательскую деятельность.

Напуганный возможностью "столкновения с нашими арабскими друзьями"/29, Герберт Сэмюэль снял свои возражения против отделения Трансиордании от остальной территории Палестины. Когда в Иерусалиме освободилось место муфтия (главы мусульманской религиозной иерархии), Хадж-Амин эль-Хусейни выставил свою кандидатуру на этот пост, рассчитывая использовать его преимущества и финансовые возможности в борьбе против евреев. Он проиграл выборы, заняв всего лишь четвертое место в списке претендентов, однако антисионисты из администрации Сэмюэля сместили действительного победителя и убедили верховного губернатора в том, что только эль-Хусейни может стать полноценным представителем палестинских арабов.

Сэмюэль назначил Хадж-Амина эль-Хусейни на специально созданную пожизненную должность "Великого Муфтия". Одним зловецким росчерком пера верховный губернатор Палестины узаконил лидерство самого радикального из местных арабских вождей. Тем самым был создан прецедент, сохраняющий силу до настоящего времени: лидерами палестинских арабов становятся те, кто выступает с наиболее экстремистских позиций. "Он ненавидит и евреев, и англичан, - писал Майнерцаген. - Его назначение - полное безумие"/30. "Сэмюэль оказался слаб", - мрачно заключил Ллойд-Джордж/31.

В 1921 году уже и Лондон был охвачен враждебностью к сионизму. В этом году Палестина была выведена из сферы компетенции британского МИДа и передана под юрисдикцию новообразованного Ближневосточного отдела в министерстве колоний. Отдел был сформирован из старых кадров, строивших имперское могущество в Кении, Сьерра-Леоне и Южной Родезии/32. Новый отдел возглавил сэр Джон Шакберг, "человек, пропитанный антисемитизмом, остро ненавидящий сионизм и евреев"/33.

Шакберг был одним из главных сторонников проарабской концепции. Он считал, что для обеспечения британских

интересов на Ближнем Востоке необходимо оказать противодействие сионизму и, тем самым, обеспечить лояльность арабских подданных империи в Египте, Ираке и в районе Персидского залива.

Мистически очарованные Востоком английские "арабисты" исходили в своих действиях и из других, гораздо менее романтических побуждений. Относясь к арабам со странной смесью экзотических сантиментов и подсознательного презрения, они полагали, что управлять арабами им будет гораздо легче, нежели евреями. Убежденные сторонники колониализма, они верили в то, что им удастся бесконечно манипулировать отсталыми арабами и отвергать исходящие из их среды требования о предоставлении независимости. По их мнению, единственная угроза такому миропорядку была возможна только в том случае, если ненависть к евреям заставит арабов выступить против Британии.

В колониальном ведомстве к Шакбергу примкнули ветераны Первой мировой войны, известные своей последовательной проарабской ориентацией. Одним из них был Томас Эдуард Лоуренс, снискавший громкую славу как "Лоуренс Аравийский". Этот человек прославился в Британии и Америке благодаря популярному спектаклю, в котором превозносились чудовищно преувеличенные подвиги возглавляемых им бедуинских всадников (налеты на охраняемую турками Хиджазскую железную дорогу).

Стремясь оправдать свою незаслуженную репутацию главного героя антитурецкой кампании, Лоуренс усердно доказывал, что Британия находится в неоплатном долгу перед арабами вообще и перед Хашимитской династией из Мекки в частности /34. Бывалые подчиненные, такие, как Шакберг и Лоуренс, могли успешно манипулировать своим новым начальником. Им оказался деятельный, но неопытный министр колоний Уинстон Черчилль. Очень скоро этот выдающийся человек стал послушным проводником антиссионистской политики "арабистов".

Черчилль вступил в должность, будучи убежденным сторонником сионизма. В феврале 1920 года он вызвал ужас правительственных "арабистов", заявив в интервью газете "Санди Геральд", что в перспективе ему видится "еврейское государство с тремя-четырьмя миллионами жителей на обоих берегах Иордана"/35. Черчилль был носителем версальского духа - он определенно поддерживал идею возрождения еврейской государственности на всей территории библейской Эрец-Исраэль. Об этом же писал лорд Бальфур Ллойд-Джорджу:

"Восточная граница Палестины должна проходить как можно дальше от Иордана... дабы создать условия для успешного развития сионистского земледелия"/36.

С этим соглашался и лорд Сэмюэль, назначенный верховным губернатором Палестины:

"Не может быть населенности без территории. Каждый эксперт понимает, что для процветания Палестины совершенно необходима соответствующая территория к востоку от Иордана"/37.

Самая влиятельная лондонская газета "Таймс" доказывала, что Палестине "необходима надлежащая военная граница... Она должна проходить как можно ближе к краю пустыни". По мнению газеты, "река Иордан не может быть восточной границей Палестины. В соответствии с мандатными обязательствами, принятыми Великобританией, наш долг сделать еврейскую Палестину жизнеспособным и процветающим национальным государством, избавленным от необходимости вести вечную борьбу за свое выживание в регионе"/38.

Несколькими годами позже заместитель министра колоний лорд Арнольд выступил в британском парламенте и ретроспективно представил официальную позицию Лон-

дона следующим образом:

"Во время войны мы признали независимость арабов внутри определенных границ... Шли споры о том, какие именно территории включают в себя эти границы. Но по поводу Трансиордании споров не было. Никаких сомнений не вызывал тот факт, что Трансиордания находится внутри границ, подразумеваемых Декларацией Бальфура"/39.

Даже эмир Абдалла, ставший главой арабского государства Трансиордания, признавал, что доставшаяся ему территория предназначалась изначально евреям:

"Милостью Аллаха мне удалось создать (арабское) правительство в Трансиордании. Это произошло благодаря отделению страны от Декларации Бальфура, в рамках которой Трансиордания находилась еще по соглашению Сайкс-Пико (1916), включавшему ее в зону влияния Великобритании"/40.

Как и его брат Фейсал, Абдалла признавал положительную роль еврейской иммиграции в создании экономической основы Трансиордании. В связи с этим он неоднократно пытался организовать продажу и сдачу в аренду земельных участков на восточном берегу Иордана евреям, живущим в западной части Эрец-Исраэль. Эти попытки предпринимались в 1924-25 гг.; в конце концов, они были пресечены британской администрацией/41.

Было ясно, что Черчилль, если предоставить его самому себе, попытается реализовать собственные замыслы относительно создания еврейского государства на обоих берегах Иордана. Чиновники из Ближневосточного отдела министерства колоний предприняли все возможные меры для того, чтобы этого не случилось. С помощью лживых заявлений Шакберг, Лоуренс и их сотрудники убедили

Черчилля в том, что еще во время войны Трансиордания была обещана Фейсалу и Хашимитской династии. Тем самым они проложили дорогу эмиру Абдалле, и тот явился в Трансиорданию со своей гвардией из двухсот бедуинов.

Это произошло вопреки протестам верховного комиссара Герберта Сэмюэля и других официальных лиц, утверждавших, что восточный берег Иордана является неотъемлемой частью мандатной Палестины. Ллойд-Джордж настаивал на том, что, даже если Трансиорданию придется отдать арабам, она все равно должна рассматриваться как "арабская провинция Палестины, или присоединенная к ней территория"/42.

Однако чиновники министерства колоний были убеждены, что с помощью щедрых подачек арабам Британия завоюет себе их преданность. Они заявили Черчиллю, что отделение Трансиордании от Палестины не ущемляет еврейских интересов. Что же касается самого Черчилля, то он - как и многие другие западные лидеры последующего периода - был недостаточно сведущ в подробностях для того, чтобы опровергнуть это голословное утверждение. Майнерцаген, который тем временем был переведен в Лондон, снова оказался единственным защитником еврейских интересов и британских обязательств:

"Атмосферу в министерстве колоний можно со всей определенностью охарактеризовать как юдофобскую; тон в этом задает Шакберг, начальник Ближневосточного отдела... Я был вне себя от ярости, когда мне стало известно, что Черчилль отделил Трансиорданию от Палестины. Для того, чтобы задобрить Абдаллу, в жертву была принесена целостность еврейского национального дома, включающего в себя все пространство библейской Палестины. Лоуренс, конечно, в нужный момент оказался у Черчилля и сумел повлиять на его решение... Это сокращает размеры еврейского национального дома до одной трети территории библейской Палестины. Министерство колоний и местная

администрация в Палестине утверждают теперь, что мандатные обязательства не распространяются на Трансиорданию... Это открытие было сделано только тогда, когда понадобилось умаслить арабского эмира".

Майнерцаген решительно потребовал встречи с министром: "...Я пришел к нему, кипя от ярости и негодования. Черчилль дал мне выговориться. Я сказал ему, что по отношению к евреям была допущена вопиющая несправедливость, что в очередной раз было нарушено наше обещание, что это был абсолютно бесчестный поступок, что Декларация Бальфура растаскивается по кускам, что политика Его Величества сознательно торпедируется. Я заявил, что Ближневосточный отдел, в чьи обязанности входит реализация наших мандатных обязательств, почти на сто процентов состоит из юдофобов... Черчилль выслушал меня и сказал, что мои доводы выглядят достаточно убедительно. Однако он посчитал, что теперь уже поздно что-либо менять. Самое большее, на что он согласен, - это рассмотреть возможность установления временного срока правления Абдаллы в Трансиорданском эмирате. Все это внушает мне глубочайшее отвращение"/43.

* * *

К чести Черчилля следует отметить, что он отверг все попытки "арабистов" убедить его в неприменимости Декларации Бальфура к оставшейся территории британского мандата, то есть в западной части Эрец-Исраэль. Но его отказ не мог умерить пыл арабов, которые почувствовали - и не без основания, - что Британия склонна поддаваться их давлению, когда оно принимает характер насильственных действий.

В мае 1921 года, уже через два месяца после воцарения эмира Абдаллы над Трансиорданием, арабские толпы возобновили погромы в Яффо, а затем и на остальной территории подмандатной Палестины. В ходе кровавых

беспорядков было убито около 50 евреев, в том числе известный писатель Йосеф-Хаим Бренер.

Британский судья Хорас Сэмюэль (он не был родственником верховному губернатору Палестины Герберту Сэмюэлю) участвовал в последующих судебных процессах. Вот как он описывал события, происшедшие в Яффо:

"Арабы Яффы... принялись убивать, калечить и грабить евреев при содействии и попустительстве местной полиции... Арабский сброд, вооруженный камнями и палками, атаковал Иммиграционный центр Сионистского комитета. Первый приступ еврейским иммигрантам удалось отбить. Однако затем к погромщикам присоединились арабские полицейские, вооруженные винтовками и гранатами; у них имелось также достаточное количество патронов. Штурм возобновился, полицейские высадили дверь, и возглавляемая ими толпа ворвалась в здание. В результате 13 иммигрантов были убиты".

Получив сообщение о начавшихся убийствах, англичане тут же нашли выход. Судья Сэмюэль писал об этом:

"Беспорядки, происшедшие 1 мая, и погром в Иммиграционном центре недвусмысленно указывали на то, что арабы Яффо не потерпят продолжения еврейской иммиграции в страну. В этих условиях верховный губернатор (лорд Сэмюэль) предпочел жестким мерам политику умиротворения. Через 48 часов после побоища он позвонил господину Миллеру, заместителю губернатора Яффо, и попросил его объявить арабам, что, по их настоянию, еврейская иммиграция в Палестину будет приостановлена"/44.

Но арабы этим не удовлетворились, и в последующую неделю погромы продолжались по всей стране. Британским солдатам был отдан приказ не стрелять/45. В результате

35 евреев были убиты, несколько сот получили ранения. По свидетельству судьи Сэмюэля, военный губернатор Иерусалима Рональд Сторрс доказывал, что "арабам надо бросить столько кусков, сколько они сумеют проглотить, - лишь бы удержать их от открытого мятежа"/46. Его точка зрения возобладала, и британская администрация впервые ввела запрет на репатриацию евреев в Эрец-Исраэль.

Этот запрет действовал всего два месяца, но он стал прецедентом, на основании которого строилась впоследствии политика Лондона в подмандатной Палестине: еврейские интересы приносятся в жертву, как только арабы прибегают к шантажу и насилию. Декларация Бальфура отошла на второй план, а затем и вовсе утратила свой изначальный директивный характер.

Впрочем, британские специалисты по Ближнему Востоку вовсе не рассматривали действия арабов как шантаж. Напротив, они симпатизировали арабской ненависти к народу, который, по выражению Сторрса, "нигде не пользуется особыми симпатиями окружающих"/47. Колониалисты, уверенные в своем праве вершить судьбы народов, они теперь с непревзойденным лицемерием утверждали, что еврейская власть в Эрец-Исраэль явится грубой несправедливостью по отношению к арабским аборигенам, поскольку последние всегда будут воспринимать евреев как "иноземных захватчиков".

Так, в 1920 году новый министр иностранных дел лорд Керзон, последовательный апологет колониальной политики, заявил, что "от каждого параграфа мандата так и веет иудаизмом". Керзон утверждал, что британский мандат в его изначальном виде ущемляет интересы палестинских арабов/48. Это мнение разделял и новый командующий британскими войсками в Палестине генерал У.Н. Конгрив. Во вверенных ему частях он распространил меморандум, где говорилось, что, хотя армия находится вне политики, нельзя закрывать глаза на вопиющую несправедливость ситуации, при которой евреям дозволяется селиться в

Палестине/49.

Перемена в настроениях колониального истеблишмента мгновенно сказалась на официальной политике Великобритании. Очень скоро советник лорда Сэмюэля по арабским вопросам Эрнст Ричмонд сделал глубокомысленный вывод: "Сионизм порожден духом, который я не могу охарактеризовать иначе, как глубоко порочный"/50. В качестве противоядия этому "порочному духу" Ричмонд замыслил и осуществил назначение Хадж-Амина эль-Хусейни на должность "Великого Муфтия".

Растущая неприязнь к сионизму и страх перед арабскими угрозами дискредитировали в глазах лондонского правительства саму идею создания сильного еврейского государства в Палестине, и англичане окончательно перешли к политике уверток и лавирования. Изменившееся отношение к еврейской репатриации затронуло всю внешнеполитическую стратегию в целом, что обнаружил полковник Майнерцаген, когда в 1923 году он попытался добиться соглашения о военном сотрудничестве между Великобританией и еврейскими поселенцами в Палестине:

"(Черчилль) посоветовал мне не выносить этот вопрос на заседание комиссии по делам Палестины, чтобы не вызвать негативную реакцию. Я спросил его, признает ли еще правительство Декларацию Бальфура, и он сказал, что признает, но в данный момент двигаться надо постепенно, поскольку кабинет ни за что не согласится на действия, восстанавливающие арабов против Великобритании. Опять политика умиротворения. Мы поставили не на ту лошадь и, Бог мой, как мы пожалеем об этом, если нам снова придется воевать!"/51

Верность Декларации Бальфура все еще сохраняли некоторые британские парламентарии - такие, как лорд Джошуа Уэжвуд, Уиндхэм Дидс и Леопольд Эймери. Но их влияние постоянно уменьшалось и через несколько лет оно

почти окончательно сошло на нет.

В августе 1929 года, в день поста 9 Ава, толпы арабов совершили нападения на евреев в Хевроне, Иерусалиме, Цфате и других городах страны. Погромщики беспрепятственно чинили кровавое насилие в течение восьми последующих дней. 113 евреев были убиты, многие сотни - ранены, а шесть еврейских поселений - полностью разрушены. Именно тогда была вырезана древнейшая еврейская община в Хевроне. Англичане снова предпочли не открывать огонь по арабским погромщикам, зато они конфисковали у еврейских поселенцев несколько стволов "незаконно хранившегося у них" оружия. Ежедневная газета "Давар" в отчаянии вопрошала:

"Разве существует такой закон, по которому наши мужчины должны безропотно идти на заклание? Разве обязаны они спокойно смотреть, как убивают их детей, насилуют дочерей, растаскивают имущество? Какая вера и какая власть может потребовать этого от человека?"/52

Министерство колоний теперь возглавлял лорд Пасфилд. В течение двух лет, предшествовавших погромам 1929 года, еврейская репатриация в Эрец-Исраэль резко сократилась, однако колониальное ведомство снова пришло к выводу, что главной причиной кровопролития является продолжающаяся иммиграция. Британия вновь капитулировала перед арабским шантажом. Лорд Пасфилд объявил о резком сокращении площадей, выделяемых под еврейское заселение. Он потребовал установления жесткого контроля над репатриацией и заявил, что сионисты должны отказаться от идеи создания еврейского национального дома/53.

Арабы потребовали, чтобы Зееву Жаботинскому, который вел настойчивую пропаганду за создание еврейского государства, запретили въезд в Палестину - и британская администрация пошла им навстречу/54.

Стало совершенно очевидно, что Британия готова окончательно предать идею создания еврейского национального

дома в Эрец-Исраэль. Но, как ни странно, многие евреи отказывались в это поверить. Их вводили в заблуждение публичные заверения в дружеских чувствах к еврейскому народу, которыми Лондон сопровождал каждую уступку арабам. В течение многих веков евреи не имели своего государства, и теперь они страдали элементарной политической близорукостью. Многие сионистские лидеры не желали видеть истинных мотивов британской политики, не желали задумываться над ее катастрофическими последствиями и, таким образом, они не были готовы выступить против нее открыто. Точно так же, несколько лет спустя, евреи в Европе предпочитали не задумываться над тем, какую участь уготовил им Гитлер.

Немногие, подобно Жаботинскому, осознавали подлинный характер происходящего. Эти люди были вынуждены бороться с мнением большинства, не желавшего конфликта с Британией. Евреи были воспитаны на многовековых традициях законопослушания и подчинения властям; сознательная конфронтация с сильнейшей мировой державой представлялась им немыслимой. Результат известен: в период между двумя мировыми войнами евреи с поразительной покорностью взирали на то, как их лишают родины и национальных прав. Тем временем, миллионы европейских евреев оказались перед лицом смертельной опасности - и у них не было убежища.

Эта покорная пассивность особенно удивительна в связи с тем, что антиссионистские меры британского министерства колоний вызвали негативную реакцию международного общественного мнения. Так, например, в 1930 году мандатная комиссия Лиги Наций выступила с резкой критикой в адрес Великобритании и осудила ее за неспособность обеспечить должную защиту еврейским поселенцам в Палестине/55. Англичан фактически обвинили в том, что они спровоцировали арабов на кровавые беспорядки. Но к тому времени Лига Наций уже лишилась своего бывшего влияния: в 1931 году она была вынуждена беспомощно наб-

люדות за японским вторжением в Маньчжурию, а в 1935 году - за итальянской агрессией в Эфиопии.

Сформулированный в конце Первой мировой войны утопический принцип, в соответствии с которым великие державы должны уважать свои обязательства перед малыми нациями, потерпел очевидное банкротство в Эрец-Исраэль. Великобритания шла к окончательному разрыву с сионизмом.

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер. За три последующих года еврейское население Эрец-Исраэль почти удвоилось. Арабы и их британские покровители поняли, что Палестина становится единственным убежищем для евреев. Неизбежным результатом этого процесса должно было стать образование в стране еврейского большинства - а затем и еврейского государства. Мечта о создании единого арабского пространства под контролем Британской империи оказалась перед лицом реальной угрозы.

19 апреля 1936 года арабы Палестины объявили всеобщую забастовку. Они рассчитывали полностью парализовать хозяйственную жизнь в стране и, тем самым, вынудить англичан на крайние меры по пресечению еврейской иммиграции. Британская администрация проявила благосклонность к арабским протестам и дала разрешение на забастовку. Вскоре организованные муфтием банды, которые насчитывали тысячи наемников, установили в стране режим террора. В течение последующих трех лет бандиты совершали постоянные нападения на евреев; они мучили и убивали также своих противников из числа арабского населения.

В течение длительного времени британская армия не применяла оружие против арабов, продолжая предпринимать усилия, направленные на разоружение евреев. При этом потоки арабских "добровольцев" и партии оружия из соседних стран свободно пересекали границы подмандатной Палестины. В те годы были убиты более 500 евреев (все еврейское население Эрец-Исраэль составляло тогда менее

полумиллиона человек). Наблюдая за этой бойней, Майнерцаген уже предвидел ее последствия: "Боже, как мы предали евреев! Если мы не проявим благоразумия, то потеряем Восточное Средиземноморье, Ирак и все, что представляет хоть какую-то ценность на Ближнем Востоке"/56.

Но даже тогда в британской администрации оставались здравомыслящие люди. Очередная вспышка арабского насилия доказала им, что только евреи могут быть надежными партнерами Британии в регионе. Самым известным из этих людей был капитан британской армии Орд Вингейт, руководивший формированием и обучением мобильных еврейских отрядов по борьбе с террором. Созданные Вингейтом подразделения - "ночные роты" - перенесли боевые действия на территорию противника, совершая постоянные налеты на укрытия арабских мятежников. Вингейт объяснял необходимость создания еврейских вооруженных отрядов следующим образом:

"Воинские части, несмотря на свое превосходство в вооружении, выучке и дисциплине, проигрывают партизанам в умении ориентироваться на местности и знании местных условий. В связи с этим, желательно создавать смешанные группы из британских солдат и преданных нам местных жителей. Из последних положиться можно только на евреев. Они прекрасно знают местность и свободно говорят на разных языках. Более того, они легко овладевают тактической подготовкой, дисциплинированы и храбры в бою"/57.

Однако, в условиях постоянных волнений, большинство чиновников британской администрации предпочитало подчиняться требованиям арабов. Они считали, что именно еврейская репатриация в Эрец-Исраэль является тем фактором, который побуждает арабов выступать против Британии и поддерживать нацистов. Таким образом, алия

стала в их глазах главным источником угрозы благополучию колониальной империи. В 1937 году атташе британского посольства в Каире Ивлин Шакберг писал своему отцу Джону Шакбергу, одному из главных архитекторов антисионистской политики Лондона: "Как мы можем рисковать своим положением в арабском мире из-за какой-то Палестины?"/58. Шакберг-младший четко выразил главный принцип "арабистов", вокруг которого строилась британская политика на Ближнем Востоке в течение всего XX столетия.

Во второй половине 30-х годов официальный Лондон уже полностью разделял эту позицию. В июле 1937 года Королевская комиссия, во главе которой стоял лорд Пиль, дала окончательную санкцию на поворот к проарабской политике. Изучив положение в Палестине, комиссия заключила, что мандатные обязательства Великобритании не могут быть выполнены из-за активного противодействия со стороны арабов. В качестве альтернативы предлагалось произвести повторный раздел подмандатной Палестины: евреи обретут свое государство, которое будет состоять из прибрежной полосы и Галилеи (около 5% от той территории, которая изначально предназначалась для создания еврейского государства); англичане сохранят контроль над полосой Иерусалим-Яффо и Хайфой; на всей остальной территории будет создано арабское государство, которое должно впоследствии присоединиться к Трансиордании.

Таким образом, в общей сложности арабам предлагалось 90% территории, выделенной первоначально для создания еврейского национального дома: Трансиордания и три четверти Западной Палестины. Однако арабские лидеры почувствовали слабость британской позиции и категорически отвергли щедрое предложение комиссии Пила - они хотели получить все и не соглашались ни на какие компромиссы.

В сентябре 1937 года арабские террористы убили британского окружного комиссара Галилеи, который, как они считали, был активным сторонником раздела.

Восстание вспыхнуло с новой силой; арабские мятежники выдвигали прежние категорические требования: полное прекращение алии и однозначный отказ от планов создания еврейского государства в какой бы то ни было части Эрец-Исраэль.

Англичане сдались. В начале 1939 года премьер-министр Невиль Чемберлен придумал дипломатическую формулу, которая должна была принести немедленный мир на Ближний Восток: его правительство аннулировало Декларацию Бальфура. В мае 1939 года, за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, накануне Катастрофы европейского еврейства, Чемберлен опубликовал новую "Белую Книгу". Она провозглашала, что после въезда в Палестину еще 75.000 евреев иммиграция в страну полностью прекратится. Британия обещала содействовать созданию в Палестине "двунационального" арабо-еврейского государства.

За шесть месяцев до этого Чемберлен предал в Мюнхене чехов, теперь он предал евреев. Лига Наций отвергла этот шаг Великобритании, находившийся в очевидном противоречии с ее мандатными обязательствами, однако в 1939 году мнение умирающей Лиги уже никого не интересовало/59.

Всю меру этого отвратительного предательства можно осознать лишь в контексте событий, происходивших в Европе в 30-е годы. Уступив арабскому шантажу и запретив еврейскую иммиграцию в Палестину, англичане лишили единственного возможного убежища европейских евреев. Нацисты охотно отпускали в открытое море пассажирские корабли, переполненные еврейскими беженцами. Им было нетрудно доказать, что ни одна страна не желает принять у себя исторгнутых из Германии евреев. Корабли неизменно возвращались в германские порты; иногда этому предшествовали попытки причалить к берегам Палестины, но англичане, исполненные чувства собственной правоты и движимые сознанием своего державного долга, отсылали суда обратно, используя, при необходимости, оружие/60.

Майнерцагену было понятно истинное значение этих событий:

"Нацисты хотят уничтожить еврейство в Германии и они преуспеют в этом. Никто не любит евреев, никто не хочет их пускать к себе, и именно поэтому мы должны дать им пристанище в Палестине. Вместо этого мы запираем перед ними двери как раз тогда, когда они должны были быть широко распахнуты. Мы урезаем их земли как раз тогда, когда их нужно было максимально расширить. Действия правительства Его Величества в Палестине напоминают действия Гитлера в Германии. Наши действия, возможно, помягче, они безусловно менее откровенны, но результат (для евреев) одинаков - смятение, нищета, отчаяние и гибель"/61.

Более чем на десять лет англичане захлопнули двери Палестины. Тем самым они не только содействовали разрушению еврейского национального дома, существование которого было немыслимо без притока репатриантов, но и сделали соучастниками нацистского геноцида.

Британский министр иностранных дел лорд Галифакс, бывший одним из главных архитекторов этой преступной политики, следующим образом охарактеризовал мотивы, которыми он руководствовался:

"Бывают времена, когда соображения абстрактной справедливости уступают место соображениям административной целесообразности"/62.

Вскоре сведения о поголовном уничтожении евреев нацистами достигли британского колониального ведомства. Лидер лондонских "арабистов" Джон Шакберг категорически отверг мольбу обреченных и отказался возобновить еврейскую иммиграцию в Палестину. Сообщения о планомерном нацистском геноциде он объявил "бессовестной сию-

нистской попыткой выжимания слез"/63. И пояснил: "Настали дни, когда мы оказались лицом к лицу с реальностью, и нас не может отвлечь от правильной политики извращенный предвоенный гуманизм"/64.

И действительно, на протяжении всей Второй мировой войны англичане не дали смутить себя соображениями "извращенного гуманизма". Когда евреев Европы загоняли в газовые камеры, англичане аккуратнейшим образом отсылали еврейских беженцев от берегов Палестины. Некоторым, очень немногим, удалось нелегально пересечь границу - теперь они и их дети живут в Израиле. Большинству беженцев не посчастливилось, и они были вынуждены вернуться в Европу - на верную смерть. Ни одна страна не принимала евреев, а единственное место, где их ждали с нетерпением, было блокировано британскими войсками.

В 1945 году, сразу же по окончании войны, пробритански настроенный лидер сионистского движения Хаим Вейцман был вынужден уйти в отставку (позже он занял почетный пост первого президента Государства Израиль). В своем последнем выступлении в качестве председателя Всемирной сионистской организации Вейцман с горечью подвел итоги четвертьвековой политики, основанной на неослабной вере в добрую волю англичан:

"Иногда нам говорили, что удаление евреев из Палестины необходимо для восстановления справедливости по отношению к (арабскому) народу, владеющему семью независимыми территориями общей площадью в миллион квадратных миль. При иных обстоятельствах нас обвиняли в том, что прием еврейских беженцев поставит под угрозу стратегические интересы Британии во время войны... Проще было осудить евреев Европы на верную гибель, чем придумать, как преодолеть эти трудности"/65.

Поразительно, но даже когда сведения об уничтожении европейских евреев получили окончательное подтвержде-

ние, когда были опубликованы фотографии лагерей смерти, каменные сердца британских политиков не смягчились. Эти люди твердо решили любой ценой предотвратить создание еврейского государства, поэтому они настаивали на том, чтобы уцелевшие беженцы оставались в Европе/66. Британия и после 1945 года продолжала ожесточенно препятствовать иммиграции выживших евреев в Палестину. Тех, кто пытался нелегально проникнуть в Эрец-Исраэль, англичане депортировали на Кипр, в Африку и в зону Индийского океана.

Число евреев, получавших разрешение на въезд в Палестину в послевоенный период, было еще меньше, чем в годы войны/67.

Но всего этого было мало: англичане продолжали вооружать армии арабских стран, открыто заявлявших о своем намерении уничтожить еврейское население Эрец-Исраэль. В апреле 1948 года, когда иррегулярные арабские формирования уже проникали в Палестину из соседних стран, агонизирующая британская администрация использовала свои последние силы на противодействие въезду еврейских беженцев/68.

Несмотря на все эти усилия, антисионистская политика Великобритании потерпела полный провал. Англичане лишились влияния на Ближнем Востоке из-за общего снижения мощи Британской империи, а вовсе не из-за евреев. Этот процесс сопровождался ростом антизападных настроений в арабском мире, и только британские штыки и щедрые взятки сдерживали, до поры до времени, ненависть арабов к демократическому Западу. В конце концов, ни освобождение от османского ига, ни антисионистская политика Лондона, ни возвращение кораблей с еврейскими беженцами в пекло нацистского ада не смогли обеспечить англичанам симпатии арабов.

В полном соответствии с предсказаниями Майнерцагена, арабы отплатили Британии черной неблагодарностью, когда настал час испытаний. В Ираке, в Сирии и в Египте они отк-

рыто поддержали нацистов. В Берлин съезжались арабские лидеры, желавшие поддержать военные усилия Германии. Созданный нацистами Арабский легион стал частью боевых формирований СС/69. Популярная песенка того времени выражала надежду арабских масс на скорое избавление от англичан и французов, сделавших все возможное для их ублажения: "Нам не нужен больше ни месье, ни мистер - Есть Аллах на небе, на земле есть Гитлер"/70.

* * *

Позже, уже после окончания Второй мировой войны, палестинскому лидеру Джамалю эль-Хусейни был задан вопрос, почему арабы поддержали нацистов и предали западных союзников, которым они были обязаны своей независимостью. Тот ответил:

"Я где-то читал, что это была, в сущности, еврейская война"/71.

Напротив, евреи Эрец-Исраэль приняли активное участие в военных усилиях антигитлеровской коалиции. Созданная по инициативе сионистского руководства Еврейская бригада сражалась против нацистов в составе британской армии. Тем самым подтвердился прогноз Майнерцагена, годами твердившего о том, что только на евреев Британия сможет положиться в час испытаний. После войны, когда решалась судьба ста тысяч евреев, оказавшихся в лагерях перемещенных лиц, Дэвид Найлс, один из ближайших советников президента Гарри Трумэна, использовал этот факт в качестве аргумента в защиту еврейской иммиграции в Палестину:

"Я также склонен думать, что (еще) 100 000 евреев могут оказать нам огромную помощь в этом районе, как то было с палестинскими евреями во время Второй

мировой войны, что признано всеми компетентными лицами. Союзные войска не получили никакой помощи от арабов, но получили значительную помощь от палестинских евреев"/72.

Бартли Крум, член Комитета по изучению проблемы беженцев, вторил ему:

"Не следует забывать, что все еврейское население Палестины, отбросив разногласия с англичанами, всецело поддержало их в борьбе с нацистами... Своими действиями евреи вписали славную страницу в историю войны, и эта страница еще не прочитана полностью. В то же время, арабское население, по большей части, оставалось равнодушным к войне"/73.

Но британские "арабисты" невозмутимо игнорировали эти доводы - они не усвоили уроки истории и ни на йоту не изменили свою политику. В течение нескольких послевоенных лет Британская империя лишилась всех своих владений на Ближнем Востоке; земли, ради контроля над которыми совершалось столько ухищрений, были навсегда утеряны англичанами. Все, что осталось от огромной колониальной империи, - это ностальгическая привязанность к английским маневрам в Иордании и Омане.

В течение трех десятилетий Британия проводила политику поощрения арабов за счет ущемления еврейских интересов. Эта политика ничего не принесла англичанам, но дорого обошлась евреям. Лишь в одной сфере влияние ближневосточной политики Лондона ощущается по сегодняшний день: система приоритетов британского МИДа была унаследована почти всеми внешнеполитическими ведомствами в мире. Среди прочего, это связано с тем, что в период между двумя мировыми войнами Британия была доминантной силой на международной арене. Перед ее дипломатами благоговели, ее политике подражали.

Менталитет британских "арабистов" был перенесен в Государственный департамент США. Унаследованная от англичан ближневосточная концепция стала явственно ощущаться в политике Вашингтона после того, как в 30-е годы американские компании обнаружили на Аравийском полуострове огромные месторождения нефти.

Нефтяные залежи Персидского залива были постепенно обнаружены в течение первых четырех десятилетий XX века: в 1908 году в Иране, в 1923 году в Ираке, в 1932 году в Бахрейне, в 1937 году в Саудовской Аравии, в 1938 году в Кувейте и в 1940 году в Катаре. Хотя стоимость разведки и развития этих месторождений была весьма существенной, их огромные размеры и высокая эффективность более чем окупали первоначальные затраты. Во время и после Второй мировой войны нефтяная промышленность переживала период бурного развития, поскольку стремительная индустриализация Запада и других регионов мира обусловила резкое увеличение спроса на нефть. К началу 60-х годов месторождения Персидского залива оценивались как содержащие 60% мировых запасов нефти.

Когда в 1973 году арабские государства наложили эмбарго на продажу нефти в страны Запада, их лидеры полагали, что они контролируют энергетическую базу всего индустриального мира и что это позволит им беспрепятственно вздуть цены на нефть. Но скоро стало ясно, что реальная экономическая ситуация не такова: на мировой рынок вышли новые производители нефти, такие, как Норвегия и Британия, а также производители альтернативного энергоносителя - природного газа. Кроме того, западная индустрия научилась экономить энергию - за счет выпуска усовершенствованных двигателей, потребляющих значительно меньше топлива. В результате этих параллельных процессов в 1981 году реальные цены на нефть резко упали. Ко всеобщему удивлению оказалось, что нефтяной рынок является всего лишь одним из коммерческих рынков. Арабы не смогли подчинить его своему политическому

диктату. Но в 30-е годы этого еще никто не знал. Неудивительно поэтому, что взволнованные нефтяным ажиотажем американские политики сделались вдруг столь внимательными к требованиям арабов. В том числе и к такому немаловажному требованию, как "обуздание сионизма". Госдепартамент негласно, но решительно поддержал "Белую Книгу" Чемберлена/74. В течение всего послевоенного периода, вплоть до создания Государства Израиль, госдепартамент выступал против еврейской иммиграции в Палестину. Когда в 1947 году президент Гарри Трумэн поддержал план ООН по разделу Палестины и созданию еврейского государства, он сделал это вопреки противодействию всей своей внешнеполитической администрации.

В связи с этим начальник отдела планирования госдепартамента Джордж Кеннан писал: "Престижу Соединенных Штатов в мусульманском мире нанесен жестокий удар, и стратегические интересы США в Средиземноморском бассейне и на Ближнем Востоке серьезно пострадали"/75. Позже Трумэн отметил, что все это время "госдепартамент был гораздо больше озабочен реакцией арабов, нежели страданиями евреев"/76.

Со временем этот подход снискал деятельную поддержку "арабистов", занявших ведущие места в Ближневосточном отделе госдепартамента. Таким образом, несмотря на традиционные симпатии американского общества к евреям, а затем к Израилю, внешнеполитическая элита Вашингтона очень часто руководствуется в своих решениях прямо противоположными чувствами. В коридорах госдепартамента по сегодняшний день господствует точка зрения "арабистов", согласно которой лояльность арабов будет приобретена Соединенными Штатами только в том случае, если они сумеют вынудить Израиль на максимум уступок. В наши дни эта концепция является столь же близорукой и столь же несостоятельной, как и в 30-е годы.

Влияние британского "арабизма" не ограничивается узким кругом профессиональных дипломатов в США.

В каждой стране имеется свой внешнеполитический истеблишмент, который состоит из государственных деятелей, чиновников, представителей академического мира и журналистов, специализирующихся на освещении международных проблем. Проарабская ориентация установилась в большинстве министерств иностранных дел еще до того, как в 70-е годы арабское влияние удвоилось и утроилось благодаря колоссальным доходам от продажи нефти. Еврейское государство было создано полвека назад, но многие "арабисты" все еще пребывают в убеждении, что рождение Израиля явилось результатом досадной ошибки, этакого первородного геополитического греха.

Постороннему человеку трудно даже вообразить, насколько укоренилось такое представление в узком, но очень влиятельном кругу профессиональных дипломатов. Они редко говорят об этом публично, многие из них не признаются в этом даже самим себе, но, тем не менее, большая их часть по-прежнему разделяет мнение о "случайном и нежелательном" существовании Израиля.

Мне пришлось столкнуться с этим в Нью-Йорке, в последний день моего пребывания там в качестве израильского представителя в ООН, когда я прощался с некоторыми западными дипломатами. Один из них - американец, с которым у нас сложились самые сердечные отношения, - пригласил меня выпить. После нескольких рюмок виски он вдруг сказал: "Это была ошибка". Зная, что он критически относится к политике Израиля, я спросил, о чем именно идет речь. "Нет, - ответил он, - дело вовсе не в конкретной политике. Я хотел сказать, что само существование этой проклятой страны - ошибка. Нам с самого начала не надо было допускать ее создания, и тогда ни у кого не было бы неприятностей".

И, словно специально, для полноты картины, мне довелось недавно услышать от израильского дипломата в Лондоне, что высокопоставленный представитель британского МИДа обронил в его присутствии: "Нашей основопо-

лагающей ошибкой была Декларация Бальфура". И это - в 1993 году!

Но после Катастрофы даже самые влиятельные проарабские круги были не в силах бороться с международным общественным мнением, осознавшим необходимость восстановления элементарной справедливости по отношению к еврейскому народу. Требование сионистов носило предельно ясный характер: после всех невыносимых страданий, выпавших на долю евреев, они имеют право обрести собственное государство. Однако, под давлением арабов и при пособничестве Британии, территория, обещанная евреям первоначально, была урезана до крошечного клочка земли. Для народа, оказавшегося на грани уничтожения, даже этот урезанный клочок значил многое - это было лучше, чем ничего.

Евреи не могли больше ждать. В конце Второй мировой войны еврейские подпольные организации усилили борьбу за прекращение британской блокады преграждавшей дорогу в Эрец-Исраэль немногим уцелевшим в пекле гитлеровского геноцида. Целью подпольщиков стало изгнание англичан из Палестины. Эта кампания длилась в течение нескольких лет, набирая силу от акции к акции. В апогее повстанческой борьбы еврейские бойцы совершали сложные военные операции против укрепленных баз британской армии.

Эти акции предпринимались, главным образом, организациями ЭЦЕЛ (во главе с Менахемом Бегинем) и ЛЕХИ (начальником оперативного отдела этой организации был Ицхак Шамир). На определенном этапе их поддерживала "Хагана", формирования которой подчинялись Давиду Бен-Гуриону. Боевые действия повстанцев поколебали позиции англичан, и вынудили британское правительство отказаться от контроля над подмандатной Палестиной.

Целью повстанческих атак были, в основном, объекты, при помощи которых британские власти контролировали ситуацию в стране. В их число входили мосты (за одну ночь

в 1946 году члены "Хаганы" взорвали 12 важнейших мостов в Палестине), железнодорожные линии, полицейские участки, военные базы, офицерские клубы, армейские штабы и тюрьмы, где томились схваченные подпольщики (в 1947 году бойцы ЭЦЕЛа освободили более 250 заключенных из крепости в Акко, которая до того времени считалась неприступной*). Вскоре после этого британцы повесили трех еврейских повстанцев - ЭЦЕЛ ответил актом возмездия, повесив двух пленных британских сержантов. Эта мера вызвала острую полемику в Эрец-Исраэль и поразила общественное мнение в Великобритании. Казнь сержантов усилила позиции Черчилля, который, находясь в оппозиции, требовал прекращения британского правления в Палестине. Арабская пропаганда пытается представить фальшивую симметрию и внедрить в общественное сознание клише: "Тот, кто для одних является террористом, для других является борцом за свободу". Однако терроризму необходимо дать четкое определение: это преднамеренное и систематическое убийство гражданских лиц, находящихся за пределами театра военных действий. Можно согласиться с тем, что некоторые отдельные акции еврейских подпольщиков подпадают под это определение, однако невозможно отрицать, что подавляющая часть их операций была направлена на сугубо военные цели (включая нападение на

---

* Эти акции, направленные против британских военных объектов, сразу же были охарактеризованы англичанами как "терроризм". В последние годы арабы с радостью ухватились за это определение, чтобы очернить еврейское восстание, с одной стороны, и оправдать собственный кровавый террор, с другой. Насколько же это далеко от арабского террора последних пяти десятилетий! Тысячи кровавых терактов были сознательно направлены против гражданских лиц и гражданских объектов. Арабские террористы совершали и совершают вооруженные нападения на авиапассажиров, школьников, случайных прохожих, даже на спортсменов-олимпийцев - и это при том, что Олимпийские игры считались с древности временем прекращения кровопролития. Подробнее на эту тему см. Бенъямин Нетаниягу, "Террор: каким образом Запад может победить", изд. "Маарив", Тель-Авив, 1986 г. (иврит) и Benjamin Netanyahu, ed., "International Terrorism: Challenge and Response", (New Jersey: Transaction Books), 1980.

британский штаб, находившийся в иерусалимской гостинице "Царь Давид").

Борьба еврейских подпольщиков нанесла решающий удар британскому правлению в Эрец-Исраэль. Ослабевшая и истощенная в ходе Второй мировой войны, Британия не могла больше держать стотысячную армию в Палестине. Общественное мнение призывало вернуть войска домой. В 1947 году Британия окончательно заявила о своем намерении покинуть Палестину и бесцеремонно переложила решение проблемы на плечи ООН.

* * *

Так родилась резолюция ООН #181 от 29 ноября 1947 года. В соответствии с этой резолюцией, предполагалось произвести очередной раздел Палестины, выделив евреям около 10% той территории, которая была передана первоначально под мандатное управление Великобритании с целью создания еврейского национального очага (см. карту 6).

Тем не менее, резолюция ООН #181 имела огромное значение для еврейского народа, поскольку она вновь подтвердила его право на обретение собственного суверенного государства. Мало кто полагал тогда, в 1947 году, что еврейское государство, даже если оно будет создано, сумеет утвердить свое существование во враждебном арабском окружении. Как друзья евреев, так и их ненавистники, полагали, что арабские страны немедленно захватят еврейское государство - стоит только англичанам покинуть Палестину. Военные специалисты уверенно подтверждали этот прогноз. В международном сообществе было тогда немало влиятельных деятелей, которые, с одной стороны, нашли способ успокоить свою совесть, выделив евреям клочок земли размером с Багамские острова, а с другой - надеялись втайне, что совокупная мощь арабских армий очень скоро раз и навсегда решит проблему Палестины.

Несмотря на очередное усечение территории своего

будущего государства, евреи согласились принять резолюцию о разделе Эрец-Исраэль. Арабский мир отверг ее единодушно и однозначно. Сразу же после голосования в ООН, то есть еще за полгода до истечения срока британского мандата, иррегулярные воинские формирования хлынули в Палестину из сопредельных арабских стран, пытаясь предотвратить провозглашение еврейского государства. Через несколько месяцев к ним присоединились регулярные армии Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Ливана. 14 мая 1948 года последние британские солдаты покинули Эрец-Исраэль, и в тот же день в Тель-Авиве было объявлено о создании Государства Израиль. К этому времени война была уже в самом разгаре. Во всем мире широко господствовало мнение о том, что арабская агрессия очень скоро положит конец независимому существованию Израиля.

Израиль вступил в Войну за независимость в крайне неблагоприятных для себя условиях, явившихся результатом сознательной политики Британии. Сначала англичане резко сократили территорию, на которой дозволялось селиться евреям, и наложили запрет на еврейскую иммиграцию в Эрец-Исраэль. Затем они предприняли все возможное для того, чтобы не дать евреям вооружиться. В то же время англичане не препятствовали массовой контрабанде оружия и проникновению воинских формирований из соседних арабских стран. В результате арабы обеспечили себе подавляющее превосходство над только что созданной израильской армией. Достаточно упомянуть о том, что в начале Войны за независимость Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) не имела танков, артиллерии и боевых самолетов. Арабское вторжение поставило существование Израиля под прямую и непосредственную угрозу.

В тот ужасный год на полях сражений погибли 6000 еврейских бойцов, некоторые из которых прибыли в Эрец-Исраэль, уцелев в нацистских лагерях смерти (все еврейское население страны составляло тогда 600.000 человек - уровень потерь соответствовал тому, как если бы в сегод-

няшной войне США потеряли убитыми 2,5 миллиона своих солдат). К июню 1948 года Израиль оказался на грани военной катастрофы, однако истощенные и редеющие части ЦАХАЛа продолжали мужественно сражаться. Не вполне сознавая, насколько слаб их противник, арабы согласились на временное прекращение огня. Израиль воспользовался этой передышкой, чтобы вооружить свои войска. Когда бои возобновились, ЦАХАЛ сумел сконцентрировать свои немногочисленные силы на решающих участках фронта. Арабская агрессия была отражена, и во второй половине 1948 года ЦАХАЛ сумел отбросить противника на нескольких основных направлениях. В течение 1949 года были подписаны соглашения о прекращении огня между Израилем и потерпевшими поражение странами-агрессорами.

Существование еврейского государства стало свершившимся фактом. Оно явилось на свет в ужасных муках, но и счастливого детства не выпало на его долю - границу Израиля постоянно пересекали вооруженные группы арабских диверсантов. Колыбельную песнь новорожденному государству пели лидеры соседних стран, которые неустанно твердили о том, что Израиль будет уничтожен в самом скором будущем.

Однако, если не считать воинственной враждебности арабов, в первые годы своего существования Израиль пользовался весьма благожелательным отношением международного сообщества. Арабская ненависть, помноженная на мощное политическое влияние, все еще не могла поколебать нравственную солидарность свободных наций с еврейским народом, пережившим беспрецедентный гитлеровский геноцид и доказавшим свое несокрушимое мужество в ходе Войны за независимость. В те годы арабы зализывали раны и переживали понесенное ими позорное поражение; их пропагандистская машина еще не заработала тогда на полную мощь. В Западной Европе и Соединенных Штатах общественное мнение твердо поддерживало Израиль, массовое сознание воспринимало евреев как "хороших

парней" Ближнего Востока. Эта основополагающая солидарность усилилась во время арабской блокады 1967 года, чтобы ослабнуть после убедительной победы Израиля в Шестидневной войне, а затем проснуться вновь во время войны в Персидском заливе, когда на Тель-Авив обрушились иракские "скады". Зимой 1991 года людям Запада снова стало ясно, кто на Ближнем Востоке является жертвой и кто агрессором.

В первой половине XX столетия главным фактором противодействия политическому сионизму являлся британский империализм - арабы только содействовали ему. Во второй половине века ситуация изменилась: теперь инициатива перешла к самим арабам. Получившие независимость арабские государства научились использовать в своих целях прессу, радио, телевидение, посольства и дипломатические службы, а главное - огромные богатства, позволяющие успешно манипулировать всеми упомянутыми средствами. Поначалу арабы явно недооценивали потенциал подобной манипуляции; ранняя арабская пропаганда была нацелена преимущественно на своих. Новоиспеченные арабские режимы еще не успели овладеть искусством международной пропаганды, их доводы носили самый агрессивный характер и облекались в самые откровенные выражения. Типичным примером такой неискушенной риторики может служить заявление короля Саудовской Аравии, сделанное в 1954 году:

"Израиль для арабского мира, словно раковая опухоль для человеческого тела, и единственным средством излечения может быть операция - злокачественную опухоль следует удалить... Израиль - это тяжкая рана на теле арабского мира, и терпеть боль этой раны мы уже не в силах. Мы не можем больше смотреть, как Израиль распоряжается в оккупированной Палестине. Нас, арабов, насчитывается около пятидесяти миллионов. Отчего не пожертвовать нам десятью миллионами, чтобы жить,

сохраняя гордость и самоуважение?" /77

Еврейское государство служило таким громоотводом, с помощью которого арабские правители могли направить негодование собственных народов в удобное для них русло. Это помогало отвлечь внимание арабов от вопиющей беспомощности их лидеров во всем, что касается экономического развития и решения острых социальных проблем. Однако экстремистская риторика такого рода не могла содействовать укреплению антиссионистских настроений в свободном мире. Лишь немногие на Западе испытывали сочувствие к одиозным лозунгам и brutальным намерениям арабов.

Таким образом, Израиль удостоился сочувственного отношения со стороны международного сообщества в период с 1948-го по 1967-й год. Это сочувствие было результатом двух факторов: принципиальной солидарности со справедливыми целями сионизма и арабского равнодушия к гражданской аудитории на Западе. "Арабисты" и тогда господствовали в Вашингтоне, они даже требовали от президента Эйзенхауэра заставить Израиль отказаться от Негева ради достижения мира на Ближнем Востоке/78, но общественное мнение с недоверием относилось к доводам тех, кто еще недавно именовал Катастрофу "бессовестной сентиментальной выдумкой сионистов".

Этот благословенный период завершился в 1967 году. В отличие от своих правительств, рядовые граждане Запада всегда испытывали естественное сочувствие к слабому, и блестящая победа Израиля в Шестидневной войне коренным образом изменила привычное распределение общественных симпатий. В течение шести коротких дней Израиль превратился из слабой и преследуемой стороны ближневосточного конфликта в мощное, чуть ли не всемогущее государство. Это впечатление только усилилось за счет самоуверенных высказываний некоторых израильских лидеров, вообразивших, что одной блестящей победы достаточно,

чтобы решить исход борьбы еврейского государства за выживание во враждебном арабском мире.

Арабы быстро оценили те преимущества, которые сулил им наметившийся поворот в общественном мнении на Западе. Они стали охотно представлять Израиль мощной и агрессивной региональной державой, угрожающей миру и благополучию своих слабых арабских соседей. Тот факт, что в результате Шестидневной войны Израиль установил свой контроль над территориями, которые в течение двух десятилетий служили плацдармом арабской агрессии против него, был вырван из адекватного исторического контекста. На Западе скоро забыли, что военное столкновение 1967 года было сознательно спровоцировано арабами, отказавшимися соблюдать соглашения о прекращении огня и готовившими войну на уничтожение Израиля.

В общественном сознании утвердился один-единственный факт: Израиль контролирует территории, на которых проживает значительное арабское население, а значит "евреи захватили арабские земли". Этого было достаточно для того, чтобы снять с арабов вину за развязанную ими войну и переложить ее на Израиль.

Арабы извлекли максимум пропагандистских выгод из своего поражения в Шестидневной войне, но, вместе с тем, они не могли не заметить, что в результате военной победы Израиля геополитическая ситуация на Ближнем Востоке качественно изменилась. Война создала такие условия, при которых достижение принципиальной арабской цели - уничтожения Израиля - стало крайне затруднительным, если не вовсе невозможным. В результате победы ЦАХАЛа израильская граница отодвинулась от предместий Тель-Авива к реке Иордан, на несколько десятков километров к востоку, за высокую горную гряду с ее утесами и узкими тропами. Арабам стало ясно, что они лишились даже теоретической возможности покончить с Израилем одним решительным военным ударом. Они поняли, что для уничтожения еврейского государства необходимо, прежде всего,

добиться его возвращения к тем границам, которые существовали до начала Шестидневной войны.

Арабские лидеры осознали также, что и этой - промежуточной - цели они не смогут достичь военными средствами. Вернуть Израиль к границам 1967 года можно только путем политического давления, главная роль в котором должна принадлежать западным странам, в первую очередь - Соединенным Штатам. Однако, к вящему разочарованию арабов, в Вашингтоне наметилась совсем иная тенденция: сокрушительная победа ЦАХАЛа заставила некоторых лидеров США задуматься над заключением военного союза с Израилем, ставшим доминантной силой в регионе. Эта тенденция очень скоро обрела прямое выражение, когда США согласились предоставить щедрую военную помощь Израилю, что еще более осложнило принципиальную задачу арабов.

Но наиболее проницательные из арабских лидеров постепенно избавлялись от представлений об Америке, как о стране, автоматически поддерживающей Израиль. Они пришли к выводу о возможности оказывать влияние на политику США с помощью старых доводов, сослуживших такую добрую службу "арабистам" и требовавших теперь лишь самой незначительной модернизации. Арабы оценили также решающую роль общественного мнения в определении внешнеполитического курса западных демократий. Таким образом, начиная с 1967 года, арабы сосредоточивают свои основные усилия на пропагандистском фронте. Именно здесь пытаются они нанести решающее поражение Израилю - в средствах массовой информации, в университетских аудиториях, в политических кругах.

* * *

Чтобы склонить на свою сторону симпатии западной публики, арабам пришлось внести существенные коррективы в собственную концепцию ближневосточного конфлик-

та. Никого на Западе нельзя было привлечь разговорами о том, что Израиль - это "раковая опухоль", от которой нужно избавиться путем "операции". Возникла необходимость заново переписать историю арабо-еврейского конфликта, дать новое объяснение войнам, развязанным арабской стороной. Иными словами: нужно было найти доводы нравственного порядка, которые заставят западного человека отказаться от поддержки Израиля.

Историко-политическая концепция, заново перекроенная арабами, включила традиционные компоненты критики обстоятельств рождения еврейского государства. Ведь если доказать западному человеку, что само создание Израиля явилось нравственным преступлением по отношению к арабскому народу, то он с пониманием отнесется к усилиям, направленным на исправление "преступной ошибки".

Очень скоро арабские лидеры обнаружили, что почва для подобной пропаганды уже подготовлена заботливыми усилиями британских "арабистов". Читатель помнит, что эти люди в течение десятилетий пытались убедить демократические правительства в том, что еврейская репатриация в Эрец-Исраэль является преступлением против арабских народов и фактором, способствующим эскалации насилия в регионе. Они упорно твердили, что существование еврейского государства на Ближнем Востоке восстановит арабов против Запада. После 1967 года арабские пропагандисты охотно взяли на вооружение эти доводы. Они использовали их для оправдания кровавого террора, бескомпромиссной антиизраильской позиции арабских государств в ООН и объявленного странам Запада нефтяного эмбарго. В начале 70-х годов все взоры были устремлены на арабских ораторов, втолковывающих мировому сообществу азы британской колониальной политики начала века.

Суд общественного мнения, как и всякий суд вообще, придает решающее значение вопросу о том, кто напал первым - кто был зачинщиком конфликта и кто оборонялся.

Осознав этот факт, арабы начали беспрецедентную пропагандистскую кампанию, цель которой - доказать, что инициатором ближневосточного конфликта явился Израиль, а арабские страны были всего лишь обороняющейся стороной. Затяжное кровопролитие, нерешенная проблема беженцев, захват "территорий" - все последствия арабской агрессии были представлены теперь как ее причины, как ничем не спровоцированные еврейские злодеяния. А арабы? Они только защищались и искренне пытались восстановить справедливость. (Подробнее о демагогической подмене причин следствиями см. в главе 4).

Однако арабским лидерам было труднее, чем их предшественникам на поприще антисионистской пропаганды. Британские "арабисты" должны были убедить в правоте своих доводов только собственное правительство, арабам же требовалось восстановить против Израиля общественное мнение в Соединенных Штатах, где у евреев имелись и имеются влиятельные союзники. Для этого понадобилась гораздо более мощная и гораздо более искусная кампания дезинформации. Возникла необходимость выдумать "исторические права" арабов на Эрец-Исраэль, дабы противопоставить их очевидному еврейскому праву. Понадобилось стереть из коллективной памяти американцев Версальскую конференцию и решения Лиги Наций, Декларацию Бальфура и мандатные обязательства Британии. Нужно было представить новую интерпретацию причин, вызвавших серию вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке.

Чтобы ложь таких невероятных масштабов могла внедриться в сознание людей и правительств, нужно было подготовить для нее почву путем клеветнических нападок на сионизм, дабы подорвать симпатии Запада к еврейскому национально-освободительному движению. Арабы намеревались придать убедительность всем остальным своим доводам на основе главного измышления об изначально порочной и безнравственной природе сионизма. Ради достижения этой цели арабы стали атаковать Израиль на всех междуна-

родных форумах, на любой доступной им арене, со всех мыслимых трибун. Они не пренебрегали более западными средствами массовой информации и настойчиво пытались использовать их для делегитимации сионизма и демонизации Израиля. Очень скоро арабы обнаружили, что самым действенным и самым влиятельным инструментом их пропаганды может стать Организация Объединенных Наций.

В ООН, как и во многих других местах, арабы обрели нового союзника. Британская империя рухнула, но на международную арену вышла другая империя, которая охотно сменила Британию в качестве покровительницы панарабских устремлений - Советский Союз. Вплоть до недавнего времени СССР последовательно поддерживал любые диктаторские режимы в арабских странах - от Насера в Египте до Саддама Хусейна в Ираке. Так же, как некогда британские колониалисты, советские лидеры пришли к выводу, что Израиль является препятствием на пути их империалистической экспансии в Восточном Средиземноморье. Коммунисты, изрядно понаторевшие в искусстве пропаганды, научили все антизападные террористические организации пользоваться такими привлекательными терминами, как "борьба за мир" и "право на самоопределение". Они снабдили арабов формулой, сулившей успех их попыткам восстановить против Израиля нравственное чувство народов Запада.

В 1975 году в Мехико представители советского блока и арабских стран добились решающего перевеса на конференции ООН по проблемам женщин. Они вынудили конференцию вынести немыслимую в своей нелепости клеветническую резолюцию, которая затем была послушно утверждена Генеральной Ассамблеей ООН. Эта резолюция объявляла сионизм разновидностью расизма.

Арабы добились этой важной пропагандистской победы путем политического и экономического шантажа - то были годы нефтяного эмбарго, и, казалось, никто не может противостоять давлению сплоченного клана производителей

топлива. Голосуя за позорную резолюцию ООН, представители многих стран знали, что они скрепляют своим авторитетом циничную, бессовестную ложь. Знали, но не могли противиться арабскому шантажу.

Таким образом, в ноябре 1975 года, через восемь лет после сокрушительного поражения в Шестидневной войне, арабы одержали свою величайшую победу на поприще пропаганды: Генеральная Ассамблея ООН семьюдесятью двумя голосами против тридцати пяти, при тридцати двух воздержавшихся, постановила, что национально-освободительное движение еврейского народа является расистским.

Ничего подобного не смогли достичь даже такие виртуозы антисемитской пропаганды, как Торквемада и Йозеф Геббельс. То, что не удалось совершить в самые темные времена Инквизиции и Катастрофы, свершилось теперь - на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда прежде антисемитизм не получал столь широкого международного признания и одобрения. Организация, призванная представлять добрую волю всего человечества, согласилась стать рупором примитивной юдофобской пропаганды.

Арабам было известно, что сила Израиля - не в многочисленном населении, не в размерах страны и не в ее природных богатствах. По всем этим параметрам арабы многократно превосходили евреев. Они понимали, что самым прочным щитом Израиля является нравственная сила его позиции. Именно поэтому они стремились очернить этот щит, пробить в нем брешь и, в конечном счете, разбить его. Их оружием стала бессовестная клевета на сионизм - движение, вдохновившее миллионы сердец и породившее Государство Израиль.

Сионизм представляет собой попытку обеспечить нормальные условия для национального существования еврейского народа, духовное наследие которого является одной из основ западной культуры. Той самой культуры, которая смогла сформулировать универсальные принципы человеческой свободы и справедливости. Несмотря на свою

почетную роль в духовной истории человечества, евреи на протяжении многих веков подвергались преследованиям и унижениям. Они претерпели больше страданий, чем любой другой народ. Сионистское движение поставило своей целью вернуть свободу, достоинство и справедливость еврейскому народу - в этом подлинная и единственная суть сионизма.

На исходе Первой мировой войны, а затем после Второй мировой войны, это было понятно не только евреям, но и всему просвещенному человечеству. Упорство, мужество и нравственная сила сионизма вызывали восхищение свободных наций. Их изумлял подвиг еврейского народа, создавшего современное государство на руинах древней родины, собравшего своих изгнанников с четырех концов света и возродившего свой веками молчавший язык - иврит. Не меньшее восхищение вызывала способность Израиля поддерживать стабильный демократический строй в условиях постоянных войн, перед лицом безграничной ненависти арабов. Не только в США и Западной Европе оценили гуманистический подвиг сионизма, но и в новых государствах Африки, освободившихся от колониального ига. Опыт Израиля служил примером для подражания многим народам.

Арабские лидеры и их советские покровители вполне учитывали это обстоятельство. В своих неустанных нападках на Израиль они руководствовались отнюдь не только политическими соображениями. В не меньшей степени их поступками двигала глубоко затаенная зависть: ведь ничто не разоблачает диктаторов и деспотов, рядящихся в "освободительные" лозунги, с такой эффективной беспощадностью, как подлинный пример национального освобождения.

И уж совсем абсурдным было клеветническое обвинение в расизме, выдвинутое против движения, абсолютно равнодушного к цвету кожи. Теодор Герцль, основатель современного сионизма, писал в своем программном сочинении, что порабощение негров задевает его столь же глубоко, как

еврейское бесправие:

"Есть еще одна нерешенная проблема расового угнетения. Важность этой проблемы, весь ужас ее может по-настоящему понять только еврей... Я имею в виду негритянскую проблему. Достаточно вспомнить о работорговле, при мысли о которой волосы встают дыбом. Живых людей, за то, что у них черный цвет кожи, выкрадывают, вывозят, а затем продают, как скотину... Теперь, когда я дожил до возрождения евреев, мне бы хотелось проложить путь к освобождению темнокожих"/79.

Почти через сто лет после того, как были написаны эти строки, сионистское государство спасло эфиопских евреев и доставило их в Эрец-Исраэль. Впервые в истории темнокожие жители были вывезены из Африки не для того, чтобы стать рабами, но для того, чтобы обрести счастье, свободу и родину.

В 1985 году, в десятую годовщину принятия клеветнической резолюции, я организовал симпозиум в ООН, темой которого была критика этого позорного деяния. Арабские государства и ООП восприняли это как прямое оскорбление - как смеем мы созывать конференцию на "их" поле? Они безуспешно пытались сорвать запланированное мероприятие. Особенное негодование арабов вызвало выступление Рахамима Эльзара, нового репатрианта из Эфиопии, поведавшего о своем собственном многотрудном пути в Израиль. С тех пор в нашу страну прибыли десятки тысяч его темнокожих братьев. И, тем не менее, арабы с непревзойденной наглостью обвиняли и продолжают обвинять сионизм в расизме.

Примечательно, что это обвинение исходит именно от арабов, в чью практику до сих пор входит содержание черных рабов (в странах Персидского залива). В течение многих лет арабы играли ведущую роль в работорговле,

обеспечивая транспортировку темнокожих невольников вдоль берегов Африки. Уже в наши дни арабское большинство провело планомерное уничтожение сотен тысяч негров в южном Судане. В этой связи можно было ожидать, что арабские обвинения будут восприняты мировым сообществом как глупая шутка.

Увы, мировое сообщество не проявило в данном случае даже самого элементарного здравомыслия. Совокупная мощь арабских стран и государств советского блока обеспечила клеветникам беспрепятственный контроль над микрофонами и печатными станками ООН.

Здесь уместно заметить, что даже сбросив со счетов антиизраильскую клевету, трудно признать аппарат ООН достойным проповедником моральных истин. Генеральная Ассамблея не предпринимала действенных попыток положить конец советской агрессии против Афганистана, в результате которой погибло около миллиона человек. В течение семи лет ООН беспомощно взирала на ирано-иракскую бойню - еще миллион убитых. Точно так же прошли мимо внимания Объединенных Наций кровавые эксперименты "красных кхмеров", ужасы Биафры, геноцид Иди Амина в Уганде. Даже в Сомали ООН не сумела добиться сколько-нибудь заметного успеха. Многократные случаи грубого, демонстративного попрания Декларации прав человека - законодательного акта, ради выполнения которого существует ООН, - раз за разом оставляли равнодушными участников Генеральной Ассамблеи/80.

Однако все эти нравственные прегрешения ООН не могут сравниться с принятием клеветнической резолюции против сионизма, благодаря которой ядовитая юдофобия удостоилась широкого признания в качестве официальной точки зрения мирового сообщества. Было бы заманчиво счесть антиссионистскую резолюцию ООН бессмысленным, абсурдным курьезом - особенно после ее запоздалой отмены в декабре 1991 года/81. Однако такое отношение было бы ошибочным. Следует помнить, что в течение 16 лет арабы

беспрепятственно внедряли свою клевету в общественное сознание, пользуясь именем и покровительством ООН. Даже официальная отмена позорной резолюции не может в одночасье ликвидировать последствия этого навета.

Я хочу еще раз подчеркнуть: впервые в истории международное сообщество скрепило своим авторитетом клеветнические измышления против целого народа. Нам, современникам Катастрофы, не следует пренебрегать возможными последствиями бессовестной клеветы; гитлеровский геноцид был бы невозможен, если бы ему не предшествовала грязная антисемитская пропаганда нацистов. Но нацисты сумели убедить немцев и другие народы в том, что евреи - мерзкое, порочное племя, не достойное человеческого звания. После этого им было несложно привлечь сотни тысяч людей к непосредственному участию в усилиях по уничтожению еврейского народа.

Нам известно, что в тех немногих европейских странах, где нацистская клевета не снискала широкого распространения, не было и массового соучастия местных жителей в геноциде. В этих странах большинство евреев избежали уготованной им нацистами участи. Хорошо известен пример Дании, где король объявил, что, если кто-либо из его подданных будет вынужден прикрепить к своей одежде желтую звезду, то и сам он поступит таким же образом. Когда гитлеровцы наметили массовую депортацию датских евреев в лагеря смерти, местное население переправило большую часть обреченных в нейтральную Швецию.

Менее известным, но не менее драматичным является пример Болгарии: вся образованная элита этой страны воспротивилась осуществлению политики официального антисемитизма. Так, Союз болгарских юристов и Союз болгарских писателей осудили навязанное немцами антиеврейское законодательство как "социально вредное" и "пагубное в целом". Глава болгарской православной церкви расценил нацистские директивы как "гром среди ясного неба". В немецком рапорте противодействие болгар антисемитским

законам приписывалось "бездеятельности местной полиции и полному равнодушию большей части болгарского народа". Чрезвычайно показательным является объяснение, представленное немецким послом в Софии своему начальству в Берлине: он доложил, что "болгарский народ не в силах осознать еврейский вопрос в должной исторической перспективе". Провал нацистской пропаганды в Болгарии является заслугой национальной элиты в этой стране - политиков, учителей, писателей, религиозных деятелей, юристов. Результатом интеллектуальной стойкости этих людей стало спасение болгарского еврейства/82.

Иными словами: клевета предшествует убийству, она санкционирует геноцид. Оклеветанный народ оказывается исключенным из человеческого сообщества, жизнь его представителей лишается всякой ценности, а его угнетатели и убийцы становятся безнаказанными вершителями дьявольского "закона".

По своей сути и направленности арабская клевета ("сионизм - это расизм") ничем не отличается от клеветы нацистской. Это все тот же антисемитизм со слегка изменившейся терминологией. Горькая правда состоит в том, что даже ужасы Катастрофы не смогли положить конец укоренившейся ненависти к евреям. Эта ненависть по-прежнему живет во многих сердцах, и единственное отличие состоит в том, что сегодня даже отъявленным юдофобам бывает неловко пользоваться старыми, пропахшими кровью терминами. В негативном контексте антисемитской риторики "сионизм" и "сионист" стали эвфемизмами таких понятий, как "иудаизм" и "еврей". И поскольку нет сегодня более оскорбительного ярлыка, чем расист, именно это слово было избрано арабами и коммунистами для замены прежних бранных эпитетов. Применительно к евреям "расист" - это современный эквивалент "христоубийцы", "предателя", "ростовщика", "международного заговорщика". Новая терминология позволяет юдофобу лицемерно утверждать: "Я вовсе не антисемит, я антисионист". Эквивалентом

такого утверждения является следующий шедевр словесной эквилибристики: "Я вовсе не антиамериканец, я просто считаю, что Соединенные Штаты не имеют права на существование".

Опираясь на резолюцию ООН, приравнивающую сионизм к расизму, арабы уже два десятилетия ведут открытую антисемитскую пропаганду, сплетая паутину лжи вокруг любого суждения об Израиле. Даже теперь, после отмены этой позорной резолюции, продолжают громоздиться терриконы клеветы, возведенные на ее основании - как будто они обрели свою собственную, вечную жизнь. Усилия по демонизации еврейского государства оказались столь успешными, что многие люди до сих пор охотно закрывают глаза на отвратительные преступления арабов. "Следует принять в расчет бедственное положение палестинцев, - говорят они. - Насилие арабов, конечно, ужасно, но оно обусловлено страданиями, выпавшими на их долю". Арабы сумели внедрить свою ложь в средства массовой информации и в сознание многих миллионов людей. Им удалось осуществить поразительную подмену, выставив себя самих в качестве жертвы, а Израиль - в качестве чужеродного и бездушного "сионистского образования", существование которого противно самой природе.

Таким образом, сионизм, считавшийся некогда благородным освободительным движением, превратился в конце XX века в понятие одиозное. Израиль является сегодня единственным государством, которому вменяется в вину само его существование. Евреям приходится защищать свое право считаться нацией, свое право жить на земле, которая является их исконной родиной. По мнению многих, Израиль совершает явную несправедливость, пытаясь защититься от врагов, желающих его уничтожения. Миллионы людей усвоили идеологию британского колониализма, не имея ни малейшего представления о ее истоках и о том, к каким последствиям она может привести.

Многие современные государственные лидеры утверждают, что они не отказываются от основополагающих обязательств, данных в Версале еврейскому народу. В конце концов, говорят они, мы вовсе не желаем уничтожения Израиля - мы хотим только, чтобы не был нарушен баланс в отношениях между арабами и евреями на Ближнем Востоке. Но эта позиция удивительным образом игнорирует жизненные интересы Израиля, вынужденного бороться за свое существование.

Так, многие в Соединенных Штатах, для которых глубина стратегической территории измеряется тысячами миль, строго выговаривают Израилю за его желание сохранить под своим контролем несколько десятков километров стратегической глубины. Так, западные лидеры, постоянно провозглашая, что Израиль должен стремиться к миру, продают арабским странам чудовищные количества самого современного оружия. Так, некоторые европейские государства снабжают наиболее фанатичных врагов Израиля средствами для производства ядерного оружия - и в то же время они осуждают Израиль за его действия, призванные отразить эту угрозу. Так, влиятельные политические деятели на Западе были готовы мириться с положением, при котором на пути еврейской репатриации в Израиль стояли непреодолимые преграды. Они знали, что без алии у Израиля нет будущего, но желание снискать милость арабов было сильнее голоса совести и требований справедливости.

Это правда, что в наше время предательская позиция Запада по отношению к сионизму не состоит в явно выраженных намерениях покончить с существованием еврейского государства. Предательство состоит, скорее, в том легкомыслии, с которым весь западный мир требует, чтобы Израиль пошел на такие рискованные уступки, которые сочло бы недопустимыми для себя любое нормальное правительство. Предательство Запада состоит в назойливых попытках представить оборонительные усилия Израиля как свидетельство его агрессивных намерений. Отрицание естественного права Израиля на самооборону является прямым

отказом от данных в Версале обязательств, ибо если народ лишается права защищаться, то само его право на существование ставится под сомнение.

Итак, мы видим, что поле поддержки географических, демографических и оборонных нужд Израиля существенно сузилось вследствие планомерных усилий, предпринимавшихся сначала западными (главным образом - британскими) антисионистами, а затем арабской пропагандой. В этой кампании целью арабов является подрыв международного доверия к нравственной позиции Израиля. Трудно переоценить ущерб, причиненный клеветниками еврейскому государству. Среди прочего, прямым результатом их неустанных усилий стало усвоение тезисов арабской пропаганды в определенных кругах израильского общества (этого вопроса мы подробнее коснемся позже).

Следует отметить, что арабская пропаганда не достигла бы столь значительных успехов на Западе, если бы она не научилась апеллировать к эгоистическим интересам самих западных государств. И если в прошлом британские "арабисты" убеждали свое правительство в необходимости предотвратить возникновение еврейского государства, то теперь арабы убеждают Запад в необходимости "вернуть" Израиль к границам 1967 года. Аргументы используются те же самые: ценой еврейских интересов предлагается купить арабскую лояльность и спокойствие на Ближнем Востоке, а значит - бесперебойные поставки нефти.

В следующей главе своей книги я намерен показать, каким образом это поразительное требование стало аксиомой ближневосточной политики для большинства стран мира.

Глава третья

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Первыми жертвами войны в Персидском заливе стали священные коровы, годами кормившиеся на тучных пастбищах арабской пропаганды. Под гусеницами иракских танков застонала земля беззащитного Кувейта, а рокот их моторов заставил дрогнуть неколебимые, казалось бы, суждения о причинах ближневосточного конфликта.

Первой священной коровой, отданной на заклание по воле Саддама Хусейна, стало распространенное представление о том, что главным фактором нестабильности на Ближнем Востоке является так называемая "палестинская проблема". До иракского вторжения в Кувейт западные аналитики упорно связывали с этой проблемой все региональные катаклизмы. Не проходило дня, чтобы очередной арабский оратор не заявил в очередной раз, что палестинская проблема - это "сердце" ближневосточного конфликта, его "корень", "основа" и "источник". При этом конфликт всегда упоминался в единственном числе и с определенным артиклем. Западную аудиторию пытались убедить в том, что жизнь на Ближнем Востоке немедленно превратится в блаженную идиллию - стоит только найти решение этому единственному, досадному конфликту между арабами и Израилем. Таким образом, в общественном сознании твердо устоялась аксиома: решение палестинской проблемы

приведет к миру и стабильности во всем ближневосточном регионе.

И не только арабские лидеры заученно твердили удобную им формулу о центральном месте палестинской проблемы в качестве главного фактора региональной нестабильности. Она была усвоена государствами Третьего мира и странами советского блока, а Организация Объединенных Наций услужливо внедряла эту ложь в сознание миллионов людей во всех концах земного шара.

По прошествии некоторого времени к единодушному хору декламаторов присоединился и Запад. В 1982 году я был назначен политическим советником при израильском посольстве в Вашингтоне, а в 1990 году моя дипломатическая карьера завершилась на посту заместителя министра иностранных дел. В течение всего этого периода мне приходилось многократно слышать от западных дипломатов всех мыслимых уровней, что мир на Ближнем Востоке не может быть установлен без решения палестинской проблемы. "Ведь в конечном счете, именно эта проблема представляет собой сердцевину конфликта", - глубокомысленно изрекали мои собеседники. Родившийся двадцать лет назад лживый лозунг арабской пропаганды был отточен международным словоблудием до такого состояния, что он стал восприниматься как само собой разумеющаяся истина, как неоспоримый факт.

И вот, в августе 1990 года иракские войска оккупировали Кувейт. Трудно описать изумление, с которым международное сообщество восприняло эту неожиданность. Одна арабская страна захватывает другую арабскую страну и угрожает третьей - вне всякой связи с палестинской проблемой.

Саморазоблачительные действия Саддама Хусейна повергли в шоковое состояние многих государственных деятелей Запада, в том числе и тех, кто именуют себя друзьями Израиля. В течение десятилетия, предшествовавшего агрессии против Кувейта, Ирак вовсе не считался с

угрозой региональной стабильности, а его лидер воспринимался многими как естественный союзник Запада. В связи с этим, западные страны предоставляли щедрую экономическую и военную помощь Ираку, а в годы войны с Ираном многие американские аналитики утверждали, что поддержка Саддама Хусейна соответствует стратегическим интересам США. Неудивительно поэтому, что только вторжение в Кувейт заставило западных политиков вспомнить о том, что сами иракцы именуют своего вождя "багдадским мясником".

И все же трудно не удивиться этому изумлению и последовавшему за ним запоздалому прозрению. Ведь и до иракского вторжения в Кувейт можно было заметить, что Ближний Восток раздираем множеством конфликтов, не имеющих ни малейшего отношения к палестинской проблеме. Тот же Ирак в течение многих лет вел кровопролитную войну с Ираном, и эта война, унесшая более миллиона человеческих жизней, завершилась всего за год до агрессии против Кувейта. Да и не ограничивается арабская агрессивность одним только Ираком: со времени обретения независимости в первой половине XX столетия, почти все арабские страны были замешаны в войнах. Вооруженные конфликты, диверсии, подрывная деятельность, политические убийства и бесконечные интриги являются неотъемлемой частью внутриарабской политики.

В Северной Африке Ливия конфликтовала с Тунисом, совершала воздушные налеты на Судан, а в 1977 году Муаммар Каддафи едва избежал глобального столкновения с Египтом, когда ливийские танки пересекли границу между двумя странами. Все эти государства Каддафи пытался склонить к "слиянию" с Ливией. В рамках своей политической доктрины - "третьей универсальной теории" - ливийский лидер объявил о поддержке "освободительных движений". Он финансировал многочисленные попытки государственных переворотов - в Египте, Ираке, Марокко, Судане, Тунисе и Сомали. Каддафи объявил также кампанию по

ликвидации укрывшихся на Западе ливийских эмигрантов. Подобным образом и Египет во времена Насера инспирировал покушения на государственных лидеров Иордании, Ливана и Ирака. В 1958 году Египет решил навязать свой режим Сирии, а в 1962 году предпринял попытку захватить Йемен - результатом этой авантюры стала пятилетняя война.

Алжир в течение многих лет стремился установить свой контроль над районами Коломб-Бешар и Тиндуф. На те же районы заявляло свои права Марокко. В результате между двумя странами длительное время происходили пограничные конфликты, а в 1963 году мелкие стычки завершились настоящей войной. После 1975 года вражда Алжира по отношению к Марокко вылилась в жестокую войну в Западной Сахаре, где проалжирский фронт ПОЛИСАРИО начал затяжное восстание против марокканского правительства/1.

Ничуть не более мирной была жизнь на Аравийском полуострове, где до недавних пор Южный Йемен регулярно совершал военные действия в Дофаре, стремясь отобрать этот район у Омана. Северный и Южный Йемен в течение длительного времени воевали друг с другом, поскольку каждая из этих стран отказывает в легитимности своему соседу. Самую острую форму вооруженные конфликты между Северным и Южным Йеменом принимали в 1972 и 1979 г.г./2. Очередная попытка объединения была предпринята в 1991 году, но и она не увенчалась успехом, а в 1994 году война вспыхнула вновь, и Южный Йемен объявил о своем выходе из конфедерации.

Когда эти страны прекращают конфликтовать друг с другом, они опасаются Саудовской Аравии, которая во времена правления основателя этого государства Ибн-Сауда совершала вооруженные рейды не только на территорию Йемена, но и в Иорданию, Ирак, Кувейт, Оман и другие эмираты Персидского залива/3. Во время войны в Заливе саудовские власти изгнали со своей территории сотни

тысяч йеменцев, которых они подозревали в подрывной деятельности; Йемен столкнулся с существенными трудностями, когда ему пришлось принять этих изгнанников/4.

Ирак впервые совершил вторжение в Кувейт в 1973 году. Вместе с тем, Кувейт в течение многих лет постоянно опасался агрессивных посягательств со стороны Саудовской Аравии. Только второе иракское вторжение 1990 года успокоило кувейтские опасения в отношении Эр-Рияда - неизвестно, надолго ли.

Помимо двукратного вторжения в Кувейт, Ираку принадлежит впечатляющий перечень агрессивных действий против других арабских стран, в том числе - против Сирии и Иордании. В 1976 году сирийско-иракский конфликт достиг апогея: Багдад перекрыл свой нефтепровод, проходящий по сирийской территории, а Сирия в ответ на это полностью закрыла границу между двумя странами. На протяжении многолетней ирано-иракской войны Саддам Хусейн предпринимал неустанные попытки свергнуть правительство Хафеза Асада, поддерживавшее аятоллу Хомейни/5.

Впрочем, и сама Сирия является хищником с солидной репутацией. Она неоднократно угрожала Иордании, убивала ее дипломатов, организовывала террористические диверсии в Аммане. В 1970 году Сирия воспользовалась гражданской войной в Иордании, чтобы совершить попытку вооруженного вторжения в эту страну. Сирийскую позицию в конфликте с Ираком тоже нельзя назвать вегетарианской: из Дамаска постоянно раздаются проклятия и угрозы в адрес иракского руководства Партии арабского социалистического возрождения-БААС. Для того, чтобы понять природу этого конфликта, необходимо помнить, что в обеих странах правит та же партия БААС, у которой есть два "общееарабских руководства" - одно в Дамаске, а другое в Багдаде. Борьба за региональное лидерство в бассейне Евфрата является естественным фоном взаимоотношений между двумя этими странами. Дамасские лидеры изначально считают Ливан неотъемлемой частью "Великой Сирии".

В настоящее время почти вся территория Ливана находится под сирийской оккупацией, а линия границы между двумя странами давно уже лишилась всякого реального значения. Аннексионистские замыслы Сирии в отношении Ливана возникли еще в 1946 году, когда обе страны добились независимости; Сирия уже тогда отказалась согласиться с существованием суверенного ливанского государства. Эта политика остается неизменной на протяжении полувека, и сегодня мы являемся свидетелями ее очевидного успеха.

* * *

В начале 70-х годов Сирия объявила Ливан своим "стратегическим оборонительным пространством", а затем наводнила эту страну своими войсками. В рамках политики "сиризации" Ливана режим Хафеза Асада с методичной жестокостью уничтожает всякого ливанца, выступающего против сирийской аннексии - будь то христианин, мусульманин или друз. В оправдание собственных захватнических действий Сирия постоянно утверждает, что ее войска находятся в Ливане с "миротворческой миссией" и на основании мандата Лиги арабских государств. В 1976 году ливанское правительство, утратившее надежду на прекращение кровавой гражданской войны, действительно пригласило на свою территорию межарабские миротворческие силы. Теперь Асад, оккупировавший Ливан под эгидой ЛАГ, цинично заявляет, что только общеарабское решение может положить конец его "миссии" в этой стране/6. В 1991 году, когда все были заняты кризисом в Персидском заливе, Сирия совершила в Ливане то, что не удалось Ираку в Кувейте: она полностью поглотила своего соседа, а затем закрепила этот факт с помощью лицемерного сирийско-ливанского договора о дружбе.

Однако имперские амбиции Дамаска не ограничиваются одним только Ливаном. Сирийские лидеры всегда считали

Эрец-Исраэль неотъемлемой частью "Великой Сирии". Всякому, кто имеет какие-либо иллюзии относительно будущих взаимоотношений между Сирией и арабской Палестиной (если такое государство будет создано), следовало бы знать, что сказал сирийский президент Хафез Асад лидеру ООП Ясеру Арафату:

"Вы не представляете Палестину, это делаем мы. Никогда не следует забывать: палестинского народа не существует, палестинское государственное образование не может существовать. Есть только Сирия - и, следовательно, вы являетесь частью сирийского народа. Это мы, сирийское правительство, выражаем подлинные интересы палестинцев"/7.

В самом деле, в 1976 году Сирия применила военную силу против формирований ООП в Ливане, а в 1983 году Дамаск поддержал восстание просирийски настроенных палестинцев против Ясера Арафата. Результатом этого восстания стало изгнание политических и военных структур ООП из североливанского города Триполи.

На фоне постоянных внутриарабских конфликтов едва ли являются неожиданностью многочисленные агрессивные поползновения арабских стран в сторону Черной Африки и других сопредельных неарабских регионов. Ливия, например, завоевала значительную часть Республики Чад и даже добилась установления марионеточного режима в этой африканской стране. Лишь французская военная операция 1986 года положила конец ливийскому правлению в Чаде. Каддафи готовил специальные подразделения для свержения законных правительств во многих странах Черной Африки - нити ливийского заговора достигли даже далекого Сенегала/8.

Египетское правительство утверждает, что Каддафи замыслил подрывные действия в мировом масштабе: он планировал террористические покушения не только на

своих собратьев - арабских лидеров в Саудовской Аравии, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах, но и на таких западных руководителей, как Маргарет Тэтчер, Франсуа Миттеран и Гельмут Коль.

Сирийский аппетит, подобно ливийскому, тоже не ограничивается лишь арабской добычей. Дамаск заявляет свои права на турецкий район Александретта. Спор, казалось, был улажен в 1939 году, но на официальных сирийских картах Александретта по-прежнему фигурирует как часть Сирии; официальные представители Дамаска время от времени заверяют прессу, что они не отказались от своих притязаний на этот район/9. В течение длительного времени сирийцы оказывали поддержку курдским и армянским повстанческим группировкам в Турции, занимаясь их обучением, помогая деньгами и обеспечивая надлежащие условия для пересечения границы. В 1994 году в турецкой прессе появились сообщения о тайном соглашении между двумя странами, в соответствии с которым Сирия обязалась прекратить свои подрывные антитурецкие акции в обмен на перераспределение водных ресурсов Евфрата. Вместе с тем ни один человек не может официально подтвердить факт заключения этого соглашения, и уж тем более, никто не может гарантировать, что Сирия будет выполнять его условия. Война в Персидском заливе обеспечила Ираку репутацию самой агрессивной арабской страны. Однако Саддам предпринимал попытки установить свой контроль над Кувейтом задолго до этой войны. Он концентрировал войска на границе, заявлял "исторические права" Ирака на Кувейт и устраивал пограничные провокации, которые должны были послужить фоном к иракскому вторжению. Но затем внимание Саддама привлек Иран, переживший исламскую революцию и свержение шаха. Иран показался Саддаму легкой добычей, и он без колебаний отменил соглашение о границах, подписанное за пять лет до этого с шахом Пехлеви. Иракские войска захватили спорный район Шатт-аль-Араб, граничащий с иранскими нефтяными

промыслами. Результатом этого вторжения стала восьмилетняя ирано-иракская война, в ходе которой широко применялось химическое оружие против мирного населения. Даже по меркам XX века кровавая цена этой войны оказалась чрезвычайно велика/10.

Надо сказать, что насилие на Ближнем Востоке не ограничивается межгосударственными конфликтами. Арабские режимы систематически используют brutальную силу против собственных граждан. По своему характеру большинство правящих режимов современного арабского мира являются военными диктатурами. Так, Ливией управляет полковник Каддафи, который опирается на небольшую группу своих приверженцев в высших слоях офицерства. Такой же порядок правления существует в Алжире (военная диктатура в этой стране снова пришла к власти после непродолжительного периода гражданского правления). В Саудовской Аравии имеется не одна, а целых две армии, которые служат противовесом друг другу и защищают королевскую династию от ее подданных. В Сирии правит военная хунта, которая опирается на алавитское меньшинство и подавляет большую часть населения с помощью пяти независимых разведывательных служб, ведущих постоянную слежку друг за другом. Ради сохранения власти Асад без колебаний осуществил массовое истребление собственных граждан: в 1982 году его танки окружили город Хама и уничтожили около 20.000 местных жителей, заподозренных в сочувствии к "Братьям-мусульманам". Центральная часть города была полностью разрушена/11.

Впрочем, требования "демократизации", с которыми выступают оппозиционные группировки в таких арабских странах, как Алжир и Иордания, тоже не внушают особых надежд на изменения к лучшему: ведь эти требования исходят, как правило, со стороны мусульманских фундаменталистов, не испытывающих ни малейшего уважения к подлинным ценностям демократии. Исламские группировки вовсе не намереваются передать политическую и воен-

ную власть гражданам своих стран; их цель - сосредоточить всю полноту власти в собственных руках. При наличии такой оппозиции трудно оценить, чей деспотизм страшнее - ныне властвующих правителей или тех, кто обещает "освободить" арабские народы от их гнета.

Наиболее абсурдный характер носит ситуация в Ливане, где вооруженные группировки самой различной ориентации в течение двадцати лет воюют за право навязать свою жестокую власть всему остальному населению страны. Только сирийская оккупация положила конец этой кошмарной свистопляске, как будто сошедшей со страниц Томаса Хобса. Если сирийский сапог перестанет давить, кровавая междоусобица немедленно вспыхнет с новой силой.

Внутреннее насилие арабских режимов обращено как против самих арабов, так и против национальных меньшинств. Арабские националисты считают огромное пространство, простирающееся от Марокко до Персидского залива, исключительно арабским, несмотря на присутствие в этом районе многих других народов и религиозных групп, таких как берберы, курды, копты, христиане, друзы, евреи, черкесы, ассирийцы и африканские язычники. Эти группы составляют значительную часть населения в очерченном регионе. Арабские государства терпят присутствие неарабских и немусульманских меньшинств на своей территории, но нигде в арабском мире представители этих меньшинств не пользуются действительным равноправием. Они везде находятся на положении граждан второго сорта, а те из них, кто не соглашается с этим унижительным статусом, подвергаются жесточайшим репрессиям.

В 1933 году иракские власти организовали резню древней ассирийской христианской общины - тысячи выживших ассирийцев были вынуждены покинуть страну/12.

15 декабря 1945 года курды провозгласили независимую республику на севере Ирака - эта республика была немедленно уничтожена иракскими войсками/13. Курды возобновили борьбу за независимость в 1961 году, и они были

снова беспощадно подавлены. Иракская армия уничтожила десятки тысяч курдов, 200.000 человек остались без крова. В 70-е годы Саддам Хусейн изгнал в Иран 200.000 курдских беженцев/14. Сотни тысяч курдов тогда же были насильственно переселены на бесплодные земли, находящиеся вдали от их исконной национальной территории, - Саддам пошел по пути, проложенному его кумиром Навуходоносором.

В Версале курдам была обещана автономия, но Британия отменила ее и присоединила Курдистан к Ираку, дабы обеспечить себе контроль над курдским районом Мосул, где находятся значительные залежи нефти. Равнодушие мирового сообщества к судьбе курдов обеспечило Саддаму Хусейну благоприятные условия для насильственной арабизации Курдистана. И все же борьба курдского народа за обретение независимости продолжается и поныне. Последним аккордом этой борьбы стало восстание, вспыхнувшее в Курдистане после поражения Ирака в войне в Персидском заливе. Но и эта попытка была подавлена Саддамом Хусейном с характерной жестокостью, едва он оправился от поражения на юге.

Ничуть не лучшая доля выпала и остальным меньшинствам в арабских странах. В 20-е годы в Сирии было организовано истребление христианской общины, а после Второй мировой войны из этой страны были изгнаны десятки тысяч армян. Сирийско-французский договор 1936 года предусматривал создание друзской автономии в районе Джабель-Друз, где эта община составляет большинство населения, однако все попытки друзов отстоять свою автономию были безжалостно подавлены/15.

В 50-е годы Насер организовал изгнание из Египта греко-православной общины; на протяжении 60-х и 70-х годов египетские власти поощряли насильственные действия против коптских христиан. Еще более ужасной была участь чернокожих христиан на юге Судана. В 1956 году суданские власти начали кампанию по их принудительному обращению в ислам; при этом негров-христиан морили голодом и

превращали в рабов. По самым скромным подсчетам, общее число убитых в апогее этой кампании в 70-е годы составило 500.000 человек, однако некоторые источники утверждают, что убитых было более миллиона. Сотни тысяч бежали в соседние страны, хотя арабы настойчиво пытались запереть обреченных в Судане.

Таким образом, главным фактором нестабильности на Ближнем Востоке является склонность арабских правителей к насилию, которая приводит к непрерывным войнам и жестоким внутренним репрессиям. После знакомства с приведенными данными едва ли вызывает удивление тот факт, что во многих случаях на жизнь деспотов совершались покушения. Список жертв политического террора, составленный в хронологическом порядке, выглядит как справочник "Кто есть кто в арабском мире":

1949 Президент Сирии Хусни Саим казнен по приговору военного суда после успешного прохашимитского переворота.

1951 Король Иордании Абдалла убит агентами муфтия за осуществление тайных контактов с Израилем.

1958 Король Ирака Фейсал убит вместе с Нури Саиром во время революции, положившей конец монархическому правлению в этой стране.

1960 Премьер-министр Иордании Абас Маджали убит египетскими агентами при покушении на жизнь короля Хусейна.

1963 Президент Ирака Касем убит группой заговорщиков из партии БААС и офицеров-националистов, осуществивших государственный переворот.

1964 Президент Сирии Шишакли убит заговорщиком-другом в отместку за бомбардировку друзского района на юге страны.

1967 Президент Алжира Бумедьен чудом избежал смерти при попытке военного переворота.

1971 Премьер-министр Иордании Васфи эль-Таль убит в Каире террористами ООП в отместку за жестокое подавление

ние палестинского восстания ("черный сентябрь").

1972 Король Марокко Хасан чудом избежал смерти при воздушной бомбардировке королевского дворца осуществленной заговорщиками из рядов марроканских ВВС.

1975 Король Саудовской Аравии Фейсал ас-Сауд убит своим племянником; убийца был схвачен и казнен террористами, принадлежавшими, судя по всему, к просаудовской группировке.

1978 Президент Северного Йемена Гашми убит агентом Южного Йемена, подложившим ему портфель со взрывчаткой.

1981 Президент Египта Анвар Садат убит исламскими экстремистами во время военного парада в ознаменование восьмой годовщины Войны Судного дня.

1982 Президент Ливана Башир Жмайель убит взрывом бомбы, подложенной в здание бейрутского штаба христианских фалангистов.

1984 Ливийский лидер полковник Каддафи подвергся вооруженному нападению повстанцев из "Национального фронта спасения Ливии".

1985 Президент Судана Джафар Нумейри сумел спастись бегством в ходе государственного переворота, отстранившего его от власти.

1987 Премьер-министр Ливана Рашид Караме погиб при взрыве самолета в воздухе.

1989 Президент Ливана Рене Мувад убит бомбой, подложенной в его автомобиль спустя несколько дней после вступления в должность.

1992 Президент Алжира Мухаммад Будиаф убит мусульманским экстремистом через четыре месяца после введения военного положения, предотвратившего переход власти в стране к радикальным исламистам.

Ради краткости я не включил в этот список бесчисленные убийства и покушения на министров, лидеров оппозиции, интеллектуалов, журналистов, дипломатов и чиновников. Я оставил за рамками своего рассмотрения небольшие мусу-

льманские страны, в которых политические убийства распространены не в меньшей степени, чем в упомянутых государствах. Ученый, исследующий политическую жизнь в россыпи мелких княжеских деспотий, образующих Объединенные Арабские Эмираты, опубликовал в 1977 году следующие результаты своих наблюдений:

"Правитель Абу - Даби шейх Зияд сверг в 1966 году своего брата Шахбута; правитель Дубаи Рашид сверг своих дядей в 1932 году; в Умм-эль-Кайване шейх Ахмед застрелил своего дядю, который убил его отца; в 1948 году шейх Сакр изгнал из Рас-эль-Хайме своего дядю; в ходе более позднего дворцового переворота, в 1972 году, шейх Султан из Шардже отобрал престол у своего брата Халиля, который был застрелен своим двоюродным братом и бывшим правителем Сакром ибн-Султаном. В Абу-Даби, главном государстве федерации, 8 из 15-ти эмиров, принадлежавших к династии Аль-бу-Фалах, были убиты"/16.

В последнее десятилетие убийств стало меньше, но это связано только с тем, что деспотические арабские режимы усовершенствовали технику политического выживания за счет ужесточения и универсализации методов подавления. Так например, в Сирии и Ираке правящие режимы остаются у власти только потому, что они научились тщательно искоренять самые незначительные признаки внутренней оппозиции.

Перманентное кровопролитие в арабских странах вызывает особенную тревогу в связи с тем, что его участники проявляют поразительную неразборчивость в средствах. Одним из результатов этой неразборчивости является готовность арабских стран использовать химическое оружие в ходе внутренних и внешних конфликтов. После Второй мировой войны применение этого варварского оружия стало крайне редким, однако всенародное

сообщество знает, по крайней мере, о трех случаях, в которых арабские режимы прибегали к использованию отравляющих веществ. Египет использовал горчичный газ в ходе войны в Йемене. По приказу Саддама Хусейна иракские войска неоднократно применяли химические снаряды в войне против Ирана. Кроме того, Саддам использовал химическое оружие против курдов в своей стране. Достоверно известно о результатах газовой атаки в Халабдже - 2000 убитых из числа гражданского населения/17.

Другим проявлением преступной неразборчивости в выборе средств ведения военных действий являются многократные бомбежки, которым подвергали Ирак и Иран торговые суда нейтральных стран в Персидском заливе. Саддам Хусейн сознательно размещал свои военные объекты вблизи исторических достопримечательностей/18. Как правило, арабские режимы стараются не использовать столь грубые средства насилия против Запада. Даже самые фанатичные тираны понимают, что Запад слишком силен, и избегают фронтального столкновения с его интересами. Именно поэтому террор был избран арабами в качестве самого безопасного насильственного средства для поражения западных целей.

Инспирируя и осуществляя террористические акты, арабские режимы могли отрицать свою вину и ответственность. Суверенные государства, такие как Сирия, Ирак и Ливия, обеспечивали террористов оружием, информацией и деньгами, используя в качестве пересыльного канала свои дипломатические службы. Иногда к осуществлению терактов привлекались официальные разведывательные органы этих стран. Таким образом террор превратился из местного явления, характеризующего ближневосточную политику, в международную эпидемию самых широких масштабов. Следует подчеркнуть: современный международный террор

является эксклюзивным экспортным продуктом Ближнего Востока. Его методы - это методы арабских режимов и группировок, унаследованные затем всеми остальными террористическими организациями мира: взрывы пассажирских самолетов, захват заложников, минирование посольств, убийства дипломатов. Арабский террор распространился по всему миру, за исключением государств советского блока. Его жертвы были уязвимы повсюду - в Лондоне и Париже, в Бангкоке и Карачи, в Риме и Вене, - до тех пор, пока жесткая политика, санкционированная Соединенными Штатами, не привела к сокращению масштабов этого отвратительного явления.

Арабский террор собирал обильную кровавую дань и с самих арабов. Скорее всего, число жертв террора в одном только Ливане больше, чем во всех остальных государствах мира. В 1984 году Мухсейн Мухаммад, редактор египетской газеты "Аль-Гумхурия", сокрушался по поводу склонности арабских террористов к насилию против своих соплеменников:

"Число террористических организаций в арабском и мусульманском мире возрастает. Эти организации убивают арабов и мусульман повсюду... некоторые из них были созданы (арабскими) правительствами специально для устранения политических противников, беженцев и эмигрантов во всех странах мира"/19.

Разумеется, не все арабские государства подобны Сирии, Ливии или Ираку. Одни арабские режимы являются настоящими хищниками, другим отводится роль добычи. Существуют относительно умеренные арабские режимы, которые пытаются отдалиться от жесткой тоталитарной модели, усвоенной радикалами. Все же это не меняет общей картины ближневосточной политики. Вывод напрашивается сам собой - он неизбежен: насилие пронизывает политическую жизнь всех арабских стран; оно служит главным

средством политической борьбы и применяется как против самих арабов, так и против остальных народов.

До сих пор я не касался арабо-израильского конфликта в силу одной очевидной причины: ни один из упомянутых выше кровавых ближневосточных раздоров не имеет ни малейшего отношения к конфликту между Израилем и арабами. Тем не менее, почти любая дискуссия по проблеме "мирного процесса" на Ближнем Востоке полностью сосредоточивается на Израиле и палестинцах. Таков прямой результат многолетних усилий арабской пропаганды, цель которой - отвлечь внимание международной общественности от подлинных причин нестабильности в регионе. Эта пропаганда услужливо подсказывает ложный выход из существующего положения, ставя во главу угла палестинскую проблему.

* * *

Нигде не предпринималось столько попыток скрыть истинные проблемы Ближнего Востока, как в Организации Объединенных Наций. Когда в конце 1984 года я впервые прибыл в Нью-Йорк в качестве израильского представителя при ООН, мне стало известно, что эта Организация ежегодно посвящает два пленарных заседания Генеральной Ассамблеи обсуждению палестинской проблемы, при чем каждая такая сессия длится неделю. Первая сессия так и называлась - "Палестинский вопрос". Представители арабских стран и государств Третьего мира один за другим выходили на трибуну ООН и осуждали "преступления израильских агрессоров", требуя "справедливого решения палестинской проблемы". Под "справедливым решением" подразумевалась поэтапная или единовременная ликвидация Государства Израиль.

Вторая недельная сессия называлась "Положение на Ближнем Востоке". К ваящему своему удивлению, я обнаружил, что на трибуну выходят те же самые ораторы, кото-

рые произносят те же самые речи, дословно повторяя свои прежние сентенции. Я спросил, зачем ООН проводит две абсолютно одинаковые сессии - ведь можно было ограничиться одним обсуждением, сэкономив таким образом время и значительные средства. И уж коли проводятся два пленарных заседания Генеральной Ассамблеи, то в ходе второй сессии следовало бы обсуждать именно ту проблему, которая заявлена в повестке дня - "Положение на Ближнем Востоке".

Для того, чтобы пояснить смысл своего предложения, я раздал представителям стран - членов ООН подробный список актов насилия, совершенных на Ближнем Востоке в течение одного только 1985 года. Этот список был составлен абсолютно нейтральной стороной: Информационной службой зарубежного вещания американского радио (U.S. Foreign Broadcasting Information Service). Эта служба постоянно следит за развитием событий на Ближнем Востоке. Я исключил из полученного списка события, связанные с Израилем, поскольку они уже обсуждались в ходе специальной сессии по палестинской проблеме, в бесчисленных комиссиях, отчетах и посланиях ООН.

1985 год на Ближнем Востоке был относительно беден событиями. Приняв в расчет это обстоятельство, можно убедиться в том, что список актов насилия производит весьма убедительное впечатление. В моих руках оказался длинный перечень взрывов, убийств, казней, захватов заложников и самолетов, переворотов, пограничных конфликтов.

Кроме того, на Ближнем Востоке продолжалась кровопролитная ирано-иракская война. Жертвами актов насилия были дипломаты, журналисты, сотрудники туристических агентств, представители самых различных наций (иракцы, марокканцы, суданцы, ливийцы, американцы, англичане, французы, итальянцы, швейцарцы, голландцы, русские, японцы и др.). Приведу здесь данные за один только месяц, апрель 1985 г.:

1 апреля

* В Египте раскрыт инспирированный Ливией антиправительственный заговор

* Террористы из шиитской организации "Амаль" захватили ливанский самолет

2 апреля

* Голландский священник убит в долине Бекаа в Ливане

* "Народная освободительная армия Сахары" объявила, что ее бойцами убито 120 марокканцев

3 апреля

* 54 человека убиты в ходе боев возле ливанского города Сидон

* Иракские ВВС подвергли бомбардировке Тегеран

4 апреля

* Террористы из палестинской организации "Черный сентябрь" совершили нападение на иорданский самолет в Афинах

* Ирак сбил иранский самолет

* Сирийские агенты совершили нападение на посольство Иордании в Риме

6 апреля

* Государственный переворот в Судане

12 апреля

* Взрывом бомбы, подложенной террористами "Исламского джихада", убито 20 посетителей ресторана в Мадриде

13 апреля

* В Ливане совершено покушение на жизнь имама

16 апреля

* В Объединенных Арабских Эмиратах министр нефтяной промышленности чудом уцелел при покушении на его жизнь

* Ирак сбил иранский самолет

17 апреля

* Формирования шиитской организации "Амаль" окружили лагерь палестинских беженцев в Ливане

18 апреля

* Разрушена штаб-квартира организации "Мурабитун" в Триполи

20 апреля

* Ирак сбил три иранских самолета

30 апреля

* Раскрыт иракский заговор, в рамках которого должны были быть совершены террористические нападения на посольства Ливии и Сирии

Столь красноречивый перечень событий, отражающий постоянную ситуацию, а не временный кризис, невозможно составить ни в одном другом регионе земного шара. В течение многих десятилетий Ближний Восток остается самым нестабильным районом мира. Перечисленные в списке события не связаны напрямую с арабо-израильским конфликтом, а потому излишне даже упоминать, что ни одно из них не удостоилось обсуждения на Генеральной Ассамблее ООН. Ознакомившись с предъявленным мною списком, арабские представители были донельзя возмущены: по какому праву Израиль вмешивается в их внутренние дела? С какой это стати ООН будет совать свой нос во "внутрисемейные" арабские конфликты? С такими доводами выступали арабские дипломаты в то самое время, когда десятки тысяч человек ежемесячно погибали на ирано-иракской войне.

Крах коммунизма и развал советского блока привели к существенному улучшению позиций Израиля в ООН. Начиная с 1989 года Израиль установил или восстановил дипломатические отношения со многими государствами мира, международная обстановка обрела более здоровый характер, но все же очень непросто устранить накопившееся негативное влияние тех долгих лет, когда ООН являлась послушным орудием арабской пропаганды.

В ООН арабы научились искусно "прятать под ковер" все беззакония, творимые в их собственной среде. В этом есть

нечто поразительное: внимание международного сообщества постоянно привлекает арабо-израильский конфликт, в ходе которого за последние 50 лет погибло около 70.000 человек, однако ООН остается совершенно равнодушной к прочим кровавым конфликтам на Ближнем Востоке, унесшим миллионы человеческих жизней. Египетское вторжение в Йемен (250.000 убитых), гражданская война в Алжире (миллион убитых), гражданская война в Ливане (150.000 убитых), ливийское вторжение в Чад (100.000 убитых), гражданская война в Судане (более 500.000 убитых), ирано-иракская война (свыше миллиона убитых) и, наконец, недавняя война в Персидском заливе (100.000 убитых).

Даже самый незначительный из упомянутых конфликтов намного превосходит по количеству жертв и по масштабу причиненных страданий полувековое арабо-израильское противостояние. В этой связи здравомыслящему человеку трудно поверить в возможность обуздать кровавое буйство Ближнего Востока с помощью палестинской "смирительной рубашки".

Но чем же в таком случае обусловлено ближневосточное насилие? Каковы корни политических, социальных и психологических явлений, обрекающих огромный регион на постоянную нестабильность? Не дающих покоя 150-миллионной арабской нации, культура которой оказала в прошлом столь значительное и благотворное воздействие на всю мировую цивилизацию? Для того, чтобы дать разумный ответ на эти вопросы, мы должны принять в расчет три важных фактора, характеризующих современную ситуацию в арабском мире: кризис законности, стремление к единству и враждебное отношение к Западу. Эти факторы воздействуют друг на друга стимулирующим образом, вызывая бесконечную динамику заколдованного круга. Кроме того, все они связаны с усилением исламского фундаментализма, о котором мы подробнее поговорим ниже.

Со времени распада Османской империи арабский мир

так и не пришел к согласию относительно того, какая форма правления будет считаться легитимной в глазах самих арабов. В результате всякая возникающая в арабском мире политическая структура зиждется на зыбучих песках. Крушение Османской империи, правившей арабами в течение многих столетий, оставило Ближний Восток в состоянии "лоскутного одеяла", сотканного из английских и французских колониальных владений. Когда в Лондоне и Париже осознали невозможность продолжительного прямого контроля над огромными арабскими территориями, было решено предоставить независимость "государствам", скроенным колониалистами на скорую руку. Англичанам и французам было важно только одно: обеспечить условия для нормального продолжения своей экономической деятельности, связанной с добычей ближневосточной нефти.

Западные державы раскроили Ближний Восток на множество отдельных государств (сегодня их 21). Ни одно из этих государств не было достаточно крупным для того, чтобы превратиться в самостоятельную страну. Контроль над новообразованными государствами был передан в руки семейных кланов, поддерживавших дружественные связи с колониальными властями. Таким образом в арабском мире появилось множество монархий, расположенных по всему Ближнему Востоку - от Марокко до Ирака/20.

На Ближнем Востоке не было традиций, напоминающих западную концепцию национального государства. Французы, например, прекрасно осознают свое отличие от англичан, испанцев и немцев; гордятся этим отличием и основывают на нем свою государственность. Европейское национальное государство, подобно греческим и итальянским городам-государствам прошлого, зиждется на естественной лояльности своих граждан, на их готовности выполнять законы страны и подчиняться его правительству. В арабском же мире, как признают сами арабы, преданность индивидуума отдана прежде всего родовому семейному клану, и лишь затем - арабской нации в целом. Существование отде-

льных арабских государств воспринимается их гражданами как результат произвольного, противоестественного и нежелательного раздела. Нечто подобное испытали бы американцы, если бы внешняя сила превратила каждый штат США в отдельное независимое государство/121.

Таким образом, в арабских государствах существует изначальная напряженность во взаимоотношениях между правителями и их подданными. Король, возведенный на престол по воле европейской державы, требовал от своих подданных лояльности. Король был не национальным лидером, выражающим общие чаяния граждан своей страны, а аристократом, которому посчастливилось получить в управление значительный феодальный надел. Подданные воспринимали его, как случайного, корыстолюбивого владыку, использующего власть, полученную от иностранцев, в целях извлечения максимальной выгоды для себя лично и для своих приближенных.

Ливанский писатель Амир Шакиб-Арслан, один из самых популярных арабских авторов в период между двумя мировыми войнами, отзывался о новоявленных монархах и правителях следующим образом:

"Мусульмане, оказывающие поддержку иностранцам, предают своих братьев и с энтузиазмом действуют против собственной нации, усердно сотрудничая с этими иностранцами из корысти и вероломства. Без помощи, предоставленной иностранцам предателями-мусульманами,... заморские пришельцы не смогли бы ни узурпировать наш суверенитет, ни принуждать мусульман к нарушению религиозного закона... Но теперь влекут они мусульман в долину смерти, где ожидает их позорный конец"/22.

Результатом общего кризиса политической легитимности в арабском мире стало глубокое неуважение арабов к существующим государствам и границам между ними. Это принципиальное неуважение выразилось в многочислен-

ных требованиях сменить "царящих предателей" на новых "справедливых властителей". И поскольку каждое такое требование было чревато угрозой мятежа или переворота, арабские правители пришли к выводу, что только силой штыка и кулака они смогут утвердить свою власть и обеспечить себе вынужденную лояльность подданных. Однако даже жестокие диктатуры, способные продемонстрировать внешнюю видимость силы и единства, не могли преодолеть острый дефицит легитимности, и в арабском мире установился политический климат хронической нестабильности.

Этим объясняется не только постоянный страх арабских лидеров перед угрозой заговоров и переворотов, но и их пристрастие к созданию различных межгосударственных "объединений". Всякое объединение такого рода лишь маскирует истинное намерение одной страны распустить правительство другой. Так Насер пытался в свое время объединить Египет, Сирию и Ирак в Объединенную Арабскую Республику. Ирак пытался присоединить к себе Иорданию и поглотить Кувейт. Каддафи предпринимал попытки слить свою страну с Тунисом, Суданом и даже с Марокко, а Асад оккупировал Ливан в качестве первого шага к созданию "Великой Сирии".

Все эти союзы и объединения не имели успеха, поскольку ни один арабский лидер не был готов поступиться даже малой частью своих полномочий (единственное исключение представляет собой сирийская аннексия Ливана, осуществленная в 1991 году силой оружия). Это подтверждает пророчество Лоуренса Аравийского: "Сменятся многие поколения, прежде чем два арабских государства добровольно согласятся объединиться".

Именно глубокая фрустрация арабов, вызванная их неспособностью объединиться и утвердить на прочных основаниях свой политический статус, является причиной того ликования, которое охватило арабские массы на огромном пространстве от Марокко до Месопотамии, когда Саддам Хусейн захватил Кувейт.

Вторжение Ирака в Кувейт оживило увядшую надежду арабов на появление сильного лидера, способного объединить своей властью арабский мир (разумеется, эту надежду вовсе не разделяли арабские правители, имевшие резонные основания предполагать, что каждый из них может стать следующей жертвой Саддама). Границы, произвольно начертанные европейцами на карте Ближнего Востока, воспринимаются большинством арабов как явная историческая несправедливость - гораздо более грубая и бессмысленная, чем жестокие действия Саддама по отношению к кувейтцам. В лице иракского лидера арабы приветствовали своего Бисмарка, способного стереть абсурдные границы и превратить разрозненную нацию в единый политический организм.

Этот непостижимый для Запада восторг был особенно заметен среди палестинцев, живущих как на контролируемых Израилем территориях, так и в Иордании. В глазах палестинцев Кувейт символизировал навязанный европейскими колониалистами политический порядок; эта страна вызывала у них естественную ассоциацию с Израилем и Ливаном. Успешная ликвидация прозападного княжества в Кувейте воспринималась палестинцами как провозвестие желанной ликвидации Израиля, поэтому опрос общественного мнения, проведенный в августе 1990 года, вскоре после иракского вторжения в Кувейт, показал, что 80% палестинских арабов поддерживают Саддама Хусейна/23. Палестинцы, опрошенные газетой "Нью-Йорк таймс", давали корреспондентам следующие ответы: "Саддам - наш вождь, и я готов сражаться вместе с ним, чтобы изгнать американцев". Или: "Это внутреннее дело арабов, и у Америки нет никакого права вмешиваться в происходящее... Саддам - это второй Саладин". Или: "Если Саддаму удастся прибрать к рукам кувейтскую нефть, он покажет всему миру, что его страна - это подлинная держава, арабская держава. Ее мощь и оружие будут использованы в наших интересах".

Тогда же муфтий Иерусалима призвал Саддама "очистить Святую Землю от пакостей американской армии и ее приспешников". В последующих номерах "Нью-Йорк таймс" сообщалось о массовых арабских демонстрациях в Иудее и Самарии, участники которых скандировали: "Саддам, мы с тобой до победы!"/24.

Мечта о возврате утраченной славы и народное негодование по поводу искусственных колониальных границ - таковы идеологические основы панарабского национализма, ставшего ко времени окончания Второй мировой войны самым мощным политическим движением в арабском мире. Панарабисты требовали и требуют устранения колониальных границ и объединения арабской нации в единую сверхдержаву "от Атлантического океана до Персидского залива". На практике это требование прежде всего означает ликвидацию монархий, символизирующих более всех остальных арабских режимов унижительные последствия западного правления на Ближнем Востоке. Череда военных переворотов, опиравшихся на панарабистские устремления широких масс, привела к ликвидации многих арабских монархий. Казненных и свергнутых королей сменили новые правители типа Насера, Саддама и Каддафи; каждый из них пытался привести к свержению монархий в очередной арабской стране. До наших дней более или менее благополучно дожили лишь немногие монархии Ближнего Востока - Саудовская Аравия, нефтяные княжества Персидского залива, Иордания и Марокко. Постоянная угроза висит над всеми этими режимами, поскольку арабские массы видят в них рудимент уходящей эпохи. Краеугольным камнем панарабского национализма является стремление к устранению колониальных границ, поэтому каждое арабское правительство, разделяющее идеологию панарабизма, свято убеждено в том, что весь Ближний Восток или по крайней мере значительная часть его принадлежат именно ему. Эта убежденность обусловила египетское вторжение в Йемен в 1962 г. - Насеру был необ-

ходим плацдарм на Аравийском полуострове, с помощью которого он мог бы расширить рамки своей экспансии в регионе. Тем же объясняются попытки Саддама "освободить арабские земли" в Иране, а затем в Кувейте. Список можно продолжить: сирийская аннексия Ливана (1991 г.), а двумя десятилетиями раньше, в сентябре 1970 года, Сирия пыталась захватить и аннексировать Иорданию. Лишь убедительная израильская угроза, доведенная тогда до сведения сирийских лидеров, спасла короля Хусейна и сохранила Иорданию в качестве независимого государства.

Несмотря на общее для большинства арабов неприятие современного политического разделения, панарабизм так и не смог изменить установленные Западом границы. Словно оправдывая предсказания Лоуренса, панарабский национализм оказался не в состоянии выдвинуть доминантного лидера, призванного привести к появлению единого общеарабского государства. Разумеется, в претендентах на эту роль недостатка не ощущалось; так, например, официальная государственная карта Ливии демонстрирует, что широко распростертые объятия Каддафи охватывают весь арабский мир. Панарабисты в Египте, Сирии и Ираке всегда исходили из того, что будущая арабская сверхдержава будет создана на государственной основе соответственно Египта, Сирии или Ирака. По иронии судьбы именно разногласия между различными режимами, разделяющими идеологию панарабизма, оказались главным препятствием на пути к арабскому единству. Согласно между собой относительно необходимости создания единой арабской империи, эти режимы борются за право возглавить будущую державу и стремятся к политической дестабилизации своих конкурентов.

В последнее десятилетие "классический" панарабизм насеровского типа находится в явном упадке. На смену ему пришли более узкие экспансионистские устремления различных арабских лидеров, желающих прежде всего установить свою власть в определенной части Ближнего Востока.

ка - в районе Персидского залива, в зоне Плодородного Полумесяца или в Северной Африке. Панарабский энтузиазм пошел на убыль, поскольку после Насера в арабском мире не было равных ему государственных деятелей, а различные претенденты на региональное лидерство успешно нейтрализуют друг друга. Но панарабский национализм немедленно вернет себе былое влияние, как только на Ближнем Востоке появится достаточно сильный и харизматичный лидер, размахивающий лозунгом "арабского единства".

Подтверждением тому служит восторженное отношение арабов к Саддаму Хусейну в первые дни после оккупации Кувейта. Жажда арабского единства остается неутоленной, и если ее не может утолить панарабский национализм, то на смену ему приходит другая сила - исламский фундаментализм. Усиление исламизма прямо связано с упадком "классического" панарабизма. В настоящее время влияние исламистов повсеместно расширяется; иногда это движение находит общий язык с арабским национализмом, однако в большинстве случаев две эти силы конфликтуют и сталкиваются между собой (такова ситуация в Египте, Алжире и Сирии).

Со времени хомейнистской революции в Иране, исламский фундаментализм стал более известен Западу, нежели панарабизм. В 1980 году внимание мировой общественности было в течение долгих месяцев приковано к судьбе американских заложников в Иране; по каналам телевидения эта драма ежедневно транслировалась из далекого посольства в миллионы домов. С тех пор исламский фундаментализм воспринимается на Западе как безрассудная, опасная и отвратительная сила. В США и других западных странах всерьез относятся к иранским угрозам уничтожить Израиль и Запад в целом. К аналогичным угрозам, исходящим из уст арабских националистов, принято относиться с иронией и пренебрежением; считается, что это всего лишь пропагандистская риторика и бряцание оружием.

Именно поэтому на Западе склонны считать ХАМАС (палестинское исламское движение) действительной угрозой Израилю и препятствием на пути к установлению мира, а ООП - умеренным региональным фактором. Даже причастность ООП к кровавым терактам, ничем не уступающим по своей жестокости преступлениям ХАМАСа, не влияет на эту принципиальную снисходительность. Игнорируются также многочисленные заявления лидеров ООП о том, что истинной целью палестинского национального движения по-прежнему остается физическая ликвидация Израиля (такие заявления слышатся постоянно и теперь, после заключения Норвежского соглашения).

Декларативная цель исламского фундаментализма - установление власти ислама во всем мире путем священной войны (джихад) против неверных. Однако практической целью исламистов является не окружающий неисламский мир, который достаточно силен, чтобы отразить прямую угрозу, а мусульманские правительства. Фундаменталисты стремятся к свержению "еретических" режимов во всех 40 мусульманских странах с тем, чтобы заменить эти государственные структуры единым религиозным исламским государством. Непосредственным образом подрывная деятельность исламистов направлена прежде всего против секулярных арабских режимов, в том числе - и против националистических правительств, разделяющих идеологию панарабизма. Неудивительно поэтому, что секулярные арабские режимы пытаются всеми силами подавить исламский фундаментализм; десятки тысяч исламистов подвергаются арестам, пыткам и казням во всех концах арабского мира.

Десять лет провел в египетской тюрьме Сейид Кутб, один из ведущих теоретиков исламизма. Незадолго до своей казни в 1966 году он писал:

"Джихад направлен исключительно на защиту религии Аллаха и его закона; цель джихада - спасти мусульманские страны, а не какую-то иную землю... Всякое государство,

которое борется с верой, мешает мусульманам следовать их религии, или не руководствуется законами ислама, становится тем самым частью "мира войны". Богобоязненному мусульманину надлежит бороться против такого государства, даже если его жители приходится ему родственниками или принадлежат к его национальной группе"/25.

Ту же мысль высказывал Абд ас-Салям Фарадж, идеолог исламской группировки, убившей в 1981 году Анвара Садата (Фарадж также был казнен в египетской тюрьме):

"Некоторые говорят, что усилия джихада нужно сосредоточить на освобождении Иерусалима. Это верно, что освобождение Святой Земли есть заповедь, обязательная для каждого мусульманина... Но следует помнить, что сначала необходимо побороть врага, находящегося вблизи, а уж потом врага дальнего. И достаточно много среди ближних врагов не просто коррумпированных, но лакеев империализма... Во всех мусульманских странах враг держит бразды правления. Враг - нынешние правители. Отсюда и наш первейший долг сражаться против них"/26.

* * *

Декларативное стремление фундаменталистов к установлению власти ислама во всем мире может показаться надуманным и, мягко говоря, абстрактным. Но мы должны учитывать, что это требование опирается на глубокую приверженность широких масс традициям ислама и на веру правоверных фанатиков в обетованное им загробное блаженство. Таким образом, возникает опасное политическое сочетание, таящее в себе огромный разрушительный потенциал. Настойчивые призывы фундаменталистов к "демократизации в арабском мире" свидетельству-

ют о том, что исламские радикалы уверены в своей способности увлечь за собой широкие арабские массы. В некоторых случаях правомерность этого предположения была доказана со всей однозначностью; так, например, в 1992 году исламисты добились явной победы на выборах в Алжире, и алжирская армия была вынуждена ввести в стране чрезвычайное положение дабы предотвратить передачу власти "Исламскому фронту спасения".

В исламском движении - так же, как и в среде панарабистов - ключом к пониманию событий является идеология. Война Ирана против Ирака, носившая изначально оборонительный характер, превратилась со временем в борьбу за "освобождение святых мест", находящихся под властью "неверных", то есть в Израиле и в Саудовской Аравии (здесь необходимо отметить, что несмотря на приверженность Эр-Рияда традиционным формам исламского правления, несмотря на широкое применение предусмотренных Кораном жестоких наказаний, власть вахабитской секты воспринимается многими мусульманами как еретическая, поскольку ее учение противоречит некоторым общепринятым догмам ислама). Постоянное вмешательство Каддафи в дела Черной Африки также основано на идеологических установках исламизма. То же самое можно сказать о беспредельной ненависти ливийского лидера к США; Каддафи воспринимает Америку не как могущественного политического противника, а как "Великого Сатану", пытающегося совратить мусульманский мир с помощью развращенной культуры.

"Великий Сатана" - это выражение было привнесено в политический лексикон Ближнего Востока аятоллой Хомейни. Ради избавления от "тлетворного" западного влияния в Иране было свергнуто правительство шаха; ту же цель преследуют многочисленные акты насилия, предпринимаемые исламистами во всех концах земного шара. Страх перед возможностью исламской революции заставил правительство Саудовской Аравии осуществить убийство 400

иранских паломников в Мекке в 1987 году; пятью годами раньше угроза исламского переворота вынудила Хафеза Асада разрушить восставший сирийский город Хаму.

Соперничество между исламским фундаментализмом и панарабским национализмом, равно как и радикализирующее взаимовлияние этих движений, имело трагические последствия не только для арабов и мусульман. Отказ от любого иного варианта, кроме унитарного арабского государства или объединенной мусульманской державы, означал категорическое неприятие требований политической и религиозной независимости для неарабов и немусульман Ближнего Востока. Существующие разногласия не дают управлять объединенной региональной сверхдержавой, но в одном арабские лидеры согласны между собой - все ближневосточное пространство должно находиться под безраздельной властью арабов-мусульман.

Такое единодушие в немалой степени проистекает из исламской формулы разделения мира на мусульманские владения и владения неверных: "Дар эль-Ислам", то есть "Дом ислама", с одной стороны, и "Дар эль-Харб", то есть "Дом войны", с другой. Согласно Корану, два этих "дома" находятся в состоянии вечного противоборства, и религиозный долг каждого мусульманина - содействовать победе над неверными. В исламских странах Коран отводит всем немусульманам безусловно подчиненное положение в обществе/27.

Со дней Мухаммеда арабская нация считает себя покровительницей ислама, и сегодня она не намерена отказываться от этого статуса. Но, как мы видели, на огромной территории от Атлантического океана до Персидского залива проживают многие другие этнические и религиозные группы, вовсе не желающие признавать превосходство и безраздельную власть арабов над собой. Эти группы, насчитывающие в общей сложности многие миллионы людей, составляют значительную часть того, что принято называть "арабским миром", однако панарабисты и мусуль-

манские фундаменталисты не намерены считаться с их присутствием на Ближнем Востоке. Напротив, они считают своей задачей навязать этническим и религиозным меньшинствам политическую волю арабов-мусульман.

Отсюда становится понятным упорный отказ арабов смириться с существованием Государства Израиль. На протяжении долгих веков евреи пребывали в положении бесправного меньшинства, терпя гонения, насилие и унижения со стороны арабов/28 - точно так же, как и все остальные этнические и религиозные меньшинства Ближнего Востока. Но евреи оказались единственной группой, сумевшей побороть арабское угнетение и создать собственное независимое государство. Более того: евреи утвердили свой суверенитет в самом центре "арабского мира"; они разделили огромное пространство, находящееся под властью арабов, на две части - западную (в Северной Африке) и восточную (в Передней Азии, Месопотамии и на Аравийском полуострове). Ко всему прочему, этот вызов был брошен арабам немусульманским народом. Таким образом, нынешняя ненависть арабов к Израилю имеет весьма глубокие корни.

Неослабевающий фанатизм, равно присущий как панарабскому национализму, так и исламскому фундаментализму, является истинной причиной нестабильности на Ближнем Востоке, движущим фактором многочисленных конфликтов в этом регионе. Оба упомянутых идеологических движения пестуют милитаризм, ксенофобию, экспансионистские устремления и неприятие существующего миропорядка. Отнюдь не все арабы рады шествовать по скорбному пути, проложенному фанатиками-доктринерами, однако экстремисты навязывают свою волю арабским народам и успешно препятствуют появлению альтернативного национального руководства, более осмотрительного и умеренного. Отсутствие демократических традиций на Ближнем Востоке приводит к удушению всяких попыток противодействия идеологическому диктату националистических и религиозных фанатиков.

* * *

Западные политические ценности не привились в арабском мире, и это отнюдь неслучайно. Неприятие демократии - одно из проявлений глубокой враждебности арабов к Западу. Эта враждебность занимает столь важное место в арабской политической ментальности, что ее следует рассматривать в качестве отдельного, третьего фактора нестабильности на Ближнем Востоке.

Значение данного фактора необходимо особенно подчеркнуть еще и потому, что он менее остальных причинно-следственных составляющих ближневосточного конфликта доступен западному сознанию. Для того, чтобы постигнуть глубину и искренность отрицательного отношения, испытываемого арабами к Западу, следует обратиться к истории.

Перенесенные в далеком прошлом травмы и потрясения могут оказывать сильнейшее влияние на последующее поведение как отдельного индивида, так и целого национального коллектива. Так, например, американский народ до сих пор пребывает под впечатлением таких травмирующих событий национального прошлого, как Гражданская война в США, экономический кризис 30-х годов и война во Вьетнаме. Еврейский народ перенес за два последних тысячелетия две чудовищные травмы - разрушение Иерусалима римлянами в 70 году н.э. и Катастрофу европейского еврейства в XX веке. Эти события затмили собой все остальные бедствия еврейской истории, даже самые значительные из них.

Результатом этих исторических травм стало то упорство, с которым теперь еврейский народ отстаивает свою независимость, уделяя особое внимание укреплению обороноспособности Израиля. Еще одним уроком истории стала для евреев самоубийственная борьба враждующих политических группировок в осажденном римлянами Иерусалиме. Память о давнем братоубийственном кровопролитии породила стремление к единству нации; ее результатом стал глубоко усвоенный запрет на политичес-

кие убийства. Со времени разрушения Иерусалима не было больше у евреев гражданских войн, и, несмотря на острейшие внутренние разногласия по самым принципиальным вопросам, почти не было в еврейской среде политических убийств/29.

Я привожу эти примеры лишь потому, что многие люди на Западе склонны недооценивать влияние исторической памяти на последующее поведение наций вообще и арабов в частности. Однако именно исторические травмы определили и определяют негативную позицию арабского мира по отношению к Западу. Арабы ворвались на мировую арену в VII веке, сразу же после того, как Мухаммед основал новую религию - ислам. В поразительно короткий срок они завоевали весь Ближний Восток и Северную Африку, а затем вторглись вглубь Европы. Арабы были убеждены в том, что их блистательные победы являются результатом божественного замысла, выражением духовного превосходства ислама над христианством и иными культурами. Головокружительный успех раннего мусульманского завоевания должен был послужить предвестием установления власти ислама во всем мире, как и обещал своим последователям Мухаммед.

В своей книге "Наш упадок и его причины", написанной в 1944 году, Амир Шакиб-Арслан объясняет провал мусульманского завоевания следующим образом:

"Ислам объединил и сплотил разрозненные народы и племена Аравии... Воспрянувшие и вдохновленные его устремленностью, они всего лишь за полстолетия сделались хозяевами половины мира. И лишь междоусобицы... а не какая-либо иная причина, помешали исламу покорить весь мир"/30.

Этому не суждено было произойти. Вскоре после первых молниеносных завоеваний, арабские владения стали уменьшаться. В 732 году Карл Мартелл разгромил арабов

в сражении при Пуатье, в 240 км от Парижа, положив тем самым начало многовековому процессу отвоевания утраченных христианами земель. Продолжительность этого процесса в разных частях Европы была неодинаковой: 250 лет потребовалось христианам, чтобы получить обратно Сицилию; на целых восемь столетий затянулась Реконкиста в Испании. Стойкость и успешное сопротивление христианского мира похоронили мечту о мировом господстве ислама, обусловив последующее восприятие Запада в качестве главного врага арабов.

Дополнительное унижение мусульманам довелось пережить в 1099 году, когда немногочисленные, но хорошо организованные отряды крестоносцев захватили Иерусалим. В 1187 году Саладин одержал решающую победу над крестоносцами в сражении у Карней-Хиттим (между Ципори и Тверией), однако вскоре Передняя Азия была захвачена мамелюками (1260 г.), а затем арабские владения были на четыре столетия поработаны турками (с 1516 года до Первой мировой войны). Турки-мусульмане имели столь же далеко идущие намерения по завоеванию христианского мира, как и арабы; они весьма преуспели в распространении своего господства и захватили значительную часть Европы. Но в 1683 году османская армия потерпела поражение у стен Вены, и, тем самым, завершились попытки установления власти ислама над европейским континентом.

Следующее крупное столкновение арабского мира с Западом имело место в 1798 году, когда войска Наполеона вторглись в Египет. Теперь это был иной Запад - прошедший через Ренессанс и Просвещение, усвоивший новую политическую культуру и создавший высокоразвитую технологическую цивилизацию. Тот факт, что Наполеон сумел покорить Египет, располагая армией всего в несколько тысяч человек, глубоко потряс арабов. Их исторический враг, к которому они всегда относились с глубоким презрением, оставил их далеко позади. Даже уход

Наполеона из Египта был вызван не действиями арабов, а событиями в Европе.

Но возвращение европейцев не заставило себя долго ждать. В 30-е годы XIX века французы уже располагали постоянными опорными пунктами в Алжире, а Британия осваивала побережье Аравийского полуострова, готовясь к рывку вглубь арабского мира. В 1882 году англичане завоевали Египет. Те части Ближнего Востока, которые не были захвачены англичанами, французами и итальянцами до Первой мировой войны, оказались под контролем западных держав сразу же после ее окончания. До середины XX столетия почти весь арабский мир оставался под управлением Запада.

Для арабов это было величайшим унижением. Они поменялись ролями с европейцами, и та Европа, которую они однажды чуть было не покорили, заняла теперь главенствующее положение в арабском мире. Потомки Карла Мартелла правили в Дамаске и Алжире, потомки Ричарда Львиное Сердце утвердили власть креста над Каиром и Багдадом.

Унизительное поражение, нанесенное арабам их давним недругом, вызвало многочисленные кризисные явления в арабском обществе - оно разрушило привычную схему мира, подорвало традиционную модель самоидентификации. Последствия этого кризиса остаются в силе вплоть до настоящего времени, по прошествии нескольких десятилетий арабской независимости. Особенно сильно проявляют себя чувства разочарования и отчужденности; арабский мир глубоко усвоил представление о собственной неполноценности, о своей неспособности противостоять Западу. Вот как выразил эти чувства марокканский националист Абдаллах Ларуи:

"В феврале 1952 года Салама Муса (влиятельный египетский писатель) озаглавил одну из своих статей "Почему они сильны?" Не было надобности объяснять,

кто такие "они". Это местоимение однозначно указывает на тех, других, которые постоянно находятся рядом с нами, в нас... Это утверждение... верно на каждый момент нашей жизни как общности... Долгое время под понятием "другой" подразумевалось христианство и Европа; сегодня это означает... Запад"/31.

Даже не желая того признавать, араб повсюду ощущает превосходство Запада. Амир Шакиб-Арслан утверждал:

"О мусульманах можно сказать без преувеличения, что их нынешнее положение - как в духовной сфере, так и в материальной - далеко от удовлетворительного. За весьма редкими исключениями, во всех странах, где мусульмане и немусульмане живут бок о бок, мусульмане намного отстают от своих соседей... Им никак не удастся приблизиться к уровню Европы, Америки или Японии"/32.

Что еще более существенно, Запад проник в само арабское общество, привнес в него свою философию, науку, право и социальную идеологию. Историческая победа Запада кажется окончательной и бесповоротной. Всепоглощающее чувство стыда и унижения, овладевшее арабами в связи с торжеством западной культуры, выразил египетский мыслитель Мухаммад Нувайхи:

"Справедливости ради следует признать, что всякому, кто задумывается о нынешнем состоянии мусульманской нации, видно ее бедственное положение. Переменившиеся обстоятельства вынудили ее принять новые законы, непосредственно позаимствованные из чужих кодексов... задвинуть в сторону свои старые (религиозные) нормы права... Нация, раздираемая внутренними противоречиями и разобщенностью, растревоженная и уязвленная; ее существование протекает вне связи с ее идеалами, а

ее поведение не соответствует ее убеждениям. Сколь ужасно состояние нации, оказавшейся в такой ситуации"/33.

Отчаянием, порожденным засильем западных идей были проникнуты слова опального Саладдина эль-Битара, одного из основателей партии БААС. "Арабы, - утверждал он, - за последние два столетия не создали ни одной оригинальной идеи, а лишь всецело посвятили себя копированию чужого опыта"/34. Эти слова были произнесены на открытом симпозиуме в ноябре 1979 года, а несколько месяцев спустя Саладдин эль-Битар был убит.

Обретение политической независимости не ослабило чувства негодования и разочарования, владеющего интеллектуальной элитой в современном арабском обществе. Казалось, политическая свобода обеспечила арабам действенные средства для изменения их положения: национальные правительства и исламские режимы, твердили о своем намерении вернуть арабскому народу былую славу. Однако эти режимы потерпели крах в большинстве своих начинаний, и, естественно, обвинили в своих провалах Запад. Антизападническая идеология в сочетании со стремлением к возрождению могущества арабской нации составляла основу насеровского националистического социализма. В дни правления Насера на улицах египетских городов красовались такие плакаты: "Выше голову, братья, дни унижения миновали!"/35. Идея сведения счетов с Западом была краеугольным камнем и *raison d'être** насеровской политики. В 1954 году он провозгласил: "Я заверяю вас, что с самого начала революции мы готовимся к великому сражению против колониализма и империализма. Это сражение будет продолжаться до тех пор, пока Египет не обретет заслуженную славу"/36.

---

* Смысл (фр.)

Те же идеи провозглашает и партия БААС, к которой принадлежат нынешние правители Сирии и Ирака. Ее основатель Мишель Афляк писал: "Сегодня Европа, как и в былые времена, боится ислама, поскольку она знает, что ислам восстановил свои силы... возродился и выступает в новом обличье панарабского национализма. Именно поэтому Европа обращает все свое оружие против этой новой силы"/37. На фундаменте антизападной идеологии зиждется исламистская версия насеризма, созданная Муамаром Каддафи. В манифесте "Третий путь" ливийский лидер следующим образом излагает свое политическое кредо:

"Мы были жертвами, но теперь... жертвы поднялись и намерены дать отпор хищникам. Арабы, искалеченные колониализмом, начали сомневаться в самих себе. Им уже не верилось, что основы современной цивилизации заложили арабы и мусульмане... что арабы и мусульмане создали такие науки, как астрономия, химия, арифметика, алгебра, медицина... Настало время доказать, что ислам - это сила, призванная повести за собой все человечество, призванная обеспечить прогресс и изменить ход истории, как мы делали это прежде.... Истины, о которых мы говорим, существовали еще до появления американского общества"/38.

Антизападный настрой арабского мира выражается не только в громогласных декларациях, но и в определенной политической ориентации. Вплоть до развала советского блока арабские страны поддерживали СССР и его сателлитов. Арабы вели интенсивную антизападную пропаганду в ООН и в движении "неприсоединившихся стран". Многочисленные теракты, осуществленные арабскими экстремистами, были направлены против граждан и правительств Запада. Арабские лидеры ликовали, когда объявленное ими нефтяное эмбарго грозило удушить западную экономику. О, как их радовала эта картина: американские конгрессме-

ны, спешащие к месту работы на велосипедах; деловые люди, выстаивающие в долгих очередях за бензином у колонок Нью-Йорка, Лондона и Парижа. В 1973 году многим арабам показалось, что колесо истории повернулось вспять, что с помощью нефтяного эмбарго арабский мир воздал по заслугам своим обидчикам. Дружественные связи некоторых арабских правителей с Соединенными Штатами создают на Западе известную иллюзию: многим хочется верить, что эти связи выражают дружелюбие широких арабских масс. Но прозападные правители представляют очень тонкий слой интересантов. Поучительно вспомнить, что такие страны, как Ирак и Ливия, считавшиеся умеренными и прозападными при королях Фейсале и Идрисе, превратились в центры антизападного фанатизма, как только там были свергнуты монархические режимы. То же самое произошло в мусульманском Иране после свержения шаха. Упование Запада на дружественные арабские режимы есть упование на одиночных правителей, а не на подвластные им народы. Эти одиночки могут в любой момент исчезнуть с политической арены, и их место займут деятели иного типа, выражающие укоренившуюся враждебность широких арабских масс по отношению к Западу.

Только на фоне этой принципиальной враждебности может быть понято неприятие арабами Израиля. В глазах арабов Израиль - это государство, созданное европейскими евреями по образцу либеральных западных стран. Арабы считают Израиль орудием, с помощью которого Запад пытается привести мусульманский мир к новым унижениям. Еще в 30-е годы Эмиль Гури, вдохновитель резни арабских "коллорабационистов" в Палестине, утверждал, что массовое убийство хевронских евреев - это "удар, нанесенный захватническому Западу, британскому мандату и сионистам" (именно в такой последовательности)/39. Точно такая же концепция характерна для панарабского национализма насеровского типа. В составленной Насером "Национальной хартии Египта" говорится:

"Империалистические происки привели к тому, что арабская земля Палестины была похищена у арабской нации без всякого права и закона - с тем, чтобы создать на ней военно-фашистский режим, призванный стать источником военной угрозы (арабам). Реальная опасность есть само существование Израиля в качестве орудия империализма"/40.

Именно этот образ Израиля в качестве инструмента западной узурпации Насер использовал в своей подстрекательской речи 29 мая 1967 года, за неделю до начала Шестидневной войны:

"Мы противостоям Израилю и Западу - именно Западу, который создал Израиль, который презирает нас, арабов, и который игнорировал нас до и после 1948 года. Они (западные политики) не испытывали ни малейшего уважения к нашим чувствам, нашим жизненным чаяниям и нашим правам... Если западные державы отказывают нам в наших правах, насмежаются над нами и презирают нас, мы должны научить их относиться к нам с уважением, воспринимать нас всерьез"/41.

В том же духе накануне Шестидневной войны высказывались сирийские лидеры. Так например, начальник сирийского генштаба дал следующее объяснение причин, обязывающих его страну начать войну против Израиля:

"Я считаю, что Израиль не является государством, а служит военной базой для империалистического лагеря... Тот, кто освободит Палестину, поведет арабскую нацию вперед к всестороннему объединению... и сможет сбросить в море все реакционные режимы"/42.

Подобные мысли выражал и Саддам Хусейн, когда он говорил: "Империализм использует сионизм как стратеги-

ческое оружие против арабского единства, против прогресса и развития. Это общеизвестная истина"/43.

Образцовый панарабский диктатор Насер способствовал созданию ООП в Каире в 1964 году; он в значительной степени повлиял на формирование политической платформы этой организации. Его влияние и сегодня еще ощущается в агрессивной антизападной риторике различных группировок ООП, каждая из которых сохраняет верность идеологическим установкам панарабизма и требует ликвидации Израиля как порождения империалистического Запада. Так, член исполкома ООП Мураби Джамаль Цурани заявил в 1986 году: "Никакого мира не предвидится, возможно только временное прекращения огня. Пока существует империализм, пока существует Израиль, мир невозможен"/44.

В наше время, когда широкая публика проявляет поразительное невежество относительно основополагающих исторических фактов, арабским пропагандистам не сложно внушить европейцам и американцам следующую мысль: если бы Государство Израиль не появилось на свет, то в отношениях между арабским Востоком и демократическим Западом царило бы согласие. В действительности же, ненависть арабского мира к Западу утвердилась за тысячу лет до того, как Израиль был причислен к стану врагов ислама. Арабы ненавидят Израиль из-за Запада, а не Запад из-за Израиля.

Неудивительно поэтому, что такие прозападные арабские лидеры, как король Иордании Хусейн и король Марокко Хасан, уже вскоре после Шестидневной войны установили с Израилем мирные отношения де-факто (в течение многих лет эти отношения оставались в силе без подписания формальных мирных соглашений). В то же время, именно антизападные режимы возглавляли и возглавляют борьбу арабского мира против Израиля. Их лидеры всегда рассматривали сионизм как порождение западной культуры, как чужеродное насаждение, раскалывающее арабский мир по

осевой линии. И потому они постоянно утверждают, что сионисты - это те же крестоносцы, обреченные на изгнание с Ближнего Востока. Появление нового Саладдина и свержение современного "государства крестоносцев" в море представляется им всего лишь вопросом времени.

О том, что Израиль воспринимается этими лидерами в широком контексте арабской враждебности к Западу, свидетельствуют многочисленные упоминания о Саладине в речах Саддама, Асада и Арафата. Не так давно Арафат заявил: "ООН предлагает мир не в виде уступки под давлением, а в духе мира, заключенного Саладином"/45. Арабы прекрасно понимают, что означают эти слова в адекватном историческом контексте: мирный договор Саладдина - это всего лишь тактическая уловка, за которой последует наступление мусульман и изгнание пришельцев из Святой Земли.

* * *

Лавры великого воителя средневековья не дают покоя нынешним арабским лидерам. Хафез Асад поместил в своем кабинете огромное полотно, на котором запечатлен триумф Саладдина, изгоняющего последнего крестоносца/46. Осененные этим образом, современные арабские лидеры не прекращают своих попыток вытеснить Израиль с Ближнего Востока и положить конец западному влиянию в регионе. Свои действия, направленные против Кувейта и Ливана, панарабистские режимы Саддама и Асада также считают служащими этой цели. После развала Советского Союза сирийский лидер был вынужден пойти на тактическое примирение с США и вступить в политические переговоры с Израилем, однако этот факт не может скрыть глубокой ненависти и презрения к Западу со стороны Хафеза Асада и его окружения. Сегодня эти чувства бушуют под покровом вынужденной дипломатической корректности, но они обретут прямое выражение, как только в

Дамаске уловят первые признаки слабости Запада - или в случае появления новых антизападных сил на мировой арене.

Теперь мы можем понять, что именно препятствует урегулированию конфликта между Израилем и большей частью арабского мира. Все арабские войны против Израиля и многочисленные враждебные акты в перерывах между войнами являются результатом трех взаимосвязанных идеологических установок. Эти установки таковы: неприятие всякого неарабского суверенитета на Ближнем Востоке панарабскими националистами, стремление мусульманских фундаменталистов "очистить" регион от всякого неисламского влияния и укоренившаяся враждебность арабского мира к Западу. Таким образом, не сложно обнаружить, что арабская ненависть к Израилю вовсе не определена только тем фактом, что это государство еврейское. Ненависть к Израилю является частным проявлением априорной арабской враждебности по отношению к Западу - той самой враждебности, которая оставалась бы в силе, даже если бы еврейского государства не существовало.

Ясно также, что поводы, служащие арабам для нападений на Израиль, представляют собой всего лишь предлог. Арабы нападали на евреев и убивали их еще за тридцать с лишним лет до провозглашения еврейского государства, то есть, задолго до появления проблемы палестинских беженцев. Указанные выше идеологические установки объясняют, почему арабы многократно устраивали еврейские погромы в своих странах - как до провозглашения Израиля, так и после (ведь еврейские граждане арабских государств не имели никакого отношения к "палестинской проблеме"). Тем же объясняются арабские войны против Израиля, развязанные до того, как в Иудее и Самарии были созданы первые еврейские поселения.

Войны 1948 и 1967 гг. были развязаны арабами против "малого Израиля", не обладавшего тогда еще "спорными территориями". В период между этими войнами Израиль

постоянно подвергался террористическим нападениям фedaюнов и атакам арабских армий. Сотни граждан нашей страны пали жертвами этих актов агрессии. Обстрелы израильской территории были повседневным явлением вдоль всех границ, в том числе - у подножия Голанского плато, где фермеры и киббуцники платили кровавую дань сирийским снайперам/47.

Истоки арабской ненависти к Израилю не связаны с той или иной конкретной претензией, подлежащей дипломатическому обсуждению. Не частные проблемы лежат в основе конфликта, а принципиальное неприятие арабами самого факта существования суверенного еврейского государства на Ближнем Востоке. Те, кто рассчитывают на скорое исчезновение этой ненависти, не сознают важнейших политических реалий в регионе, где панарабский национализм и исламский фундаментализм борются между собой за влияние на арабские массы.

Вышесказанное не означает, разумеется, что мир между Израилем и арабами невозможен. Установление мирных отношений возможно с теми арабскими режимами, которые сумели освободиться от страха перед исламскими и националистическими радикалами. Но и в таких случаях надлежит добиваться конкретных гарантий мира, исключающих нарушение подписанных соглашений в силу тех или иных будущих катаклизмов (подробнее об этом речь пойдет в 6-й главе).

На Западе существует тенденция рассматривать окончание холодной войны как "конец истории", то есть как завершение эпохи великих войн и социальных потрясений. Многие полагают, что окончание конфликта между сверхдержавами приведет к установлению мира на Ближнем Востоке, стоит лишь слегка поднажать да выработать приемлемую формулу компромисса. Несомненно, крах коммунизма изменил привычную расстановку сил на Ближнем Востоке: арабы лишились безоговорочной советской поддержки и щедрой военной помощи. Но это - един-

ственный результат окончания холодной войны. Политическая культура в нашем регионе не изменилась; механизм ближневосточного насилия продолжает работать за счет собственной энергии, угрожая миру и стабильности в остальных частях света. Даже тогда, когда страх перед советской экспансией превратится в далекое и зыбкое воспоминание, Израиль, Запад и многие арабы все еще будут находиться в вынужденном противостоянии религиозному фанатизму и политическому радикализму тех арабских режимов, которые не намерены отказываться от своих захватнических устремлений и от культуры политического насилия.

Гражданам и правителям Запада легко отогнать от себя опасения, связанные с угрозой, исходящей от того или иного арабского государства. Ведь в конце концов, население большинства арабских стран (за исключением Египта) не слишком велико, их военный потенциал сомнителен, и расположены они вдали от благополучных западных демократий. Однако подобная недооценка основана на ошибочных соображениях. Когда Запад позволил Ливии (всего 4 миллиона жителей) использовать средства, находящиеся в распоряжении современного независимого государства, для реализации бредовых доктрин Муамара Каддафи, по всему миру прокатилась волна ливийского террора. Когда более крупная арабская страна, Ирак (17 миллионов жителей), начала лихорадочно вооружаться, Запад предстал перед лицом еще более серьезной опасности.

Кстати, Ирак, находящийся под властью Саддама Хусейна, и сегодня еще является источником угрозы, знакомой ранее разве что читателям фантастических детективов: террористическое государство, во главе которого стоит лидер, желающий сменить динамит на ядерные бомбы. Если Саддам сумеет получить в свое распоряжение ядерное оружие, то это будет первым случаем в истории, когда страшный разрушительный потенциал окажется во власти одного человека. Иракский лидер будет свободен от сдержки-

вающего влияния научных, военных и политических кругов, определяющих ядерную политику в нормальных странах. Угроза безопасности человечества приобретет в этом случае небывалый характер, и то же самое произойдет, если ядерное оружие попадет в распоряжение сирийского режима. Самой страшной угрозой, связанной с ядерными амбициями исламского Ирана, я намерен уделить особое внимание на следующих страницах.

На протяжении 80-х годов Израиль неоднократно предупреждал западные правительства о растущей угрозе со стороны Ирака. Эти предупреждения остались без внимания, и Запад попал в ловушку, расставленную арабской пропагандой: почти все демократические правительства согласились с тем, что источником нестабильности на Ближнем Востоке является арабо-израильский конфликт и палестинская проблема. Стоит лишь решить эту проблему, вынудив Израиль на соответствующие уступки, и безопасность в регионе будет восстановлена. До такой степени распространенным было представление о центральном месте палестинской проблемы, что на протяжении целого десятилетия, с 1980-го по 1990 год, Ираку были обеспечены беспрепятственные условия для чудовищного наращивания стратегического арсенала.

В 1981 году израильские ВВС уничтожили иракский реактор, подготовленный к производству ядерного оружия. Международное сообщество, включая Соединенные Штаты, единодушно осудило эту акцию. Ни одно государство до сих пор не принесло Израилю своих извинений по этому поводу, ни одна нация не взяла назад опрометчивых слов осуждения - не говоря уже о том, что никто не поблагодарил ЦАХАЛ, спасший человечество от иракской ядерной угрозы. Даже после войны в Персидском заливе мировое сообщество не хочет понять того, что понял Лоуренс Аравийский в 1928 году: большинство арабских режимов - это "диктатуры, скрепленные кровавым клеем". Арабский мир поныне находится во власти экстремистских политических

группировок, и только внешняя сила может обуздать диктаторов и террористов Ближнего Востока, охотно использующих современные государственные структуры для проведения в жизнь своих панарабистских и фундаменталистских замыслов.

Адекватное представление о политических реалиях Ближнего Востока было затуманено арабской пропагандой, неустанно повторявшей одну и ту же формулу о центральном месте палестинской проблемы в качестве главного фактора региональной нестабильности. К 1990 году, спустя почти четверть века после Шестидневной войны, эта формула стала общепризнанной и чуть ли не самоочевидной "истиной". И тогда Саддам Хусейн захватил Кувейт. Это вторжение заставило арабских лидеров произвести экстренную переоценку своих позиций. Разумеется, они не хотели, чтобы Запад открыл для себя правду о действительных причинах нестабильности на Ближнем Востоке, чтобы он заглянул во "внутренние проблемы арабской семьи". Но, с другой стороны, арабские лидеры не могли теперь игнорировать угрозу, исходящую со стороны Саддама Хусейна. Возникла необходимость в стремительной импровизации новых концепций.

Когда Саддам Хусейн осознал, что против него выступает коалиция при участии арабских государств, он попытался спасти свою репутацию, представив вторжение в Кувейт как часть арабо-израильского конфликта. Саддам заговорил о палестинской проблеме. Вторжение в Кувейт, утверждал он, это удар по Западу и его арабским лакеям; первый шаг к созданию мощного арабского государства, способного освободить Иерусалим. Свою демагогию он подкрепил заявлением о том, что Ирак будет готов к уступкам в Кувейте только после того, как Израиль отступит с "оккупированных палестинских земель".

Арабские страны, выступившие против Ирака, оказались в крайне неловком положении: они вынуждены были опровергать собственные прежние доводы, согласно которым

палестинская проблема является главной причиной нестабильности на Ближнем Востоке. "Нет, - говорили теперь представители Сирии, Египта и Саудовской Аравии, - иракское вторжение в Кувейт не имеет ни малейшего касательства к палестинской проблеме". Увы, арабским лидерам пришлось отказаться от все объясняющей формулы, столь успешно внедренной ими в обиход мирового сообщества.

Президент Египта Хусни Мубарак с прискорбием заявил: "Если мы захотим увязать вместе две эти проблемы, то мы не решим ни одну из них"/48. С такой же оценкой выступил посол Кувейта в Вашингтоне:

"Мы не видим какой-либо связи между двумя этими кризисами... Глубоко ошибается тот, кто полагает, что захватив Кувейт и совершая кровавую расправу над его жителями, Саддам Хусейн проявляет заботу об интересах палестинского народа или ливанцев"/49.

Вынужденные признания арабских лидеров привели к тому, что правда о конфликте на Ближнем Востоке выявилась, хоть и не надолго, во всей своей незамутненной очевидности. Это нанесло огромный ущерб пропагандистским усилиям арабов, утверждавшим и утверждающим, что решение палестинской проблемы является ключом к установлению мира и стабильности в регионе. Впервые за несколько десятилетий Запад осознал, что арабский мир раздирают острейшие внутренние противоречия. После войны в Персидском заливе стало трудно игнорировать многочисленные внутриарабские конфликты, приводящие периодически к кровавым международным потрясениям. Однако священная корова "палестинской проблемы" так и не испустила дух под ножом Саддама Хусейна. Публично опровергнутая формула снова вернулась в политический лексикон, чтобы путем сложнейшей словесной эквилибристики объяснить, почему же все-таки "израильская оккупа-

ция" является причиной всех конфликтов на Ближнем Востоке. По прошествии некоторого времени память об иракском вторжении в Кувейт стерлась, и арабские пропагандисты вернулись к привычным рассуждениям о том, что только решение палестинской проблемы способно привести бурлящий регион к вожделенной стабильности. Густой туман лжи снова покрывает политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Для того, чтобы осознать опасные последствия этого положения, необходимо вспомнить о некоторых событиях, предшествовавших войне в Персидском заливе.

В мае 1990 года мне довелось посетить Соединенные Штаты с официальным визитом. На протяжении всего пребывания в США меня буквально осаждали американские еврейские деятели, верные союзники Израиля: их беспокоила конфликтная ситуация, сложившаяся вокруг приюта св. Иоанна в Восточном Иерусалиме. Здание этого приюта, расположенное возле христианского монастыря в Старом городе, было снято в аренду иерусалимской йешивой и превращено в общежитие для студентов. Церковь выразила протест против этого, и возникший скандал сыграл на руку врагам Израиля. Наши друзья в Америке были вынуждены отражать острые нападки как некоторых церковных деятелей, так и арабских политиков.

Группа руководителей Ассоциации президентов американских еврейских организаций обратилась ко мне с вопросом: "Каким образом израильское правительство могло допустить такой досадный просчет? Как можно было дать вспыхнуть этому скандалу?" У власти в Израиле стояло тогда правительство Ликуда, и от меня ждали исчерпывающих объяснений.

- Вы правы, - ответил я. - Сейчас это для нас действительно большая проблема. Но пройдет неделя, и от этой проблемы не останется и следа. К сожалению, у нас есть другая проблема, гораздо более значительная, и она сама собой никуда не исчезнет.

- Что вы имеете в виду? - спросили они.

- Я имею в виду Саддама Хусейна. Сегодня Саддам - это проблема номер один для всего Ближнего Востока и, в частности, для Израиля.

Мои собеседники отреагировали на эти слова в высшей степени пренебрежительно: "Ну уж, скажете. У Ликуда что, не осталось другого способа, чтобы отвлечь внимание от иерусалимского кризиса?"

Этот эпизод как нельзя лучше показывает, до какой степени искаженным было представление о подлинных и мнимых проблемах Ближнего Востока всего за три месяца до иракского вторжения в Кувейт. Как враги Израиля, так и его друзья, равным образом усвоили тезис о приоритетности палестинской проблемы в качестве главного фактора региональной нестабильности. Палестинская проблема стала синонимом ближневосточного конфликта - таков успешный итог многолетних усилий арабской пропаганды. Нет никакого сомнения в том, что этот пропагандистский успех нанес существенный ущерб интересам Израиля, но еще более важно то, что он обрек на заведомую близорукость западных политиков. Зашоренными глазами невозможно было разглядеть истинную угрозу безопасности Ближнего Востока и всего мира.

Глава четвертая

ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ

Арабской пропаганде удалось убедить мир, что так называемая палестинская проблема - главный фактор нестабильности на Ближнем Востоке. Демагогическая подмена причины следствием отлично удалась арабским пропагандистам. Если сначала они просто сводили все конфликты региона к палестинской проблеме, то со временем арабы стали утверждать, что сама эта проблема является не следствием арабской агрессии против Израиля, а причиной агрессивных действий, предпринятых - и предпринимаемых - арабами против еврейского государства.

Неустанное пропагандистские усилия дали ощутимый результат - западная общественность изменила свое отношение к перманентной войне, навязанной Израилю арабским миром. В массовое сознание был успешно внедрен один зримый образ: Израиль против палестинских арабов. (Иракские ракеты, обрушившиеся на израильские города во время войны в Персидском заливе, явились неожиданным напоминанием об истинных составляющих конфликта, однако и это напоминание быстро стерлось из коллективной памяти Запада). Арабский Голиаф преобразился в Давида, а израильский Давид - в сионистского Голиафа. Были искажены не только пропорции мощи противоборствующих сторон, но и представления о последовательности основных событий арабо-израильского конфликта.

Таким образом, причина и следствие поменялись местами: не арабы развязали войну против Израиля, а Израиль напал на арабов, точнее - на палестинцев. Новая цепочка пропагандистских доводов выглядит так: все беды Ближнего Востока имеют своим источником палестинскую проблему, а эта проблема является результатом захвата палестинских земель Израилем. Следовательно, только прекращение "израильской оккупации" может положить конец нестабильности на Ближнем Востоке.

Эта хитроумная версия появилось на свет после Шестидневной войны 1967 года. В 70-е годы фальсифицированная историческая модель ближневосточного конфликта перекечала из арабских столиц в западные. Однажды в беседе с британским дипломатом, одним из ведущих представителей лондонских "арабистов", я заметил, что Израиль не спешит возвращать арабам контролируемые территории, поскольку у него имеются веские основания, чтобы опасаться повторного нападения с этих территорий. Реакция британского дипломата поразила меня. "Бросьте, - фыркнул он пренебрежительно. - Вы же не думаете, что мы в это действительно поверим. Ведь это вы начали боевые действия против арабов в Шестидневную войну!"

Каковы же реальные факты арабо-израильских взаимоотношений? В 1948 году провалилась арабская попытка уничтожить только что образованное Государство Израиль. Потерпев позорное поражение на поле боя, арабы организовали длительную кампанию приграничного террора, в ходе которой группы вооруженных диверсантов проникали на израильскую территорию, чтобы сеять смерть и разрушения в еврейских городах. Проникновения диверсионных групп осуществлялись через все пограничные линии, однако главной базой арабского террора служил оккупированный Египтом сектор Газы. Египетская разведка создала там лагеря, в которых проходили подготовку палестинские диверсанты - "федаюны". Главной целью операции "Кадеш", предпринятой Израилем в 1956 году, было уничтожение

террористических баз в этом районе. В ходе операции "Кадеш" ЦАХАЛ занял сектор Газы и выбил египетскую армию с Синайского полуострова, однако под давлением США и СССР израильское правительство было вынуждено отвести свои войска к прежней границе - несмотря на то, что Насер не отказался от своего декларативного намерения: уничтожить Израиль.

Приграничные диверсии возобновились после недолгого перерыва - в начале 60-х годов. Повседневным явлением стали обстрелы израильских хозяйств, расположенных в Иорданской долине, у подножия Голанского плато, которое находилось тогда под контролем Сирии.

28 мая 1964 года (за три года до "оккупации палестинских земель" Израилем!) в Восточном Иерусалиме была основана Организация освобождения Палестины. В 1966 году группы боевиков ООП уже осуществляли интенсивную диверсионную деятельность против Израиля, используя опорные базы в Иудее и Самарии (эти районы были оккупированы Иорданией в ходе Войны за независимость). В ноябре 1966 года ЦАХАЛ предпринял ответный рейд в район деревни Самуа (библейский город Эштамоа) и уничтожил располагавшиеся там базы террористов. Напряженность возрастала с каждым днем.

В апреле 1967 года сирийцы предприняли попытку изменить течение реки Иордан, главного источника водных ресурсов Израиля - сирийские ВВС прикрывали эти действия с воздуха. Поднятые по тревоге израильские истребители сбили 6 сирийских МИГов.

Тем временем египетская армия оправилась от поражения, нанесенного ей ЦАХАЛом в 1956 году. Арабские страны были ободрены массовыми поставками советского оружия Сирии и Египту, Иордания закупала новейшую военную технику в Великобритании. В мае 1967 года арабская коалиция решила предпринять совместную агрессию против Израиля. Даже расположенные вдали от предполагаемого театра военных действий арабские страны

подготовили свои войска к участию в кампании; некоторые из них направили свои воинские соединения в граничащие с Израилем государства. В арабском мире царил единодушная уверенность: на этот раз речь идет о последнем штурме, результатом которого станет уничтожение Израиля.

Арабские лидеры не скрывали своих воинственных намерений. 25 мая президент Египта Насер заявил: "Задача, перед которой стоят сегодня арабские страны, - это окончательное и полное уничтожение Израиля"/1.

31 мая с аналогичным заявлением выступил президент Ирака Ареф: "Наша цель ясна - мы должны стереть Израиль с карты Ближнего Востока"/2. Даже в далеком Алжире президент Бумедьен разъяснял своим подданным 4 июня: "Арабская борьба должна завершиться ликвидацией Израиля"/3. А 5 июня, в первый день войны, радио Дамаска призывало: "Сбросьте их в море!"/4.

За шесть дней до начала войны, 30 мая 1967 года, король Иордании Хусейн вылетел в Каир на церемонию подписания египетско-иорданского договора о взаимной обороне. На основании этого договора было создано совместное командование армий Египта, Сирии и Иордании (египетско-сирийский военный договор был заключен ранее, в ноябре 1966 года). Петля блокады затягивалась вокруг Израиля/5. К этому моменту Египет уже довел эскалацию кризиса до последнего предела - Тиранские проливы, контролирующие выход из Эйллатского залива в Красное море и Индийский океан, были закрыты для израильского судоходства. На Синайском полуострове была сосредоточена огромная египетская армия. Насер приказал наблюдателям ООН покинуть посты на Синае. Тем самым была создана ситуация военного противостояния Израиля и Египта.

Израиль обратился к Иордании с призывом не присоединяться к агрессивным антиизраильским действиям, однако в первый же день войны иорданская артиллерия начала обстрел израильской территории вдоль всей линии

границы, в том числе - Иерусалима, Тель-Авива и международного аэропорта в Лоде. 7 июня король Хусейн обратился к своим солдатам со следующим призывом:

"Убивайте евреев, где бы они ни оказались. Убивайте их своим оружием, своими руками, своими ногтями и зубами"/6.

Поспешная решимость арабов была обусловлена двумя причинами. Во-первых, Советский Союз, желавший эскалации конфликта, предоставил арабским странам ложную информацию о сосредоточении израильских войск вдоль границы с Сирией. Во-вторых, арабские страны явно переоценивали свои силы. Оправившись от предыдущих поражений и скопив огромные арсеналы оружия, арабы полагали, что теперь им удастся раз и навсегда покончить с Израилем одним стремительным ударом (соотношение сил было явно обнадеживающим для арабской коалиции: артиллерия - 5:1; авиация - 2,4:1; танки - 2,3:1)/7.

Победа казалась арабам столь близкой и достижимой потому, что стоявшая перед ними стратегическая задача была крайне проста: им следовало только разрезать Израиль на две части в самом узком месте, в районе Нетании, где расстояние между иорданской границей и Средиземным морем составляло всего 16 км. В условиях скоординированного сирийско-египетского удара на севере и на юге даже самый посредственный иорданский генерал мог преодолеть это расстояние в течение нескольких часов. В действительности же Иордания располагала лучшими боевыми командирами в арабском мире, и король Хусейн не мог устоять перед искушением. Кроме того, Иордании была гарантирована стопроцентная стратегическая поддержка Ирака. Так же, как в 1948 году, треть иракской армии была направлена на иорданскую территорию, и 5 июня 1967 года иракские войска уже находились на боевых рубежах вблизи израильской границы.

Насер, разместивший в мае 1967 года 100-тысячный египетский контингент на Синайском полуострове, также был

уверен в том, что его войска смогут легко прорваться в израильскую Приморскую долину - расстояние от северной границы сектора Газы до Тель-Авива составляет 65 км, а до Ашкелона - всего 7 км. На Голанских высотах сирийские войска пользовались абсолютным дислокационным преимуществом, что позволяло Сирии надеяться на стремительный прорыв в Галилею и к северной части израильского средиземноморского побережья.

* * *

Многие сегодня с пренебрежением относятся к оценке арабских генералов, согласно которой, при наличии благоприятных условий в начальный период войны, арабские армии могут одержать решающую победу над Израилем. Это пренебрежение совершенно неоправданно: никто из арабских полководцев, планировавших военные действия в мае-июне 1967 года, не мог предвидеть мощный превентивный израильский удар, который в первые же часы кампании определил исход Шестидневной войны. Дополнительную психологическую поддержку арабы черпали в развитии событий на международной арене. Израиль обращался к США, западноевропейским государствам и в ООН с отчаянными просьбами положить конец арабской блокаде - ответом на все эти просьбы было красноречивое молчание.

Когда Насер перекрыл Тиранские проливы, Израиль обратился к США с требованием выполнить американские обязательства, на основании которых ЦАХАЛ покинул в 1956 году Синайский полуостров (эти обязательства гарантировали Израилю свободу судоходства в районе Тиранских проливов). В Вашингтоне правила тогда чрезвычайно дружелюбная Израилю администрация. Президент Линдон Джонсон, заместитель госсекретаря Юджин Ростоу, представитель США в ООН Артур Гольдберг - все эти

официальные лица явно симпатизировали еврейскому государству. Однако даже дружественная администрация Джонсона не рискнула открыто вступить за Израиль. Из Вашингтона ответили, что там не могут найти копию обязательств 1956 года.../8.

Петля затягивалась, и хотя общественное мнение Запада было всецело на стороне Израиля, демократические правительства пребывали в бездействии. Израиль остался в полном одиночестве перед лицом глобальной арабской угрозы. В стране царил атмосфера мрачного ожидания. Последний военный конфликт, пережитый Израилем, имел место 11 лет назад. Синайская кампания 1956 года оставила в моей детской памяти острые, но совсем не тягостные воспоминания: как и другие дети, я заклеивал оконные стекла бумажными лентами на случай бомбежки и артобстрела.

Более всего мне запомнилось, как в наш иерусалимский квартал стремительно въехал армейский джип, засыпанный изнутри песком пустыни. Из машины выскочил военный в запыленной форме, отец жившего по соседству мальчика. Он протянул нам плитки египетского шоколада, привезенные из только что занятого Эль-Ариша. "Берите, это я для вас купил", - сказал он, подчеркнуто выделив слово "купил". И мы поняли, что он действительно купил шоколад, а не отобрал у кого-то силой.

В 1956 году арабы не напали на наши города, но теперь, одиннадцать лет спустя, окна были снова заклеены бумажными лентами. Никому эта мера не казалась излишней - Израиль стоял перед лицом реальной угрозы. Утром 5 июня я проснулся от доносившегося с улицы оглушительного грохота. Выскочив на крышу, я замороженно смотрел на близкие взрывы. Иорданская артиллерия обстреливала Иерусалим. Большая часть снарядов взрывалась на открытой местности, но кое-где пострадали жилые здания. 20 человек погибли, сотни иерусалимцев получили ранения. Здания Кнессета и Израильского музея также

находились под прицельным огнем, но, к счастью, остались неповрежденными.

Зрелище было новым для меня. Мне было восемнадцать лет, последние три года я провел в американском колледже в Филадельфии, где мой отец занимался историческими исследованиями. В конце мая, когда намерение арабов начать войну стало очевидным, я досрочно сдал экзамены и поехал в Израиль. Мои родители не пытались меня удержать. Они только спросили: "Ты уверен, что будет война?" Я ответил, что уверен, и добавил: "Хочу увидеть Йони до того, как она начнется". Больше меня ни о чем не спрашивали.

Когда вечером 1 июня наш самолет приземлился в аэропорту Лода, летное поле было погружено в кромешную тьму. Проведя ночь в затемненном Иерусалиме, я отправился на поиски брата. Йони был старше меня на 3 года. Всего несколько месяцев назад он демобилизовался из армии, но в конце мая его призвали на резервистскую службу - он был офицером парашютно-десантных войск. Где его искать? По неофициальным каналам мне удалось выведать, что 80-я десантная бригада сосредоточена в окрестностях Рамле. Мне посоветовали искать десантников-резервистов в пригородных садах. Но и это была непростая задача: в окрестностях Рамле много садов, и там легко спрятать целую бригаду.

В тенистой роще, расположенной у шоссе Рамле-Гедера, я встретил нескольких резервистов, варивших кофе на самодельном примусе. Всем им было за тридцать, и мне они показались ужасно старыми. "Такие люди должны оставаться дома, им нечего делать на войне", - подумал я. На мой вопрос о Йони один из солдат ответил, почесав в затылке: "А, этот мальчишка... Поищи его в следующей роще". Я продолжил поиски, и неожиданно наткнулся на Йони, удивленно уставившегося на меня. Мы кинулись навстречу друг другу. Когда мы наконец уселись за кофе, я не мог не спросить брата, как он оценивает сложившуюся ситуацию.

"Мы победим, - ответил он без колебаний. - У нас просто нет иного выхода".

В следующий раз я увидел брата десять дней спустя, на госпитальной койке в Цфате. Его подразделение высадилось в районе Ум-Катеф, за передовыми египетскими линиями. Десантники уничтожили артиллерийские позиции противника и расчистили дорогу наступающим израильским танкам. С Синая его часть перебросили к подножию Голанских высот, и Йони довелось принять участие в штурме сирийских укреплений, нависавших над Кинеретом и долиной Иордана.

За три часа до прекращения огня Йони вел отделение из трех человек на сбор разведывательных данных - дело было в районе сирийского аванпоста Джелабина. Внезапно раздалась пулеметная очередь. Солдату, шедшему рядом с Йони, пуля попала в шею. Когда мой брат склонился над раненым, сирийская пуля попала ему в локоть, задев нерв и вызвав ужасную боль. Позднее он рассказывал, что отползая к израильским позициям по простреливаемому полю, он впервые почувствовал приближение смерти. Когда Йони добрался до своих, его спросили, сможет ли он сам дойти до полевого госпиталя. "Конечно", - ответил он и упал без сознания.

Теперь в Цфате, через сутки после окончания войны, я нашел его в переполненном ортопедическом отделении госпиталя. Йони лежал на угловой койке, его рука была в гипсе. В своей палате он был единственным пациентом, которому ничего не ампутировали. "Видишь, - сказал он с грустью в голосе, - я же говорил тебе, что мы победим".

777 израильских солдат погибли за шесть дней ожесточенных сражений. ЦАХАЛ одержал блестящую победу над арабскими армиями. Король Хусейн лишился всех территорий, захваченных Иорданией в 1948 году, - Иудея, Самария и Восточный Иерусалим оказались под израильским контролем. Сирия потеряла Голанские высоты, а Египет был вынужден отступить из сектора Газы и с Синай-

ского полуострова. Израиль, вступивший в войну, будучи крошечным государством, обрел теперь солидные географические контуры (см. карту 7).

Граница, проходившая ранее в 16 км от моря, отодвинулась на 50 км к востоку - до реки Иордан. Синай превратился в огромную буферную зону, отделяющую Израиль от Египта; кроме того, нефтяные залежи полуострова обеспечили большую часть израильских потребностей в топливе. На Голанских высотах ситуация изменилась кардинальным образом: теперь израильтяне взирали на сирийские позиции сверху вниз.

Накануне Шестидневной войны арабы в последний раз единодушно заявили о своей истинной цели - уничтожении Израиля. Они, конечно, не ожидали, что Израиль решится нанести столь мощный превентивный удар. В первые три часа войны израильские ВВС разбомбили египетские аэродромы; египетская военная авиация - костяк общеарабской воздушной мощи - была уничтожена. В тот же день Израиль уничтожил ВВС Сирии и Иордании - уже после того, как вооруженные силы этих государств начали боевые действия. Израильские бронетанковые войска обеспечили себе полную свободу наземного маневра при надежном прикрытии с воздуха. Эта комбинация сокрушительна во всякой войне, но особенно - при ведении боевых действий в пустыне. В свою следующую войну Израиль уже не располагал столь значительным преимуществом.

Израильские войска на сирийской и иорданской границах не открывали огня до тех пор, пока противник не атаковал их. 5 июня сирийские ВВС подвергли бомбардировке израильский военный аэродром в районе Мегидо, а также другие объекты - в Хайфе и Тверии. Сирийская артиллерия, расположенная на Голанских высотах, приступила к интенсивному обстрелу израильских позиций. На иорданском фронте боевые действия начались после того, как Иордания осуществила очень мощный артобстрел

израильских объектов вдоль всей линии границы/9.

Так что мой собеседник из британского МИДа был не совсем прав, утверждая, что Шестидневная война была начата Израилем. Можно говорить о том, что Израиль начал боевые действия против Египта, но эта страна фактически объявила Израилю войну, перекрыв Тиранские проливы. Поставленный перед выбором - устранить военную угрозу или быть сброшенным в море - Израиль предпочел остаться в живых. Решившись нанести превентивный удар противнику, еврейское государство избежало печальной участи, уготованной ему арабами.

Настроение тех дней передает анекдот, который рассказывали друг другу израильские солдаты в томительный период предвоенного ожидания. Йони привел его в письме, написанном в садах Рамле 27 мая 1967 года, за неделю до начала войны: "Мы сидим и ждем. Чего ждем? Это как в анекдоте: англичанин, американец и израильтянин были захвачены племенем каннибалов. Когда их уже собирались бросить в котел, каждому из них разрешили высказать последнее желание. Англичанин попросил виски и трубку - ему их дали. Американец попросил бифштекс и получил его. Израильтянин же попросил вождя племени дать ему хороший пинок в зад. Вождь отказался, но после долгих уговоров он согласился исполнить последнюю волю обреченного. Получив пинок, израильтянин извлек откуда-то пистолет и перестрелял всех каннибалов. Американец и англичанин спросили его: "Если все это время у тебя был пистолет, то почему ты не убил их раньше?" "Вы с ума сошли! - отвечал израильтянин. - Ведь ООН объявила бы меня агрессором"/10.

Увы, ООН и большинство стран мира повели себя в полном соответствии с опасениями незадачливого израильтянина из армейского анекдота. Объединенные Нации осудили Израиль за его отказ свариться в арабском котле. Это произошло не сразу: сначала Совет Безопасности, где США пользуются правом вето, принимал относительно

сбалансированные резолюции, призывающие участников конфликта к мирным переговорам. Но совсем иная ситуация сложилась на Генеральной Ассамблее ООН, где опозоренные поражением арабские страны могли дать волю своей бессильной злобе.

У Советского Союза и его сателлитов были собственные причины для нападков на Израиль. И поскольку Израиль "вторгся в Африку" (Синайский полуостров), у арабов появилась возможность объявить его не просто агрессором, а неокOLONиальной империалистической державой.

* * *

Почти все страны советского блока и Третьего мира разорвали дипломатические отношения с Израилем и осудили его как новоявленного агрессора. Китай охарактеризовал происшедшее следующим образом: "Еще одно ужасающее преступление против арабского народа, совершенное американским империализмом через его послушное орудие - Израиль; грубая провокация против народов Азии, Африки и всего прочего мира"/11. Пакистан утверждал, что это была "гнусная и неприкрытая агрессия... против территориальной целостности Объединенной Арабской Республики и выступивших на ее стороне арабских государств... Израиль - незаконнорожденное чадо империализма, появившееся на свет благодаря обману и насилию"/12. В Болгарии почувствовали, что "агрессивные авантюры Израиля вызывают отвращение и тревогу мирового общественного мнения"/13. А Москва, которая спровоцировала войну 1967 года, предоставив арабам заведомо ложную разведывательную информацию, лицемерно вещала миру: "Ввиду продолжающейся израильской агрессии против арабских государств и грубого попрания Израилем резолюций Совета Безопасности, советское правительство решило разорвать дипломатические отношения с этой страной"/14.

Такая реакция международного сообщества на оборонительную акцию Израиля уже сама по себе явилась крупным успехом арабской пропаганды. Однако арабы поняли, что им не обойтись громогласными декларациями стран советского блока и Третьего мира. Опомнившись от первоначального шока, арабские лидеры решили подвергнуть пересмотру свою тактику борьбы с Израилем. Стратегически важные территории были утрачены, и теперь нельзя было надеяться на достижение легкой военной победы над еврейским государством, поэтому прежде всего следовало вернуть Израиль к уязвимым границам, существовавшим накануне Шестидневной войны. Для достижения этой цели было необходимо организовать невыносимое политическое давление на Израиль, а такое давление могло исходить только со стороны Запада. Таким образом, перед арабами встала новая задача: снискать поддержку западного общественного мнения.

Завоевать симпатии западной общественности можно было лишь с помощью длительной, изощренной и всеохватывающей пропагандистской кампании. Арабская пропаганда могла рассчитывать на успех только в том случае, если ее тезисы будут соответствовать ценностям Запада. Для этого следовало скрыть истинную суть арабо-израильского конфликта, представив его в самом благоприятном для арабов свете.

Прежде всего, арабы должны были отказаться от тех формулировок, которые были приняты в их пропаганде до Шестидневной войны. Рассуждения о необходимости "сбросить Израиль в море" не могли оказать желаемого воздействия на общественное мнение Запада.

Арабам следовало найти новые доводы для оправдания своей беспредельной ненависти к Израилю - одним из них стало осуждение "израильской агрессии". Что могло лучше подтвердить агрессивный характер войны 1967 года, нежели тот очевидный факт, что ее результатом стало увеличение территории Израиля?

Земли, служившие плацдармом арабской агрессии против Израиля и утраченные арабами в ходе развязанной ими агрессивной войны, стали символом "израильского экспансионизма". Следствие Шестидневной войны было представлено в виде ее причины.

Арабские лидеры потребовали, чтобы утраченные территории были им немедленно возвращены. По меньшей мере, странно, что им удалось убедить столь многих людей в справедливости этого требования. Никогда ранее государства, потерявшие часть своей территории в развязанных ими же захватнических войнах, не могли так быстро представить себя невинными жертвами агрессии. После Второй мировой войны такого не могли себе позволить ни Германия, ни Япония, ни Италия. Невозможно отыскать прецедент попытки разгромленного агрессора выступать с какими бы то ни было требованиями, тем более - с требованиями о возвращении территорий, служивших плацдармом агрессии.

Широкая международная поддержка арабского требования о возвращении Иудеи, Самарии и Газы основывалась на Хартии ООН, содержащей принцип недопустимости насильственного присвоения чужой территории/15. Однако есть немалая доля лицемерия в том, что на этот принцип благочестиво ссылаются государства, которые совсем недавно осуществляли обширные территориальные захваты. Когда речь заходит об их собственных интересах, эти государства не спешат каяться в былых своих прегрешениях. И если возникает необходимость, они без колебаний применяют силу для того, чтобы удержать завоеванные и аннексированные ими территории.

Однако установление израильского контроля над Иудеей, Самарией и Газой качественно отличается от всех иных известных территориальных захватов, в том числе - от американских завоеваний в Мексике, определивших сегодняшнюю сухопутную границу Соединенных Штатов. Израиль никогда не начинал войну с целью захвата территорий;

он был вынужден вести оборонительные войны против арабских режимов, идеология которых требовала его уничтожения.

Фактом первостепенной важности является то, что все земли, занятые Израилем в ходе Шестидневной войны, - Голанское плато, горные цепи Иудеи и Самарии, сектор Газы и Синайский полуостров - использовались арабскими государствами в качестве плацдармов агрессии и террора. Сирия использовала свой контроль над Голанами для того, чтобы лишить Израиль водных ресурсов. Египет ввел на Синай огромную армию, открыто заявляя о своем намерении напасть на Израиль.

При таких обстоятельствах использование силы для захвата территорий подобно действиям человека, вырвавшего пистолет из рук преступника, который до того уже успел выстрелить в него несколько раз. Государства, бывшие жертвами агрессии, имеют законное право защищать себя от потенциального нападения.

Этот принцип всегда признавался в международных отношениях - даже в тех случаях, когда опасность, угрожавшая потенциальной жертве агрессии, была значительно меньше той, с которой столкнулся Израиль. После Второй мировой войны США в течение 30 лет удерживали остров Окинава, расположенный в 13.000 км от берегов Калифорнии, дабы защитить себя от повторной японской агрессии. Советский Союз почти 50 лет держал свои войска в Восточной Германии, Польше, Венгрии и Румынии, аргументируя это необходимостью защитить свою территорию от повторной германской агрессии - и Соединенные Штаты не оспаривали правомерность подобной аргументации. При этом необходимо помнить, что после окончания Второй мировой войны Германия и Япония лежали в руинах; они были разоружены и находились под военным контролем стран-победительниц. Угроза повторной агрессии со стороны этих государств носила крайне гипотетический характер, и тем не менее, СССР и США желали избежать

даже самого минимального риска - ведь они оказались в прошлом жертвами агрессии.

Сравним приведенные примеры с той ситуацией, в которой находится Государство Израиль. Иудея и Самария, историческая родина еврейского народа, - расположены не за морем и не за горами, но в нескольких метрах от Иерусалима и в считанных километрах от Тель-Авива. Арабские соседи Израиля продолжают вооружаться лихорадочными темпами; одно из соседних государств даже не считает нужным скрывать, что оно намерено использовать территорию, которая будет ему возвращена, для новой агрессии против Израиля.

Миф об "экспансионистских устремлениях" Израиля продолжает существовать, хотя в 1979 году, в рамках Кемп-Дэвидского мирного соглашения, Израиль отказался от 91% территории, занятой им в ходе оборонительной Шестидневной войны. Синайский полуостров был возвращен Египту после того, как Израиль вложил миллиарды долларов в его развитие, в том числе - в разработку находящихся на Синае нефтяных месторождений. За всю предшествующую историю человечества не было ни одного победителя, который вел бы себя подобным образом. Какая другая нация отказалась бы от собственных источников энергии ради достижения мира?

* * *

Ясно, что каким бы ни было негодование арабских лидеров в связи с потерей территорий в 1967 году, сама по себе эта потеря не могла быть причиной конфликта, который начался значительно раньше. Если не потеря территорий, то, может быть, причиной арабо-израильского конфликта были палестинские беженцы? Действительно, до 1967 года именно "проблема беженцев" была постоян-

ным рефреном арабском хора, декларирующего свою ненависть к Израилю. Но в 1948 году, когда арабские армии начали войну на уничтожение только что образованного еврейского государства, этой проблемы еще не существовало.

В тот самый день, когда армии пяти арабских стран вторглись на территорию Эрец-Исраэль, генеральный секретарь Лиги арабских государств Аззам Паха заявил: "Это будет война на истребление. Это будет грандиозное избиение, о котором станут говорить так же, как говорят о вторжении монголов и о крестовых походах"/16.

В Хайфе, Тверии и некоторых других населенных пунктах евреи уговаривали своих арабских соседей оставаться на местах и не поддаваться панике; эти попытки отражены в документах британской администрации и засвидетельствованы западными журналистами. В некоторых других местах арабские жители покинули свои дома при приближении ЦАХАЛа, однако бегство подавляющего большинства арабов нельзя представить как результат насильственной депортации. Между тем именно арабские правительства призывали палестинских арабов покинуть свои города и деревни с тем, чтобы обеспечить полную свободу действий победоносным армиям, вторгшимся на территорию Израиля.

Это не мешает арабской пропаганде муссировать лживую версию, согласно которой полмиллиона арабов были изгнаны Израилем из своих домов в ходе Войны за независимость. Со временем эта версия была усвоена общественным мнением Запада, однако сразу же после войны 1948 года арабские деятели весьма откровенно высказывались о причинах, вызвавших появление проблемы палестинских беженцев. Так например, в феврале 1949 года иорданская газета "Фаластын" писала: "Арабские государства призывали палестинских арабов покинуть свои дома, чтобы не оказаться под ударами наступавших арабских армий"/17. В июне 1951 года выходящая в Нью-Йорке ливанская газета

"Аль-Хода" свидетельствовала: "Генеральный секретарь Лиги арабских государств Аззам Паха убеждал арабов в том, что оккупация Палестины и Тель-Авива будет не сложнее военной прогулки... Арабам Палестины был дан братский совет покинуть свою землю, свои дома, оставить свою собственность и на время поселиться в соседних странах, чтобы огонь вторгающихся арабских армий не задел их случайно"/18.

В 1959 году иорданская ежедневная газета "Аль-Дифаа" опубликовала свидетельство одного из беженцев: "Арабские правительства сказали нам: уйдите, чтобы мы могли войти. Мы ушли, но они не вошли"/19. И даже в 1963 году каирская газета "Ахбар аль-Йум" смогла написать следующее: "Наступало 15 мая... В тот день муфтий Иерусалима призвал арабов Палестины покинуть свою страну, поскольку арабские армии готовы были вторгнуться и развернуть на территории страны широкомасштабные боевые действия"/20.

Арабские лидеры предпочли забыть эту главу истории Ближнего Востока. Более того - они "переписали" ее заново таким образом, чтобы снять с себя ответственность за появление проблемы беженцев и переложить вину на Израиль. В данном случае - так же, как и в случае с территориями, занятыми Израилем в 1967 году, - арабская пропаганда представляет следствие войны в качестве ее причины.

Но этот подлог мог обеспечить агрессивной арабской риторике необходимый нравственный вес только в том случае, если беженцы будут вечно оставаться беженцами - несчастными, обделенными, бесприютными. Люди, не сведущие в истории Ближнего Востока, бывают поражены, узнав, что ООП и некоторые арабские правительства целенаправленно чинят препятствия палестинцам, желающим покинуть лагеря беженцев. Для ООП обитатели лагерей всегда представляли собой золотоносную жилу: как в плане пропагандистских возможностей, так и в качес-

тве неистощимого резервуара для рекрутирования новых бойцов. В случае необходимости ООП не останавливалась перед применением силы для того, чтобы сохранить лагерь нетронутыми, а проблему беженцев - нерешенной. К сожалению, западная пресса не уделяет достаточного внимания этим циничным манипуляциям.

Упорный отказ арабских правителей решить проблему беженцев имеет трагические последствия для многих тысяч людей. Это особенно возмутительно, учитывая, что решение данной проблемы было и остается вовсе не сложным. Более 50 миллионов человек оказались на положении беженцев после Второй мировой войны в разных концах света, и почти все они были благополучно обустроены на новых местах/21. Даже Израиль, население которого составляло в 1948 году всего 650.000 человек и экономика которого была перегружена непосильным военным бременем, сумел успешно абсорбировать 800.000 еврейских беженцев из арабских стран. Израиль, разумеется, не запирает новоприбывших в лагерях беженцев; напротив, было сделано все возможное для того, чтобы обеспечить их скорейшую интеграцию в израильском обществе.

Тот факт, что 50 миллионов арабов (совокупное население арабских стран в 1948 году) не смогли абсорбировать 650.000 палестинских беженцев - несмотря на огромные доходы от торговли нефтью! - является красноречивым доказательством циничного намерения использовать этих беженцев в качестве козырной политической карты.

Арабским режимам было нужно, чтобы беженцы превратились в символ и инструмент борьбы против Израиля. Как заметил д-р Ильфан Риз, консультант по делам беженцев при Всемирном совете церквей:

"Проблема арабских беженцев является самой простой из всех проблем, связанных с появлением беженцев в результате той или иной войны. По вере, языку, национальности и социальной организации арабские беженцы

ничем не отличаются от своих собратьев в тех странах, которые их приняли"/22.

Действительно, после 1948 года иностранные специалисты, стремившиеся решить проблему палестинских беженцев, подчеркивали, что интеграция этих беженцев в арабских странах могла бы быть легкой и естественной. Так, комиссия конгресса США, посланная в 1953 году для изучения положения палестинских беженцев, докладывала: "Со статусом беженцев как особой группы населения, находящейся под опекой ООН, необходимо покончить как можно скорее. Нашей целью должно стать скорейшее превращение беженцев в полноценных граждан арабских стран"/23. В исследовательском отчете британского института "Chatham House" за 1949 год отмечалось, что при международной финансовой поддержке подавляющее большинство арабских беженцев может быть абсорбировано в Ираке и Сирии, поскольку в обеих этих странах имеются миллионы акров необрабатываемой земли, годной для ведения сельского хозяйства/24. А в 1951 году исследователи "Консультативного совета по вопросам международного развития" заключили, что всех арабских беженцев вполне может принять один только Ирак/25.

И все же реальные условия, о которых говорил д-р Риз, оказались сильнее последовательной арабской политики, направленной на предотвращение гуманного решения проблемы беженцев. Со временем многие палестинские беженцы интегрировались в систему экономических и социальных отношений в тех арабских странах, где они нашли негостеприимный приют после Войны за независимость. Большинство беженцев живет в собственных домах, многие из них являются полноправными гражданами в Иордании. Сходным образом и большинство арабов в Иудее и Самарии также не являются бездомными беженцами; они имеют иорданское гражданство и живут в тех самых домах, в которых они жили до основания

Израиля. Число действительных беженцев, живущих под израильской юрисдикцией, не превышает 500.000 человек. Некоторые из них живут в Иудее и Самарии, но большинство - в Газе (при этом большинство жителей сектора Газы не является беженцами). Все попытки Израиля закрыть лагерь беженцев и обустроить их жителей наталкивались на упорное противодействие ООП и арабского мира.

Серьезная проблема, связанная с подлинным лицом палестинской "бездомности", возникла сразу же после войны в Персидском заливе, когда Кувейт депортировал сотни тысяч палестинцев в отместку за содействие Саддаму Хусейну. Более 300.000 кувейтцев палестинского происхождения были изгнаны из страны (то было самое крупное насильственное переселение палестинских арабов). Почти все они отправились в Иорданию, которая приняла их как своих граждан. И если подобное число палестинцев остается на положении беженцев в Иудее, Самарии и Газе, то это потому, что политическое давление со стороны арабского мира и террор ООП препятствуют их социальной интеграции. Тем не менее, проблема беженцев попрежнему остается пропагандистским оружием арабов в их борьбе против Израиля.

Со временем, однако, арабские пропагандисты поняли, что даже самое мощное оружие теряет свою действенность, если его не совершенствовать. Таким образом, своевременное обновление демагогического арсенала является насущной необходимостью. Многократно повторяемые тезисы об "узурпированных территориях" и о "бездомных палестинских беженцах" стали приедаться. Осведомленная аудитория на Западе не желала более довольствоваться этими лозунгами, и арабам пришлось выдвинуть новый аргумент: право палестинского народа на самоопределение. Интересно отметить, что о палестинском самоопределении арабы заговорили только после своего поражения в Шестидневной войне. В течение 19 лет Иордания правила в Иудее и Самарии, и за все это время ни один арабский

деятель не заикнулся о праве палестинцев на создание собственного государства (то же самое касается египетского правления в секторе Газы). Когда до 1967 года арабские лидеры говорили о "правах палестинцев", они подразумевали право на возвращение в пределы Государства Израиль - в Хайфу, Яффо и Акко. Смысл этого требования был очевиден: для того, чтобы реализовать "права палестинцев", необходимо уничтожить еврейское государство.

Как это ни смешно, но в годы британского мандата именно евреи Эрец-Исраэль именовали себя палестинцами. "Palestine Post" была еврейской газетой, а Палестинский филармонический оркестр - еврейским коллективом. Англичане называли палестинцами солдат, служивших в Еврейской бригаде в составе британской армии. Разумеется, рядом с "палестинскими евреями" жили в Эрец-Исраэль "палестинские арабы", но в те времена арабские жители страны еще не размахивали собственным национальным знаменем. Напротив, они всячески подчеркивали свою принадлежность к "великой арабской нации".

Самоидентификация палестинских арабов в рамках единой арабской нации не претерпела существенных изменений за прошедшие десятилетия. Глава Организации освобождения Палестины Ясер Арафат говорил в прошлом:

"Вопрос о границах нас не интересует. Палестина - это малая капля в великом арабском океане... Мы принадлежим к великой арабской нации, владения которой простираются от Атлантического океана до Красного моря и далее"/26.

Зухир Мухсейн, член исполкома ООП, выступал с аналогичными утверждениями: "Нет большого различия между иорданцами, палестинцами, сирийцами и ливанцами. Все мы принадлежим к одному народу"/27. Но вскоре после Шестидневной войны арабский мир заговорил о палестинском народе, как будто новая нация родилась в одночасье, благодаря установлению израильского контроля над Иудеей, Самарией и Газой.

Появление новой нации всегда является результатом сложного исторического процесса. Развитие обособленного национального самосознания происходит в силу действия многих факторов, в числе которых можно назвать формирование языка, культуры, религии, общность исторического опыта. Но предположим, что палестинцы совершили гигантский скачок и в считанные годы проделали путь, на который у других народов уходят многие столетия. Допустим также, что они достойны теперь права на национальное самоопределение. Но где оно может быть реализовано? Что такое палестинский народ и где его родина? Интересно услышать, что думают на этот счет арабские лидеры, в том числе - лидеры самих палестинцев.

ООП является главным носителем идеи палестинского самоопределения. Начиная с 1964 года, эта организация неоднократно утверждала, что ее целью является создание палестинского государства на всей территории Эрец-Исраэль, то есть на территории Государства Израиль и Хашимитского королевства Иордания. Это положение неоднократно подчеркивалось в официальных документах ООП, в том числе - в решениях 8-й конференции Палестинского национального совета (1971 г.):

"Поднимая лозунг освобождения Палестины... палестинская революция не намеревается отделить Восточный берег Иордана от Западного; мы не верим также в возможность отделить борьбу палестинского народа от борьбы народных масс в Иордании"/28.

В силу определенного сближения - или, по крайней мере, политического перемирия - между ООП и Иорданией, палестинские лидеры не оглашают в последнее время своих намерений относительно хашимитского режима в этой стране. Но их прежние декларации однозначно указывают на истинную цель ООП. В 1967 году представитель ООП Шафик эль-Хут заявил: "Иордания, так же, как и Изра-

иль, является неотъемлемой частью Палестины"/29. В 1974 году Ясер Арафат выступил на Генеральной Ассамблее ООН со следующим красноречивым заявлением: "Иордания - наша, Палестина - наша, и мы построим свое национальное государство на всей этой территории"/30.

Можно было бы ожидать, что иорданцы будут оспаривать попытки отождествить их страну с Палестиной, но они не делали этого в течение многих лет. В 1970 году наследный принц Хасан заявил, обращаясь к депутатам иорданского парламента: "Палестина - это Иордания, а Иордания - это Палестина. Существует один народ и одна страна, с одной историей и одно судьбой"/31. Король Хусейн заявил в 1977 году в интервью египетскому телевидению: "Два народа в действительности представляют собой один. Это факт"/32. В 1981 году он же сказал в интервью арабской газете, издающейся в Париже: "Правда состоит в том, что Иордания - это Палестина, а Палестина - это Иордания"/33. В 1984 году Хусейн говорит корреспонденту кувейтской газеты "Эль-Анба": "Иордания - это Палестина... иорданцы и палестинцы должны... понять, что у них одна судьба"/34. В 1988 году Абу-Ияд подтвердил традиционную точку зрения ООП: "Мы настаиваем на конфедерации палестинского государства с Иорданией, поскольку мы - один народ"/35.

В последние годы король Хусейн и представители ООП несколько изменили тон своих заявлений по данному поводу, поскольку, в противном случае, они неизбежно оказались бы в конфликте между собой - кто будет править в Восточной Палестине, то есть в Иордании? Но шепотом или в полный голос арабы утверждают одно и то же: территория, которую палестинцы объявляют своей родиной, полностью совпадает с подмандатной Палестиной в границах, определенных Лигой Наций. Эта территория включает как Государство Израиль, так и Иорданию. Смешно говорить о том, что два араба, один из которых живет к востоку от Иордана, а другой к западу, принадлежит к двум разным народам - несмотря на общность языка, культуры и религии.

Во многих случаях речь идет о членах одной и той же семьи, о детях одних и тех же родителей - о братьях в биологическом, а не национальном смысле этого слова. Эту истину признают как лидеры ООП, так и правители Иордании.

Тот, кто принимает существование палестинского народа в качестве безусловного факта, должен спросить: сколько имеется палестинских народов? Следует ли говорить о "западном палестинском народе" и о "восточном палестинском народе"? И сколько арабских государств следует создать в Эрец-Исраэль для того, чтобы все "палестинские народы" реализовали наконец свое право на самоопределение?

Нет никакого сомнения в том, что на территории бывшей подмандатной Палестины проживает две национальные группы: евреи и арабы. На этой территории существует два национальных государства - Израиль и Иордания. В арабском государстве Иордании, насчитывающем 3 миллиона граждан, нет ни одного еврейского жителя, поскольку все евреи, оказавшиеся под властью иорданского правительства, были депортированы в 1948 году. При этом Иордания занимает четыре пятых территории, выделенной Лигой Наций для создания еврейского национального дома.

В Израиле проживает около 5,5 миллиона человек, при этом арабские жители составляют более шестой части общего населения страны. На территории, расположенной между Израилем и Иорданией, то есть в Иудее, Самарии и Восточном Иерусалиме, проживает 1,15 миллиона арабов и более 250.000 евреев (еще 750.000 арабов живет в секторе Газы).

Понятно поэтому, что требование права на самоопределение, исходящее из уст палестинских арабов, абсолютно лживо и необоснованно. Жители Иордании являются палестинскими арабами, и дед нынешнего правителя этой страны король Абдалла намеревался назвать свое государство Хашимитским королевством Палестина. В населении Иордании абсолютное большинство составляют семьи,

происходящие с западного (израильского) берега реки Иордан. Тот факт, что часть палестинских арабов переселилась в 1948 году в восточную часть Палестины, не достаточен для того, чтобы утверждать, что палестинский народ не имеет собственного государства и не может реализовать свое право на самоопределение.

Большинство палестинских арабов проживает сегодня на территории подмандатной Палестины. Значительная их часть выражает удовлетворение существующим положением вещей, при котором в Иордании правит хашимитская династия. Это, разумеется, удобно и для Израиля. Нет необходимости "превращать" Иорданию в палестинское государство - оно изначально является таковым. Так называемая "палестинская проблема" может быть решена в рамках двух суверенных государств, Израиля и Иордании без создания третьего государства, искусственного и нестабильного. Требование о создании дополнительного палестинского государства в Иудее и Самарии (22-го по счету арабского государства) - это всего лишь способ вернуть Израиль к уязвимым границам 1949 - 67 гг. Нет никаких оснований для того, чтобы Израиль отказался от того небольшого, что досталось ему из территории подмандатной Палестины, обещанной ему Лигой Наций.

* * *

Арабо-израильский конфликт коренится не в вопросе о территориях, перешедших к Израилю в 1967 году, не в проблеме беженцев, возникшей в результате арабской агрессии 1948 года, и не в "узурпации права на самоопределение" палестинцев. Истинной причиной конфликта является упорный отказ арабов признать право Израиля на существование в любых границах.

Тактические приемы арабской пропаганды направлены исключительно против Израиля, поэтому они снискали

поддержку многих правительств. Однако, рано или поздно, государства мира должны будут дать себе отчет в том, насколько последовательно они готовы защищать арабские лозунги, и в особенности - ту извращенную интерпретацию, которую дают арабы принципу самоопределения.

Арабская кампания против Израиля выработала то, что я называю "палестинским принципом", согласно которому любое национальное меньшинство, не желая оставаться меньшинством в своей стране, может перестать им быть. Следует подчеркнуть, что арабы вовсе не требуют гражданских прав для палестинского населения Иудеи, Самарии и Газы. Если бы арабское требование было таковым, то Израиль мог бы аннексировать контролируемые территории, предоставив свое гражданство их жителям. Еще более приемлемый вариант - предоставление арабам Иудеи и Самарии статуса постоянных жителей с иностранным (иорданским) гражданством; этот статус обеспечивает его обладателям в Израиле всю полноту индивидуальных прав.

ООП и большинство арабских правительств категорически отвергают обе эти возможности. Они отказываются рассматривать любой вариант урегулирования, при котором арабские жители Иудеи и Самарии будут проживать в израильском государстве, даже при условии полного личного равноправия. Гражданские права их не интересуют; арабы требуют национальных прав на территории Иудеи, Самарии и Газы - требуют создания еще одного арабского государства, еще одной арабской армии. Им недостаточно того, что на большей части территории Эрец-Исраэль существует палестинское государство - Иордания. Они требуют, чтобы еще одно государство было создано для палестинцев в Иудее и Самарии, на крошечной территории - 90 км с севера на юг и около 45 км с запада на восток.

К каким результатам может привести "палестинский принцип" в посткоммунистическом мире? В начале этой книги я описал, как сегодня международное сообщество

возвращается к идеям Версаля, пытаясь выработать политические принципы предоставления суверенитета национальным и этническим группам. В свое время президент Вудро Вильсон надеялся, что Версальские соглашения обеспечат каждой нации собственное государство (эта надежда не везде была реализована в равной мере). Но ни Вильсон, ни другие архитекторы Версаля не утверждали, что каждое национальное меньшинство получит право на создание собственного государства, дополнительно к уже существующему государству, где представители данной национальной группы составляют большинство. Так например, обсуждая право еврейского народа на создание собственного государства в Эрец-Исраэль, участники Версальской конференции исключали возможность того, что евреи потребуют права на самоопределение в других странах, где они составляют значительную часть местного населения.

Для того, чтобы продемонстрировать абсурдность палестинских притязаний, можно привести убедительные примеры из сегодняшней национальной практики. Ни у кого не вызывает сомнения право литовцев на создание собственного независимого государства, или, иными словами, право Литвы на отделение от России. Но может ли претендовать на создание своего государства русское меньшинство в Литве? Ни один здравомыслящий человек не поддержит такое требование, поскольку русские уже располагают собственным государством в России. Точно так же чехи и словаки могут жить в одной стране или разделиться на два отдельных государства, но венгерское меньшинство в Словакии не может требовать права на самоопределение, поскольку у венгров уже имеется собственное государство - Венгрия.

Во многих странах Восточной Европы имеются значительные национальные и этнические меньшинства, такая же ситуация существуют в некоторых странах Запада, в республиках бывшего Советского Союза, в государствах Азии и Африки. Следует ли признать за каждым национальным

меньшинством в этих странах право на самоопределение? От этого кошмара не застрахованы даже Соединенные Штаты. Не исключено, что в течение одного-двух десятилетий в некоторых районах на юго-западе США образуется испаноязычное большинство (к этому может привести постоянная иммиграция из Мексики). Среди испаноязычных граждан могут появиться лидеры, готовые использовать "палестинский принцип" в собственных интересах: они потребуют не равноправия перед законом, а права на создание собственного государства в тех районах, где испаноязычные жители составляют большинство. Это требование будет обосновано еще и тем, что соответствующие районы принадлежали ранее Мексике и были завоеваны Соединенными Штатами в 1848 году.

Можно предположить, что американцы ответят на это требование следующим образом: "У вас уже имеется собственное государство - Мексика. В США вы можете требовать полного гражданского равноправия, но национальных прав мы за вами не признаем. Мы не дадим создать на нашей территории вторую Мексику". (Точно так же Израиль должен ответить на требование самоопределения, исходящее от палестинцев: "У вас уже имеется собственное государство - Иордания"). И если сегодня это сравнение кажется несколько натянутым, то в будущем оно может оказаться весьма вероятным, особенно если "палестинский принцип" докажет свою действенность в иных регионах мира.

По иронии судьбы неизбежным следствием "палестинского принципа" явится пренебрежение к правам национальных меньшинств во всем мире. Если каждое меньшинство сулит угрозу целостности и жизнеспособности того государства, в котором оно проживает, то представители доминантной национальной группы изыскивают пути для подавления и ликвидации национальных меньшинств в пределах своих границ. К чему это может привести, мы наблюдаем сегодня в бывшей Югославии, где участники

конфликта осуществляют "этническую чистку" на территории тех районов, где они составляют большинство. Если каждое меньшинство имеет право на отделение и создание собственного государства, то не удивительно появление лидеров, видящих решение проблемы в насильственном изгнании меньшинства.

"Палестинский принцип" несет в себе разделяющее и дестабилизирующее начало, сулящее угрозу всем попыткам установить новый стабильный международный порядок. Это политическая бомба, способная взорвать гражданский мир во многих странах и привести к конфликтам между государствами, на территории которых имеются значительные национальные меньшинства. Опасность связана не только с самим "палестинским принципом", но и с теми методами, которыми пользуется ООП для его реализации: террор, политический шантаж, широкое использование насилия за пределами непосредственной зоны конфликта. Для обеспечения палестинского "права на самоопределение" французов убивают во Франции, британцев - в Британии, итальянцев - в Италии. Излишне даже отмечать, что "легитимными" жертвами палестинского террора являются евреи во всех странах мира.

До крушения коммунистической идеологии и советского блока многие государства мира могли поддерживать "палестинский принцип" без особой угрозы для своих собственных интересов; холодная война заморозила национальные конфликты на огромной территории, находившейся под прямым и косвенным контролем СССР.

Кроме того, она ограничивала свободу маневра, которой пользовались участники национальных конфликтов в остальных районах земного шара. США и СССР поддерживали противоборствующие стороны в Латинской Америке, Азии и Африке, но при этом они старались, чтобы местные конфликты не вышли полностью из-под их контроля. Парадоксальным образом именно теперь, когда противоборство между сверхдержавами утихло, дестабилизирующее

влияние региональных конфликтов не сократилось, но, напротив, резко возросло. Новоявленные арафаты могут появиться в самых неожиданных местах с требованием "национальных прав" на устах, и сегодня никто не может исключить того, что в их руках окажутся самые грозные средства для подкрепления этого требования.

Такова дополнительная угроза, связанная с появлением второго палестинского государства на Ближнем Востоке. Это не просто очевидная физическая угроза Израилю, о которой будет подробнее говориться в седьмой главе моей книги; это даже не угроза миру и стабильности на Ближнем Востоке. Речь идет о том, что неизбежным следствием создания второго палестинского государства станет умножение требований суверенитета со стороны национальных меньшинств во всем мире.

На сегодняшний день упорное стремление арабов реализовать "палестинский принцип" является одним из важнейших факторов, препятствующих согласованному урегулированию арабо-израильского конфликта. Поэтому здесь необходимо разъяснить следующий момент: каким бы ни было, в конце концов, урегулирование этого конфликта, какими бы ни стали будущие границы Государства Израиль, на его территории останется значительное число палестинских арабов - ведь и до Шестидневной войны в Израиле имелось заметное арабское меньшинство.

Как утверждал в свое время Зеев Жаботинский, принадлежность к национальному меньшинству - это вовсе не трагедия; представители всех наций являются меньшинством в тех или иных странах мира. Истинная трагедия - это положение, при котором определенная нация повсеместно является меньшинством, и именно таковым было положение евреев до создания Государства Израиль. Но арабская враждебность по отношению к Израилю зиждется на прямо противоположной логике: арабам кажется недопустимым, чтобы представители их народа являлись меньшинством где бы то ни было на Ближнем Востоке. Их возмущает

мысль о том, что в еврейском государстве наличествует арабское меньшинство - точно так же, как в самих арабских странах имеются различные национальные меньшинства. И это при том, что в Израиле арабские граждане пользуются полным равенством перед законом и всеми теми правами, которых лишены представители иных народов в арабских странах.

Еврейское государство не может согласиться на применение "палестинского принципа" в отношении проживающего на его территории арабского меньшинства. Где провести черту? Если всякое меньшинство может претендовать на собственное государство, то что же делать тогда с арабами, проживающими в Галилее и Негеве? Им тоже следует предоставить "право на самоопределение"? Это кажется абсурдным, но именно таково намерение ООП: создать палестинское государство в Иудее, Самарии и Газе, чтобы потом потребовать "права на самоопределение" для израильских арабов, и, тем самым, вернуть к жизни план раздела подмандатной Палестины, утвержденный Организацией Объединенных Наций в 1947 году. Принятие "палестинского принципа" явится самоубийственным шагом для Израиля. И здесь важно отметить, что еврейский народ никогда не требовал применения аналогичного принципа по отношению к себе самому. До Второй мировой войны значительное еврейское меньшинство имелось во многих европейских странах (в Польше, например, евреи составляли 10% населения), но евреи нигде не требовали для себя национального суверенитета в тех районах, где они являлись большинством. Добившись суверенитета в Эрец-Исраэль, евреи не располагали двумя десятками государств на огромной территории, и уж тем более они не требовали для себя создания еще одного, двадцать второго государства.

"Палестинский принцип" был с энтузиазмом воспринят мусульманами, которые рассматривают его как логическое развитие идеи "Мира ислама". Американский писатель Чарльз Краутхаммер подметил, что интифада не является специфическим выражением палестинского протеста против Израиля - она представляет собой явление мирового масштаба, вызванное тем, что при любом немусульманском правительстве мусульманские меньшинства требуют отделения. Интифада имела место в Азербайджане и Таджикистане накануне отделения этих республик от Советского Союза; в Кашмире мусульмане требуют отделения от Индии, в Косово - от Сербии; в Синьцзяне - от Китая, и т.д. Применение "палестинского принципа" позволяет предположить, что если в будущем в какой-то части Британии или Франции образуется мусульманское большинство, то жители соответствующих районов потребуют отделения населенных ими территорий от этих европейских государств.

Если "палестинский принцип" столь недвусмысленно фальшив и очевидно опасен, как случилось, что мировое сообщество приняло требование о создании второго палестинского государства в Иудее, Самарии и Газе?

Первая причина заключается в том, что арабы сумели внедрить в общественное сознание мысль о существовании отдельного "палестинского народа на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы". Не часть арабского народа, реализовавшего свое право на самоопределение в рамках двух десятков государств, и даже не часть палестинского народа, реализовавшего свое право на самоопределение в Иордании, - но отдельная "нация", требующая для себя неотъемлемых политических прав. Если бы арабы требовали присоединить Иудею и Самарию к Иордании, то арабо-израильский конфликт сводился бы к вопросу об окончательных контурах границы между Израилем и Иорданией. В этом случае он не мог бы покорить воображение международного сообщества, одержимого идеей самоопределения наций.

Вторая причина популярности "палестинского принципа" - это сила арабской нефти. Никто не может не учитывать мощь и влияние Лиги арабских государств и нефтяного картеля ОПЕК, в котором арабы занимают главенствующие позиции. В 70-е годы эти могущественные структуры поставили свои пропагандистские возможности на службу "палестинскому самоопределению". Нефтяные шейхи Персидского залива в течение многих лет щедро финансировали политическую и военную деятельность ООП, не выделяя при этом никаких средств на реальное решение проблемы беженцев.

Значение этого фактора можно оценить при помощи следующей гипотетической аналогии: если бы Испанию окружали 20 баскских государств с общим населением в 150 миллионов человек, и если бы эти государства, контролирующие 60% мирового производства нефти, в течение многих лет вели бы пропагандистскую кампанию под лозунгом предоставления права на самоопределение баскам в Испании, то многие люди сегодня считали бы, что главным препятствием на пути к установлению мира в Европе является "баскская проблема". Особенно если бы баски подкрепляли свои требования угрозами нефтяного эмбарго и периодическими захватами пассажирских самолетов.

В этом отношении кампания арабского мира против Израиля представляет собой не первый пример того, как тоталитарные режимы извращают принцип самоопределения наций в целях оказания давления на демократические государства. Самым известным примером такого рода является история гитлеровской оккупации Чехословакии. Сегодня представляется уместным напомнить некоторые подробности этой истории, поскольку арабы в точности повторяют действия нацистской Германии в период, предшествовавший Второй мировой войне.

Чехословакия расположена на стратегически важном перекрестке в центральной части европейского континента,

и ее завоевание было необходимым звеном гитлеровского плана покорения Европы. Эта небольшая страна была способна выставить на поле сражения 800.000 человек, причем чехословацкая армия считалась одной из сильнейших в Европе; ее мощь основывалась на высокоразвитой оборонной промышленности, производившей новейшие виды вооружений. Задача Гитлера осложнялась еще и тем, что западная граница Чехословакии была надежно защищена труднопроходимым горным хребтом - там расположены знаменитые Судеты и Рудные горы. Чешское правительство возвело в этом районе разветвленный комплекс оборонительных сооружений, прикрывавший подступы к Праге. Из последующих показаний на Нюрнбергском процессе стало известно, что немецкие генералы категорически возражали против предложенного Гитлером плана прорыва судетских укреплений, поскольку эта задача казалась им невыполнимой в военном отношении.

Так, например, начальник немецкого генштаба фельдмаршал Вильгельм Кейтель, свидетельствовал:

"Мы были необычайно рады тому, что дело не дошло до военной операции, поскольку... мы всегда придерживались того мнения, что наших наступательных средств недостаточно для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения у нас просто не было средств для атаки, которая разбилась бы, как волна о волнолом пограничных укреплений в Судетах"/36.

Однако перед Германией стояла еще одна преграда: западные державы дали в Версале гарантии защищать чешские границы в случае любой агрессии. Франция, которая в 1938 году могла выставить 100 дивизий (в полтора раза больше совокупной мощи вермахта), дала письменное обязательство прийти на помощь Чехословакии, а Британия и СССР обещали присоединиться к ней

в случае возникновения военного конфликта.

Военная победа казалась Гитлеру недостижимой, поэтому он начал беспрецедентную политическую кампанию, направленную на отторжение Судетской области от Чехословакии. Тем самым он рассчитывал лишить чехов реальной возможности защитить Прагу. В Судетах большинство населения составляли немцы, и Гитлер заявил, что немецкие жители этого района имеют "право на самоопределение". Иными словами: они должны получить собственное государство, хотя Чехословакия, которая была образцовой демократией, обеспечила судетским немцам полное гражданское равноправие. С этой целью Гитлер создал в Судетах послушное ему политическое руководство, лидер которого Конрад Генлейн определил свою задачу следующим образом:

"Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить"/37.

Генлейна проинструктировали, что он должен категорически отрицать свои связи с Германией. Уильям Ширер,* который был в то время репортером в Европе, кратко обобщает события того периода:

"Таким образом, положение немецкого меньшинства в Чехословакии послужило для Гитлера только предлогом... чтобы подготовить почву в стране, которую он жаждал захватить, чтобы размыть ее изнутри; чтобы озадачить, ввести в заблуждение ее друзей и скрыть свою действительную цель, которой являлось уничтожение чехословацкого государства и присоединение его территории к Третьему рейху... Лидеры Франции и Великобритании так и не поняли этого. Всю весну и почти все лето премьер-министр Чемберлен и премьер Даладье - и не только они, а почти весь мир - искренне

---

* Книга У. Ширера переведена на русский язык: Уильям Ширер, "Взлет и падение третьего рейха", в 2-х томах. Москва, 1991. (Прим. перев.).

верили, что Гитлер добивается справедливости для своих соотечественников в Чехословакии"/38.

Вдобавок ко всему Гитлер организовал движение за освобождение Судет, которое называлось "Судетский добровольческий корпус". С помощью этой организации он инспирировал серию хорошо подготовленных насильственных акций, вынудивших чехословацкое правительство применить ответную силу/39. Гитлер тайно вызвал Генлейна в Берлин, где подробнейшим образом проинструктировал его, как следует вести агитацию за предоставление независимости Судетам (затем Гитлер заменит этот лозунг на требование присоединения Судетской области к Германии, произвольно смешав принцип самоопределения с немецким ирредентизмом).

Тогда же Геббельс организовал клеветническую пропагандистскую кампанию, в рамках которой нацисты распространяли слухи о "чешском терроре" и о преследованиях судетских немцев. Отказ чехов передать судетские территории их "законным немецким владельцам", как неустанно повторял Гитлер, является подлинным препятствием на пути к миру, поскольку Германия не может оставаться пассивной, когда чехословацкое правительство угнетает немцев в Судетах. Нацистский лидер отверг предложение о предоставлении автономии судетским немцам; он настаивал на том, чтобы им было гарантировано "право на самоопределение"/40. Нацисты цинично подменили причину следствием: они заявили, что чехи пытаются спровоцировать кризис в Европе с тем, чтобы предотвратить распад своего государства. Ответственность за судьбы мира в Европе была возложена на Чехословакию: "Этот крохотный сегмент Европы угрожает всему человечеству"/41.

Гитлер пояснил, что существует простой способ избежать войны и добиться справедливого решения вопроса. Западным державам - имелись в виду Британия и Франция -

следует заставить чехов сделать то, что необходимо для сохранения мира в Европе: Чехословакия должна покинуть "оккупированные территории".

И это сработало. С удивительной быстротой правительства и творцы общественного мнения на Западе приняли точку зрения Гитлера. В течение 1937-38 гг. на Чехословакию стало оказываться постоянно возрастающее давление со стороны западных держав. От чехов требовали, чтобы они "сделали все возможное" для удовлетворения требований судетских немцев/42. Чешского президента Эдуарда Бенеша ругали за его непреклонность. Западные газеты сетовали на близорукость чехов и на их "полное равнодушие к делу мира в Европе". Требование о "возвращении Судетской области в лоно Германии" приобрело широкую популярность на Западе. Британский посланник, который был специально направлен для наблюдения за ситуацией, зашел так далеко, что потребовал от Чехословакии "изменить свои международные обязательства таким образом, чтобы дать уверенность ее соседям, что она не нападет на них ни при каких обстоятельствах"/43.

* * *

28 сентября 1938 года истекал срок германского ультиматума Чехословакии. За десять дней до этого состоялось экстренное совещание британского кабинета министров, в котором приняли участие глава французского правительства и министр иностранных дел Франции. В ходе этого совещания было решено, что демократическая Чехословакия должна принять требования Гитлера. В Версале Запад принял на себя письменное обязательство защищать границы Чехословакии силой оружия, но теперь, под давлением нацистской Германии, Британия и Франция решили, что чехи должны отказаться от контроля над Судетской областью "ради сохранения мира и обеспечения жизненно

важных интересов Чехословакии". В обмен на эту уступку чехам предлагались "международные гарантии безопасности новых границ... от неспровоцированной агрессии"/44.

Лидерам Чехословакии было заявлено, что если они не примут это предложение и не пожелают "спасти мир в Европе", им придется воевать с Гитлером один на один. "Теперь все зависит от чехов", - такова была бессмертная фраза Невилла Чемберлена/45. Но в действительности от чехов уже ничего не зависело. Чемберлен понимал, что если Чехословакия станет защищаться, Франция и Британия могут оказаться перед необходимостью вступить в войну. Когда в Германии и Чехословакии началась мобилизация, истерическое состояние Чемберлена достигло апогея. Британский лидер решил откупиться от Гитлера чешским оборонительным валом в Судетах. Он несколько раз ездил в Берлин, и в последний момент, за несколько минут до истечения срока ультиматума, ему удалось договориться с Гитлером о созыве международной мирной конференции в Мюнхене. В ходе Мюнхенской конференции Чемберлен и Даладьё в течение одиннадцати с половиной часов умоляли Гитлера принять предложенный ими "компромисс". В конце концов, фюрер внял их мольбам и согласился взять Судетскую область мирным путем.

Когда чешский премьер-министр Бенеш понял, что западные союзники стали послушными игрушками в руках Гитлера, он объявил о капитуляции. Чехословакия сдалась перед лицом гитлеровского диктата. "Нас все предали", - с горечью сказал Бенеш/46.

Западные лидеры возвратились в Лондон и Париж с триумфом. Правительства, парламенты и средства массовой информации аплодировали Чемберлену и Даладьё, сумевшим приобрести "мир в обмен на территории". Мир сейчас - именно тогда этот лозунг пришел на смену государственной мудрости и здравому смыслу. "Друзья мои, - сказал Чемберлен. - Я верю, что мы обеспечили мир для нашего поколения".

30 сентября Чехословакия начала отступление из Судетской области. Чешская армия покидала стратегические перевалы, горные цитадели, крупные промышленные центры, составлявшие основу оборонной мощи страны. Но Гитлер и не намеревался ограничиваться Судетской областью в своих захватнических планах. Аннексировав Судеты, он представил Чехословакии новый список требований. Нацисты снова инсценировали инциденты с участием чешских властей; они продолжили распространение лживых слухов о преследовании немецкого этнического меньшинства, оставшегося на урезанной территории Чехословакии.

Прошло менее полугода, и 15 марта 1939 года нацистская военная машина прокатилась по оставшейся части Чехословакии. Лишенные укрепленных оборонительных рубежей в Судетских горах, чехи были теперь не в состоянии оказать сопротивление. Вторая фаза гитлеровского плана была выполнена. "С самого начала для меня было ясно, что я не могу удовлетвориться немецкой территорией в Судетах, - заявил Гитлер. - То было лишь частичное решение"/47.

Западные державы снова ничего не предприняли для спасения Чехословакии. Несостоятельность предоставленных ими гарантий была лишним раз подтверждена со всей очевидностью.

Не нужно прилагать особых усилий, чтобы усмотреть напрашивающуюся аналогию между Судетским кризисом и попытками оторвать от Израиля территорию Иудеи и Самарии. Подобно предвоенной Чехословакии, Израиль является небольшим демократическим государством, создавшим мощную армию. Подобно Судетским горам, хребет, пересекающий Иудею и Самарию с севера на юг, является естественной преградой, защищающей столицу государства и густонаселенную прибрежную низменность. Немцы осознали невозможность покорить Чехословакию путем прорыва через Судетские горы - точно так же

арабские лидеры понимают, что они не могут одержать решающую победу над Израилем, пока ЦАХАЛ находится в горах Иудеи и Самарии. Так же, как и Гитлер в отношении Чехословакии, они решили использовать против Израиля политическое давление западных держав. Поэтому арабские режимы развернули пропагандистскую кампанию с целью убедить Запад в том, что арабские жители Иудеи и Самарии (которые, как и судетские немцы в Чехословакии, составляют более четверти населения страны) являются особым народом, которого лишили права на самоопределение - и куда это право не будет ему предоставлено, у арабских государств нет иного выбора, как прибегнуть к войне, чтобы защитить палестинский народ. Как и в случае с Чехословакией, упорство Израиля, не желающего уступать стратегически важные для него территории, представляется общественному мнению препятствием на пути к мирному урегулированию.

По аналогии с Мюнхеном, арабы неоднократно требовали созыва международной конференции по Ближнему Востоку, где они надеялись добиться существенной поддержки со стороны США и Европы. Арабы уповают на появление американского Чемберлена, способного заставить Израиль принять их требования.

Не следует удивляться тому, что в этой области (как и во многих иных сферах) арабы последовательно используют методы из арсенала нацистской пропаганды. Печально и удивительно то, что их демагогические доводы были с готовностью усвоены многими на Западе. Не проходит и дня без того, чтобы какое-нибудь престижное издание не опубликовало редакционную статью, призывающую Израиль смириться с решением, в точности повторяющим мюнхенскую капитуляцию Запада перед нацистами. Обозреватели и комментаторы уверяют читателей в том, что Израиль пойдет только на пользу отступление из Иудеи и Самарии, поскольку в этом случае он избавится от значительной части арабского меньшинства и добьется этнической

однородности. Кстати, и этот довод не нов. В 1938 году лондонская "Таймс", которая была тогда самой влиятельной газетой на Западе, писала:

"Возможно, правительству Чехословакии стоило бы обдумать, следует ли ему окончательно отказываться от... придания Чехословакии большей этнической однородности путем отделения области с иноплеменным населением, граничащей с национально близким этому населению государством... Выгоды для Чехословакии от превращения в этнически более однородное государство, могли бы, пожалуй, перевесить те потери, которые связаны с отказом от контроля над областью судетских немцев"/48.

Вставьте "Израиль" вместо "Чехословакии" и "палестинские арабы" вместо "судетских немцев" - и вы можете, не меняя более ни единого слова, поместить эту передовицу в любую западную газету нашего времени. Израиль, против которого направлены воинственные замыслы большей части арабского мира, кажется творцам общественного мнения на Западе виновной стороной конфликта, упорствующей в своих заблуждениях и не желающей устранить препятствия с пути к справедливому мирному урегулированию. Арабы, открыто заявляющие о своем намерении уничтожить Израиль, воспринимаются как поборники умеренности и здравого смысла.

К концу XX столетия накопилось немало примеров, подтверждающих следующий факт: принцип самоопределения превращается зачастую в эффективное пропагандистское оружие, нацеленное на "ахиллесову пяту" западного сознания. Граждане демократических государств Запады, имеющие долгую традицию уважения к правам человека и к национальной свободе, легкомысленно склоняются на сторону свежее испеченного "палестинского народа" - так же, как некогда они склонялись на сторону судетских немцев,

требовавших права на самоопределение. Таким образом, именно этот тезис арабской пропаганды может оказаться более действенным, чем попытки представить ближневосточный конфликт как результат израильской агрессии, или как следствие проблемы беженцев.

Как только арабы заметили слабость, питаемую Западом к образу "угнетенного народа, сражающегося за свою свободу", вся пропагандистская машина арабского мира была переоборудована для изготовления соответствующих аргументов на этой основе. Арабы поняли, что они могут убедить общественное мнение на Западе в справедливости позиции, декларируемой ими с 1967 года: присутствие Израиля на территориях, занятых в ходе Шестидневной войны, является изначально и по существу безнравственным. Таким образом, безнравственным является любое действие, направленное на укрепление еврейского государства, пока оно не вернулось к уязвимым предвоенным границам.

Два обстоятельства значительно способствовали распространению этих идей на Западе: начало палестинской интифады и развитие дискуссии о еврейских поселениях в Иудее, Самарии и Газе. В последние годы эти вопросы служили катализатором антиизраильской активности ООП на международной арене.

Интифада стала подарком судьбы для ООП, которая стремительно теряла свой престиж и среди арабов и во всем мире, начиная с 1982 года, когда израильская армия уничтожила опорные пункты палестинского террора в Ливане. ООП лишилась территориальной базы, с которой можно было осуществлять военные акции против Израиля. Командные пункты этой организации были изгнаны из Бейрута в Тунис, и ООП оказалась в состоянии глубокого идеологического и политического кризиса.

Показательно, что, когда в 1987 году боевики ООП взорвали израильский автобус в Иерусалиме, лидеры арабов Иудеи, Самарии и Газы впервые выступили с публичным

осуждением террора. Главари ООП давно уже опасались столь явного выражения протеста со стороны тех, от чьего имени они именовали свою организацию "единственным законным представителем арабского народа Палестины".

К этому времени арабы Иудеи, Самарии и Газы отнюдь не блаженствовали в земном раю, но их положение неуклонно улучшалась под израильским правлением. XX век мало затронул эти территории до 1967 года, когда они оказались под контролем Израиля. Там почти не было промышленности, медицинское обслуживание находилось на примитивном уровне, а системы высшего образования вовсе не существовало. Подавляющее большинство жителей обитало в домах без электричества и водопровода, а женщины в большинстве своем были неграмотны.

Вскоре после Шестидневной войны Израиль стал проводить либеральную политику, нацеленную на радикальное улучшение жизни арабов на контролируемых территориях. В Иудее, Самарии и Газе было введено всеобщее образование, там были открыты университеты, построены больницы, проложены современные шоссейные дороги. К 1985 году число телефонных абонентов в этих районах увеличилось на 400%, число владельцев автомобилей - на 500%, а ежегодные объемы строительства возросли на 1000%. К 1986 году 91% арабских домов в Иудее и Самарии были электрифицированы (23% до 1967 года), в 74 процентах домов имелись холодильники (5% до 1967 года), а в 93% процентах домов - кухонные плиты (5% до 1967 года). К 1987 году арабы Иудеи, Самарии и Газы стали самой образованной группой населения в арабском мире; здесь резко сократилась детская смертность, а беспрецедентный рост экономики составил 400 %/49. В секторе Газы изменение ситуации к лучшему было еще более разительным.

По иронии судьбы, арабские жители контролируемых Израилем территорий пользовались теперь правами, в кото-

которых было отказано большинству арабов на Ближнем Востоке: у них имелась собственная пресса, выражающая позиции различных политических партий и группировок (в том числе - ООП); они могли опротестовать любое решение израильской администрации в судебном порядке. Мост Алленби оставался открытым, и любой палестинец имел возможность посетить Иорданию и другие арабские страны. В ходе этих визитов жители контролируемых территорий имели возможность сравнить условия существования в арабских странах с тем, что явилось их собственной участью "под беспощадной израильской оккупацией". Подавляющее большинство арабов Иудеи и Самарии пришло к выводу о том, что им выпала несравнимо лучшая доля.

Нельзя сказать, что арабы, живущие на территориях, вдруг стали сионистами или смирились с израильским контролем над Иудеей, Самарией и Газой. Подобное и не может произойти в том случае, когда гражданское население находится под властью военной администрации, особенно если этой администрации приходится вести повседневную борьбу с террором. Вынужденные меры безопасности обрекали местных жителей на многочисленные неудобства: проверки на дорогах, комендантский час, обыски в домах, периодическое закрытие предприятий и учебных заведений. При этом даже на горизонте не было видно реальной возможности нормализации, поскольку, начиная с 1967 года, политический статус контролируемых территорий оставался неопределенным. Сначала причиной этой неопределенности являлась позиция израильского правительства, которое не желало аннексировать территории, с одной стороны, и отказываться от них, с другой. После подписания Кемп-Дэвидских соглашений в 1978 году, причиной сохраняющейся неопределенности стал отказ арабской стороны вести переговоры об установлении окончательного статуса контролируемых территорий (большинство арабских государств до сегодняшнего дня отвергают Кемп-Дэвидские соглашения).

В результате арабы Иудеи, Самарии и Газы более 20 лет жили под управлением израильской военной администрации, не зная, как сложится их дальнейшая судьба. Такая неопределенность порождает неизбежную напряженность, которую может устранить только однозначное политическое урегулирование. Так, например, арабы Галилеи жили под управлением израильской военной администрации на протяжении 50-х годов, однако впоследствии им было предоставлено полное гражданское равноправие, и объективные причины для недовольства отпали. Свыше 30 лет галилейские арабы принимают активное участие в государственной жизни Израиля, имея собственные инструменты политического самовыражения и гарантированное представительство в кнессете. Со временем создались условия для благополучного сосуществования еврейских и арабских граждан Израиля, каковое будет сохраняться до тех пор, пока над Израилем не нависнет явная угроза.

На контролируемых территориях не был установлен однозначный государственный статус, и живущие там арабы не обрели собственных инструментов политического самовыражения. Весь арабский мир, за исключением Египта, отвергал Кемп-Дэвидские соглашения, и требовал немедленного создания палестинского государства в Иудее, Самарии и Газе. При таких условиях продолжение переговоров, начало которым было положено в Кемп-Дэвиде, стало невозможным. К 1987 году, через 20 лет после Шестидневной войны, в Иудее, Самарии и Газе выросло новое поколение арабов, родившихся и проживших всю свою жизнь в условиях тягостной политической неопределенности. Это поколение было подвержено влиянию ядовитой пропаганды ООП, заполнившей образовавшийся политический вакуум. В силу естественного порядка вещей молодое поколение палестинцев заняло самые экстремистские позиции.

Однако ООП тоже не могла записать на свой счет сколь-нибудь впечатляющие достижения, поэтому постепенно

гнев молодых палестинцев обрел двойную направленность - и против Израиля и против ООП. Распаленное воображение палестинских арабов рисовало себе картину сладкой жизни лидеров ООП в роскошных виллах на французской Ривьере и на исполненных неги берегах Туниса. Подобно своим беспокойным собратьям в различных частях арабского мира, многие молодые палестинцы соблазнились доходчивыми религиозными лозунгами - они нашли для себя идеологическое прибежище в фундаменталистском движении ХАМАС. Здесь, на контролируемых территориях, исламский фундаментализм распространялся столь же стремительно, как и вообще на Ближнем Востоке; в наибольшей степени его влиянию были подвержены представители беднейших слоев населения. (Таким образом, исламский фундаментализм является, по крайней мере частично, побочным продуктом арабской политики, отдающей предпочтение огромным расходам на производство и приобретение оружия. При этом арабские лидеры не используют национальные богатства на улучшение социально-экономического положения в своих странах и на решение проблемы беженцев в рамках поэтапной социальной интеграции.)

На этом-то фоне в конце 1987 года вспыхнула интифада, в ходе которой политическое недовольство палестинских арабов приобрело характер массового насилия. Датой начала интифады принято считать 9 декабря 1987 года, когда в ходе дорожной аварии в Джебалие, возле Газы, израильский грузовик задавил четырех палестинцев. Слух о том, что дорожная авария была в действительности преднамеренным убийством, распространился по лагерям беженцев, как огонь по полю, заросшему сухой травой. В секторе Газы вспыхнули массовые беспорядки, которые перекинулись затем в Иудею и Самарию. Лидеры ООП быстро распознали возможность поправить свою репутацию за счет поддержки палестинских выступлений на контролируемых территориях.

Уже на следующий день после аварии в Джебалие восточноерусалимская газета "Аль-Фаджр", связанная с ООП, писала, что гибель четырех палестинцев "явилась результатом злонамеренного преступления"/50. Находившийся в Багдаде Ясер Арафат воспользовался вспышкой беспорядков для того, чтобы заверить арабов в скором и неизбежном уничтожении Израиля:

"О героические сыны Газы! О гордые сыны Западного берега! О мужественные сыны Галилеи! О стойкие сыны Негева! Пламя революции, поднятой против сионистских захватчиков, не угаснет до тех пор, пока наша земля - вся наша земля! - не будет освобождена от этих алчных оккупантов"/51.

Впадая в аффектацию, Арафат теряет присущую ему осторожность. В этом обращении он призвал арабов восстать и освободить "всю нашу землю", к каковой он определенно причисляет не только Западный берег реки Иордан (Иудею и Самарию), но также Галилею и Негев - суверенную территорию Израиля в границах 1967 года. А когда мэром Бейт-Лехема Элиас Фрейдж, христианин с умеренными взглядами, предложил временно приостановить насилие, Арафат ответил: "Всякому, кто вознамерится остановить интифаду прежде, чем она достигнет своих целей, я всажу в грудь десяток пуль"/52.

В течение нескольких недель это насилие организовывалось и финансировалось ООП, собравшей арабскую молодежь в "штурмовые комитеты интифады". Активисты интифады верили в то, что им обещал Арафат: победа близка, она на расстоянии брошенного камня. Они забрасывали израильские машины камнями и бутылками с зажигательной смесью, устраивали завалы на дорогах, принуждали арабское население к участию в постоянных забастовках, силой препятствовали арабам, выезжающим на работу в Израиль. Торговцы, открывавшие свои лавки вопреки

распоряжениям руководства интифады, подвергались погромам. Врываясь в школы во время занятий и выгоняя детей на улицы, активисты интифады создавали видимость всенародного восстания. Их не смущала та кровавая цена, которую пришлось заплатить палестинским детям за участие в массовых акциях насилия.

Фундаменталистское движение ХАМАС старалось не отстать от ООП: его активисты создали собственную альтернативную структуру "штурмовых комитетов". В течение последующих четырех лет ХАМАС и ООП соревновались между собой в попытках подтолкнуть палестинское население к кровопролитию.

В этих условиях израильская армия делала то, что было предписано ей Четвертой женеvской конвенцией: она старалась защитить арабское и еврейское гражданское население, патрулируя шоссе, разбирая дорожные завалы и арестовывая зачинщиков беспорядков*. В ответ на это -

---

* Израиль не считает себя "оккупирующей стороной" в Иудее, Самарии и Газе, поскольку эти районы являлись частью территории, выделенной в 1922 году Лигой Наций для создания еврейского государства. Таким образом, наша страна не признает принципиальной применимости Четвертой женеvской конвенции, определяющей нормы поведения на оккупированных территориях, к Иудее, Самарии и Газе. Тем не менее, Израиль принял на себя одностороннее обязательство следовать гуманитарным постановлениям Четвертой женеvской конвенции в этих районах до тех пор, пока не будет установлен их окончательный политический статус. Статья 64 Четвертой женеvской конвенции (1950) признает за оккупирующей стороной право "подчинять население оккупированной территории тем распоряжениям, которые необходимы для того, чтобы дать оккупирующей стороне возможность выполнять свои обязанности согласно настоящей конвенции; осуществлять упорядоченное правление на территории и обеспечивать безопасность оккупационных сил и администрации, а также объектов и линий коммуникаций, используемых ими".

Конвенция не требует, чтобы жителям оккупированной территории было обеспечено право на опротестование решений военной администрации в Верховном суде (право, которое Израиль предоставляет населению Иудеи, Самарии и Газы). Конвенция не

члены "штурмовых комитетов" набрасывались на солдат ЦАХАЛа с топорами, кирпичами и бутылками с зажигательной смесью. Таким образом они снискали себе международную славу "борцов за свободу". Теперь ООП было важно не испортить мученический образ палестинского восстания и не спровоцировать ЦАХАЛ на жесткие ответные действия. С этой целью руководство ООП разослало приказ, запрещающий палестинским боевикам на контролируемых территориях использовать огнестрельное оружие.

С началом массовых волнений многие на Западе и в Израиле полагали, что возбужденные подростки в Шхеме и Хевроне желают лишь освобождения Западного берега от израильского контроля, но "штурмовые комитеты интифады" видели свою задачу иначе. Арафат и лидеры ХАМАСа поставили перед ними гораздо более значимую цель: изгнать евреев с каждого дюйма "палестинской земли". В листовках руководители "штурмовых комитетов" разъясняли цели борьбы своим сторонникам. Так например, листовка организации ФАТХ, выпущенная 21 января 1991 года, гласила, что евреи являются "потомками обезьян и свиней", с которыми следует себя вести соответствующим образом. Выпущенный тогда же призыв ХАМАСа гласил: "С врагом не будет никаких переговоров. Ни один сантиметр палестинской земли не будет уступлен. Путь к освобождению лежит через джихад". Что же касается евреев, живу-

---

запрещает оккупирующей стороне применение смертной казни (Израиль отказывается применять смертную казнь даже в случаях крупных террористических актов). Израиль часто подвергается беспощадной критике за высылку с территорий подстрекателей и организаторов беспорядков на том основании, что Четвертая женевская конвенция запрещает "депортации". Разумеется, это так (статья 49), однако запрет на депортации был внесен в Конвенцию с целью предотвращения массовой высылки гражданского населения, как это имело место в ходе Второй мировой войны. Депортация одиночек, деятельность которых ставит под угрозу как силы безопасности, так и местное гражданское население, не может быть признана противоречащей духу Четвертой женевской конвенции.

щих в Иудее и Самарии, то лидеры интифады призывали своих последователей "зажечь землю у них под ногами"/53.

Западные средства массовой информации никогда не интервьюировали лидеров интифады с помощью переводчика, знающего арабский, потому и не могли услышать, чего же именно хотят добиться "борцы за свободу". Когда же сотрудник CBS Боб Саймон опробовал этот "новаторский" метод, он получил прямой ответ от руководителя группы из семи активистов интифады, лица которых были скрыты масками: "Я хочу всю Палестину, всю целиком... Палестина неделима. Хайфа, Акко, Яффо, Галилея, Назарет - все это части Палестины"/54. Ни одна из этих "частей Палестины" не находится на территории Иудеи и Самарии. Все это - области Израиля, принадлежавшие ему и до 1967 года; во всех указанных районах наличествует значительное еврейское население.

Но спустя несколько месяцев все, кроме крайних экстремистов, стали уставать от погони за этой несбыточной мечтой, и ореол интифады начал меркнуть. Бесконечные забастовки подорвали развитие экономики, которая кропотливо строилась с 1967 года; многие предприятия закрылись, и их владельцы были доведены до нищеты. Контроль за соблюдением правопорядка был передан в руки соперничающих бандитских формирований, финансируемых и управляемых различными группировками ООП*. Началась жестокая охота на "коллаборционистов", в ходе которой активисты интифады уничтожали всех, заподозренных в сотрудничестве с Израилем. В числе жертв зачастую оказывались лица, вызвавшие личное недовольство тех или иных бандитских главарей: богатые, люди с

---

* Один из лидеров террористической группировки ФАТХа "Черные пантеры" так описал контроль ООП над кровавыми расправами: "Мы не убиваем всякого по своему усмотрению... Мы советуемся с центральным комитетом "Черных пантер", который поддерживает непосредственный контакт с военным командованием ФАТХа за границей... Я всего лишь получаю приказы от военного командования ФАТХа..."/57.

высшим образованием, политические противники и т.п. Насилие, порожденное интифадой, было, в конечном счете, обращено против самого арабского населения.

Кровавое сведение счетов стало нормой палестинской жизни. За пять лет интифады число палестинцев, убитых в ходе внутренних конфликтов, составило 750 человек - почти столько же, сколько погибло в столкновениях с израильскими силами безопасности. На пятом году интифады число жертв внутреннего террора составило 215 человек, и лишь 90 палестинцев погибло в ходе столкновений с ЦАХАЛом/55. В различных населенных пунктах на территориях неоднократно обнаруживались тела арабов, заподозренных в содружестве с Израилем, - со следами ожогов, распухшие от побоев, изуродованные, расчлененные, обезглавленные. Вдов "коллаборационистов" насиловали, детей жестоко избивали. Интифада пожирала своих детей. В средствах массовой информации совсем мало была освещена антихристианская направленность интифады. Против арабов-христиан, проживающих в Иудее и Самарии, была организована кампания насилия, поджогов и шантажа. Их пытались вынудить продать свое имущество мусульманам и покинуть Святую Землю. В таком традиционном христианском центре, как Бейт-Лехем (Вифлеем), имеется сегодня мусульманское большинство, поскольку значительная часть христиан была вынуждена бежать из города в ходе интифады. В статье, опубликованной в католическом журнале "Тетта Santa", священник Жорж Абу-Казен писал, что "арабские страны не жалеют денег на "исламизацию" Палестины". Он выражал опасение, что в результате интифады христианское присутствие на Святой Земле будет полностью искоренено. По словам Абу-Казена, христиане слишком запуганы, чтобы открыто заявить об этой угрозе/56.

Однако все эти факты не попадали в сферу внимания иностранных телекорреспондентов, готовивших красочные тенденциозные репортажи об интифаде. Как и в случае

массового изгнания палестинцев из Кувейта, страдания арабов никого не интересовали, если они не были причинены евреями. Значение этого принципа стало особенно заметным, когда израильский террорист Барух Гольдштейн убил 28 арабов в пещере Махпела. Освещение хевронской трагедии в международных средствах массовой информации было поистине беспрецедентным, однако, как и следовало ожидать, никто из журналистов не упомянул о том, что за пять месяцев, прошедших с момента подписания Норвежского соглашения до теракта в пещере Махпела, 33 израильтянина были убиты арабскими террористами.

Игнорируя созданное арабами на палестинских улицах царство террора, средства массовой информации усердно воспроизводили ежевечерние выпуски популярной романтической драмы: многострадальный палестинский герой, жаждущий национального самоопределения, бросает вызов ужасному израильскому тирану. Создать такую драму несложно, поскольку народам демократических стран не нравится насилие, так же, как не нравятся им солдаты. Особенное возмущение вызывает у них вид солдата, избивающего гражданина, или свирело глядящего на ребенка. Поскольку зрителям говорили, что это армия "оккупантов" - то есть армия, которая вообще не должна находиться там, где она находится, - пресса и телевидение ухитрились превратить даже самые необходимые меры по защите правопорядка в непростительные преступления. Действительная картина организованных беспорядков была крайне далека от образов, возникавших на экране. Западным зрителям ничего не известно о том, что интифада придавила тяжелым бременем страха повседневное существование многих тысяч арабов. Им ничего не сообщается об инструкциях по применению оружия, сковывающих руки израильским солдатам. 208 военнослужащих ЦАХАЛа подверглись судебному преследованию за нарушение этих жестких инструкций/58, в то время, как десятки тысяч солдат и полицейских выполняли требования закона, рискуя иногда собственной жизнью.

* * *

Острая критика в адрес Израиля со стороны западных средств массовой информации поучительна еще и в следующем отношении: до сегодняшнего дня на Западе практически ничего не сообщалось о том, как арабские власти Иордании и Египта подавляли вспышки интифады, случавшиеся на тех же самых территориях до 1967 года. Между тем, можно было бы сравнить действия ЦАХАЛа с поведением иорданской армии в тот период, когда Иудея и Самария находились под иорданской оккупацией. В октябре 1954 года бейрутское радио сообщило о массовых волнениях в Дженине, Шхеме, Рамалле и удерживаемой Иорданием восточной части Иерусалима. В этих районах было немедленно объявлено чрезвычайное положение, и туда вошли подразделения Арабского легиона. Официальное сообщение иорданского правительства гласило, что в ходе беспорядков было убито 14 человек и 117 ранено. По неофициальным данным, число убитых достигло 90 человек/59.

В апреле 1957 года массовые волнения вспыхнули в Восточном Иерусалиме и Рамалле. Это заставило короля Хусейна прибегнуть к чрезвычайным мерам: в обоих городах был введен комендантский час, были закрыты газеты, а в Бейт-Лехеме, Шхеме, Туль-Кареме и Дженине были распущены муниципальные советы. На территории Западного берега были произведены повальные аресты, в ходе которых за решетку были брошены 169 инструкторов ООН/60. В апреле 1963 года в Иерусалиме были убиты 11 человек, ранены - 150 (включая 17 школьников); в Рамалле один человек убит и 35 ранены; в Дженине и Ирбиде были десятки раненых; 120 политических деятелей оказались под арестом/61. 19 ноября 1966 года беспорядки вспыхнули в Шхеме и Хевроне, и полиция открыла огонь по толпе. На следующий день в ход были пущены танки. Только в Шхеме

погибли и были ранены 50 человек. Еще больше было убито во время последующих похоронных процессий/62.

Ничуть не лучшим было поведение египетской оккупационной армии по отношению к гражданскому населению сектора Газы. Здесь следует отметить, что если Иордания, по крайней мере, предоставила свое гражданство большинству палестинцев, проживавших на Западном берегу, то Египет лишил этого права жителей оккупированного сектора. Сотни тысяч людей были преднамеренно оставлены в унижительном положении лиц без гражданства. Оказавшиеся в Газе палестинские беженцы вовсе не имели возможности получить паспорт.

"Шоковая терапия", с помощью которой власти Иордании и Египта подавляли палестинские выступления, обеспечила ситуацию, при которой ни одна попытка восстания не могла иметь продолжения. Иордания и Египет использовали такие средства подавления, о которых Израиль даже не задумывался в самый разгар интифады: танки и пулеметы, стреляющие по безоружной толпе. Нет нужды говорить о том, что иорданские и египетские солдаты вовсе не пользовались резиновыми пулями, они стреляли свинцовыми. В армиях этих стран не было приказов, запрещающих применение огнестрельного оружия во всех случаях, кроме тех ситуаций, когда жизнь самих солдат находится под угрозой. Если бы Израиль пользовался такими методами подавления, которые без колебаний применялись иорданцами и египтянами, то в разгар интифады число убитых составляло бы ежедневно 25-50 человек! Можно с уверенностью предположить, что в этом случае интифада была бы столь же недолгой, как палестинские выступления в период иорданской и египетской оккупации.

Однако Израиль не захотел использовать варварские методы подавления, и предпочел заплатить высокую политическую и пропагандистскую цену, одним из составляющих которой стал продолжительный характер палестинской интифады.

В ответ на такие сравнения западные дипломаты и журналисты обыкновенно утверждают, что от Израиля можно ожидать приверженности более высоким принципам нежели те, которыми руководствуются арабские диктатуры. Это совершенно верно: демократическое государство следует судить на основании норм и критериев, принятых в демократических странах. Что ж, за годы интифады и в демократических странах несколько раз имели место вспышки массового насилия; самые памятные из них - в Венесуэле и Индии.

В Венесуэле в 1987 году после двухдневных массовых волнений правительство восстановило общественный порядок ценой 119 убитых и 800 раненых. В Индии во время десятидневной осады Золотого храма в столкновениях между сикхскими сепаратистами и правительственными войсками было убито 113 человек/63. В ходе каждого из упомянутых инцидентов число убитых было больше, чем в столкновениях между палестинцами и Армией Обороны Израиля за целый год интифады. Когда в демократическом государстве начинается разгул грабежей и насилия, когда транспорт забрасывают камнями, а магазины поджигают, правительство оказывается перед необходимостью применения жестких мер подавления, поскольку первейший долг всякого правительства - обеспечить нормальный порядок правления и общественное спокойствие.

В середине 60-х годов волна массового насилия прокатилась по крупным городам Соединенных Штатов. В ходе восстановления общественного порядка в Лос-Анджелесе были за несколько дней убиты 34 человека, в Ньюарке - 20, в Детройте - 43 и еще десятки в иных населенных пунктах. Аресту подверглись десятки тысяч человек. Когда в 1968 году вновь вспыхнувшие волнения охватили 125 городов США, у американского правительства не осталось иного выбора, кроме применения мощной военной силы: 55.000 солдат и полицейских были брошены на подавление беспорядков. 46 человек были убиты и свыше 21.000 арестованы/64.

Не стоит думать, что подобные вспышки - дело далекого прошлого: уличные волнения в Лос-Анджелесе в мае 1992 года привели к гибели 51 человека, а затем полиция Лос-Анджелеса подверглась острой критике за недостаточное использование силы, находившейся в ее распоряжении.

Метание камней в проезжающие автомашины тоже имеет аналогии за пределами контролируемых Израилем территорий. Так, например, в 1991 году два американских подростка из штата Мэриленд были схвачены, когда они швыряли камни в проезжающие мимо автомобили; в результате этого хулиганства 15-летняя девушка, находившаяся в одной из машин, была тяжело ранена. (За годы интифады в Иудее, Самарии и Газе несколько евреев погибли при аналогичных обстоятельствах: увесистый камень, брошенный в машину, которая едет со скоростью 90 км/час, зачастую оказывается смертельным оружием.) Против подростков из Мэриленда были выдвинуты обвинения по 90 статьям уголовного кодекса: нападение с целью убийства, нападение с целью нанесения увечий, нападение с целью лишения дееспособности, оскорбление действием, злонамеренное уничтожение имущества и т.п. Преступники были приговорены к 500 годам заключения, а это означает, что всю свою оставшуюся жизнь они проведут за решеткой/65.

Следовало бы ожидать, что "жестокая" израильская военная администрация будет применять в аналогичных случаях столь же суровые меры наказания, однако арабы, метающие камни в еврейские машины, приговариваются к выплате весьма умеренных штрафов (в том случае, если они не нанесли пассажирам серьезных увечий).

То, что Израиль судят не по обычным международным меркам, доказывает наличие не двойной даже, а тройной морали: одни требования предъявляются к арабским диктатурам, другие - к демократическим государствам Запада, и третьи, совершенно особые, - к Израилю. Предъявление особенно жестких требований к Израилю оправдывается

обычно тем, что само израильское присутствие на контролируемых территориях является, якобы, противоправным и аморальным. Поэтому всякий раз, когда ЦАХАЛ применяет силу, его обвиняют в преступной жестокости. Ни одна нация не может удостоиться справедливого отношения, если ее действия расцениваются на основе столь лицеприятных критериев.

Арабы использовали эту "абerrацию" самым выгодным для себя образом. Они сумели создать воистину сатанинский образ Израиля, затемнив подлинную историю и истинные причины конфликта. Интифада, так же, как и арабский террор, очень скоро превратилась в удобную трибуну, с которой ООП ведет свою пропагандистскую кампанию против Израиля. После нескольких недель, в течение которых в Иудее, Самарии и Газе действительно имели место стихийные волнения, активисты ООП приступили к постановке срежиссированных "сцен интифады", что обеспечило арабам возможности манипуляции общественным мнением. Сотни детей направлялись к военным базам ЦАХАЛа, чтобы продемонстрировать иностранным корреспондентам всенародный характер борьбы против израильской оккупации. На улицах и площадях арабских городов перед телекамерами разыгрывались откровенные инсценировки. Говорящие по-английски представители "комитетов интифады" старательно вставляли в свою речь такие обороты, как "гражданское неповиновение" и "народное восстание". В палестинском лагере было подавлено всякое инакомыслие, что позволило создать видимость единства и всеобщего участия в интифаде.

В то же самое время официальные представители ООП повсюду твердили о том, что интифаду остановить невозможно, что она кончится только тогда, когда будет создано независимое палестинское государство, в рамках которого палестинский народ сможет реализовать свое "право на самоопределение". Некоторые западные журналисты пичкали публику глубокомысленными объяснениями историчес-

ких корней интифады: палестинский народ тысячелетиями (!) жил под иноземным господством. Сначала его права были узурпированы византийцами (при византийцах арабов в Эрец-Исраэль еще не было вовсе), затем мамелюками, турками и англичанами, а теперь - израильянами. Жажда свободы, вызревшая все это время в сердцах палестинцев, обрела наконец форму народного восстания, и теперь палестинский народ готов к тому, чтобы взять свою судьбу в свои руки.

Несмотря на значительный упадок бунтарских настроений, которыми характеризовался начальный период интифады, годы клеветы и искусной пропаганды сделали свое: многие на Западе приняли следствие арабо-израильского конфликта за его причину. Общественное мнение признало Израиль виновным. Израильяне обездолили палестинский народ, они жестко угнетали и угнетают его. Средний западный человек перестал сомневаться в этом, ведь он видел все своими глазами... по телевизору.

* * *

Несмотря на пропагандистскую мощь интифады, ее невозможно бесконечно использовать против Израиля уже хотя бы потому, что со временем масштабы массовых волнений на контролируемых территориях заметно сократились. Вследствие этого кампания против "узурпации" Израилем палестинского права на самоопределение сфокусировалась вокруг вопроса о еврейских поселениях в Иудее, Самарии и Газе. Поселения обладают, по крайней мере, тем преимуществом, что они никуда не исчезают, и их можно постоянно использовать в качестве свидетельства израильской политики, направленной на "грабеж палестинских земель". Кроме того, вопрос о поселениях обладает дополнительной притягательностью в глазах арабских про-

пагандистов, поскольку значительная часть общества в Израиле выступает против поселенческой деятельности в Иудее, Самарии и Газе, требует ее ограничения и даже ликвидации существующих поселений.

Право евреев жить в Хевроне, Шхеме и Восточном Иерусалиме было признано свободными нациями мира в то же самое время, что и право евреев жить в Хайфе, Тель-Авиве и в Западном Иерусалиме. Декларация Бальфура, Версальский договор и мандат Лиги Наций распространялись на всю территорию Эрец-Исраэль. В то время не существовало даже такого понятия - "Западный берег реки Иордан". Никому не приходило в голову, что Иудею и Самарию можно отделить от остальной территории подмандатной Палестины.

Напротив, Иудея и Самария справедливо считались сердцем исторической Эрец-Исраэль; именно в этих районах происходили основные события библейской истории: Элон-Море, где Аврааму было обещано, что его потомство унаследует Землю Ханаанскую; Хеврон, где похоронены еврейские патриархи; Бейт-Эль, где Якову явилось видение "лестницы, достигающей неба"; Бейт-Лехем, где похоронена Рахель; Иерихон, где евреи под водительством Йегошуа Бин-Нуна (Иисуса Навина) впервые сразились с войском ханаанских царей; Шхем, где Йегошуа зачитал Тору сынам Израиля и где были похоронены останки Йосефа; Шило, где в эпоху Судей, в течение нескольких столетий, находился центр еврейского народа; Бейт-Хорон, где Йегуда Маккавей разгромил армию Селевкидов; Бейтар, где был последний оплот повстанцев Бар-Кохбы. И наконец - Иерусалим, город царя Давида и библейских пророков, вечная столица еврейского народа, центр религиозных и политических устремлений Израиля.

Когда на конференции в Версале сионисты потребовали для евреев права на создание собственного государства в Палестине, Ллойд-Джордж, Вудро Вильсон и Клемансо признали за евреями это право, подразумевая под

Палестиной в первую очередь именно эти места.

Не удивительно, что во времена британского мандата в Иудее и Самарии селились во множестве еврейские репатрианты. В Иерусалиме и Хевроне новоприбывшие присоединялись к существующим издавна еврейским общинам; в других местах были созданы новые поселения: Калья и Бейт ха-Арава - у северной оконечности Мертвого моря, Атарот и Неве-Яков - в южной части Самарии, Рамат-Рахель и киббуцы района Гуш-Эцион - в Иудее, Кфар-Даром - неподалеку от Газы.

Все эти населенные пункты были созданы евреями еще до того, как появилось само политическое понятие "Западный берег реки Иордан". Никто не видел разницы между этими поселениями и иными населенными пунктами, созданными евреями в остальных районах Эрец-Исраэль. Никто не пытался отрицать право евреев на проживание в каком бы то ни было из этих мест - кроме тех людей, которые вообще отрицали за евреями право на жительство в Эрец-Исраэль.

Если право евреев на проживание в Иудее, Самарии и Газе было признано в рамках Версальских соглашений; если впоследствии никто не оспаривал это право, когда там были созданы первые еврейские поселения, то позволительно спросить: когда именно утратили евреи свое право жить в этих районах?

В действительности евреи никогда не теряли этого права и не отказывались от него - они, всего лишь, потеряли практическую возможность осуществить его.

Временная утрата этой возможности связана с Войной за независимость (1948), в ходе которой египетская армия оккупировала сектор Газы, а иорданская - Иудею, Самарию и Восточной Иерусалим. Арабские войска повсеместно уничтожали всякие признаки еврейского присутствия на захваченных ими территориях.

В Старом городе Иерусалима иорданская армия разрушила древний Еврейский квартал Старого города, сравняла с

землей синагоги, осквернила еврейские кладбища* и изгнала из своих домов тысячи еврейских жителей. В Гуш-Эционе, мужественно отражавшем натиск механизированных батальонов Арабского легиона, иорданские солдаты не ограничились изгнанием. Уже после того, как над руинами киббуца Кфар-Эцион был вывешен белый флаг, они убили 240 человек, в том числе - многие десятки военнопленных. Все поселения района Гуш-Эцион были полностью разрушены.

В 1950 году король Абдалла формально присоединил Иудею и Самарию к Иордании. Незаконный характер этой аннексии был столь очевиден, что только два государства, Британия и Пакистан, согласились признать ее. В 1954 году, через год после того, как иорданский престол унаследовал Хусейн, в Иордании был принят закон, запрещающий евреям жить на территории этой страны. Хотя подписанное в 1949 году соглашение о прекращении огня гарантировало евреям право на посещение святынь иудаизма в Восточном Иерусалиме, иорданские власти систематически нарушали эту договоренность и препятствовали

---

* После Шестидневной войны израильтяне были шокированы, обнаружив, что многие надгробия древнейшего еврейского кладбища на Масличной горе в Иерусалиме были сняты с могил и использованы для мощения дорог и облицовки отхожих мест. Самые серьезные разрушения имели место на третьем уступе Масличной горы, где иорданцы проложили шоссейную дорогу прямо по территории кладбища. На вершине горы, прямо на еврейских могилах, была построена фешенебельная международная гостиница "Интерконтиненталь".

Вскоре после Шестидневной войны наша семья в сильном смнении пыталась выяснить, не была ли осквернена могила моего деда, к которой иорданцы не пускали нас (как и других израильтян) в течение 19 лет. К счастью, мы нашли ее нетронутой, и лишь верхняя часть надгробия была сбита со своего места и брошена рядом с могилой. Впоследствии моя бабушка была похоронена рядом с могилой деда.

Еврейское кладбище на Масличной горе было отреставрировано, когда Иерусалим был воссоединен под израильским суверенитетом. С тех пор там были похоронены многие выдающиеся лидеры еврейского народа, в том числе - Менахем Бегин.

евреям, пытавшимся посетить Стену плача и Масличную гору. Когда в 1948 году Иордания захватила Иудею и Самарию, то ей досталась почти безлюдная страна. Помимо небольших городов, таких, как Шхем, Хеврон, Рамалла и Бейт-Лехем, вдоль плохих грунтовых дорог были рассыпаны немногочисленные деревни, а в стороне от них - кочевья бедуинов. За 19 лет иорданского правления в этих районах мало что изменилось. Там не было почти никаких признаков развития; напротив, король Хусейн перенес на восточный берег Иордана немногочисленные промышленные предприятия, существовавшие в Иудее и Самарии до 1948 года.

В 1967 году Иордания вновь напала на Израиль - на этот раз она потеряла всю территорию, захваченную ею в 1948 году. Вслед за солдатами ЦАХАЛа в Старый город Иерусалима, в Хеврон, Шхем и Иерихон вернулись евреи. Теперь они снова могли реализовать свое право на проживание в этих районах. Был отстроен Еврейский квартал в Старом городе Иерусалима, еврейская община вернулась в Хеврон, в Гуш-Эционе были воссозданы еврейские поселения. Среди тех, кто пришел на склоны Гуш-Эциона после Шестидневной войны, были сыновья и дочери защитников этого района, павших в неравном сражении с Арабским легионом. За время, прошедшее после Шестидневной войны, 325.000 евреев реализовали свое право на проживание в Восточном Иерусалиме, Иудее, Самарии и Газе. Сегодня в районах Иерусалима, находившихся до 1967 года под иорданской оккупацией, проживает 180.000 евреев; в Иудее и Самарии - более 140.000; в поселениях сектора Газы - 5000.

Исторические и политические факты свидетельствуют о том, что существование еврейских поселений в Иудее, Самарии и Газе не связано с выдвиганием какого-то нового, не известного ранее требования. Они были обоснованы в силу исторического права еврейского народа на Эрец-Исраэль; права, признанного в Версале свободными

ми нациями мира. Реализация этого права была временно приостановлена в силу объективных причин, порожденных незаконной иорданской и египетской оккупацией.

Несмотря на то, что в Версале западные страны признали право еврейского народа на Эрец-Исраэль, закрепленное впоследствии в мандатных обязательствах Великобритании, по прошествии некоторого времени их лидеры присоединились к крикливому хору осуждений в адрес поселенческой политики Израиля. "Наши прежние решения ничего не значат, - говорят сегодня многие лидеры Запада. - У вас не было права селиться в этих местах, вытесняя оттуда арабское население"/66.

Эта удивительная непоследовательность могла бы быть частично оправдана в том случае, если бы евреи действительно согнали арабов с их земель. Умело используя пропагандистские средства, арабы сумели создать картину массового вытеснения палестинцев с "густонаселенного Западного берега": толпы обездоленных беженцев и покинутые хижины, место которых занимают еврейские виллы. Но ничто так далеко не отстоит от истины, как эта лживая картина. Во-первых, с 1967 года арабское население Иудеи и Самарии увеличилось на 50%; более 85.000 арабских иммигрантов прибыло в эти районы после Шестидневной войны в рамках воссоединения семей. Во-вторых, Иудею и Самарию никак нельзя назвать густонаселенной территорией; плотность населения там составляет всего 150 человек на один квадратный километр - менее 2,5% плотности населения в районе Тель-Авива/67. Плотность населения в Иудее и Самарии примерно соответствует плотности населения в периферийных сельских районах США, Британии и Франции. Большинство арабского населения Иудеи и Самарии сосредоточено в Восточном Иерусалиме и четырех городах, расположенных вдоль линии горного хребта. Эти города занимают мизерную часть земельных площадей Иудеи и Самарии; остальная же территория большей частью безлюдна.

Средний телезритель на Западе, привыкший к бесконечным репортажам из лагерей беженцев, невольно приходит к заключению, что Иудея и Самария представляет собой единое нищее и бурлящее пространство, застроенное хижинами и жестяными будками - от Тель-Авива до Иерихона. Достаточно часовой автопрогулки для того, чтобы убедиться в неправомерности этого заключения: путешественник, который едет по Транссамарийскому шоссе из пригородов Тель-Авива в сторону Иорданской долины, видит за окном пустыющие склоны. На них нет ничего и никого - ни арабов, ни евреев, ни деревьев, ни домов. Изредка взору путешественника будут открываться арабские деревни и сменяющие их еврейские поселения, но большая часть пространства пустынна и безлюдна. Беспристрастный наблюдатель сразу же обнаружит, что в Иудее и Самарии можно возвести целые города, не похитив ни единого метра земли у ее нынешних владельцев.

Это не только географическая ситуация, но и юридический факт. В 1967 году правительство Израиля получило права владения на общественные земли, находившиеся ранее под контролем иорданского правительства (около 50% территории Иудеи и Самарии)/68. Эти земли не были заселены, никто из арабов не мог предъявить права собственности на них. Израильские суды признают иорданское земельное законодательство в качестве главной юридической основы при определении земельной собственности в Иудее и Самарии - за исключением тех параграфов, которые запрещают евреям владеть землей. В некоторых редких случаях арабские иски против Государства Израиль получали поддержку израильских судов, и тогда государство уступало законным владельцам. Это обстоятельство лишь подтверждает общее правило: участки, использованные для создания еврейских поселений, никому не принадлежали - это были пустыющие "государственные земли".

И именно этой земле, такой же бесплодной и безжизненной, какой она и была, когда более столетия назад ее посетили Марк Твен и Артур Стенли, Израиль дает теперь полноценную жизнь.

В новом городе Ариэль, столице еврейской Самарии, проживает сегодня 13.000 человек. Там имеется современный торговый центр, фешенебельная гостиница, колледж и даже оркестр. Город запланирован на 100.000 жителей, и путнику, проезжающему на машине, легко убедиться в том, что к этому нет никаких препятствий: Ариэль построен на пустовавшей возвышенности, и вокруг него возвышаются в изобилии такие же пустующие холмы. То же самое можно сказать и о таких крупных еврейских поселениях, как Маале-Адумим, Иммануэль, Элькана, Оранит, Гиват-Зеэв, Эфрат, Бейтар, - и о многих других.

Неудивительно, что когда евреи восстановили свое право на проживание в Восточном Иерусалиме, Иудее и Самарии, арабские лидеры и, прежде всего, ООП разразились крикливыми протестами. Ничего не предпринимавшие для заселения и развития этих территорий в период 19-летнего иорданского правления, они заголосили теперь о "преступной поселенческой политике" Израиля.

В этой кампании привычная подмена причины следствием достигла небывалых высот цинизма. Запад, осуждавший дискриминацию черных в Южной Африке, присоединился к арабской политике апартеида, направленной против евреев.

Арабские страны (за исключением Марокко) предпочитают, чтобы на их территории не жили евреи (и христиане); некоторые арабские страны следят за этим с исключительной тщательностью. Наибольшей одержимостью в этом отношении отличаются как раз те монархические государства, которые считаются на Западе умеренными. Саудовская Аравия не пускает на свою территорию иностранцев, в паспортах которых проставлена израильская въездная виза. В Иордании до недавнего времени смерт-

ная казнь грозила тем, кто продает землю евреям (можно надеяться, что этот драконовский закон будет отменен в связи с подписанием мирного договора с Израилем). Но США и другие страны Запада никогда не выступали с осуждением этих антисемитских законов, никогда не требовали от Саудовской Аравии и Иордании изменить свое законодательство. При этом на Западе постоянно требуют реализовать принципы апартеида в Иудее и Самарии путем запрета на еврейское присутствие в этих районах. Более того, страны Запада требуют от израильского правительства выселить евреев из Иудеи и Самарии! При этом, речь идет о цивилизованных, демократических государствах, в которых с возмущением восприняли бы попытку запретить евреям проживание в той или иной области в их странах.

Абсурдность этого подхода явственно звучит в той международной шумихе, которая сопровождает каждую попытку того или иного еврея купить или арендовать дом в Силуане, иерусалимском квартале, расположенном неподалеку от центра города. До 1948 года в Силуане были еврейские жители, но после иорданской оккупации они были изгнаны оттуда. Теперь, когда евреи пытаются вернуться в Силуан, они вызывают яростное возмущение международного сообщества. Не задумываясь над смыслом своих слов, западные политики утверждают, что евреям нельзя жить в Силуане, даже если на их стороне индивидуальные права собственности. Силуан - это библейский Шилоах; источник и бассейн, расположенные у его подножья, обеспечивали водой Иерусалим во времена Первого Храма. Вокруг этого древнего водоема, сохранившегося в целостности до наших дней, царь Давид построил свою столицу. Застроенные склоны Шилоаха - это и есть библейский Град Давидов, и именно здесь, на расстоянии 200 метров от Стены плача, пытаются запретить еврейское проживание.

Аналогичные протесты вызывает в последнее время

еврейское присутствие в Хевроне. Арабов и их союзников на Западе не смущает тот факт, что Хеврон - это древнейший еврейский населенный пункт в Эрец-Исраэль. В этом месте жил праотец Авраам, здесь он приобрел участок для погребения членов своей семьи. В Хевроне похоронены все праотцы и праматери еврейского народа, за исключением Рахели, могила которой находится в Бейт-Лехеме. Первая столица царя Давида находилась в Хевроне, где он правил 7 лет - до перенесения столицы в Иерусалим. После разрушения Второго Храма в Хевроне сохранялось почти непрерывное еврейское присутствие, и лишь в 1929 году евреи были изгнаны из этого города в результате кровавой резни, устроенной арабскими погромщиками.

После Шестидневной войны еврейское присутствие было восстановлено в Хевроне и его окрестностях - в Кирьят-Арбе и в поселениях района Гуш-Эцион. Можно ли вообразить больший абсурд, чем арабские попытки представить еврейских жителей Хеврона в качестве "незаконных поселенцев"? И еще более поразительно, что к этой позиции присоединяются некоторые евреи, в том числе - представители правительственных кругов. Левый израильский кабинет неоднократно задумывался над возможностью изгнания евреев из города, названного Бен-Гурионом "старшим братом Иерусалима". Когда Хеврон был занят израильскими войсками в 1967 году, Бен-Гурион призывал евреев немедленно заселить его. Иногда противники поселенческой деятельности в Иудее, Самарии и Газе требуют не демонтировать все 140 существующих там еврейских поселений, но "заморозить" дальнейшее строительство в них (при этом никому не приходит в голову поднять вопрос о "замораживании" арабского строительства). Этот термин стал особенно популярен после того, как в 1992 году к власти в Израиле пришло правительство Партии Труда, предпринявшее энергичные меры для ограничения поселенческой деятельности на контролируемых территориях.

Однако "замораживание" строительства в еврейских

поселениях препятствует их естественному развитию и укреплению, по сути дела - это попытка обречь поселения на медленную смерть. "Замораживание" связано с лишением поселенцев элементарных и обязательных услуг государства; оно препятствует строительству больниц, поликлиник, школ, магазинов, библиотек и иных социальных объектов. Практическим результатом этой политики станет ситуация, при которой подрастающие дети не смогут поселиться рядом со своими родителями, а молодые поселения, ведущие тяжелую борьбу за экономическое выживание, лишатся перспектив развития и расширения. Кто захочет жить в "замороженных", не имеющих будущего населенных пунктах? Следует признать, что слово "замораживание" является эвфемизмом, прикрывающим истинную суть политики, направленной на ликвидацию еврейских поселений.

* * *

Но политика "замораживания" нанесет ущерб не только поселениям Иудеи и Самарии. Большинство поселенцев проживает в районах, которые уместнее всего назвать пригородами: это ближайшая периферия крупных, перенаселенных израильских городов. Без таких пригородов, состоящих из жилых поселков и индустриальных зон, невозможно естественное развитие крупного города.

Возникновение и расширение еврейских поселений в Иудее и Самарии является, таким образом, следствием не только политических, но и урбанистических факторов.

Подобно жителям Нью-Джерси, Лонг-Айленда и иных пригородов Нью-Йорка, поселенцы ежедневно проводят по 20-30 минут в машине, добираясь к торговым кварталам Иерусалима и Тель-Авива, а затем они тратят столько же времени на обратную дорогу в свои поселения. Без естественных пригородов любой крупный город начинает зады-

хаться: там воцаряется теснота, качество жизни падает, а цены на недвижимость непомерно растут. Тель-Авив находится в считанных километрах от бывшей границы, Иерусалим окружен с трех сторон территорией Иудеи и Самарии (при этом Восточный Иерусалим считается арабами и их союзниками из числа израильских левых частью "Западного берега"). Для того, чтобы представить себе печальную участь, которая ожидает эти города в том случае, если будет прекращено пригородное развитие вокруг них, следует вообразить, что случилось бы с Нью-Йорком, если бы его жителям запретили "поселенческую деятельность" в Нью-Джерси, Коннектикуте и Лонг-Айленде. Ясно, что при таких обстоятельствах Нью-Йорк очень скоро пришел бы в упадок.

Кампания по делегитимации еврейского присутствия в Иудее, Самарии и Восточном Иерусалиме исходит из предположения, что эти районы - чужие для евреев, что евреи вторглись туда, заняв место прежних владельцев. Однако такая постановка вопроса противоречит исторической истине. Мало того, что эти районы вовсе не были густо заселены арабами, - в таких местах, как Иерусалим и Хеврон, евреи жили в течение тысячелетий. До Войны за независимость евреи жили также во многих поселениях Иудеи и Южной Самарии. В начале 30-х годов Калья была еврейским курортом на Мертвом море, а сады Иерихона - излюбленным местом отдыха многих иерусалимцев. В 1948 году еврейские поселения, оказавшиеся на оккупированной арабами территории, были разрушены, однако узы, связывающие евреев с этими местами, не были расторгнуты. В период с 1948-го по 1967 год еврейские школьники прекрасно знали географию Иудеи и Самарии, поскольку без упоминания об этих районах не обходится ни один урок Писания или древней истории Израиля. В рамках школьной дисциплины "Родной край" израильские дети изучали географию Эрец-Исраэль - в том числе и тех ее районов, которые находились до 1967 года под иорданской

и египетской оккупацией. И, конечно, всякий еврей хранил память о Стене плача, оставшейся в захваченном иорданцами Восточном Иерусалиме.

Странное, тягостное ощущение близости и недоступности тех мест, которые были колыбелью еврейской истории, нашло отражение в песне Наоми Шемер "Золотой Иерусалим", снискавшей широкую популярность в Израиле за несколько недель до Шестидневной войны:

И в дрёме дерева и камня,
В плену мечты своей,
Тоскует город одиноко,
А в сердце города - стена.

Колодцы древние иссохли,
Пустует площадь и базар,
И нет паломников на тропах,
Ведущих к Храмовой горе.

Лишь ветры жалобные стонут
В пещерах на скале,
Иерихонскую дорогой
В низину путник не идет/69.

Когда рухнула стена, делившая Иерусалим на две части до Шестидневной войны, многие тысячи израильтян устремились в Старый город, к Стене плача, у которой незадолго до этого стояли парашютисты ЦАХАЛа, утомленные сражением и не имеющие сил сдержать нахлынувшие слезы счастья. Разодранное сердце еврейского народа вновь скрепилось воедино. В последующие дни и недели израильтяне буквально заполонили Бейт-Лехем, Хеврон, Шхем, Иерихон, Бейт-Эль и иные места, где сформировался некогда духовный облик еврейского народа. Радостное воодушевление испытывали тогда все израильтяне, хотя каждый переживал его по-своему. Мой брат Йони, оставав-

шийся на службе в ЦАХАЛе, проводил все свои увольнительные, знакомясь с историческими местами освобожденной родины. Он писал:

"Кажется, что вокруг нас - колыбель мировой цивилизации. Здесь все датируется тысячелетиями. Несколько недель назад я посетил библейский Гивон и видел там знаменитый древний источник. Это именно тот источник, который упоминается во второй книге Шмуэля в связи с Авнером бен-Нером и Йоавом бен-Цруя, военачальниками Шауля и Давида, которые "встретились у водоема в Гивоне" и велели "молодым подняться и играть (то есть, сражаться) пред собою". И такова вся страна"/70.

Мне памятливы мои собственные впечатления, большая часть которых относится к тому времени, когда я проходил службу в разведывательном подразделении ЦАХАЛа. Мы исходили вдоль и поперек холмы Иудеи и Самарии - в изматывающих марш-бросках и переходах, целью которых была отработка навыков ориентирования на местности. Я помню, как однажды ночью мы остановились у подножия горы Шило, на которой в эпоху Судей находилась Скиния Завета. В другой раз мы невольно замерли, когда нашему взору открылось ущелье Бейт-Хорон, где Маккавеи, сражавшиеся за еврейскую независимость, разгромили армию греков. Столь же памятливы воспоминания остались у меня от привала возле крепости Бейтар, где был последний оплот повстанцев Бар-Кохбы. Девятнадцатилетние парни, мы стояли там, жадно вдыхая воздух ночи и передавая друг другу фляги. Никаких слов мы не произносили, ибо то, что мы испытывали тогда, не нуждалось в словах: вот, мы вернулись сюда - от имени всех поколений еврейского народа, хранивших дерзновенную мечту о возвращении даже тогда, когда не было вокруг ничего, кроме гнета и унижения. Моше Даян выразил эти чувства через несколько недель после окончания Шестидневной вой-

ны, когда на Масличной горе были перезахоронены останки еврейских бойцов, павших в сражении за Иерусалим в 1948 году:

"Братья, павшие в Войну за независимость! Мы не оставили вашу мечту и не забыли урок, которому вы нас научили. Мы вернулись на эту Гору, колыбель еврейской истории, к наследию отцов, в землю Судей и Царства Давидова. Мы вернулись в Хеврон и в Шхем, в Бейт-Лехем и в Анатот, в Иерихон и к бродам Иордана"/71.

Для обычно бесстрастного Моше Даяна то было исключительно бурное излияние чувств. Сформировавшаяся в Израиле культура поведения весьма сдержана во внешнем проявлении даже самых сильных эмоций, поэтому нескрываемый восторг Даяна тем более примечателен. В последующие годы большинство израильтян избегали открытого выражения тех глубоких чувств, которые овладели ими в связи с воссоединением Эрец-Исраэль. Своего вдохновенного энтузиазма не скрывали лишь сторонники поселенческого движения "Гуш-Эмуним" из среды национально-религиозного лагеря. Поселенцы "Гуш-Эмуним" возглавили усилия по восстановлению еврейского присутствия в Иудее и Самарии. С ними были полностью солидарны многие израильтяне, в том числе и те, кто не был готов переселиться на освобожденные территории. Тем не менее, в мире распространилось превратное представление, согласно которому требование о присоединении территорий к Израилю исходит со стороны "маргинальных экстремистских кругов" израильского общества. Это представление усилилось, когда в Израиле появилось крикливое левое движение, представители которого непрерывно говорили о необходимости покинуть "оккупированные территории".

После 1967 года израильские правительства не слишком беспокоились о выражении той глубокой эмоциональной привязанности к Эрец-Исраэль, которую испытывали столь

многие израильтяне, в том числе - представители левых кругов. Лишь прагматические доводы, связанные с проблемой обеспечения национальной безопасности, использовались для обоснования израильской позиции в пользу дальнейшего контроля над Иудеей, Самарией и Газой. В то же время арабы неустанно требовали возвращения этих территорий, опираясь на лживые исторические доводы; лишь немногие политики и журналисты на Западе были способны их квалифицированно опровергнуть. Таким образом в мире широко распространилось представление, согласно которому евреи силой захватили арабские земли, не имея на то никаких нравственных оснований.

Очень скоро был забыт тот факт, что в 1948 году арабские армии вторглись на территорию, предназначенную для создания еврейского государства, и изгнали еврейских жителей из всех районов, оказавшихся под их контролем. Было забыто и то, что в 1967 году арабы использовали захваченные ими территории в качестве плацдарма агрессии против Государства Израиль. И уж совсем немногие сохранили память о том, что вся еврейская история последнего столетия была сосредоточена вокруг идеи возвращения на историческую родину в Эрец-Исраэль.

Куда, собственно говоря, желали вернуться евреи? Разумеется, не в изысканные кафе Тель-Авива и не в роскошные виллы Савиона - в силу того уже обстоятельства, что этих кафе и вилл, как и самого Тель-Авива, попросту не существовало в библейскую эпоху и в период Второго Храма. Эти места не занимали никакого места в национальной памяти еврейского народа. Когда евреи мечтали о возвращении в Эрец-Исраэль, они представляли себе те места, о которых говорил Моше Даян в своем выступлении на Масличной горе. Иерусалим, Хеврон, Шхем, Бейт-Эль, Анатот и многие другие города Иудеи и Самарии.

Но бесконечная череда палестинских ораторов, сменявших друг друга перед микрофонами и телекамерами,

оставила заметный след в коллективном сознании Запада. Исторические факты были забыты, и израильтяне предстали в роли агрессоров, захвативших чужую землю. Всем стало ясно, что Израиль должен вернуть захваченное, а если он этого не сделает, то ему придется пенять на себя, когда над ним нависнет угроза новой войны.

Евреи не впервые возвращаются на землю родины, с которой они были исторгнуты иноземными захватчиками. Более 2100 лет назад Маккавеи одержали победу в национально-освободительной войне, продолжавшейся около трех десятилетий. Сегодня весьма поучительно познакомиться с перепиской между селевкидским царем Антиохом Седьмым и Шимоном Маккавеем, последним из пяти сыновей Матитьягу, павших в борьбе за свободу. Подобно нынешним арабским лидерам, утверждающим, что Палестина является частью единого арабского пространства, Антиох полагал, что Эрец-Исраэль является неотъемлемой частью его эллинистической империи в Передней Азии. Так он писал, обращаясь к Шимону Маккавею: "Вы правите в Яффо и в Гезере, и в крепости Иерусалима - в городах моего царства. Их пределы вы разорили, нанеся великий ущерб стране, и захватили вы многие места моего царства. Теперь же верните захваченные города... Иначе мы придем и отвоюем их у вас".

Ответ Шимона вполне мог быть написан и сегодня: "Мы не взяли чужой страны и не над чужим воцарились, но взяли мы себе наследие отцов наших, которое однажды было несправедливо отнято у нас врагами. Ныне, после нашей победы, мы вернули себе наследие отцов"/72.

Эта земля, где каждый удар заступа извлекает на свет свидетельства еврейского прошлого, и где каждая деревня носит слегка измененное древнее еврейское название; эта земля, на которой евреи стали нацией и на которой они пролили реки слез и крови; эта земля, потеря которой повлекла за собой изгнание евреев и бесконечные бедствия, не познанные ни одним другим народом; эта земля, которая

никогда не переставала жить в мечтах и сознании евреев - в средневековом Толедо и в созданном нацистами Варшавском гетто; эта земля, за которую евреи сражались с невероятным мужеством и упорством как в древности, так и в новейшую эпоху, - эта земля объявлена "оккупированной территорией", и политические лидеры мира пытаются воспрепятствовать евреям, желающим жить на ней. Эту землю пытаются отобрать у Израиля, понуждая его к односторонним уступкам.

Арабские попытки исторгнуть евреев из Иудеи и Самарии - так же, как арабская кампания 30-х годов, которая была направлена против еврейского присутствия на всей территории Эрец-Исраэль, - сегодня, как и прежде, основаны на вопиющей несправедливости. Даже если арабам удастся заручиться международной поддержкой, их требования остаются безнравственными и противоправными. Государство Израиль, которое оказалось прижатым к побережью в результате нарушения международных обязательств и арабской агрессии 1948 года, которое было свидетелем изгнания евреев из древних городов возрожденного отечества, которое в 1967 году вновь подверглось арабской угрозе с господствующих высот Иудеи и Самарии, стоит теперь перед лицом единодушного требования, смысл которого - превращение Израиля в тесное гетто, вытянутое вдоль узкой прибрежной полосы. Там, в виду господствующих арабских позиций, еврейское государство будет вновь подвержено шантажу и угрозам.

В начале XX столетия лорд Сесиль следующим образом выразил международный консенсус по вопросу о будущем разделе Ближнего Востока: "Аравия - арабам, Иудея - иудеям". На пороге XXI века международное сообщество выступает с иным требованием: "Аравия - арабам, и Иудея - тоже". Причины и следствия ближневосточного конфликта окончательно поменялись местами.

Глава пятая

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ПО ИМЕНИ ООП

Ложный редукционизм является главным средством развернутой арабами кампании против Израиля - сложный процесс искусственно упрощается, сводится к какой-либо одной, часто второстепенной проблеме. Сначала все проблемы Ближнего Востока были сведены к арабо - израильскому конфликту. Затем дело было представлено таким образом, словно в конфликте замесаны только Израиль и палестинцы. Со временем место палестинцев вообще заняла конкретная организация - ООП, и стороны полностью поменялись ролями: Израиль превратился в жестокого гиганта, которому противостоит сплоченная горстка самоотверженных революционеров, в меру симпатичных и, несомненно, романтических героев. Почти что Джордж Вашингтон со товарищи, как любит представляться Арафат, выступая перед американской аудиторией.

Очень скоро ООП узурпировала статус "единственного законного представителя арабского народа Палестины". Неважно, что никто не избирал руководство ООП на эту почетную роль. Неважно и то, что "безоговорочная поддержка", которой пользуется эта организация в палестинском обществе, основана на физическом уничтожении инакомыслящих. Арабский мир единодушно решил, что при всяком обсуждении проблем, связанных с Израилем, сле-

дует вытаскивать на арену политической пропаганды представителей ООП. Таким образом достигался необходимый результат: общественное мнение Запада сосредоточивалось на "преступлениях сионистов против палестинского народа". Внимание западного обывателя не отвлекается на такие мелочи, как лихорадочная гонка вооружений в арабских странах. Эффективность этой стратегии столь очевидна, что даже самые яростные противники ООП в арабском мире поддержали претензию этой организации на роль "единственного законного" представителя "единственной" (или, по меньшей мере, главной) обиженной стороны в арабо-израильском конфликте.

Откуда взялась эта организация и каковы ее цели? Был ли кровавый террор ООП результатом преходящих политических разочарований, или же он имеет более глубокие корни? Является ли лозунг "вооруженной борьбы" против Израиля реакцией на "оккупацию сионистами палестинских земель" в 1967 году, как утверждают сегодня - представители ООП, или же он был выдвинут еще тогда, когда Иудея, Самария и Газа находились под арабским контролем?

Организация освобождения Палестины была основана в Каире в 1964 году, за три года до Шестидневной войны. Египетский лидер Насер создал ООП с двоякой целью: для использования этой группировки в борьбе против Израиля и в качестве инструмента по дестабилизации хашимитского режима в Иордании. Поскольку два этих государства - Израиль и Иордания - контролировали почти всю территорию подмандатной Палестины (за исключением оккупированного Египтом сектора Газы), само название Организации освобождения Палестины свидетельствовало о том, что ее деятельность будет направлена против Израиля и Иордании.

Необходимо особо подчеркнуть, что в 1964 году Иудея, Самария и Газа еще не находились под израильским контролем, поэтому объявленная цель ООП - "освобождение оккупированной сионистами Палестины" - могла

иметь тогда только один смысл: захват суверенной израильской территории, и в первую очередь - прибрежной равнины, на которой сосредоточено три четверти населения Израиля. Большинство лидеров ООП происходит из израильских приморских городов, таких, как Акко, Хайфа и Яффо. Именно в эти места они намереваются в будущем вернуться победным маршем.

На своей учредительной конференции Палестинский Национальный Совет, имеющий статус "законодательного органа" ООП, утвердил конституционный документ ООП, известный под названием "Палестинская хартия"*. В этом печально известном документе определены принципиальные цели Организации освобождения Палестины (полный текст "Палестинской хартии" приводится в приложении 9):

Статья 15: Освобождение Палестины является, с арабской точки зрения, национальным долгом, цель которого - отразить сионистское империалистическое вторжение на территорию Великой арабской родины и очистить Палестину от сионистского присутствия...

Статья 19: Раздел Палестины, осуществленный в 1947 году, и создание Израиля являются изначально незаконными и бессмысленными, поскольку эти акты противоречат воле арабского палестинского народа и его естественному праву на родину...

Статья 20: Декларация Бальфура и мандатные обязательства Великобритании следует рассматривать как не имеющие законной силы. Утверждения о наличии исторической и духовной связи евреев с Палестиной не соответствуют ни исторической действительности, ни государственным устоям в их подлинном смысле...

---

* "Палестинская хартия" была утверждена на конференции ПНС в 1964 году. Незначительные изменения были внесены в ее текст в 1968 году. Все цитаты приводятся здесь по версии 1968 года.

Статья 21: Арабский народ Палестины, выражающий свою волю в вооруженной палестинской революции, отвергает любое решение проблемы, могущее быть предложенным взамен полного освобождения Палестины...

"Палестинская хартия" неоднократно переутверждалась после 1964 года. Содержание и характер этого документа ясно свидетельствуют о том, что претензии ООП к Израилю являются не территориальными, а экзистенциальными - они касаются самого существования еврейского государства на какой бы то ни было территории. Центральный тезис "Палестинской хартии" состоит в том, что Государство Израиль является незаконным преступным образованием. Создание еврейского государства объявляется "изначально незаконным и бессмысленным" - независимо от того, где проходят его границы. Уникальная привязанность еврейского народа к Эрец-Исраэль, не ослабевшая за три с половиной тысячелетия, с библейских времен до Декларации независимости Израиля, перечеркивается одним росчерком пера: "Утверждения о наличии исторической и духовной связи евреев с Палестиной не соответствуют исторической действительности". Основной задачей ООП объявляется уничтожение Израиля: "Освобождение Палестины является... национальным долгом, цель которого - отразить сионистское империалистическое вторжение на территорию Великой арабской родины и очистить Палестину от сионистского присутствия...".

"Полицид", то есть политика, направленная на уничтожение целого государства, является столь редким явлением, что многим трудно поверить в то, что именно это стремление является движущим фактором организованной политической деятельности. Нации воюют между собой из-за разногласий по поводу границ, контроля над природными ресурсами и колониями. Иногда конфликты возникают в связи с различными формами государственного правления. Однако в современной истории почти невозможно

найти пример борьбы, целью которой является тотальное уничтожение соперничающей нации. Даже Вторая мировая война, самая страшная из всех войн человечества, не привела к такому результату: разгром Германии и Японии не рассматривался в качестве предлога для уничтожения этих государств. Но именно такую цель - уничтожение целой страны и ее народа - начертала Организация освобождения Палестины на своих знаменах.

Чтобы понять политическое движение, ставящее перед собой столь одиозную задачу, необходимо изучить тот исторический фон, на котором происходило его появление и формирование. Война арабов против евреев началась на заре XX века. ООП относит период становления палестинского национального самосознания и начало организованного противодействия еврейской поселенческой деятельности в Эрец-Исраэль к 20-м и 30-м годам нашего столетия. И действительно, именно тогда арабские банды приступили к осуществлению кровавого антиеврейского террора. Экстремисты уничтожали умеренных представителей арабского общества в Эрец-Исраэль и отвергали все попытки достижения компромисса, исходившие со стороны евреев. В ходе этой кампании были убиты сотни евреев, однако ни один из доводов, используемых сегодня для оправдания арабской ненависти к Израилю, не звучал тогда в устах представителей палестинского движения: не было тогда ни "проблемы беженцев", ни "оккупированных территорий", ни конфликтов по поводу конкретных контуров границы. Даже "право на самоопределение" не упоминалось тогда в списке арабских требований; более того - в 1947 году арабы отвергли предложение ООН, предусматривавшее создание палестинского государства на значительной части территории Эрец-Исраэль. Представляется очевидным, что исходная арабская позиция была продиктована категорическим неприятием еврейского политического присутствия на Ближнем Востоке. Одержимые ненавистью к евреям, арабские банды уничтожали всякого, кто осмеливался

встать на их пути. Излюбленной мишенью бандитов были арабы, которые отказывались признать "исключительное право" экстремистов на представительство "общееарабского дела". С наибольшей ненавистью арабские радикалы относились к тем, кто верил в возможность компромисса и мирного сосуществования двух национальных общин в Эрец-Исраэль. Само упоминание о мирном сосуществовании расценивалось фанатиками как предательство.

* * *

Пожалуй, самым заметным лидером палестинского движения до создания ООП был Хадж-Амин эль-Хусейни, верховный муфтий Иерусалима. Мы уже отмечали, что Хусейни был главным инициатором антиеврейских выступлений в Эрец-Исраэль в первой половине XX столетия; именно он был организатором кровавых погромов в Иерусалиме, Цфате и Хевроне. Личность Хусейни занимает центральное место в пантеоне ООП. Невозможно назвать имя другого деятеля, оказавшего столь значительное влияние на идеологов Организации освобождения Палестины.

Статус полумифологических героев ООП обрели со временем такие приспешники муфтия, как Эмиль Гури и Абдель-Кадер эль-Хусейни. В начале 50-х годов живший в Каире Ясер Арафат использовал свое родство с муфтием (он принадлежит к ветви эль-Кидва - семейного клана эль-Хусейни) для укрепления своего влияния в радикальных палестинских кругах. Арафат взял себе имя Ясер - в память о Ясере эль-Бирахе, главаре террористических отрядов муфтия в 30-е годы (настоящее имя Арафата - Абдель-Рахман). Самого муфтия Арафат неоднократно объявлял своим вождем и наставником. Так например, в 1985 году, на церемонии, посвященной 30-летию Бандунгской конференции "революционных и неприсоединившихся стран", лидер ООП с великим почтением превозносил верховного муфтия Иерусалима. "Я бесконечно горд следовать по стопам муф-

тия, - заявил Арафат. - Организация освобождения Палестины последовательно идет по пути, проложенному Хадж-Амином эль-Хусейни"/1.

Что это за путь? И что в действительности представлял собой муфтий? Мы можем существенно обогатить свое понимание целей и методов ООП, задумавшись над явлениями того периода, когда происходило становление арабского национализма в Эрец-Исраэль. Именно тогда, в 20-е и 30-е годы, определились тенденции последующего развития ООП и личные судьбы руководителей этой организации, многие из которых выросли под сенью муфтия. Кроме того, мы увидим, что в период между двумя мировыми войнами определилось отношение арабских националистов к евреям Эрец-Исраэль.

Хадж-Амин эль-Хусейни был назначен верховным муфтием Иерусалима в 1921 году. Британские власти возвели его на этот пост менее, чем через год после того, как он был признан главным виновником погрома в Старом городе Иерусалима. Подстрекательская деятельность муфтия привела к созданию банд, бесчинствовавших во время антиеврейских волнений в 1921 и 1929 годах. Следует, однако, отметить, что главными жертвами муфтия были не евреи, а арабы. Опираясь на финансовую помощь, полученную от нацистов и итальянских фашистов/2, муфтий при содействии своего главного помощника Эмиля Гури организовал кампанию по ликвидации умеренных арабских лидеров, землевладельцев, продававших свои наделы евреям, и всех тех, кого он объявлял предателями. Сотни людей подверглись ужасным пыткам и были убиты по прямому указанию верховного муфтия. Вот свидетельство одного из исследователей этой эпохи:

"Несчастных не всегда убивали сразу; иногда их захватывали и переправляли в горные районы, находившиеся под контролем мятежников. Здесь их бросали в ямы, кишасщие змеями и скорпионами. Проведя несколько

дней в такой яме, те, кто еще оставались в живых, представляли перед судом мятежников. Их допрашивали и, как правило, приговаривали к смерти или, в знак особой милости, жестоко избивали. Террор был столь силен, что никто, включая улемов (ученых мужей) и священнослужителей, не осмеливался должным образом похоронить умерших. Иногда это приходилось делать британской полиции, в других случаях трупы оставались на улицах по нескольку дней, причем в рот жертвы засовывался ботинок - в знак позора и в поучение остальным"/3.

Целые кланы арабов, выступавших против политики муфтия, как, например, влиятельное иерусалимское семейство Нашашаби, уничтожались либо отправлялись в изгнание. Количество убитых палестинцев исчислялось тысячами, а 40.000 арабов были изгнаны из страны/4.

К концу 30-х годов систематический террор экстремистов заставил замолчать представителей умеренных арабских кругов в Эрец-Исраэль. Когда в 1939 году по инициативе Великобритании ближневосточные лидеры собрались за круглым столом, чтобы определить будущее Палестины, старейшины клана Хусейни уже могли заявить, что они являются "единственными представителями палестинских арабов"/5.

Однако муфтию этого было недостаточно. Он старался найти для своих замыслов более мощный локомотив, который мог бы обеспечить создание панарабской империи под его руководством - при условии окончательного уничтожения "еврейской помехи". В 30-е годы, когда в Европе набирал силу нацизм, муфтий решил, что он наконец-то нашел необходимого союзника.

Впервые муфтий обратился к немецкому консулу в Иерусалиме в 1933 году, сразу после прихода Гитлера к власти. Вскоре после этого Хадж-Амин эль-Хусейни стал проводить параллели между пангерманским и панарабским национализмом. Эта аналогия нашла быстрый отклик у

многих арабов. Германский мир, так же, как и арабский, был в течение длительного времени раздроблен на множество соперничающих княжеств и общин, некоторые из которых находились под иноземным владычеством. "Немецкая душа" была так же истощена вековым кризисом самоидентификации, нашедшим выражение в вопросе "Was ist Deutsch?" ("Что значит быть немцем?"). Глубокое негодование и обида немцев на западные державы за "расчленение" их империи в Версале, задевали родственные струны в душах арабов.

Кризис германской самоидентификации разрешился в итоге в форме эмфатического отрицательного определения: немецкое означает НЕ-еврейское, НЕ-большевистское, НЕ-испорченное либеральным Западом.

Эту формулу нашли удачной и многие арабы, что с очевидностью подтверждается формированием в 30-е годы арабского национал-социалистического движения, состоявшего из множества партий и молодежных организаций. В арабском мире широко распространяется нацистская антисемитская литература, а Гитлер становится подлинным героем арабской улицы. Так например, аннексия Австрии и Судетской области была восторженно встречена арабами, увидевшими в агрессивной политике нацистов демонстрацию мощи угнетенных. Будущий король Саудовской Аравии Халед в ночь капитуляции Чехословакии обедал с Гитлером и произнес тост в честь "достославной победы немецкого оружия"/6. Среди арабских деятелей, выражавших открытое сочувствие Гитлеру, были и Гамаль Абдель Насер, и основатели Партии арабского социалистического возрождения (БААС), и некоторые основоположники исламского фундаментализма. Хасан эль-Банна, основатель фундаменталистского движения "Братья-мусульмане", следующим образом высказывался о преимуществах фашизма и нацизма:

"В мире долго правили демократические системы, и люди повсюду прославляли завоевания демократии. ... Но

скоро они поняли, что их коллективная свобода не защищена от хаоса, вызываемого демократией, что их индивидуальная свобода не гарантирована от анархии. ... Поэтому на передний план выдвинулись германский нацизм и итальянский фашизм; Муссолини и Гитлер привели свои народы к единству, порядку, возрождению, могуществу и славе. В рекордно короткое время они водворили порядок в своих странах и заставили трепетать перед собой другие государства. Их режимы дают настоящую надежду и укрепляют идеи твердости, упорства и воссоединения в глазах разделенных людей"/7.

Один из первых баасистских лидеров с предельной откровенностью писал о настроениях, царивших тогда в арабском мире:

"Мы были расистами, восхищались нацизмом, читали нацистские книги... Мы первыми задумались над переводом "Mein Kampf". Любой, кто жил в это время в Дамаске, мог ощутить благорасположенность арабов к нацизму, ибо нацизм был силой, которая служила им примером"/8.

В Эрец-Исраэль клан муфтия основал Палестинскую арабскую партию, лидер которой Джамаль Хусейни заявлял, что она построена по нацистской модели/9. Члены молодежного отделения этой партии в течение некоторого времени именовались "нацистскими скаутами"/10. Начало Второй мировой войны застало муфтия в Ираке, где он устанавливал контакты с державами оси и просил их поддержки для организации пронацистских восстаний в Ираке и Сирии. В этом ему оказывали помощь Саладдин эль-Битар и Мишель Афляк, основатели партии БААС/11.

В 1941 году панарабисты, выступавшие в союзе с муфтием, свергли хашимитскую династию, возведенную англичанами на иракский престол. Новое пронацистское правительство объявило войну союзникам по антигитлеров-

ской коалиции. В конце концов, Британия сумела вернуть на престол своего ставленника, но до возвращения британских войск в Багдаде были убиты 600 евреев/12.

Из Багдада муфтий направил свои стопы в Рим и Берлин, где предложил услуги арабского народа в войне - в обмен на "принципиальное признание единства, независимости и суверенитета арабской фашистской нации на территории Ирака, Сирии, Палестины и Трансиордании"/13. В октябре 1941 года в Берлине было опубликовано официальное коммюнике нацистского правительства, в котором содержалось обещание оказать арабам помощь в "уничтожении еврейского национального очага в Палестине"/14. Муфтий вылетел в Берлин, где 28 ноября 1941 года он впервые лично встретился с Гитлером. Хадж-Амин эль-Хусейни выразил готовность оказать любое содействие Германии, в том числе - сформировать арабский легион для участия в войне на стороне нацистов. Гитлер сказал муфтию, что у них имеется общая цель - уничтожение палестинского еврейства/15.

После встречи с Гитлером муфтий стал активно сотрудничать с нацистами. Он постоянно выступал по нацистскому радио, призывая мусульман к восстанию против государств, входивших в антигитлеровскую коалицию. Ему удалось организовать ряд диверсий и актов саботажа в арабских странах, а также завербовать там шпионов для работы на германскую разведку. Вот, например, одно из радиовыступлений Хадж-Амина эль-Хусейни, переданных в эфир в 1942 году; оно свидетельствует о том, насколько интересы гитлеровской Германии совпадали тогда с устремлениями арабов:

"Если, не приведи Бог, Англия победит в войне, то евреи будут властвовать над миром. Англия и ее союзники лишат арабов свободы и независимости; они поразят арабское отечество в самое сердце и растерзают его на части, чтобы создать еврейское государство, амбиции ко-

того не ограничатся Палестиной, но распространятся и на другие арабские страны... Если же Англия проиграет войну, и ее союзники будут разгромлены, то еврейский вопрос, который представляет для нас величайшую опасность, будет решен окончательно"/16.

Муфтий вербовал мусульман Советского Союза и Балкан в арабские подразделения германской армии, которые организовывал в Берлине другой палестинец - Фаузи Каукджи. В ходе своей поездки по Югославии муфтий завербовал 6000 мусульманских рекрутов в горнострелковое подразделение "Ваффен-СС", которое затем принимало участие в уничтожении балканских евреев. "Убивайте евреев везде, где только встретите, - говорил муфтий мусульманам. - Этого хочет Бог, этого хочет история, этого хочет наша религия"/17.

Обосновавшись в 1942-44 гг. в Берлине, муфтий старался помешать бегству евреев из Венгрии, Румынии, Болгарии и Хорватии. Эти страны, находившиеся в союзе с нацистами, были готовы выпустить евреев со своей территории - в Палестину или в любое иное место. Хадж-Амин эль-Хусейни протестовал в связи с тем, что нацисты не выделили достаточных средств для того, чтобы воспрепятствовать бегству евреев с Балкан/18. Нацистский чиновник Вильгельм Мельхерс дал следующие показания по этому поводу в ходе процесса (6 августа 1947 года): "Муфтий заявлял протесты повсюду - в министерстве иностранных дел, в рейхсканцелярии, в различных штабах СС"/19. Его протесты имели целью заставить нацистов как можно более эффективно препятствовать исходу еврейских беженцев из Европы. Например, 13 мая 1943 года муфтий направил министру иностранных дел Германии Риббентропу личное послание, в котором он протестовал против плана, предусматривавшего эмиграцию 4000 еврейских детей из Болгарии/20.

Но муфтию было мало и этого. Поставленная им цель была более серьезна, чем просто помешать спасению отде-

льных групп еврейских беженцев. Он хотел, как заметил Мельхерс на Нюрнбергском процессе, чтобы "все евреи были ликвидированы"/21. Дитер Вислицени, заместитель Адольфа Эйхмана, утверждал, что Хадж-Амин эль-Хусейни "сыграл определенную роль в принятии решения об уничтожении европейских евреев. Важность этой роли нельзя не учитывать... Муфтий неоднократно предлагал тем лицам, с которыми он состоял в связи, и, в первую очередь, Гитлеру, Риббентропу и Гимmlеру, уничтожить евреев Европы. Он считал это хорошим решением палестинской проблемы"/22.

Вислицени свидетельствовал о прямом участии муфтия в подготовке планов гитлеровского геноцида:

"Муфтий был одним из инициаторов систематического истребления европейских евреев, соратником и советчиком Эйхмана и Гимmlера при осуществлении этого плана. Будучи одним из ближайших друзей Эйхмана, он постоянно побуждал его ускорить уничтожение евреев. Я своими ушами слышал его рассказ о том, как в сопровождении Эйхмана он посетил инкогнито газовые камеры Освенцима"/23.

Каким же образом муфтию удалось избежать наказания? После Второй мировой войны нацистских преступников выявляли и предавали суду по всей Европе - но не в арабском мире. В арабских странах нацистов и их приспешников встречали как героев. Сотни нацистских офицеров нашли надежное убежище в арабских столицах, где их услугами охотно пользовались местные власти - ведь эти "беженцы" были непревзойденными специалистами в области организации массовых убийств. Особенное рвение в данном вопросе проявлял Египет. Каирским властям приходилось даже соревноваться с диктаторскими режимами Южной Америки, которые тоже стремились использовать нацистский опыт подавления массовых гражданских выступлений/24.

Египет мог по праву гордиться обильным нацистским уловом - многие известные военные преступники нашли себе место в этой стране. Группенфюрер СС Оскар Дирлевангер, уничтоживший тысячи украинских евреев, стал начальником охраны Насера. Д-р Генрих Виллерман, ставивший эксперименты на людях в Дахау, удостоился государственного поста в Каире. В Дамаске в течение долгих лет жил отъявленный эсэсовский убийца Алоиз Бруннер - он консультировал сирийское правительство по "вопросам безопасности". Организация освобождения Палестины, следуя традициям верховного муфтия, с первых дней своего существования охотно сотрудничала с неонацистами, а иногда и с "палеонацистами", то есть с бывшими гитлеровцами, многих из которых пленяли цели и методы ООП*.

---

* Тесные связи между палестинскими террористическими организациями и немецкими ультраправыми восходят к 1968 году, когда Арафат стал председателем ООП. В 1970 году группа членов "Свободного корпуса Адольфа Гитлера" под руководством немецкого неонациста Удо Альбрехта уже находилась в Иордании, где она помогала действиям ООП, направленным на свержение короля Хусейна. Впоследствии группа Альбрехта оказывала содействие палестинской террористической организации "Черный сентябрь" (ветвь арафатовского ФАТХа), осуществившей убийство израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене. Альбрехт был арестован в Западной Германии, имея в своем распоряжении документы, полученные от ООП, однако ему удалось скрыться. В 1976 году четыре немецких неонациста признали в ходе следствия, что они были завербованы Альбрехтом для участия в террористических операциях ООП и прошли обучение на базе ООП в Ливане/26.

Альбрехт привлек к сотрудничеству с ООП Манфреда Редера, лидера ультраправой "Германской группы действия". В течение двух лет, проведенных Альбрехтом в тюрьме (начиная с 1976 г.), Редер неоднократно приезжал в Ливан для согласования действий с Абу-Джихадом, заместителем Арафата, возглавлявшим военное командование ФАТХа/27.

В рамках ФАТХа прошел оперативную подготовку известный немецкий неонацист Карл-Хайнц Хоффман. В 1979 году возглавляемая им "Группа военного спорта" изучала принципы международной террористической деятельности на тренировочной базе ФАТХа Бир-Хасан

Нацизм потерпел сокрушительное поражение в Европе, однако он нашел для себя плодородную почву на Ближнем Востоке. После войны многие арабские солдаты и офицеры, воевавшие на стороне Гитлера, вернулись домой, где их ожидал восторженный прием со стороны новообразованных арабских правительств/25. Верховный муфтий Хадж-Амин эль-Хусейни получил статус гостя египетского правительства и вернулся к своей прежней деятельности - распространению ядовитой антиеврейской пропаганды по всему Ближнему Востоку. Вместе со своим кузеном, военным лидером палестинских арабов Абдель-Кадером эль-Хусейни, он организовал воинские формирования, целью которых была ликвидация Израиля (1947-48 гг.). Этими формированиями руководили такие ветераны нацистской армии, как Фаузи Каукджи и Махмуд Рифаи. Последний, сириец по происхождению, сражался в германских парашютных войсках/34, куда его привел призыв муфтия: "Я объявляю священную войну. Убивайте евреев. Убейте всех евреев!"

близ Бейрута/28. В 1986 году Хоффман был арестован по подозрению в планировании и организации убийства немецко-еврейского издателя Шломо Левина и его жены (1980). Хоффман свалил всю вину за эти убийства на одного из своих учеников Уве Берендта, и таким образом ему удалось избежать наказания. Берендт тоже сумел уйти от правосудия - он сбежал в Ливан.

Другой протеже Хоффмана, Микаэль Кунен, основал в Германии ультраправую организацию "Национал-социалистическое действие", которая была впоследствии объявлена вне закона. Боевики этой организации также проходили подготовку на тренировочных базах ООП в Ливане. В промежутке между двумя тюремными сроками Кунен неоднократно выступал с публичными заявлениями в поддержку ООП/29.

Пожалуй, самым известным из неонацистских убийц, прошедших подготовку на базах ООП в Ливане, является Одфрид Хепп, глава немецкой экстремистской группы VSBD. В 1985 году Хепп был арестован в Париже вместе со своим партнером - Мухамадом Адбаном, занимавшим высокий пост в "Палестинском фронте освобождения". (ПФО входил тогда в состав Организации освобождения Палестины, и его руководитель Абу-Аббас являлся членом исполкома

В сентябре 1948 года муфтий учредил "Правительство всей Палестины", которое должно было обосноваться в секторе Газы. Брат Ясера Арафата Гамаль, служивший в боевых формированиях Абдель-Кадера эль-Хусейни, стал секретарем "правительства" муфтия. Арафат заявлял неоднократно, что и сам он воевал против Израиля в 1948 году, что отчасти подтверждается документами о его деятельности в качестве личного помощника Хусейни/35. Египет поддерживал палестинское "правительство" муфтия, поскольку оно служило противовесом иорданскому королю Абдалле, который тоже претендовал на "всю Палестину"/36.

В 1951 году, после того, как арабы потерпели поражение в Войне за независимость, король Иордании высказал намерение заключить мир с Израилем, за что был немедленно убит агентами муфтия/37. Убийство короля Абдаллы ознаменовало собой новую стадию эскалации террора на Ближнем Востоке, поскольку теперь террористам удалось уничтожить главу суверенного арабского государства, а не местного общественного деятеля или старейшину семейного клана. С тех пор угроза политического террора, порожденная муфтием и его приспешниками, является неотъемлемой частью ближневосточной действительности.

ООП. (Годом позже боевики ПФО захватили в Средиземном море прогулочное судно "Акилла Лауро" и убили находившегося на нем американского гражданина.) Одфрид Хепп и Мухамад Адбан были признаны виновными в планировании террористических нападений на израильские объекты в Вене, Амстердаме и Женеве. Они подозревались также в причастности к взрыву в еврейском ресторане в Париже (1982), в результате которого погибли 6 человек. Особо отметим, что после парижского ареста Абу-Аббас, будучи членом исполкома ООП, публично призывал к освобождению Хеппа и пытался спасти его от наказания, используя дипломатические каналы/30.

ООП также установила и поддерживала связи с неонацистами в Великобритании и во Франции. В 1977 году ФАТХ согласился обучать членов французской неонацистской группы "Французское действие", которые, в свою очередь, выразили готовность участвовать в операциях ООП. В 1985 году британский неонацист Ян Майкл Дэйвисон вместе с двумя боевиками из арафатовской спецгруппы "Отряд 17" убил

Неудивительно, что при таких обстоятельствах египетский король Фарук пожелал ограничить предоставленную муфтию свободу маневра. Когда Хадж-Амин эль-Хусейни направился в Газу, чтобы возглавить там свое "правительство", Фарук распорядился вернуть его в Египет/38. В конечном итоге муфтий уехал в Бейрут, где и умер, сподобившись, впрочем, дожить до реванша: в 1952 году король Фарук был свергнут со своего трона, и в Египте утвердилась военная диктатура радикалов-панарабистов. Еще через два года Гамаль Абдель Насер сменил своего предшественника генерала Мухамада Нагиба на посту председателя Революционного совета и главы египетского правительства.

Насер использовал всю мощь оказавшейся подвластной ему государственной машины для разжигания ненависти к Западу и для пропаганды реванша, которого он рассчитывал добиться, "освободив Палестину" от сионистов - "ставленников Запада". Претендуя на роль новоявленного Саладдина, Насер понимал, что неоспоримого лидерства в араб-

---

трех израильских туристов на яхте в Ларнаке, на Кипре. В настоящее время Дэйвисон отбывает заключение в тюрьме в Никосии/31. В последние годы контакты с ООП установила британская нацистская группа "Национальный фронт"; результатом этих контактов стало создание совместной организации "Кампания за права Палестины"/32.

Западные средства массовой информации практически не уделяют внимания этим аспектам деятельности ООП, хотя сама палестинская организация до последнего времени не скрывала ни своих связей с неонацистами ни своих симпатий к нацизму. Это идеологическое родство получило явное выражение в таких откровенных жестах, как принятие лидерами ООП символических нацистских имен ("Гитлер", "Роммель" и т.п.) в качестве подпольных кличек. Речь идет о явлении, равно распространенном во всех фракциях ООП - в ФАТХе, "Народном фронте освобождения Палестины", "Демократическом фронте освобождения Палестины" и т.п. Более других известен случай Фаузи Салема эль-Махди, высокопоставленного командира в арафатовской спецгруппе "Отряд 17" - он взял себе кличку "Абу-Гитлер". Своим старшим сыновьям этот палестинский деятель дал красноречивые имена - Гитлер и Эйхман/33.

ском мире он сможет добиться только в том случае, если ему удастся возглавить общеарабскую кампанию против Израиля. Он неустанно твердил о своем намерении уничтожить еврейское государство, пытаясь убедить арабов в том, что это вполне достижимая цель. Египетская пропагандистская машина взяла на вооружение антисемитскую доктрину Хадж-Амина эль-Хусейни - через Насера и его учеников ненависть муфтия была унаследована экстремистскими элементами арабского мира.

С наибольшей готовностью эта доктрина была воспринята палестинской молодежью, закалившейся в политическом горниле Каира 50-х годов. Молодые люди, родители которых покинули Эрец-Исраэль до и во время Войны за независимость, охотно усвоили благую весть радикального панарабизма. Со временем именно они - Ясер Арафат, Абу-Ияд, Абу-Джихад и многие другие - составили руководство ООП. Свои первые военные навыки эти люди приобрели в палестинских подразделениях египетской армии, созданных Насером для участия в войне против Израиля.

В 1964 году Насер созвал в Каире первое общеарабское совещание на высшем уровне. Лидеры арабских государств сосредоточили свое внимание на единственном вопросе, по которому можно было добиться всеобщего согласия - вопросе об уничтожении Израиля. В ходе совещания Насер предложил создать организацию палестинских арабов, которая будет действовать по всему миру, добиваясь уничтожения еврейского государства. Арабские лидеры с энтузиазмом поддержали это предложение и договорились о совместном финансировании новой организации, которую возглавил ставленник Насера Ахмед Шукейри.

Организация освобождения Палестины была задумана Насером как послушный инструмент панарабского национализма; она была создана для того, чтобы выступать на международной арене с палестинскими лозунгами и осуществлять локальные воинские операции против Израиля. Вместе с тем было совершенно ясно, что ООП дол-

жна оставаться под полным контролем египетского правительства, дабы не вызвать резкой ответной реакции со стороны Израиля.

Насер, потерпевший позорное поражение в результате вторжения в Йемен в 1962 году, нуждался в дополнительном времени для того, чтобы восстановить мощь своей армии. Шум вокруг "палестинской проблемы" представлялся ему удобным и безопасным способом поправить свою пошатнувшуюся репутацию общерабского лидера. Ахмед Шукейри как нельзя лучше подходил для этой цели. Когда он был послом Саудовской Аравии при ООН, ирландский писатель и дипломат Коннор Круз О'Брайен назвал его "безмозглым флюгером"/39.

Однако у лидеров ООП очень скоро возникли новые идеи. Созданная Насером марионеточная организация обрела собственное лицо благодаря террористическим операциям арафатовской группировки ФАТХ, которую поддерживал тогда баасистский режим Сирии (само название ФАТХ было перенято Арафатом у сирийской панарабистской националистической группы). Боевики ФАТХа принимали участие в десятках диверсионных рейдов на территорию Израиля (через иорданскую границу). В большинстве случаев эти террористические налеты были безуспешны, однако они обеспечили ФАТХу героическую репутацию, что вынудило Насера ослабить узду. Он позволил Ахмеду Шукейри предпринять ряд собственных террористических операций против Израиля, а затем центральное место в ООП отошло к ФАТХу, и Ясер Арафат был возведен на пост председателя исполкома палестинской организации.

Постепенно ООП сумела избавиться от египетского контроля и выработать собственную стратегию. Под руководством Арафата ООП определила для себя новую роль: не только авангард арабской борьбы против Израиля, но взрывное устройство, призванное привести к глобальному конфликту на Ближнем Востоке. Лидеры ООП рассчитывали, что, совершая постоянные террористические

нападения на Израиль, они вызовут жесткую ответную реакцию против сопредельных с Израилем арабских стран, и сумеют таким образом спровоцировать всеобщую региональную войну, в которой арабы победят и уничтожат Израиль. И через 20 лет после описываемых событий Арафат надеялся, что ему удастся столкнуть арабские страны с Израилем, несмотря на поражения, понесенные арабами в двух войнах.

Арафат стал главным разжигателем войны на Ближнем Востоке. В течение многих лет он неустанно призывал арабов к эскалации насилия: "Война на истощение сионистского врага никогда не прекратится... Я заинтересован в войне в регионе, ибо убежден, что единственным средством исцеления от всех болезней арабской нации является настоящая война против сионизма"/40.

До 1967 года целью террористических атак ООП было проникновение на территорию Израиля и разжигание новой арабо-израильской войны. Диверсанты ООП использовали опыт, накопленный в 50-е годы "федаюнами" - вооруженными палестинскими диверсантами, действовавшими против Израиля по поручению Насера. Группы федаюнов проникали на израильскую территорию, убивали мирных граждан, взрывали машины, а затем возвращались на свои базы в секторе Газы, находившемся тогда под египетским контролем, и в Иудее и Самарии, на территории, оккупированной Иорданией. Израиль отвечал на действия федаюнов дерзкими операциями возмездия. В конце концов диверсии федаюнов (вместе с египетской попыткой перекрыть Тиранские проливы на юге Синая) вынудили Израиль провести широкомасштабную военную операцию против Египта. В ходе Синайской кампании 1956 года базы федаюнов в секторе Газы были уничтожены.

Насер, помнивший о жестоком поражении 1956 года, отказался предоставить ООП возможность действовать против Израиля с египетской территории, поэтому палестинская организация перенесла свою основную деятель-

ность в Иорданию. Этому способствовало также и то, что лидеры ООП считали Иорданию частью Палестины, то есть территорией своего будущего государства. Король Хусейн не был тогда достаточно силен для того, чтобы воспрепятствовать деятельности ООП в своей стране - он опасался реакции панарабистских режимов Египта, Сирии и Ирака, которые единодушно поддерживали размещение "Армии освобождения Палестины" в Иордании. Однако очень скоро стало ясно, что эти государства рассчитывают на то, что палестинские формирования, проникнутые панарабистской идеологией, свергнут при первой возможности хашимитскую династию и установят собственную власть в Иордании.

Еще в 1960 году Насер организовал покушение на короля Хусейна, в ходе которого был убит премьер-министр Иордании. Сирийский президент открыто призывал к свержению Хусейна, заявляя, что "освобождение Иордании означает освобождение Палестины"/41. Ахмед Шукейри именовал иорданского монарха "наемным лакеем" Запада. Он угрожал ему тем, что если ООП не получит возможности действовать в Иордании, палестинские формирования уничтожат "иорданское политическое образование, которое все еще подвластно колониальному правлению хашимитской династии"/42.

ООП стала предпринимать налеты на израильскую территорию с контролируемого Иорданием Западного берега (Иудея и Самария). Ответные действия ЦАХАЛа становились все более жесткими; самая серьезная израильская операция возмездия была осуществлена в конце 1966 года, в ходе рейда на иорданскую деревню Эс-Сама. Таким образом, пусть и не будучи единственным или решающим фактором, террористическая тактика ООП все же внесла свой вклад в эскалацию напряженности, кульминацией которой стала давно вынашиваемая ООП "война на уничтожение Израиля" - Шестидневная война.

Однако эта война привела совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали лидеры ООП и арабских стран. Изра-

иль, уничтожение которого столь уверенно предсказывал Ахмед Шукейри накануне войны/43, нанес сокрушительное поражение арабским армиям и освободил территории, с которых палестинские формирования наносили свои террористические удары - Иудею, Самарию и Газу. ООП была вынуждена перенести свои базы на Восточный берег Иордана, что привело к фронтальному столкновению между этой организацией и хашимитским режимом короля Хусейна.

Хусейн не нашел в себе смелости запретить присутствие вооруженных отрядов ООП на земле Иордании. Чем больше он уступал, тем ощутимее становилась мощь ООП в его стране. В конце концов, лидеры этой организации обнаглели настолько, что замыслили "освободить" Восточный берег Иордана - в качестве первого шага на пути к "освобождению Западной Палестины". В 1968 году ООП вступила в открытый союз с тремя группировками, находившимися вне закона в Иордании, - с насеристским "Арабским национальным движением", с баасистами и коммунистами. Целью этого альянса было свержение короля Хусейна и установление нового режима в Иордании/44.

Заговорщики не приняли в расчет только одно обстоятельство: король Хусейн вовсе не собирался уступать им власть в стране.

Между тем, ООП сумела создать в Иордании "государство в государстве". Все более частыми становились столкновения между иорданскими силами безопасности и палестинскими боевиками, которые открыто носили свою форму, взимали налоги с граждан и набирали рекрутов в свои формирования. На определенном этапе ООП попыталась даже вмешаться в процесс формирования иорданского правительства.

Терпение короля Хусейна лопнуло летом 1970 года, когда, в ответ на арест нескольких террористов, сторонники ООП устроили массовые беспорядки в Аммане. Они врываются в гостиницы, захватывали заложников, насило-

вали женщин/45. В ходе беспорядков был убит военный атташе посольства США. В сентябре 1970 года Хусейн решился на открытую конфронтацию с ООП. В Иордании вспыхнула гражданская война, в ходе которой правительственные войска убили около 10.000 палестинцев, в том числе - множество женщин и детей из числа обитателей лагерей беженцев. Боевики ООП и нестроевые члены этой организации искали спасения на израильском берегу Иордана. Они умоляли солдат ЦАХАЛа, чтобы те взяли их в плен. Тем, кто сумел пробраться на израильскую территорию, была предоставлена медицинская и продовольственная помощь, однако большинство бежавших были убиты у берегов Иордана легионерами короля Хусейна/46. Инфраструктура ООП в Иордании была уничтожена.

Потерпев неудачу в Иордании, ООП взялась за более легкую задачу - захват Ливана (палестинская организация проявила замечательную гибкость в выборе территорий, которые она намеревалась "освободить"). Ливан казался лидерам ООП идеальным плацдармом для возобновления террористических атак против Израиля, поскольку остальные арабские государства не давали палестинцам действовать со своей территории; в Ливане же не было достаточно сильного правительства, способного помешать их планам. Кроме того, этот выбор был подкреплен некоторыми важными топографическими особенностями Ливана. Если Синайский полуостров в районе израильской границы представляет собой открытое и незащищенное пространство, а Иордания отделена от Израиля водной преградой, то Южный Ливан является естественным географическим продолжением Верхней Галилеи. Это горная местность, покрытая буйной растительностью, где можно легко укрыться от нападения и преследования. Уже в 1969 году произошли первые столкновения между ливанской правительственной армией и боевыми отрядами ООП, пытавшимися установить свой контроль над южными районами Ливана, вблизи израильской границы (именно там был

создан впоследствии палестинский "ФАТХ-лэнд"). Вскоре рамки вооруженного конфликта расширились к северу, в направлении Бейрута. Сирийцы поддержали боевиков ООП, рассчитывая с их помощью дестабилизировать ситуацию и свергнуть ливанское правительство.

Арафат заявлял при этом, что он не намерен вмешиваться во внутренние дела той или иной арабской страны (на фоне подрывной деятельности ООП в Иордании, Ливане, а затем и в Кувейте, эти слова звучат как циничная шутка). К 1975 году ООП фактически создала в Ливане собственное государство, его территория простиралась от Западного Бейрута до израильской границы. Отсюда террористические группы ООП постоянно совершали нападения на различные израильские объекты, большей частью - сугубо гражданские. В 1974 году палестинские боевики убили 18 жителей израильского города Кирьят-Шмона. В том же году прибывшие из Ливана террористы ООП захватили школу в городке Маалот; в результате этого теракта погибло 26 израильтян, большинство которых составляли школьники. В 1974 и 1979 гг. жертвами терактов были жители Нагарии (в 1979 году палестинский "боец" разможил о камень голову пятилетней израильской девочки на глазах ее отца, а затем убил самого отца). Теракт на Приморском шоссе был осуществлен палестинскими боевиками, прибывшими морем из Ливана - 35 заложников, оказавшихся в захваченном террористами автобусе, были убиты.

Кроме того, ООП использовала территорию Южного Ливана в качестве плацдарма, с которого осуществлялись постоянные обстрелы израильских населенных пунктов. Жители Верхней Галилеи были вынуждены укрываться в бомбоубежищах от "катюш" и артиллерийских снарядов ООП. До 1982 года число жителей Кирьят-Шмоны и Нагарии постоянно сокращалось; промышленные предприятия, школы и пляжи приходилось постоянно закрывать из-за артиллерийских и минометных обстрелов. Весь север Израиля оказался под угрозой вымирания/47.

Наращивание военного потенциала ООП в Ливане, как прежде в Иордании, привело к двум основным результатам: к гражданской войне внутри страны и к ответной реакции Израиля. Сначала в Ливане вспыхнула гражданская война между шиитами, христианами и Организацией освобождения Палестины, стремившейся силой подчинить себе местное население. Жители Ливана могут с полным правом сказать, что они на собственном опыте знают, что такое ооповское государство - ведь они уже пожили под его игом. Они помнят массовые расстрелы, постоянные конфискации имущества, бесчисленные изнасилования и принудительную мобилизацию 12-летних подростков в боевые отряды. Но более всего характеризовала государство ООП в Ливане разнузданная коррупция. Многие лидеры этой организации, включая Арафата, накопили огромные средства за счет грабежей и преступного бизнеса (аналогичное явление мы наблюдаем сегодня в Газе и Иерихоне). Сторонникам создания государства ООП было бы полезно освежить в памяти некоторые детали "генеральной репетиции", предпринятой Арафатом в 70-е годы. Немало полезного для себя материала они найдут в книге Рафаэля Исраэли "ООП в Ливане"/48. Свыше 100.000 человеческих жизней - такова была цена, уплаченная ливанским народом за господство ООП, вызвавшее ожесточенную гражданскую войну в стране.

Вторым последствием активизации ООП в Ливане, как это было прежде на египетской и иорданской границах, стали ответные действия Израиля. Исходя из необходимости защитить северные поселения страны, израильское правительство направило ЦАХАЛ на ливанскую территорию, где его подразделения нанесли сокрушительные удары по базам террористов - сначала в ходе локальной операции "Литани" (1978), а затем в ходе крупномасштабной операции "Мир Галилее" (1982). Следует заметить, что операция "Мир Галилее", вызвавшая резкую критику как на международной арене, так и в самом Израиле, в конечном счете, оправдала свое название. Со времени изгнания палестинских

формирований из Бейрута и создания зоны безопасности на Юге Ливана террористам ни разу не удалось проникнуть на израильскую территорию. В ходе операции произошло столкновение между израильскими силами и сирийской армией, однако эта конфронтация носила локальный характер - она была ограничена территорией Ливана и ливанским воздушным пространством. Надежды ООП на тотальную войну между Сирией и Израилем не оправдались.

Единственной целью Израиля было уничтожение баз ООП, но в ходе операции стало неизбежным столкновение с сирийскими войсками, контролировавшими (и контролирующими) значительную часть территории Ливана. ЦАХАЛ уничтожил сирийские зенитно-ракетные батареи, а израильские ВВС сбили около ста самолетов противника, потеряв всего одну боевую машину. Поскольку центр террористической структуры ООП находился в ливанской столице, ЦАХАЛ оказался перед необходимостью вступить в город и окружить Западный Бейрут. После продолжительной осады из Бейрута были эвакуированы штабы и командные структуры ООП. Угроза всеобщего арабского выступления против Израиля в том случае, если израильские войска вступят в ту или иную арабскую столицу, оказалась безосновательной. На помощь ООП не пришло ни одно арабское государство.

***

Затрещав по швам на всех направлениях, стратегия ООП, казалось бы, потерпела полное поражение. Однако в действительности дело обстояло не так, поскольку, кроме приграничной войны "за землю", ООП вела против Израиля еще одну войну, в которой она добилась заметного успеха. Я имею в виду кампанию международного террора, начатую ООП в конце 60-х годов и захватившую в последующие два десятилетия весь мир.

Одной из целей палестинского террора был захват заложников, в обмен на освобождение которых ООП требовала выпустить из израильских тюрем осужденных террористов. Израиль не уступал шантажу и последовательно отвергал требования ООП; террористы, принимавшие участие в захватах заложников, уничтожались. Со временем лидеры ООП пришли к решению перенести свою террористическую активность на международную арену, где они могли рассчитывать на большую "гибкость" иностранных правительств и более благоприятные тактические условия. В качестве самого удобного объекта для террористических нападений были избраны воздушные линии, связывающие Израиль с внешним миром.

Кампания воздушного террора началась в 1968 году, когда самолет израильской авиакомпании "Эль-Аль" был угнан в Алжир. Вскоре после этого был захвачен самолет "Эль-Аль", следовавший рейсом из Лондона, а затем на аэродроме в Цюрихе подвергся террористическому нападению еще один израильский лайнер. Японские террористы, действовавшие по поручению ООП, совершили нападение на израильский аэропорт в Лоде, убив при этом десятки иностранных паломников, прибывших на Святую Землю. Когда Израиль разработал эффективную систему защиты гражданских авиарейсов, ООП переориентировалась на самолеты иностранных авиакомпаний. В Иордании были взорваны американские самолеты, а затем палестинские террористы захватили авиалайнер бельгийской компании "Сабена", следовавший рейсом в Израиль (1972). В то время я был офицером израильского спецподразделения, осуществившего освобождение заложников. Эта сложная операция блестяще удалась, хотя нам пришлось импровизировать и на месте выбирать штурмовые средства. Со временем в Израиле были разработаны эффективные и продуманные методы противостояния террористам в случае захвата заложников.

Наученный горьким опытом террора, Израиль смог сделать собственный международный аэропорт и национа-

льную авиакомпанию "Эль-Аль" практически неуязвимыми для нападений террористов. ООП была вынуждена выбрать себе новую цель: в 1976 году палестинские боевики захватили над Европой самолет французской авиакомпании "Эр Франс", следовавший рейсом в Израиль. Самолет был угнан в Уганду, на аэродром "Энтеббе". Угандийский диктатор Иди Амин гарантировал террористам безопасное убежище и защиту своей армии. Террористы выпустили на свободу пассажиров-неевреев, а 106 еврейских заложников были сосредоточены в старом здании аэровокзала. Израиль оказался перед лицом ультиматума: если террористы, находящиеся в израильских тюрьмах, не будут выпущены на свободу, заложников расстреляют. В ходе беспрецедентной военной операции ЦАХАЛ перебросил по воздуху в Уганду, находящуюся на расстоянии более 3000 км от Израиля, своих отборных бойцов, которые уничтожили террористов и помогавших им угандийских солдат. Заложники были освобождены. В ходе этой операции погиб мой брат Йонатан, командовавший штурмовым израильским отрядом.

Операция "Йонатан" (такое официальное название она получила впоследствии от израильского правительства) стала решающей битвой в войне против международного терроризма. Рейд в "Энтеббе" вдохновил западные спецслужбы на проведение серии дерзких антитеррористических акций.

Менее чем через год после операции "Йонатан" голландские спецподразделения предприняли единовременный штурм поезда и школы, захваченных южномолюккскими террористами; в результате этой операции были освобождены 160 заложников. Несколько месяцев спустя немецкая спецгруппа освободила 86 заложников, находившихся на борту самолета, угнанного в Сомали иранскими террористами. В 1980 году британские спецслужбы успешно освободили здание иранского посольства в Лондоне, находившееся в течение недели под контролем террористов. Случаи угона гражданских самолетов и захвата заложников

стали постепенно более редкими (краткий всплеск террористической активности в этой области наблюдался в середине 80-х годов). ООП оказалась перед необходимостью изыскания новых методов террора.

* * *

С самого начала своей деятельности ООП охотно сотрудничала с другими террористическими группировками и организациями. При этом ООП вовсе не являлась "одной из" террористических организаций - она была средоточием и воплощением международного террора новейшего времени. ООП довела до совершенства искусство шантажа и запугивания; она установила прецедентные модели таких терактов, как захват самолетов с заложниками, взрыв пассажирских авиалайнеров в воздухе, убийство дипломатов, школьников, спортсменов и туристов. Другие террористические организации охотно заимствовали опыт ООП и подражали методам палестинских террористов.

Однако связи ООП с неарабскими террористическими организациями вовсе не ограничивались тем, что ООП служила им моделью для подражания. С начала 70-х годов и вплоть до 1982 года, когда ЦАХАЛ вышвырнул палестинских террористов из Бейрута, "государство ООП" в Ливане служило убежищем и базой подготовки для террористов всего мира. Самые разнообразные экстремистские группировки действовали из Ливана; через тренировочные лагеря ООП в районе Тира и Сидона прошли террористы итальянских "Красных бригад", немецкой группы "Баадер-Майнхофф", "Ирландской республиканской армии", японской "Красной армии", французского "Прямого действия", турецкой "Освободительной армии", армянской группы "Асала", иранской "Революционной гвардии", экстремисты со всей Латинской Америки и германские неонацисты/49. Из осинового гнезда ООП в Ливане террор распространился по всему западному миру. Во многих случаях террористов поддерживали арабские правительства;

иногда - коммунистические государства советского блока (до тех пор, пока разоблачение этих связей не вынудило Кремль сократить масштабы сотрудничества с террористами).

Но какое воздействие имела эта кампания на Израиль? Разумеется, ООП стремилась доказать, что каждая ее операция причиняет огромный ущерб еврейскому государству. Так, например, в 1989 году, после высадки террористов из группы Абу-Аббаса на пляже Ницаним в районе Тель-Авива было объявлено, что в ходе этой операции были убиты и ранены около 500 израильтян, и что израильскому туризму нанесен прямой ущерб в размере 5 миллиардов долларов (группа Абу-Аббаса - "Палестинский фронт освобождения" - входит в состав ООП, а сам Абу-Аббас являлся в 1989 году членом исполкома этой организации и помощником Арафата). В действительности, дело обошлось без единого ранения и без сколь-нибудь ощутимого ущерба/50.

В конечном счете, террор ООП причинил Израилю очень незначительный ущерб; количество жертв террора несопоставимо с теми потерями, которое несет государство в открытой войне. За 30 лет палестинского террора были убиты несколько сот израильтян - в то время, как общие потери ЦАХАЛа в войнах Израиля составляют около 19.000 человек. Таков результат холодного подсчета, но мы не должны забывать, что каждый убитый - это целый мир во всем его многообразии.

И все-таки международный терроризм ООП оказался успешным в том отношении, в каком потерпели провал арабские войны против Израиля - он нанес еврейскому государству значительный политический урон. Террор вывел ООП на мировую арену и вызвал доверие к заявлениям ее представителей, согласно которым террористические акты являются выражением палестинского отчаяния. Первоначально теракты ООП воспринимались не как действия хорошо отлаженной машины, финансируемой дюжиной богатейших государств, но как поступки обездоленных и отчаявшихся одиночек, которым нечего терять.

Каждый раз, когда палестинские бомбы взрывались в Париже, Лондоне или Риме, представители ООП поспешно объясняли, что данный акт насилия порожден "палестинской проблемой", и что насилие не прекратится до тех пор, пока не завершится "израильская оккупация палестинских земель".

В 1972 году, вскоре после того, как я приехал в США для учебы в университете, ООП учинила знаменитую резню на Олимпиаде в Мюнхене - 11 израильских спортсменов были убиты. Еще до этого чудовищного теракта ООП успела взорвать несколько пассажирских самолетов и убить американского посла в Судане, однако название палестинской организации не было тогда еще широко известно на Западе. Весть об убийстве в Мюнхене застала меня в гостях у израильского профессора, преподававшего в университете Брандиса в Массачусетсе.

"Ну, - сказал один из гостей, - теперь, по крайней мере, все будут знать, что это за люди". Профессор отреагировал мрачной репликой: "Именно так. Скоро все будут знать об этих людях".

Он оказался прав. Спустя очень небольшое время ООП вошла в сознание каждого человека на Западе (да и на Востоке). И чем больше становилась известность этой организации, тем большее число людей приходило к выводу о том, что "Палестина" должны быть "освобождена". Государства мира - одно за другим - стали склоняться на сторону террористов. Иные политические лидеры с доверием воспринимали утверждения ООП, согласно которым террористы этой организации борются за права человека; другие поддавались откровенному шантажу. Бесконечная череда убийств, увечий и захватов заложников оказала свое воздействие на общественное мнение, и многие люди уверились в том, что "бедственное положение палестинского народа" является главной политической несправедливостью нашего времени, несправедливостью, требующей немедленного исправления.

О том, насколько удачной оказалась террористическая тактика ООП, свидетельствует заявление президента США Джимми Картера, сделанное в 1976 году:

"Нельзя уйти от понимания того, как близки и взаимосвязаны история, чаяния и судьбы двух многострадальных народов, евреев и палестинских арабов... Палестинцы страдают от бездомности, будучи рассеяны среди многих других народов, и их стремление к самоопределению и обретению собственного отечества находит твердую поддержку во всем мире"/51.

Террор ООП внедрил в западное сознание мысль о необходимости решения "палестинской проблемы" путем создания независимого палестинского государства. Руководство ООП осознавало, что оно сможет извлечь максимальную политическую выгоду из этого признания только в том случае, если ООП сумеет уйти от прямой ответственности за свои чудовищные злодеяния. Показательные теракты привлекали внимание всего мира к палестинской организации, однако лидеров ООП никто не воспринимал в качестве возможных партнеров по политическому диалогу. Поэтому Арафат и его ближайшие приспешники были вынуждены отрицать свою причастность к терактам, осуществляемым их подчиненными. Еще в середине 70-х годов, когда кампания международного террора была в самом разгаре, ООП прибегала к изощренной дезинформации для того, чтобы приписать наиболее одиозные теракты "экстремистам", действующим на свой страх и риск, "вопреки" воле "умеренного" руководства палестинской организации.

Тогда же официальные представители ООП стали утверждать, что их организация стремится к миру, отрицает насилие и террор. Они настойчиво пытались создать впечатление, что ООП придерживается нового курса, умеренного и реалистичного/52. В тот период палестинская организация

пользовалась щедрой финансовой поддержкой богатых арабских государств, таких, как Саудовская Аравия и Кувейт (в случае с Кувейтом осуществилось знаменитое пророчество Ленина о веревке, проданной палачу: Кувейт продал палестинцам ту самую веревку, на которой палачи ООП вздернули многих кувейтских граждан после оккупации страны войсками Саддама Хусейна в 1990 году). Щедрое финансирование обеспечило ООП возможность создать разветвленную сеть своих учреждений и дипломатических представительств во всех концах света.

Эти учреждения усердно распространяли миф об "умеренном палестинском руководстве", успешно используя страстное желание Запада увидеть хоть какую-то надежду на урегулирование ближневосточного конфликта (не следует забывать, что Запад находился тогда под прессом арабского нефтяного эмбарго). Представителями ООП в Европе, Америке, Азии и Австралии были респектабельные господа, умеющие четко изъясняться и одеваться с необходимым дипломатическим лоском. Именно они распространяли миф об "умеренности и прагматизме" ООП в средствах массовой информации, в "Ротари-клубах", в церквях и даже в... синагогах.

Тактика отмежевания от наиболее одиозных терактов была впервые использована ООП еще в 1970 году, когда была создана группировка "Черный сентябрь" - первая из псевдонезависимых палестинских террористических организаций, роившихся в осинном гнезде ООП. Боевики "таинственной" организации убили иорданского премьер-министра Васфи Таля, американского посла в Хартуме Клео Ноэля и его помощника Курта Мура, израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене, а Ясер Арафат спокойно отрицал свою причастность к операциям "Черного сентября". Истина стала известна лишь в 1973 году, когда высокопоставленный деятель ООП сообщил, что Абу-Ияд, заместитель Ясера Арафата, является непосредственным руководителем операций, осуществленных организацией

"Черный сентябрь"/53.

Когда Арафат был вынужден наконец признать, что первоначально "Черный сентябрь" и ООП составляли единое целое, он смог извлечь выгоду даже из этого, заявив, что с тех пор ООП отказалась от использования экстремистских методов и стала "умеренной" политической организацией. ООП не только скрывала свою причастность к террору - лидеры этой организации нашли дополнительный способ извлечения политической выгоды из кровавых терактов, осуществленных по их наущению. Представители ООП стали предлагать себя в качестве "объективных посредников" на переговорах об освобождении заложников, захваченных палестинскими террористами. Иногда эта отвратительная уловка неплохо им удавалась. Так например, в 1979 году ООП выступила в качестве посредника на переговорах об освобождении заложников, захваченных в египетском посольстве в Турции членами неизвестной организации "Орлы палестинской революции". Турецкое правительство было премного благодарно ООП за эту услугу - когда заложники были наконец освобождены, Анкара предоставила Организации освобождения Палестины официальное дипломатическое признание. По прошествии некоторого времени стало известно, что представитель ООП на переговорах с "Орлами палестинской революции" осуществлял планирование операции по захвату заложников в турецкой столице/54.

Самым постыдным примером этой тактики является убийство гражданина США Леона Клингхоффера (1985). Этот американский еврей, прикованный к инвалидной коляске, путешествовал по Средиземному морю на прогулочном судне "Акилла Лауро". Судно было захвачено палестинскими террористами - Клингхоффера застрелили в упор, а тело выбросили за борт. Член исполкома ООП Абу-Аббас прибыл в Египет, где он заявил журналистам, что Ясер Арафат попросил его выступить в качестве посредника на переговорах об освобождении заложников, находившихся

на судне "Акилла Лауро"/55. Абу-Аббас преуспел в своей миссии, и заложники были освобождены, однако на этот раз события не пожелали следовать отработанному сценарию. Освобожденные заложники рассказали о том, как террористы избивали престарелых пассажиров судна, выкрикивая лозунги, прославляющие Арафата. Информация, перехваченная спецслужбами США и Израиля, доказала, что террористы не были членами группировки, отколовшейся от ООП, - они были боевиками ООП, а "дипломатический посредник" Абу-Аббас являлся их непосредственным командиром. Американские ВВС перехватили в воздухе самолет, на котором находились удирающие террористы. ООП была вынуждена тут же изменить свою позицию: теперь эта организация не отрицала более свою связь с арестованными террористами, но зато она утверждала, что на борту "Акилла Лауро" никто не был убит.

Официальный представитель ООП заявил, что убийство Клингхоффера является "грандиозной ложью, сфабрикованной разведывательными службами США"/56. Глава политического отдела ООП Фарук Каддуми ("палестинский министр иностранных дел"), дошел до невероятного цинизма: он предположил, что миссис Клингхоффер сама столкнула своего мужа за борт, чтобы получить страховку/57. Абу-Аббас предложил другую версию: "Может быть, он решил спастись вплавь"/58.

Попытки ООП уклониться от ответственности за террор не принесли успеха, и палестинская организация попала в затруднительное положение - прежде всего потому, что международный терроризм в целом переживал тяжелые времена. В 1982 году, в ходе израильской военной операции в Ливане, была уничтожена террористическая инфраструктура, созданная там ООП за предыдущее десятилетие. Руководство ООП было изгнано в Тунис. В середине 80-х годов Запад приступил к осуществлению ширококомасштабной политической кампании по искоренению терроризма.

Государства, стоящие за спиной террористов, стали объектом жесточайшей критики. Запад отказал террору в моральном одобрении, независимо от того, какие декларативные цели и лозунги провозглашаются террористами. Этой решительной кампании предшествовали многолетние усилия, целью которых было оказать влияние на позицию Запада по отношению к терроризму.

Мне довелось принять участие в этих усилиях, учредив "Институт Йонатана", названный в память о моем погибшем брате. Целью "Института Йонатана" было информирование западной общественности о методах террористов и о возможных способах противостояния террору. По инициативе этого института в 1979 году в Иерусалиме была проведена первая Международная конференция по проблеме борьбы с террором. В ходе конференции было заявлено, что терроризм является средством политической борьбы диктаторских режимов против демократических стран Запада. Участники конференции, среди которых были покойный американский сенатор Генри Джексон и кандидат республиканцев на пост президента США Джордж Буш, сообщили существенные детали об участии арабских режимов, СССР и некоторых других государств Восточного блока в международной террористической активности.

Интересно отметить, что эти сведения вызвали раздражение многих журналистов, освещавших работу конференции. "Доказательства причастности СССР и его европейских сателлитов к международному терроризму встретили серьезное раздражение значительной части корпуса прессы", - писал корреспондент "Уолл Стрит Джорнэл", представлявший свою газету на конференции/59. Тот факт, что террор не является делом отчаявшихся одиночек, но представляет собой эффективное орудие борьбы диктаторских режимов и щедро финансируемых ими террористических организаций, не вызывал тогда доверия в мире. Уже после крушения Советского Союза мне приходилось беседовать с высокопоставленными чиновниками из стран бывшего Восточного

блока, и они выражали глубокое удивление наивностью, проявленной Западом в связи с террористической активностью коммунистических государств.

Участники второй Международной конференции, проведенной "Институтом Йонатана" в Вашингтоне в 1984 году, призвали Запад к применению военных, политических и экономических санкций против государств, оказывающих покровительство террору. В своей книге "Терроризм: как Запад может победить" я подвел итоги этой конференции и представил основные практические рекомендации ее участников. К этому материалу была присовокуплена моя пространная статья, в которой доказывалась необходимость нанесения военных ударов по террористическим государствам. Вскоре после выхода книги американские ВВС атаковали Ливию, и журнал "Тайм" выделил несколько страниц для публикации выдержек из моей статьи (статья была прочитана президентом Рейганом). Может быть поэтому некоторые комментаторы арабской прессы объявили меня главным "виновником" новой американской политики.

С самого начала своей работы в "Институте Йонатана", а затем на занимаемых мною дипломатических постах, я придерживался твердого убеждения в том, что решающей победы над терроризмом можно будет добиться только в том случае, если к борьбе с этим отвратительным явлением будут привлечены Соединенные Штаты. Как только США займут правильную позицию по данному вопросу, остальные государства Запада последуют за ними, как за мощным локомотивом. Но убедить американцев в необходимости изменить их позицию по отношению к террору было весьма и весьма непросто. В конце 70-х и начале 80-х годов в Америке господствовало представление, согласно которому терроризм является порождением политического и социального гнета. Эта концепция гласила, что добиться прекращения террора можно только путем устранения вызывающих его объективных причин. Я решительно оспа-

ривал эту концепцию, утверждая, что террор сам по себе является средством политического давления, и что он используется теми, кто, маскируя свои истинные намерения разговорами о правах человека, без колебаний подавляет всякую свободу, оказавшись у власти.

Вместе со своими коллегами по работе в "Институте Йонатана" я исходил из предположения, что ошибочная американская концепция не является неизменной данностью. Ее изменения можно добиться, сосредоточив необходимые усилия на разъяснении принципиальных фактов, характеризующих международный терроризм. Одним из самых действенных средств нашей деятельности стала публикация таких фактов, многие из которых ранее были абсолютно неизвестны широкой публике. Данные и доказательства отбирались и проверялись самым тщательным образом, и когда они становились наконец достоянием гласности, всякому непредвзятому человеку становилось ясно, что террор не является делом отчаявшихся одиночек. В современном мире он представляет собой результат порочного альянса между диктаторскими режимами и террористическими организациями, а против этого альянса можно и нужно бороться.

Государству Израиль принадлежит решающая роль в мобилизации Соединенных Штатов на бескомпромиссную борьбу с международным терроризмом. В военной области Израиль предоставил многочисленные примеры оперативного успеха, достигнутого в противоборстве с террором. Упорно отказываясь от капитуляции перед лицом террористического давления, Израиль снова и снова посылал своих солдат в схватку с террористами, захватывающими заложников. И солдаты ЦАХАЛа шли под пули везде, где в этом возникала необходимость - от Маалот до "Энтеббе". Нанося удары по базам террористов в арабском мире, Израиль доказывал Западу, что с террором можно бороться военными средствами. В политической области Израиль сосредоточил свои усилия на попытках убедить правитель-

ство США в необходимости занять непримиримую позицию по отношению к террору.

* * *

Наша страна утвердила свой четкий курс в этой области, когда Моше Аренс стал израильским послом в США. Аренс прибыл в Вашингтон весной 1982 года, незадолго до начала операции "Мир Галилее". Как известно, эта широкомасштабная операция ЦАХАЛа в Ливане встретила негативное отношение Соединенных Штатов. На Израиль было оказано сильнейшее давление, одним из факторов которого стало временное прекращение поставок американских боевых самолетов израильским ВВС. Аренс сделал все возможное для того, чтобы добиться изменения американской позиции по отношению к палестинскому террору и событиям в Ливане. При этом он сумел установить совершенно особые личные связи с президентом Рональдом Рейганом и госсекретарем Джорджем Шульцем. В июле 1982 года я был откомандирован в распоряжение израильского посольства в США, где меня ожидала должность политического представителя. Сразу же по прибытии в Вашингтон я присоединился к деятельности Моше Аренса, направленной на изменение американской концепции в области противостояния террору. Ицхак Шамир, который занимал тогда пост министра иностранных дел в кабинете Менахема Бегина, безоговорочно поддерживал наши усилия. Став впоследствии премьер-министром Израиля, Шамир неоднократно подчеркивал значение тесного американо-израильского сотрудничества в сфере противостояния международному терроризму.

Когда в 1983 году Аренс вернулся в Израиль, чтобы занять пост министра обороны, я в течение полугода оставался исполняющим обязанности израильского посла в Вашингтоне (до прибытия нового посла Меира Розена). В течение этого времени я продолжил развитие частного политического диалога с госсекретарем Шульцем на основании тех

принципов, которые были выработаны ранее Моше Аренсом. В ходе многочисленных дипломатических встреч и в выступлениях перед представителями американских средств массовой информации я постоянно говорил о необходимости сосредоточения усилий Запада на противодействии террористам и стоящим за ними арабским режимам. Моя точка зрения была предельно ясна: с международным терроризмом можно покончить только в том случае, если Запад будет последовательно придерживаться двух принципов. Во-первых, недопустимо сдаваться перед требованиями террористов; во-вторых, следует вести решительную борьбу против государств, оказывающих покровительство террору. Мне приходилось снова и снова выступать с этими тезисами, настаивая на применении жестких политических, экономических и даже военных санкций против государств, содействующих терроризму.

Однажды Джордж Шульц пригласил меня в свою канцелярию на частную беседу, в ходе которой он выразил крайнюю озабоченность в связи с распространением террора. Шульц сказал, что он твердо решил изменить политику США в сторону гораздо более решительного противодействия международным террористическим организациям. При этом госсекретарь отметил, что американская политика будет изменена соответствующим образом, "несмотря на сопротивление некоторых деятелей администрации" (было достаточно ясно, что он имеет в виду министра обороны Каспара Вайнбергера, выступавшего тогда против использования силы против террористов). Шульц предложил провести серию встреч для совместного обсуждения необходимых мер, с помощью которых США и их западные союзники смогут остановить эпидемию террора. Я сообщил госсекретарю о деятельности "Института Йонатана" и о планах проведения в Вашингтоне второй Международной конференции по проблеме борьбы с террором. Шульцу было предложено выступить на конференции с изложением новых принципов антитеррористической политики США.

4 июля 1984 года, через семь лет после операции по освобождению заложников в "Энтеббе", госсекретарь США выступил перед участниками конференции, созванной по инициативе "Института Йонатана". Обращаясь к собравшимся, Джордж Шульц сделал следующее заявление:

"Благодаря усилиям встревоженных правительств и частных организаций, подобных "Институту Йонатана", народы свободного мира решились наконец обратиться к проблеме террора... Сегодня мы знаем, что террор не является случайной, неуправляемой и бесцельной формой насилия. Он вовсе не может быть уподоблен землетрясению или сильному урагану - грозным явлениям стихии, перед которыми человечество пока бессильно. Террористы и те, кто стоят за их спиной, ставят перед собой определенные цели, и террористическое насилие является средством достижения этих целей. Наша реакция должна быть двоякой: мы должны лишить их этого средства, но, главное - мы должны лишить их возможности добиться осуществления поставленных целей. Террористы попытаются найти в нашей среде признаки слабости и раздора. Нам следует доказать им, что мы не позволим террору поставить нас на колени. Мы просто обязаны заставить террористов отчаяться и утратить надежду на достижение поставленных ими целей...

Я полагаю, что в практическом аспекте пассивная самозащита не может быть достаточно действенным средством противодействия террору и тем государствам, которые оказывают покровительство террористам. Настало время всерьез задуматься над более действенными средствами - такими, как самозащита с помощью превентивных ударов по террористическим группировкам"/60.

На фоне политики левого израильского правительства, созданного в 1992 году, - политики, обеспечивающей террору возможность достижения поставленных целей, - слова

Джорджа Шульца обретают дополнительную актуальность. "Невозможно положить конец террору и даже сократить его масштабы иначе, как посредством политического процесса", - твердят представители левых кругов в конессете и правительстве. Таким образом они декларируют свою готовность капитулировать перед политическим диктатом террористов. Рональд Рейган и Джордж Шульц приняли на вооружение прямо противоположную концепцию, и, благодаря их решимости, экспансия международного терроризма была почти полностью остановлена в 80-е годы.

США возглавили международную кампанию борьбы с террором. Вашингтон приступил к осуществлению политических и экономических санкций против таких террористических государств, как Ливия, Сирия и Иран. Американские спецслужбы проявили необходимую настойчивость в ходе преследования бандитов ООП, захвативших прогулочное судно "Акилла Лауро". Но самое главное - США однозначно доказали серьезность своей новой политики террористам всего мира, когда в 1986 году американские и британские ВВС подвергли бомбардировке Ливию (в ходе этой воздушной атаки чуть было не погиб ливийский диктатор Муаммар Каддафи).

В том же году имел место еще один инцидент, подтвердивший решимость Рейгана и Шульца. Самолет авиакомпании TWA был захвачен арабскими террористами и угнан в Бейрут. В обмен на освобождение заложников террористы потребовали освободить их сообщников, отбывавших наказание в Кувейте, и шиитских боевиков, находившихся в израильских тюрьмах. Желая подтвердить серьезность своих намерений, террористы хладнокровно убили одного из пассажиров самолета, американского гражданина, и выбросили его труп на взлетную полосу. У террористов были веские основания для того, чтобы опасаться американской операции по освобождению заложников, поэтому они рассредоточили пассажиров захваченного самолета по различным районам Бейрута. Таким

образом, копирование операции, осуществленной Израилем в угандийском аэропорту "Энтеббе", стало невозможным.

С самого начала кризиса был создан прямой канал связи между госсекретарем США Шульцем, Шамиром (который был тогда министром иностранных дел Израиля) и Пересом (который возглавлял тогда израильское правительство национального единства). Будучи в тот момент послом Израиля при ООН, я был привлечен к решению проблемы в качестве координатора американо-израильских связей. Помощник госсекретаря США Чарли Хилл ежедневно звонил мне, чтобы передать информацию от Шульца Шамиру, а также с целью проведения текущих консультаций по различным аспектам кризиса в Бейруте. Я изначально полагал, что ключом к достижению успеха станет жесткая американская позиция, исключающая возможность капитуляции перед лицом террористического шантажа. Ситуация осложнилась, когда террористы рассредоточили заложников по Бейруту и заявили, что они без колебаний убьют их, если Соединенные Штаты откажутся удовлетворить выдвинутые ими требования.

В тот день, когда этот ультиматум был предъявлен террористами в самой зловещей форме, Чарли Хилл спросил меня, какая американская реакция представляется мне правильной при сложившихся обстоятельствах. "Угрожайте им, - ответил я помощнику госсекретаря. - Заявите со всей однозначностью, что если с головы еще одного заложника упадет хотя бы один волос, вы не успокоитесь до тех пор, пока не уничтожите всех участников теракта и их сообщников. Всех до единого". Хилл пообещал передать мой ответ Шульцу. Через несколько дней он сообщил мне, что администрация США действовала в соответствии с моими рекомендациями и добилась положительных результатов. Террористы умили свои требования, напряжение спало.

Однако в тот момент, когда исход кризиса вызывал самые мрачные опасения, правительство Израиля предложило освободить шиитских заключенных в соответствии с разра-

ботанным ранее графиком и вне прямой зависимости от переговоров о судьбе заложников. Джордж Шульц выразил свое недовольство в связи с выдвиганием этого предложения, поскольку оно могло быть воспринято как согласие выполнить некоторые требования террористов. Через несколько недель был найден выход из кризиса: заложники были освобождены, а затем Израиль выпустил на свободу группу шиитских заключенных. США не уступили в главном - они отказались выполнить первоначальное требование террористов об освобождении их сообщников из кувейтской тюрьмы.

* * *

Увы, именно в тот период, когда США изменили свою концепцию противостояния террору в сторону большей жесткости и решительности, в израильской политике наметилась прямо противоположная тенденция. Самым значительным проявлением кризиса стала сделка с террористической организацией Ахмеда Джибриля, в рамках которой Израиль освободил из заключения свыше тысячи террористов в обмен на возвращение трех солдат ЦАХАЛа, плененных в Ливане. Решение об этом было принято в 1985 году, когда у власти в Израиле находилось правительство национального единства во главе с Шимоном Пересом. Следует признать, что этому кризису предшествовали некоторые трещины в принципиальной израильской позиции, как, например освобождение 76 террористов в обмен на возвращение одного израильского заложника - при правительстве Менахема Бегина (1979). Однако сделка с Джибрилем затмила своими масштабами все предшествующие израильские уступки.

С самого начала я считал, что сделка с Джибрилем подрывает израильские усилия, направленные на создание международного фронта противостояния террору. Как сможет Израиль призывать США и другие страны Запада к

стойкости и решительности, когда сам он капитулирует перед лицом террористического давления? Более того, я был уверен, что освобождение тысячи террористов и их возвращение в арабские населенные пункты Иудеи, Самарии и Газы неизбежно вызовет резкую эскалацию насилия в этих районах. Было ясно, что палестинское общество встретит этих преступников как героев и увидит в них пример для подражания. Через несколько дней после того, как правительство Израиля приняло свое злополучное решение, я написал из Вашингтона одному из министров, что сделка с Джибрилем "явится фактором, стимулирующим новые убийства и беспрецедентное кровопролитие"*.

И действительно, результаты не заставили себя долго ждать. Сегодня уже совершенно ясно, что освобождение тысячи террористов стало одним из главных факторов, вызвавших интифаду. Выйдя на свободу, эти люди взяли на себя роль подстрекателей и лидеров палестинского восстания, которое привело ко всем тем многочисленным жертвам, о неизбежности которых я писал в 1985 году.

---

* В этом письме, датированном 28 мая 1985 года, я писал, среди прочего, следующее: "После того, как наша многолетняя военная, политическая и пропагандистская активность привела наконец западные страны и, в первую очередь, Соединенные Штаты к готовности занять решительную позицию против международного терроризма, мы совершаем странный и необъяснимый поступок: одним-единственным шагом мы разрушаем и перечеркиваем все свои достижения в данной области. Не случайно многие, в том числе Окли (советник президента Рейгана по борьбе с террором), обращаются ко мне от имени Шульца с выражением глубокого недоумения по поводу этого поступка, которого от нас никто не ожидал.

Более того, это решение подорвало у многих здесь (в США) веру в способность Израиля противостоять шантажу и давлению; я уверен также, что оно окажет самое негативное воздействие на нашу нравственную позицию в самом Израиле. Как сможем мы требовать от своих солдат рисковать жизнью ради задержания террористов-убийц? Ведь мы сами лишаем их самопожертвование всякого смысла. Не менее печально и то, что в момент глубочайшего кризиса ООП мы своими руками даруем им огромную и нежданную победу, которая открывает

К счастью, сдвиг в американской политике противостояния международному терроризму зашел уже слишком далеко, и даже позорная израильская капитуляция не могла изменить наметившуюся положительную тенденцию. Рейган и Шульц пришли к твердому убеждению о недопустимости уступок террористам, и они принимали все более решительные меры в этом направлении. 11 июля 1986 года, через год после сделки с Джибрилем, я услышал от Шульца следующую оценку злополучного израильского решения: "То была ужасная ошибка". Но даже эта "ужасная ошибка" бледнеет в сравнении с тем, что совершило правительство Рабина после 1992 года. Сделку с Джибрилем Шамир представил как "одноразовый и исключительный шаг", а правительство Рабина превратило оптовое освобождение террористов в норму. К тому же, левый кабинет освобождает осужденных бандитов, не получая ничего взамен; Рабин лишь надеется на то, что, выпуская убийц на свободу,

---

перед ними новые возможности. Этот наш шаг явится фактором, стимулирующим новые убийства и беспрецедентное кровопролитие. Мы спасли, быть может, несколько еврейских жизней, но мне ясно, что мы заплатили за их спасение ценой гораздо более многочисленных жертв, которые обречены теперь на гибель из-за принятого решения.

Но кроме этой кровавой арифметики здесь имеется и принципиальная проблема. Государство должно ориентироваться в своих действиях на благо большинства, а я не вижу никакой возможности оправдать совершенное в данном случае каким бы то ни было благом большинства".

Еще до того, как правительство приняло решение об освобождении террористов, я сделал все, от меня зависевшее, для его предотвращения. Информация о запланированной сделке была получена в израильском представительстве при ООН всего за несколько часов до рокового заседания кабинета министров. Я чувствовал себя обязанным предпринять последнюю попытку воздействовать на членов израильского правительства.

В интервью радиостанции "Коль Исраэль" я выступил с резкой критикой сделки с Джибрилем и сказал, что ее заключение нанесет непоправимый ущерб израильским усилиям, направленным на подавление и предотвращение террора. Это интервью было передано

он стимулирует "добрую волю ООП и палестинского народа". Тем самым он рассчитывает добиться изменения основополагающей цели палестинского национализма, которой по-прежнему является уничтожение Израиля.

Однако, как было отмечено выше, в середине 80-х годов новоявленная израильская слабость не могла повлиять на американскую политику. Напротив, администрация США взяла на себя задачу содействовать изменению отношения к терроризму со стороны других западных стран. На конференции в Токио, состоявшейся после американо-британской военной акции против Ливии, США добились принятия далеко идущих решений в области совместного противостояния террору. В 1987 году американский конгресс принял Закон о борьбе с терроризмом, на основании которого все учреждения ООП в Соединенных Штатах были закрыты. Закон гласил: "ООП является террористической организацией, представляющей угрозу для интересов США и их союзников".

в эфир всего за час до заседания кабинета - если министры и услышали мои слова, они не отнеслись к ним с должной серьезностью. Правительство проголосовало за утверждение сделки с Джибрилем (это было еще до общественного скандала, вызванного публикацией подробностей сделки). В ходе заседания кабинета премьер-министр Шимон Перес, который был крайне раздосадован моим выступлением, потребовал обязать "всех послов Израиля за границей" воздерживаться от комментариев по поводу принятого решения (ни у кого не вызывало сомнения, кто именно является адресатом этого распоряжения).

Несколько часов спустя я собрал сотрудников израильского представительства при ООН на совещание и сообщил им, что не собираюсь выполнять поступившее распоряжение. Напротив, я буду использовать каждый удобный случай для критики решения, принятого правительством. Мне казалось весьма вероятным, что я буду смещен за это со своего поста, поэтому я призвал тех, кто разделяет мою точку зрения, быть готовыми к самым неприятным последствиям в плане личной карьеры. Несмотря на то, что я неоднократно выступал в дальнейшем с самой резкой критикой по поводу сделки с Джибрилем, извещение об отстранении от должности так и не поступило.

После того, как в течение 20 лет международный терроризм и, в первую очередь, террористические структуры ООП пользовались на Западе почти неограниченной свободой, был установлен, наконец, четкий принцип, в соответствии с которым террористы и стоящие за ними государства не могут оставаться безнаказанными. Все большее знакомство Запада с методами террористических групп и риск ответных американских рейдов грозили опрокинуть всю конструкцию международного терроризма, - а вместе с ней и надежду ООП на обретение политической легитимации. Климат резко изменился, и палестинская организация утратила неожиданно для себя свое главное оружие.

В начале 1988 года ООП переживала один из серьезнейших кризисов с момента своего основания. Лидеры ООП, изгнанные в далекий Тунис, не могли проводить в жизнь свои бравые лозунги, призывающие к продолжению "вооруженной борьбы" против Израиля - в силу этого обстоятельства палестинская организация стремительно утрачивала политическую значимость. И действительно, на состоявшейся в Аммане в ноябре 1987 года конференции Лиги арабских стран "палестинская проблема" впервые отошла на второй план (основное внимание арабских лидеров было уделено тогда ирано-иракской войне, которая продолжалась к тому времени уже восьмой год/61).

Руководство ООП оказалось перед необходимостью срочно изменить образ своей организации, который -

---

Политика создания единого фронта противостояния террору обрела официальное выражение на конференции в Токио (1986), в которой принимали участие лидеры ведущих стран Запада. Вернувшись из японской столицы, госсекретарь США Шульц написал мне следующее: "Во время долгого полета в Токио я обратил внимание на то, что президент Рейган читает Вашу книгу. Он сделал несколько замечаний по поводу отдельных мест. Закончив чтение, Рейган передал книгу мне. При этом он сказал: "Я хочу получить ее обратно". Президент и его супруга видели Ваше выступление по телевидению, в ходе которого Вы говорили о нашей операции в Ливии. Они сказали мне, что, по их мнению, Вы прекрасно представили свою позицию. Нашу позицию".

несмотря на все уловки и опровержения - устойчиво связывался с терроризмом. Нужны были иные способы доказательства способности ООП "освободить Палестину". И теперь уже было недостаточно категорических отрицаний причастности ООП к тем или иным терактам; для проникновения на политическую арену нужно было убедить США и Запад в том, что принципиальное отношение палестинской организации к Израилю претерпело существенные изменения.

Ораторы ООП стали использовать в своих выступлениях двусмысленные формулировки, которые могли быть поняты на Западе как смягчение идеологической доктрины этой организации. Вместе с тем, для арабских ушей они прибегали совсем иные выражения. Так, например, распространенное словосочетание "оккупированные территории" указывает на те земли, которые ООП намеревается "освободить". На Западе этот термин воспринимается применительно к Иудее, Самарии и Газе, то есть тем территориям, который оказались под израильским контролем в результате Шестидневной войны 1967 года. Однако ООП традиционно использует этот термин применительно ко всей территории Израиля - "земли, захваченные в 1948 году". Иногда в пылу полемического задора ораторы ООП забывают, перед какой аудиторией они выступают, и тогда из их уст можно услышать интересные признания. Абу-Ияд, глава военного командования ФАТХа, заявил в 1985 году в интервью радиостанции Би-Би-Си:

"Когда мы говорим "оккупированная Палестина",.. мы имеем в виду всю территорию Палестины. Наше сопротивление сионистской оккупации будет повсеместным, оно не будет ограничено только территорией Западного берега и сектора Газы"/62.

С аналогичным заявлением выступил в том же году Фарук Каддуми в беседе с корреспондентом французской газеты "Котидьен де Пари": "Когда мы говорим о вооруженной борьбе, законность которой признается Организацией

Объединенных Наций, мы имеем в виду все оккупированные земли Палестины... Мы имеем полное право бороться с врагом, захватившим нашу землю, будь то оккупация 1967 года или более ранняя оккупация, имевшая место в 1948 году"/63.

Однако такие откровения в западной прессе были редкостью, поскольку ООП старательно маскировала свои истинные цели и намерения. Излюбленным способом политической игры ООП стало чередование заявлений и опровержений: палестинские лидеры делали двусмысленные заявления, которые могли быть истолкованы как "политическая уступка" (скажем, признание права Израиля на существование), - только затем, чтобы сразу же вслед за этим опровергнуть их.

Известной иллюстрацией этой техники является документ, который Арафат, якобы, подписал, находясь в осажденном бункере в Бейруте (1982), в присутствии американского конгрессмена Пола Макклоски. По словам Макклоски, Арафат заявил, что он согласен признать Израиль в контексте всех резолюций ООН. Макклоски, явно захваченный своей причастностью к событию, которое, по его мнению, должно было изменить мир, сразу же сообщил прессе об "историческом сдвиге". Средства массовой информации раструбили новость о смягчившейся позиции Арафата, - и все это только для того, чтобы уже через несколько часов ООП полностью опровергла все сообщения, опубликованные по этому поводу/64.

Как и в каждом предыдущем раунде политической игры, целью руководителей ООП было стремление убедить Вашингтон в том, что эта организация не поддерживает терроризм. Задолго до распада Советского Союза большинству лидеров ООП стало ясно, что путь к обеспечению реального давления на Израиль проходит не через Кремль, а через Белый дом и американское общественное мнение. Постепенно к такому же выводу пришли и остальные арабские лидеры; после американской победы в войне в

Персидском заливе (1991) эту истину осознали даже в Дамаске.

Мы уже отмечали, что пропагандистская доктрина ООП и арабского мира в целом, доказавшая свою несомненную действенность на международной арене, основывается на принципе фиктивной редукции: сначала все проблемы Ближнего Востока были сведены к арабо-израильскому конфликту, затем этот конфликт был представлен как столкновение между Израилем и палестинцами, где место палестинцев вообще заняла Организация освобождения Палестины, и, в конце концов, Соединенные Штаты были поставлены перед необходимостью признать ООП в качестве полноправной стороны в арабо-израильском конфликте.

Однако на пути к американскому признанию ООП должна была преодолеть один серьезный барьер. В 1975 году госсекретарь США Генри Киссинджер подписал меморандум с Израилем, согласно которому Соединенные Штаты обязывались воздерживаться от переговоров с ООП до тех пор, пока эта организация не признает право Израиля на существование и не примет отвергнутую ею резолюцию ООН #242. Впоследствии США обязались не поддерживать никаких контактов с ООП, пока эта организация не прекратит террористическую деятельность. Чтобы удовлетворить этим требованиям, ООП должна была замаскировать свою истинную цель - уничтожение Израиля, должна была скрыть свою приверженность методам насилия и террора. Именно это побудило лидеров ООП взять на вооружение тактику двусмысленных "умеренных" заявлений, от которых было легко отмежеваться, обращаясь к арабской аудитории.

В конце 1988 года спасительная формула, которая могла обеспечить ООП признание Вашингтона, была наконец найдена. В ходе предварительных контактов с американцами Арафат спорил о каждой точке над "i" и каждой черточке в "t", однако в конце концов взаимопри-

емлемое решение было найдено. На ноябрьской сессии "Палестинского национального совета" в Алжире лидер ООП выступил с заявлением, содержание которого соответствовало минимальным требованиям Вашингтона. Несколько дней спустя он должен был повторить свое заявление, внося в него некоторые вытребованные американцами поправки, на пресс-конференции в Женеве. В обмен на это США обязались вступить в политический диалог с палестинской организацией.

Есть нечто парадоксальное в самом предположении о том, что слова могут очистить тиранов и террористов от их былых злодеяний; тем более, что в XX веке многие тираны продемонстрировали свою готовность систематически лгать ради достижения своих целей. Примечательно также, что декларация, вырванная американцами из уст Арафата, стоила совсем немногого. Выступая в Женеве с "осуждением террора", лидер ООП произнес буквально следующее:

"Палестинский национальный совет вновь подтвердил свое категорическое отрицание всех форм терроризма, в том числе - терроризма государственного... Эта позиция ясна и лишена всякой двусмысленности. Тем не менее, я, как председатель Организации освобождения Палестины, еще раз заявляю здесь, что я осуждаю терроризм во всех его формах, и, в то же время, я приветствую сидящих передо мной в этом зале людей, которые в дни борьбы за освобождение своих стран от ярма колониализма были обвинены своими угнетателями в терроризме...

Я также воздаю дань уважения мученикам, которые пали от рук террористов и терроризма, и прежде всего товарищу всей моей жизни, моему заместителю, символу мученичества Халилю эль-Вазиру (Абу-Джихаду), и мученикам, павшим жертвами убийств, совершаемых против нашего народа в разных городах, деревнях и лагерях беженцев на Западном берегу, в секторе Газы и в Южном Ливане"/65.

Арафат осудил терроризм - и тут же лишил свое заявление всякого смысла, объявив терроризмом израильские действия против палестинцев. Разумеется, эти действия он всегда и охотно готов осудить. Что же касается действий самой ООП, то Арафат "приветствует" тех, кого "их угнетатели обвиняли в терроризме". В качестве символа жертвы террора он избрал Абу-Джихада, человека, осуществлявшего планирование таких терактов, как резня в Нагарии (1974), захват автобуса с заложниками на Приморском шоссе (1978), убийство трех израильских моряков в Барселоне (1985). Ни одну из этих террористических акций Арафат не осудил. Он отказался изменить официальную доктрину ООП, провозглашающую "вооруженную борьбу" против Израиля единственным средством урегулирования конфликта. Именно этим термином - "вооруженная борьба" - пользуются ораторы ООП, говоря о санкционированных ими актах террора.

Столь же двусмысленным было признание права Израиля на существование. 13 декабря 1988 года Арафат заявил в Женеве:

"Более сорока лет назад Организация Объединенных Наций своей резолюцией #181 приняла решение о создании двух государств в Палестине, арабского палестинского государства и еврейского. Несмотря на историческую несправедливость, совершенную по отношению к нашему народу, мы полагаем сегодня, что указанная резолюция по-прежнему удовлетворяет законным международным требованиям, гарантирующим арабскому народу Палестины суверенитет и государственную независимость...

ООП будет стремиться ко всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта, в котором примут участие все стороны - Государство Палестина, Израиль и другие соседи; это урегулирование будет достигнуто в рамках международной мирной конференции по Ближнему

Востоку на основе резолюций ООН #242 и #338. Решение конференции должно обеспечить равенство и баланс интересов, и в особенности - права нашего народа на свободу и национальную независимость, уважая право всех сторон на мирное и безопасное существование"/66.

Среди этих затейливых речевых оборотов нет ни одного однозначного высказывания о готовности ООП признать Израиль и заключить с ним мир. Хуже того, Арафат уделяет основное внимание резолюции ООН #181 (план раздела Эрец-Исраэль от 1947 года), что вообще лишает всякого смысла его выступление, поскольку эта резолюция отводила палестинским арабам не только Западный берег Иордана и сектор Газы, но и значительную часть суверенной территории Израиля. На этой территории, находившейся под израильским суверенитетом еще до 1967 года, расположены такие крупные еврейские города, как Беэр-Шева, Ашдод, Ашкелон, Кирьят-Гат, Яффо, Рамле, Лод, Нагария, Акко. Излишне говорить о том, что в соответствии с резолюцией ООН #181 район Иерусалима должен был оказаться под международным контролем (см. карту 5).

Это вполне соответствует стандартной практике ООП - говорить о мире с Израилем "в контексте всех соответствующих резолюций Организации Объединенных Наций". Такова излюбленная формула арабов, поскольку под это определение подпадают и те резолюции, которые отрывают от Израиля часть Негева и Галилеи, Голанские высоты и Иерусалим, наводняют его прибрежные равнины арабскими беженцами, запрещают продавать Израилю оружие и налагают на него экономические санкции. В своей совокупности "все соответствующие резолюции ООН" ведут к уничтожению еврейского государства. Поэтому предложение мира на основе "всех соответствующих резолюций ООН" и даже одной только резолюции #181 - примерно то же самое, как если бы кто-то обещал быть вашим другом, позволь вы ему лишить вас рук и ног.

* * *

Заявления, сделанные Арафатом в Алжире и в Женеве после изнурительных пререканий с американскими чиновниками, были раздуты вне всякой пропорции средствами массовой информации и приобрели видимость события эпохального значения. США и Британия воспользовались этим для того, чтобы начать официальный диалог с ООП, а президент Франции Миттеран счел возможным принять Арафата в своем дворце. Солиднейшие газеты провозгласили речь Арафата "историческим водоразделом", приближающимся по своему значению к Кемп-Дэвидскому мирному соглашению. Газета "Нью-Йорк таймс" писала в связи с этим:

"Американская концепция касательно арабо-израильских отношений переживает период изменения... В прошлом месяце (Арафат) осудил терроризм и, с известными оговорками, признал право Израиля на существование. Тем самым он изменил расстановку сил и самое игровое поле"/67.

Тот, кто пытается анализировать риторику ООП, должен помнить, что в глазах лидеров этой организации имеют значение лишь те слова, которые произносятся для внутреннего пользования, для своей аудитории. Декларации, адресованные внешнему миру, не имеют реального политического веса. В этом отношении ООП ничем не отличается от диктаторских режимов, сознательно сохраняющих значительный зазор между своими декларативными и истинными целями. Так, например, в годы своей работы в ООН я неоднократно слышал выступления советского представителя, говорившего о настойчивом желании СССР содействовать установлению мира в Афганистане. Этим заявлениям никто не придавал ни малейшего значения, поскольку советские войска продолжали войну против

афганских повстанцев и против мирного населения этой страны. Но когда советские газеты стали публиковать репортажи из Панджирской долины, в которых советские солдаты призывали свое правительство прекратить войну в Афганистане; когда эти призывы были прочитаны и услышаны жителями Москвы и Киева, стало ясно, что приближается реальное изменение советской политики. По сути дела, именно эти критические отклики на войну в Афганистане возвестили начало нового периода "гласности и перестройки".

То же самое абсолютно справедливо и по отношению к ООП. Заявления представителей этой организации в Нью-Йорке, их многозначительные нашептывания в Лондоне и дипломатические брифинги в Женеве преследуют одну и ту же цель - ввести общественное мнение Запада в заблуждение относительно истинных намерений ООП. Той же цели подчинены выступления ораторов ООП перед израильскими средствами массовой информации. Все, что произносится ими на английском, французском или иврите, изначально предназначается для внешнего пользования и не имеет реального значения. Важно лишь то, что произносится по-арабски, в обращениях к собственной аудитории. Именно в таких выступлениях действительные намерения ООП раскрываются адекватным образом, и всякий неленивый обозреватель может получить о них должное представление.

Сразу же после того, как Арафат "осудил" террор и "признал" право Израиля на существование, официальные представители ООП стали разъяснять смысл его заявлений читателям арабской прессы. Они убедительно доказывали им, что декларация Арафата прозвучала в контексте долгосрочной стратегии ООП, предусматривающей поэтапное уничтожение Израиля. Из их доходчивых объяснений явно следовало, что в действительности ничего не изменилось, и цели ООП остаются прежними. Впрочем, свое заявление, "осуждающее" террор, Арафат опроверг лично и в обраще-

нии к западной аудитории. 19 декабря 1988 года, всего через пять дней после своего шумевшего выступления в Женеве, Арафат сказал в интервью австрийскому телевидению, что он вовсе не намеревался отказываться от принципа "вооруженной борьбы" против Израиля/68. Как и остальные лидеры ООП, он утверждает со всей однозначностью, что "вооруженная борьба" будет продолжаться.

Что касается арабских средств массовой информации, то там и вовсе не было попыток представить женевское заявление Арафата как нечто поворотное и эпохальное. Уже через неделю после его выступления в Женеве заместитель спикера ПНС, член исполкома ФАТХа Салим Заанун заявил следующее: "Вооруженная борьба против сионистского врага и его союзников должна продолжаться повсеместно... Мы не имеем иного выбора, кроме продолжения военных действий с целью разгромить врага и создать наше государство"/69. Ему вторил Абу-Ияд, первый заместитель Арафата: "ООП никогда не принимала на себя обязательств прекратить вооруженную борьбу и никогда не осудит ее"/70. Хани эль-Хасан, состоявший тогда ближайшим советником Арафата, утверждал: "Палестинская вооруженная борьба не закончилась"/71. Наиф Хаватме, лидер "Демократического фронта освобождения Палестины", третьей по величине фракции ООП, сказал:

"Народная революция в Палестине исполнена решимости продолжать борьбу до тех пор, пока не настанет конец сионистской оккупации, пока вся Палестина - от моря (Средиземного) до реки (Иордан), с юга и до севера - не будет освобождена"/72.

И снова Абу-Ияд: "Мы никогда не понимали под осуждением террора приостановку военных действий"/73. Когда Фарука Каддуми попросили прокомментировать заявление Арафата об отказе от террора, он ответил: "Это неверная интерпретация заявления, сделанного председателем Арафа-

том... Мы осуждаем терроризм, в особенности государственный терроризм Израиля". На вопрос о том, не лишает ли такая интерпретация всякого смысла декларацию Арафата, на основании которой госсекретарь США Шульц принял решение о начале диалога с ООП, Каддуми ответил следующее: "Шульц может идти к черту. Думаю, он уже в пути"/74.

Такая же судьба постигла и другую часть женевского заявления Арафата - "признание" права Израиля на существование. Абу-Ияд категорически отрицал подобную интерпретацию слов председателя ООП в своих многочисленных выступлениях перед арабской аудиторией. 11 февраля 1989 года он заявил: "Ни решения сессии ПНС в Алжире, ни речь Арафата в Женеве не содержали признания Израиля со стороны Организации освобождения Палестины"/75. Жорж Хабаш, лидер "Народного фронта освобождения Палестины", поддержал Абу-Ияда: "Решения ПНС никоим образом не могут означать признания Израиля или признания его права на существование. Мы не признаем Израиль"/76. 8 августа 1989 года руководимая Арафатом фракция ФАТХ приняла резолюцию, призывающую к "усилению и эскалации военных действий и всех форм борьбы, направленных на прекращение сионистской оккупации Палестины". 31 января 1990 года исполком ООП утвердил эту резолюцию в качестве программного документа/77.

Данная резолюция была положена в основу совместного заявления, которое было сделано в том же месяце Ясером Арафатом и Муаммаром Каддафи: "Создание Государства Израиль явилось результатом Второй мировой войны, и оно должно исчезнуть, вместе с другими результатами той войны; подобно тому, как исчезла на наших глазах Берлинская стена"/78.

Спектакль полностью повторился в связи с нашумевшим высказыванием Арафата, понятым на Западе как отказ от центрального положения "Палестинской хартии", объявляю-

щего целью ООП уничтожение Израиля. До своего выступления в Женеве Арафат неизменно переводил разговор на другую тему, как только его спрашивали о "Палестинской хартии". Посетив по приглашению президента Миттерана Париж через несколько месяцев после своего женевского выступления, Арафат не мог уклониться от прямого вопроса, связанного с "признанием" Израиля вопреки "Палестинской хартии", которая является конституционным документом ООП.

Отвечая журналистам в Париже, Арафат сказал следующее: "Что касается "Палестинской хартии", то здесь, я думаю, можно ответить французской поговоркой: "C'est caduc"/79. Редкое французское слово caduc может переводиться по-разному, как "неуместный" или "потерявший законную силу".

Пресса, как водится, превратила эти слова Арафата в заявление, аннулирующее "Палестинскую хартию". И опять-таки, как обычно, уже через считанные часы после парижского выступления Арафата и сам он, и его товарищи по руководству ООП объяснили, что слово caduc имеет множество значений. Арафат был неправильно понят, да и вообще, он не имеет права менять какую бы то ни было деталь в тексте "Палестинской хартии". Выступая в Саудовской Аравии, Арафат объяснил смысл своего парижского заявления в следующих словах: "(caduc) позволяет в правовом отношении точно охарактеризовать нынешнее состояние этого основополагающего документа... Один из моих советников предлагал воспользоваться словом obsolete (устаревший), но я сказал: нет, это неправильный термин"/80.

Хаккам Балави, представлявший ООП в рамках политического диалога с Соединенными Штатами, разъяснил:

"Когда Ясер Арафат, выступая перед французскими журналистами, употребил по отношению к "Палестинской хартии" французское слово caduc, означающее "выше-

дший из употребления", "устарелый" или "утративший силу", он вовсе не имел ввиду аннулировать "Палестинскую хартию"... В словарях приводится множество значений этого слова, и Запад может выбрать любое из них, какое пожелает... Палестинское руководство вправе придерживаться тех определений, которые оно считает корректными, верно отражающими смысл, того что оно намеревалось сообщить"/81.

Абу-Ияд изложил существо проблемы следующим образом: "Ни Арафат, ни Салех Халаф (Абу-Ияд), ни какой-либо другой лидер не может отменить "Палестинскую хартию" собственной волей, поскольку это исключительная прерогатива "Палестинского национального совета"/82. Абу-Ияд подчеркнул, что даже ПНС может изменить "Палестинскую хартию" только большинством в две трети голосов. По поводу возможности отменить 19 статью этого документа, объявляющую *caduc* Государство Израиль, Абу-Ияд сказал: "Мы в ООП не согласны с изъятием из "Палестинской хартии" статьи 19"/83.

ООП подкрепила заявления своих лидеров немедленным возобновлением террора. В течение месяцев, последовавших за женевским выступлением Арафата в декабре 1988 года, боевые группы ООП предприняли десятки попыток проникнуть на территорию Израиля. Эти группы были подготовлены и направлены на выполнение террористических заданий фракциями ООП, принимавшими участие в ноябрьской сессии ПНС в Алжире и стоявшими, казалось бы, за заявлением о прекращении террора. Допросы задержанных террористов и изучение карт, изъятых у них, показали, что эти боевые группы ставили своей целью нанесение ударов по гражданским объектам. Часть террористических рейдов была подготовлена ДФОП. Ясер Абед-Рабо, один из лидеров этой фракции, состоящий членом исполкома ООП, возглавлял палестинскую группу на переговорах с США, проходивших после того, как Вашингтон

заявил о своей готовности начать диалог с ООП. Израиль выразил в связи с этим свой протест, однако американская администрация предпочла его проигнорировать.

* * *

ООП, чья наглость лишь возросла благодаря сдержанности американцев (как в 1970 году - благодаря нерешительности короля Хусейна), решила усилить атаки. В мае 1990 года, в день еврейского праздника Шавуот, на пляжи Тель-Авива было совершено нападение с моря. Входящая в ООП фракция Абу-Аббаса направила к израильскому побережью несколько гоночных моторных лодок, на каждой из которых находилась группа вооруженных до зубов террористов. Они ставили перед собой простую и циничную задачу: убить как можно больше отдыхающих на пляже израильтян и туристов. В районе, где предполагали высадиться на берег террористы Абу-Аббаса, расположены крупнейшие тель-авивские гостиницы и посольство США.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств, бойню на пляже удалось предотвратить буквально в последнюю минуту. Террористы сбились с курса и приблизились к берегу южнее Тель-Авива, в районе Ницаним. Они были своевременно обнаружены израильскими ВМС, и на относительно пустынном участке побережья солдаты ЦАХАЛа быстро подавили их сопротивление.

К несчастью для ООП, эта акция оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения американской администрации. К тому времени в США был уже принят закон Макка-Либермана, предписывающий госдепартаменту ежеквартально информировать конгресс о том, в какой мере ООП соблюдает принятые на себя обязательства по отказу от террора. Террористическое нападение на израильское побережье, вызвавшее повышенное внимание конгресса и средств массовой информации, вынудило администрацию США прервать политический диалог с ООП, который продолжался к тому времени уже около года.

Однако лидеры ООП созвали многолюдную сессию ПНС в Алжире, утвердившую столь замысловатые политические формулировки, не для того только, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение на Западе. Высокопоставленные деятели ООП настойчиво утверждали в арабской прессе, что алжирская сессия 1988 года явилась реальным форумом высшего представительного органа палестинцев, в ходе работы которого были приняты решения, имеющие важное практическое значение. 8 января 1989 года, через несколько дней после женевского выступления Арафата, член ЦК ФАТХа и бывший представитель ООП в Саудовской Аравии Рафик Натше объяснил смысл решений, принятых в Алжире: "Наш нынешний политический подход основывается на Поэтапном плане"/84. Его слова явились откликом на заявление Абу-Ияда, сделанное накануне алжирской сессии ПНС, когда зампреда ООП сказал: "Мы должны выступить с политической инициативой, которая не несла бы ничего нового по сравнению с Поэтапным планом... Эта инициатива должна обеспечить нам новые средства для выполнения Поэтапного плана"/85.

Сразу же после алжирской сессии ПНС Абу-Ияд удовлетворенно констатировал:

"(Новые) решения "Палестинского национального совета" представляют собой усовершенствованную версию Поэтапного плана, принятого в Каире 14 лет назад. Этот План не дорабатывался в течение минувших лет, и у нас не было механизма для его реализации. Сессия ПНС в Алжире вдохнула новую жизнь в Поэтапный план и обеспечила условия для его осуществления"/86.

Что же это за Поэтапный план, о котором столь часто говорят лидеры ООП? В первые годы после основания палестинской организации ее лидеры верили в то, что Израиль будет уничтожен одним ударом, если только им удастся спровоцировать глобальную войну между арабски-

ми странами и еврейским государством. Даже позорное поражение, которое потерпели арабы в 1967 году, не заставило лидеров ООП отказаться от веры в скорое и неременное уничтожение Израиля. Им казалось, что стоит арабским государствам прийти в себя и перевооружить свои армии, и Израиль будет наконец уничтожен в ходе согласованного военного выступления арабской коалиции. В 1973 году Египет и Сирия внезапно атаковали Израиль в самых выгодных для себя условиях, однако и эта война доставила лидерам ООП несказанное разочарование.

По сути дела, исход Войны Судного дня был для них еще более болезненным и досадным, чем сокрушительное поражение 1967 года: ведь теперь король Хусейн, войска которого были отброшены в ходе Шестидневной войны на Восточный берег Иордана, остался в стороне и не присоединился к военному союзу Сирии и Египта. Обладая необходимой стратегической глубиной на Синае и Голанских высотах, Израиль доказал свою способность выдержать и отразить внезапное арабское нападение. Несмотря на тяжелые начальные условия войны, ЦАХАЛ перехватил инициативу, перенес боевые действия на территорию противника и через три недели оказался на подступах к Каиру и Дамаску. Мечта лидеров ООП об "освобождении" Хайфы и Яффо никогда прежде не была столь далека от своего осуществления, как в 1973 году.

Через несколько месяцев после военного поражения Сирии и Египта, в Каире собралась сессия "Палестинского национального совета", участники которой намеревались обсудить создавшуюся ситуацию и принять новые стратегические решения. В свете результатов безуспешной арабской кампании, сессия ПНС пришла к выводу о том, что уничтожить Израиль военными средствами невозможно, пока еврейское государство существует в границах, установленных в ходе Шестидневной войны 1967 года. Для достижения стратегической цели ООП необходимо прежде всего добиться того, чтобы Израиль вернулся к своим прежним

уязвимым границам, позволяющим арабам нанести ему смертельный удар. Таким образом родился Поэтапный план ООП, утвержденный сессией ПНС 8 июня 1974 года.

Поэтапный план содержал два принципиально новых компонента. Во-первых, он предусматривал немедленное создание палестинского государства на любом участке территории, который будет покинут Израилем (пункт 2). Во-вторых, палестинское государство, которое будет создано на покинутой Израилем территории, станет плацдармом общеарабской агрессии против еврейского государства (пункт 8). Полный текст этого решения, составленный в характерных для ООП вычурных, но достаточно ясных выражениях, приводится в конце книги, в приложении 13.

Хотя ПНС официально утвердил в целом этот план поэтапного уничтожения Израиля, в руководстве ООП не утихали споры относительно его различных составляющих. Так например, лидер "Народного фронта освобождения Палестины" Жорж Хабаш считал промежуточный этап (создание палестинского государства на части территории Эрец-Исраэль) излишним, поскольку он полагал, что усиление кампании антиизраильского и международного террора само по себе обеспечит условия для достижения принципиальных целей ООП. Однако Ясер Арафат и Абу-Ияд настаивали на том, что сочетание террора и дипломатии явится более действенным стратегическим средством, нежели просто террор. Их позиция снискала особенно широкую поддержку в ООП, когда Запад, под руководством американской администрации Рейгана, доказал свою решимость противодействовать терроризму.

Бомбардировка ливийских объектов, осуществленная американскими ВВС в 1986 году, стала явным свидетельством того, что отныне террористические организации и государства, оказывающие им покровительство, не смогут уклониться от ответственности за свои деяния. Этот прозрачный намек был прекрасно понят в Дамаске, Тегеране и других столицах терроризма на Ближнем Востоке. Особен-

но хорошо американский намек был понят в штаб-квартире ООП в Тунисе. Террористическая деятельность этой организации была в значительной мере свернута, и уже в 1987 году ООП оказалась в состоянии прогрессирующего структурного паралича. Чтобы сохранить свое влияние, палестинская организация должна была найти новое эффективное сочетание насилия и дипломатического давления.

И именно тогда, в конце 1987 года, на контролируемых Израилем территориях вспыхнула интифада. Это новое явление массового насилия не было порождено стратегическим гением лидеров ООП, однако интифада буквально вдохнула новую жизнь в одряхлевшие структуры палестинской организации и обеспечила ей конкретные политические цели. Ежедневная критика в адрес Израиля со стороны иностранных средств массовой информации создала благоприятные условия для выдвижения требования об израильском отступлении из Иудеи, Самарии и Газы.

Тем самым сторонникам Поэтапного плана в рядах ООП было обеспечено решающее преимущество над теми, кто сомневался в его правомерности и политической эффективности. Стало ясно, что пропагандистское давление может привести Соединенные Штаты в ряды государств, одобряющих реализацию первой стадии Поэтапного плана, каковой является создание государства ООП на территории Иудеи, Самарии и Газы.

Спор между сторонниками и противниками Поэтапного плана был окончательно разрешен на сессии ПНС в Алжире в 1988 году. Основные группировки ООП объединились вокруг Арафата и Абу-Ияда, выступавших - и выступающих - за поэтапное уничтожение Израиля. Абу-Ияд праздновал личную победу. Он отстаивал эту стратегию неустанно, даже более твердо, чем Арафат. В 1987 году Абу-Ияд доходчиво изложил основы своего мировоззрения:

"Следуя Поэтапному плану, мы создадим палестинское государство на любом клочке Палестины, с которого

отступит враг. Палестинское государство станет одним из этапов нашей длительной борьбы за освобождение всей территории Палестины. Мы не сможем осуществить свою стратегическую цель - утвердить палестинское государство на всей территории Палестины, - не образовав сначала палестинское государство (на части ее территории)"/87.

Через несколько дней после того, как, выступая в Женеве, Арафат "признал" право Израиля на существование, Абу-Ияд высказался о долгосрочной стратегии ООП: "Сначала маленькое государство, и, с помощью Аллаха, оно расширится на восток, запад, север и юг... Я заинтересован в постепенном освобождении Палестины, шаг за шагом"/88. При иной okazji он сформулировал свою мысль еще короче: "Палестинское государство станет трамплином для освобождения Яффо, Акко и всей Палестины"/89.

Будучи главным идеологом ООП, Абу-Ияд старательно разъяснял, что поэтапный план никоим образом не противоречит "Палестинской хартии", согласно которой целью организации является уничтожение Израиля. Напротив, поэтапный план является тактической реакцией на меняющиеся геополитические условия, и он обеспечит практические средства для реализации целей, указанных в "Палестинской хартии". По словам Абу-Ияда, "Поэтапный план отражает текущую ситуацию... и не требует отмены "Палестинской хартии"/90. 6 декабря 1988 года Абу-Ияд сказал: "Мы поклялись освободить Палестину даже в тех ее границах, которые существовали до 1967 года. Мы постепенно освободим всю Палестину... Границы нашего государства, о котором мы говорим сегодня, составляют лишь часть наших национальных устремлений. Мы будем способствовать их расширению с тем, чтобы в конце концов осуществить наши чаяния на всей территории Палестины"/91.

Торжествуя свою идеологическую победу после алжирской сессии ПНС и выступления Арафата в Женеве, Абу-Ияд отметил, что постепенное продвижение к стратегичес-

кой цели ООП является единственным способом заручиться поддержкой мирового сообщества. "Вооруженная борьба должна опираться на твердую политическую основу, которая позволит миру принять результаты нашей вооруженной борьбы, - заявил он. - ООП и впредь будет действовать обоими средствами, винтовкой и дипломатией"/92.

Смысл его слов достаточно ясен: сочетание лжи и террора более действенно, нежели террор как таковой. Это мировоззрение характерно не для одного только Абу-Ияда, но для большинства лидеров ООП. После того, как женевское заявление Арафата о "признании" Израиля принесло немедленный политический результат, руководителей ООП охватила эйфория; именно в этот период многие из них с небывалой откровенностью говорили о своих принципиальных установках. Никто из палестинских представителей не забыл упомянуть о том, что конечной целью ООП остается уничтожение Израиля. Но даже если бы кто и запямятовал эту важную деталь, Ясер Арафат напомнил бы ему о ней. Так, например, весной 1990 года председатель ООП выступил со следующим заявлением:

"Борьба палестинского народа будет продолжаться до полного освобождения палестинской земли... Этой борьбе палестинского народа следует помогать до тех пор, пока вся Палестина, от реки (Иордан) и до моря (Средиземного), не будет освобождена"/93.

Мы снова убеждаемся в том, что, выступая по-арабски, Арафат не ограничивает свои цели "освобождением" Иудеи, Самарии и Газы. Он постоянно говорит о "всей Палестине, от реки и до моря". Ему вторит Фарук Каддуми, начальник политического отдела ООП: "Возвращение частички нашей земли не убедит нас отказаться от остальной части Палестины... Мы разобьем свои лагеря везде, куда только долетят наши пули... и наши лагеря станут базой, с которой мы приступим к осуществлению следующего этапа"/94.

А вот заявление шейха Абдель-Хамида ас-Сайаха, председателя "Палестинского национального совета":

"Даже если ООП сумеет основать государство на Западном Берегу и в секторе Газы, это не помешает нам продолжить борьбу за освобождение всей Палестины... Получив часть Палестины и создав на ней свое государство, мы сможем затем, твердо стоя на земле Палестины, обратиться к миру с просьбой содействовать возвращению наших прав нации и народа... Мы пытаемся добиться того, что возможно уже на нынешнем этапе, а затем мы потребуем большего"/95.

И снова Сайах: "ПНС согласился принять промежуточное решение, смысл которого в том, что мы возьмем все те территории, какие можно сейчас получить. После этого мы потребуем оставшуюся часть Палестины"/96. Все фракции ООП, в том числе - самые экстремистские, приняли со временем эту "умеренную" концепцию поэтапного уничтожения Израиля. Вот, например, заявление НФОП, второй по величине фракции ООП, выступавшей в прошлом против Поэтапного плана:

"Создание палестинского государства на Западном берегу Иордана и в секторе Газы станет началом краха сионизма. Мы сможем опереться на это поражение противника с тем, чтобы завершить борьбу и осуществить нашу конечную цель, которая состоит в полном освобождении национальных земель Палестины"/97.

В издании НФОП "Эль-Хадаф" 9 апреля 1989 года было прямо сказано: "Мы стремимся создать государство, которое послужит нам для освобождения оставшейся части Палестины"/98. В том же духе высказывается Наиф Хаватме, лидер ДФОП, еще одной "радикальной" фракции в составе ООП: "Палестинская борьба должна быть нацелена сегодня

на создание государства на Западном берегу и в секторе Газы. Это не помешает нам достичь нашей конечной цели - освобождения всей Палестины"/99.

Таким образом, с принятием Поэтапного плана существовавшие в ООП разногласия между "экстремистами" и "умеренными" отпали. Сегодня, когда между различными группировками ООП установились вполне гармоничные взаимоотношения, идеологическая полемика ведется не внутри организации, а между ООП и ХАМАСом, движением исламских фундаменталистов. Влияние ХАМАСа в палестинском обществе стремительно возрастало в последние годы, и многие на Западе торопили Израиль, советуя ему вовремя заключить сделку с "умеренной" ООП, дабы не оказаться перед необходимостью диалога с исламскими фанатиками.

Нашим доброжелателям, выступавшим и выступающим с подобными советами, следовало бы прислушаться к словам Рафика Натше, одного из центральных деятелей арафатовского ФАТХа. Натше описывает разногласия между ООП и ХАМАСом следующим образом:

"(Члены ХАМАСа говорят, что) вся Палестина наша, и они хотят освободить ее от реки до моря одним ударом. ФАТХ, ведущий за собой остальные группы ООП, полагает, что нам следует действовать в соответствии с Поэтапным планом. Конечная цель обеих сторон - одна и та же. Разница между нами состоит только в том, что мы по-разному видим пути, ведущие к этой цели"/100.

На мрачном горизонте палестинского экстремизма Израиль искал хоть какое-то светлое пятно. Определенные надежды возлагались на то, что представители арабов Иудеи, Самарии и Газы, уполномоченные Арафатом вести переговоры с Израилем в рамках Мадридской конференции, проявят большую умеренность, нежели официальное руководство ООП. Увы, эти деятели не пожелали уклониться

от стратегической доктрины ООП ни на миллиметр. Самым заметным из числа представителей арабского населения контролируемых территорий оказался Фейсал Хусейни, сын Абдель-Кадера эль-Хусейни. За несколько недель до того, как президент США Буш принял его в Белом доме (декабрь 1992 года), Фейсал Хусейни детально изложил свои политические взгляды в интервью иорданской газете:

"Глобальная стратегия является функцией основополагающих интересов и принципов, которые не зависят от сиюминутных политических лозунгов и не порождены конъюнктурными соображениями. Так, Россия, например, имеет постоянный интерес - который сохраняет и сегодня - выйти к "теплой воде" (иметь порты на юге). Точно так же, Германия неизменно стремится к господству над Европой, почему и развязала две мировые войны, в которых была разгромлена; однако же, она не отказывается от этой стратегической цели и по-прежнему настойчиво стремится к ней.

Период, в который мы живем, - как палестинцы, иорданцы и арабы, - дает нам исторический шанс, который нескоро повторится. Нынешний период подобен ситуации, царившей после Первой и Второй мировых войн, когда целые народы и государства были стерты с карты мира. На нас лежит обязанность... работать со всем возможным тщанием в новых исторических условиях, чтобы зарезервировать за собой позицию,... позволяющую нам заключать (в дальнейшем) новые союзы, которые приблизят нас к достижению нашей глобальной цели...

Мы должны помнить, что фраза "от моря до реки" не является лозунгом нынешнего этапа... (но) мы не отказались и не откажемся ни от одного из своих обязательств, остающихся в силе уже свыше 70 лет. Поэтому нам следует помнить, что объединенное арабское палестинское общество вполне может бороться с израильским обществом, процесс формирования которого пока не

завершился... Рано или поздно, мы заставим израильское общество сотрудничать с более широким арабским обществом, а потом постепенно мы добьемся ликвидации сионистского образования (Государства Израиль)/101.

Хусейни призывает арабов не забывать о том, что скрывается за лозунгом о создании палестинского государства в Иудее, Самарии и Газе. В том, что касается суверенной территории Израиля, основополагающая цель остается прежней: палестинский народ не отказывается от своих "обязательств" 70-летней давности. Ликвидация "сионистского образования" по-прежнему является конечной целью борьбы.

Подведем итог сказанному выше. ООП имеет не один, а два фундаментальных документа; оба они определяют долгосрочные цели палестинской политики. Оба документа были утверждены на сессиях ПНС в Каире: первый - в 1964 году, второй - десять лет спустя. Первый документ - это "Палестинская хартия", конституционная основа ООП, объявляющая целью и смыслом деятельности этой организации уничтожение Израиля. Второй документ - это Поэтапный план, определяющий конкретные политические средства, которые будут использованы для достижения указанной цели. "Палестинская хартия" известна многим на Западе, но стратегия ООП может быть действительно понята только при сопоставлении этого документа с менее известным Поэтапным планом.

Ахмед Сидки эль-Деджани, один из пятнадцати членов исполкома ООП, объясняет: "Мы в ООП проводим четкое разделение между "Палестинской хартией" и конкретными политическими программами. Хартия указывает на неизменную цель нашей политики, а конкретные политические программы определяют средства, которые могут быть использованы для ее поэтапной реализации"/102.

Рафик Натше резюмирует: "Палестинская хартия" является основой политической и военной деятельности ООП. Наша

сегодняшняя политическая тактика основывается на поэтапном плане... Перед нами стоит задача - привести конкретные политические решения нашей организации в гармоническое соответствие с "Палестинской хартией" и Поэтапным планом"/103.

ООП даже не помышляет об отказе от ядовитой ненависти муфтия, о завершении тридцатилетней кампании террора, о расставании со сладостной мечтой о последней войне, которая положит конец существованию Израиля. Напротив, лидеры ООП делают все возможное для того, чтобы ненависть жила в сердцах, террор продолжался, а война на уничтожение Израиля - приблизилась. Поэтапный план позволил им добиться небывалой консолидации в рядах ООП, и теперь даже самые яростные фанатики могут оправдать свои частичные достижения тем, что они являются подготовительной стадией той грядущей тотальной войны, для разжигания которой будет использовано суверенное палестинское государство. И их не смущает то, что это государство будет обладать поначалу куцыми границами. Однако будущая война, которую ООП намерена развязать с помощью своего государства - это отнюдь не единственная опасность, угрожающая Израилю со стороны палестинской организации.

В списке основных требований ООП на почетном месте значится "право на возвращение", то есть "право" арабских беженцев 1948 года вернуться в покинутые ими районы. Пестование нелепой надежды на возвращение в сердцах поколений, сменяющих друг друга в лагерях беженцев, является одним из самых циничных и коварных деяний ООП. Лидеры этой организации делали и делают все возможное для того, чтобы обитатели лагерей беженцев считали виновником своего бедственного положения Израиль, а не арабские страны, отказавшиеся абсорбировать их на своей территории. Сохранение лагерей беженцев служит одной-единственной цели: предотвратить заживание раны 1948 года. Со временем многие беженцы покинули лагеря и

смешались с окружающим арабским населением тех стран, в которых они оказались, но еще большая их часть была вынуждена оставаться в лагерях - под давлением ООП и арабских правительств. Беженцев учили тому, что единственный способ вырваться из лагерей - это возвращение в Яффо и Хайфу. Тем самым ООП обеспечивала себе достаточный потенциал рекрутов для мобилизации в террористические отряды.

И если после 1967 года имели место искренние попытки решить проблему палестинских беженцев, то они были предприняты Израилем, а не арабскими странами. В рамках многолетнего плана развития правительство Израиля пыталось расформировать некоторые ветхие лагеря в секторе Газы с тем, чтобы расселить их обитателей в новых квартирах. Израиль финансировал строительство жилья для 11.000 семей беженцев/104, однако ООП торпедировала реализацию этой программы: ведь человек, живущий в собственном доме, уже не беженец, и его не так просто втянуть в террористическую деятельность. Шантаж со стороны ООП был столь силен, что израильские силы безопасности были вынуждены обеспечить специальную охрану тем семьям, которые переселились в новые квартиры.

Примерно через год после начала интифады мне довелось самым непосредственным образом убедиться в действенности стратегии ООП, нацеленной на "замораживание" проблемы беженцев в ее изначальном состоянии. Вскоре после того, как массовые волнения утихли, я посетил расположенный в секторе Газы лагерь беженцев Джебалие. Отделившись от группы сопровождавших меня военных, я ходил по переулкам лагеря со своим переводчиком. Возле бетонного строения мы увидели сидящего старика, и я завязал с ним беседу.

- Откуда вы родом? - спросил я его.

- Из Мадждалья, - ответил он.

Мадждаль - арабское название Ашкелона. Мой собеседник был беженцем из этого приморского города.

Заинтересовавшись, я продолжил расспросы:

- А откуда ваши дети?

- Из Мадждаля.

Что ж, мой собеседник был человеком преклонных лет, и его дети вполне могли быть моими сверстниками. Однако что-то заставило меня продолжить:

- А откуда ваши внуки?

- Из Мадждаля, - снова услышал я в ответ.

- Вы думаете вернуться в Мадждаль?

- Иншалла (с Божьей помощью), - ответил старик. - Настанет мир и мы вернемся в Мадждаль.

- Иншалла, - сказал я ему. - Настанет мир, вы будете ездить в гости в Мадждаль, а мы - в Джебалие.

Улыбка исчезла с лица моего собеседника, и он произнес убежденно:

- Нет. Мы вернемся в Мадждаль, а вы вернетесь в Польшу.

Десятки тысяч беженцев охотно выражают свою надежду на возвращение в беседах со всяким заезжим журналистом, дипломатом, политиком. Таким образом лагеря беженцев превратились в политическое оружие, которое используется для декларации несуществующего "права на возвращение" и для возбуждения неприязненного отношения к еврейской репатриации в Израиль. Как можно оправдать ситуацию, - утверждают лидеры ООП, - при которой араб, родившийся в Яффо, не может вернуться в свой родной город, а еврей из Одессы приезжает в Израиль, где его ждут распростертые объятия сионистов? Напротив, именно арабское возвращение должно стать предметом международных забот и политической опеки. Вот что заявил по этому поводу Хани эль-Хасан, который занимал до недавнего времени пост помощника Арафата:

"Проблема, требующая решения, это не иммиграция евреев со всего мира в Палестину, а возвращение туда палестинских беженцев... Арабские страны не пожелают расселить беженцев на своей территории... Следует обес-

обеспечить возможность вернуться в Палестину всем беженцам, как 1948-го, так и 1967-го года"/105.

"Право на возвращение", декларируемое в подражание еврейской мечте о возвращении к Сиону, призвано стать антитезой сионизма. Стороннему наблюдателю предлагается ложная симметрия: евреи вернулись на свою землю - теперь туда же должны вернуться палестинцы, которые также считают эту страну своей землей.

Однако проблема палестинских беженцев 1948 года не может рассматриваться в отрыве от проблемы еврейских беженцев, покинувших в тот же период арабские страны. Большинство из них были попросту изгнаны арабами - в то время, как большинство палестинцев добровольно покинули Эрец-Исраэль; кто из страха, а кто по призыву арабских правительств, требовавших "очистить" поле боя для армий вторжения (подробнее об этом говорилось в 4-ой главе книги). Государство Израиль, которое тогда едва встало на ноги, израсходовало 1,3 миллиарда долларов на абсорбцию сотен тысяч еврейских беженцев из арабских стран - от Марокко до Ирака. Им было обеспечено жилье, предоставлено образование, были предприняты огромные усилия для обеспечения беженцев работой. Сегодня между еврейскими репатриантами из арабских стран и остальными гражданами Израиля нет практически никакой разницы/106.

Происшедшее следует охарактеризовать как обмен населением между Израилем и арабскими странами. Арабы бежали из Эрец-Исраэль, где бушевала Война за независимость, а евреи были изгнаны из арабских стран по причинам, которые имели прямое отношение к той же самой войне. Подобный обмен населением неоднократно имел место на протяжении XX столетия: между Болгарией и Турцией в 1919 году, между Грецией и Турцией в 1923 году, между Индией и Пакистаном в 1947 году. Аналогичный процесс происходит в настоящее время в бывшей Югосла-

вии. Ни в одном из случаев свершившегося обмена населением никому не приходило в голову повернуть колесо истории вспять. И уж тем более никто не предлагал вернуть в покинутые районы беженцев только одной стороны.

Тот факт, что через полвека после Войны за независимость Израиля арабские режимы все еще отказываются выполнить свои обязанности по абсорбции палестинских беженцев и, тем самым, решить заданное историей уравнение, свидетельствует очень о многом. Арабские лидеры прекрасно знают, что если бы Израиль согласился на реализацию "права на возвращение" и принял на свою территорию палестинских беженцев, он получил бы смертельный демографический удар, и еврейское государство было бы фактически уничтожено. "Право на возвращение" - это ничто иное, как хитроумный тактический прием, направленный на ликвидацию Израиля. Муаммар Каддафи прекрасно выразил эту мысль своим доходчивым языком: "Тогда (после возвращения беженцев) Израиля больше не будет... Если они согласятся на это, Израилю конец"/107.

ООП никогда не отказывалась от декларации "права на возвращение", и требование о возвращении беженцев стоит во главе списка "условий заключения мира", предъявляемого этой организацией. Арафат четко излагает свои цели: "Палестинское восстание не прекратится до тех пор, пока палестинскому народу не будут возвращены все его законные права, включая право на возвращение"/108. Согласие ООП признать право Израиля на существование (требуемое резолюцией ООН #242) ставится в зависимость от признания Израилем "права на возвращение" беженцев - того самого "права", которое по словам Каддафи, приведет к уничтожению еврейского государства.

Представитель ООП в Саудовской Аравии Рафик Натше подтверждает: "Все члены исполкома ООП отвергают резолюции ООН #242 и #338, если их реализация не ставится в однозначную зависимость от осуществления всего комплекса неотъемлемых палестинских прав... вклю-

чая возвращение беженцев на родину"/109. В том же духе высказался в 1991 году Арафат, когда он объявил возвращение беженцев предварительным условием установления мира на Ближнем Востоке:

"Мир и стабильность не вернутся в регион, пока не будут реализованы неотторжимые и безусловные национальные права палестинского народа, включающие право на возвращение беженцев, право на самоопределение и право на создание независимого государства со столицей в Иерусалиме"/110.

Это типичное заявление Арафата заслуживает тщательного анализа. Если цель ООП - создание палестинского государства в Иудее, Самарии и Газе, то зачем подчеркивать отдельно "право на возвращение" и "право на самоопределение"? Кажется бы, создание палестинского государства на указанных территориях само по себе является реализацией права на самоопределение. В этом государстве можно принять, при желании, всех беженцев, рассеянных по арабскому миру. Но разделяя терминологические понятия, ООП намекает арабской аудитории вполне понятным ей языком: независимое государство на Западном берегу Иордана и в секторе Газы - это только часть программы, призванной привести к ликвидации Государства Израиль.

"Право на самоопределение" адресовано арабским гражданам Израиля. Лидеры ООП полагают, и не без основания, что после создания палестинского государства в Иудее, Самарии и Газе израильские арабы потребуют самоопределения (то есть, независимости) в тех районах, где они составляют большинство (в Галилее и Негеве). Но если даже ампутация этих районов еще не прикончит Израиль, реализация "права на возвращение" обеспечит такое положение вещей, при котором еврейское государство будет затоплено потоком арабских беженцев.

* * *

Таким образом, стратегическая концепция ООП построена на сочетании трех декларативных целей и трех основных тактических инструментов, служащих их реализации. Три декларативные цели: независимое палестинское государство (на Западном берегу и в секторе Газы), самоопределение (израильских арабов в Галилее и Негеве) и "право на возвращение" (беженцев 1948 года в прибрежные районы Израиля). Три основных тактических инструмента: "Палестинская хартия", Поэтапный план и "вооруженная борьба". Все без исключения лидеры ООП следуют этой концепции в своих публичных выступлениях и практических решениях.

Несмотря на меняющиеся обстоятельства, никто из них не отказывается от неизменного тезиса ООП, определяющего необходимость священной войны (джихада), направленной на уничтожение Израиля. Даже после Мадридской конференции (1991), положившей начало мирным переговорам между Израилем и арабами, Арафат многократно выступал с призывами к джихаду. 15 марта 1992 года он заявил:

"Посредством мирных переговоров... творческое палестинское сознание создало третью сторону треугольника (двумя другими сторонами которого являются) борьба палестинцев и джихад до победного конца. Мы участвуем в политическом и дипломатическом сражении... И нам следует усилить борьбу и продолжить истинный джихад... Джихад - наш путь, Палестина - наша дорога"/111.

23 мая 1994 года, уже после подписания Норвежского и Каирского соглашений с Израилем, лидер ООП выступил в мечети Йоханнесбурга, где он обратился к мусульманам всего мира с призывом присоединиться к джихаду за освобождение Иерусалима, "столицы Палестины". Свои собственные политические обязательства Арафат охарактеризовал следующим образом: "Это соглашение (с Израилем)

я расцениваю как договор, заключенный пророком Мухаммедом с жившими в Мекке курейшитами... Мы принимаем сейчас мирное соглашение, чтобы продолжить свой путь к Иерусалиму. Джихад будет продолжаться; Иерусалим является не только собственностью палестинского народа, но и достоянием всей исламской нации"/112. Мусульманским слушателям Арафата не нужно было объяснять, что такое "договор с курейшитами". Мухаммед заключил этот договор с обитателями Мекки, вовсе не намереваясь его соблюдать; под прикрытием мирного соглашения он выждал ровно столько времени, сколько ему было необходимо для накопления сил, а затем воспользовался благоприятным моментом и завоевал Мекку.

Когда содержание его речи в мечети Йоханнесбурга стало достоянием гласности, Арафат попытался замаскировать истинное значение своих слов. Со свойственной ему изобретательностью он заявил, что имел в виду "мирный джихад". Но и этой незамысловатой лжи оказалось достаточно левому израильскому правительству, которое продолжило переговоры с ООП, как ни в чем ни бывало.

Средства массовой информации на Западе упорно обходят молчанием стратегическую доктрину ООП и заявления представителей этой организации, адресованные арабскому миру. В результате, западные лидеры не имеют адекватного представления о целях и методах ООП. Когда их спрашивают, почему они не придают значения заявлениям Арафата о грядущем уничтожении Израиля, они ограничиваются пренебрежительной усмешкой. По их глубокому убеждению, хвастливые речи Арафата не заслуживают серьезного отношения. В позиции Запада ощущается совершенно неуместная заносчивость; западные лидеры словно дают понять: "Не нужно слишком серьезно воспринимать то, что арабы говорят арабам". Они отказываются уразуметь, что в данном случае правомерна прямо противоположная логика.

Диктаторские режимы и организации готовы говорить иностранцам любую ложь, соответствующую их сиюми-

нутным тактическим интересам, но лишь те их заявления, которые адресованы собственной аудитории, отражают некоторую часть их сокровенных планов и устремлений. Только тот, кто понимает истинную природу этого соотношения, может понять стратегию ООП. Обращаясь к Западу, ООП охотно торгует своим "мирным" товаром, однако эта организация неустанно сулит террор и уничтожение Израилю, когда она обращается к арабам Ближнего Востока.

Как можно объяснить тот факт, что ложь ООП принимается на Западе за чистую монету, а откровенные заявления палестинских лидеров расцениваются там как бессмысленная болтовня? В действительности даже самые легковверные западные политики не верят всему, что исходит из уст ораторов ООП. Так например, никто на Западе не воспринял всерьез заявление Арафата о "секретной карте сионистской экспансии", обнаруженной им на тыльной стороне израильской монеты достоинством в 10 агорот. В штаб-квартире Объединенных Наций в Женеве была специально созвана многолюдная пресс-конференция, на которой Арафат представил карту, охватывающую почти всю территорию Ближнего Востока, от Нила до Евфрата. Лидер ООП разъяснил, что эта карта, воспроизведенная им в грубых контурах, очерчивает территории, на которые распространяются экспансионистские устремления Израиля. Она была выгравирована на израильских монетах для того, чтобы каждый израильтянин, роаясь в своих карманах, всякий раз становился участником молчаливого заговора.

Когда Арафат сошел с трибуны, окруженный плотной свитой помощников и подхалимов (за все годы работы в ООН мне ни разу не доводилось видеть столь пышной процессии), я вошел в покинутый им конференц-зал женевского центра Объединенных Наций. Достав из кармана монету достоинством в 10 агорот, я объяснил собравшимся, что запечатленный на ней рисунок является слепком с античной монеты времен правления иудейского царя Матитьягу Антигона (40-37 гг. до н.э.). На большинстве

современных израильских монет отчеканены рисунки, скопированные с древних иудейских монет. Участникам пресс-конференции была продемонстрирована увеличенная фотография древней монеты, с которой был снят настороживший Арафата оттиск; обнаруженная им "секретная карта" повторяла контуры ее стершихся граней.

В данном случае попытка Арафата запустить в оборот очередную ложь закончилась немедленным провалом, однако многие другие измышления ООП, столь же наглые и фантастичные, удостоились доверия Запада. Будь эта конкретная ложь Арафата принята на веру, она вполне могла бы стать постоянным элементом палестинской пропаганды, наряду с "признанием" Израиля и приписываемой ООП готовностью удовлетвориться созданием собственного государства на Западном берегу Иордана и в секторе Газы.

Невежество западных политиков и журналистов в вопросах, связанных со стратегической концепцией ООП, обусловлено отнюдь не только изощренностью палестинской пропаганды. Люди Запада, да и многие израильтяне тоже, попросту хотят поверить тому, что говорят им ораторы ООП. Им хочется верить, что даже самые непримиримые враги могут стать однажды друзьями. Уже после того, как администрация США прервала переговоры с ООП, узнав о причастности этой организации к новым актам террора, в Вашингтоне предпринимались заметные усилия, направленные на возобновление американо-палестинского диалога. Белый дом настойчиво занимался изысканием путей для возвращения ООП на политическую арену. Через различных посредников осуществлялась лихорадочная закулисная деятельность, целью которой было заручиться согласием ООП на те или иные шаги американской администрации. Результатом этих усилий стало постепенное восстановление легитимности ООП в глазах конгресса и американского общественного мнения.

Люди Запада приучены к компромиссам, и им трудно поверить в то, что стремление к ликвидации Израиля вовсе не является временным "интересом" ООП или преходящей "тактикой" этой организации. Им трудно понять, что стремление уничтожить Израиль представляет собой самую суть ООП, единственный смысл ее существования. Именно в этом состоит различие между ООП и арабскими странами; даже теми из них, чье политическое руководство придерживается самых радикальных идеологических концепций. Правители Ливии и Ирака не считают, что национальное существование их государств находится в прямой зависимости от уничтожения Израиля. Ни одно арабское государство не определяет себя через идею уничтожения Израиля. Но ООП - это Организация освобождения Палестины. Освобождения от чего? От присутствия там "сионистского образования". ООП определяет себя через идею уничтожения Израиля, она полностью подчинена этой цели, и без нее Организация освобождения Палестины перестанет существовать. Если бы правительства Запада действительно захотели подвергнуть ООП экзамену на политическую вменяемость, они должны были бы потребовать однозначных доказательств того, что эта группировка перестала быть Организацией "освобождения Палестины". Им следовало бы потребовать официальной отмены "Палестинской хартии", убедительного отказа от Поэтапного плана, полной ревизии всех тех решений ПНС и исполкома ООП, которые декларируют необходимость уничтожения Израиля. Им следовало бы также добиться расформирования террористической структуры ООП под надлежащим международным контролем. Искренность своих миролюбивых намерений ООП должна была бы доказать с помощью прекращения ядовитой анти-израильской пропаганды. Противодействие абсорбции палестинских беженцев в арабских странах также должно было бы прекратиться.

Эти основополагающие требования никогда не предъявлялись ООП правительствами Запада, поскольку даже

самый бестолковый наблюдатель знает, что палестинская организация не захочет расстаться с вышеупомянутыми составляющими своей идеологической доктрины. В силу одного решающего обстоятельства: ООП целиком подчинена своей декларативной цели, которой была и остается ликвидация Израиля.

Возможно ли уклонение от этого курса? Могут ли появиться в ООП политические деятели, оспаривающие принципиальную доктрину собственной организации? Появление диссидентов возможно, но дни их будут сочтены. Инакомыслящих ждет такая же судьба, как члена Революционного совета ФАТХа Исама Сартауи, призывавшего к действительному примирению с Израилем. В 1983 году он был хладнокровно убит на конференции Социнтерна в Португалии. В 1979 году агентами ООП в Газе был убит имам Хусандер, приветствовавший визит Анвара Садата в Иерусалим/113. В тот же период были убиты еще несколько палестинских деятелей, выступавших с умеренными предложениями. Глава политического отдела ООП Фарук Каддуми леденящими душу словами объяснил логику этих расправ:

"ООП и палестинский народ на оккупированных территориях и за их пределами прекрасно умеют пользоваться такими методами, которые не позволят некоторым личностям отклониться от революционного пути. Наши люди сознают свою ответственность, и они способны принять необходимые дисциплинарные меры против тех, кто пытается сойти с правильной дороги"/114.

Сотни других, менее известных палестинцев, пытавшихся сойти "с революционного пути" и выступавших за примирение с Израилем, до конца познали смысл этой зловещей формулировки - "необходимые дисциплинарные меры". Они были уничтожены террористами ООП вместе с теми сотнями палестинских арабов - медицинских работников, учителей, студентов - на которых пало подозрение в сотру-

ничестве с Израилем/115.

До заключения Норвежского соглашения мне приходилось тайно встречаться и беседовать с некоторыми известными палестинскими деятелями. Все они говорили о своем стремлении к компромиссу и сосуществованию с Израилем, однако открыто высказать свои мысли они не могли, опасаясь расправы со стороны террористов ООП и ХАМАСа. Было бы глупо пытаться представить этих людей друзьями Израиля, напротив: некоторые из моих собеседников известны своими публичными выступлениями в поддержку ООП. Однако в глубине души все они расстались с дикими фантазиями о возвращении беженцев, о завоевании Яффо и Хайфы. Более всего они желали бы решить проблему путем переговоров, причем таким образом, чтобы это избавило их от страха перед ООП, лидеры которой определяли их судьбу, сидя в далеком Тунисе.

Опасаясь за свою жизнь, мои собеседники отказывались выступить с открытым изложением своих взглядов. Интифада превратилась к тому времени в чрезвычайно действенный инструмент подавления инакомыслия в палестинской среде. Арабские жители Иудеи, Самарии и Газы усвоили, что уклонение от официальной линии Арафата карается смертью. Изъявление инакомыслия возможно только в том случае, если оно осуществляется с еще более экстремистских позиций, таких, как у ХАМАСа и "Исламского джихада". Фундаменталистские организации способны обеспечить своим сторонникам надлежащую защиту.

Тот факт, что Запад не способен уразуметь кардинальные составляющие этой ситуации, свидетельствует о глубокой подспудной проблеме в сфере политического восприятия: какими бы ни были доказательства, Запад пасует перед фанатизмом, когда тот облачается в солидный костюм и повязывает модный галстук. Так например, вопреки всякой очевидности, на Западе не могут поверить в то, что ООП искренне поддерживает тоталитаризм и восхищается им. Когда в 1989 году все свободные народы мира осуждали

правительство Китая за кровавую расправу над демократическими демонстрантами, Арафат направил приветственное послание китайским коммунистам:

"Пользуясь случаем, я рад выразить свое чрезвычайное удовлетворение тем, что вам удалось восстановить общественный порядок после недавних инцидентов в Китайской Народной Республике"/116.

Когда Саддам Хусейн захватил Кувейт, лидер ООП восторженно ему аплодировал:

"Я говорю - да здравствует, да здравствует война... Ирак и Палестина выражают общую волю. Мы будем шествовать рядом, и после великой битвы, мы, с помощью Аллаха, вознесем совместную молитву в Иерусалиме... Иракским бойцам и палестинским метателям камней уготована общая победа"/117.

Когда в августе 1991 года путч неосталинистов поставил под угрозу продолжение демократических реформ в Советском Союзе, Арафат поспешил поддержать заговорщиков:

"ООП всегда относилась к эксперименту перестройки с большим скептицизмом и с печальной тревогой"/118.

В разгар путча официальный орган ООП "Радио Палестины" порадовал своих слушателей следующим комментарием: "Происшедшее в Советском Союзе доказывает, что борьба против Запада является естественной и неизбежной. Период перестройки явился временным и исключительным состоянием советской политики"/119.

Те немногие западные обозреватели, которые отмечали постоянную симпатию ООП к тирании, не раз говорили с сожалением, что палестинская организация "всегда поддер-

живает тех, кому суждено проиграть" - как будто речь идет о неудачной ставке в азартной игре. Но дело вовсе не в том, что ООП постоянно выбирает неправильную карту. В числе союзников этой организации всегда были те режимы, которые связывала с ООП органическая близость целей и методов. Здесь можно упомянуть СССР, диктаторские режимы Насера и Саддама Хусейна, однако традиция палестинского преклонения перед тиранией берет начало в более раннюю эпоху. В июне 1940 года, после того, как нацистская Германия, захватившая прежде Чехословакию и Польшу, разгромила Францию, муфтий Хадж-Амин эль-Хусейни писал Гитлеру:

"(Я хочу) передать Его Превосходительству великому фюреру свои самые искренние поздравления по случаю только что одержанных им великих политических и военных побед... Арабы повсеместно испытывают величайшую радость и глубочайшее удовлетворение в связи с этими великолепными успехами... Арабский народ будет связан с Вашей страной союзом дружбы и сотрудничества"/120.

Невозможно отрицать существование той извращенной, но абсолютно последовательной логики, в соответствии с которой ООП и ее предшественники в палестинском лагере прошли долгий путь от договора между муфтием и Гитлером ("уничтожить еврейское сообщество в Палестине"), через союз Ахмеда Шукейри с Насером ("сбросить евреев в море") к поддержке Саддама Хусейна ("сжечь половину сионистского государства"). Все эти союзы потерпели поражение и не привели к осуществлению поставленной цели, однако традиция блокирования с самыми одиозными диктаторскими режимами жива в ООП вплоть до настоящего времени.

В 1993 году, вскоре после прихода к власти в Израиле левого правительства, в Осло начались тайные переговоры

между израильской делегацией и представителями ООП. Переговоры длились несколько месяцев, и они завершились подписанием совместной Декларации о принципах, с представлением которой ООП признала право Израиля на существование, а Израиль признал ООП в качестве "представителя палестинского народа". Арафат принял на себя обязательство отменить статьи "Палестинской хартии", призывающие к уничтожению Израиля. Он пообещал также осудить террор "в своих публичных выступлениях" (сопроводительное послание норвежскому министру иностранных дел Юргену Хольсту, выступавшему посредником на переговорах)/121 и принять меры против фракций ООП, которые будут продолжать террористическую деятельность (письмо Ицхаку Рабину)/122.

Израиль, со своей стороны, согласился на поэтапное урегулирование, в рамках которого его войска покидают сначала сектор Газы и Иерихонский анклав, а затем - все населенные арабами районы Иудеи и Самарии. Параллельно с этим создается "палестинская полиция", которая принимает на себя ответственность за обеспечение "внутренней безопасности" в покинутых ЦАХАЛом районах, то есть за борьбу с террором. Премьер-министр Рабин фактически отказался от израильского права на преследование террористов в районах, переходящих под контроль палестинской администрации, - от того права, которое Израиль сохраняет за собой повсеместно. Так, например, в Южном Ливане израильские войска наносят удары по базам террористов, не испрашивая разрешения ливанского правительства.

В рамках промежуточного урегулирования ООП создает политическую структуру, которая носит формальное название "автономия", но представляет собой, по существу, основу будущего палестинского государства: законодательный совет, судебная и исполнительная власть, полиция и силы безопасности. Разумеется, во главе этой политической структуры стоит Ясер Арафат. Правительство Израиля пояснило, что оно рассчитывает на то, что союз с Арафатом

будет направлен против ХАМАСа. Оно согласилось передать основную ответственность за защиту израильских граждан от палестинского террора из рук ЦАХАЛа в руки боевых формирований ООП. Вопрос о постоянном урегулировании в Иудее, Самарии и Газе формально остался открытым, однако уже в сентябре 1993 года всем было ясно, что отступление ЦАХАЛа и создание политической структуры ООП на контролируемых территориях приведет к образованию в этих районах палестинского государства.

В ходе торжественной церемонии, состоявшейся в Белом доме при участии президента США Клинтона, Ицхак Рабин и Ясер Арафат пожали друг другу руки, а затем подписали Декларацию о принципах (в церемонии участвовали также израильский министр иностранных дел Шимон Перес и высокопоставленный представитель ООП Абу-Мазен). Таким образом правительство Израиля обеспечило ООП международную легитимацию, к обретению которой эта организация так долго стремилась. ООП фактически стала "палестинским государством в пути", а ее лидер Ясер Арафат - главой этого государства. Многим израильтянам казалось тогда, что страна стоит на пороге долгожданного мира.

Однако это "историческое" соглашение, которое должно было привести к прекращению террора и к установлению мирных отношений между Израилем и палестинцами, дало трещину уже в день своего подписания. Непосредственно перед церемонией в Белом доме Арафат дал интервью, в котором он недвусмысленно объяснил арабам свои намерения:

"Это все тот же план, который мы утвердили в 1974 году. (Декларация о принципах) послужит основой для создания палестинского государства в соответствии с решением ПНС от 1974 года"/123.

И действительно, между заключением дипломатических соглашений с Израилем, ведущих к созданию палестинского

государства, и Поэтапным планом 1974 года, в соответствии с которым это государство должно стать инструментом уничтожения Израиля, нет никакого противоречия. Уже после подписания Декларации о принципах Арафат и другие лидеры ООП неоднократно заявляли, что их конечной целью является создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме и реализация "права на возвращение".

А что же с обязательством Арафата об отказе от идеи уничтожения Израиля? В своей книге "Новый Ближний Восток", написанной с рекордной скоростью (дабы не отстать от стремительного темпа исторических событий), Шимон Перес подчеркивает, что необходимым условием политического процесса является "изменение основополагающей Хартии ООП". Перес отмечает также, что и он, и Рабин были едины в отношении данного требования/124.

Разумеется, нет ничего естественнее этого условия. В истории не найти примера тому, чтобы государство вело переговоры с организацией, открыто заявляющей о своем стремлении его уничтожить. Однако, по прошествии недолгого времени, выяснилось, что Арафат не намерен созывать ПНС с целью отмены или изменения "Палестинской хартии". Удивительным образом принципиальное требование Рабина и Переса превратилось в пустую фразу. "Задача изменения "Палестинской хартии" доставляет серьезные сложности Арафату, и мы должны считаться с его проблемами", - объяснили гражданам Израиля официальные представители правительства.

Точно так же левое израильское правительство освободило Арафата от его обязательств относительно прекращения террора. В течение первого года после заключения Норвежского соглашения 67 израильтян были убиты террористами ХАМАСа и различных фракций ООП, в том числе - арафатовского ФАТХа (бойня в Афуле и другие теракты). Число жертв террора оказалось намного выше, чем в год, предшествовавший Норвежскому соглашению (23 убитых), и чем в среднем за годы интифады (24 убитых в год).

Как и следовало ожидать, Арафат не предпринял никаких мер против убийц; в большинстве случаев он отказывался выступить даже с формальным осуждением в их адрес. Читатель помнит, что в свое время американская администрация Буша прервала политический диалог с ООП, выяснив, что эта организация нарушает принятые ею обязательства об отказе от террора. При аналогичных обстоятельствах израильское правительство Рабина повело себя прямо противоположным образом: оно стало защищать ООП и доказывать, что Арафат не может контролировать происходящее в рядах его организации. Для укрепления власти и влияния Арафата было решено допустить на территорию автономии многие тысячи вооруженных бойцов, представленных в качестве "палестинской полиции". Когда и это было исполнено, а террор не прекратился, израильское правительство объяснило, что палестинским силам безопасности потребуется время, чтобы справиться с террористами.

Рабин и Перес оправдывают создание палестинской армии на покинутых ЦАХАЛом территориях ссылками на Кемп-Дэвид. При этом они умалчивают о том, что в Кемп-Дэвидском соглашении ни слова не говорилось о передаче палестинской полиции полномочий по обеспечению "внутренней безопасности". Там было определено, что полиция автономии будет заниматься обычными гражданскими функциями и пресечением уголовных преступлений. В рамках Кемп-Дэвидского соглашения Израиль не отказывался от своего права бороться с террором в любом месте на территории автономии. Левое правительство Рабина, согласившееся ввести в районы палестинского самоуправления бригады "Армии освобождения Палестины", выразившее готовность вооружить их вертолетами и броневиками, не может оправдаться ссылками на Кемп-Дэвид.

Объясняя трудности, с которыми сталкивается Арафат в ходе противодействия экстремистскому террору, представители израильского правительства умышленно игнорируют тот факт, что в годы интифады лидер ООП, не имевший

тогда собственной армии на контролируемых Израилем территориях, прекрасно доказал свою способность наказывать ослушников. Многие палестинцы были убиты в тот период по его приказу. Дело не в том, что Арафат не может подавить террор - он просто не хочет его прекращения.

Правительство Рабина игнорирует многократные заявления Арафата и других лидеров ООП о том, что палестинская администрация не намерена вступать в конфликт с ХАМАСом. Во многих случаях становилось известно об оперативном сотрудничестве между террористами двух этих организаций. Никакого внимания не было уделено заявлению Аббаса Заки, одного из руководителей палестинской службы безопасности, когда тот сказал, что израильское отступление не приведет к установлению мира. "Это всего лишь временное прекращение огня в преддверии следующего этапа, - сообщил Заки с примечательной откровенностью. - Я за продолжение переговоров, но они не должны быть нашим единственным средством. Алжирские и вьетнамские революционеры вели переговоры о мире, продолжая боевые действия против врага"/125.

Эта параллель понятна каждому. Вьетнамские коммунисты вели "мирные переговоры" с США, даже не думая отказываться от своего намерения захватить южную часть страны. Алжирские повстанцы вели "мирные переговоры" с Францией, вовсе не помышляя об отказе от установления собственной власти над всей территорией Алжира. Точно так же ООП ведет "мирные переговоры" с Израилем, намереваясь "освободить всю Палестину".

Многократные и систематические нарушения Норвежского соглашения палестинской стороной, а также - провокационные заявления лидеров ООП не заставили правительство Рабина уклониться от своей цели, которая изначально была избрана, исходя из благих пожеланий, а не на основании реалистичного анализа. Левому кабинету не достало мужества, чтобы изменить свою политику даже после резкой эскалации террора, организаторы которого

действовали под покровительством ООП. Напротив, приверженность левых "мирному процессу", ведущему к постепенной ликвидации еврейских поселений и созданию палестинского государства в границах 1947 года, была столь велика, что правительство попыталось ускорить процесс - вместо того, чтобы приостановить его.

Удачная возможность для этого представилась левым в феврале 1994 года, когда израильский гражданин убил 29 палестинцев в хевронской пещере Махпела. ООП немедленно прервала переговоры с Израилем. Для того, чтобы вернуть представителей этой организации к столу переговоров, израильское правительство ускорило создание палестинской полиции и согласилось на присутствие международных наблюдателей в Хевроне. Многие министры Рабина заговорили о необходимости депортировать еврейскую общину Хеврона. Разумеется, левое правительство даже не пыталось реагировать столь же жестко на кровавые арабские теракты в Афуле, Хадере и других израильских городах. Эти теракты, осуществленные с помощью начиненных взрывчаткой автомобилей и террористов-смертников, привели к многочисленным жертвам среди евреев.

Таким образом, правительство Рабина нарисовало перевернутую картину: действительная проблема, связанная с защитой израильских граждан от арабского террора, была отброшена в сторону, и ее место заняла надуманная цель - защита палестинцев. Однако, за исключением теракта в пещере Махпела и еще нескольких единичных случаев, палестинскому населению не угрожала никакая опасность со стороны евреев. Арабы могли чувствовать себя в полной безопасности в любом месте Эрец-Исраэль, а евреи были вынуждены повсеместно опасаться террористического насилия.

Не считаясь с эскалацией антиеврейского террора и другими признаками опасности, нависшей над Израилем в результате соглашения с ООП, правительство Рабина в одностороннем порядке вывело израильские войска из сектора

Газы и Иерихонского анклава. Тем самым оно позволило Арафату создать там первые плацдармы палестинской экспансии, направленной в сторону Иерусалима и суверенной израильской территории в границах 1967 года. После отступления ЦАХАЛа из Иерихона командующий палестинскими силами в этом районе заявил:

"В Иерихоне мы сделали первый шаг в сторону Иерусалима, который вернется к нам, несмотря на упрямство сионистов"/126.

По прибытии в Газу, Арафат вновь пояснил, что его целью является создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Пользуясь случаем, он направил "сердечное приветствие нашим братьям в Негеве и Галилее"/127, напомнив о непреходящем стремлении ООП "освободить" и эти территории от сионистского ига. Начальник политического отдела ООП Фарук Каддуми был еще более откровенен. В августе 1994 года он заявил в радиointервью: "Палестинский народ знает, что существует государство, созданное с помощью насилия над историей. Это государство должно прекратить свое существование"/128. Реакция израильского правительства на эти заявления более всего отражала неспособность посмотреть фактам в лицо.

Пренебрежение к фактам имело своим источником слепую веру, распространившуюся в политических кругах и среди журналистов в Израиле. Символ этой веры таков: Арафату можно доверять; ООП является умеренной организацией и стремится к сосуществованию с Израилем; несмотря на громкие лозунги и провокационные заявления палестинских лидеров, ООП, в конце концов, удовлетворится созданием своего государства в Иудее, Самарии и Газе; ООП будет вынуждена отказаться от мечты об Иерусалиме, возвращении беженцев и "остальной Палестине". Израильское правительство не пожелало придать должное значение тому факту, что под управлением ООП Газа превратилась

в базу террора, откуда наносятся удары по Иерусалиму, Тель-Авиву (взрыв автобуса на улице Дизенгоф в конце 1994 года) и другим городам Израиля. Было ясно, что если даже ООП захочет и сумеет приостановить террор на время переговоров, она возобновит его с новой силой, получив под свой полный контроль Иудею и Самарию. Как сказал Арафат, выступая перед командирами своего отборного "17-го отряда", в числе которых был Абу-Гитлер: "Кровью, огнем и потом мы освободим Палестину и Иерусалим"/129. И, чтобы ни у кого уже не осталось сомнений, что речь идет о всей Палестине, о все том же Поэтапном плане, Арафат подчеркнул через несколько дней:

"В 1974 году мы приняли решение создать палестинское государство на всяком клочке территории, который будет освобожден от израильской власти, и мы выполним это решение"/130.

Днем раньше он заявил: "Мы создадим палестинское государство в любой части Палестины, которая будет освобождена от сионистского врага. Мы достигли первого этапа (Поэтапного плана), но наш путь еще долог и труден. Мы продолжим свой путь до тех пор, пока палестинское знамя не взвоется над Иерусалимом, столицей Палестины"/131.

Если сам Арафат бывает вынужден избегать наиболее одиозных формулировок, то его ближайшие соратники уже ни в чем себе не отказывают. Абу-Фахед, назначенный Арафатом на одну из высших должностей в палестинской "службе безопасности" в Иерихоне, говорит просто и откровенно: "Мы продолжим борьбу до освобождения Иерусалима, Хайфы и Бейт-Шеана"/132.

Через несколько дней после того, как эти слова были произнесены, Ясер Арафат направился в Осло получать Нобелевскую премию мира.

Настанет день, и историки задумаются над загадкой: как смогли тираны и террористы, десятилетиями убивавшие граждан Запада, манипулировать западными демократиями

с целью удушения единственной демократии на Ближнем Востоке. Еще больше удивит их другая загадка: как смогли те, кто открыто говорили о своем намерении уничтожить еврейское государство, заручиться содействием израильского правительства для осуществления своих целей. Быть может, историки будущего найдут ответ на свои вопросы в старой легенде о Троянском коне.

Троянскому коню мы уподобим ООП. Этот дар арабский мир уже несколько десятилетий пытается всучить Западу с тем, чтобы тот заставил Израиль впустить его в свои ворота. Арабские пропагандисты раскрашивают свой дар в прекрасные цвета законности, свободы, справедливости и мира. Они с пафосом говорят о страдании угнетенных. Но цель их ясна: провести Троянского коня сквозь оборонительные редуты Израиля, чтобы он обосновался на холмах вокруг Тель-Авива и оттуда уже исполнил свое злое предназначение. Каждый знак внимания со стороны Запада и Израиля - щедрые газетные репортажи, торжественные банкеты, статус наблюдателя, дипломатические представительства, небольшие поначалу территориальные уступки - все это ведет Троянского коня к указанной цели.

Многим трудно себе представить, что арабы сумеют уничтожить еврейское государство, как разрушили когда-то греки Трою, но тот, кто знаком с геополитическими условиями существования Израиля, неизбежно оказывается дальновидным: государство ООП, границы которого пройдут в 15 км от набережных Тель-Авива, сулит смертельную угрозу Израилю.

То, что Запад поддался на уловки ООП, говорит о слабости - слабости памяти и чувства справедливости. Много ли времени миновало с тех пор, как Ясер Арафат убивал американцев и европейцев? Но еще более поразительна слабость Израиля, многие граждане которого захотели пойти на поводу у лжи, сулящей погибель им самим и их детям. Те израильтяне, которыми руководит жажда жизни,

должны теперь, пусть даже с большим опозданием, объяснить всем и каждому, что представляет собой Троянский мир, предложенный Арафатом еврейскому государству. Они обязаны также указать на возможность иного мира, надежного и безопасного.

Глава шестая

ДВА ВИДА МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наверное, читатели уже спросили себя, возможно ли вообще добиться установления мира в ближневосточной трясине двуличия. Если арабская политика столь выражено предрасположена к насилию, если арабские режимы вынуждены постоянно доказывать законность своего пребывания у власти, если неарабы и немусульмане испытывают едва прикрытую враждебность, если арабское общество демонстрирует столь глубокую неприязнь к Западу и сионизму, можно ли даже представить себе - не говоря уже о том, чтобы установить - прочный мир между самими арабскими государствами, и, тем более, между арабами и евреями?

Я без колебаний отвечаю на этот вопрос утвердительно. В свете изложенного в этой книге мой категоричный вывод может показаться удивительным, однако, в действительности, у читателя нет причин ни для удивления, ни для отчаяния. Мирные соглашения, заключенные Израилем с Египтом и Иорданией, указывают на возможность установления мира на Ближнем Востоке, но лишь в том случае, если мы будем знать, к какому миру нам следует стремиться.

Прежде всего необходимо признать, что существуют два вида мирных отношений: мир между демократическими сообществами и мир с диктаторскими государствами. Принципиальная разница в основополагающих характеристиках

сторон, которые принимают на себя обязательства по поддержанию мира, имеет своим производным принципиальную разницу в характеристиках устанавливаемых мирных отношений.

К первому типу относятся мирные отношения, которые приняты сегодня между различными странами Запада: открытые границы, свободная торговля, туризм, всестороннее сотрудничество, воздержание от враждебной пропаганды, отсутствие укреплений и воинских сил в приграничных районах, отказ от постоянной готовности к войне. Самым главным условием поддержания такого мира является абсолютная уверенность каждой из сторон в том, что другая сторона не имеет по отношению к ней никаких агрессивных намерений. Таков, например, мир, царящий между США, Канадой и Мексикой, а также между странами Западной Европы, где пересечение государственных границ превратилось в едва заметную процедуру. С введением единой общеевропейской валюты будет ликвидирован последний формальный барьер, разделяющий граждан объединенной Европы.

Вышесказанное вовсе не означает, что между демократическими государствами, поддерживающими мирные отношения, не бывает конфликтов. Канада обвиняет США в загрязнении ее лесов кислотными осадками, появление которых вызвано функционированием американских промышленных предприятий в приграничных районах. Отношения между США и Мексикой омрачены контрабандой наркотиков и проблемой нелегальной иммиграции. Даже самая поверхностная проверка выявит множество поводов для возможных конфликтов между демократическими государствами, поддерживающими мирные отношения: диспропорция торгового баланса, различные подходы к проблеме защиты окружающей среды, взаимные претензии по поводу таможенного контроля и т.п. Помимо объективных противоречий, до сих пор не изжиты и националистические предрассудки и застарелая историческая вражда.

Психологические последствия этих факторов долго сохраняют силу, и они могут однажды омрачить взаимоотношения между народами.

Тем не менее, не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что между данными государствами существуют действительно мирные отношения - ведь ни одно из них не захочет начать войну, чтобы таким способом урегулировать спорные вопросы. Причиной тому вовсе не являются военно-стратегический баланс и опасение ответного удара, поскольку даже в демократическом мире сильные государства зачастую располагают физической возможностью разгромить своих более слабых соседей. Но они не воспользуются своей военной силой, и их лидеры даже не задумаются над такой возможностью, так как поддержание мира является для них не столько результатом холодного тактического расчета, сколько функцией глубочайших политических и психологических установок.

Демократическая система ценностей допускает использование силы лишь в крайних обстоятельствах. В XX столетии демократические страны доказали, что они вовсе не спешат принять участие в военных конфликтах. Разумеется, это не означает полного отказа от реакции на агрессию или угрозу агрессии. При необходимости демократические страны неоднократно решались на участие в глобальных военных конфликтах, но такие решения всегда принимались взвешенно и осторожно. Так, например, США вступили в Первую мировую войну только в 1917 году. Во Вторую мировую войну Соединенные Штаты вступили лишь после того, как Япония атаковала американский флот в Перл-Харборе, хотя и до того в Вашингтоне испытывали опасения в связи с угрозой гитлеровской экспансии.

Не менее характерен пример из недавнего прошлого: США начали военные действия в районе Персидского залива в ответ на оккупацию Кувейта иракскими войсками, но и в этом случае пушки заговорили только тогда, когда бесплодно завершились многомесечные дипломатические

усилия по урегулированию конфликта. Во время Вьетнамской войны в американском обществе царил двойственный отношение к целям кампании, и, в конце концов, правительство США было вынуждено вывести свои войска из Вьетнама из-за усиления волны протестов внутри страны. Аналогичные примеры характеризуют поведение демократических государств Западной Европы. В целом будет верно сказать, что в постколониальный период почти невозможно найти примеры агрессивных действий со стороны демократических наций.

Одна из причин этой сдержанности связана с тем, что правительство демократического государства, желающее вступить в войну, должно заручиться согласием абсолютного большинства своих граждан, а это весьма непростая задача. Родители дважды подумают, прежде чем отдадут свои голоса правительству, которое ввязывается в военные авантюры и подвергает смертельной опасности жизни их детей. Но есть и еще одна, не менее важная причина, по которой демократические сообщества воздерживаются от агрессивных действий: неприятие насилия в качестве способа урегулирования спорных вопросов коренится в самой природе истинной демократии.

Демократия использует силу только против нарушителей закона, однако в рамках закона она оставляет достаточно места для споров, конфликтов и конкуренции. Чем более острыми являются противоречия по тому или иному вопросу, тем больше шансов на то, что этот вопрос будет вынесен на рассмотрение граждан в ходе всеобщих выборов. В демократическом обществе споры решаются не штыками и снарядами, а с помощью избирательных бюллететей.

Для разрешения менее острых и менее важных конфликтов существуют суды и парламентские дебаты. По сути дела, политический процесс, принятый в демократических сообществах, представляет собой способ мирного урегулирования конфликтов. Следует отметить, что конфликты далеко не всегда разрешаются с помощью компро-

мисса; иногда решение выносится путем подчинения меньшинства воле большинства. Существенным является то, что решения выносятся мирным способом, поскольку, в противном случае, демократии угрожает внутренняя опасность.

Неудивительно, что демократические страны стремятся к мирному урегулированию любых спорных вопросов, в том числе - международных. Можно сказать, что демократии склонны решать внешние конфликты теми же способами, которыми они решают конфликты внутренние: с помощью убеждения, политического давления и компромиссных предложений, но только не путем силы - ни в первую, ни во вторую, ни даже в третью очередь. Следовательно, мирные тенденции демократических правительств являются результатом практических ограничений, налагаемых на них избирателями, и функцией общепринятых в этих странах моральных ценностей.

Стремление к установлению такого рода мира - мира между демократиями - является общим для всех стран Запада, но, к сожалению, его разделяют далеко не все государства. Современные демократии развились только в последние два столетия, поэтому "внутренне поддерживаемый" мир, который является следствием устоявшегося нежелания граждан воевать, представляет собой относительно новое явление в истории народов. (Хроническая воинственность некоторых "демократических" городов-государств в древней Греции не меняет дела, ибо их системы ценностей и политическое устройство нельзя сравнивать с аналогичными характеристиками современных демократий).

Мы должны помнить, что вплоть до недавнего времени в подавляющем большинстве государств правили не демократические режимы, а разномастные деспотии. Их лидеры не были связаны ни одним из вышеупомянутых запретов или ограничений. Им, разумеется, не приходилось ждать надвигающихся выборов и учитывать их возможный исход в своей текущей политике.

Хуже того, основополагающие тенденции, присущие деспотическим государствам, прямо противоположны тем, что присущи демократиям. Всякое сообщество склонно решать внешние конфликты теми же способами, которыми оно решает внутренние противоречия - в этом единственное сходство деспотии и демократии. И если демократия по самой своей природе стремится к мирному урегулированию конфликтов, то деспотия изначально предпочитает силовые методы. Это предпочтение обусловлено определением деспотии как насильственно навязанной формы правления. Наглядным результатом данного положения является тот факт, что все крупные войны и большинство мелких военных конфликтов были развязаны в XX столетии диктаторскими и авторитарными режимами.

До крушения коммунизма в России справедливость этого положения горячо оспаривалась. Многие люди на Западе оправдывали агрессивную политику СССР как "оборонительную", и точно так же объясняли агрессивность, проявляемую Советским Союзом в различных регионах мира. Этот аргумент давно утратил даже видимость правдоподобия, поскольку еще до окончательного краха коммунизма советские лидеры не раз приводили в замешательство своих западных апологетов явными и неспровоцированными агрессивными авантюрами, такими, например, как вторжение в Афганистан. Точно так же, выпады международного терроризма против демократий были порождены союзом диктатур Ближнего Востока и Восточной Европы. Лишь теперь проясняется в полной мере степень участия коммунистических государств в международной террористической деятельности.

Связь между различными формами государственного правления и склонностью к применению военной силы можно продемонстрировать на примере стран, переходив-

ших от демократии к диктатуре и обратно. Не случайно, что, когда к власти в таких странах приходили военные, там сразу же проявлялась тенденция к применению силы ради осуществления национальных устремлений. Аргентинцы всегда считали, что Фолклендские острова являются частью их национальной территории, но попытка завоевать эти острова была предпринята только тогда, когда у власти в Аргентине оказалась военная хунта. Демократическое правительство, сменившее эту хунту, согласилось приступить к переговорам с Британией с целью урегулирования конфликта вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов.

В 1975 году греческое правительство "черных полковников" спровоцировало греко-турецкую войну на Кипре. Конфликт не был окончательно урегулирован с приходом к власти в обеих странах демократических правительств, однако непосредственная угроза войны отошла на второй план. Кровавое пролитие в Никарагуа и сопредельных с ней латиноамериканских государствах, которому, казалось, не будет конца, немедленно прекратилось, как только у власти в Манагуа оказалось демократическое правительство.

Разумеется, предложенная формула не может рассматриваться как абсолютно верная во всех случаях. Но, несмотря на отдельные исключения, данное правило верно в целом: демократические государства стремятся к миру и согласию, диктаторские режимы склонны к внутреннему и внешнему насилию. Значит ли это, что существование деспотических режимов исключает возможность установления мира? Быть может, первым на этот вопрос попытался ответить философ Иммануил Кант в своем знаменитом трактате "К вечному миру", написанном в 1795 году, когда демократическая форма правления только прокладывала себе дорогу. Кант подчеркивал, что сила ограничивающего влияния заинтересованного электората является решающим фактором для сохранения международного мира:

"Если, а это не может быть иначе при подобном (республиканском) устройстве, для решения вопроса: быть или

не быть войне? - требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру. Ведь все тяготы войны им придется взять на себя: самим сражаться, оплачивать из своих средств военные расходы, в поте лица восстанавливать опустошения, причиненные войной, и, в довершение всех бед, навlech на себя еще одну, отравляющую и самый мир - никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов".

Кант доказывал, что без демократического правления мир, как в детской игре, будет снова и снова ввязываться в войны:

"Напротив, при (деспотическом) устройстве... нет ничего проще, чем вступить в войну. Ведь верховный глава здесь не член государства, а собственник его; война не лишит его пиров, охоты, увеселительных замков, придворных празднеств и т.п., и он может, следовательно, решиться на нее, как на увеселительную прогулку, по самым незначительным причинам, равнодушно представив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать, приличия ради, какое-нибудь оправдание... (Вся) слава правителя состоит в умении заставить тысячи людей пожертвовать собою ради того, что, в сущности, их не касается, тогда как сам он не должен подвергаться никакой опасности"/1.

Поскольку перед глазами Канта не было примеров Сталина и Гитлера, как и их менее удачливых подражателей, а Наполеон тогда только начинал свою карьеру, то приходится признать его оценку агрессивной сущности диктатуры пророчески точной. В качестве решения проблемы ему виделась всемирная федерация свободных стран, достаточно сильная, чтобы заставить государства выносить свои споры на третейский суд, а не решать их путем войны. Как показывает опыт Лиги Наций и ее преемницы -

Организации Объединенных Наций, такие федерации рассыпаются на части, или имеют ограниченное значение, когда в них представлены диктатуры, способные направлять деятельность международной организации в русло своих агрессивных устремлений.

Проблема демократий состоит поэтому в следующем: как сохранить мир, будучи вовлеченными в конфликты с диктатурами, агрессивный и экспансионистский характер которых представляет собой постоянный фактор на международной арене. Опыт последних двух столетий показывает, что сохранить мир в таких условиях возможно.

При отсутствии внутренних ограничителей, которые не позволяют демократическим государствам развязывать ненужные войны, тенденция диктатуры к войне, тем не менее, может контролироваться с помощью внешних ограничителей. Даже самый хищный тиран может быть удержан от агрессии, если ему будет ясно, что его ждет поражение, в результате которого он потеряет власть, землю, почести, контроль над своей страной и, возможно, собственную жизнь. Исторически эта идея получила название "стратегического баланса сил". Совсем недавно она повторилась в легко запоминающемся лозунге Рональда Рейгана - "мир с позиции силы". За обоими названиями стоит одна и та же здравая мысль. Если вам противостоит диктатор, вы должны обладать достаточной силой для того, чтобы удержать его от агрессивных посягательств. Таким образом вы сможете, по крайней мере, сохранить мир посредством устрашения. Но если ваша оборона ослабла, или у противника только создалось впечатление, что она стала менее надежной, то вы навлечете на себя войну*.

В первой половине XX века демократический мир отсту-

---

* Именно таков был классический римский подход к проблеме сохранения мира. В те времена, разумеется, не существовало современных либеральных демократий, поэтому мир поддерживался только средствами устрашения.

пил от этого правила, и заплатил за свою ошибку страшную цену. Полученный урок был хорошо усвоен Западом, поэтому во второй половине столетия западная политика строилась на принципе силового сдерживания агрессии. В начале века демократическим лидерам было трудно провести четкое различие между миром между демократиями и миром, сохраняемым посредством устрашения. Величайшие трагедии нашего века стали результатом этой диагностической ошибки. В 1925 году свободные государства Запада заставили все военные державы подписать Хартию Келлога-Бриана, которая объявляла войну вне закона вовеки веков. После этого многие демократические лидеры всерьез поверили в то, что им не придется более поддерживать военную мощь своих государств - ведь они ожидали такого же поведения со стороны подписавших Хартию диктаторов. И пока Италия и Япония, а затем и Германия, наращивали свою военную мощь, обеспечившую им впоследствии возможность приступить к завоеваниям, государства Запада придерживались своей антимилиитаристской политики вплоть до начала Второй мировой войны.

Несмотря на то, что уродливая сущность нацизма была уже в достаточной мере очевидна, демократические страны продолжали ослаблять себя политикой умиротворения агрессора. Эта политика обеспечила нацистской Германии целый ряд политических побед: восстановление мощи вермахта, ремилитаризация Рейнской области, аннексия Австрии, захват Судетской области и оккупация Чехословакии. Каждая следующая победа укрепляла уверенность Гитлера в том, что Запад не решится на открытую конфронтацию с ним. Кроме того, в ходе этих успехов Германия получила в свое распоряжение огромные ресурсы, которые были использованы для обслуживания ее военной машины: 10 миллионов новых германских граждан, стратегические рубежи в центре Европы, естественные ресурсы, мощная промышленность (в том числе - современные военные предприятия). Все это было к услугам Третьего Рейха.

Однако важнее всего были психологические достижения Гитлера: одерживая бескровные победы над сильнейшими государствами мира, он снискал славу национального героя и завоевал сердца германцев (а также некоторых других народов, например - арабов). Образ непобедимого триумфатора парализовал внутреннюю оппозицию в Германии и лишил противников нацизма реальных политических позиций. На Нюрнбергском процессе немецкие генералы свидетельствовали, что в первые годы нацистского правления они намеревались свергнуть Гитлера, опасаясь, что он навлечет на Германию катастрофу. Однако победы фюрера заставили их понять, что им не удастся убедить немецкий народ в собственной правоте, и военные вынуждены были на время отказаться от идеи путча/2.

Когда после падения гитлеровского нацизма в Восточной Европе и иных регионах мира утвердился сталинский коммунизм, Запад был исполнен решимости избежать повторения трагических ошибок прошлого. Демократические страны поспешили создать военный блок НАТО, который обеспечил им защиту от коммунистической экспансии. Американская стратегия сдерживания, остававшаяся в силе со дней Трумэна до окончания второй каденции президента Рейгана, поддерживала систему оборонительных альянсов вдоль всей линии границ коммунистической империи. Эту политику неоднократно объявляли чрезмерно жесткой и воинственной; американцев обвиняли в том, что они провоцируют конфликты и подрывают основы мирного сосуществования. Но, в действительности, дело обстояло прямо противоположным образом: созданные под эгидой США военные альянсы и, прежде всего, блок НАТО были фактической реализацией идеи "всемирной федерации свободных государств", выношенной еще Иммануилом Кантом.

Военно-политический союз демократического мира обуздал агрессивные поползновения деспотических режимов и остановил коммунистическую экспансию в 50-е годы. В последующие два десятилетия холодная война превратилась

в бесплодную борьбу за контроль над форпостами в Третьем мире. В 80-е годы жесткая политика США окончательно убедила советских лидеров в том, что им не удастся одолеть Запад, и лишь тогда Кремль действительно пришел к выводу о необходимости мирного сосуществования. В конечном счете, советская империя рухнула, не выдержав экономического и технологического (в том числе - военного) соревнования с Западом. Исторический урок XX столетия ясен: капитуляция перед угрозами деспотических режимов увеличивает опасность возникновения войны, а твердое противостояние натиску диктатур способствует сохранению мира.

* * *

После развала коммунистической системы и демократизации европейских республик бывшего советского блока "мир между демократиями" пришел на место "миру посредством устрашения" во взаимоотношениях между Западной и Восточной Европой. Аннулирование Варшавского договора вызвало соответствующие изменения в структуре блока НАТО. Сегодня приходится слышать предложения о превращении НАТО в более политический, нежели военный союз и о приеме в НАТО государств Восточной Европы. Более того, вялотекущие некогда переговоры о сокращении стратегических вооружений получили стремительное развитие после падения коммунизма в России. Встав на путь демократизации, Россия не нуждалась более в поощрениях для того, чтобы отказаться от значительной части своей избыточной военной мощи. Напротив, она была теперь заинтересована в уменьшении оборонных расходов, и именно Москва выступила с некоторыми решительными инициативами в области сокращения вооружений. Не случайно этот процесс несколько замедлился после того, как в результате выборов 1994 года в российском

парламенте существенно возросло представительство анти-демократических сил.

Ту же самую динамику можно было наблюдать во внешней политике Германии, и прежде всего - в ее отношениях с Францией, которая была основной соперницей Берлина с начала XIX столетия. С 1806-го по 1945 год Германия и Франция воевали четыре раза; их войны превосходили по своим масштабам все остальные европейские конфликты (походы Наполеона, франко-прусская война и две мировые войны в XX веке). Миллионы немцев и французов пали на полях сражений. Граница между двумя странами была усеяна укреплениями и изрыта траншеями; по обе ее стороны были сосредоточены крупные воинские силы. Сегодня это открытая граница, почти не видимая постороннему взору. Очень часто данный пример приводят в качестве доказательства того, что установление прочного мира возможно даже между заклятыми врагами. Однако при этом обычно забывают задать важнейший вопрос: когда именно стало возможным поддержание такого мира между Германией и Францией? Лишь тогда, когда на смену последнему деспотическому режиму в Германии пришло демократическое правительство. Только это обеспечило возможность демонтировать приграничные укрепления и отвести войска от границы.

Эта ситуация будет оставаться неизменной до тех пор, пока демократическому правлению в Германии ничто не угрожает. Но если немецкая демократия ослабнет, как ослабла некогда хрупкая и нерешительная Веймарская республика, то над Европой, да и над всем человечеством снова нависнет угроза разрушительной войны. Германия - отнюдь не исключение. То же самое было сказано выше о России; то же самое можно сказать о Японии, Корее и о всякой иной стране с деспотическим прошлым и привлекательным экономическим, а следовательно, политическим будущим. Точно так же, от успеха демократизации зависит, удастся ли освободившимся народам бывшего Советского

Союза избежать перерастания своих националистических антипатий и территориальных претензий друг к другу в открытую войну - как это случилось в Югославии. Если вместо демократий они породят авторитарные или диктаторские режимы, то вероятность эскалации межнациональных конфликтов резко увеличится.

В XX веке мы узнали, что существуют два совершенно различных способа установления и поддержания мира между государствами; выбор правильного способа зависит от того, какая форма внутреннего правления имеет место в той стране, с которой заключается мир. В отношениях между демократиями уместно полное примирение, доверие и всестороннее сотрудничество. Мир с диктаторскими режимами может быть заключен только с позиции силы и устрашения.

Сказанное выше вовсе не означает невозможности того или иного синтеза между двумя упомянутыми подходами. Так например, в отношениях с деспотическим государством может быть использован принцип "кнута и пряника". Но, в целом, приведенная нами формула верна и ей надлежит занимать центральное место в совокупности факторов, определяющих внешнюю политику государства. В сообществе демократических стран, прообраз которого виделся Канту во "всемирной федерации свободных народов", уместно стремиться к единовременному укреплению всех государств, поскольку, в перспективе, плодотворное сотрудничество сулит положительные результаты каждому из них. Такова принципиальная модель сотрудничества, царящая сегодня в отношениях между государствами Северной Америки и Западной Европы, причем мы можем надеяться на ее постепенное распространение в другие регионы мира.

Но в отношениях с деспотическими государствами надлежит придерживаться совершенно иной политики, поскольку уступки неизменно воспринимаются диктаторами как свидетельство слабости и побуждают их выступать со все новыми требованиями. Мирные отношения с диктаторс-

кими режимами могут поддерживаться, в первую очередь, с позиции силы и устрашения, а для этого следует стремиться к усилению демократий и ослаблению диктатур.

Такова главная трудность, связанная с проблемой достижения мира на Ближнем Востоке: ведь Израиль является единственным демократическим государством в этом регионе. Ни в одной арабской стране нет действительно свободных выборов, нет свободы печати, нет гарантированной защиты гражданских прав. По сути дела, там в принципе отсутствует то, что на Западе принято называть "властью закона". В арабских странах не видно ни малейших признаков демократизации; напротив, в большинстве из них наблюдается устойчивая антилиберальная тенденция - в то самое время, когда к либерализму поворачиваются государства Восточной Европы, бывшие советские республики, многие страны Центральной и Южной Америки. Признаки демократизации можно увидеть сегодня даже в некоторых районах Африки, которые, казалось, навеки будут отданы во власть деспотического правления. Монголия и Албания, остававшиеся до недавнего времени самыми одиозными диктатурами, претерпевают стремительный процесс либерализации.

Быть может, в некоторых из этих стран положительные перемены не приведут к установлению стабильного демократического правления; опасность скатывания к диктатуре долго преследует освобождающиеся народы. Однако подавляющее большинство государств арабского мира упорно отказывается даже задуматься над возможностью демократических реформ (не говоря уже об их осуществлении), и в эпоху почти повсеместного демократического триумфа это не может не тревожить западных поборников демократии. В данных обстоятельствах им надлежит сделать неизбежный вывод: на Ближнем Востоке до сих пор возможен только такой мир, который поддерживается средствами устрашения.

Многие признаки указывают на то, что Запад не спешит с правомерными выводами. В прошлом США сыграли решающую роль в организации международного давления на диктаторские режимы в Латинской Америке, на ЮАР и на правительство Мобуту в Заире - с тем, чтобы побудить их к реализации демократических реформ. Совместное давление США и Западной Европы на государства бывшего коммунистического блока принимало самые разнообразные формы - от публичных протестов против попрания прав человека до экономических санкций. Но никогда такое давление не оказывалось на арабов. Триумфальному шествию демократии было предопределено остановиться у песчаных рубежей Сахары.

Те политики на Западе, которые стремятся к установлению на Ближнем Востоке мира западного типа, прежде всего должны заставить арабские режимы встать на путь либерализации. Речь идет не только о введении многопартийной системы и власти большинства, но о внедрении в арабский мир таких основополагающих принципов демократии, как права личности, свобода слова, обуздание государственной власти с помощью законодательных ограничений. Эти принципы находятся в абсолютном противоречии с демагогическими призывами к "демократизации", исходящими из уст исламских фундаменталистов, которые не скрывают своего намерения растоптать гражданские свободы, как только им удастся дорваться до власти. Опыт Ирана и Судана наглядно свидетельствует о том, к чему ведет такая "демократизация". В Алжире исламисты совершили бы то же самое, если бы на их пути не встала армия.

Существует, разумеется, известный довод, согласно которому арабы и демократия несовместимы. Я отказываюсь признать правомерность этого довода. Арабские граждане Израиля (так же, как и арабские граждане США) усвоили принятые в государстве демократические нормы правления, и они успешно реализуют их, избирая собственных представителей в местные органы власти и в Кнессет.

При этом избирательная практика в арабском секторе характеризуется тем же накалом страстей, который вообще присущ израильской политике - но без того насилия, которое является неотъемлемой частью политической жизни в арабских странах.

Можно уверенно сказать, что без настойчивой и систематической поддержки Запада демократические нормы не смогут утвердиться в арабском мире. Но Запад отказывается оказывать на арабов необходимое давление по трем причинам: во-первых, арабы контролируют большую часть мировых запасов нефти, и западные страны не хотят конфликтовать с поставщиками топлива; во-вторых, Запад сознательно сужает смысл понятия "демократия" до минимального определения "власть большинства", когда дело касается арабских стран (хотя отсутствие ограничивающего конституционного законодательства и необходимых структурных балансов выхолащивает смысл самого этого понятия); в-третьих, даже если бы два вышеуказанных препятствия были преодолены, дипломатическая элита Запада, состоящая из "арабистов", сумела бы торпедировать любую попытку давления на арабские страны с целью их подталкивания к демократии. "Арабисты", памятные нам по печальным событиям первой половины и середины XX века, все еще задают тон в соответствующих отделах большинства ведомств.

* * *

Коль скоро Запад не готов активно содействовать демократизации в арабском мире, было бы естественно ожидать, что он, по крайней мере, попытается усилить сдерживающую мощь Израиля, который является сегодня единственным демократическим государством на Ближнем Востоке. Столь же естественно было бы ожидать от Запада шагов, направленных на ослабление самых радикальных деспотических режимов региона. Такая политика

вполне соответствовала бы принципу "мир с позиции силы", определявшему поведение Запада в течение последних пяти десятилетий. Практическое применение этого принципа всегда означало жесткость в отношении тиранов и дружественное поощрение демократий. Увы, обращая свои взоры к нашему региону, западные политики забывают о принципиальном различии между двумя возможными видами мира. Они оказывают постоянное давление на Израиль с тем, чтобы вынудить его к далеко идущим стратегическим уступкам. Предполагается, что Израиль должен задобрить и умиротворить агрессивных диктаторов - любой, даже самой дорогой ценой.

Одним из наиболее характерных примеров этой абсурдной политики стало поведение Запада по отношению к Саддаму Хусейну. Всего за несколько дней до иракского вторжения в Кувейт американская администрация настаивала на предоставлении Ираку щедрых кредитных гарантий/3. В ходе последующей войны в Персидском заливе американские войска сражались против систем вооружений, поставленных Саддаму фирмами Франции, Италии, Великобритании и Австрии. Военные самолеты США бомбили иракские укрепления, построенные бельгийской компанией. Американским солдатам были выданы противогазы, которые должны были защитить их от отравляющих веществ, проданных Ираку германскими и швейцарскими фирмами/4.

Был ли извлечен из этого необходимый урок? Отнюдь! Когда Саддам Хусейн окончательно испортил свою репутацию, некоторые западные поставщики стали продавать оружие другой ближневосточной диктатуре - Сирии. Такова была награда Асаду за то, что он согласился поддержать американскую войну против Ирака, его собственного заклятого врага*.

---

* Запад укрепляет позиции арабских диктаторов, отказываясь потребовать взамен проведения демократических реформ и минималь-

Даже самый беглый обзор новейшей истории Ближнего Востока свидетельствует о том, что поддержание мира с арабами должно основываться на сдерживании и устрашении. В 1975 году, когда иранский шах находился в апогее своего могущества, Саддам Хусейн заключил с Ираном договор о ненападении, поскольку ему было ясно, что он ничего не сумеет добиться с помощью агрессии. Когда шах был свергнут, и его армия развалилась, Саддам немедленно двинул свои войска против Ирана. Восьмилетняя кровопролитная война убедила Саддама в том, что он не сможет разгромить Иран, и тогда он снова изъявил готовность заключить мирный договор с этой страной. Однако теперь иранские правители считали, что у них есть возможность

ного уважения прав человека. Когда речь заходит о правах человека, то Запад критикует, прежде всего, Израиль, единственную ближневосточную демократию. Находятся люди, которые готовы утверждать, что из-за своего поведения на "оккупированных территориях" Израиль не может считаться демократическим государством. Однако нет никакого сомнения в том, что поведение Израиля заслуживает гораздо более высокой оценки, чем поведение других демократических стран, которым приходилось сталкиваться с подобными обстоятельствами, суть которых - военное правление и условия затяжной войны. Более того, Израиль выдерживает сравнение с теми демократическими государствами, которые при наличии обычного гражданского правления сталкивались с всплесками массового насилия, угрожающего благополучию общества. Страстным критикам Израиля следовало бы вспомнить о том, как были подавлены гражданские волнения в Лос-Анджелесе и Детройте. Здесь же уместно напомнить о том, что во время войны с Японией американские власти заключили всех японских граждан США в концентрационные лагеря и конфисковали их имущество. По окончании Второй мировой войны США ввели военное правление в Германии и Японии. В данном контексте заслуживают внимания американские действия в Гренаде и Панаме, а также антитеррористические мероприятия британских войск в Северной Ирландии. Израиль является демократическим государством находящимся в условиях войны, и его поведение ничуть не хуже, напротив, оно почти во всех отношениях гораздо лучше, чем поведение других демократических стран при аналогичных обстоятельствах.

добиться победы, и они отказались прекратить войну. Только после того, как Саддаму удалось остановить иранское контрнаступление, между Ираном и Ираком был заключен мир, основанный исключительно на обоюдном устрашении.

Точно так же Кувейт стал жертвой иракской агрессии, поскольку у Саддама Хусейна создалось впечатление, что эта страна не сможет себя защитить. Кувейт, по сути дела, перестал существовать в качестве государства, и лишь благодаря вмешательству США и их союзников суверенитет этой страны был восстановлен. Кстати сказать, Сирия и Ирак, два крупнейших хищника Ближнего Востока, никогда не воевали друг против друга только потому, что обе страны опасались военной мощи противника - мир между этими странами сохраняется только за счет взаимного устрашения.

Обуздать агрессивность деспотических арабских режимов можно только двумя способами: силой устрашения или - если устрашения оказывается недостаточно - силой оружия. Во втором случае только более мощная сила может заставить агрессора отказаться от удержания завоеванного пространства. Так было в 1985 году, когда Ливия вторглась в Чад и была изгнана оттуда французскими войсками. Ранее то же самое произошло в Йемене, где Великобритания помогла местному правительству отразить египетскую агрессию. И, наконец, самый известный пример - это изгнание иракских оккупантов из Кувейта американскими войсками.

Иными словами, поддержание мира на Ближнем Востоке обеспечивается только посредством устрашения. Запад признает этот факт, продавая огромное количество оружия тем арабским режимам, которые считаются "умеренными". Западные лидеры заявляют:

"Мы должны укреплять эти режимы с тем, чтобы подавить экспансионистские устремления радикалов". На самом деле, эта политика несостоятельна, поскольку никакие запасы оружия не могут повысить обороноспособность

таких хрупких государств, как Кувейт и Саудовская Аравия, когда им противостоит Ирак, региональная держава, армия которой в 20 раз превосходит их вооруженные силы своей мощью и численностью. В ходе войны в Персидском заливе это стало совершенно очевидно: после того, как США и Западная Европа в течение долгих лет осуществляли многомиллиардные поставки новейшего оружия в Саудовскую Аравию и Кувейт, эти страны не смогли самостоятельно отразить иракскую агрессию.

Важно отметить, что массовые поставки западного оружия "умеренным" арабским режимам создают колоссальные арсеналы, которые могут в любой момент оказаться в распоряжении откровенных фанатиков. Достаточно вспомнить о том, как Каддафи захватил власть, свергнув прозападного короля Ливии Идриса; Хомейни унаследовал престол иранского шаха; шейх Тураби установил фундаменталистский режим в Судане, отстранив от власти Джафара Нумейри. В последнее время на Западе обеспокоены возможностью аналогичных изменений в Египте, и американская разведка выражает опасение, что президент Мубарак не сможет справиться с исламскими фундаменталистами в своей стране.

Кроме того, радикальные арабские режимы могут попросту захватить огромные арсеналы своих "умеренных" соседей, как это сделал Саддам Хусейн в Кувейте. Существует также возможность вынужденной передачи оружия агрессивным диктаторам, если те используют соответствующие средства шантажа и давления.

Вывод из вышесказанного достаточно однозначен: западное оружие, текущее сегодня мощным потоком на Ближний Восток, может оказаться, в конце концов, совсем не в тех руках и использовано совсем не для тех целей, которые желанны Западу.

Единственный несомненный результат накопления огромных разрушительных арсеналов на Ближнем Востоке состоит в следующем: радикалы, мечтающие об уничтоже-

нии Израиля, укрепляются во мнении о том, что необходимые для этого средства в арабском мире наличествуют. Чем больше оружия получают арабские государства, тем сильнее будет убежденность радикалов в том, что единственное препятствие на пути к ликвидации еврейского государства - это нерешительность существующих арабских правительств и их неспособность объединиться. Многие арабы и сегодня убеждены в том, что Израиль не может противостоять совокупной военной мощи арабских государств. Им кажется, что для достижения долгожданной исторической победы над сионизмом необходим только решительный лидер, который сумеет сосредоточить эту мощь в своих руках и использовать ее по назначению. Таким образом, западная политика, приветствующая продажу современного оружия различным арабским режимам, представляет собой явный соблазн для авантюристов типа Саддама Хусейна, мечтающих о славе Саладдина. Мы вынуждены признать, что недальновидная политика Запада самым непосредственным образом ослабляет сдерживающие факторы, без которых невозможно сохранение мира на Ближнем Востоке.

* * *

Обосновывая необходимость массовых закупок оружия, арабские лидеры ссылаются на "агрессивную природу" Израиля. Они охотно напоминают о том, что с 1948 года арабам приходилось неоднократно воевать с Израилем. Трудно поверить, что кто-либо на Западе воспримет это утверждение всерьез, особенно после войны в Персидском заливе. Ночь за ночью Ирак обрушивал на израильские города ракетные удары, а граждане Израиля теснились в герметизированных комнатах, надевали противогазы и впахивали своих детей в защитные пластиковые палатки. Хотя иракская агрессия носила абсолютно неспровоцированный характер, правительство Израиля уступило

просьбе США и воздержалось от ответной реакции - во имя сохранения единства американо-арабской коалиции, выступившей против Саддама Хусейна. Трудно даже представить себе более красноречивое доказательство израильской "агрессивности" и той "угрозы арабскому миру", которая исходит, якобы, от еврейского государства.

После 1967 года США стали оказывать Израилю щедрую военную помощь. Эта помощь чрезвычайно содействовала сохранению мира на Ближнем Востоке, поскольку она заставила многих арабов смириться с мыслью о невозможности уничтожить Израиль. Чем более несомненным будет осознание этой невозможности в арабском мире, тем больше будет шансов на установление прочного мира между Израилем и арабами.

Процесс политического прозрения медленно, но неуклонно охватывает арабские страны. В 1948 году все арабские государства были уверены в своей способности уничтожить 600.000 евреев, сосредоточенных, главным образом, в узкой приморской полосе Эрец-Исраэль. В 1967 году соблазн легкой победы был все еще достаточно велик, поэтому Сирия и Иордания присоединились к египетской попытке удушить Израиль.

Стратегическое положение еврейского государства резко улучшилось в результате Шестидневной войны; теперь основные центры населения, аэродромы и промышленные районы Израиля были защищены с востока горными хребтами Иудеи и Самарии. Угроза мгновенного сухопутного прорыва арабских армий к побережью Средиземного моря утратила свою остроту. Когда в 1973 году Сирия и Египет вновь задумали агрессию против Израиля, король Иордании остался в стороне. Хусейн понимал, что если он присоединится к запланированной атаке, его войскам придется пересечь Иорданскую долину и штурмовать крутые горные склоны, находящиеся под израильским контролем. Он решил не рисковать, и Иордания ограничилась направлением символического контингента на Голанские высоты.

Таким образом, если мы оставим в стороне Синайскую кампанию 1956 года, начатую Израилем в ответ на многочисленные агрессивные акции Египта, то нам откроется ясная и последовательная тенденция: в 1948 году на территорию Израиля вторглись пять арабских армий, в 1967 году против Израиля воевали три арабских государства, в 1973 году - уже только два. В 1982 году, когда ЦАХАЛ уничтожал террористические базы ООП в Ливане, против Израиля выступило только одно арабское государство - Сирия. При этом надлежит отметить, что даже сирийские войска вступили в конфронтацию с израильскими силами только на одном небольшом участке линии противостояния. В 1991 году один лишь Ирак, посуливший "спалить половину Израиля", атаковал нашу страну своими ракетами, однако Саддам Хусейн даже не пытался начать наземную кампанию. Это побудило одного наблюдателя назвать иракскую атаку "полудействием полустраны".

Отмеченная тенденция носит весьма обнадеживающий характер, но нам надлежит задуматься над ее причинами и над тем, как сохранить их благотворное действие в будущем. В противном случае, наши ошибки могут повернуть эту тенденцию вспять. Прежде всего необходимо задать самый общий вопрос: почему число арабских государств, проявляющих готовность участвовать в нападениях на Израиль, заметно сократилось со временем? Понятно, что это произошло не потому, что арабы изменили свои взгляды и признали справедливость сионистских устремлений. Как мы уже отмечали, ненависть к сионизму глубоко укоренилась в структуре арабского общества и в характере арабских режимов. Для того, чтобы изжить это пагубное чувство, арабский мир должен претерпеть глубокие социальные и политические изменения, которые, в любом случае, требуют значительного времени. Тем не менее, король Иордании, поддержавший египетско - сирийскую агрессию против Израиля в 1967 году, воздержался от участия в Войне Судного дня шесть лет спустя. Главным фактором, опреде-

лившим поведением короля Хусейна, стало следующее обстоятельство: в 1967 году его армия была дислоцирована к западу от гор Иудеи и Самарии, а в 1973 году - к востоку от них.

Следует также предположить, что результаты Войны Судного дня оказали значительное влияние на решение египетского президента Анвара Садата заключить мир с Израилем. Садат, быть может, восстановил арабское "достоинство" (ведь он провоевал с Израилем целых две недели, и все еще не был разгромлен!); он даже получил возможность говорить о египетской "победе" в войне. Однако при этом Садат прекрасно понимал, что несмотря на абсолютную внезапность египетско-сирийского нападения, ЦАХАЛ сумел перехватить инициативу, окружить 3-ю египетскую армию на Синае и выйти на расстояние 101 км от Каира. Если бы не энергичное вмешательство США и ООН, вынудившее стороны прекратить огонь после 18 суток боевых действий, ничто не смогло бы остановить израильские войска на пути к египетской столице.

Уменьшение количества арабских государств, проявляющих готовность воевать с Израилем, отражает основополагающую характеристику ближневосточной действительности: мир между Израилем и его соседями основывается только на устрашении. Чем более очевидна израильская мощь, тем больше шансов на сохранение стабильности в регионе. И, напротив, признаки израильской слабости увеличивают вероятность новой войны на Ближнем Востоке. Такое положение вещей никого не должно удивлять, поскольку оно представляет собой адекватное выражение доктрины сдерживания и устрашения. В свое время Советский Союз отказался от нападения на Запад вовсе не потому, что кремлевские лидеры смирились с существованием капиталистического мира, но исключительно в силу опасения мощного ответного удара. Подобным же образом вероятность широкомасштабной агрессии против Израиля уменьшилась не из-за ослабления арабской враждебности

к еврейскому государству, но из-за страха потерпеть очередное поражение на поле боя.

Страх перед поражением мешает арабам, находящимся в состоянии войны с Израилем, перейти к активным боевым действиям. Более того: этот страх удерживает от нарушения мирных соглашений те арабские государства, которые уже заключили мир с Израилем. Именно поэтому для обеспечения долговечности Кемп-Дэвидского соглашения между Израилем и Египтом было необходимо внести в него параграф, предусматривающий сохранение большого буферного пространства между двумя странами. Демилитаризация Синайского полуострова создала такую ситуацию, при которой Египет не может внезапно вторгнуться на израильскую территорию. Даже если Каир решится когда-нибудь на нарушение мирного соглашения, египетским войскам понадобится определенное время, чтобы пересечь демилитаризованную зону - а за это время Израиль успеет отоблагодетельствовать свои силы и начать боевые действия еще на территории Синая.

В рамках мирного соглашения с Иорданией Израиль сохранил за собой все стратегические позиции в Иорданской долине, в Иудее и Самарии. Тем самым обеспечена израильская способность отразить будущую агрессию на безопасных рубежах, а это - наилучшая гарантия соблюдения мирного соглашения и поддержания региональной стабильности.

Таким образом, на Ближнем Востоке безопасность (или сдерживающая мощь) является обязательным и незаменимым условием сохранения мира; "незащищенный" стратегически мир продержится здесь недолго. Однако соотношение между безопасностью и миром часто представляют совершенно противоположным образом - для одного лишь Израиля, разумеется. Нам часто говорят, что истинным условием нашей безопасности является "мир", то есть подписание формальных мирных соглашений между Израилем и арабскими соседями. Никто бы не догадался сказать

Кувейту, что его безопасность гарантируется мирным договором с Ираком. Такой договор между двумя странами существовал, но он оказался абсолютно бесполезным, когда Ирак возомнил, что может поглотить Кувейт. Однако политики, путающие мир между демократиями и мир, поддерживаемый с помощью устрашения, требуют от Израиля взять на себя огромный стратегический риск ради установления "мира". Ведь мир, говорят нам недалёковидные доброжелатели, это и есть настоящая безопасность.

Трудно представить себе более наглядную иллюстрацию к этому пожеланию, чем поговорка о лошади, впряженной позади телеги. Как уже неоднократно отмечалось выше, мир с ближневосточными диктатурами изначально зависит от реальных гарантий безопасности, а вовсе не является сам такой гарантией. Так, например, формальный мир между Израилем и Сирией, включающий подписание мирного соглашения и обмен посольствами, сам по себе ничего не гарантирует, и, уж в любом случае, он не гарантирует Израилю безопасности. Такого рода мир может быть расторгнут уже вскоре после заключения соответствующих соглашений, если он не будет подкреплён реальными факторами стратегического устрашения, препятствующими новой сирийской агрессии.

Здесь достаточно упомянуть о том, что в течение семи лет ирано-иракской войны (продолжавшейся в общей сложности 8 лет) в Багдаде действовало иранское посольство, а в Тегеране - иракское. Более того, договор о ненападении, подписанный некогда Саддамом Хусейном и шахом Ирана, так и не был расторгнут формально. Генри Киссинджер заметил в свое время, что все войны берут начало в мирной жизни. Это высказывание бывшего американского госсекретаря особенно верно по отношению к Ближнему Востоку, история которого полна примерами расторжения мирных договоров между арабскими странами. Ни один договор сам по себе не предотвратил возникновение войны в регионе.

В конце XX столетия нет никаких причин для того, чтобы замалчивать принципиальное различие между двумя видами мира - мира между демократическими сообществами и мира с позиции силы. Это особенно верно для еврейского народа, который заплатил самую страшную цену за неспособность западных демократий сделать все необходимые выводы из данного различия. По отношению к нацистской Германии Запад вел себя так, как будто Третий Рейх был демократическим государством, и результатом этой близорукости стала Вторая мировая война, обернувшаяся для евреев невиданной Катастрофой. После победы над нацизмом Запад избрал иную тактику в отношениях с Советским Союзом, мощь которого во много раз превосходила стратегический потенциал гитлеровской Германии. Сделав ставку на поддержание мира с помощью устрашения, Запад сумел предотвратить новую мировую войну и сохранить стабильность в Европе в самые опасные годы коммунистической экспансии.

Тем, кто не хочет углубляться в философские рассуждения Канта о различном отношении к войне деспотических государств и демократических сообществ, я могу предложить простую и общедоступную замену. Достаточно открыть толковый словарь на странице, где объясняется значение слова "мир". В новом английском словаре, выпущенном недавно издательством "Collins", предлагаются два значения этого слова:

1. Состояние гармонии в отношениях между народами и иными группами.
2. Состояние, при котором не ведется война.

Трудно придумать более точное определение упомянутых выше видов мира. Действительно, мир между демократиями - это "состояние гармонии в отношениях между народами", порожденное общими культурными ценностями. В то же время, мирные отношения демократического

государства с диктаторским режимом - это всего лишь "состояние, при котором не ведется война", поскольку никакая гармония при столь разных культурных и политических ценностях невозможна. В первом случае безопасность сторон обеспечивается общностью ценностей. Во втором случае единственной гарантией мира и безопасности является способность демократии отразить агрессию диктатуры.

На сегодняшний день только такой осторожный и "вооруженный" мир возможен в отношениях между Израилем и арабами. Даже самые искренние миролюбивые намерения арабской стороны могут измениться со временем из-за прихода к власти антиизраильски настроенных радикалов или под воздействием иных политических факторов. Нам не следует путать мир, который поддерживается средствами устрашения, с гармоническими мирными отношениями между демократиями, в которых стратегические гарантии безопасности играют весьма незначительную роль. Путаница в этом вопросе приведет нас прямо к новой войне. В конкретном ближневосточном контексте к утверждению "мир - это подлинная безопасность" надлежит относиться как к бессмысленной и опасной пошлости. Ее опасность состоит в том, что она укрепляет иллюзию, которая и сейчас уже владеет сознанием многих израильтян, определяя их позицию в поддержку далеко идущих уступок арабам. Результатом этих уступок станет положение, при котором Израиль не обретет мира и лишится безопасности.

Типичным искажением представленной здесь позиции является следующее утверждение: автор полагает, что мир возможен только между демократиями, поэтому он считает невозможным заключение мира с арабами до тех пор, пока в арабском обществе не совершилась демократическая революция. Тот, кто внимательно прочитал эту часть моей книги, понял, что я далек от подобного демагогического вывода. Заключение и поддержание прочного мира с арабами возможно - если оно не связано с опасными израильскими уступками. Это будет мир, основанный на постоянном

израильском утрашении, на усилении сдерживающей стратегической мощи Израиля. В действительности мы уже заметно приблизились к данной цели, о чем свидетельствует мирный договор с Иорданией и готовящиеся соглашения с Марокко, Оманом и другими арабскими странами. Правители этих государств в течение длительного времени осуществляли закулисное сотрудничество с Израилем, фактическим фундаментом которого было наличие параллельных интересов и общих врагов. При этом совершенно очевидно, что это тайное сотрудничество было бы невозможно со слабым Израилем. Неслучайно оно получило развитие только после Шестидневной войны, доказавшей однозначное военное превосходство Израиля над соседними арабскими странами.

Если в следующем поколении арабы придут к выводу, что Израиль навсегда останется частью Ближнего Востока, то это может привести к реальному психологическому сдвигу и к действительному арабскому признанию права Израиля на существование. Я полагаю, что арабы не будут вечно биться головой о стенку. Но если они почувствуют, что защитная стена Израиля трещит и разваливается, то наблюдаемый в последние годы постепенный процесс израильско-арабского примирения повернет вспять. Такова истинная опасность, связанная с подписанием соглашения с ООП и с декларируемой израильскими левыми готовностью к значительным уступкам на Голанах.

В одной из своих книг Макс Нордау описал хорошо известный эксперимент, который поставил немецкий зоолог Карл Август Мебиус для изучения отношений между хищником и жертвой. Эксперимент проводился с двумя рыбами:

"Аквариум был разделен на два отделения с помощью стеклянной перегородки; в одно из них поместили щуку, в другое - линя. Едва лишь первая завидела свою жертву, как ринулась в атаку, не замечая прозрачной перегородки.

Она со страшной силой наскочила на препятствие и, оглушенная, была отброшена назад, сильно разбив нос... Щука повторила свою попытку еще несколько раз, но смогла только сильно поранить голову и пасть".

Нордау пишет, что постепенно щука стала понимать:

"Какая-то неведомая и мощная сила защищает линя, любая попытка проглотить его будет тщетной. Начиная с этого момента, щука оставила все попытки напасть на свою жертву. Затем из аквариума убрали перегородку, и щука и линь плавали вместе... (Щука) знала одно: она не должна нападать на этого линя, иначе ей придется плохо. Стеклопанная перегородка, которой в аквариуме уже не было, оберегала линя, словно кольчуга, отражающая смертоносные атаки щуки"/5.

Какими бы ни были причины агрессивности одной из сторон, агрессия лишается всякого смысла, когда она не имеет шансов на успех. Эта элементарная истина верна не только в зоологии - она не в меньшей степени применима к отношениям между отдельными людьми и целыми народами. К осознанию невозможности уничтожить Израиль постепенно приходят даже самые радикальные арабские режимы, однако факт существования Израиля и, в особенности, его право на существование все еще не усвоены арабами прочно и однозначно. Поэтому если защищающая Израиль "перегородка" исчезнет, еврейское государство окажется беззащитной жертвой многочисленных хищников.

Эта перегородка - оборонительная система Израиля - состоит из нескольких важнейших компонентов: человеческих и физических ресурсов еврейского государства, его психологических ценностей и материальных обретений. Но не менее важным элементом оборонительного комплекса является физическая граница, отделяющая города Израиля

от огромных армий потенциального Восточного фронта. Голанские высоты и горные хребты Иудеи и Самарии - это высокая и крепкая стена, защищающая Израиль от угрозы уничтожения. В следующей главе своей книги я намерен рассмотреть вопрос о стратегической важности этой стены.

Глава седьмая

ГОРНЫЙ ЩИТ ИЗРАИЛЯ

6 октября 1973 года я встретил в США, где второй год учился в Массачусетском технологическом институте. Новости в наше время передаются быстро даже в Йом-Кипур (Судный день). После полудня мы узнали о начале войны: "Вы слышали? Напали Египет и Сирия".

Мы, несколько израильских студентов Массачусетского технологического института и Гарварда, офицеры запаса израильской армии, помчались в аэропорт им. Кеннеди, чтобы первым же самолетом улететь домой. Но это оказалось трудным делом. Израильские резервисты устремились в этот аэропорт со всех концов США и Канады. Первый "Боинг" уже улетел, и в нем не было ни одного свободного места. Шла жестокая битва за билеты на второй самолет. Я использовал все свои связи, позвонил всем, кому только мог, - даже Моте Гуру, израильскому военному атташе в Вашингтоне. Мне удалось попасть на борт, поскольку я пять лет прослужил солдатом и офицером в спецподразделении Генерального штаба ("Сайерет-МАТКАЛ"). Самолет, битком набитый израильскими докторантами, специалистами по компьютерам, врачами и физиками, трещал по всем швам. Для слишком многих из нас это путешествие оказалось последним.

Все мы были абсолютно уверены в том, что война закончится нашей победой уже через несколько дней, в крайнем случае - через неделю. Однако дело обернулось иначе. Египтяне и сирийцы, неожиданно напав на Израиль, добились поначалу впечатляющих успехов. Сирийцы по всей ширине фронта перерезали Голанские высоты, их передовые танковые отряды почти дошли до мостов через Иордан. На юге египетская армия успешно форсировала Суэцкий канал, прорвала оборонительную линию Бар-Лева и приблизилась к стратегическим перевалам Митле и Гиди. Обе арабские армии были оснащены новейшими зенитными и противотанковыми ракетами, в результате чего в первые дни войны был нанесен ощутимый удар по нашим ВВС, и не столь существенный, но весьма чувствительный - по бронетанковым силам ЦАХАЛа.

В Израиле царила атмосфера замешательства. Война шла уже два дня, а мобилизация резервистов еще не завершилась. Прибывающие из-за границы солдаты и офицеры искали свои подразделения. Я узнал, что одна половина моего подразделения брошена на Голаны, другая - на юг, на египетский фронт. Вместе с еще несколькими "возвращенцами" мы создали сводную боевую группу, раздобыли джипы и бронетранспортеры, а затем отправились на Синай. К этому времени египетское наступление уже было остановлено, линия фронта стабилизировалась. ЦАХАЛ начал подготовку к броску через Суэцкий канал, который состоялся через несколько дней под командованием Ариэля Шарона.

Нам было поручено защищать по ночам бронетанковые части от египетских диверсионно-десантных отрядов. Мы совершали боевое патрулирование, выезжали в районы появления египетских вертолетов, охраняли израильский танковый лагерь по периметру. Истощенные сражениями и бесконечным ремонтом боевых машин, танкисты могли позволить себе несколько часов беспокойного сна. Однажды в кромешной тьме, царившей в лагере, я буквально налетел

на приятеля, которого не видел уже несколько лет; встреча вызвала бурное веселье. Но чаще до меня доходили глухие вести о друзьях, убитых в первых боях. Многих из них я знал с детства, и теперь мне оставалось гадать: получили ли уже их семьи роковые известия. Еще больше людей погибло в последующем контрнаступлении, в том числе - многие солдаты из моего подразделения. После войны их фотографии в траурных рамках заняли свое место на мемориальной стене скромной библиотеки нашей части. Но тогда шли первые дни войны, и вскоре наступило напряженное затишье, какое бывает после первых жестоких схваток.

На Голанах, куда нас вскоре перебросили, мы застали примерно такую же картину. В жестоких боях израильским частям удалось остановить сирийские войска, которые в десять раз превосходили их численностью. Сформированная в ходе первых сражений линия обороны продержалась до прибытия резервистов. Израильское командование на Голанских высотах, находившееся в Нафахе, вынуждено было оставить базу и переместиться на открытое пространство, поскольку сирийские танки дошли до охраняемого периметра лагеря. Уцелевшие экипажи подбитых израильских танков пересаживались на новые боевые машины и немедленно возвращались на линию огня. В первые дни боев была уничтожена целая танковая бригада ЦАХАЛа. Как это всегда бывает, среди убитых было особенно много офицеров, руководивших действиями своих подразделений. В некоторых батальонах погибли все офицеры, и командование перешло к младшим командирам. Из остатков разрозненных частей создавались новые боевые отряды, которые продолжали сражаться с прежним упорством.

Источником невероятного мужества было общее для всех нас желание предотвратить то, что Моше Даян назвал "падением Третьего Храма". Позднее те, кто уцелел - солдаты регулярной армии, почти мальчишки, и резервисты, в гражданской жизни бывшие клерками, учителями и

фермерами - будут описывать чувство, которое переполняло и поддерживало их в те роковые дни; они держали в своих руках судьбу еврейского народа. Если бы они проиграли свое сражение, Еврейское Государство прекратило бы свое существование. И линия обороны была удержана. По прибытии резервных частей ЦАХАЛ перешел в контрнаступление и вскоре израильские войска вошли в Сирию. На Южном фронте наши бронетанковые силы форсировали Суэцкий канал и окружили 3-ю египетскую армию. Арабы обратились к мировому сообществу, к Советам и американцам с мольбой помочь прекратить войну. Соглашение о прекращении огня было достигнуто после объявления ультиматума Совета Безопасности ООН. В конце войны израильские войска находились в 40 км от Дамаска и в 101 км от Каира.

Израиль одержал внушительную победу, но за нее была заплачена огромная цена: в жесточайшей битве, стараясь удержать линию обороны перед лицом огромного численного превосходства противника, наша армия потеряла 2552 человека убитыми - это были самые большие потери ЦАХАЛа со времени Войны за Независимость. Масштабы потерь можно оценить, представив себе, что Соединенные Штаты потеряли за всю восьмилетнюю войну во Вьетнаме в три раза меньше солдат, чем Израиль за три недели Войны Судного дня.

Эта война была важным уроком и для израильтян, и для арабов. На обоих фронтах арабским войскам удалось продвинуться на десятки километров вглубь контролируемой Израилем территории. Если бы Война Судного дня началась с границ 1949-67 гг., и если бы арабские армии продвинулись на такое же расстояние, то Израиля больше бы не существовало. Египтяне достигли бы южных пригородов Тель-Авива; иорданцы (которые, несомненно, поддались бы соблазну и вступили в войну) дошли бы до Средиземного моря, разделив страну на две части; сирийцы смогли бы вклиниться вглубь Галилеи.

ЦАХАЛ сумел предотвратить поражение Израиля даже после того, как арабские армии осуществили внезапное нападение в самых благоприятных для себя условиях. Несмотря на предупреждения разведки, Израиль не предпринял необходимых мер к отражению египетско-сирийской агрессии. Танки и артиллерия ЦАХАЛа оставались на удаленных базах или находились в дороге. Политические условия также исключительно благоприятствовали арабской агрессии: взвинтив цены на нефть и отказывая мировой экономике в необходимом топливе, арабы сумели вызвать сильнейший международный нажим на Израиль. Десятки стран мира разорвали дипломатические отношения с еврейским государством. Когда во время войны Соединенные Штаты согласились перебросить по воздуху срочную помощь Израилю, они не смогли найти ни одной страны в Европе, которая позволила бы их транспортным самолетам приземлиться и дозаправиться на своей территории (в конце концов, Португалия позволила американцам дозаправиться на Азорских островах). Несмотря на все эти огромные преимущества, арабские армии были разгромлены в течение трех недель. Тот факт, что столь успешно начатая война обеспечила арабам столь мизерные достижения, заставил наконец Анвара Садата приступить к мирному диалогу с Израилем. Историческая фаза, начало которой было ознаменовано Войной Судного дня, завершилась заключением Кемп-дэвидских соглашений (1978) и подписанием мирного договора с Египтом (1979) - первого мирного договора между Израилем и арабской страной.

В рамках этого договора Израиль вернул Египту Синайский полуостров, однако переданная территория была демилитаризована, и египетская армия лишилась права размещать значительные силы к востоку от Суэцкого канала. Кроме того, была создана сложная система контроля за соблюдением соглашений, одним из компонентов которой стало размещение международных наблюдателей.

Большая площадь Синайского полуострова (в два с лишним раза превосходящая площадь Израиля вместе с Иудеей, Самарией и Газой) является гарантией того, что при всяком нарушении соглашения о демилитаризации со стороны Египта у Израиля будет достаточно времени, чтобы остановить египетские войска, прежде чем они приблизятся к Негеву. На Ближнем Востоке мир может поддерживаться только с позиции силы. Синайский полуостров является достаточно надежным буферным пространством, и поэтому добиться установления мира на границе с Египтом было относительно легко. На других фронтах, однако, ситуация была и остается гораздо более сложной.

* * *

На восточном фронте Израилю непосредственно противостоят две арабские державы - Сирия и Ирак, которые, несмотря на давнюю вражду между собой, в прошлом уже сотрудничали в военных действиях против еврейского государства. Кроме того, необходимо принять в расчет Саудовскую Аравию, огромные арсеналы которой при определенных условиях могут быть использованы для нападения на Израиль. Мы не можем исключать и возможность переворота в Иордании, после которого это государство снова окажется втянутым в агрессивное противостояние Израилю (кстати, аналогичная возможность всегда будет сохранять силу и применительно к Сирии - в случае, если эта страна подпишет с нами мирное соглашение).

Чтобы понять, в чем состоят необходимые условия сохранения мира на восточном фронте, нужно четко осознавать конкретные составляющие израильской обороны. Способность Израиля предотвратить - или отразить - арабскую агрессию зависит от трех основных факторов: общей военной мощи Израиля (в сравнении со стратегическим потенциалом арабских армий); запаса времени, необходимого

для мобилизации резервистов; минимального пространства, которое потребуется ЦАХАЛу, чтобы развернуть силы перед лицом ожидаемого нападения.

Если говорить о военной мощи, то преимущество арабов в этой области неуклонно возрастает в течение многих лет. Со времени Войны Судного дня арабы израсходовали на закупку вооружений и строительство военных объектов свыше 150 миллиардов долларов/1. Одна только Саудовская Аравия ежегодно тратит на военные нужды столько же средств, сколько Великобритания/2. У Сирии сегодня больше танков, чем было на вооружении германской армии, когда она вторглась в Россию/3. К этому арсеналу надо добавить новейшие боевые самолеты F-15, разведывательные комплексы АВАКС и ракеты типа Sidewinder, находящиеся в распоряжении Саудовской Аравии, а также ракеты типа "Хок" и сильную артиллерию Иордании.

Израиль до сих пор располагает качественным преимуществом над соседними странами в военной сфере, особенно в области боевой подготовки войск, однако массовые закупки вооружений арабскими государствами быстро меняют устоявшееся соотношение сил в регионе. Ближний Восток стремительно приближается к точке, за которой арабское количество перерастет в качество.

Военная мощь в значительной степени является производной от численности населения. В 1993 году население Израиля составляло 5 миллионов человек, а в Сирии и Ираке, двух основных государствах восточного фронта, общая численность населения превышала 32 миллиона человек. Это преимущество позволяет арабским странам содержать огромные регулярные армии, чего Израиль не может себе позволить. Наши вооруженные силы состоят, в основном, из резервистов. В случае военного конфликта Израилю необходимо определенное время для того, чтобы произвести мобилизацию резервистских частей.

Накануне Войны Судного дня обычный израильский контингент из 60-ти танков на Голанских высотах был

увеличен, и общее число размещенных там боевых машин было доведено до 177. Однако даже после этого преимущество армии противника оказалось подавляющим: сирийцы использовали в наступлении 900 танков. Оборона Израиля неизбежно строится с учетом того обстоятельства, что на первом этапе войны арабы будут обладать, по меньшей мере, пятикратным превосходством в живой силе и технике. Этот огромный разрыв Израиль никогда не сможет сократить, поэтому для нас особенно велико значение двух других факторов сдерживания.

Обязательным условием выживания Израиля является наличие минимального запаса времени для мобилизации войск. Мобилизовать резервистов - значит вызвать их из домов по всей стране, объединить в части, экипировать, проинструктировать и перебросить на фронт. Единовременная мобилизация нескольких сотен тысяч резервистов является исключительно трудной задачей, которая не может быть решена менее, чем за двое-трое суток. (У сирийцев нет подобных проблем, потому что их регулярная армия по численности почти столь же велика, как полностью отмобилизованный ЦАХАЛ/4. Сирийские войска постоянно развернуты на местности, поэтому им требуется всего несколько часов для начала полномасштабных военных действий). До окончания мобилизации резервистов судьба страны находится в руках нескольких тысяч солдат срочной службы, как это случилось в момент начала Войны Судного дня. Если они не удержат линию фронта до прибытия подкреплений, то сражения перекинутся на улицы израильских поселков и городов.

Ситуация в воздухе еще хуже. Полет реактивного самолета от аэродрома в Сирии или западном Ираке до населенных пунктов Израиля длится 5-10 минут, тогда как абсолютный минимум времени, необходимый для вступления в бой находящегося в полной боевой готовности истребителя-перехватчика, составляет 3 минуты. Это означает, что без предварительного оповещения о готовящейся

агрессии израильские города и аэродромы могут быть подвергнуты беспрепятственной бомбардировке. Такой сценарий столь страшен и вероятен, что во время войны в Персидском заливе Израиль был вынужден постоянно держать в воздухе значительную часть своих боевых самолетов. Во многих районах Израиля люди видели эти самолеты над своей головой в любое время суток. Такая степень боеготовности была возможна только потому, что США заранее сообщили Израилю о запланированном сроке начала войны против Ирака. При внезапном нападении израильские ВВС не будут находиться в состоянии столь высокой боеготовности, поэтому воздушная оборона нашей страны остро зависит от наземных пунктов слежения, которые в состоянии на несколько драгоценных секунд приблизить момент, когда Израиль узнает о грозящем ему ударе.

Среди самых важных военных объектов Израиля следует назвать станции раннего электронного оповещения, находящиеся на горных вершинах Самарии и на Голанских высотах. Эти станции ведут текущее наблюдение за передвижениями наземных войск и военно-воздушных сил Сирии и Иордании. В то же время, горы мешают противнику осуществлять эффективное наблюдение за прибрежными районами Израиля.

Если враждебные Израилю страны когда-нибудь установят свой контроль над этими горными хребтами, ситуация станет прямо противоположной: арабы получат возможность неограниченного и беспрепятственного наблюдения за прибрежными равнинами Израиля, тогда как Израиль утратит значительную часть преимущества в области раннего оповещения.

Перед лицом потенциальной угрозы, исходящей со стороны Сирии и Ирака, эти станции абсолютно незаменимы. Сегодня наблюдательные позиции на вершинах Самарийской горной гряды и на Голанских высотах могут предупредить Израиль о готовящейся атаке с востока - будь они в руках арабов, то во время войны в Персидском зали-

ве они информировали бы Саддама Хусейна о действиях и перемещениях ЦАХАЛа (как известно, во время этой войны Иордания регулярно делилась с Ираком разведывательными данными об Израиле).

Хотя спутниковая и авиационная разведка постоянно совершенствуется, эти источники информации зависят от погодных условий и множества технических проблем, связанных с их текущей эксплуатацией. Кроме того, эти источники информации непомерно дороги, а самолеты-разведчики еще и уязвимы для зенитно-ракетного огня противника. Ни одна страна, в том числе и Израиль, не полагается исключительно на воздушные и космические системы раннего оповещения. Надежной замены высокогорным наблюдательным пунктам Израиль все еще не имеет.

Во время первых - критических - 72-х часов войны одним из главных факторов обороны является наличие пространства, которое необходимо ЦАХАЛу, чтобы развернуть живую силу и технику. Даже в нынешних границах страны ЦАХАЛу это сделать непросто, но, если Израиль лишится Иудеи и Самарии, развертывание войск и боевой техники в случае вражеской агрессии будет осуществляться на улицах Иерусалима и в ближних пригородах Тель-Авива. Районы мобилизации и развертывания войск будут находиться при этом в радиусе поражения вражеской артиллерии. Захватив горные хребты Иудеи и Самарии, противник сможет прицельно обстреливать крупные израильские города, аэродромы, мобилизационные пункты, шоссейные магистрали, электростанции и важнейшие промышленные объекты страны. Результатом этого может стать срыв процесса мобилизации. Физически прикрывая израильское побережье, горная стена Иудеи и Самарии способна не только спасти от прямого поражения густонаселенные приморские районы, но и обеспечить ЦАХАЛу необходимое время для доставки войск на фронт (см. карту 11).

Таков решающий момент, необходимый для понимания военного значения буферной зоны: пространство обеспечи-

вает время. Расстояние, которое надлежит пройти противнику, прежде чем он сможет ввести свои войска в густонаселенные районы Израиля, трансформируется во время, в течение которого ЦАХАЛ имеет возможность мобилизовать свои силы. Чем больший путь надо пройти атакующим колоннам, тем более вероятно, что воздушные удары израильских ВВС и сопротивление сухопутных войск ЦАХАЛА смогут остановить их продвижение и, тем самым, выиграть необходимое время для мобилизации, развертывания, экипировки и инструктажа резервистов. Пространство, обеспечивающее возможность наземного сдерживания в критические дни и часы войны, именуется "стратегической глубиной".

При подготовке планов обороны Западной Германии от возможной коммунистической агрессии с востока, командование НАТО исходило из того, что необходимая стратегическая глубина составит в данном случае 230 км. Эта цифра была получена на основании расчета, при котором учитывалось конкретное количество танков, находившихся тогда в распоряжении армий Варшавского договора. Сегодня арабские страны, противостоящие Израилю на восточном направлении, располагают почти таким же количеством танков/5. Понятно, что Иудея и Самария не обеспечивают Израилю должной стратегической глубины, но они дают нам ту малость, без которой положение еврейского государства в случае вражеского нападения станет попросту безнадежным. Огромное значение Иудеи и Самарии связано с тем, что эти районы обеспечивают Израилю не только минимальную стратегическую глубину, но, что самое важное - стратегическую высоту.

Топографический рельеф Иудеи и Самарии наилучшим образом подходит для отражения вражеской агрессии. Для наступающего с востока противника эта местность оказывается чрезвычайно серьезным, почти непреодолимым препятствием. Агрессору придется начать боевые действия в Иорданской долине, самой глубокой низменности земного

шара (300 метров ниже уровня моря). Оттуда ему нужно будет с боями подняться на высоту 1000 метров (в горизонтальном разрезе этот подъем составляет 10-12 км). Горные склоны Иудеи и Самарии почти непреодолимы для танков и тяжелой техники - за исключением нескольких крутых и извилистых перевалов, обеспечивающих благоприятные условия для обороны. Даже в современной войне никакая электроника не может заменить естественное препятствие в виде каменной стены, возвышающейся на километровую высоту.

* * *

Отступив с Синая, Израиль открыл себя многим опасностям, однако они не угрожают непосредственно его существованию: если бы египтяне нарушили мирный договор, начав переброску значительного контингента войск на Синайский полуостров, им понадобилось бы несколько дней для того, чтобы пересечь 200-километровое пространство от Суэцкого канала до израильской границы в районе Ницаны. В то же время, расстояние от западных склонов Самарийских гор до Средиземного моря составляет всего 15 км. Если бы Израиль покинул Иудею и Самарию, противник мог бы преодолеть это расстояние за считанные часы.

Американцам и европейцам бывает трудно понять, сколь невелики размеры Израиля и сколь серьезна военная угроза, постоянно висящая над нашей страной. Думаю, эта трудность объясняется, отчасти, чередой блестящих побед, одержанных Израилем над арабскими армиями. Сторонний наблюдатель не ведает, что эти победы были вырваны ЦАХАЛом у смерти. Наши бывшие победы заставляют забыть тот факт, что первое поражение Израиля станет его последним поражением. Кроме того, из-за недостаточного знания географических и топографических особенностей

тей Израиля, людям на Западе чрезвычайно трудно понять, что в результате переноса границ "всего на несколько километров" положение еврейского государства из относительно надежного превратится в крайне уязвимое.

Как получилось, что физические условия страны, о которой пресса и телевидение всего мира говорят едва ли не больше, чем о любом другом государстве, так мало известны миллионам людей? В конце концов, карта Израиля то и дело мелькает на экранах телевизоров. Однако именно с этим зачастую бывает связано невежество обывателей: карта Израиля появляется на экранах без указания масштаба, с выделением "оккупированного Западного берега". Мало кто знает, что речь идет о полосе шириной в 50 км. Многие телезрители наивно полагают, что это изрядная территория - как, скажем, западный берег Миссисипи, который протянулся на 1600 км до отрогов Скалистых гор. Приезжающие в Израиль американцы часто поражаются крошечным размером нашей страны. Они вторят Марку Твену, который заметил, что "штат Миссури можно разбить на три Палестины, и при этом останется достаточно материала, чтобы выкопать еще часть, а то и целую Палестину"/6.

Во время войны в Персидском заливе, когда повышенное внимание к Ираку потребовало показа на телеэкранах карты всего ближневосточного региона, многие западные зрители с изумлением обнаружили, что место, которое Израиль занимает на этой карте, подобно следу от указательного пальца. Но и этого было недостаточно, чтобы внедрить в сознание американцев адекватное представление о размерах Израиля. Совокупная площадь арабских стран значительно превышает площадь Соединенных Штатов. В то же время, площадь Израиля в границах 1967 года меньше площади штата Мэриленд, самого маленького штата США. Площадь Иудеи и Самарии составляет менее четверти площади этого крошечного штата/7.

Другими словами, если представить себе арабский мир как футбольное поле, то Израиль мог бы легко поместиться

между стойками ворот на одном его конце. Население Израиля составляет 5 миллионов человек (меньше населения Большого Лос-Анджелеса); число арабов, для сравнения, достигает 150 миллионов.

Фантастическое нефтедолларовое богатство позволяет арабам вкладывать неограниченные средства в приобретение новейших видов оружия и в создание грандиозных арсеналов. Армии арабских государств, непосредственно противостоящих Израилю, в шесть раз превышают ЦАХАЛ по своей численности и мощи, а армии всего арабского мира - в семь раз/8. В истории народов не было столь явного случая противостояния Давида и Голиафа.

На восточном фронте Израилю приходится иметь дело с противниками, которые могут незамедлительно выставить на поле боя тысячи танков, самолетов, артиллерийских батарей, ракетных установок, а также миллионы людей. Совокупная арабская мощь напоминает восточный фронт, противостоявший в прошлом блоку НАТО. Однако если расстояние между границами стран Варшавского договора и Ла-Маншем составляло 1600 км, то нынешняя ширина Израиля от Иордана до Средиземного моря не превышает 65 км. Даже при наличии минимальной стратегической глубины положение нашего государства является весьма проблематичным, однако от Израиля настойчиво требуют сократить это расстояние до 15 км (к этому требованию присоединяются некоторые израильтяне, утратившие всякую связь с реальностью). В таких исключительно неблагоприятных условиях страна не может выжить.

С этими расстояниями мне довелось познакомиться самым непосредственным образом. Израильская армейская поговорка гласит, что страна познается ногами - клише, ставшее бессмертным из-за бесконечных мозолей на солдатских ногах. Когда я служил в армии, мы преодолевали расстояние "от моря до моря" в ходе однодневного марша. Покинув пляж Ахзив возле Нагарии в 5 часов утра, мы добирались засветло до Кинерета. За 12 часов здоровый чело-

век может пересечь Израиль пешком - в его нынешних границах. До 1967 года для этого достаточно было легкой пробежки. Именно так обстояло дело, когда я был призван в армию. Наша тренировочная база находилась напротив Туль-Карма, у самой "зеленой черты". За час с небольшим мы добежали до пляжа в Нетании.

Как может человек, живущий в Америке, Великобритании или Франции, почувствовать уязвимость крохотной страны? Полет из Монреаля в Майами, через самую узкую часть Соединенных Штатов (с севера на юг), продолжается три часа. Точно такой же пассажирский самолет пролетает от береговой линии Тель-Авива до аэропорта им. Бен-Гуриона, расположенного вблизи "зеленой черты", за две минуты. Продолжив полет на восток, этот же самолет через 5 минут оказался бы в воздушном пространстве Иордании. Другими словами, если для того, чтобы пересечь в самом узком месте территорию США пассажирскому самолету требуется 3 часа полета, то территорию Израиля тот же самолет пересекает за считанные минуты. Боевому же самолету для этого понадобилось бы менее двух минут.

Защита такой крошечной территории от сил, совокупная мощь которых приближается к стратегической мощи блока НАТО, представляет собой исключительно трудную задачу. Будучи заместителем министра иностранных дел Израиля, я должен был однажды коснуться этой проблемы, находясь в Центральной Африке. Глава одного африканского государства, с которым у Израиля не было дипломатических отношений, лично и неофициально пригласил меня посетить его страну. После любезного приема африканский руководитель объяснил мне, что он не является врагом Израиля, но как друг палестинцев он хотел бы знать, почему бы нам просто не отдать им Западный берег, решив тем самым политическую проблему раз и навсегда. Я взял салфетку, поданную вместе с кофе, и начертил на ней контуры Израиля, выделив территорию Иудеи и Самарии и указав соответствующие расстояния. Я составил также

краткий список сил, противостоящих Израилю с востока. "Господин президент, - сказал я, - Вы человек военный. Не могли бы вы указать здесь минимальные границы, необходимые нам для обороны?" Африканский лидер сказал, что он понял меня.

На самом деле такие границы уже были однажды начертаны. 29 июня 1967 года, через две с половиной недели после окончания Шестидневной войны, американский министр обороны Роберт Макнамара обратился к Объединенному комитету начальников штабов США с просьбой представить ему карту, на которой была бы изображена минимальная территория, необходимая Израилю для самообороны. Генералам было дано указание представить экспертную оценку, "не считаясь с политическими факторами".

Пентагон составил такую карту, исходя из чисто военных соображений, задолго до того, как политические проблемы все-таки напомнили о себе и заставили американскую администрацию прислушаться к требованиям арабов. Эта карта воспроизведена здесь (см. карту 12), как и сопровождавший ее доклад (см. Приложение 11).

Последний рекомендует Израилю сохранить под своим непосредственным военным контролем четыре пятых территории Иудеи, Самарии и Газы, а также всю территорию Голанского плато. По мнению американских военных экспертов, единственная территория, которую Израиль может вернуть арабам, не подвергая себя смертельной опасности, - это восточный склон Самарийского хребта, выходящий к реке Иордан, и большая часть Синайского полуострова. Такова точка зрения объективных военных специалистов из министерства обороны США, а не "правых израильских генералов".

По прошествии двух десятилетий, в 1988 году, сто отставных американских генералов и адмиралов обратились к администрации США с петицией, в которой доказывалось, что экспертная оценка Пентагона, сделанная в 1967

году, "сегодня еще более обоснованна и правомерна". Составленный ими документ гласит:

"(Без территорий) карликовый Израиль станет исключительно соблазнительной мишенью для арабских военных авантюр и для терроризма, а в конечном итоге - для решительного военного наступления, способного положить конец его существованию... Если бы Израиль отказался от Западного берега... он лишился бы возможности эффективного оповещения о готовящейся против него агрессии... Буквально все население Израиля оказалось бы в этом случае под угрозой артиллерийского обстрела. Долина Шарон к северу от Тель-Авива могла бы быть расколота танковым клином за считанные часы. Быстрая мобилизация гражданского населения в резервистские части... была бы с легкостью сорвана, и, возможно, необратимо"/9.

Точка зрения американских военных экспертов была развита в ноябре 1991 года генерал-лейтенантом Томасом Келли, который являлся руководителем военных действий в Объединенном комитете начальников штабов во время Войны в Персидском заливе:

"Невозможно защитить Иерусалим, если не укрепиться на высотах... Я смотрю на Западный берег и говорю себе: "Если бы я командовал израильскими войсками, я не смог бы защитить эту страну без той территории".. Я не знаю, как там с политикой, но если вы хотите, чтобы я защитил эту страну и Иерусалим, я должен владеть горными территориями"/10.

Конечно, позиция вашингтонской администрации по отношению к Израилю основывается не только на холодных стратегических расчетах. Начиная с 1967 года, правительство США постоянно подвергается сильнейшему арабс-

кому давлению. Обязуясь обеспечить "нужды безопасности Израиля", американская администрация подчиняет их своим политическим интересам. Именно поэтому многие официальные лица в Вашингтоне упрямо игнорируют выводы Пентагона и утверждают, что Государство Израиль останется жизнеспособным даже в том случае, если его ширина от восточной границы до Средиземного моря составит всего 15-20 км. Однако существует предел чудесам, на которые способна даже самая лучшая армия, и ЦАХАЛ в том числе. Ни одно государство не вправе требовать от своей армии невозможного. Когда современной армии предлагается развернуть свои силы на кончике иглы, от нее трудно ждать успешного выполнения даже самых обычных задач.

Это достаточно очевидно не только для военных, но и для штатских наблюдателей, знакомых с географическими условиями, в которых существует Израиль. Здравый смысл подсказывает им то, что знает каждый военный специалист: никогда не следует готовиться к прошедшей войне. Однако израильтянам предлагают снова подготовиться к Шестидневной войне, со времени которой в нашем регионе имели место, по меньшей мере, три вооруженных конфликта - Война Судного дня, операция "Мир Галилее" и иракское нападение на Израиль в ходе войны в Персидском заливе. Условия, царившие накануне 5 июня 1967 года и позволившие тогда Израилю избежать гибели, навсегда остались в истории.

Во-первых, Израиль в будущем не сможет уничтожить арабские ВВС с помощью превентивного воздушного удара, как это было сделано в 1967 году. Начиная с 1968 года, боевые самолеты арабских ВВС находятся не на открытых взлетно-посадочных полосах, а в укрепленных подземных ангарах.

Во-вторых, после 1969 года арабы приобрели чрезвычайно эффективные зенитно-ракетные комплексы, которые нанесли значительный урон израильским ВВС уже в ходе

Войны Судного дня. Закупки современных систем ПВО арабскими странами продолжаются.

В-третьих, Шестидневная война кое-чему научила арабов. Можно предположить, что в будущем они не повторят свою фатальную ошибку и не позволят Израилю полностью подготовить ЦАХАЛ к нанесению превентивного удара (в 1967 году резервистские части были отобилизованы еще до начала военных действий). Кроме того, со времени Шестидневной войны противостоящие Израилю арабские армии выросли в три-четыре раза. Они существенно улучшили показатели боеспособности в некоторых существенных областях: пехотные дивизии превращены в моторизованные и оснащены высококачественной боевой техникой, прицепные артиллерийские орудия заменены на самоходные, мотострелковые части получили на вооружение эффективные противотанковые и зенитные ракеты.

У арабов есть обширное пространство для развертывания огромных армий вдоль израильских границ, тогда как зажатому в тиски Израилю будет очень сложно развернуть подразделения ЦАХАЛа между пригородами Тель-Авива и границей 1967 года (со времени Шестидневной войны численность израильской армии тоже значительно увеличилась). Абсурдно думать, что если Израиль сумел отразить арабскую агрессию в 1967 году, то он непременно сумеет повторить успех, находясь в тех же самых границах, но в совершенно новых стратегических условиях.

Для того, чтобы осознать конкретное значение этой проблемы, достаточно пролететь от небольшого тель-авивского аэродрома "Сде-Дов" до бывшей границы Израиля. Под крылом мелькнут окраины Тель-Авива, а через считанные минуты самолет достигнет последнего дома Кфар-Сабы. Дальше он пролетит над маленьким пустырем и окажется над арабской Калькилией, расположенной уже за "зеленой чертой".

До 1967 года расстояние между Кфар-Сабой и Калькилией составляло несколько километров - с тех пор оба города

разрослись, и сегодня их окраинные дома расположены совсем близко друг к другу. Небольшой пустырь, отделяющий Кфар-Сабу от Калькилии, - это и есть та "стратегическая глубина", которой предлагают ограничиться Израилю многочисленные сторонники отступления.

За Калькилией видна вздымающаяся стена: горы Самарии, которые с воздуха похожи на крепость, грозно нависшую над побережьем. Я прошу пилота повернуть самолет на запад, и вскоре мы оказываемся над тель-авивской улицей Ха-Яркон, где у самой кромки берега расположены многие иностранные посольства. Если мой гость американец, то самолет кружит над американским посольством, если англичанин - над британским. Весь полет до "зеленой черты" и обратно занимает менее десяти минут. Дипломат легко может представить себе, как он будет работать в посольстве, находящемся на расстоянии пятиминутного перелета от той границы, к которой его страна хочет вернуть Израиль.

Большинство израильских граждан выступает против возвращения к границам 1967 года, но в нашей стране существует также активное меньшинство, убежденно требующее отступления с "оккупированных территорий". Поскольку это меньшинство пользуется непомерным влиянием в средствах массовой информации и имеет заметное представительство в левом кабинете, оказавшемся у власти после выборов 1992 года, следует с полной серьезностью отнестись к его принципиальным доводам. Как правило, в ответ на упоминания об угрожающих географических условиях израильского противостояния потенциальной арабской агрессии сторонники отступления приводят один и тот же банальный аргумент. В эпоху ракетной техники, говорят они, территория теряет свое решающее значение для обороны страны. Коль скоро в распоряжении арабов имеются ракеты, способные беспрепятственно пересечь границу и поразить израильские города и базы ЦАХАЛа, какой смысл в военном контроле над дополнительным

клочком территории? Это демагогическое упрощение зачастую оказывает безотказное действие на воображение некомпетентной публики. Ведь, в конце концов, всем нам памятны взрывы иракских "скадов", выпущенных с расстояния в 1500 км. Разве уберегли Израиль от этих ракет Иудея и Самария?

Однако, при всей своей кажущейся убедительности, этот довод остается совершенно несостоятельным. Баллистические ракеты не решают исход войны. Ракеты могут причинить ущерб, даже очень значительный ущерб, но они не захватывают территорию. Мощные американские бомбардировки Северного Вьетнама вызвали колоссальные разрушения, но армия США не вторглась на контролируемую коммунистами территорию, поэтому она и не смогла добиться решающей победы. Точно так же, американские бомбардировки и ракетные обстрелы Ирака не могли сами по себе решить исход кампании, хотя США использовали в 1991 году новейшую технику - крылатые ракеты и "умные" самонаводящиеся авиабомбы. Для того, чтобы изгнать иракских оккупантов из Кувейта, было необходимо наземное вторжение. Когда оно наконец произошло, исход войны был решен за 100 часов.

Израиль может подвергнуться чрезвычайно болезненным воздушным и ракетным ударам, но победить и уничтожить его невозможно без массивного наземного вторжения. Эту задачу не могут выполнить ракеты - для этого необходимы танковые дивизии, самоходные орудия, мотопехота. Только сухопутные силы могут захватить территорию и установить над ней свой контроль. То расстояние, которое нужно будет им преодолеть, и те физические условия, в которых им придется действовать на начальном этапе войны, - именно эти важнейшие факторы определяют исход кампании.

Когда речь идет о ракетах, территория действительно не имеет решающего значения, но в наземной войне конкретные топографические условия и наличие хотя бы

минимальной стратегической глубины определяют многое, очень многое. Существует значительная разница между ситуацией, когда арабской танковой дивизии надлежит пройти 20 км, и необходимостью преодолеть с боями 200 км. Точно так же имеет огромное значение, будет ли эта дивизия продвигаться по равнине или по гористой местности. (Кстати, расстояние в известной степени определяет и эффективность использования ракет. Чем больше расстояние до цели, тем меньше вес боеголовки и, соответственно, ее разрушительная сила. Поэтому сирийские "скады" опаснее для Израиля, чем иракские.)

В эпоху ракет значение такого физического препятствия, как горный хребет, пересекающий Иудею и Самарию, только возрастает. В случае арабской агрессии Израиль должен будет мобилизовать резервистов. При этом мы должны принимать в расчет то обстоятельство, что, при наличии у арабов ракет, процесс мобилизации может занять больше времени, чем требовалось в прошлом. Даже самые простые баллистические ракеты, такие, как иракские "скады", могут поразить израильские города и центры мобилизации. Они могут нарушить движение транспорта, что задержит прибытие резервистов на сборные пункты. В беседе с офицером-резервистом мне довелось однажды услышать следующее заявление:

"Если в моем городе разорвутся вражеские ракеты, я сначала пойду в школу, где учится моя дочь, чтобы узнать, не случилось ли с ней чего, и только после этого поеду в свою воинскую часть".

Чем более качественные и современные ракеты находятся на вооружении арабских армий, тем больше вероятность точного поражения мобилизационных пунктов, важнейших перекрестков и транспортных магистралей. Использование таких ракет может значительно задержать прибытие резервных частей на фронт. Если одновременно с ракетным обстрелом и бомбардировкой с воздуха противник начнет наземное вторжение, любая задержка в процессе мобили-

зации может привести к катастрофе. Поэтому в начальный период войны именно физические условия обороны во многом определяют способность регулярных сил ЦАХАЛа остановить значительно превосходящего их противника. Таким образом, в ракетную эпоху Израилю необходим максимум территории для того, чтобы отразить первые арабские удары и оправиться от них. Горная стена Иудеи и Самарии обеспечит обороняющемуся Израилю необходимую стратегическую глубину и драгоценное время для мобилизации всех своих сил на отражение агрессии.

Но не только баллистические ракеты дальнего радиуса действия являются неотъемлемой частью стратегической картины новейшего времени. На Ближнем Востоке сегодня в изобилии имеются и такие ракеты, которые рассчитаны на поражение с небольшого расстояния, а для них близость к цели имеет совершенно исключительное значение. Так, например, советские зенитные ракеты САМ-7 и американские наплечные "стингеры" чрезвычайно точно и эффективно поражают боевые самолеты и вертолеты. Достоинства "стингеров" были со всей очевидностью доказаны в 80-е годы в Афганистане. Советская армия почти полностью разгромила отряды моджахедов, однако в последний момент американцы поставили афганским повстанцам эти ракеты. Военные специалисты единодушно утверждают, что появление "стингеров" стало поворотным пунктом кампании. С их помощью афганские повстанцы нанесли огромный урон советским ВВС.

Для того, чтобы осознать остроту стоящей перед нами проблемы, достаточно представить себе, что в горах Самарии появились боевики ООП, вооруженные легкими зенитными ракетами. Здесь достаточно упомянуть о том, что международный аэропорт им. Бен-Гуриона расположен всего в 4 км от бывшей границы, а все израильские военные аэродромы, за исключением одного, находятся в радиусе прямого зенитно-ракетного поражения.

В случае израильского отступления из Иудеи и Самарии,

возможно появление в этих районах легких зенитных ракет, которые смогут причинить ЦАХАЛу не меньший ущерб, чем афганские "стингеры" советской армии. Столь эффективного оружия не было в распоряжении арабских армий, когда Иудея и Самария находились под контролем Иордании. Но сегодня, после многолетних массированных поставок советского и западного оружия, арабские арсеналы пополнились самыми современными образцами вооружений. В последнее время даже на Западе обеспокоены тем, что "стингеры", поставленные американцами афганским моджахедам и Кувейту, попадут в руки боевиков "Хизбаллы" и других экстремистских группировок. Понятно, что это оружие будет обладать убийственной эффективностью, окажись оно в Южном Ливане или на высотах, примыкающих к Лоду и Рамле.

* * *

В свете изменения стратегических условий в регионе вывод, который должен сделать Израиль, достаточно очевиден: в ракетную эпоху значение территории в общем комплексе мер безопасности не уменьшается, а возрастает. Дальнобойные ракеты могут замедлить процесс мобилизации и, соответственно, увеличить сроки перевода армии в состояние полной боеготовности, а ракеты малого радиуса действия могут эффективно поражать жизненно важные объекты, находящиеся в пределах их досягаемости. Следовательно, непосредственный военный контроль над буферной зоной оказывается особенно важен для отражения наземного вторжения, предпринятого противником одновременно с нанесением ракетного удара. Такова, кстати, экспертная оценка Центра стратегических исследований им. Яффе, политические пристрастия специалистов которого резко расходятся с их же профессиональными военными рекомендациями:

"Оставив в стороне политику, следует признать, что, хотя для баллистических ракет расстояние не является преградой,... сами по себе ракеты не могут победить в войне... Территория является чрезвычайно важным оборонительным фактором, ибо она обеспечивает нашим войскам возможность выиграть драгоценное время: в случае внезапного нападения обладание территорией позволит нам мобилизовать резервистов и вывести их на линию фронта прежде, чем агрессор сумеет захватить жизненно важные районы страны"/11.

Разумеется, Израиль не нуждается в захвате дополнительных территорий, но ему необходимо сохранить нынешнюю стратегическую глубину в Иудее и Самарии. Такая крупная страна, как США, может без существенного ущерба для своей безопасности отказаться от значительной территории - например, от Северной Дакоты. Тем не менее ни один американец даже не задумается над такой возможностью! Пусть наши американские друзья представляют себе, что им предложено согласиться на создание враждебного государства за Потомаком, в непосредственной близости от Вашингтона, когда Белый дом и иные правительственные учреждения окажутся в зоне досягаемости прицельного огня. Быть может, тогда американцам станет понятно, почему большинство израильтян выступают против отступления с территорий, вплотную примыкающих к Иерусалиму, Тель-Авиву и Хайфе (см. карту 11).

Легко представить себе ту опасность, которую сулит Израилю создание палестинского государства в Иудее и Самарии. Нет ни малейшего сомнения в том, что со временем это государство сумеет запастись новейшими видами оружия. Каким образом Израиль сможет этому воспрепятствовать? Сторонники отступления заученно твердят, что покинутые Израилем территории будут демилитаризованы. Однако в Иудее, Самарии и Газе обычная модель демилитаризации не применима по двум причинам.

Во-первых, невозможно предотвратить появление на подконтрольной палестинцам территории многих видов не очень габаритного, но чрезвычайно эффективного оружия. Так например, Израиль не сумеет предотвратить контрабандный ввоз в палестинское государство легких зенитных ракет, реактивных снарядов и иных видов оружия, которые могут быть упакованы в обычный чемодан. Такое оружие может быть доставлено в Иудею, Самарию и Газу на грузовиках, в легковых автомобилях или на пассажирских самолетах. Даже в условиях полного израильского контроля над территориями, когда все мосты через Иордан и иные пропускные пункты контролировались солдатами ЦАХАЛа, было невозможно полностью предотвратить контрабанду оружия. Легко себе представить, что произойдет в том случае, если Израиль отступит из Иудеи и Самарии, лишив себя элементарных средств контроля на пограничных пунктах.

Синайский полуостров, который представляет собой открытое и почти безлюдное пространство, можно было подвергнуть демилитаризации, то есть исключить появление там танков, артиллерии и иных тяжелых видов вооружения. Даже если на Синае появится контрабандное оружие, оно не будет представлять серьезной опасности для Израиля вследствие удаленности полуострова от потенциальных целей.

Но никакая демилитаризация не станет действенным средством предотвращения контрабанды миниатюрного современного оружия в Иудею, Самарию и Газу - такого оружия, которое сможет причинить существенный ущерб как наземным, так и воздушным израильским объектам. Демилитаризация не может решить проблему Иудеи, Самарии и Газы: ненависть к Израилю там слишком глубока, оружие слишком доступно, расстояния слишком малы. Вера в возможности эффективной обороны, одним из компонентов которой станет демилитаризация палестинской территории, является безосновательной иллюзией.

Вторая причина несостоятельности довода, которым пользуются сторонники отступления, связана с невозможностью демилитаризации по политическим причинам. Любой участок территории, который будет покинут Израилем, немедленно окажется под контролем государства ООП - и не имеет значения, с помощью какой формулы будет прикрыт этот принципиальный факт (например, "конфедерация с Иорданией"). Таким образом, речь идет о демилитаризации целого суверенного государства, что не имеет ни единого прецедента в мировой истории. Это условие просто не может быть выполнено. Следует заметить, что длительное поддержание эффективного режима демилитаризации даже в определенном районе того или иного государства (или между государствами) представляет собой весьма нелегкую задачу. Демилитаризация Рейнской области в Германии после Первой мировой войны была призвана защитить Францию от потенциальной немецкой агрессии. Но Британия и Франция не были готовы вступить в войну из-за нарушения статуса этого региона, поэтому Гитлер смог ввести туда свои войска, как только он этого всерьез захотел.

Судьба данных арабами обязательств о частичной демилитаризации определенных районов также не внушает особого оптимизма. Получив в свое время от США танки "Паттон", король Хусейн пообещал не размещать их к западу от реки Иордан, однако за несколько недель до начала Шестидневной войны иорданский монарх уступил уговорам египетского президента Насера и перебросил эти танки в окрестности Иерусалима. Подобным же образом и Египет нарушил свое соглашение с Израилем, заключенное по окончании "войны на истощение" в 1970 году: накануне Войны Судного дня египетские зенитно-ракетные батареи были выдвинуты к Суэцкому каналу. Поскольку диктаторы без особых колебаний преступают собственные обязательства, в отношениях с ними не следует полагаться на договоренность о демилитаризации, которая

в любой момент может быть нарушена.

Однако приведенные примеры не могут даже сравниться с теми проблемами, которые вызовет попытка демилитаризации целой страны. Израиль не в состоянии обеспечить тщательную проверку каждой автомашины, въезжающей на территорию палестинского государства. Точно так же Израиль не сможет задержать любой гражданский самолет, следующий в Палестину из Ливии или Афганистана, с тем, чтобы подвергнуть его досмотру в аэропорту им. Бен-Гуриона. Какая страна согласится на столь грубое вмешательство в свою внешнюю торговлю и международные сообщения? Палестинское государство будет настаивать на своем принципиальном праве контролировать свои границы собственными силами.

Более того, оно будет настаивать на своем "праве на самооборону", без которого ему будет суждено стать жертвой интриги и угроз со стороны других арабских государств и различных террористических организаций. "Право на самооборону" очень скоро превратится в требование о создании собственной армии. Палестинское государство потребует также вывести со своей территории все израильские войска. Опыт XX столетия свидетельствует о том, что во всех случаях, когда принципу демилитаризации противостоял принцип суверенитета, победу торжествовал суверенитет.

Разве кто-нибудь сомневается в том, что, выдвинув вышеперечисленные требования, палестинское государство удостоится единодушной поддержки арабского мира и многих других стран? Готовность части израильского общества покинуть "оккупированные территории" основана на чем угодно, но не на ясном политическом мышлении. Первым условием ясного мышления является способность смотреть в лицо фактам. Одним из тех очевидных фактов, которые последовательно игнорируются сторонниками отступления, является невозможность действительной демилитаризации Иудеи, Самарии и Газы - как в долгосрочной перспективе

так и на самые скромные сроки в обозримом будущем.

Даже если мы сумеем убедить часть палестинцев согласиться на наше условие о демилитаризации, принятые ими обязательства не выдержат испытания временем. Очень скоро Израиль лишится способности контролировать ситуацию. Каждое проникновение на территорию Иудеи, Самарии и Газы, предпринятое Израилем в ответ на нарушения договора о демилитаризации, будет рассматриваться международным сообществом как посягательство на территориальную целостность иностранного государства. Весьма вероятно, что границы Палестины будут охраняться международными силами (готовность допустить присутствие международных наблюдателей в Газе, Иерихоне и Хевроне, проявленная правительством Рабина уже на ранней стадии переговоров, лишь укрепляет это предположение). Иными словами, осуществление операций возмездия в случае нарушения договора о демилитаризации палестинской стороной будет связано для Израиля с риском глобального военного конфликта с арабскими странами и с угрозой применения против нашей страны международных санкций.

Для того, чтобы получить адекватное представление о тех трудностях, с которыми будет связано поддержание режима демилитаризации в палестинском государстве, полезно вспомнить о декларативной стратегии ООП, нашедшей отражение в знаменитом Поэтапном плане. Как известно, Поэтапный план предусматривает создание палестинского государства под управлением ООП в Иудее, Самарии и Газе, постепенную милитаризацию этого государства и совершение с его территории террористических нападений на Израиль - с тем, чтобы спровоцировать израильскую военную реакцию, которая, в свою очередь, побудит арабские страны выступить "на защиту Палестины" и ввязаться в полномасштабный конфликт с Израилем. Кроме палестинских боевиков, которые, расположившись на холмах Иудеи и Самарии, будут обстреливать легкими ракетами израильские

кие наземные объекты и самолеты, Израилю будет угрожать вторжение арабских армий через Иордан. При этом вполне возможна вертолетная высадка десантируемых арабских подразделений в Иудее и Самарии еще до начала открытого военного столкновения. Если такая высадка будет произведена ночью и при соблюдении полной радиотишины, как это уже однажды произошло в начале Войны Судного дня, то Израиль снова может подвергнуться тщательно спланированному внезапному нападению. Но теперь начальные линии фронта будут проходить не у Суэцкого канала и на Голанских высотах, а в считанных километрах от Тель-Авива.

Неясно, каким образом Израиль сможет предотвратить такое развитие событий, если он вернется к границам 1967 года. В случае отступления из Иудеи и Самарии нашей стране потребуется регулярная армия, значительно превосходящая по своему численному составу нынешний ЦАХАЛ, поскольку извилистая "зеленая черта" в 3,5 раза длиннее сегодняшней израильской границы, проходящей по Иордану/12. Финансовые затраты, связанные с существенным увеличением регулярной армии, лягут тяжким бременем на израильскую экономику и вызовут дефицит рабочей силы. Но даже при увеличении затрат на оборону вовсе не очевидно, что ЦАХАЛ в случае необходимости сумеет развернуть свои боевые порядки на узком пространстве между палестинским государством и густонаселенными районами Израиля. Палестинское государство будет подобно вражеской руке, протянутой к жизненно важной приморской артерии Израиля с тем, чтобы перерезать ее. Неудивительно поэтому, что подавляющее большинство израильтян отвергают идею создания такого государства, видя в нем смертельную угрозу для своей страны.

Убедившись в несостоятельности прочих своих доводов, сторонники отступления обращаются обычно к следующему, последнему аргументу: в самом крайнем случае Израиль сможет выхватить из ножен атомный меч и отразить с его помощью любую угрозу. Но Израиль принял на себя обязательство не становиться первой страной, которая применит ядерное оружие на Ближнем Востоке, и даже если он изменит свою позицию по данному вопросу, остается неясным, будет ли ядерное оружие при любых обстоятельствах действенным средством устрашения и предотвращения арабской агрессии.

Приняв в расчет мизерные размеры нашей страны, мы будем вынуждены признать, что любое экстраординарное передвижение палестинских войск станет источником самой серьезной угрозы для безопасности Израиля. Сможет ли Израиль угрожать атомной войной всякий раз, когда та или иная палестинская бригада изменит свою дислокацию? Применит ли Израиль ядерное оружие, как только арабская танковая колонна пересечет Иордан, или он будет ждать того момента, когда вражеские танки достигнут Калькилии, оказавшись на расстоянии 20-минутного броска от Тель-Авива? Израильское ядерное сдерживание перестанет быть действенным фактором устрашения, поскольку ни одна страна не решится применить атомное оружие в ответ на нарушение договора о демилитаризации. Всякое враждебное поползновение арабов будет требовать от Израиля чрезвычайно точной и продуманной реакции, поскольку на полосе шириной в 16 км любое нарушение границы чревато смертельной угрозой для обороняющейся стороны.

Мы видим, что, отступив со стратегически важных территорий и ужавшись в узкую приморскую полосу, Израиль будет вынужден опираться на неконвенциональные средства обороны. Не случайно поэтому, что многие израильские "голуби" являются сущими "ядерными ястребами". И наоборот: противники отступления проявляют исключительную сдержанность, когда речь заходит о возможных

ядерных сценариях. По понятным причинам, я предпочитаю числиться среди последних. Идея установить вдоль границ Израиля ядерные мины, которые лишь смогут гарантировать безопасность страны, является плодом безответственного недомыслия. Эта мера подвергнет страшной опасности как Израиль, так и весь мир - и нет сегодня человека, способного предсказать все возможные последствия столь одиозного шага. Кроме того: где именно мы применим ядерное оружие? В Шхеме? Или в Восточном Иерусалиме? В этом случае результатом наших действий, помимо огромных человеческих жертв, станет выпадание радиоактивных осадков, которыми будет отравлен весь регион. Радиация не различает евреев и арабов, она не признает "зеленой черты".

Опасность появления ядерного оружия в распоряжении ближневосточных диктаторов с каждым днем становится все более серьезной. Она угрожает не только Израилю, но и другим странам региона. Существуют определенные меры, которые Израиль может предпринять для нейтрализации или отдаления этой угрозы, но здесь не место рассуждать о них. Вместе с тем, необходимо опровергнуть одно опасное заблуждение, связанное с данной проблемой. Некоторые полагают, что в условиях ядерного противостояния (так же, как в ракетную эпоху) традиционные представления о жизненной важности стратегической глубины утрачивают свою силу. Это неверное и опасное предположение. Действительно, Израиль может оказаться однажды перед лицом неконвенциональной угрозы, но это вовсе не значит, что мы должны усугубить свою уязвимость в контексте конвенциональной войны. Тот факт, что наша страна вынуждена учитывать одну угрозу, не дает нам права игнорировать другую.

Даже в самый разгар холодной войны Соединенные Штаты не отказались от широкомасштабного конвенционального противостояния странам Варшавского договора, хотя Вашингтон располагал достаточной ядерной мощностью

для того, чтобы, при необходимости, полностью уничтожить Советский Союз. Мудрость этой политики подтверждается тем обстоятельством, что ни в одном из конфликтов, имевших место после Второй мировой войны, США не оказались перед необходимостью использовать ядерное оружие. Для решения стоявших перед Соединенными Штатами проблем хватило конвенциональных средств. Точно так же и Израиль должен сделать все, от него зависящее, чтобы уменьшить вероятность атомной войны.

Уменьшится ли зависимость Израиля от конвенциональных факторов обороны в случае вступления Ближнего Востока в ядерную эру? Я полагаю, что это не так. Пока ни арабские страны, ни Иран не имеют ядерного оружия. Поскольку они верят в нашу способность использовать такое оружие, их опасения служат эффективным средством сдерживания агрессивности по отношению к Израилю. Но что произойдет, если в ближайшие годы Ирак или Иран получат доступ к атомному оружию? Политическая расстановка сил на Ближнем Востоке изменится в одночасье, и большинство арабских стран будут вынуждены равняться на новые ядерные державы. В этих условиях готовность арабов начать конвенциональную войну против Израиля под прикрытием исламского "ядерного зонтика" лишь возрастет. Поэтому мы можем предположить, что проникновение ядерного оружия на Ближний Восток вернет арабо-израильское военное противостояние в конвенциональное русло - и обострит его. Таким образом, зависимость Израиля от конвенциональных факторов обороны, важнейшим из которых является контроль над Иудеей и Самарией, в ядерную эпоху возрастет, а не уменьшится.

Аналогичное явление было отмечено во взаимоотношениях блока НАТО с Советским Союзом. В период с 1945 по 1949 год, когда США обладали ядерной монополией, НАТО мог ограничиваться скромными силами на фронте противостояния коммунистической экспансии в Европе. Но как только СССР обрел ядерный потенциал, НАТО был вынуж-

ден существенно увеличить свою конвенциональную мощь. Те, кто рассчитывают обеспечить выживание Израиля с помощью ядерного оружия, цепляются за опасную иллюзию. Уже в обозримом будущем наша страна будет вынуждена защищаться от ядерной, и от конвенциональной угрозы.

Именно поэтому в Израиле сохраняется широкое, хотя и не всеобщее, национальное согласие относительно необходимости сохранить военный контроль над защитной стеной Иудеи и Самарии. Иногда создается впечатление, что многие высокопоставленные израильские военные придерживаются иной точки зрения по данному вопросу. Это не так. Среди генералов ЦАХАЛа, так же, как и в гражданском израильском обществе, имеется множество сторонников отказа от политического контроля над арабским населением территорий, занятых Израилем в 1967 году. Вместе с тем, почти все израильские генералы - как состоящие на службе в ЦАХАЛе, так и отставные, - выступают за сохранение военного контроля над Иудеей и Самарией.

Это противоречие четко выявилось в ходе симпозиума, организованного газетой "Гаарец" в 1988 году. В полемике, проходившей на фоне драматических событий интифады, приняли участие восемь генералов запаса, приверженцы левых взглядов. Каждый из них объяснил, почему он поддерживает идею отступления из Иудеи и Самарии. При этом все участники дискуссии подчеркивали, что ЦАХАЛ должен сохранить в своих руках непосредственный контроль над значительной частью территории Иудеи и Самарии - с тем, чтобы обеспечить возможность эффективного отражения потенциальной арабской агрессии. Когда левые генералы изложили свои соображения о нуждах обороны Израиля, оказалось, что уступать арабам почти нечего. Журналист "Гаарец", которого невозможно заподозрить в симпатиях к "ястребам", был вынужден подвести итоги дискуссии следующим образом:

"Вы все выступаете за уход с территорий, но выдвигаете в качестве необходимых условий обеспечения безопасности

полный контроль над воздушным пространством (Иудеи, Самарии и Газы), сохранение наземных станций раннего оповещения, право на осуществление военного преследования в покинутых районах, израильские кантоны и линию обороны в Иорданской долине... Кто из арабов захочет вступить с нами в переговоры на таких условиях?" /13

Поскольку израильские левые приучили арабов к мысли о том, что они добьются в конце концов возвращения "Западного берега", вести переговоры с иных позиций сегодня действительно трудно. Тем не менее, это обстоятельство не может изменить отмеченного нами принципиального факта: для обеспечения надежной защиты израильских городов от арабской агрессии ЦАХАЛ должен сохранить за собой военный контроль над всей территорией Эрец-Исраэль к западу от Иордана. Руководители Объединенного комитета начальников штабов США дали правильную оценку стратегической ситуации в регионе еще в 1967 году. Она сохраняет свою силу по сей день.

Лишь относительно сектора Газы можно сказать, что отступление из этого района сулит Израилю только политическую угрозу, но не военную. В отличие от Иудеи, Самарии и Голанского плато, сектор Газы не имеет существенного стратегического значения для обороны Израиля. Это небольшая равнинная территория, где нет господствующих горных вершин. В прошлом Газа служила плацдармом арабского террора против Израиля, и она снова стала таким после того, как в 1994 году оттуда были выведены подразделения ЦАХАЛа. Даже если из тактических соображений ООП сумеет на время прекратить вылазки террористов с подконтрольной ей территории, в долгосрочной перспективе угроза возобновления террора будет неизбежно сохранять силу. Но палестинский террор не угрожает самому существованию Израиля, а стать плацдармом арабской агрессии против нашей страны Газа не сможет, если Египет будет по-прежнему выполнять условия мирного договора, и Синайский полуостров останется демилита-

ризованной зоной.

Разумеется, израильское отступление из сектора Газы автоматически вызвало образование там мини-государства под управлением ООП. Теперь это мини-государство используется в качестве инструмента для распространения палестинского суверенитета на арабов Иудеи и Самарии, а в перспективе - Галилеи и Негева. Эта угроза становится все более ощутимой по мере подписания левым правительством все новых соглашений с ООП. Более подробно вопроса о последствиях нынешнего "мирного процесса" для будущего регионального урегулирования я коснусь в девятой главе.

* * *

Можно ли в течение длительного времени осуществлять военный контроль над той или иной территорией и в то же время обеспечивать ее политический суверенитет? По сути дела, именно с этим вопросом связаны основные разногласия между израильскими сторонниками и противниками отступления из Иудеи и Самарии. В конце концов, полемика между левыми и правыми израильскими генералами о возможности территориального компромисса в Иудее и Самарии не носит характера профессионального спора по военным вопросам. Относительно чисто военного аспекта данной проблемы между подавляющим большинством генералов наличествует полное единодушие. Все они согласны с тем, что для обеспечения безопасности Израиля ЦАХАЛ должен сохранить военный контроль над значительной частью Иудеи и Самарии. Спор ведется, главным образом, о политическом статусе этих территорий: какая формула суверенитета в Иудее и Самарии сможет обеспечить Израилю реальные гарантии безопасности?

Многие полагают, что Израиль сможет сохранить свое военное присутствие на территории, находящейся под арабским суверенитетом. Между тем, Египет в свое время отказался сохранить на переданной ему территории Синайского полуострова даже самое минимальное израильское военное присутствие (одну авиабазу). Нет никаких оснований полагать, что какое-либо иное арабское правительство удовольствуется меньшим. Среди сторонников отступления есть и такие, кто надеется, что Израиль сможет сохранить за собой контроль над воздушным пространством палестинского государства. Но, в конце концов, все эти благие пожелания не выдержат столкновения с верностью принципам суверенитета - как это случилось с американским контролем над зоной Панамского канала, с британским контролем над Суэцким каналом и с многими другими моделями частичного ограничения национального суверенитета, рухнувшими в XX веке.

Израиль будет бессилен перед лицом огромных арабских армий, развернувших свои боевые порядки в считанных километрах от его главных городов, аэродромов и промышленных зон. Тот, кто хочет сохранить военный контроль над горными районами Иудеи и Самарии, где важнейшие стратегические позиции тесно соседствуют с основными центрами палестинского населения, должен осуществлять на этих территориях как военное, так и политическое управление. Отказ от политического управления Иудеей и Самарией приведет, в конце концов, к утрате военного контроля над этими районами.

При решении проблемы должны приниматься в расчет не только ее стратегические аспекты, но и другие параметры, имеющие самое непосредственное отношение к национальной безопасности Израиля. Первостепенное значение в данном контексте имеет вопрос о контроле над водными ресурсами, без которых ни одно государство не может чувствовать себя жизнеспособным. Излишне говорить о том, что на Ближнем Востоке вода представляет собой огромную

ценность. Израиль, а также его соседи - Египет, Сирия и Иордания - страдают от острого дефицита водных ресурсов. С каждым годом увеличивается разрыв между растущим потреблением воды и естественным восстановлением водного потенциала в нашем засушливом регионе. Особенно острое положение в этой области сложилось в Сирии, где даже в Дамаске подача воды иногда прекращается ночью на несколько часов/14.

Для установления и поддержания истинного мира в регионе наши страны должны совместно заняться разработкой проблемы поиска альтернативных источников пресной воды. Если этого не произойдет, в будущем можно ожидать возникновения чрезвычайно острых региональных кризисов, связанных с нехваткой водных ресурсов. Примером такого кризиса может служить нынешний конфликт между Турцией, Сирией и Ираком из-за распределения вод Тигра и Евфрата - двух крупных рек, берущих начало в горах восточной Турции. Шаги, предпринятые в последние годы турецким правительством, в том числе - строительство плотин и осуществление планов мелиорации, вызвали возмущенную реакцию южных соседей Турции, но приемлемого для всех заинтересованных сторон решения данной проблемы пока не видно/15.

Не менее 40% общего количества потребляемой Израилем пресной воды приходится на естественные подземные резервуары, подавляющее большинство которых расположено в пределах Иудеи и Самарии. Без этого источника Израиль окажется на грани катастрофы, поэтому территориальное решение, не принимающее во внимание проблему контроля над водными ресурсами, не может удовлетворить нашу страну.

Какие здесь возможны варианты? Если важнейшие пресноводные резервуары окажутся под контролем враждебного Израилю государства, нас ожидают в скором будущем самые серьезные трудности. Так например, Израиль может оказаться перед лицом "водного шантажа" со стороны

палестинского государства. Кроме того, существует опасность загрязнения и засоления водоносных слоев - как вследствие их неправильного использования, так и в результате злого умысла. В этом случае мы можем столкнуться с опасностью возникновения эпидемий и, что самое главное, с необратимым отравлением важнейших резервуаров подпочвенных вод в Эрец-Исраэль.

Здесь необходимо напомнить о том, что одним из видов оружия, избранным арабами в годы интифады, были преднамеренные поджоги лесов. Саддам Хусейн был готов использовать в войне против США такое ужасающее средство, как преднамеренное загрязнение вод Персидского залива миллионами баррелей нефти-сырца. Таким образом, мы не можем исключить вероятность того, что ненависть к Израилю побудит арабов загрязнить естественные пресноводные резервуары Иудеи и Самарии или отвести в сторону от нынешнего русла истоки Иордана. Кстати, первые диверсионные операции ФАТХа в 60-е годы были направлены против объектов Всеизраильского водовода/16.

Непреднамеренное отравление водоносных слоев может стать источником столь же серьезной угрозы для израильского водного хозяйства. Отравление может быть результатом заражения канализационными стоками, мусором, химическими удобрениями и промышленными отходами. Неисправные коллекторы и канализационные трубы могут пропускать токсичные отходы в водоносные слои долгие годы - прежде, чем на это будет обращено внимание. Чтобы предотвратить эту смертельную опасность, требуются, с одной стороны, осведомленность о существующей проблеме, с другой - большие денежные средства, необходимые для наблюдения и ремонта. Даже большинству развитых стран Запада трудно осуществлять необходимый контроль за качеством окружающей среды; ясно, что перекладывать такую серьезную ответственность на плечи бедного и враждебного Израилю арабского режима было бы непрослительной глупостью. В этом случае Израиль очень скоро почувствует

нестерпимый дефицит пресной воды, восполнить который возможно только с помощью повторного захвата территории, переданной арабам.

Приняв во внимание решающие факторы стратегической глубины и высоты (топографические условия, препятствующие вторжению с востока), а также проблему контроля над водными ресурсами, трудно избежать однозначного вывода: территория Иудеи и Самарии абсолютно необходима Государству Израиль для обеспечения его жизнеспособности. К такому выводу придет всякий вменяемый и непредвзятый человек, который погожим днем поднимется на гору Бааль-Хацор в Самарии. Он сможет охватить взором всю страну - от Иорданской долины на востоке до Средиземного моря на западе. Западная часть Эрец-Исраэль, то есть та территория, которая находится ныне под израильским контролем, представляет собой целостную географическую единицу: одна горная цепь, доминирующая над одной приморской равниной. Тот, кто пытается разделить эту землю на два нестабильных и нежизнеспособных государства с тем, чтобы потом защищать то, что защитить невозможно, прокладывает дорогу будущей трагедии.

***

Эти же проблемы - стратегическая глубина и водные ресурсы - являются столь же значащими факторами и в контексте обсуждения вопроса о будущем Голанских высот. На этом фронте предлагаемые левыми уступки также крайне опасны для Израиля. Голанское плато, возвышающееся над истоками Иордана и над озером Кинерет, обеспечивает контроль еще над 40% израильских водных ресурсов. Отказ от этого контроля обеспечит Сирии возможность "иссушить" Израиль - как в прямом, так и в переносном смысле слова. Даже самые убежденные сторонники отступления имеют веские основания для того, чтобы триж-

ды задуматься над такой возможностью прежде, чем они предложат "мир", основанный на израильском отступлении с Голан.

Голанское плато возвышается примерно на 1300 метров над плодородными полями долины Хула. Подобно вершинам Иудеи и Самарии, эти высоты представляют собой естественный барьер, защищающий Израиль от вторжения с северо-востока. Голаны напоминают Иудею и Самарию и своими малыми размерами: их ширина не превышает 25 км - в самом широком месте.

В этом состоит существенное отличие Голанских высот от Синайского полуострова, ширина которого составляет 200 км. Израиль мог проявить исключительную щедрость, вернув Египту безводный Синай ради обеспечения мира на своем западном фронте, но на восточном фронте - в Иудее, Самарии и на Голанах - не имеется достаточного простора для подобных уступок.

Это станет совершенно ясно, если мы примем в расчет три крупнейшие арабские армии, которые могут представлять угрозу существованию Израиля - армии Египта, Сирии и Ирака. Мощную египетскую армию отделяет от наших границ Синайская пустыня, обеспечивающая Израилю необходимую стратегическую глубину даже в том случае, если Египет нарушит мирный договор. Израиль побеспокоился о том, чтобы из текста договора однозначно следовало, что появление египетской армии на Синае означает войну. Иракская армия, которая стремительно восстанавливает свою мощь после поражения в Кувейте, отделена от Израиля буферной зоной примерно такого же размера, как Синай - Иорданской пустыней. Хотя армия Иордании, контролирующая это пустое пространство, хорошо подготовлена и оснащена, она все же слишком невелика, чтобы представлять самостоятельную угрозу для нашей страны.

Израиль всегда решительно заявлял, что он рассматривает всю территорию Иордании как буферную зону и ни

при каких обстоятельствах не позволит иностранным силам войти в Иорданию. Эта декларативная позиция обеспечивает безопасность Израиля, но в такой же степени она защищает и короля Хусейна от агрессивных посягательств его арабских соседей. Во время войны в Персидском заливе Израиль неоднократно подчеркивал, что если иракские силы под тем или иным предлогом окажутся на территории Иордании, это приведет к началу полномасштабной войны. В 1970 году аналогичное израильское предупреждение вынудило сирийскую армию отступить из Иордании, на территорию которой она вторглась в ходе вооруженного конфликта между палестинскими организациями и хашимитским правительством короля Хусейна. Большинство граждан Израиля решительно возражают против создания государства ООП в Иудее и Самарии, поскольку такое государство сможет вступить в союз с Ираком и другими радикальными силами в арабском мире. По сути дела, палестинское государство сведет на нет значение буферной зоны, простирающейся к востоку от границы Израиля.

Итак, наземная защита Израиля перед лицом двух мощных арабских армий, египетской и иракской, обеспечивается с помощью двух значительных буферных зон - Синайского полуострова и пустынных районов Заиордания. Но на севере Израиль не имеет той стратегической глубины, которая могла бы обеспечить ему защиту от сирийской армии, одной из крупнейших армий мира. Большинство сирийских дивизий постоянно развернуто на широком равнинном плато между Дамаском и Голанскими высотами - в 25 км от Галилеи и в 75 км от Хайфы и побережья Средиземного моря. Если египетской и иракской армиям необходимо несколько дней для того, чтобы переместиться из районов своей нынешней дислокации к израильской границе, то сирийская армия может оказаться в непосредственной близости от густонаселенных районов Израиля всего за несколько часов. Единственная преграда, стоящая на ее пути, - это ограниченный контингент ЦАХАЛа на Голанских высо-

тах. Этого контингента сегодня достаточно для обороны Израиля, поскольку в результате Шестидневной войны стратегическая ситуация на израильско - сирийской границе изменилась коренным образом: теперь солдаты ЦАХАЛа взирают на сирийские позиции сверху вниз - с Хермона, с горы Авиталь, с укреплений, расположенных вдоль линии вулканических холмов на восточной оконечности Голанского плато.

Эти доминирующие позиции компенсируют Израилю отсутствие стратегической глубины в районе сирийской границы. Не случайно Израиль настоял на своем контроле над этими позициями в ходе переговоров о прекращении огня в 1974 году - несмотря на раздраженную реакцию американских посредников, не желавших понять, почему израильское правительство, во главе которого стоял тогда Ицхак Рабин, "упрямится из-за нескольких километров". Рабин подтвердил свою точку зрения по данному вопросу накануне выборов 1992 года, когда он сделал следующее заявление:

"Тот, кто решит спуститься с Голанских высот - даже в мирных условиях! - подвергнет нестерпимой угрозе безопасности Израиля".

Тем не менее, вскоре после выборов стало ясно, что правительство Рабина готово отступить с Голанских высот - в обмен на заключение формального мира с Сирией. Похоже, большинство левых министров закрывают глаза на причину, по которой сирийская граница была самой спокойной из всех границ Израиля в течение 20 лет; за все это время там не было произведено ни единого выстрела.

Причина спокойствия на Голанах вовсе не связана с желанием Асада соблюдать условия подписанного им соглашения о прекращении огня, как наивно полагают некоторые сторонники отступления. В Ливане, например, Асад нарушал и нарушает все свои обязательства, в том числе Таифское соглашение о выводе сирийских войск из этой

страны. Точно так же, он многократно нарушал свои обещания Турции о прекращении деятельности курдского повстанческого движения с сирийской территории. Дамаск не соблюдает соглашение с Израилем, достигнутое в 1976 году при посредничестве США: это соглашение предписывает Сирии существенно снизить наземную и воздушную активность своих войск на территории Ливана. Причина же того, что Асад аккуратно соблюдает условия соглашения о разведении войск на Голанских высотах, предельно проста: он знает, что произойдет в случае, если это соглашение будет нарушено.

Следует помнить, что до 1967 года, пока Сирия контролировала Голанские высоты, израильско-сирийская граница оставалась постоянной ареной вооруженных конфликтов. Израильские поселения в долине Хула и на берегах Кинерета в течение 19 лет подвергались обстрелам с сирийских позиций, расположенных на западном склоне Голанского плато. Сирийцы не сразу поняли значение происшедших перемен, когда в ходе Шестидневной войны ЦАХАЛ занял Голанские высоты. Шесть лет спустя, в октябре 1973 года, Сирия вновь напала на Израиль, и уже через несколько дней израильские танки и артиллерия оказались у ворот Дамаска. С тех пор на границе установилось спокойствие. Асад понял, что пока ЦАХАЛ контролирует свои нынешние позиции на Голанах, Сирия не имеет реальных шансов на одержание военной победы над Израилем. Именно поэтому сохранение израильского контроля над Голанскими высотами является важнейшим фактором поддержания мира на границе с Сирией. Если этот фактор будет заменен формальным мирным соглашением, объективные условия сохранения мира и стабильности в регионе утратят свою силу. Израиль лишится естественного горного барьера, защищающего его на северо-востоке, и Сирия вновь обретет реальную возможность втянуть нашу страну в кровавый и опасный конфликт.

С разных сторон продолжают раздаваться голоса, утверждающие, что несмотря на острейшие проблемы в области

обеспечения безопасности и контроля над водными ресурсами, Израиль должен выполнить решения международного сообщества, предписывающие ему отдать арабам Иудею, Самарию, Газу и Голанские высоты. Как правило, эти утверждения основываются на резолюции Совета Безопасности ООН #242, принятой вскоре после Шестидневной войны. Израиль, как известно, согласился с условиями этой резолюции. Однако сегодня мало кто помнит оригинальный текст резолюции #242 и тот смысл, который был вложен в нее ее авторами. Как и во многих других случаях, форма этой резолюции, обсуждаемая в прессе всевозможными "экспертами", больше соответствует интерпретации врагов Израиля, нежели действительным фактам.

Резолюция Совета Безопасности ООН #242 задумывалась и писалась как документ о мире. Она призвала к немедленному "прекращению всех агрессивных деклараций и всякого состояния войны"; к "признанию суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств региона"; к признанию права каждого из этих государств "жить в мире, имея безопасные и признанные границы, не подвергаясь угрозам и насилию" (полный текст см. в Приложении 6).

Ядром резолюции является обращенное к арабам требование международного сообщества об установлении мира с Израилем. Арабам предписывается прекратить декларируемое ими состояние войны с Израилем, признать право Израиля на существование и обеспечить надежные гарантии безопасности его границ. Артур Гольдберг, который был послом США при ООН и одним из авторов резолюции #242, подтвердил в свое время, что ее главное содержание было именно таковым:

"Она (резолюция #242) призывает к уважению и признанию суверенитета каждого государства в данном регионе. Поскольку Израиль никогда не отрицал суверенитета своих соседей, резолюция очевидно требует от

арабских государств признать суверенитет Израиля"/17.

Однако арабские пропагандисты и в этом случае, с привычным для них лицемерием, сумели подменить причину следствием, заявляя, что нарушителем резолюции #242 является Израиль, а не арабские страны, которые отказываются заключить с ним мир. Их обвинения основываются на другом параграфе этой резолюции, призывающем к "отступлению израильских сил с территорий, захваченных ими в результате последнего конфликта". Израиль, утверждают арабы, не выполнил требования резолюции ООН, так почему же мы должны заключить с ним мир при продолжающейся оккупации Западного берега и Голанских высот? Арабы предпочитают забыть о том, что отступление Израиля с какой бы то ни было территории предполагается после заключения мирного договора, а не прежде того.

Если смотреть на резолюцию #242 через искажающую призму арабской пропаганды, то действительно можно поверить, что ООН имела в виду уход Израиля со всех захваченных территорий. Но отсутствие в резолюции определенного артикля " the" и словосочетания "всех территорий" отнюдь является результатом типографской ошибки. Авторы резолюции свидетельствуют о том, что избранная формулировка ("территорий" - без определенного артикля или слова "всех") отнюдь не случайна. Она была призвана обеспечить возможность вести переговоры о той или иной глубине отступления с тем, чтобы часть занятой в 1967 году территории была удержана Израилем в целях обеспечения его безопасности. Артур Гольдберг заметил по этому поводу:

"Примечательно отсутствие в тексте резолюции определенного артикля или слова "всех" (the или all)... Резолюция говорит об отступлении с оккупированных территорий, не определяя точные масштабы отступления"/18.

Такой же интерпретации придерживается лорд Кэрэдон, бывший посол Великобритании при ООН, который был

одним из соавторов резолюции:

"Мы не сказали, что Израиль должен отойти к границам, существовавшим до 1967 года. Мы намеренно не воспользовались словосочетанием "всех территорий"... Все мы знали, что существовавшие до 1967 года рубежи не были установлены как постоянные границы, но были всего лишь линиями прекращения огня, определенными всего двумя десятилетиями ранее... Поэтому мы не говорили, что эти границы вечны"/19.

Юджин Ростоу, который был помощником госсекретаря США по политическим вопросам в то время, когда американская администрация выступила инициатором упомянутой резолюции, подтверждает позицию ее авторов: "Резолюции Совета Безопасности ООН #242 и #338... основываются на двух принципах. (Во-первых), Израиль может контролировать территории до тех пор, пока его арабские соседи не заключат с ним мир. И (во-вторых), когда мирные соглашения будут заключены, Израиль отойдет к "безопасным и признанным границам", которые могут не совпадать с демаркационными линиями прекращения огня, установленными в 1949 году"/20.

Отступил ли Израиль с "территорий, захваченных в результате конфликта"? В этом невозможно сомневаться. Синайский полуостров, возвращенный Израилем Египту по условиям двустороннего мирного договора (1979), является, по израильским масштабам, колоссальной территорией: около 65.000 кв. км, на которых были построены крупные военные аэродромы, роскошные гостиницы и начата добыча нефти. Синай в 10 раз превышает по площади Иудею и Самарию вместе взятые, он представляет собой 91% территории, занятой Израилем в 1967 году. Ни в одном из параграфов резолюции ООН #242 не говорится, что Израиль должен отступить на всех фронтах (на Синае и в Газе, в Иудее и Самарии, на Голанских высотах). Этот

вопрос авторы резолюции намеренно оставили для урегулирования в рамках мирных переговоров между Израилем и его арабскими соседями.

Все вышесказанное не затрагивает вопроса о главной цели, намеченной дипломатическими формулировками резолюции #242. Эта цель состояла в том, чтобы побудить как израильтян, так и арабов пойти на обоюдные уступки ради установления прочного мира на Ближнем Востоке. Коль скоро резолюция признает право Израиля на существование в безопасных границах и не предполагает однозначным образом израильского отступления к тем демаркационным линиям, с которых началась Шестидневная война, естественно заключить, что арабы должны отказаться от части своих территориальных требований в ходе переговоров о мирном урегулировании в регионе.

А почему бы и нет? Что это был бы за "компромисс", если бы одна сторона отказалась от ста процентов своих требований, а другая не поступилась бы одним процентом? Можно ли считать морально обоснованным мнение, согласно которому побежденный агрессор должен получить обратно все территории, с которых он осуществил нападение? И как можно ожидать, что Израиль сумеет удержать арабов от повторной агрессии, если они убедятся в том, что проигранная война никак не отразилась на их принципиальных интересах?

Позиция, лежащая в основе резолюции ООН #242, разумна и справедлива. Очистив текст резолюции от налипших к нему за минувшие десятилетия толкований арабской пропаганды, мы обнаружим, что он изначально утверждает то, что сказал бы в данной ситуации всякий разумный человек: истинный мир должен служить интересам обеих конфликтующих сторон, поэтому обе стороны должны пойти на уступки ради его достижения. Безопасные границы Израиля - это необходимое условие поддержания мира на Ближнем Востоке. Своими агрессивными действиями арабы доказали, что 16-километровая приморская

полоса, в которой теснился Израиль до 1967 года, не может рассматриваться как территория, обладающая безопасными границами. Из этого следует, что арабы должны пойти на определенные жертвы ради установления мира в регионе. Было бы уместно ожидать, что в арабском мире появится смелый и решительный лидер, который сумеет отказаться от притязаний на оставшиеся под израильским контролем территории, или, по крайней мере, на часть из них. Однако после заключения Кемп - Дэвидского мирного соглашения с Египтом, только король Иордании Хусейн решился на фактический отказ от своих территориальных требований в Иудее и Самарии. В то же время палестинцы и Сирия по-прежнему требуют возвращения всей территории, с которой была осуществлена арабская агрессия против Израиля в 1967 году, и большинство стран мира поддерживают это абсурдное требование.

Военная стратегия арабов предельно проста: втиснуть Израиль в границы, существовавшие до 1967 года, и тем самым вернуть его к прежнему состоянию абсолютной уязвимости. Политическая стратегия арабов не намного сложнее: она состоит в том, чтобы сделать это руками Запада. После израильских выборов 1992 года потребность арабов в содействии Запада стала гораздо менее острой, поскольку левое правительство Рабина проявляет готовность к самым далекоидущим уступкам без всякого внешнего давления. Тем не менее, здесь полезно напомнить о заявлении, сделанном президентом США Линдоном Джонсоном вскоре после Шестидневной войны:

"Не нам судить, где другим народам следует проводить такие границы между своими государствами, которые обеспечат им максимум безопасности. Ясно, однако, что возврат к ситуации, существовавшей до 4 июня 1967 года, не принесет мира"/21.

Какими бы ни были разногласия между сторонниками партии Труда и Ликуда, между правительством и оппозицией, ясно, что возвращение к границам 1967 года подвергнет

страну самой серьезной опасности. Сохранение стратегического контроля над Иудеей, Самарией и Голанами представляется абсолютно необходимым большинству израильских граждан. Эту позицию четко сформулировал Моше Даян, состоявший в партии Труда. Выступая на церемонии перезахоронения останков защитников иерусалимского Еврейского квартала времен Войны за Независимость, он заявил в 1967 году:

"Братья, мы помним ваш урок... Мы знаем, что для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь Иерусалиму, мы должны разместить солдат и бронетехнику ЦАХАЛа на горах Шхема и у мостов через Иордан"/22.

Какими бы ни были представления израильтян относительно оптимальной формулы еврейско-арабского сосуществования в Иудее и Самарии, лишь очень немногие в нашей стране оспаривают необходимость сохранения израильского военного контроля над этими жизненно важными районами и над Голанским плато на севере.

В тех частях мира, где мирное сосуществование является самоочевидной нормой, границы, территории и стратегическая глубина могут показаться факторами второстепенными и несущественными. Но на Ближнем Востоке именно эти факторы имеют решающее значение. Учитывая основополагающие стратегические характеристики таких территорий, как Иудея, Самария и Голаны, следует признать, что лозунг "мир в обмен на территории" здесь совершенно неуместен: израильский контроль над этими районами является не препятствием на пути к установлению мира, а преградой на пути агрессии и войны. Для обеспечения прочного мира в регионе Израиль должен сохранять за собой действенные средства сдерживания и устрашения. Необходимость в этом будет сохраняться в течение длительного времени - по крайней мере, до тех пор, пока арабы не изменят своего принципиального отношения к еврейскому государству. Израильское присутствие на контролируемых территориях заставило арабов отка-

заться от тотальной войны на уничтожение Израиля, и этот же фактор послужит установлению истинного мира в регионе, когда прочие необходимые условия для этого созреют.

Глава восьмая

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УГРОЗА

Ситуация с Иудеей и Самарией несет в себе две основных проблемы. Защитная стена Иудеи и Самарии необходима для обороны Израиля от возможного арабского вторжения с востока. При этом в Иудее и Самарии проживает около миллиона палестинских арабов. Это обстоятельство стоит сегодня в центре политической полемики в нашей стране: если Израиль откажется от контроля над Иудеей и Самарией, обеспечение его безопасности превратится в сплошной кошмар, но если израильский контроль над этими районами и проживающим там арабским населением будет сохранен, еврейскому государству угрожает кошмар демографический.

Нет никакого сомнения в том, что речь идет об очень серьезной проблеме. Необходимо самым тщательным образом проверить и взвесить все ее составляющие, чтобы выработать оптимальную политику в данных конкретных условиях. К сожалению, стоящая перед Израилем демографическая проблема редко удостоивается трезвого и продуманного отношения. О "демографической угрозе" у нас принято говорить в откровенно апокалиптических тонах. Утверждение, согласно которому Израиль не сможет остаться еврейским демократическим государством, сохранив контроль над арабским населением Иудеи и Самарии, чаще всего принимается на веру и не подвергается детальному анализу. Высокая арабская рождаемость приведет к тому,

что уже в течение тридцати, двадцати, а может быть и десяти лет арабы будут составлять большинство населения в Израиле - с такими мрачными прогнозами выступили пессимисты сразу же после окончания Шестидневной войны.

Левые радикалы предлагают осуществить отступление из Иудеи и Самарии в одностороннем порядке, не задумываясь над последствиями этого шага, а на крайне правом фланге стоят сторонники трансфера - перемещения арабского населения этих районов за Иордан. Полемика вокруг этого не ограничивается пределами Израиля - в последнее время мы получаем массу советов по данному поводу от иностранных доброжелателей. Как правило, их советы напоминают рекомендацию, данную лондонской газетой "Таймс" демократическому правительству Чехословакии в 1938 году: "Преимущества, которые обретет Чехословакия, став гомогенным в этническом отношении государством, значительно окупят явные невыгоды, связанные с потерей Судетской области"/1.

В конце XVIII столетия британский экономист Томас Мальтус сумел убедить образованную публику в том, что рост населения земного шара значительно опережает темпы прироста продовольственного производства. Мальтузианцы полагали, что неизбежным результатом этой динамики станет всемирный голод. В действительности же события развивались прямо противоположным образом: совершенствование сельскохозяйственных технологий оказалось более стремительным, чем процесс увеличения численности населения. Печальный пример Томаса Мальтуса не научил демографов скромности, и их прогнозы отличаются зачастую удивительной категоричностью. В наших краях не ощущается недостатка в демографах "мальтузианцах": еще до провозглашения независимости Израиля еврейскому государству сулили самое мрачное демографическое будущее и скорый конец. Эта тенденция заметно усилилась в результате Шестидневной войны.

В июне 1967 года, через две недели после установления израильского контроля над Иудеей, Самарией и Газой, в газете "Гаарец" был опубликован прогноз д-ра Йегуды Дона:

"Оккупированные и освобожденные территории привели под юрисдикцию Израиля примерно 1,4 миллиона арабов... Это несет с собой очень тяжелый груз проблем и ответственности, особенно в свете того факта, что скорость их естественного прироста за четырнадцать лет уравнивает численность обоих народов (в Эрец-Исраэль)"/2.

Йегуда Дон, разумеется, ошибся, и по прошествии 14 лет соотношение численности еврейского и арабского населения в Эрец-Исраэль почти не изменилось.

Газета "Джерузалем пост" назвала Дова Фридлендера и Калвина Гольдшейдера "двумя ведущими израильскими демографами". В 1974 году они предсказывали, что "при максимально широком территориальном расселении на всех контролируемых территориях евреи окажутся к 2000 году на положении национального меньшинства, и этот вывод остается в силе почти при любых демографических предпосылках и возможных переменах"/3. Они тоже ошиблись. В соотношении еврейского и арабского населения произошли некоторые сдвиги, однако сегодня абсолютно ясно, что к 2000 году арабы не станут большинством в Эрец-Исраэль.

Подобным же образом в 1978 году демограф Цви Айзенбах пришел к выводу, что если Израиль сохранит под своим контролем заселенные арабами территории, то "в скором времени евреи станут здесь меньшинством, даже при том условии, что еврейская репатриация в страну не прекратится полностью"/4. Разумеется, "в скором времени"- определение расплывчатое, но в середине 90-х годов, по прошествии почти двух десятилетий с момента оглашения данного прогноза, мы можем констатировать, что он не подтвердился.

В том же 1978 году профессор Арнон Софер, которого газета "Чикаго трибюн" назвала "самым выдающимся израильским специалистом по проблемам демографии", подсчитал, что к 2000 году арабы будут составлять 46% населения Эрец-Исраэль. К своему прогнозу он присовокупил следующее замечание: "Эта статистика не врет... Если существующее положение сохранится, Государство Израиль в его нынешнем виде перестанет существовать"/5. Израиль, как известно, все еще существует в том самом виде, в котором его оплакивал Арнон Софер. Прогноз профессора Софера был поддержан другим израильским демографом Серджио Делла Пергола, объявившим в 1987 году, что дополнительных всплесков еврейской репатриации Израилю ожидать не следует/6. Профессор Софер развил эту мысль в августе 1988 года:

"Общественность должна знать, что изменение ситуации в пользу евреев хотя бы на один процент потребует незамедлительного приезда в страну еще 170.000 репатриантов. Где нам взять их? Когда репатриация достигала такого уровня за один год?.. Не следует предаваться иллюзиям"/7.

Оба они ошибались. Не прошло и года после этого предсказания, как в Израиль хлынула волна репатриантов из Советского Союза, которая за два года увеличила еврейское население страны на 400.000 человек.

Ошибочность всех этих и многих подобных предсказаний доказывает несостоятельность политических аргументов, основанных на "однозначных" демографических прогнозах. Большинство цитируемых здесь демографов придерживаются левых политических взглядов, и единственный выход из существующего положения они изначально видят в отказе от израильского контроля над территориями, занятыми в 1967 году. Впрочем, и среди крайне правых имеется растущая группа, представители которой готовы

принять прогнозы этих демографов, но не их выводы. Ради предотвращения "неизбежного" результата пугающей демографической динамики правые экстремисты предлагают депортировать арабское население из Иудеи и Самарии. Фанатичные адепты демографической риторики на обоих флангах израильской политики с полной уверенностью заявляют, что если их советы не будут приняты, арабы станут большинством в Эрец-Исраэль в течение самого скорого времени. Лишь немногие дают себе труд проверить, в какой степени сбываются огульные демографические прогнозы, лежащие в основе той или иной политической концепции.

Демография не является точной наукой, и ее прогнозы не могут носить однозначного характера. Когда физик говорит нам, что мяч, брошенный с высоты в 20 метров, ударится о землю через две секунды, мы вполне можем доверять его утверждению, поскольку оно основано на многократных экспериментальных повторениях и на точных расчетах. При желании, мы сами можем повторить этот эксперимент и проверить его результаты. Мяч - предмет неодушевленный, и ни при каких обстоятельствах он не может самостоятельно изменить траекторию или скорость своего падения. Будучи брошенным с высоты в 20 метров, мяч, несомненно, ударится о землю через две секунды.

Но все отнюдь не столь однозначно, когда речь заходит о людях. Сторонний наблюдатель может предсказать, что определенный человек выйдет в пятницу в 8.30 утра из своего дома и направится на работу, поскольку именно так он поступает в остальные дни недели. Однако это предсказание не может считаться научным фактом. Избранный для наблюдения человек может изменить обычный график своего поведения и направиться на пляж, а не на работу. Конечный результат, то есть истинность или ошибочность прогноза, в значительной степени будет зависеть от свободного решения данного человека.

Демографы зачастую относятся к людям как к экспериментальным резиновым мячикам. Они предсказывают конечную точку их маршрута на основе видимой траектории движения. Демограф анализирует события прошлого и динамику, прослеженную им до определенного момента, а затем экстраполирует результаты своих наблюдений в будущее, не принимая во внимание свойственную людям изменчивость поведения. Если ему известны такие данные, как сегодняшнее соотношение численности различных групп населения, темпы рождаемости и средняя продолжительность жизни в каждой из них, то он смело делает прогноз на будущее, исходя из того, что завтра все будут вести себя таким же образом, как вчера и сегодня.

Сионизм изначально основывался на прямо противоположной предпосылке. Теодор Герцль видел современную ему ситуацию и пришел к выводу, что она должна и может измениться. "Если вы захотите, это не будет сказкой", - сказал он евреям/8. Можно себе представить, что сказали бы современные демографы Герцлю в 1902 году, когда он произнес эти слова - ведь в то время арабов в Эрец-Исраэль было в 10 раз больше, чем евреев. Но еврейский народ предпочел тогда проигнорировать демографические "факты": сионисты приезжали в страну и отстраивали ее, создавали города и поселки, чтобы принять в них как можно больше евреев. Тем самым была определена новая демографическая ситуация - еврейское большинство в Эрец-Исраэль.

Таблица, которая приводится в Приложении 17 к данной книге, наглядно представляет изменения в соотношении численности еврейского и арабского населения в западной части Эрец-Исраэль (не считая Заиорданья) за минувшее столетие. Когда в 1896 году дед моей матери репатриировался в страну, число живущих здесь арабов в 10 раз превышало численность еврейского населения. Тем не менее, евреи продолжали держаться за землю обретенной родины, веря, что они когда-нибудь станут здесь большинством. К тому моменту, когда в Эрец-Исраэль прибыл мой дед по отцу

(1920), соотношение между численностью евреев и арабов составляло уже один к шести. В 1947 году, когда было принято решение ООН о разделе Эрец-Исраэль, евреи составляли половину населения страны.

После Войны за Независимость началась массовая репатриация в Израиль евреев из стран арабского Востока и других регионов мира, и по прошествии 15 лет картина изменилась до полной противоположности: теперь число евреев Эрец-Исраэль почти в два раза превышало численность живущего здесь арабского населения. Это соотношение несколько изменилось в пользу арабов за минувшее десятилетие, однако массовая алия из СССР замедлила данную тенденцию. Вообще, любые тенденции в рассматриваемой нами области достаточно переменчивы; в демографической кривой можно отметить как спуски, так и подъемы. Примечательно, что час торжества эсхатологически настроенных демографов наступает именно тогда, когда эта кривая устремляется вниз, когда сионизм сталкивается с наибольшими трудностями на пути реализации своих исторических целей.

Однако, в отличие от некоторых демографов, арабы никогда не были убеждены в том, что еврейская репатриация не сможет изменить демографический баланс в стране. Достаточно обратиться к цифрам: уже в течение 100 лет сионизм успешно борется с демографической проблемой и продвигается в сторону устойчивого еврейского большинства в западной части Эрец-Исраэль. Данная тенденция могла бы привести стороннего наблюдателя к весьма оптимистическим выводам о будущей судьбе еврейского государства: евреи сохранят свое нынешнее большинство в населении страны и увеличат его с помощью целенаправленного содействия массовой репатриации*/9.

---

* В последнее время приходится слышать, что истинное число арабов, живущих в Иудее, Самарии и Газе, значительно превышает используемые нами данные Центрального статистического бюро. Это утверждение исходит от сотрудников израильского министерства внутренних дел. Эксперты ЦСБ настаивают на точности представляемых ими данных; они говорят, что их бюро вычеркивает из своих списков граждан Израи-

В ходе одной из типичных дискуссий, которые велись в партии Труда в 1968 году, различные специалисты приводили данные о неизбежном "демографическом удушии", которое ожидает Израиль в том случае, если он не отступит с контролируемых территорий. В ответ на приведенные доводы Шимон Перес сделал тогда следующее примечательное заявление:

"Я очень сомневаюсь в том, что развитие событий на ближайшие тридцать лет изначально и однозначно предопределено статистическими данными 1967 года. Это значило бы, что в ближайшие тридцать лет в нашей стране не будет происходить ничего, кроме того, что арабы будут размножаться в темпе 3,5% в год, а евреи - в два раза меньшими темпами...

Можем ли мы быть уверенными в том, что до 1998 года ни один араб не эмигрирует из Израиля или в том, что евреи не увеличат темпы своего естественного прироста?.. Будет ли Россия всегда выглядеть так, как она выглядит сегодня? Останется ли американское еврейство в своем нынешнем состоянии? Евреи Франции, Брита-

---

ля и жителей контролируемых территорий, покидающих страну и не возвращающихся в нее более одного года. В то же время, МВД не производит данной процедуры применительно к жителям контролируемых территорий. За счет этого в списках министерства скапливается значительное число имен палестинцев, которые фактически не проживают в Иудее, Самарии и Газе. Это положение приводит к искажению представляемых МВД данных о соотношении численности еврейского и арабского населения в пользу арабов.

Дополнительное искажение связано с тем, что МВД регистрирует количество смертей в Иудее, Самарии и Газе на основании сообщений, исходящих от арабского населения. Между тем, эти сообщения отличаются значительной неточностью, поскольку, по различным причинам, арабы склонны замалчивать факты смерти (одна из причин - желание родственников умершего по-прежнему получать социальные пособия на его имя от Агентства ООН по оказанию помощи беженцам). Для того, чтобы скоррелировать эту неточность, эксперты ЦСБ принимают в расчет не только сообщения жителей контролируемых территорий, но и данные, полученные с помощью презентативной статистической выборки.

тании, Южной Америки - нигде никаких изменений не произойдет? И это - сионистская мечта?.. В течение ближайших 30 лет у нас будет достаточно возможностей изменить свою политику, даже если подтвердятся самые худшие прогнозы. Но те, кто готов отступить уже сегодня, - а среди нас есть люди, готовые согласиться на отступление даже без достижения мира, - отказывается не только от территорий, но и от будущего страны"/10.

Давайте проверим "факты", которые должны были склонить чашу весов в сторону трансфера - евреев или арабов - из Иудеи, Самарии и Газы, начиная с Шестидневной войны и по настоящее время. Уже в 1967 году пессимисты предсказывали, что по прошествии 25 лет арабы будут составлять большинство населения к западу от Иордана. Указанный срок прошел, и мы можем теперь проверить, в какой мере сбылись эти апокалиптические прогнозы. Данные об изменении численности еврейского и арабского населения в Эрец - Израэль за минувшие 25 лет перед нами (по данным Центрального статистического бюро Израйля):

	1967		1993	
	евреи	несврей/*	евреи	несврей
Израиль (в границах 1967 г.)	2.384.000	328.000	4.051.000	817.000
Иудея и Самария	0	651.000	266.000	1.244.000
Сектор Газы	0	381.000	5000	749.000
Голанские высоты	0	8000	16.000	381.000
всего	2.384.000	1.368.000	4.335.000	2.826.000
всего в %%	63,5%	36,5%	60,5%	39,5%
всего в %% (без Газы)	70,7%	29,3%	67,6%	32,4%

* Кроме арабов мусульманского и христианского вероисповедания, данное определение включает друзов, черкесов и представителей иных нац. меньшинств, общая численность которых составляла в 1992 году 85.000.

Как мы видим, к 1992 году соотношение между численностью еврейского и арабского населения очень незначительно изменилось по сравнению с 1967 годом: доля евреев в населении западной части Эрец-Исраэль сократилась за это время с 63,5% до 60,6%. Таким образом, прогнозы, предвещавшие Израилю коренное изменение демографической ситуации в течение четверти века, не оправдались. Кстати, если бы израильское правительство препятствовало процессу воссоединения палестинских семей на подконтрольной ему территории, то доля евреев в населении западной Эрец-Исраэль составляла бы сегодня 62,4%.

Почему не подтвердились мрачные прогнозы демографов? Главной причиной "демографической истерии" в Израиле является высокая арабская рождаемость: около пяти детей в среднем на семью, то есть почти в два раза выше среднего уровня рождаемости у евреев/11. Когда в расчет принимается только этот фактор, однозначный вывод о близящемся конце еврейского государства напрашивается сам собой. Понятно, поэтому, какими данными питается индустрия, производящая панические газетные статьи и броские заголовки, сообщающие о том, что в Израиле появляется на свет больше арабских новорожденных, чем еврейских. Другой статистический показатель, на который часто ссылаются демографы-пессимисты, гласит, что арабское население в целом моложе, чем еврейское, из чего следует, что в будущем разрыв между уровнем арабской и еврейской рождаемости еще больше увеличится. Израильские комментаторы зачастую привносят в дискуссию по проблемам демографии откровенно драматические интонации. "Сейчас налицо простое и очевидное сражение маток, в котором евреи терпят поражение", - заявил Мерон Бенвеништи со страниц газеты "Чикаго трибюн" в ноябре 1987 года/12.

Но действительное положение вещей в этой области гораздо сложнее, и судьба еврейского государства не будет решена одним только "сражением маток". Факторы, фор-

мирующие будущую демографическую ситуацию в Эрец-Исраэль, многочисленны и разнообразны, а следующие из них выводы отнюдь не столь однозначны. Увеличение той или иной группы населения в определенной местности бывает обусловлено не одним фактором, а четырьмя: рождаемостью, смертностью, эмиграцией и иммиграцией. Рождаемость и иммиграция увеличивают численность населения в данной области, а смертность и эмиграция приводят к ее сокращению. Поскольку в нашем случае речь идет о соотношении численности двух национальных групп, евреев и арабов, мы должны принимать в расчет не четыре фактора, а целых восемь. Без этого серьезное обсуждение демографической ситуации в Израиле и ее прогнозирование на будущее просто невозможно.

Каждый из указанных факторов подвержен, в свою очередь, влиянию различных, прямых и косвенных, обстоятельств. Так, например, еврейская репатриация в Эрец-Исраэль очевидным образом зависит от политических перемен в России и других странах СНГ, от колебания антисемитских настроений в Европе, от положения с занятостью в Израиле, от интенсивности сионистской деятельности за границей и т. п. В силу объективной сложности и многогранности рассматриваемой ситуации не следует удивляться тому, что столь многие демографы не раз ошибались в своих прогнозах относительно демографического будущего Израиля.

Обсуждение демографических тенденций, наблюдаемых в среде арабского населения Иудеи, Самарии и Газы, не имеет особого значения, когда оно строится с учетом одного-единственного фактора - рождаемости, без должного внимания ко всем остальным составляющим демографического баланса в западной части Эрец-Исраэль. В большинстве случаев демографы склонны игнорировать два важных фактора, влияющих на численность арабского населения в этих районах: сокращение рождаемости и значительную эмиграцию за пределы Иудеи, Самарии и Газы.

* * *

До Шестидневной войны в средней арабской семье в Израиле было 9,6 детей; к 1987 году это число сократилось до 4,6/13. Уровень рождаемости в христианских арабских семьях снизился еще более заметным образом и сегодня он ниже, чем у евреев/14. Этот процесс является прямым результатом повышения уровня жизни и уровня образования в арабской среде, особенно - среди женщин. Сегодня почти все арабские женщины в Израиле умеют читать и писать (то же самое относится к Иудее, Самарии и Газе, где до 1967 года большинство женщин были неграмотны). Можно предположить, что продолжение экономического развития и повышение образовательного уровня в арабской среде к западу от Иордана приведет к дальнейшему сокращению арабской рождаемости - вплоть до того, что ее уровень сравняется с аналогичными показателями в еврейской среде.

Относительно арабской эмиграции за пределы Иудеи, Самарии и Газы можно сказать следующее: начиная с 50-х годов этот процесс протекает более или менее стабильными темпами, главным образом - по экономическим причинам. В начале 60-х годов арабская эмиграция из указанных районов была обусловлена также сознательной политикой короля Хусейна, препятствовавшего экономическому развитию Западного берега; ее уровень достиг тогда наивысшей точки: около 20.000 человек покидали ежегодно Иудею и Самарию/15. После установления израильского контроля над этими районами экономическое положение там существенно улучшилось. Около 70.000 арабов Иудеи и Самарии нашли работу в Израиле, и положительные изменения в области занятости привели к определенному сокращению эмиграции.

Тем не менее, с начала 80-х годов тысячи арабов стали ежегодно покидать Иудею и Самарию, поскольку работа в странах Персидского залива и других частях арабского мира

сулила им достаточно высокий заработок/16. Еще одним фактором, способствующим арабской эмиграции с контролируемых Израилем территорий, стало образование самостоятельных палестинских общин в Европе и Америке.

В середине 80-х годов темпы арабской эмиграции из Иудеи, Самарии и Газы несколько замедлились, однако вызванные интифадой экономические трудности и, главным образом, страх перед внутripалестинским террором стали постепенно оказывать "выталкивающее" влияние. Это можно было хорошо почувствовать у американского консульства в Восточном Иерусалиме, где ежедневно выстраивались длинные очереди арабов, рассчитывавших получить въездную визу в США. Один циничный наблюдатель заметил по этому поводу, что если бы американцы столь же легко разрешали въезд на свою территорию палестинским арабам, как советским евреям, то демографическая проблема Израиля была бы решена в одночасье.

Арабская эмиграция из Иудеи, Самарии и Газы была после Шестидневной войны столь значимым демографическим фактором, что если бы не 800.000 израильских арабов, среди которых почти не было случаев эмиграции, то за прошедшие годы общее соотношение численности населения к западу Иордана изменилось бы в пользу евреев. И если статистические данные указывают на демографическую угрозу Израилю, то эта угроза исходит не от арабских жителей Иудеи, Самарии и Газы, а от израильских арабов. С 1967-го по 1992 год доля арабов Иудеи, Самарии и Газы в общей численности населения, живущего к западу от Иордана, сократилась с 25,8% до 24,8%. За тот же период доля израильских арабов на указанной территории возросла с 10,5% до 13,4%/17. Интересно отметить, что ни один демограф не пытается говорить о том, сколько времени понадобится израильским арабам, чтобы сделаться национальным большинством в Государстве Израиль в том случае, если последнее откажется от всех контролируемых территорий. Если бы эсхатологически настроенные демогра-

фы были более последовательны в своих методах и оценках, они потребовали бы отступления не только из Иудеи, Самарии и Газы, но и из Галилеи и некоторых районов Негева, где удельная доля арабского населения особенно велика*.

Приняв в расчет все вышеуказанные факторы, мы должны будем признать, что апокалиптические предсказания скорого и неизбежного демографического взрыва в среде арабского населения не слишком обоснованы. Реальная картина станет нам еще яснее, если мы обратим внимание на еврейскую сторону демографического уравнения. Средняя продолжительность жизни израильских евреев примерно соответствует аналогичным показателям в развитых странах Запада (78 лет у женщин, 75 лет у мужчин). Можно предположить, что в будущем продолжительность

---

* Разумеется, продолжение политики левого израильского правительства, направленной на создание палестинского государства на всей территории Иудеи, Самарии и Газы, приведет к явному и скорому обострению демографической угрозы. ООП намеревается призвать к возвращению в Иудею и Самарию более миллиона палестинских "беженцев", которые, в свою очередь, будут требовать права на "воссоединение семей" с израильскими арабами. Они станут также добиваться "права на возвращение" в покинутые в 1948 году районы Израиля. С помощью массовой репатриации и продуманной поселенческой политики сионизм сумел добиться решающих успехов в деле формирования еврейского большинства к западу от Иордана. Израильские левые намеренно отказываются от этих успехов, содействуя усилиям арабов, цель которых - вернуть евреев на положение меньшинства в Эрец-Исраэль. Вопреки распространенным поверхностным представлениям, создание палестинского государства сулит угрозу установившемуся демографическому балансу между евреями и арабами. Изменение этого баланса в общем территориальном контексте Эрец-Исраэль будет иметь неизбежные последствия в сфере отношений между евреями и арабами на суверенной территории Государства Израиль. По сути дела, речь идет о подрыве глубочайших основ стабильности современного израильского общества. Аргументируя свои действия демографической угрозой, израильские левые способствуют, в действительности, ее обострению и актуализации.

жизни в Израиле будет постепенно увеличиваться - по мере развития медицины и дальнейшего повышения уровня жизни. Средний уровень рождаемости в еврейских семьях уже много лет составляет 2,7 ребенка на семью, что значительно выше, чем в развитых странах Запада (1,7 - в США; 1,3 - в Германии)/18. Быть может, относительно высокие показатели рождаемости являются реакцией на такие социальные реалии, как опыт перенесенных войн и ожидание новой возможной войны в будущем, а также выражением подсознательного страха за выживание еврейского народа.

Очевидно, что Государство Израиль, будучи государством еврейского народа, испытывает явную заинтересованность в увеличении числа многодетных семей. Здесь уместно упомянуть о том, что такие страны, как Франция, Венгрия, Болгария и европейские республики бывшего Советского Союза, накопили значительный опыт в области успешного осуществления национальных программ поощрения рождаемости. Одно из проведенных в данной области правительственных исследований предлагает следующие меры по увеличению численности населения:

1. Льготные ссуды на обустройство молодых семей, условия выплаты которых предполагают автоматическое списание части процентного долга или базового капитала ссуды при рождении детей в определенные промежутки времени.
2. Субсидируемая помощь женщинам, страдающим частичным бесплодием.
3. Консультации и содействие женщинам в случае незапланированной беременности.
4. Оказание помощи в приобретении жилья семьям, желающим родить еще одного ребенка, но отказывающим себе в этом из-за стесненных жилищных условий.
5. Систематический пересмотр текущей социальной политики в области государственной поддержки материнства и детства; действенная помощь работающим матерям.

6. Расширение сети яслей и детских садов при параллельном оказании щедрой помощи семьям, испытывающим трудности при оплате этих услуг/19.

Разумеется, нет никакой уверенности в том, что вышеуказанные меры дадут ожидаемый результат. Однако "несомненные" прогнозы относительно сохранения сравнительно низкого уровня рождаемости у евреев, составляемые без учета возможностей деятельного государственного вмешательства в эту область, подобны предсказаниям сухой погоды при наличии эффективных средств искусственного вызывания осадков. Дождя не будет - если эти средства не будут применены. Будущую ситуацию в области еврейской рождаемости в Израиле невозможно предсказать однозначно уже хотя бы потому, что ее тенденции объективно зависят от выбора той или иной целенаправленной правительственной политики.

Второй фактор сокращения еврейского населения в Израиле - эмиграция из страны - воспринимается большинством израильтян чрезвычайно болезненно. Основопологающей целью сионизма было и остается сосредоточение еврейского народа в Государстве Израиль. В силу этого израильское общество очень чувствительно и негативно относится к уезжающим из страны. В последние годы наблюдается некоторое смягчение этой психологической установки, однако она по-прежнему разделяется большинством еврейского населения Израиля. Отъезд каждого эмигранта воспринимается как реальная потеря для государства, прибытие каждого еврейского репатрианта - как вливание дополнительной порции жизненной силы.

В 80-е годы, когда из Израиля ежегодно уезжало около 30.000 человек, многие видели в эмиграции источник реальной опасности будущему страны. Постепенное улучшение экономической ситуации и моральный эффект, связанный с массовой репатриацией в Израиль из Советского Союза, привели к нейтрализации данной тенденции и к значительному сокращению числа эмигрантов.

Число израильтян, покинувших страну за все годы ее существования, оценивается примерно в 400.000 человек - около 10% нынешней численности еврейского населения в Израиле. Разумеется, государство, которое все еще борется за достижение критической человеческой массы, не может равнодушно относиться к этим цифрам. Однако едва ли данные показатели могут считаться странными, когда речь идет о нации иммигрантов. Напротив, они примечательно низки для страны, истерзанной арабским экономическим бойкотом, терроризмом и шестью войнами за четыре десятилетия.

Трудно оценить шансы на возобновление широкомащтабной эмиграции из Израиля - ситуация в этой области определяется динамикой внутреннего положения в стране. Опыт показывает, что уровень эмиграции более всего зависит от экономических трудностей, а не от политических факторов или военной нестабильности. Большинство израильтян, живущих в США и других странах мира, сохраняет прочные эмоциональные связи с родиной; многие из них выражают желание вернуться в страну. В последние годы заметно увеличение числа возвращающихся в Израиль эмигрантов. Следует отметить, что решение многих из них было обусловлено различными правительственными программами по оказанию помощи возвращающимся. Было бы ошибкой полностью исключить живущих за границей израильских эмигрантов из расчетов будущего демографического баланса в стране. Реальное улучшение экономической ситуации в Израиле приведет к дальнейшему сокращению эмиграции и станет действенным стимулирующим фактором процесса реэмиграции. Этот процесс может вернуть на родину многих преуспевающих бизнесменов, способных внести существенный вклад в развитие израильской экономики.

Более всего экономическая ситуация в Израиле влияет на масштабы еврейской репатриации из стран диаспоры. Именно репатриация является важнейшим фактором благо-

приятных демографических перемен в нашей стране. Алия всегда была ключом к успеху сионистского начинания - в течение многих десятилетий ее влияние было сильнее, чем совокупное воздействие всех остальных демографических факторов, определяющих соотношение между численностью еврейского и арабского населения в Эрец-Исраэль.

Даже в те дни, когда шансы на успех сионистского начинания казались мизерными и в высшей степени сомнительными, мечта о массовом возвращении евреев в Сион была источником силы и надежды для первопроходцев. Алия превратила пустынную и засушливую землю, редкое арабское население которой в десять раз превосходило численность крошечной еврейской общины, в современное Государство Израиль, где евреи составляют значительное большинство - даже с учетом арабского населения территорий, занятых в 1967 году.

Алия и сегодня сулит Израилю главные надежды на стабильное и благополучное будущее. Только в странах СНГ проживает 2-3 миллиона евреев - больше, чем общее число арабов, живущих к западу от Иордана. Статистические оценки еврейского населения в Советском Союзе были существенно занижены, поскольку в течение многих лет советские евреи без особого восторга декларировали свое еврейство. Не исключено, что действительная численность еврейского населения в странах СНГ выше указанных цифр. Сегодня уже не вызывает сомнения, что почти все евреи России, Украины и других бывших советских республик репатрируются в Израиль, если политико-экономическая ситуация в странах их проживания не изменится к лучшему - и если Израиль сумеет обеспечить прибывающим репатриантам нормальные условия занятости. До настоящего времени более миллиона советских евреев обратились к Израилю с просьбой о разрешении на репатриацию; их примеру могут последовать многие другие.

Мало что может удержать евреев в СНГ: шансы на процветание России в ближайшем будущем весьма невелики,

поскольку коммунизм лишил советские республики капитала и оставил их без каких-либо навыков в области предпринимательства, необходимых для ориентации в современной экономике и для руководства ею. В свете наблюдаемого в большинстве регионов СНГ экономического кризиса и обусловленной им эпидемии антисемитизма, приходится признать, что мощному потоку еврейской репатриации из СНГ препятствует сегодня только один фактор - ограниченный абсорбционный потенциал израильской экономики. Таким образом, речь снова идет о факторе, подверженном - в значительной мере - целенаправленному воздействию израильского правительства.

Массовая репатриация евреев из бывшего Советского Союза, начавшаяся на исходе 80-х годов, не должна стать последней в летописи сионизма. Во Франции еврейское население насчитывает сегодня почти миллион человек. Около 100.000 евреев проживает в Южной Африке, 300.000 - в Аргентине. При этом во Франции в последние годы наблюдается вспышка антисемитизма, порожденная шовинистической пропагандой ультраправых, а будущее еврейской общины в ЮАР находится в зависимости от драматических социальных перемен, переживаемых этой страной. Социально-политическая динамика в указанных государствах, вкупе с улучшением экономического положения в Израиле, может привести к дополнительным всплескам массовой алии. То же самое относится к десяткам иных стран диаспоры, и среди прочих - к Соединенным Штатам и Канаде, где имеется колоссальный еврейский демографический потенциал, использовать который Израилю пока не удалось.

История сионизма - это история еврейской репатриации в Эрец-Исраэль, и именно этот фактор определит демографическое будущее Государства Израиль. Если бы израильское руководство равнодушно приняло рекомендации пессимистов, заявлявших совсем недавно, что время массовой алии безвозвратно ушло, и разглагольствующих сегодня о

наступившей "постсионистской эре", еврейское государство оказалось бы на пути к историческому краху. Гарантией будущего Израиля и решением его демографических проблем является продолжение еврейской репатриации, призванной восполнить нашему народу чудовищные потери, понесенные в результате нацистского геноцида. Те еврейские массы, на которые рассчитывали отцы - основатели сионизма, были уничтожены нацистами в Европе, и лишь долгие годы постепенного собирания рассеянных смогут, хотя бы частично, компенсировать нам эту невыносимую потерю. Таким образом, борьба за продолжение алии - это борьба за обеспечение будущего Израиля.

Проводя правильную политику поощрения репатриации и рождаемости, Израиль может удвоить свое еврейское население в течение ближайших двух десятилетий. Многим евреям эта цель кажется сегодня недостижимой, но не так оценивают ситуацию наши враги. Несмотря на громогласные славословия "торжествующей арабской матке", лидеры арабов прекрасно понимают значение демографического потенциала, связанного с продолжением алии. Постоянное увеличение еврейского населения Израиля впечатляет их гораздо больше, чем расхожие демографические прогнозы. Именно по этой причине арабы вели и ведут бескомпромиссную борьбу против еврейской репатриации в Эрец-Исраэль - они видят в ней решающий фактор, который определит исход демографического противоборства.

По сути дела, арабская борьба против Израиля традиционно ведется в двух плоскостях: географической и демографической. С одной стороны, арабы пытаются предельно ужать границы Израиля, с другой - подорвать доминантные еврейские позиции внутри нашей страны посредством активного противодействия репатриации. Увеличение еврейского населения Израиля за неполных полвека трудно не считать поразительным: с 600.000 тысяч человек в 1948 году до почти четырех с половиной миллионов ко второй половине 90-х.

Но и этого впечатляющего прироста недостаточно для создания устойчивой демографической базы, обеспечивающей стабильное существование армии, развитие экономики и полноценное функционирование иных сфер государственной жизни. Четыре миллиона человек - это совсем не много, когда речь идет о нации.

Гражданам Израиля приходится дорого расплачиваться за свою относительную малочисленность: долго служить в армии, платить высокие налоги, мириться с низкими стандартами в некоторых существенных областях повседневного существования. Когда огромная часть ресурсов нации тратится на обеспечение ее выживания, когда лучшие умы работают над решением оборонных задач, когда те, кто могли бы стать замечательными учеными, промышленниками, художниками и поэтами, должны посвящать свою жизнь защите отечества, и когда многие из них погибают на полях сражений, - народ платит ужасную цену: в жертву приносятся несделанные научные открытия, нереализованные экономические инициативы, ненаписанные художественные полотна и несозданные литературные произведения. Если бы население Израиля было более многочисленным, это позволило бы распределить бремя национальной обороны между большим числом граждан, сделать его менее тяжелым и высвободить, таким образом, значительные творческие силы для плодотворной деятельности в иных областях национальной жизни.

Таким образом, прибытие в Израиль каждого нового еврея является неопределимым вкладом в коллективное благополучие и человеческое богатство нашей страны. И напротив, попытка ограничить алию - по крайней мере, до тех пор, пока критическая масса еврейского населения Израиля не будет гарантирована самым надежным образом, - является верным рецептом национального самоуничтожения (для прояснения картины здесь можно упомянуть о поучительной участи, постигшей христианское государство в Ливане). В этом отношении вполне согласно мыслят как

многие израильтяне, так и арабские лидеры. Точку зрения ООП по данному вопросу ясно выразил член исполкома этой организации, один из руководителей арафатовского ФАТХа Махмуд Аббас, более известный по кличке "Абу-Мазен" (именно он подписал вместе с Арафатом злополучное Норвежское соглашение между Израилем и ООП):

"Чтобы понять опасность еврейской иммиграции, следует вспомнить о том, что население Израиля (в момент провозглашения государства)... составляло всего 600.000 человек... Я уверен, что если бы численность его населения оставалось на таком же уровне, Израиль не дожил бы до сегодняшнего дня. Иммиграция для Израиля столь же важна, как артерия для сердца, и она питает израильскую экономику солдатами, рабочими и фермерами. Поэтому мы рассматриваем (еврейскую) иммиграцию как самый серьезный вызов, брошенный арабскому народу"/20.

Признание непосредственной связи между еврейской репатриацией и перспективами сионистского начинания в Эрец-Исраэль является той причиной, в силу которой почти все арабские лидеры всегда выступали против алии (за некоторыми малочисленными исключениями, имевшими место до кровавого арабского мятежа 1936 года). Организованные Хадж-Амином эль-Хусейни погромы 1920-21 гг. сопровождались требованиями о прекращении еврейской иммиграции в подмандатную Палестину. В 1921 году арабские погромщики убили только что сошедших на берег еврейских репатриантов в Яффо. Требования прекратить алию выдвигались инициаторами арабского мятежа в 1936-39 гг., и Британия, желавшая восстановить спокойствие в Палестине, почти полностью их удовлетворила. Во время Второй мировой войны иерусалимский муфтий Хадж-Амин эль-Хусейни продолжил борьбу против еврейской репатриации из Берлина, где он нашел соответствующих

союзников. "Я считаю себя личным другом Великого муфтия,- заявил главный организатор нацистского геноцида Адольф Эйхман. - Я пообещал ему, что ни один европейский еврей не въедет в Палестину"/21.

Даже в 1945 году, когда стало известно, что три четверти евреев Европы уничтожены нацистами, арабские лидеры постоянно телеграфировали союзникам, угрожая им начать "джихад" против собственного еврейского населения в том случае, если репатриация в Эрец-Исраэль не будет немедленно и полностью прекращена/22. Попытка евреев эмигрировать из арабского государства в подмандатную Палестину стала рассматриваться как уголовное преступление, наказываемое смертью. В то же время евреев, проживавших в арабских странах, лишали гражданства и имущества, подвергали унижениям и преследованиям. Провозглашение Государства Израиль вызвало новую вспышку ненависти к евреям в арабских странах, результатом которой стали кровавые погромы и санкционированные репрессии/23.

В 1947 году арабские государства довели до всеобщего сведения, что поддержка, оказываемая Западом еврейской репатриации и государственности, не останется без ответа. "Если проблема Палестины не будет решена удовлетворительным образом, мы едва ли сможем защитить безопасность евреев в арабском мире", - открыто заявил сирийский представитель в ООН/24.

По иронии судьбы, одной из величайших ошибок арабских лидеров стало преследование евреев и выталкивание их из арабских стран в разгар Войны за Независимость (1948). Погромы, грабежи и репрессии превратили в беженцев почти все еврейское население арабских стран. Лишившись элементарных прав и нажитой собственности, евреи были вынуждены репатрироваться в Израиль, что более чем удвоило еврейское население нашей страны в годы, последовавшие за провозглашением независимости. Осознав свою роковую ошибку, арабские режимы попытались

воспрепятствовать продолжению еврейской репатриации путем блокирования с Советским Союзом и его коммунистическими сателлитами в Восточной Европе. Миллионы евреев в странах советского блока оказались на положении граждан второго сорта. Им мешали изучать иврит и реализовывать свои еврейские устремления, против них была направлена машина государственного антисемитизма. В начале 50-х годов евреям Советского Союза угрожала страшная опасность санкционированных массовых погромов и принудительной депортации в удаленные районы, и только смерть Сталина отвела от них эту угрозу. После впечатляющей победы, одержанной Израилем в 1967 году, в СССР возникло сионистское движение, участники которого требовали для евреев права на свободную репатриацию. Под давлением Государства Израиль и еврейских общин Запада это требование превратилось в одну из тем американо-советских переговоров периода разрядки. По инициативе сенатора Генри Джексона, американский конгресс довел до сведения советских лидеров, что СССР не получит от США зерна и кредитов, если эмиграционная политика Кремля не претерпит существенных изменений. Американское давление дало определенные результаты: в 70-е годы ворота советской тюрьмы приоткрылись и около 200.000 евреев сумели репатриироваться в Израиль.

Арабы попытались добиться от Брежнева немедленного прекращения еврейской эмиграции, однако им было в этом отказано. В 1979 году советская агрессия в Афганистане приостановила процесс американо-советского сближения, и СССР лишился некоторых существенных льгот в торговле с США. Теперь у кремлевского руководства не было больше причин держать ворота своей страны открытыми; еврейская эмиграция была прекращена на целое десятилетие, лидеры и активисты сионистского движения в СССР оказались перед лицом жестоких репрессий.

Но ворота, запертые Брежневым, были вновь распахнуты Михаилом Горбачевым, положившим начало политике гла-

ности и перестройки. С 1989 года евреи, желающие выехать из СССР (а затем - СНГ), не сталкиваются более с существенными препятствиями.

В 1990-92 гг. имел место массовый исход евреев из России, Украины и других бывших советских республик - в Израиль прибывали тогда до 200.000 репатриантов в год (5% всего еврейского населения страны). В 1990 году в Израиль были доставлены также 15.000 эфиопских евреев. Параллельно с этим усилилась еврейская репатриация из Румынии и иных государств Восточной Европы. На исходе XX столетия перед Израилем открылись новые замечательные перспективы, связанные с возобновлением и продолжением алии.

Эти перспективы не остались незамеченными. В 1990 году арабы усилили давление на Запад, требуя остановить устремившийся в Израиль поток еврейских беженцев. Представители арабских государств и ООП выступали с этим требованием во всех западных столицах и в Москве/25. Они утверждали, что израильское правительство намерено расселить репатриантов в Иудее и Самарии, лишив арабов принадлежащей им земли. Озабоченные лидеры западных держав направили в Израиль своих посланцев, уполномоченных проверить справедливость этого утверждения, и те без особого труда установили истину: менее одного процента репатриантов избрали в качестве места жительства поселения Иудеи, Самарии и Газы. Поступившие не были понуждаемы или поощряемы к этому правительственной политикой/26. Вскоре выяснилось, что яростное сопротивление арабов еврейской репатриации не было вызвано специфическими опасениями за судьбу арабских земельных владений в Иудее и Самарии. Оно было направлено против еврейского присутствия в любой части Эрец-Исраэль.

Так, например, конференция министров иностранных дел Лиги арабских государств, созванная по инициативе Саддама Хусейна и Ясера Арафата за несколько недель до иракского вторжения в Кувейт, потребовала "принять самые су-

ровые меры против всех сторон, органов и организаций, содействующих каким бы то ни было образом еврейской иммиграции в Палестину, особенно в финансовом и транспортном отношении..."/27. Выражая широко распространенное в арабском мире чувство, Саддам Хусейн заявил тогда: "Тот довод, что (иммигранты) не должны жить на арабских землях, оккупированных в 1967 году, недостаточен, поскольку новые иммигранты, где бы они ни находились, укрепляют израильское общество"/28.

Сходной была и реакция ООП, которую представил член Революционного совета ФАТХа Абу-Дауд:

"Сяонистское государство в Палестине невозможно без иммиграции. Когда еврейская иммиграция прекратится, в этом государстве начнется процесс дезинтеграции и распада... Должны быть приняты меры против каждого иммигранта, против каждого, кто принимает участие в судьбе иммигрантов, кто финансирует их доставку, кто помогает их абсорбции, а также против тех, чьи самолеты помогают перевозить иммигрантов"/29.

Видя, что мечта всей его жизни тает у него на глазах, Арафат вернулся к надежному и испытанному оружию террора (это произошло всего лишь через четыре месяца после его женеvского выступления с "осуждением" терроризма):

"Я хочу сказать ясно: открывайте огонь по новым еврейским иммигрантам, - будь они из Советского Союза, Эфиопии или еще откуда-нибудь. Для нас было бы позором, если бы мы, не шевельнув пальцем, смотрели на орды иммигрантов, завоевывающих наши земли и расселяющихся на наших территориях. Я хочу, чтобы вы стреляли в них на земле или в небе - в каждого иммигранта, возомнившего нашу землю игровой площадкой, приезд на которую он считает увеселительной прогулкой... Не имеет значения, живут они в Яффо, или в Иерихоне. Я

даю вам ясное и однозначное указание - открывайте огонь. Сделайте все возможное, чтобы остановить поток иммиграции"/30.

Призыв Арафата был услышан. В декабре 1991 года в Будапеште взорвалась машина, начиненная динамитом: это произошло в тот момент, когда рядом с ней проезжал автобус с еврейскими эмигрантами, направлявшимися в Израиль. По счастливой случайности, попытка повторить убийство репатриантов, совершенное семьдесятю годами раньше в Яффо, не удалась (при взрыве в Будапеште погиб сопровождавший автобус венгерский полицейский)/31.

Объявленная Арафатом война против еврейской репатриации вскоре отошла на второй план, поскольку всеобщее внимание переключилось на другую арабскую проблему. Когда в августе 1990 года Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, арабы вдруг поняли, что у них есть задачи посерьезнее, и старательно раскрученное колесо антирепатриационной пропаганды со скрипом остановилось. Война в Персидском заливе нанесла Израилю тяжелый финансовый и психологический ущерб, однако она обеспечила нам передышку в борьбе за продолжение массовой репатриации. Хотя и в меньших количествах, репатрианты из России продолжали прибывать в Израиль даже в самые тяжелые дни иракских ракетных обстрелов. В аэропорту им. Бен-Гуриона, едва спустившись с трапа самолета, они получали вместе со своими первыми израильскими документами противогазы. Даже опасность химической атаки не могла заставить их провести еще несколько недель в Советском Союзе, который балансировал тогда на грани коммунистического переворота.

По окончании войны в Персидском заливе арабы возобновили свою кампанию, направленную против репатриации евреев в Израиль. Теперь они обратились к администрации США с требованием не предоставлять израильскому правительству кредитных гарантий на нужды абсорбции.

Арабские режимы, спасенные Соединенными Штатами от угрозы, исходившей со стороны Саддама Хусейна, с исключительной наглостью потребовали от Вашингтона "награды" за свое участие в антииракской коалиции. Как это ни странно, Вашингтон счел возможным уступить арабскому нажиму. Во время войны в Персидском заливе Белый дом тормозил рассмотрение израильской просьбы о кредитных гарантиях - несмотря на готовность Израиля безропотно терпеть иракские ракетные удары ради сохранения целостности созданной американцами коалиции. После войны США вернулись к политике отказа. Свою позицию они не могли аргументировать экономическими соображениями - ведь Израиль просил Вашингтон не о финансовой помощи и даже не о ссудах, а о кредитных гарантиях на получение ссуд в коммерческих банках. Прямая стоимость этих гарантий для правительства США была мизерной. При этом невозможно сказать, что в момент поступления израильской просьбы Соединенные Штаты находились в тяжелом экономическом положении и не имели возможности помочь своему союзнику - ведь накануне Войны в Персидском заливе Белый дом без каких-бы то ни было условий предоставил Саддаму Хусейну кредитные гарантии на сумму в 500 миллионов долларов/32.

Американская администрация объяснила свою позицию не экономическими, а политическими соображениями. Белый дом выразил опасение, что средства, полученные по американским кредитным гарантиям, будут использованы Израилем на строительство еврейских поселений на "оккупированных территориях". Израильскому правительству было заявлено, что оно сможет получить кредитные гарантии только в случае полного "замораживания" строительства во всех поселениях, в том числе - и в уже существующих. При этом правительство США было прекрасно осведомлено о том, что лишь очень небольшая часть репатриантов из России и Эфиопии избирает в качестве места жительства поселения Иудеи, Самарии и Газы. Белому дому было изве-

стно также и о возможности вычесть сумму израильских ассигнований, используемых для строительства на территориях, из общего объема обычной финансовой помощи, предоставляемой Соединенными Штатами Израилю. Тем не менее, американская администрация предпочла увязать такой первостепенный гуманитарный вопрос, как содействие абсорбции еврейских беженцев, с политическими требованиями арабов.

Занятая американцами позиция была ошибочна по двум причинам. Во-первых, она была совершенно несостоятельна в моральном отношении - как если бы организованная с американской помощью воздушная перевозка эфиопских евреев доставила бы их обратно в Эфиопию, где они должны были бы оставаться до тех пор, пока Израиль не согласится на те или иные уступки в Иудее и Самарии. Во-вторых, действия США были также политической ошибкой, поскольку они побудили арабов ужесточить выдвигаемые ими требования. Зачем арабам уступать Израилю, когда США добиваются израильских уступок, не требуя от арабской стороны ничего взамен?

Моральная позиция Соединенных Штатов была бы более состоятельна, если бы они просто отказали Израилю в кредитных гарантиях. Вместо этого США отказались рассматривать гарантии в качестве экономической проблемы и превратили их в часть грубого политического ультиматума, заставляющего Израиль "выбирать между иммиграцией и оккупацией". Всякому ясно, что "заморозить поселения" - это значит положить конец израильскому присутствию в "замороженных" зонах. Поэтому когда Соединенные Штаты требовали полного замораживания еврейского строительства на территориях, они ставили Израиль перед выбором: обойтись без кредитных гарантий на нужды абсорбции или начать процесс возвращения к уязвимым границам, существовавшим до 1967 года. Другими словами, Израилю предлагался выбор между двумя формами удушья - демографического или географического. По сути дела, здесь, как

и в библейском рассказе про Соломонов выбор, никакого реального выбора Израилю не предлагалось.

В конце концов, был достигнут компромисс, и левое израильское правительство, созданное в 1992 году, объявило о "замораживании нового строительства" в Иудее, Самарии и Газе, продолжая строить жилье на объектах, заложенных в период правления Ликуда. Этот компромисс позволил Белому дому избежать открытого и острого конфликта с Израилем в самый разгар американской предвыборной кампании. В то же время, достигнутый компромисс стал гарантией того, что евреи по-прежнему вправе селиться на освобожденной территории Иудеи, Самарии и Газы.

И, все же, несмотря на вполне понятную туманность формулировок, кое-что было безвозвратно утрачено Израилем в результате этого компромисса. Под арабским давлением США впервые попытались диктовать Израилю условия в сфере, имеющей самое непосредственное отношение к обороноспособности нашей страны, - и добились при этом частичного успеха. Арабам удалось привлечь Вашингтон к своей кампании, направленной против репатриации евреев в Израиль. С арабской точки зрения, это было очень обнадеживающее начало. Долгая арабская борьба против еврейской репатриации, таким образом, прошла полный круг. В 20-30-е годы арабы сумели убедить Великобританию принять серию ограничительных постановлений, препятствующих еврейской эмиграции из Европы, где все явственнее становилась угроза нацистского геноцида ("Белые книги" 1922, 1930 и 1939 гг.). В 90-е годы арабы сумели привлечь к своей борьбе Соединенные Штаты, занявшие место Британской империи в послевоенном мире. Теперь их действия были направлены против еврейской эмиграции из СССР/СНГ, где после падения коммунизма воцарилась угрожающая нестабильность.

Никто не может точно предсказать, что произойдет в России, на Украине и в других государствах, занявших место бывшего Советского Союза. Но долгий опыт жизни в изг-

нании научил евреев следующему: когда власть в той или иной стране переходит из рук государей и аристократии в руки народных масс, когда на политическую арену выходят силы, сознательно разжигающие популистские настроения, евреям угрожает реальная опасность. Этот важный урок применим и в рассматриваемом нами случае падения коммунистической олигархии в Советском Союзе.

Коммунистический режим в СССР был жестоким и деспотичным, однако, начиная с 50-х годов, после прихода к власти Никиты Хрущева, он, по крайней мере, обеспечивал советским гражданам - и евреям, в частности - элементарную физическую безопасность. Нет никакой уверенности в том, что эта официальная защита сохранится в республиках СНГ в условиях нынешней политической и социальной нестабильности. В некоторых бывших советских республиках антисемитизм пестуется не только как идеология, но и как организованная, в отдельных случаях - вооруженная, сила. Разнородные экстремистские организации открыто призывают там к "окончательному решению еврейского вопроса", используя в своей пропаганде гитлеровские лозунги и формулировки. Выборы, проведенные в России весной 1994 года, привели к заметному увеличению парламентского представительства правых сил, не гнушающихся антисемитской риторики. Эти опасные тенденции могут мгновенно усугубиться в том случае, если нынешний шаткий порядок в странах СНГ рухнет и уступит место откровенному политическому хаосу. Вышесказанное определяет двойную важность еврейской репатриации из данного региона: как в качестве меры, направленной на спасение евреев от нависшей над ними угрозы, так и в качестве позитивного процесса, отвечающего глубочайшим интересам Государства Израиль.

Почему же, в таком случае, все евреи бывшего Советского Союза не репатрируются в Израиль немедленно? Точно такой же вопрос можно было адресовать евреям Европы в 30-е годы. Большинство европейских евреев предпочло

тогда остаться на склонах дымящегося вулкана в надежде на то, что извержения не произойдет. Из тех же, кто решился на отъезд, многим было некуда направиться, поскольку государства мира отказали еврейским беженцам в праве на убежище, а британские власти, уступив арабскому давлению, закрыли перед евреями ворота подмандатной Палестины. Сегодня евреям Восточной Европы, осознающим опасность антисемитизма, известно о том, что суверенное еврейское государство в Эрец-Исраэль готово принять их. Им, однако, известно и о том, что это государство далеко не всегда способно обеспечить новоприбывших достойной работой и приемлемым жильем.

Израильское хозяйство, в котором все еще не изжиты остатки бывшего централизма, не справляется с абсорбцией огромного числа репатриантов в кратчайшие сроки, обусловленные нынешней ситуацией. Российские евреи продолжают приезжать в Израиль, но уже гораздо более медленными темпами, чем в рекордные для алии 1990-91 годы. Спад темпов репатриации обусловлен, в значительной степени, письмами и телефонными сообщениями об удручающем положении на рынке труда в Израиле. И поскольку сегодня, как и в 30-е годы, ни одно государство мира, кроме Израиля, не готово принять на своей территории существенное количество еврейских беженцев, многие евреи вынужденно остаются в СНГ, несмотря на очевидную угрозу их благополучию и безопасности, исходящую со стороны воинствующего антисемитизма.

Таким образом, сионизм оказался сегодня перед лицом уникального экзамена на историческую состоятельность. Миллионы евреев мира чувствуют, что почва колеблется у них под ногами. Они готовы прислушаться к обновленному сионистскому посланию, исходящему на этот раз из суверенного еврейского государства, которого не существовало в 30-е годы и которое боролось за свое физическое выживание в 50-е. Сегодняшний Израиль с его четырехмиллионным еврейским населением, с его высоким уров-

нем научного и технологического развития, с его мощной армией, - сегодняшний Израиль может вдохнуть новую жизнь в обновленный сионистский призыв, обращенный к еврейскому народу на пороге XXI века.

С помощью нынешней алии Израиль способен гарантировать себе критическую массу населения и, тем самым, осуществить принципиальную цель сионистского движения, которая оставалась недостижимой в течение столь длительного времени. Герцль, Нордау и Пинскер не утверждали, что все евреи мира должны будут жить в еврейском государстве, но они верили в то, что в этом государстве соберется большинство еврейского народа. Сегодня ситуация, при которой в Израиле будет проживать более половины евреев мира, не является более далекой мечтой, но становится конкретной практической целью, которая может быть достигнута уже в начале следующего столетия.

Речь идет об уникальной исторической возможности, впервые представившейся ныне еврейскому народу. В первой половине XX столетия массовой алии препятствовали сначала турецкие, а затем британские власти, правившие в Эрец-Исраэль. Во второй половине века ворота Государства Израиль отворились, однако Кремль в течение длительного времени лишал потенциальных репатриантов возможности покинуть Советский Союз. После падения коммунизма ворота алии раскрылись с обеих сторон - впервые в XX веке. Начиная с 1989 года, никакие внешние препятствия не мешают евреям диаспоры репатрироваться в Израиль. Это поистине историческая перемена, значение которой еще не до конца осознано в нашей стране.

Никто, однако, не может быть уверен в том, что нынешнее положение будет долговечным. Так, например, нестабильность существующего в СНГ политического режима может привести к победе диктаторских сил, способных ввести новые ограничения на свободу эмиграции (в 1994 году подобная возможность вдруг оказалась весьма реальной на Украине). Поэтому Государство Израиль обязано

максимально использовать исторический шанс, представившийся ныне еврейскому народу. Израиль должен всемерно содействовать массовой репатриации, а для этого необходимо изменить положение в нашей стране таким образом, чтобы сделать ее центром естественного притяжения для евреев диаспоры.

В 1990-91 гг. правительство Ликуда оказалось перед лицом острейших проблем в области абсорбции и обеспечения новоприбывших жильем и работой. Это правительство осознавало стоящую перед ним историческую задачу и распределяло национальные ресурсы соответствующим образом. Трудно сказать то же самое о правительстве партии Труда, созданном в середине 1992 года. Левый кабинет не видел особенной срочности в решении проблем абсорбции и в содействии массовой алии. Более всего он был озабочен поисками призрачного мира с арабскими партнерами, не достойными какого бы то ни было доверия. Левые лидеры не сумели понять, что массовая алия является самым надежным фактором установления прочного мира между Израилем и его арабскими соседями.

Волны массовой алии способны похоронить арабскую мечту о постепенном размывании и уничтожении Государства Израиль - подобно средневековому государству крестоносцев, не устоявшему под натиском мусульманского окружения (кстати, именно эта параллель особенно любима арабскими пропагандистами). Массовая алия является решающим фактором, призванным вынудить арабов на действительное примирение с Израилем: твердое демографическое положение евреев в Эрец-Исраэль и сохранение надежных географических рубежей еврейского государства заставят арабов признать, что существование Израиля является необратимым фактом. Поэтому вопрос заключается в том, каким образом сионизм сумеет реализовать колоссальный потенциал еврейской репатриации, не допустив при этом значительной эмиграции из Израиля. Положительный ответ на этот вопрос определит демографическое

будущее Израиля в гораздо большей степени, нежели мальтузианские выкладки профессиональных демографов. Вышесказанное ни в коем случае не означает, что "демографической проблемы" не существует. Такая проблема стоит перед Израилем, но ее истинный характер отнюдь не столь драматичен, как утверждают убежденные сторонники отступления. Я верю, что Государство Израиль и еврейский народ смогут найти решение этой проблемы. Будущее Израиля не является детерминистской проблемой ньютоновской физики, но представляет собой проблему выбора политической линии - а также энергии и разума, необходимых для настойчивого воплощения ее в жизнь.

***

Репатриация миллионов евреев в Израиль не произойдет автоматически. Не станет она также результатом какого-то решительного шага. Масштабное передвижение еврейского народа может быть вызвано только тремя разными, но согласованными усилиями: в умах евреев всего мира должны взойти семена обновленного сионизма, должен быть заключен прочный мир между Израилем и государствами Ближнего Востока, должна быть проведена серьезная реформа политической и экономической системы самого Израиля.

Первым требованием является систематическое воспитание, имеющее целью иммиграцию в Израиль, во всех еврейских общинах мира, начиная с тех стран, где будущее евреев поставлено под сомнение. Евреям, живущим в таких государствах, необходимо разъяснить мысль Герцля о еврейском государстве как о гавани. Однако эта мысль обращена и к тем евреям, которым не угрожает опасность: ведь Герцль верил, что еврейское государство необходимо не только для физической защиты евреев, но и для полноты

их внутренней жизни. Еврейское государство - такое место на земле, которое евреи смело могут назвать домом, без замешательства и страха. Именно этим, более всего, объясняется притягательность сионизма - обещанием достойной жизни для евреев, и эта притягательность гораздо более сильна и важна, нежели простое обещание защитить от воинствующего антисемитизма или обеспечить лучшие экономические условия. Донести это послание до миллионов евреев во всем мире и воспитать здоровые установки, которые подтолкнут еврейский народ, заставив его стремиться к новой, суверенной и достойной, жизни - такова первостепенная задача, стоящая перед Израилем и еврейским народом. К этой теме мы вернемся в десятой главе.

Во-вторых, евреи диаспоры, которые обдумывают возможность приезда в Израиль, должны быть уверены в неизменности и прочности существования Израиля на Ближнем Востоке. Поддержание этой уверенности с помощью создания основ прочного и безопасного мира является второй - трудной и огромной - проблемой, стоящей перед Израилем. Об этом мы поговорим ниже - в девятой главе.

При всей важности двух этих задач сами по себе они не могут привести к возрождению сионизма, если не будут сопровождаться необходимыми экономическими и политическими реформами в самом Израиле. Если в Израиле не будет стабильной экономики, то сионистская мотивация и политическая безопасность недостаточны в деле привлечения миллионов евреев в Израиль. Судьба Советского Союза ясно показала, что там, где нет работающей экономики, нет и безопасности. Однако труднопреодолимые барьеры, воздвигнутые укрепившейся и бесполезной израильской бюрократией, уничтожают деловую инициативу евреев Израиля и диаспоры, тем самым мешая Израилю использовать энтузиазм талантливого народа. Если бы Израиль разрушил эти барьеры, то открылись бы огромные новые возможности для привлечения в Израиль миллионов евреев всего мира.

Перестройка израильской экономики, появление гибкого и богатого свободного рынка приведет к новой иммиграции евреев из бывшего Советского Союза и к выезду сотен тысяч иммигрантов из других стран, в том числе, из Соединенных Штатов. Израиль уже имел опыт чудесного удвоения своего населения в первые годы существования государства, однако прием и обустройство бездомных беженцев в 50-е годы нельзя сравнивать со сложными социальными условиями приема иммигрантов в 90-е годы. Израиль с многомиллионным еврейским населением мог бы стать серьезной силой на мировой арене. Он мог бы обладать экономической и технологической базой, необходимой для поддержания военной безопасности и политической независимости.

Реформирование экономики Израиля - непростая задача. Парадоксально, но все попытки реформ были не вполне состоятельны в силу того факта, что экономика не достигла грани бедствия, как это произошло с экономиками стран Восточной Европы. В Будапеште, Варшаве и Праге продолжают радикальные преобразования в направлении свободной экономики, несмотря на все связанные с такими изменениями лишения, потому что достаточное число людей знает, что другого выхода просто нет - командная экономика вчерашнего дня потерпела самое жалкое поражение, предложив жизненные стандарты Третьего мира населению, имеющему первоклассное образование. В Израиле же, где модифицированная командная экономика существует почти пятьдесят лет, ее результаты оказались не ужасными, а просто посредственными. Рабочие, которые должны были бы производить продукции ежегодно примерно на 20 000 долларов на душу населения, производят, в лучшем случае, половину. Израильяне производят в два-три раза больше товаров, чем производили их коллеги в Восточной Европе, однако этот уровень вдвое ниже производительности рабочих в таких странах, как Соединенные Штаты и Германия/32.

Экономическое положение Израиля, возможно, нельзя назвать замечательным, однако же оно и недостаточно дурное, чтобы привести общественное мнение к мысли о необходимости заменить командную экономическую систему. Без пересмотра экономических основ Израиль будет катиться по накатанным рельсам и даже будет делать скромные экономические успехи, однако он, безусловно, не сможет привлечь в страну огромный предпринимательский потенциал рассеянного по всему миру еврейского народа. Еврейские бизнесмены энергично вкладывают средства в такие далекие страны как Мексика, Венгрия и Сингапур. Многие из них пытались начать дело в Израиле и обожглись - поскольку им пришлось месяцами, а иногда и годами ждать разнообразных разрешений и подтверждений от подлинно "византийской" израильской бюрократии.

Мнение, согласно которому только установление мира приведет к подъему израильской экономики, является всего лишь слабым оправданием для удержания Израиля в экономических цепях. Конечно, мир улучшил бы экономический климат и, вероятно, покончил бы с арабским бойкотом, но серьезный подъем в экономике будет иметь место только в том случае, если она освободится от избыточного государственного контроля. То, что многие заграничные еврейские бизнесмены с ужасом отступили перед многочисленными препонами - это великолепно доказывает, что случилось бы, если бы эти препятствия для бизнеса были устранены.

Первым вопросом повестки дня является, следовательно, широкомасштабная отмена бесчисленных кодексов, лицензий, ограничений и налогов, которые встречают любое деловое начинание на первом же шагу. Например, вы не можете построить завод, не купив сначала землю, что означает получение разрешения от нескольких муниципальных и национальных учреждений. Вы не можете пользоваться даже водой, электричеством, дорогами и линиями связи - без специальных дозволений министерства сельского

хозяйства, министерства финансов, министерства транспорта и министерства связи соответственно. Вы не можете принять людей на работу - а впоследствии уволить их - без согласия Гистадрута, профсоюза, объединяющего 82% работающих. Гистадрут даже более могуществен, чем многие министерства.

Можно ли уменьшить эту чрезмерную заорганизованность? На примерах других стран нам известно, что в своем классическом анализе бюрократии Макс Вебер ошибался: бюрократии могут сокращаться, по крайней мере, в том, что касается их вмешательства в экономическую активность. Впервые это было доказано в Германии в 60-е годы, затем, в 80-е годы - в Испании и Великобритании и в 90-е годы - в странах Восточной Европы. Повсюду, где ограничивается вмешательство правительства в экономику, расширяется приток капитала и растет предпринимательская активность. Это могло бы произойти и в Израиле, однако, здесь, как и повсюду, подобное изменение экономики предполагает политическую волю. Ибо экономические проблемы Израиля являются, в сущности, проблемами политическими. "Дикие побеги" бюрократии выгодны нашим министрам. Лишь очень немногие из них готовы отказаться от политического влияния и протекционистских функций, которыми бюрократия наделяет всех, кто имеет к ней непосредственное отношение. До настоящего момента премьер-министр, который хотел ограничить власть какого - либо министерства или министра, оказывался перед перспективой потери власти. Ибо в политической системе Израиля, который имеет самый маленький парламент в мире и партии которого должны объединяться в коалицию, чтобы придти к власти, любой министр может отправить правительство в отставку. Так что не только каждый министр может угрожать премьер-министру, но и многие члены Кнессета, обладающие достаточной волей и жесткостью, могут стать обладателями министерского портфеля - безотносительно к их пригодности для этой должности.

Как Израиль угодил в это экономическое болото и как он может выбраться из него? С самого начала идеологическим основанием израильской экономики был социализм - для страны, которая начинает все с самого начала, социалистические методы управления были неплохим способом быстрого создания инфраструктуры. В первые годы существования страны правительство не имело возможности опираться на частный капитал в строительстве дорог, больниц, школ и предприятий, необходимых для того, чтобы поставить страну на ноги. Но к началу 60-х годов, когда основная инфраструктура была создана, эта система правительственных капиталовложений и правительственного контроля устарела. Тем не менее, в следующие три десятилетия экономическая и политическая система упрямо отказывалась признать свою непригодность в новых условиях. Это упрямство объясняется не просто бестолковостью. Централизация отлично отвечала интересам сначала партии Труда, которая создала эту систему управления и использовала ее с выгодой для себя, а затем и интересам Ликуда, который с радостью уступил соблазну и взял в свои руки всю централизованную предшествовавшей правящей партией власть. Практически никто из политиков не захотел лишиться и части власти; если кто-либо из израильских политических деятелей и лелеял такие еретические мысли, он сразу же должен был уступить власть своим противникам. Очень немногие исключения не смогли существенно продвинуть страну в направлении децентрализации. Не удалось израильтянам также сформировать кабинет министров, который бы терпимо относился к широкой приватизации контролируемых государством предприятий, число которых достигает 150. Эти правительственные компании проникли в каждый закоулок и в каждую щель промышленной и торговой жизни Израиля - от сферы коммунальных услуг и изготовления карт до заготовки провизии для авиалиний. До сих пор было приватизировано очень немного правительственных предприятий.

Для того чтобы понять, как израильская политическая система сопротивляется обновлению, представим себе, что произошло бы, если бы премьер-министр по-настоящему потребовал от министра X продать компанию Y. Вероятнее всего, министр отказался бы выполнить это распоряжение. В конце концов, он, вероятно, сохранил бы свое кресло, пообещав укомплектовать совет компании Y своими приближенными - привилегия, от которой никто из них не откажется. Если бы премьер-министр продолжал настаивать на приватизации, министр X мог бы вежливо предупредить его, что после следующего голосования вотума недоверия в Кнессете премьер уже не сможет ничего требовать. Таким образом и децентрализация, и приватизация неизменно подавляются израильской политической системой.

Некоторые израильтяне даже уверились в том, что, в отличие от евреев, живущих вне Израиля, их соотечественники меньше предрасположены к деловой активности. Это опровергается опытом многих израильтян, покинувших Израиль ради открытой экономики калифорнийской Силиконовой долины, Шоссе 128 в Бостоне, ради Чикаго, Майами и Торонто, где они великолепно преуспели. С деловыми талантами израильтян все в порядке - не в порядке политическая система, которая лишает их свободы, опутывает сеть ограничений. Экономика Израиля может быстро измениться - по крайней мере, столь же быстро, как изменились экономики Испании и Мексики, когда в этих странах была проведена необходимая либерализация.

Поскольку такое изменение имеет политический характер, первым шагом к решению проблемы должно быть разделение исполнительной и законодательной ветвей власти, которое должно значительно уменьшить всевластие министров, диктат маленьких парламентских фракций, делающих правительство заложником своих мелочных интересов. Если бы премьер-министр избирался не шестьдесятю одним депутатом Кнессета, а непосредственным голосованием миллионов граждан, то он (или она) не был бы столь

уязвим для угроз политиков, стремящихся помешать экономической либерализации. Это дало бы премьер-министру власть назначать (и распускать) кабинет, что ныне является прерогативой главы правительства только на бумаге. Непосредственные выборы главы исполнительной власти дали бы премьер-министру возможность широко приватизировать правительственные корпорации и ограничивать власть бюрократии, не опасаясь быть отстраненным от власти после любого из своих шагов. Это и было главным мотивом, когда я стал одним из инициаторов и защитников нового законопроекта, предусматривающего прямые выборы премьер-министра. Законопроект был принят в 1992 г. и должен определить порядок национальных выборов 1996 г.

Но этого никоим образом не достаточно. Необходимы и другие реформы, которые изменили бы удушающие законы страхования труда и здоровья, дающие возможность Гистадруту парализовать любую меру, которая посягает на его монополию на рабочую силу. Сам Гистадрут является собственником множества огромных неконкурентоспособных предприятий и учреждений, которые время от времени становятся банкротами и спасаются от закрытия с помощью массированных вливаний средств налогоплательщиков. Устранение подобных грубых искажений законов рыночной экономики потребует жестких мер - это несколько напоминает ситуацию в Великобритании в 1980-е годы. Промышленное развитие и более дешевое и широкое жилищное строительство потребуют выставить часть огромных землевладений, находящихся в распоряжении израильской бюрократии, на свободный рынок. Невероятно, но 93% израильской земли является собственностью правительства (для сравнения - в США соответствующая цифра равна 30%)/33. Подобно недавним шагам к децентрализации строительных кодексов - которая за два года уменьшила средний срок строительства дома в Израиле на 35%/34, - эта долговременная мера снизит инфляционные и накладные расходы при строительстве.

Несмотря на назревшее изменение политической системы, никто не может гарантировать, что в Израиле появятся политические лидеры, которые захотят изменить экономическую систему. Горбачев мог оказаться более молодым вариантом Брежнева, и в этом случае изменения в Советском Союзе приняли бы другое направление и пошли бы иными темпами. Радикальная либерализация израильской экономики, столь необходимая для принятия большого числа иммигрантов, произойдет лишь в том случае, если правительство будет и экономически и политически заинтересовано в ней.

***

К сожалению, многие наши политики, как и многие представители интеллектуальных кругов, верят, что Израиль чудесным образом не подчиняется основополагающим экономическим законам, а рыночные силы обходят стороной еврейское государство. Они смешивают тот факт, что Израиль нуждается в обновлении хозяйственной инфраструктуры, в масштабных правительственных капиталовложениях в строительство дорог, электростанций и т.п., с собственной потребностью контролировать промышленность, торговлю и сферу услуг.

Правительство может и должно строить объекты, которые неподъемно дороги для частных компаний, однако во всех остальных областях оно обязано существенно сократить свои полномочия. В действительности, оба этих аспекта оптимальной правительственной политики взаимно обуславливают и дополняют друг друга. Вот классический пример: высококачественные шоссе магистральные повышают производительность промышленных предприятий, а более производительные предприятия приносят налогооблагаемую прибыль, которая позволяет финансировать строительство новых и модернизацию старых дорог.

Децентрализация национальной экономики и снижение налогового бремени, в первую очередь, привлечет внимание израильских предпринимателей, эмигрировавших за рубеж. Тысячи преуспевающих израильских бизнесменов проживают в настоящее время в США, Западной Европе и других частях света. Бывшие израильтяне занимают сегодня ведущие позиции в некоторых крупных коммерческих компаниях. Многие из них мечтают вернуться на родину. Не страдая от языковых и культурных барьеров и, в то же время, умея вести дело на международном уровне, они могли бы оказать существенную помощь в расширении израильского экспорта.

Особую роль в оздоровлении израильской экономики призваны сыграть американские евреи. В грядущем десятилетии их главный вклад мог бы состоять в том, что они исполняли бы роль "экономических репатриантов", то есть, стали бы бизнесменами и менеджерами, занимающими ведущие позиции в создании нового бизнеса в Израиле. Нет в мире людей, более одаренных в области промышленности, торговли и финансов, нежели американские евреи. Постреформенная экономика Израиля могла бы извлечь для себя огромную выгоду из их изобретательности, предприимчивости и энтузиазма. Однако нет никакого сомнения в том, что после надлежащих реформ наша экономика смогла бы привлечь не только бывших израильтян и евреев диаспоры, но и многих нееврейских инвесторов.

Все это вполне по силам Израилю. Тот факт, что политическая реформа набирает обороты, и что идеи экономического либерализма проникают сегодня в сознание многих рядовых израильтян (пусть не по здравому экономическому размышлению, а в силу естественного желания преодолеть зависимость от иностранной финансовой помощи) - свидетельствует о том, что Израиль вполне созрел для крупномасштабных экономических и политических перемен. Политические перемены возможны лишь при условии, если будет преодолено жесткое сопротивление различных интересан-

тов. До 2000 года Израиль будет оставаться ареной борьбы двух противоположных экономических концепций - слишком долго наша страна управлялась феодалами от бюрократии, твердо знающими, что даже смена политического руководства не ослабит их позиций в национальной хозяйственной жизни. Комментируя отсутствие глубинных реформ в экономической политике Израиля за сорок лет попеременного правления партии Труда и Ликуда, один мой коллега сказал: "Большевиков сменили перонисты, которых впоследствии снова оттеснили большевики. Вот и все изменения".

В этой остроте, конечно, не отражены усилия по либерализации национальной экономики, предпринимавшиеся в 70-е и 80-е годы правительством Ликуда, не отражено и постепенное изменение экономической жизни в стране в сторону большей рыночной открытости. Однако данное высказывание отражает самое главное: принятый в Израиле подход к решению экономических проблем все еще тяготеет к излишней централизованности и к администрированию. Ради блага сионизма необходимо положить конец влиянию как "большевиков", так и "перонистов". Народ, преодолевший многовековое рассеяние, враждебность могущественных империй и сопротивление всего арабского мира, способен устранить это последнее серьезное препятствие, мешающее репатриации и успешной абсорбции миллионов евреев.

Выход из затяжной экономической стагнации, на которую Израиль был обречен самим фактом структурного бюрократического засилья в хозяйственной жизни, вполне реален. Демографическая проблема Израиля является, по большей части, проблемой еврейской репатриации, а последняя - функцией экономических отношений и правильного воспитания. Алия не должна оставаться постоянным отражением сегодняшних статистических данных; ее существенное увеличение зависит, в первую очередь, от национальной воли еврейского народа и его уверенности в будущем. Израиль способен создать надлежащие условия для образования и

сохранения устойчивого еврейского большинства на своей территории. Этого нужно только захотеть, - как предрекал в свое время Теодор Герцль.

***

Сионистская мечта, многократно похороненная раболопными поклонниками статистики и иными маловерами, продолжает жить. Отворившиеся для еврейской эмиграции ворота государств Восточной Европы вновь подтвердили справедливость этого утверждения. Пессимистические прогнозы, рядившиеся в одежды наукоподобного реализма, оказались преходящим свидетельством утраты веры в сионистские цели и в способность еврейского народа добиться их осуществления.

Демографический демон вовсе не является продуктом "объективной реальности", как полагают некоторые наши соотечественники. Он является порождением психологической слабости, результатом падения национального духа. Люди, смирившиеся с обреченностью сионизма и не видящие способа победить самих себя, готовы объявить о поражении и отступить - даже если речь идет об отступлении в тесные границы крошечного государства, прижатого к морю и постоянно держащего палец на ядерной кнопке. Но сионистская мечта не может быть воплощена в жизнь бегством из каждого региона Израиля, в котором евреи боятся утратить большинство. Сионизм никогда не считал способом достижения еврейского большинства в Эрец-Исраэль последовательное отрезание тех ее частей, на которых евреи в данный момент уступают в численности арабам. Если бы в прошлом Израиль рассуждал подобным образом, то Яффо, Акко, Галилея и добрая часть Негева давно уже отошли бы под арабский контроль. Как и предусматривал принятый ООН в 1947 году план раздела подмандатной Палестины,

Израиль превратился бы в крошечный приморский анклав с искусственным еврейским "большинством".

Наверное, в этом государстве появились бы свои писатели и интеллектуалы, поющие хвалу национальной слабости. Однако это жалкое государство не смогло бы никого вдохновить, и лишь немногие согласились бы связать с ним свою судьбу. Очень скоро оно задохнулось бы из-за оттока населения, вызванного отчаянием и чувством собственного бессилия. Некоторые намеки на такое настроение наблюдались в Израиле в годы, предшествовавшие Шестидневной войне, когда алия почти полностью прекратилась, а эмиграция из страны обрела угрожающие масштабы. Именно тогда в Израиле появилась мрачная шутка о последнем эмигранте, которому надлежит выключить за собой свет в аэропорту им. Бен-Гуриона.

Аналогичный процесс наблюдался среди ливанских христиан, однако там дело не обошлось юмором висельников. Постоянная эмиграция христиан из Ливана привела, в конце концов, к разрушению созданного ими государства. В прошлом ливанские христиане-марониты были самой крупной и самой влиятельной общиной в этой стране, но у них не было "алии" и "сионистской идеи", которая заставляла бы их держаться за землю родины. Со временем, массовый отток маронитов из Ливана привел к тому, что там остался крошечный христианский анклав в Джунии (к северу от Бейрута), окруженный со всех сторон горными районами, населенными мусульманами. В конце концов, в Ливан явились сирийцы, которые отняли государственность и у христиан и у остальных жителей этой страны.

Сходное ощущение неуверенности распространилось в конце 80-х годов среди части израильтян, пришедших к выводу о том, что время сионизма и массовой алии безвозвратно ушло. Незадолго до начала массовой алии из СССР израильские пессимисты утверждали: "Нам следует быть реалистами и смириться с мыслью о том, что репатриация не возобновится. Израиль должен приспособиться к участи

маленького государства, живущего без притока еврейского населения из диаспоры".

Однако сионизм еще отнюдь не выдохся - он по-прежнему настойчиво решает свою главную историческую задачу: сосредоточение большинства еврейского народа в Эрец-Израэль. Сегодня сионистская задача должна решаться именно так, как предлагали в свое время основатели этого движения: не путем ослабления тела и духа Сиона, но путем его укрепления в политическом, военном и экономическом отношениях - с тем, чтобы Израиль мог успешно реализовать представившиеся ему огромные возможности.

Когда по прошествии нескольких десятилетий в Израиле будут проживать 8-10 миллионов евреев, наше государство станет процветающим, динамичным и воистину независимым. И поскольку такое еврейское государство будет гораздо более сильным и жизнеспособным, нежели нынешнее, большинство арабских лидеров будут вынуждены установить с ним действительно мирные отношения. Этот подход совершенно противоположен распространенному мнению о том, что Израиль может прийти к миру лишь путем тяжелых уступок, сокращающих его территорию и угрожающих его безопасности. Напротив, подлинный мир будет достигнут только тогда, когда еврейский народ убедит арабов в незыблемости своего политического существования на Ближнем Востоке.

Глава девятая

ПУТЬ К ПРОЧНОМУ МИРУ

Израиль может добиться установления мира со всеми своими арабскими соседями. Но чтобы этот мир оказался прочным и долговечным, он должен строиться на основе безопасности, справедливости и, прежде всего, истины. Именно истина оказалась первой жертвой арабской кампании против Израиля, и мир, построенный на полуправде и фальсификации, будет неминуемо расшатан и сметен бурными политическими штормами Ближнего Востока. Подлинный мир может быть утвержден только в том случае, если при его заключении будут приняты в расчет важнейшие характеристики действительной природы нашего региона и присущие ему антагонистические противоречия. Мирное урегулирование должно предложить реалистичное решение тому сущностному конфликту, который до сих пор определяет отношения между еврейским государством и его арабским окружением.

Этот конфликт не может быть сведен к территориальной проблеме, ибо он порожден неспособностью арабов смириться с самим фактом существования независимого еврейского государства на Ближнем Востоке. Все, что мы видели до сих пор, свидетельствует о том, что главным препятствием для достижения мира является упорное нежелание арабов признать право Израиля на существование. На мирной конференции в Мадриде глава палестинской делегации произнес высокопарную речь, в которой он призвал передать густонаселенные израильские районы новому

палестинскому государству, одновременно затопив остальную часть Израиля арабскими беженцами/1.

С тех пор Арафат постоянно выступает с заявлениями, подтверждающими эту палестинскую концепцию установления "мира". Такие заявления многократно делались им и после подписания Норвежского соглашения. В Мадриде сирийский министр иностранных дел оспаривал само право евреев, которые, по его мнению, не являются нацией, на обладание собственным государством/2. За год до этого сирийский министр обороны Мустафа Тлас откровенно выразил собственное понимание арабо-израильского конфликта: "Спор между арабской нацией и сионизмом идет не о границах, а о существовании (еврейского государства)" /3. Для того, чтобы пояснить смысл его слов, достаточно упомянуть о том, что между Сирией и Турцией существует давний территориальный спор о контроле над пограничным районом Александрета, находящимся ныне под турецким суверенитетом. Сирия требует "возвращения" Александреты, однако это не мешает ей поддерживать дипломатические отношения с Турцией и ни в коем случае не побуждает сирийских лидеров оспаривать право на существование турецкого государства, как такового. В то же время, израильско-сирийский территориальный спор относительно Голанских высот является производным гораздо более глубокого, сущностного конфликта; он никак не сводится к вопросу о том, где именно должна пройти граница между двумя странами. Сирия попросту отказывается признать право Израиля на существование, что неоднократно находило выражение в регулярных нападениях на Израиль - в тот период, когда Голаны еще находились под сирийским контролем.

Таким образом, отправной точкой решения арабо-израильского конфликта является необходимость добиться от арабских стран прямого и безусловного признания за Израилем права на существование. Недостаточно зафиксировать и оформить существующее состояние прекращения

войны - арабские режимы должны навсегда расстаться с мечтой об уничтожении еврейского государства. Это изменение арабской политики должно найти отражение в заключении полнообъемных мирных соглашений с Израилем, предусматривающих, среди прочего, отмену арабского бойкота и свертывание направленной против Израиля военной мощи арабских государств. Арабы должны совершить шаг, к которому они до сих пор не были способны: не просто признать очевидный факт существования Израиля, но официально и безоговорочно признать за Израилем право на существование - сегодня, завтра, всегда. Из этого, естественно, вытекает необходимый принцип мирного сосуществования, который должен определять будущие отношения между арабами и Израилем.

В годы холодной войны между США и СССР все мы привыкли к термину - "мирное сосуществование". Мало, кто задумывается сегодня над его смыслом и важностью. Даже в те годы, когда коммунисты были одержимы мечтой о достижении мировой гегемонии, они признавали наличие универсального интереса, более важного, чем их идеологические и геополитические цели; более важного чем, теория и принципы марксизма. Этот интерес - физическое выживание и дальнейшее существование человечества.

Такой рациональный подход позволяет человеческим сообществам, ведущим борьбу друг с другом, жить и развиваться в безопасности даже при наличии самых острых конфликтов между ними. Идея сосуществования определяет необходимость умеренности в идеологической и национальной борьбе. Но арабская политика минувших 75-ти лет находилась во власти не знающих удержу антиеврейских настроений; они заставили арабов пойти на союз с нацистами, побудили их начать 5 войн против Израиля, породили кампанию международного террора, вызвали дестабилизацию мировой экономики посредством нефтяного эмбарго. И сегодня еще в арабском мире имеются силы, предпринимая попытки обзавестись ядерным оружием, чтобы

использовать его в "последней и решительной" войне против сионизма. Эту ненависть необходимо искоренить - не только ради обеспечения безопасности Израиля, но ради самих арабов и всего человечества.

Многие склонны преуменьшать значение арабского неприятия Израиля в качестве главного фактора ближневосточного конфликта. Нежелание иметь дело с данным фактором весьма характерно для большинства аналитиков, выступающих с туманными обзорами политической ситуации на Ближнем Востоке. Из этого вытекают надуманные параллели между нуждами и устремлениями обеих сторон: как будто за арабское признание своего права на существование, Израиль должен расплачиваться различными уступками, в первую очередь - территориальными. Но тот, кто ставит на одну доску право на существование Израиля и предъявляемые арабами требования к нашей стране, закрывает глаза на историческую истину и путает, сознательно или несознательно, причину со следствием. Хуже того, авторы этих надуманных параллелей назначают цену, которую должны уплатить граждане Израиля за свое основополагающее право на жизнь.

В абсурдности такого положения мы сможем легко убедиться, представив себе противоположную ситуацию: предположим, Израиль откажется признать право Сирии на существование и выступит с угрозой уничтожить эту страну, если она не согласится передать ему часть своей территории. Весь мир счел бы подобное требование безумным - и совершенно справедливо. Однако арабский отказ признать право на существование Израиля, если он не уступит им территории, неоднократно служившие в прошлом плацдармом агрессии против него, воспринимается многими как нечто само собой разумеющееся и даже достойное уважения. При этом упускается из виду такая незначительная деталь: право на существование Израиля абсолютно и безусловно, оно не может быть предметом переговоров - точно так же, как право на существование Сирии и Египта.

В ответ на это арабы заявляют, что историческая несправедливость, допущенная по отношению к палестинцам, столь велика, что это не дает им возможности признать право на существование Израиля до тех пор, пока данная несправедливость не будет исправлена еврейским государством. Но и этот довод призван извратить историческую правду. В 1947 году ООН предложила палестинским арабам реальную возможность создать собственное государство, и они отвергли это предложение. Точно так же его отвергли и арабские страны, направившие свои армии воевать против Израиля. Более того, в 1948-67 гг., когда Иудея, Самария и сектор Газы находились под иорданским и египетским контролем, никто из арабов не требовал создания палестинского государства на этих территориях. Декларируемая сегодня историческая связь между арабским отказом признать Израиль и требованием о создании палестинского государства не имеет никакого отношения к действительности.

Беспристрастный анализ исторических фактов приводит к однозначному выводу: палестинская проблема является результатом арабо-израильского конфликта, а не его причиной. Даже если эта проблема будет "решена", истинные факторы и причины конфликта останутся в силе; они будут по-прежнему оказывать свое влияние в арабском и мусульманском мире, порождая стремление уничтожить Израиль.

Проблема палестинских арабов требует корректного решения, принимающего в расчет их бедственное положение - наряду с правами еврейского народа и принципиальными нуждами безопасности Израиля. Однако один принципиальный момент должен быть разъяснен с самого начала: жалобы палестинских арабов, как истинные, так и надуманные, не могут служить в качестве пистолета, приставленного к израильскому виску. Сегодня, после пяти кровопролитных войн, часть арабских государств готова признать Израиль. Но другие арабские страны заявляют,

что они согласятся на этот шаг только после того, как будет создано палестинское государство, разделяющее Иерусалим надвое, граничащее с Тель-Авивом и представляющее собой явную угрозу безопасности Израиля. Такое предварительное условие, предъявляемое сегодня важнейшими государствами арабского мира, показывает, сколь долгий путь еще предстоит пройти арабам, прежде чем они созреют для искреннего примирения с существованием еврейского государства на Ближнем Востоке.

Этому не следует удивляться, приняв в расчет воздействие многолетней антиеврейской пропаганды на сознание арабских и мусульманских масс. Десятки миллионов человек слышали ежедневно в течение многих десятилетий, что маленькое государство, созданное сионистами в их "среде", не имеет права на существование, не заслуживает места под солнцем. Их неустанно призывали "вырезать это государство как раковую опухоль", "вышвырнуть его на свалку истории" (не так давно иранский представитель выступил с такими призывами с трибуны ООН). При постоянном воздействии этой оголтелой пропаганды на сознание арабских масс, трудно ожидать от них действительного и глубокого изменения укоренившегося враждебного отношения к Израилю.

Даже Мадридская конференция и Норвежские соглашения, воспринятые многими на Западе как завершение арабо-израильского конфликта, не привели к существенному ослаблению антиизраильских чувств в арабском мире. В 1994 году газета "Уолл стрит джорнэл" опубликовала результаты опроса, проведенного профессором Хилалем Хашаном, сотрудником Американского университета в Бейруте. В ходе осуществленного им исследования было опрошено свыше 1000 арабов - жителей Сирии, Ливана и представителей палестинской диаспоры. Оказалось, что три четверти опрошенных категорически отвергают любую форму примирения с Израилем и выступают за продолжение войны против еврейского государства. Оставшаяся четверть

приветствует политический процесс, рассматривая его в качестве "временного прекращения огня, призванного ослабить Израиль и создать оптимальные условия для будущего арабского нападения"/4.

Вместе с тем, следует отметить, что Кемп-Дэвидское соглашение с Египтом предоставило сторонникам мира определенный повод для оптимизма, а Мадридская конференция, несмотря на связанные с ней разочарования, создала основу для возможного примирения в будущем. Арабы и Израиль приступили к прямому диалогу, результатом которого может стать установление подлинного мира в регионе - если Израиль сумеет настоять на условиях, необходимых для его поддержания. В случае с одной арабской страной, Иорданией, эта надежда себя уже оправдала. Публичные контакты между Израилем и арабскими странами Персидского залива также обладают большим позитивным значением, поскольку они объективно способствуют ликвидации единого арабского фронта ненависти. И все же эти контакты обходят стороной главную проблему Ближнего Востока, суть которой - экстремистский характер режимов, занимающих доминантное положение в арабском мире.

Эти режимы и поныне сохраняют жесткую антиизраильскую ориентацию. Однако в последние годы даже радикальную арабскую политику характеризуют определенные сдвиги в сторону готовности пойти на соглашение с Израилем. Эти сдвиги не являются результатом переоценки идеологических ценностей; они обусловлены долгосрочными последствиями Шестидневной войны и таким громадным геополитическим фактором, как распад Советского Союза. Крах коммунистической империи лишил арабов безусловной стратегической поддержки, которой они пользовались раньше во всех своих агрессивных демаршах. Разгром Ирака силами международной коалиции, во главе которой стояли Соединенные Штаты, окончательно убедил арабских радикалов в необходимости считаться с новыми реалиями

международной и ближневосточной действительности.

В силу указанных причин, после окончания войны в Персидском заливе я полагал, что Израиль должен использовать представившуюся ему возможность для начала мирных переговоров с арабскими странами, и на этот раз - с позиции силы. Я верил, что мы сможем не только пассивно реагировать на традиционные притязания, с которыми арабы постоянно выступают после 1967 года, но потребуем от своих партнеров по переговорам отказа от этих претензий. Мадридская конференция представлялась мне важным средством поощрения тех положительных тенденций к примирению с Израилем, которые обнаружились тогда в арабском мире. Однако, одновременно с этими тенденциями, на Ближнем Востоке по-прежнему наличествует выраженное арабское стремление уничтожить Израиль. Так, например, за две недели до открытия Мадридской конференции в Тегеране состоялся форум исламских государств, участники которого открыто декларировали свою непримиримую позицию. Все они, в том числе и те страны, представители которых готовились к отбытию на Мадридскую мирную конференцию, согласились с необходимостью уничтожить еврейское государство. Соответствующая резолюция исламского форума была поддержана, в частности, Сирией и некоторыми важными фракциями ООП/5.

Казалось бы, Организация освобождения Палестины отказалась от этих намерений, подписав Норвежские соглашения с Израилем. Увы, это ошибочное впечатление. Лидеры ООП, как и прежде, открыто заявляют о своей приверженности Поэтапному плану, предусматривающему уничтожение Израиля совместными силами арабских стран и палестинского государства. Через 8 месяцев после подписания Норвежских соглашений Ясер Арафат обратился к мусульманам с призывом принять участие в джихаде против Израиля. Этот призыв демонстрирует истинное отношение к Израилю как со стороны ООП, так и со стороны многих

других влиятельных сил арабского мира.

Налицо признаки тяжелой политической болезни, излечение которой потребует значительного времени. Как и многие другие формы психического расстройства, эта болезнь характеризуется вспышками насилия, дающими выход гнетущим иррациональным позывам. Первым условием достижения мира является, в данной ситуации, категорический отказ мириться с арабским фанатизмом, его безусловное и веское осуждение со всякой возможной трибуны. Однако решения Тегеранской конференции исламских государств не были осуждены ни одной западной страной. В 1994 году арафатовский призыв к джихаду вызвал робкие протесты левого израильского правительства, но вскоре после этого регулярные встречи лидера ООП с Шимоном Пересом возобновились, как будто ничего не произошло. Не следует пренебрегать опасными проявлениями арабского фанатизма, успокаивая себя тем, что они предназначены "для внутреннего пользования". Если радикалам не будет оказано жесткое сопротивление, их подход восторжествует, и арабские сторонники умеренного курса снова попрячутся по углам. Тем самым будет положен конец надежде на примирение между евреями и арабами.

Многие на Западе признают нравственную необходимость признания Израиля со стороны арабов. В то же время, западные политики соглашаются с "прагматическим" подходом арабских лидеров, суть которого может быть передана следующим образом: "Какая нам, арабам, будет от этого выгода? Если Израиль не отступит с оккупированных территорий, чем нам поможет мир?" Оставим на время вопрос о спорных территориях (мы к нему еще вернемся) и попробуем выяснить, какую выгоду сулит арабам мир с Израилем.

Прежде всего, арабские страны смогут сэкономить огромные средства на военных расходах. Вооруженный конфликт в Персидском заливе показал, что современная война становится все дороже и разрушительнее. Развитие военной

технологии, появление управляемых бомб и ракет с лазерными системами наведения, резкое увеличение огневой мощи современной артиллерии - все эти факторы заставляют сегодня каждого арабского лидера трижды задуматься прежде, чем он начнет войну, которая может привести к уничтожению его армии, разрушению его столицы и дестабилизации его режима.

Однако последствия современной войны могут лежать не только в военно-политической плоскости. Война сопряжена с огромным ущербом экономической структуре государства. Отчет ООН о последствиях войны в Персидском заливе свидетельствует о том, что разрушение иракских дорог, мостов, железнодорожных линий, электростанций, нефтеочистительных заводов и промышленных предприятий привело к чрезвычайно тяжелым хозяйственным и социальным последствиям: "Стало невозможно распределять продовольствие, контролировать состояние питьевой воды, отводить канализационные стоки, орошать сельскохозяйственные угодья и обеспечивать больницы медикаментами". Авторы отчета утверждают, что Ирак "вернулся в доиндустриальную эпоху"/6.

Это, конечно, преувеличение, но следует все же помнить, что огромные разрушения были причинены Ираку противником, который использовал свою силу сдержанно и осторожно. Иракская армия, которая, мягко говоря, не слишком ограничивала свою разрушительную мощь, причинила Кувейту экономический ущерб в объеме 30 миллиардов долларов/7.

Современная война связана, таким образом, с двойным риском - военным разгромом и колоссальным разрушением хозяйственной структуры. Арабские лидеры должны знать, что если Израиль снова подвергнется нападению, он не будет более сидеть сложа руки. Более того: можно предположить, что если Израиль столкнется с угрозой самому своему существованию, мощь его ответного удара будет колоссальной. Ни один вменяемый человек - ни араб,

ни еврей - не может желать подобного развития событий. Чем дороже становится современная война, тем более очевидны выгоды мирного сосуществования. Сохранение мира не только предотвращает разрушения и экономит средства, необходимые для восстановления разрушенного, но позволяет также эффективно использовать существующую хозяйственную инфраструктуру для экономического развития. Мир создает возможности для плодотворного сотрудничества между различными странами, и именно в этой области кроется, быть может, его главный позитивный потенциал. Арабский мир может получить от мира с Израилем не меньше пользы, чем сам Израиль - от мира с арабами. Наши руководители знали это всегда, но арабским лидерам все еще приходится привыкать к этой идее.

В эпоху холодной войны арабские режимы пользовались военной и экономической поддержкой сверхдержав: радикалам помогал Советский Союз, умеренным - США. Ослабление напряженности в отношениях между Западом и Востоком привело к определенной "инфляции" стратегического значения арабских стран. Сегодня они уже не могут извлекать для себя былые выгоды из противостояния двух общественных систем. Чем больше сосредотачиваются промышленно развитые страны на взаимовыгодной торговле между собой, тем меньше их заинтересованность в сохранении политических и экономических позиций на Ближнем Востоке. Примирение с Израилем могло бы стать для арабов тем мостом, который обеспечит им связь с индустриальным миром, с его технологическими, финансовыми и коммерческими возможностями.

Как мог бы выглядеть мир в нашем регионе, если бы арабы искренне в него поверили? Нет такой сферы жизни, на которой установление мира не отразилось бы самым благотворным образом. Возьмем торговлю, как самый очевидный пример. После Шестидневной войны израильская политика "открытых мостов" способствовала поддержанию взаимовыгодных торговых отношений между Израилем и

Иорданией (через мост Алленби), однако эта практика оставалась единичным исключением из общего правила. Торговые пути, ведущие из Израиля на восток, были перекрыты арабскими странами, поддерживающими политику бойкота. В то же время, сами арабы лишили себя возможности использовать современные израильские коммуникации и портовые сооружения в рамках региональной торговой инфраструктуры. Это имело особое значение в силу уникального географического положения Израиля на важнейшем перекрестке Ближнего Востока. В случае установления мира, обе стороны могли бы получить немалую выгоду от развития торговых отношений в восточно-средиземноморском бассейне. Заключение мирного соглашения с Иорданией явилось важным шагом в этом направлении.

Водное хозяйство региона также смогло бы воспользоваться ощутимыми преимуществами мира. В ближайшие годы дефицит пресной воды неизбежно явится причиной острых споров и конфликтов на Ближнем Востоке; вода сможет составить конкуренцию нефти по своей реальной стоимости для расположенных здесь государств. Регулирование вопросов, связанных с использованием водных ресурсов, становится все более трудной задачей в нашем засушливом регионе. Рост населения в странах Ближнего Востока приводит к предельной эксплуатации существующих водных ресурсов; возможность их истощения становится все более реальной. Чем раньше будут начаты переговоры о совместном управлении водным хозяйством региона, тем больше от этого выиграют как Израиль, так и соседние арабские страны.

В данной области наибольшую выгоду установление мира сулит Иордании, где ежегодное потребление пресной воды составляет всего 150 кубических метров на душу населения (в Сирии - 2000 кубометров на душу населения). Израильско - иорданское сотрудничество позволит обеим странам увеличить потребление пресной воды. Так, например, в рамках мирного соглашения Израиль и Иордания

могут создать совместное предприятие по опреснению морской воды в районе Эйлатского залива. Это гораздо более выгодно и эффективно, чем создавать два менее крупных предприятия - одно в Израиле, а другое в Иордании. Кстати, к данной инициативе могла бы присоединиться еще одна засушливая арабская страна, расположенная у берегов Красного моря - Саудовская Аравия/8.

Сирия, обладающая, по видимости, обильными водными ресурсами, тем не менее, испытывает постоянное давление со стороны Турции, правительство которой планирует возведение плотины на Евфрате - основном источнике сирийского водоснабжения. Это, в свою очередь, ведет к росту напряженности между Сирией, Иорданией и Израилем относительно существующего распределения вод Ярмука, притока реки Иордан. Мирное соглашение между Израилем и Сирией потребует пересмотра соглашений по Ярмуку, которые были заключены в 1955 году при посредничестве Эрика Джонстона, специального представителя президента США Эйзенхауэра. Мир позволит Сирии более эффективно использовать другие водные ресурсы, находящиеся в ее распоряжении.

Здесь следует отметить, что Израиль разработал такие методы, как капельная ирригация, благодаря которой 85% воды достигает орошаемых насаждений (всего 15% теряется из-за испарения и оттока). В Сирии соответствующий показатель эффективности орошения составляет менее 40%. С установлением мира Израиль мог бы научить сирийских крестьян более эффективно использовать воду - подобно тому, как научил арабских крестьян Иудеи, Самарии и Газы, где после Шестидневной войны эффективность ирригационных систем возросла с 40 до 80%. Израильские инженеры могли бы помочь Сирии разработать чрезвычайно нужные ей национальные проекты орошения засушливых регионов, как это было сделано в самом Израиле с созданием Национального водовода/9.

Следует сказать, что установление мира в регионе

будет способствовать развитию туризма, а также откроет еще более широкий доступ гражданам арабских государств в медицинские учреждения Израиля. И в настоящее время вы можете встретить в иерусалимской больнице "Хадасса" членов саудовской королевской семьи, представителей высшего света Иордании, а также пациентов из практически любого уголка арабского мира, приехавших, чтобы пройти медицинское обследование или специальный курс лечения. То, что сейчас доступно лишь для избранных визитеров, сохраняющих инкогнито, могло бы превратиться в возможность, открытую для всех, - особенно, если будет разработана программа обучения врачей из арабских стран. В результате присутствия Израиля на Западном Берегу медицинские показатели среди местного арабского населения значительно улучшились - особенно наглядно это проявилось в снижении детской смертности. Мир мог бы привести к сходным результатам во многих арабских странах, в буквальном смысле улучшив жизнь миллионов людей.

Однако обсуждение возможных выгод мира остается в значительной степени теоретическим, поскольку прежде всего необходимо, чтобы арабы искренне изменили свое отношение к Израилю. Подобного изменения достичь очень трудно - к этому не привело даже установление мирных отношений с Египтом. Египет продолжает настороженно взирать на Израиль, поддерживая состояние "холодного мира", вследствие чего отношения между двумя странами остаются крайне ограниченными, и это не дает возможности реализовать богатейшие возможности взаимного сотрудничества. Но если мир с Израилем сулит такие большие выгоды арабским государствам, почему же буквально ни один арабский лидер не предпринял шагов, чтобы объяснить эти выгоды своему народу? Могут ли быть настолько слепы 150 миллионов человек, чтобы не замечать столь очевидной вещи?

В том-то и дело, что они вовсе не слепы. В каждом арабском сообществе есть люди, которым не нужно объяснять,

как важно скорее покончить с состоянием войны, признать Израиль и приступить к решению совместной задачи - включения арабского Ближнего Востока в двадцатый век, пока двадцатый век еще не закончился. Но на пути реалистов встают два препятствия. Во-первых, хотя выгоды мира понятны отдельным личностям, общим достоянием подобный подход еще не стал. Многие арабские лидеры, выражающие на словах стремление к "миру", рассматривают его как средство, ведущее к цели - будь то возврат утраченных территорий или получение дополнительной военной помощи от Запада, - а не как цель, важную саму по себе. (Подобные выгоды для арабских государств не следует путать с постоянными преимуществами, которые мог бы получить каждый гражданин при установлении подлинного мира.) Для очень многих представителей арабского мира это разменная монета, при помощи которой можно рассчитывать получить что-нибудь еще. Такой мир можно заключить в определенный момент при благоприятных обстоятельствах, но долгим и прочным он не будет. Его можно подписать сегодня, чтобы расторгнуть завтра, как только желанный барыш окажется в кармане - к великому изумлению Запада, включая и Израиль, имеющего совершенно иные понятия о том, что означает "заключить мир". (Для израильтян мир является целью, а все остальное - это ведущие к нему средства.) Те немногие из арабов, чьи представления о мире приближаются к западным, вынуждены грести против течения, потому что в их странах признают лишь тот мир, что время от времени предлагает Израилю Арафат - "мир Саладина"/10, который означает не что иное, как кратковременную передышку в нескончаемой войне.

Второе препятствие на пути реалистов состоит в том, что ни один арабский лидер или полномочный представитель не желает кончить свои дни, подобно королю Абдалле в Иордании, Анвару Садату в Египте, Баширу Жмайелю в Ливане - или, что то же самое, подобно многим

умеренным палестинским арабам, которых на протяжении почти всего столетия безжалостно истребляли муфтий и ООП "за измену" арабскому делу при попытках заключить мир с евреями. Вот уже семьдесят лет, со времени наивысшего расцвета власти муфтия, любое движение к миру парализуется страхом перед радикальными панарабскими националистами и исламскими фундаменталистами.

***

Тем, кто заинтересован в достижении подлинного мира на Ближнем Востоке, приходится смириться с грубой реальностью: среди арабов всегда существовала мощная "муфтистская" партия, готовая заблокировать мир. Политика террора, разработанная муфтием, вовсе не прекратилась в наши дни. Пока эта партия является настолько мощной силой, что может заставить плясать под свою дудку всех остальных арабов, миротворчество остается чрезвычайно трудным делом. Когда же радикалы обретают особое влияние, испуганные умеренные норовят укрыться за когтями тигра, как король Иордании Хусейн, устремившийся в объятия Саддама в канун войны в Заливе.

Вспомним пример с Марокко. Когда Каддафи достиг вершины своего могущества, завоевав большую часть Чада и до полусмерти напугав Запад своими угрозами, король Марокко Хасан - более несходную с Каддафи фигуру трудно обнаружить во всем арабском мире - вдруг затеял странный "брак" между Ливией и Марокко. Но уже через несколько месяцев после американских бомбардировок Триполи и поражения войск Каддафи в Чаде Хасан расторг этот союз и пригласил израильского министра иностранных дел на открытую встречу в Марокко. Точно так же, когда Сирия по окончании войны в Заливе осознала, что не может более столь же успешно сопротивляться американскому давлению ввиду явного ослабления своих советских покровителей,

король Хусейн и другие арабы вдруг обрели решимость вступить в переговоры и дошли до того, что согласились сидеть за одним столом с самим Израилем. Оказывать давление на радикалов, ограничивать их возможности устрашения, уменьшать их политическую и военную мощь - вот необходимые предварительные условия для любого реалистического движения к миру.

Каждый израильский дипломат, когда-либо имевший дело с арабами, может привести бесчисленные примеры, подтверждающие правоту этого суждения. Мой собственный опыт общения с арабскими дипломатами показал мне, с какой готовностью многие из них приступили бы к созданию мирного соглашения, если бы не тяготеющий над ними страх. Когда я возглавлял израильскую делегацию в Вашингтоне, то часто встречался с одним из таких дипломатов, послом страны, не имевшей никаких отношений с Израилем. Как-то раз мы назначили встречу в маленьком ресторанчике. Я опоздал на пять минут и спросил метрдотеля, здесь ли джентльмен, чья внешность соответствует описанию моего арабского коллеги. "Да, - сказал метрдотель. - Он был здесь, заказал себе выпивку, но затем внезапно ушел". Я позвонил ему: "Али, что случилось?" - "Я пришел в ресторан в назначенное время и сел за столик. И как вы думаете, кого я увидел за соседним столом? Сирийского посла. Пришлось спасаться бегством".

В качестве печального комментария к темпам политической эволюции в арабском мире остается добавить, что даже спустя десять лет после того разговора, я не могу назвать подлинное имя моего знакомого дипломата и должен использовать псевдоним, дабы никто не догадался, о ком именно идет речь. В этой маленькой сценке, произошедшей в одном из тихих уголков Вашингтона, отражается история бесчисленных неудачных попыток заключить мирное соглашение в ходе арабо-израильского конфликта.

Умеренные стремятся к переговорам, но боятся насилия со стороны радикалов. Это было тягостно, но вполне

очевидно во время Мадридской мирной конференции и последующих дискуссий в Вашингтоне. В очередной раз мои израильские коллеги и я сам убедились в том, что даже самые разумные люди среди иорданцев и ливанцев вынуждены взвешивать каждое слово, опасаясь сирийцев и представителей ООП, чьи устрашающие взоры преследовали их даже в самых частных беседах.

Запад часто усугубляет ситуацию, протягивая руку помощи самым непримиримым радикалам. Его настолько умиляет какой-нибудь разумный жест со стороны этих режимов, что он соглашается вступить с ними в военное и экономическое сотрудничество. Запад исходит из убеждения, что сладкая морковка соблазнит радикальный режим стать менее радикальным - вся мудрость подобного подхода проявилась в 80-х годах в стремлении Запада вооружить Саддама Хусейна. В действительности же, радикалам вообще нельзя давать оружие. Точно такой же запрет должен быть наложен и на продажу оружия умеренным режимам, по той простой причине, что на нынешнем Ближнем Востоке сегодняшние умеренные завтра могут стать радикалами - после государственного переворота, вражеского нашествия или просто от страха.

До тех пор, пока в арабском мире не будет свободы слова, уважения к закону и подлинной представительной власти, реалистично настроенные арабы по-прежнему будут не в состоянии оказывать устойчивое влияние на политику в отношении Израиля. В силу этого существует прямая зависимость между попытками Запада способствовать демократизации арабского мира и шансами достигнуть прочного мира на Ближнем Востоке. Когда дело касалось Германии и Японии, России и Украины, Латинской Америки и некоторых африканских диктаторских режимов, мощная зависимость между демократическими ценностями и стремлением к миру была вполне ясна американским политическим деятелям, которые в течение многих лет увязывали американскую торговлю и другие формы сотрудничества с внутренней

политикой реформ и демократизацией общества. Например, Соединенные Штаты приняли санкции против Китая после резни на площади Тяньаньмынь, положившей конец движению этой страны к демократии. Равным образом, когда президент Перу приостановил деятельность законно избранных органов власти в 1992 году, Соединенные Штаты предприняли целый ряд шагов, включая экономические санкции, чтобы оказать на него давление с целью помешать возрождению авторитарного правления в Латинской Америке, которую они в течение многих десятилетий подталкивали в сторону демократизации. Подобного давления избежали только арабы - к великому недоумению кучки арабов-реформистов, пребывающих в изгнании в Лондоне, которым пришлось увидеть, как их собратьев предали в руки безжалостных диктаторов в Сирии, Ираке и Ливии, тогда как остальные страны арабского мира пребывают под властью не подверженных реформированию авторитарных режимов, и к еще большему недоумению Израиля, который вполне может представить, как обойдутся с еврейским государством правители, столь жестокие по отношению к собственному народу.

На это можно было бы возразить, что Запад потихоньку готовится завязать дискуссию о демократии с арабскими лидерами. Но после окончания войны в Заливе, предпринятой Соединенными Штатами, чтобы спасти беззащитную Саудовскую Аравию и восстановить захваченный Саддамом Кувейт, стало ясно, что это не более, чем слова. Не было правителя более беспомощного, нежели изгнанный эмир Кувейта Аль-Сабах, который, сидя в Эр-Рияде, ждал, когда же Запад вырвет его страну из пасти Ирака. И не было более благоприятного момента, чтобы обязать его гарантировать основные права, принять конституцию и обеспечить свободу прессе. Никто об этом даже не заикнулся.

Помимо того, что арабский мир обладает значительной долей мировых запасов нефти, еще одной причиной снисходительного отношения Запада к отсутствию демок-

ратии в арабских государствах является аргумент, почти ничем не отличающийся от доводов Британского министерства колоний, сформулированных еще в конце первой мировой войны: считается что арабы "не готовы" к демократии, что демократия вступает в противоречие с исламским наследием, что "их традиционная форма правления", по-видимому, "вполне пригодна для них" и т. д. - как-будто попыткам, отсечению рук, рабству, прессе, закованной в кандалы, и неограниченному правлению семьи из сотни двоюродных братьев можно дать другое определение, нежели тирания. Еще более странными представляются попытки людей Запада убедить самих себя в том, что арабов можно исключить из сферы демократии, поскольку они создали нечто столь же хорошее, как демократия: так описывается в газетной периодике, что Саудовская Аравия - тихое, безмятежное королевство, некое подобие Тибета в песках.

Арабская культура и арабская цивилизация имеют не больше прав на исключение из сферы демократии, чем имели их японская культура в 1945 году и русская цивилизация в 1989 году - хотя ни то, ни другое общество не были прежде демократическими. Во имя созидания долговременного мира, Америка должна перестать заигрывать с различными арабскими диктаторами и автократическими правителями и обязана подтолкнуть их к принятию самых элементарных гарантий, которые позволили бы людям, желающим жить в мире с Израилем, выйти из укрытия, свободно публиковать свои суждения, организовывать политические центры и, в конечном счете, быть избранными на посты, где они могли бы осуществить свои благие намерения. Некоторые возразят на это, что нельзя вводить демократию в арабских государствах, поскольку тем самым будет расчищен путь к власти для исламских фундаменталистов. Разумеется, речь вовсе не идет об установлении власти большинства, ибо это приведет к тирании толпы. Для внедрения демократии в арабский мир Западу следует выд-

вигать идею индивидуальных свобод и конституционных ограничений существующей власти, без чего не может существовать ни одна подлинная демократия. Без реальных и согласованных шагов в этом направлении многолетние попытки арабов, желающих заключить постоянный (в противовес временному, тактическому) мир с Израилем, окажутся совершенно бесплодными.

***

Преобладающее влияние радикализма на Ближнем Востоке и постоянная опасность того, что, в силу отсутствия каких бы то ни было демократических традиций, нерадикальный режим может превратиться в радикальный за одну ночь - требует создания системы безопасности, которая должна быть органично вписана в мирные соглашения по Ближнему Востоку. Я уже отмечал, что в обозримом будущем единственным прочным миром как между самими арабами, так и между арабами и евреями, может быть только мир, основанный на устрашении. Гарантия безопасности является необходимой опорой мира при любом решении арабо-израильского конфликта. Прекращение военных действий само по себе не исключает возможности будущей войны. И мы должны задаться вопросом, какими средствами можно обеспечить безопасность Израиля и, тем самым, обеспечить сохранение мира.

На этот вопрос нельзя ответить, исходя лишь из территориальной точки зрения. Принятие соглашений об обеспечении взаимной безопасности между Израилем и арабскими государствами, включающих такие компоненты, как установление линии прямой связи между Дамаском и Иерусалимом, или меры по предупреждению каждой из сторон о готовящихся военных маневрах, может уменьшить опасность войны. Необходимо создать буферные зоны, дабы

предотвратить накопление вооружений вблизи особо уязвимых границ. В подобных зонах не должно быть тяжелого вооружения, в частности, танков и артиллерии, и в них должны иметь свободный доступ офицеры каждой из сторон. При создании таких зон обязательно следует учитывать громадную диспропорцию в размерах, существующую между Израилем и его арабскими соседями.

Но какими бы полезными ни казались эти проекты, они не в состоянии предотвратить угрозу нападения в случае, если враги Израиля решатся, поправ все соглашения, совершить вторжение. Как мы уже видели, в случае с Израилем речь идет о таких крохотных расстояниях и о таком кратком сроке предварительного оповещения в случае боевой тревоги, что без минимальной стратегической глубины, способной задержать атакующих и дать возможность мобилизовать резервы, существование Израиля окажется под угрозой. И нет необходимости обеспечивать эту стратегическую глубину международными гарантиями. Даже если ставшие гарантами державы проявят желание действовать - чего, несмотря на все обещания, так и не сделала дружественная американская администрация в канун Шестидневной войны - возникает тревожный вопрос, будут ли они физически в состоянии оказать своевременную поддержку. Кувейт, страна, почти равная по размерам Израилю (без Иудеи и Самарии), была захвачена в течение шести часов, а освобождена лишь после шестимесячного сосредоточения колоссальной военной мощи, переправленной с Запада на Восток. Нельзя требовать от Израиля сыграть роль Лазаря - ему не суждено будет подняться со смертного одра, где он, без сомнения, окажется в результате военного поражения. Ибо Израиль, в отличие от арабского Кувейта, если его оккупируют арабские армии, будет окончательно и бесповоротно уничтожен. В нашем случае, проблему международных гарантий можно резюмировать словами Голды Меир:

"Пока они явятся спасать Израиль, уже не будет никакого Израиля".

Следовательно, защита Израиля должна быть доверена его собственным вооруженным силам, которые хотят и могут действовать, организуя своевременный отпор в случае вражеского вторжения. В поисках мира, основанного на безопасности, мы неминуемо должны задаться вопросом, какие границы могут обеспечить безопасность Израиля.

Ясно, что границы 1949-67 гг. являют собой границы не мира, но войны. Но насколько велики потребности Израиля в увеличении своей территории?

Как мы видели, стержень проблемы состоит не в простом наращивании территории и стратегической глубины, но во включении в нее Иудео-Самарийской горной гряды, которая представляет собой защитную стену против вторжения с востока. Для Израиля немыслимо отказаться от контроля над этой стеной. Сходным образом обстоит дело и с Голанскими высотами, господствующими на севере. Когда эти территории находились в руках арабов, результатом была война, а не мир. Попросту невозможно говорить о мире и безопасности для Израиля, одновременно выражая надежду, что Израиль согласится пойти на подобное изменение своих существующих оборонительных рубежей.

Разумеется, с сохранением этих границ совершенно несовместимы постоянные призывы создать палестинское государство в Иудее и Самарии. Эти требования, помимо того, что ставят под угрозу мир в регионе, еще и сознательно обходят молчанием тот факт, что палестинское государство уже существует. На земле Палестины располагаются два современных государства - Иордания и Израиль. Можно считать достаточной уступкой уже то, что евреи получили маленькое государство, Израиль, а арабы Палестины проживают в гораздо более обширном государстве, называемом ныне Иорданией. Для разрешения конфликта между двумя народами необходимо соглашение о двух государствах: еврейском в западной части Эрец - Израэль и арабском - в восточной. И, что бы ни утверждали арабские идеологи и их единомышленники, живущие на территории Израиля,

самоопределение арабов Палестины может осуществиться лишь на контролируемой арабами территории подмандатной Палестины, иными словами, в государстве Иордания.

Иорданским лидерами неприятно осознавать эту истину. Хашимитская королевская фамилия, к которой принадлежит король Хусейн - бедуины, привезенные британцами из Мекки, чтобы управлять палестинским большинством в Иордании - страшится за свою судьбу и предпочитает удерживать ООП под боком у Израиля, нежели делиться с ней властью. Сам Хусейн пережил несколько покушений на свою жизнь; дед же его и премьер-министр государства погибли от рук палестинских террористов. ООП, со своей стороны, готова ухватить любой подвернувшийся кусок земли. Но ни один из этих мотивов не меняет того факта, что оба - и Хусейн, и Арафат - по самым разным поводам многократно повторяли, что Иордания и есть Палестина, точнее говоря, львиная доля подмандатной Палестины. И то, что палестинской Иорданией управляет монарх бедуинского происхождения, несколько не оправдывает попыток создать дополнительное палестинское государство - это все равно, как если бы при избрании на пост президента США американца испанского происхождения, англосаксы потребовали бы выделить им отдельную страну. Факт остается фактом: Иордания - это государство, которое включает в себя огромную часть палестинской территории и в котором большинство населения составляют палестинские арабы.

Вопрос о том, кто управляет этим палестинским государством, чрезвычайно интересует противоборствующие стороны - Израиль в том числе. По причинам стратегического порядка многие в Израиле предпочли бы сохранить Иорданию под властью не столь агрессивных хашимитов. Но это не меняет того факта, что у палестинских арабов уже имеется национальный очаг - в виде суверенного государства. Даже и сейчас большинство важнейших постов иорданского режима занимают палестинские арабы, выходящие с Западного Берега - в их числе премьер - министр Заид

аль-Рифай и министр иностранных дел Тахер Масри (оба родом из Шхема). Если жителям этого палестинского государства угодно заменить верховного правителя бедуинского происхождения на палестинца, то они вправе это сделать, хотя я не вижу ни в Иордании, ни где-либо в арабском мире движения, которое могло бы осуществить демократический выбор. В любом случае, вопрос о том, кто управляет палестинским государством, стоит совершенно отдельно от факта, что такое государство существует, представляя собой национальный очаг для палестинских арабов.

Именно поэтому Иордания предоставила свое гражданство всем палестинцам, живущим здесь, и совсем недавно приняла триста тысяч палестинских арабов, изгнанных из Кувейта вследствие неблагоприятной роли, сыгранной теми во время войны в Персидском заливе. Таким образом, Иордания стала домом для палестинских арабов - точно так же, как Израиль стал домом для евреев. Разумеется, существование палестинского национального очага вовсе не означает, что все палестинцы должны жить в нем. Палестинские арабы Иудеи и Самарии могут оставаться на подконтрольной Израилю территории, подобно тому, как многие евреи остаются в Америке, а не переезжают в еврейское государство. Но араб Самарии или Иудеи, сделавший такой выбор, обязан сознавать, что становится частью национального меньшинства в еврейском государстве, как это ясно осознают арабы из Галилеи и Яффо. Они имеют не больше прав требовать создания палестинского государства в Самарии, чем имеют права требовать создания третьего палестинского государства в Галилее тамошние арабы или четвертого - арабы Яффо. Если мир и будет достигнут, то лишь при условии, что палестинские арабы, в конце концов, признают, что составляют меньшинство на протяжении сорока миль к западу от реки Иордан и что они не получают никакого дополнительного независимого государства в этом регионе.

***

Однако арабы не прекращают призывать к созданию еще одного палестинского государства на Западном Берегу - иными словами, к появлению третьего независимого государства на той территории, что называлась Палестиной: "Израиль для израильтян, Иордания для иорданцев, Палестина для палестинцев". Подобные лозунги провозглашаются с очевидной целью создать иллюзию, будто в подмандатной Палестине существовало не два, а три отдельных народа - и притязания "палестинцев" нужно удовлетворить, ущемив права евреев. Кроме того, этими лозунгами подогреваются несбыточные ожидания арабской толпы и усиливаются традиционные тенденции отбрасывать с презрением любой разумный компромисс. Обещания арабских лидеров отдать палестинцам всю Палестину в 1947 -м году, весь Израиль в 1967-м, всю Иорданию в 1970-м оказались препятствием для решения проблемы палестинских арабов, ибо каждое из них вело к отрицанию разумного компромисса и к ухудшению и без того бедственного положения.

Иерусалим также стал объектом вновь возродившихся арабских притязаний. Арафат с давних времен неустанно повторяет, что не будет мира, пока флаг ООП не взвьется над этим городом. Запад воспринял это требование всерьез, и во всех планах предлагаемых мирных соглашений, так или иначе присутствует бесчестное предложение разрешить арабам поднять свой флаг над одной из частей Иерусалима - обычно той, которую в средствах массовой информации любят именовать "Восточным арабским Иерусалимом". Разумеется, в Восточном Иерусалиме нет ничего исключительно или даже преимущественно арабского. Эта часть города состоит из кварталов, которые Иорданскому легиону в 1948 году удалось захватить силой оружия. В то время там жили многие евреи, но иорданцы изгнали их.

В настоящее время здесь проживает 150 тысяч евреев и примерно столько же арабов. (В отличие от иорданцев, изгнавших евреев после захвата этой части города в 1948 году, Израиль не тронул арабов и пальцем, предложив им израильское гражданство.)

Восточный Иерусалим включает в себя Храмовую гору, Западную Стену (Стену Плача) и град Давида. На протяжении двенадцати веков он был столицей древнего Израиля - это душа и сердце всех еврейских устремлений к возвращению и возрождению земли Израиля. Ни при каких обстоятельствах Израиль не станет вести переговоры относительно судьбы Иерусалима - это все равно, как если бы американцам предложили вести переговоры о Вашингтоне, англичанам о Лондоне, французам о Париже. Израиль готов предоставить арабам полные и равные права в Иерусалиме - но не над Иерусалимом.

Ввиду огромного значения Иерусалима для еврейского народа, чье физическое присутствие в нем подтверждается такими кварталами, созданными в Восточном Иерусалиме после 1967 года, как Гило, Рамат-Эшколь, Рамот, Французский холм, Писгат-Зеэв и Неве-Яаков - любые предложения о передаче Иерусалима следует рассматривать, как фантазию чистой воды. Однако, за эти фантазии цепляются не только арабы. Практически в каждом министерстве иностранных дел на Западе, включая Государственный департамент Соединенных Штатов, существуют карты, на которых Восточный Иерусалим не входит в сферу израильского суверенитета. В реальности же, многие правительства отказываются признать право Израиля даже на Западный Иерусалим, ссылаясь на то, что "окончательный статус Иерусалима должен быть установлен путем переговоров" - в надежде на интернационализацию города, придание ему "специального статуса", отражающего уникальное значение Иерусалима не только для иудаизма, но также и для ислама и христианства. Но ведь только при еврейском правлении Иерусалим стал городом, открытым для всех конфессий, которым впервые

в истории было оказано равное покровительство. Убеждение евреев во всемирной значимости Иерусалима сделало его подлинно всемирным городом. Вырвать город из рук народа, обеспечившего всем беспрепятственный доступ в него, подчинить его некоей администрации ООНовского типа, означало бы не только нарушить исторические права еврейского народа на его единственную и уникальную столицу. Это означало бы ввергнуть город в хаос фракционной борьбы, ибо шумные сторонники ислама, подобные приверженцам Хомейни или Каддафи, вернули бы город к тому состоянию, в каком он находился до 1967 года, с бесконечными разделами и стычками между фанатиками - чего не может желать ни один разумный человек. Вот почему Израиль готов в рамках мирного соглашения гарантировать свободный доступ мусульман к их святыням в Иерусалиме, но это никоим образом не нарушает права Израиля сохранить Иерусалим как мирный и открытый город под израильским суверенитетом.

Могут возразить, что Израиль, намереваясь сохранить суверенитет над Иерусалимом и прочими территориями, ожидает, что арабы откажутся от своих притязаний на то, что считают принадлежащим им. Именно так и обстоит дело. В течение целого столетия арабы вели борьбу против евреев, исходя из доктрины, что нельзя отдавать ни клочка земли, которую считали арабской. Фактически на протяжении всей своей документально зафиксированной истории арабская нация добровольно не отдала и дюйма своей территории, будь то во имя мира или чего бы то ни было еще. Это проявилось в совершенно абсурдной форме после уступки Синая (более, чем в два раза превышающего размерами Израиль), когда Египет отказался уступить взамен несколько сотен метров, где израильяне уже частично построили роскошный отель - и это привело к кризису, который закончился лишь в 1989 году, когда Израиль пошел на уступку, согласившись отдать и эту землю.

Пришло, наконец, время признать, что мир возможен

лишь тогда, когда обе стороны идут на компромисс, дабы обеспечить необходимые условия своего существования. Сионистское движение и государство Израиль хорошо знают, что такое компромисс в сфере идеологии во имя существования и мира, поскольку совершали такие действия в нынешнем столетии, по меньшей мере, четырежды. В 1919 году сионисты, скрепя сердце, отказались от притязаний на реку Литани (ныне это Южный Ливан), которая должна была стать основным источником водоснабжения нового еврейского государства. В 1922 году четыре пятых Еврейского национального очага стали недостижимыми для евреев, поскольку эту территорию (нынешнюю Иорданию) решено было предоставить палестинским арабам. Это было пережить гораздо тяжелее - ибо означало отказ от значительной части библейского Израиля и согласие на то, что еврейское государство будет иметь в ширину лишь сорок миль. Но во имя достижения мира евреи пошли на это и ничего не потребовали взамен у палестинско-иорданского государства, в четыре раза превосходившего размерами Израиль. В 1979 году, заключая договор с Египтом, Израиль отступил, во имя мира, от многих самых дорогих ему принципов. Отдав Синай, он уступил обширную территорию, репатрировав многие тысячи евреев, имевших там свои дома, снеся жилые здания, хозяйственные постройки и школы, построенные посреди пустыни за пятнадцать лет, и окончательно отказался от любых исторических, стратегических и экономических притязаний на землю, где еврейский народ получил законы Моисея и стал нацией. И еще раз, в 1989 году, Израиль отказался от притязаний на Табу (близ Эйлата), уступив ее Египту во имя мира.

В течение трех четвертей века евреи постоянно шли на компромиссы в вопросах стратегического, исторического и нравственного порядка в надежде, умиротворив своих арабских соседей, достичь мира. Невозможно прийти к миру, требуя, чтобы евреи шли на компромисс во всем, а

арабы - ни в чем. Арабы, обладающие территорией, в пятьсот раз превышающей размеры Израиля, должны сегодня в ничтожной степени повторить то, что многократно делал Израиль: впервые в своей долгой истории отрешиться от экспансионизма и нетерпимости, дабы пойти на компромисс. Во имя мира они должны отказаться от притязаний на землю, составляющую четыре десятитысячных доли - 0,0004! - территорий, на которые они претендуют, на землю, которая является подлинным сердцем еврейского национального очага и которая служит как бы защитной стеной для еврейского государства. Если арабы не желают сделать даже эту микроскопическую разовую уступку, если они по-прежнему одержимы фантастическими представлениями об исключительности только арабских притязаний, если они неспособны уступить клочок земли, чтобы израильское государство могло спокойно существовать на Ближнем Востоке, то трудно утверждать, что они действительно готовы к миру.

Как обстоит дело с другой стороной, с арабами, живущими на этих территориях? Тот факт, что возможности Израиля в сфере территориальных компромиссов почти исчерпаны, неизбежно поднимает вопрос о будущем этого народа. Говорят, что Израиль, упорно держась за эти территории, обеспечивает свою безопасность, но зато получает взамен враждебно настроенное население. Это в значительной степени верно. Израилю следует найти способ сократить число арабов, могущих получить израильское гражданство, и найти способ уменьшить враждебность тех, кто останется внутри постоянных израильских границ. Вопрос, однако, не должен ставиться так - все или ничего. Ибо совершенно ложным является аргумент, что Израилю нужно отказаться от территории, жизненно важной для его существования, чтобы избавиться от нежелательного населения. Где живут арабы? На Голанских высотах арабов практически нет. В Иудее и Самарии население относительно разбросано, а там, где есть урбанистические образования, арабы

присутствуют (помимо Иерусалима) в городах Шхем, Рамалла, Бейт-Лехем и Хеврон, расположенных вдоль той самой доминирующей горной гряды, которая является стратегически необходимой для израильской обороны. Даже если Израиль согласился бы с рекомендациями американских штабистов и уступил бы не столь жизненно важные восточные холмы Самарии, это не избавило бы его от арабов - практически, ни один араб Западного Берега не живет здесь. Это, в прямом смысле слова, пустыня.

Фактически, существует лишь один регион, густо населенный арабами и в стратегическом отношении не столь жизненно важный - это Газа. Население Газы почти сравнялось с населением Западного Берега, но оно сосредоточено на одной пятнадцатой общей территории. (Западный Берег включает в себя 2130 квадратных миль - в сравнении со 135-ю милями в Газе.) В Газе нет высот. От остального арабского мира она отделена огромными пустынными пространствами Синая, что снижает ее стратегическую значимость. Для безопасности Израиля важно, что она располагается вблизи израильских поселений и густонаселенных центров - именно в силу этого она и превратилась в логово террористов, нападающих на мирных людей. В сущности, именно в этом качестве она и использовалась в течение девятнадцати лет египетского правления. Однако, как бы ни была велика исходящая от нее опасность, она не несет угрозы существованию Израиля.

В Иудее и Самарии, равно как и в Газе, ключевым является вопрос о статусе проживающего там арабского населения, который необходимо решить так, чтобы не подвергать опасности безопасность Израиля. В Кемп - Дэвидских соглашениях 1979 года Египет и Израиль договорились об основах урегулирования относительно этих территорий. Но Кемп-Дэвид был отринут целиком и полностью именно теми арабскими партиями, которые являются сторонами наиболее заинтересованными: и палестинские арабы, и иорданское правительство (большинство "палестинцев" яв-

ляются гражданами Иордании) отказались обсуждать этот вопрос.

Двенадцать лет спустя, на Мадридской мирной конференции 1991 года, дело сдвинулось с мертвой точки - и здесь иорданско-палестинская делегация не пожелала обсуждать Кемп-Дэвидские соглашения и даже просто упоминать о них. Но иорданские и палестинские участники переговоров, кажется, готовы принять, хотя бы временно, два принципа, установленных в Кемп-Дэвиде, в качестве основы для дискуссии:

- 1) переговоры должны вестись с целью создания промежуточного соглашения, в котором были бы затронуты многие аспекты нынешнего положения, чтобы позднее приступить к более сложным переговорам, имеющим целью окончательное соглашение;
- 2) этим временным соглашением может быть установлена определенная форма самоуправления для палестинских арабов, проживающих на этих территориях.

Поскольку иорданцы и палестинцы готовы согласиться только на эти два принципа, отвергая остальные пункты Кемп-Дэвидских соглашений, то Израиль вовсе не обязан свято соблюдать все обязательства, принятые в Кемп-Дэвиде. В конце концов, арабы не должны ожидать от Израиля твердой приверженности букве и духу документа, который сами они открыто отвергли в момент его подписания, и продолжают по-прежнему не признавать - вплоть до сегодняшнего дня. Требования палестинцев о дополнительных уступках Израиля - в соответствии с предложениями об автономии 1979 года, отвергнутыми самими палестинцами, - сродни нынешней предполагаемой готовности ООП согласиться с планом раздела 1947 года, по которому им отдавалась половина Израиля. Обстоятельства изменяются с течением времени, и арабы не могут каждый раз отводить часовую стрелку назад, чтобы испра-

вить совершенную ими же ошибку.

Учитывая эти оговорки, представляется вполне возможным обратиться к главным предложениям Кемп-Дэвидских соглашений, причем начинать следует с Газы. Поскольку арабская администрация Газы не будет представлять серьезной угрозы для безопасности Израиля, было бы разумно предоставить большей части этой территории самую полную автономию (с внесением небольших модификаций касательно еврейских поселений). Я мысленно представляю такое соглашение, по которому Израилю будут подчинены силы безопасности и внешние сношения, тогда как все остальное перейдет в компетенцию местных властей, благодаря чему Газа превратится в подлинную автономию при сохранении над ней суверенитета Израиля. Международные инвестиции в значительной мере избавят население Газы от необходимости работать в израильских городах, хотя потребуются значительные усилия, чтобы Газа могла впоследствии вести экономическое сотрудничество с Израилем, а живущие там евреи ощущали себя в безопасности и не были ущемлены в правах. По прошествии промежуточного периода длиной не менее десяти лет, в течение которого арабам Газы предстояло бы показать, что они способны создать мирное и стабильное правительство, Израиль мог бы рассмотреть предложения о предоставлении еще более полной автономии.

Как обстоит дело с арабскими жителями Иудеи и Самарии? В Кемп-Дэвиде вопрос об их "автономии" был затронут, но содержание и форма подобного правления так и не были определены. Ясно, что, при любом понимании автономии, Израиль должен сохранить свой суверенитет со всеми его прерогативами, включая вопросы обороны, внешних сношений, контроля над денежным обращением и внешней торговлей, тогда как арабам должно быть предоставлено право решать все проблемы повседневной жизни. Это имеет некоторое сходство с разделом полномочий между центральным правительством страны и местными

властями. Разумеется, придется вести переговоры по всем аспектам подобного раздела, но приемлемое решение этого вопроса позволит арабам Иудеи и Самарии управлять своей повседневной жизнью при минимальном вмешательстве центрального израильского правительства, одновременно гарантируя Израиллю максимальную безопасность против угрозы вторжения с востока и нападений террористов. Равным образом, израильтяне должны иметь полную свободу передвижения и полную свободу селиться в сердце своего национального очага - подобно тому, как арабы имеют свободу передвижения и поселения на этих территориях.

Каким образом можно установить равновесие между этими двумя потребностями? То, что необходимо для израильской безопасности, не должно вступать в соприкосновение с повседневной жизнью арабов. Армейские базы следует располагать за пределами городов, и на них недопустимы никакие маневры. Если исключить некоторые ситуации, когда ключевая высота находится вблизи города, или же стратегический проход ведет через городскую черту, то военный контроль означает, прежде всего, контроль над страной в целом. Конечно, это относится в основном к обычным военным проблемам, опасность же, исходящая от террористов, требует несколько иного подхода. С другой стороны, в тех случаях, когда небольшое число арабов живет на изолированном холме, вопрос о местном самоуправлении едва ли может возникнуть. Нет оснований, чтобы каждая небольшая группа арабов требовала полной автономии для горки, на которой стоят их дома. Следовательно, автономии должны получить, прежде всего, крупные городские центры, где арабское население сможет само распоряжаться своей жизнью. Существуют большие возможности для решения обеих вышеозначенных потребностей: автономия будет предоставлена тем населенным пунктам, где проживает арабское большинство, но из соглашения нужно исключить территории с разрозненно проживающим населением.

Естественно, в представлении арабов Иудея и Самария должны превратиться в цельную автономию для палестинских арабов с отдельными, четко обозначенными местами израильской военной дислокации. Однако, от подобных, привязанных к одному месту гарнизонов, нет никакой пользы, и арабам это хорошо известно. Защита страны подразумевает контроль над всей территорией, что означает свободное перемещение по дорогам и доступ в любую точку любого региона. Если же израильские войска будут взирать на страну из-за колючей проволоки своих баз, то арабские террористы, к примеру, получают полную свободу для безнаказанной расправы со своими жертвами. Чтобы успешно бороться с террористами, израильские войска и силы безопасности должны иметь свободный доступ повсюду, включая городские центры, где террористы совершают нападения и куда они стремятся в поисках укрытия.

Поэтому представляется разумным разработать систему четырех самоуправляемых административных единиц: Дженин, Шхем, Рамалла, Хеврон. Каждая из них включала бы в себя город и небольшие поселки, равно как и прилегающие к ним деревни. В совокупности, в этих четырех административных образованиях было бы сосредоточено огромное большинство арабского населения Западного Берега, и они включали бы в себя не более одной пятой территории. Хотя контроль над ключевыми сферами, такими, как безопасность и водоснабжение, оставался бы в руках центрального израильского правительства, ограниченная автономия была бы достигнута, поскольку в нее вошло бы большинство правительственных функций, включая такие сферы, как торговля, образование, религиозные вопросы, здравоохранение и социальное обеспечение. Подобное соглашение могло бы дать арабским жителям беспрецедентную возможность проявить себя практически во всех областях повседневной жизни и создать общество, которое отвечало бы их запросам. Это был бы широкомасштабный эксперимент по внедрению демократии, не имеющий аналогов в арабском мире.

Я считаю, что это соглашение о четырех административных единицах должно быть принято в качестве промежуточного - на переходный период, чтобы затем на его основе было бы выработано окончательное решение вопроса. В окончательном соглашении должен быть решен вопрос о том, предоставлять ли израильское гражданство тем, кто проживает на этих территориях (в настоящее время почти все они имеют иорданское подданство). Даже если бы у евреев не было моральных и исторических прав на землю, где располагаются эти административные единицы, безусловная необходимость в сохранении защитной стены сделала бы невозможным, как отмечалось выше, создание еще одного арабского государства, втиснувшегося между Израилем и Иорданией. При нынешнем военном положении весьма рискованно, конечно, включать в число израильских граждан столь многочисленное потенциально враждебное население. Но если арабы продемонстрируют искреннее желание жить в мире с Израилем, то можно было бы подумать о предоставлении гражданства жителям Иудеи и Самарии - по окончании переходного периода - в двадцать лет. Если жители этих четырех административных единиц предпочтут принять израильское гражданство, то это повлечет за собой определенные обязательства по отношению к государству Израиль: воинскую повинность и уплату налогов наравне с евреями, несущими на себе основное бремя государственных расходов. Ни в одной стране Запада нельзя получить права гражданства без принятия соответствующих обязательств - почти всегда включающих в себя клятву на верность или даже иное доказательство лояльности по отношению к государству. Арабские жители Иудеи и Самарии могут сделать выбор - сохранить свое иорданское гражданство, подобно тому, как миллионы жителей Соединенных Штатов обладают "Грин кард" (американским видом на жительство) и гражданством страны, из которой они прибыли в США. Но, будучи израильскими или иорданскими гражданами, эти арабы будут жить под властью

гражданского, а не военного правительства.

Этот план позволяет добиться нескольких целей: он дает Израилю контроль над территорией, жизненно важной для его защиты, одновременно давая живущим здесь арабам возможность жить в условиях личной свободы и автономного правления. В нем - залог освобождения всех без исключения арабов, ибо ни один араб к западу от реки Иордан не был бы лишен права голоса. Поскольку план этот рассчитан на продолжительное время, он дает возможность арабам и евреям проникнуться доверием друг к другу и приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

* * *

Но не только арабам и евреям отведена роль в созидании прочного мира в регионе. Как ясно показали Кемп-Дэвидские договоренности, моральная стратегическая и финансовая помощь Запада может сыграть решающую роль в установлении мира. Позитивные шаги в этом направлении были сделаны с началом многосторонних переговоров в 1991 году. Громадное значение для региона могли бы иметь иностранные инвестиции в такие области, как развитие водоснабжения и защита окружающей среды - тем самым были бы значительно смягчены некоторые источники напряженности, которые легко могут привести к возобновлению проявлений враждебности и к войне.

~ В частности, существуют две проблемы, требующие активного вмешательства западных правительств, без решения которых возможности установления мира был бы нанесен серьезный и даже, как я полагаю, непоправимый ущерб. Первая состоит в обустройстве арабских беженцев. Мы видим, что лагеря беженцев, разбросанные по Ближнему Востоку, представляют собой очаги ненависти и рассадники нищеты. Без них ООП вряд ли сумела бы дожить до наших

дней, а регион был бы освобожден от главного источника нестабильности. От Запада требуется не только бескорыстное сочувствие, но самые решительные шаги, ибо Запад также должен быть заинтересован в исчезновении этих очагов напряженности, дабы прекратить, наконец, ту долгую кампанию террора, что была развязана против Израиля и Запада главарями беженцев. Западная помощь необходима для широкомасштабного жилищного строительства и создания инфраструктуры, которая позволила бы превратить лагеря в нормальные города и поселки, а также для развития системы образования и инвестиций в сферу бизнеса, что могло бы резко повысить уровень жизни. Западные страны могли бы, кроме того, предложить приют беженцам, не желающим жить в Израиле или в каком-либо арабском государстве, и предпочитающим обрести новый дом в Северной Америке или в Европе. Соединив усилия, западные страны вполне могли бы принять и всех беженцев, если возникнет необходимость, решив тем самым проблему раз и навсегда.

Правда, арабские государства и сами обладают достаточными средствами, чтобы принять участие в этом деле, но, учитывая их прежние затраты на нужды беженцев (весь арабский мир покрыл менее одного процента программ ООН на помощь беженцам*), будет величайшим достижением, если они согласятся оказать хоть какую-то помощь.

Нужно требовать, чтобы арабы вкладывали денежные средства в обустройство беженцев по двум причинам: во-

---

* Запад оказал палестинским арабским беженцам щедрую помощь: Соединенные Штаты выплатили в 1990-91 годах 62 миллиона долларов, Швеция - 22 миллиона, Япония - 17 миллионов, Италия - 12 миллионов и Великобритания - 11 миллионов. Сравнительные показатели арабских государств, в том числе и баснословно богатых, ужасают: Саудовская Аравия - 1 миллион, Кувейт - 1 миллион и Иордания - 365 тысяч долларов (это единственные цифры, достойные упоминания). Взносы остальных восемнадцати арабских правительств не превышают пятизначного числа каждый - меньше, чем дал один только шведский Фонд спасения детей/11.

первых, арабские государства несут прямую ответственность за появление и сохранение проблемы беженцев, а, во-вторых, их участие в ее решении означало бы реальный шаг к прекращению конфликта с Израилем.

Однако Запад, включая Соединенные Штаты, настолько далек от честного обсуждения этой проблемы, что даже не способен положить конец арабским фантазиям по поводу "права на возвращение". Когда Соединенным Штатам был задан вопрос, поддерживают ли они по-прежнему Резолюцию ООН # 194, принятую в декабре 1948 года (в разгар Войны за Независимость) и призывающую возвратить беженцев в места их прежнего пребывания, Соединенные Штаты не нашли в себе силы ответить отрицательно. В течение трех дней произносилось нечто невнятное, а затем был дан уклончивый ответ ("Резолюция не соотносится с нынешними мирными процессами"/10), благодаря чему у арабов сохранилась надежда, что в один прекрасный день им удастся взвалить на Израиль дополнительное бремя по принятию сотен тысяч людей, которых арабские режимы жестоким образом обрекли на пожизненное изгнание. По вопросу о беженцах, равно как и по вопросу о других несправедливостях или устаревших резолюциях ООН (подобных Плану раздела 1947 года, согласно которому евреи получали только половину нынешней территории Израиля, или резолюции, призывающей к интернационализации Иерусалима), Соединенным Штатам и европейским государствам нужно изменить свою официальную позицию и открыто заявить о том, что резолюции эти неправомочны и лишены законной силы.

Второй важнейшей сферой для иностранного вмешательства является проблема разработки оружия массового поражения в арабских странах. Почти два года спустя после триумфальной победы над Саддамом Хусейном в Ираке все еще обнаруживается оборудование для производства ядерного оружия. Единственным возможным путем для предотвращения ситуации, когда арабские страны получают

возможность одним нажатием кнопки уничтожить израильские (и не только израильские) города является подлинный и жесткий мораторий на передачу подобного оружия - а это предполагает введение санкций против стран, нарушивших запрет. Без подобной согласованной международной акции, учитывая полное отсутствие демократизации в арабском мире, останется недолго дожидаться дня, когда какой-нибудь диктатор на Ближнем Востоке, обретя ядерное оружие, поставит на грань гибели не только Израиль и Ближний Восток, но всю планету в целом.

Все эти проблемы должны быть учтены планом мирного урегулирования, включающим три направления: двусторонние договоренности между Израилем и арабскими государствами; многосторонние международные договоренности (включая помощь в совместных проектах, затрагивающих Израиль и арабские государства); договоренности об улучшении условий совместного проживания евреев и арабов под эгидой израильского суверенитета. Каждое из этих направлений требует детального изучения, а этого можно достичь только путем долгих и тщательных переговоров. Понятно, что в ходе подобных переговоров одни компоненты предполагаемого соглашения могут быть изменены, а другие добавлены. Тем не менее, я убежден, что изложенные в этой главе соображения способны послужить основой для программы по достижению прочного и продолжительного мира между арабами и израильянами.

Помимо предложений по решению спорных вопросов, разумный подход к мирному урегулированию предполагает подписание официального мирного договора между арабскими государствами и Израилем; заключение соглашений по безопасности, гарантирующих Израиль от возможных нападений в будущем; нормализацию отношений (включая отказ от экономического бойкота Израиля); прекращение официальной антисемитской и антисионистской пропаганды в арабских школах и правительственных изданиях; режим международного запрета на продажу ядерного

оружия и радиоактивных материалов радикальным режимам Ближнего Востока; оказание международной помощи беженцам и региональное сотрудничество в сфере водоснабжения и защиты окружающей среды.

Это путь к достижению арабо-израильского мира на Ближнем Востоке, таком, каков он есть в настоящее время - беспокойном, недемократичном и не подверженном пока какому бы то ни было реформированию в силу присущих ему антагонизмов. Эти антагонизмы исчезнут еще очень не скоро. Вот почему процесс искреннего примирения может быть только многоступенчатым. Подобный многоступенчатый подход позволил бы обеим сторонам постепенно изменить свои суждения относительно возможности достижения мира, благодаря чему подвергнутся существенной трансформации военно-политические условия этого региона - будем надеяться, к лучшему.

У меня нет тени сомнения, что план этот будет с негодованием воспринят теми, кто отвергает саму идею о том, что самоопределение палестинских арабов может осуществиться только в рамках Иордании. Не принимая в расчет все, что написано в этой книге, они будут по-прежнему настаивать на скорейшем формировании иллюзорного палестинского государства на Западном Берегу - что неизбежно приведет к усилению нестабильности и к увековечению конфликтов. Однако, несмотря на море чернил, пролитых при написании бесполезных резолюций, пытавшихся решить вопрос о принадлежности Палестины, план, предложенный в этой книге, учитывает как интересы безопасности Израиля, так и возможность удовлетворения всех потребностей подавляющему большинству арабов, живущих в Иудее, Самарии и Газе. Хотя он, конечно, вызовет бешеное сопротивление в арабском лагере, а также в рядах пуристов в левых и правых партиях Израиля, я твердо верю, что в нем содержится реальная надежда на достижение прочного мира - мира, которого должны желать все реалистически настроенные люди, к какому бы лагерю они ни принадлежали.

Глава десятая

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?

В 1987 году, еще при коммунистическом правительстве, я побывал в Польше. Самолет приземлился на военном аэродроме под Краковом, и мы поехали на машине по уныло однообразной местности. Некоторое время спустя, нам по дороге попалась полуразрушенная деревушка, единственным опознавательным знаком которой была надпись "Освенцим". "Это же Аушвиц", - содрогнулся я. Там и в самом деле жили люди.

Миновав деревню, мы через несколько минут подъехали к воротам лагеря, украшенным позорным лозунгом: "Труд делает свободным". Как вскоре я узнал, не бараки Освенцима были тем местом, где подвергалась уничтожению большая часть из почти двух миллионов евреев, хотя и здесь погибли многие тысячи. Освенцим использовался, главным образом, как центр для германских специалистов по допросам и пыткам. Ликвидация же осуществлялась в другом месте. Вместе с коллегами-парламентариями и еврейскими школьниками из Израиля и других стран мы прошли пешком по колее, ведущей из Освенцима в соседнее Биркенау. Рельсы провели нас сквозь другие ужасные ворота и внезапно оборвались около белой железнодорожной платформы, уходящей внутрь лагеря на несколько сотен метров. По обеим ее сторонам находились крематории, теперь уже кое-где разрушившиеся. Поезда ежедневно останавливались у этой платформы, доставляя тысячи

евреев в газовые камеры. А там от них вскоре не оставалось ничего, кроме пепла.

До тех пор, пока я сам не очутился здесь, в Биркенау, я и представить себе не мог, насколько крошечной по земным меркам была эта точка. Хватило бы и одного захода бомбардировщика, чтобы фабрика смерти прекратила функционировать. А ведь союзники бомбили стратегические цели всего лишь в нескольких милях отсюда. Будь отдан такой приказ, пилоту достаточно было бы чуть повернуть ручку, чтобы прекратилось массовое убийство. Но такого приказа никто никогда не отдал.

Многие из тех, кто побывал в Биркенау, полагают, будто союзники и не подозревали, что евреи всей Европы систематически подвергались уничтожению. У меня другие сведения. Когда я работал в ООН, мы с коллегами полтора года вели кампанию за открытие секретных архивов с материалами ООН по нацистским военным преступникам. Когда же мы в конце концов получили доступ к этим досье, то обнаружили, что союзническая Комиссия по расследованию военных преступлений, созданная в Англии в 1942 году и состоявшая из представителей семнадцати стран, получала четкую и исчерпывающую информацию о том, что происходило в Биркенау, Хелмно и Дахау уже в начале 1944 года, - за полтора года до того, как падение нацистской Германии погасило пламя в печах. Если бы союзники приняли во внимание эту информацию, бесчисленное множество евреев было бы спасено. Но они знали и ничего не предприняли. Еврейство Европы было обречено.

Как евреи дошли до такой полной беспомощности? Как целый народ дошел до того, что его, как стадо, погнали на бойню, а он не был в состоянии воспротивиться столь чудовищному насилию над личностью каждого и над коллективным бытием всех? И как же они не смогли хоть каким-то действием доказать свое пресловутое мессианство?

Центральное место в скорбном опыте еврейского народа принадлежит проблеме слабости евреев, которая представ-

ляется оборотной стороной их силы. Меж этих двух полюсов и протекала еврейская история нового времени. Конечно, за последнее столетие – период, составляющий основной предмет нашей книги, – еврейский народ пережил наиболее резкие колебания маятника обстоятельств от одного полюса к другому. Погромы в России, дело Дрейфуса, надвигающаяся гроза антисемитизма, и ее кульминация – чудовищный взрыв Холокоста, циничная британская политика пресечения попыток палестинского ишува привести евреев Европы в спасительную Обетованную Землю, – вот те трагические ступени, по которым народ опустился до полнейшего немощного бессилия. И, соответственно, возрождение Израиля, возвращение евреями их былой военной мощи и их выдающиеся победы над противником, превосходящим в силе и технике, знаменовали собой движение в противоположном направлении. Хотя столь трагические колебания и происходили лишь в последнем столетии, я считаю, что возрождение Израиля можно осмыслить лишь в гораздо более широкой перспективе, – в свете тысячелетней истории. Ибо евреи – один из древнейших народов Земли, обладающий к тому же особой исторической памятью. Возрождение Израиля было сознательным стремлением избавиться от мертвой хватки непреходящего страдания, вплести в ткань еврейского будущего прочные нити неумирающей коллективной воли и целеустремленности, коренящейся в героической традиции.

Чтобы в полной мере осмыслить эту взаимосвязь силы и слабости в истории евреев, необходимо проследить положение нашего народа в течение гораздо более длительного периода времени, нежели современная эпоха. Исходной точкой такой перспективы, должно неизбежно стать положение евреев в древности, ибо именно в этот период происходило накопление жизненно важного опыта нации, формирование многих черт еврейского характера, еврейского мировосприятия, зарождались надежды, возлагаемые евреями на будущее.

В противоположность тому представлению о евреях, которое сложилось главным образом в последнее время, евреи в древности вовсе не были покорными жертвами. Напротив, они славились совершенно иными чертами национального характера, о чем свидетельствуют эллинистические и римские источники. В древности евреев, пожалуй, не слишком любили, но, несомненно, уважали за решимость и умение отразить любые посягательства на их права и свободу. Трудно найти другой народ, который бы так долго и упорно сопротивлялся столь необоримым обстоятельствам. Хотя земли евреев завоевывались поочередно и ассирийцами, и вавилонянами, и персами, и македонцами, и римлянами, и византийцами, и арабами, еврейский народ сопротивлялся почти двадцать веков.

На этом первом длительном этапе своей истории еврейский народ породил целый ряд замечательных военачальников и политических деятелей, возглавивших его затянувшуюся борьбу. Вряд ли в истории какой-либо нации найдется такой реестр, если найдется вообще: Моисей, Иисус Навин, Гидеон, Девора, Саул, Ионатан, Давид, цари Израиля и Иудеи, Нехемия, Маккавеи, Бар-Кохба, Элазар Бен-Яир, Иегуда Галилеянин, Шимон Бар-Гиора и другие менее известные иудейские предводители успешных восстаний против Рима и Византии.

Еврейскую диаспору в древности отличало еще и особое еврейское сопротивление. Со второго века до н.э. и вплоть до завершения римского владычества, евреи в Египте, Сирии и Римской империи славились своей способностью к политическому и вооруженному сопротивлению погромам, резне и грубому нарушению их прав со стороны нееврейского населения, среди которого они жили. "Вы знаете, как велика толпа их, как они сплочены и какое влияние они оказывают", - сетовал Цицерон, пытаясь избежать несвоевременных столкновений с евреями Рима/1. Против Рима и Византии евреи Иудеи боролись буквально в одиночку, оказывая в течение шести веков совершенно безнадежное

сопротивление сверхдержаве, покорившей значительную часть цивилизованного мира.

Если и существует какое-либо качество, которое евреи вынесли из собственной древней истории, то это - упорное нежелание уступать другим народам свою религиозную и политическую независимость, а равно и готовность к неустанной борьбе с потенциальными угнетателями. Порой они в этом преуспевали, хотя гораздо чаще - нет. Но они никогда не прекращали этой борьбы, что уже само по себе сохранило их самобытность и систему ценностей и убергло их от ассимиляции и исчезновения, которые постигли бесчисленные другие народы, не устоявшие перед мощью империй.

Куда же исчезла эта способность к сопротивлению, как же ее сменил ставший реальностью образ беззащитного еврея? Это случилось не в одночасье. Победенные, покоренные и измученные, евреи, тем не менее, продолжали бороться за право распоряжаться своей собственной судьбой. И порой проходили долгие десятилетия, прежде чем они вновь собирали и восстанавливали свою коллективную волю. Конечно, трагически затянувшаяся борьба против Римской империи отняла у нации много сил и энергии. Однако в противоположность расхожему мнению, эти поражения, напротив, не смогли искоренить в евреях волю к сопротивлению, о чем свидетельствуют последующие восстания евреев против Рима и Византии уже после Бар-Кохбы. Ибо, до тех пор, пока еврейский народ жил на своей земле, у него целиком и полностью сохранялась военно-политическая дееспособность, о чем свидетельствуют отношения с персами вплоть до начала седьмого века, когда евреи сначала заключили союз с ними, а потом - против них, как против оккупантов.

Однако после того, как евреи попали в изгнание и превратились во множество рассеянных по средневековому миру общин, они постепенно лишились всех тех условий, которые необходимы для самообороны. Хотя в средневе-

ковых городах евреи изолированно жили в собственных кварталах, они постепенно утрачивали свою способность давать должный отпор. Особенно заметен этот процесс в государствах средневековой Германии, где евреи, в отличие от остальных жителей, были лишены права ношения оружия для самообороны, несмотря на то, что именно евреи чаще всех подвергались беспричинным нападениям. Если вам нельзя носить шпагу, то вы вскоре совершенно разучитесь ею владеть. Так постепенно отмирали как физическая, так и психологическая готовность к сопротивлению. Евреи были обречены постепенно переходить на положение национального меньшинства, зависящего от покровительства, от того, захотят ли вообще хозяева их защищать. Проходило много веков, прежде чем евреев низвели до такого состояния абсолютной беспомощности. Так, например, испанские письменные источники четырнадцатого века сообщают о том, что евреи оказывали нападающим вооруженное сопротивление. Однако к тому времени подобное сопротивление стало уже исключением из правила. Еврейский народ утратил контроль над своей судьбой.

Состояние врожденной незащитности неизбежно провоцирует агрессию. Особенно остро это почувствовали на себе те евреи, чье уникальное сочетание экономического преуспевания с внутренней прирожденной слабостью, делало их притягательным объектом для агрессии и порождало все нарастающую волну погромов и притеснений. Изгнанные из одного места, евреи обычно обретали землю обетованную в другом, нарушая договор с сувереном и зная, как правило, только при условии грубого нападения, когда их союзники и заступники оказывались низвергнуты или ослаблены. Еврейский народ стал тем народом, которого другой народ уничтожает, зачастую, не без удовольствия и, как правило, безнаказанно. В одном ряду стоят избиение евреев крестоносцами в одиннадцатом веке, изгнание из Испании в пятнадцатом, великое кровопускание на Украине в семнадцатом, погромы в России в девятнадцатом и

Холокост в Европе нашего времени. По мере совершенствования способов уничтожения, трагические события становились все ужаснее и ужаснее.

Первым результатом атрофии еврейского сопротивления стало физическое уничтожение евреев в немыслимых масштабах. Ни один из народов не оплатил такой ценой свою беззащитность. Но было и другое роковое последствие. Медленно и неуклонно на протяжении веков изгнания менялся облик и характер еврея. Славное прошлое евреев померкло в глубинах времени и утратило всякую связь с настоящим. Само слово "еврей" стало объектом презрения, насмешек, в лучшем случае, жалости. В сотне различных языков оно стало синонимом слова "трус". Прозвище "вечный скиталец" прочно закрепилось за евреем, свидетельствуя о непрочности и ненадежности его существования. Не осталось и следа того сдержанного восхищения мужеством и упорством евреев, которое испытывали люди в древности.

Хуже того, этот уничижительный образ был усвоен значительной частью евреев, и многие из них стали относиться к себе так, как к ним относились другие. Особенно пагубный сдвиг произошел в наше время. Едва возникли доктрины современного пацифизма, многие евреи кинулись к ним с распростертыми объятиями, полагая, что наконец-то они смогут превратить во всеобщую добродетель то, что всегда было исключительно еврейской уязвимостью. То, что евреи "не хотели" (не могли) прибегать к оружию, что они не хотели "унижать" собственное достоинство, "опускаясь до насилия", было воспринято как явное свидетельство их морального превосходства над остальными людьми, которые не подвергались подобному ограничению.

Из всех сионистских лидеров лишь В. Жаботинский видел, к чему это ведет. В 30-х годах он забил тревогу и заговорил о надвигающейся опасности. В 1938 году в Варшаве в день еврейского поста Девятого Ава (в ознаменование разрушения Иерусалимского Храма) он обратился к

трем миллионам польских евреев, из которых почти никому не было суждено пережить войну, со словами:

"Вот уже три года, как я умоляю вас, евреи Польши, венец мирового еврейства, обращаюсь к вам, неустанно предупреждая вас, что катастрофа уже близка. Волосы мои побелели, а сам я постарел за эти годы, ибо сердце мое истекает кровью от того, что вы, дорогие братья и сестры, не замечаете вулкана, который скоро начнет извергать уничтожающее пламя. Предо мною стоит ужасное видение. У вас все меньше и меньше времени на спасение. Я знаю, вы не можете этого осознать, ибо вас беспокоят и смущают повседневные заботы... Прислушайтесь к моим словам в этот последний, двенадцатый час. Ради Бога: пусть каждый спасает себя, пока для этого есть еще время, ибо время уходит".

Но Жаботинский видел еще и проблески света в этом мраке: "И хочу я вам сказать кое-что еще в этот день Девятого Ава: те, кому посчастливится избежать этой катастрофы, будет жить, дабы встретить счастливый миг великой радости евреев: возрождение и создание Еврейского Государства! Не знаю, доживу ли я до этого, но сын мой доживет! В этом я уверен, как уверен в том, что завтра утром взойдет солнце. Я искренне верю в это"/2.

Даже за год до того, как разразилась война, мало кто мог представить себе масштабы надвигающейся катастрофы, но еще меньше было тех, кто мог разделить с Жаботинским его надежду.

В одном из последних эпизодов незабываемого документального произведения Клода Ланцмана "Шоа" (Катастрофа) уловлена эта безнадежность. "Шоа" заканчивается свидетельским показанием одного из спасшихся из варшавского гетто. Он описывает, как в один из последних отчаянных дней ужасных боев, когда немецкие войска не оставили в гетто камня на камне, его послали просить помощи у польских повстанцев. Спустившись под землю, он по канализационной системе пробрался через немецкое оцеп-

ление в "арийский" сектор Варшавы. Поляки отказали ему в просьбе. Сделав все, что мог, он решил вернуться назад. Вновь спустившись в канализацию, он в кромешной темноте вышел на поверхность в самом центре гетто. Его встретила абсолютная тишина. Все были мертвы. И этот выживший человек вспоминает, как он сказал себе: "Я последний еврей. Дождусь утра и немцев"/3.

Он был не так уж далек от истины, решив, что остался последним из евреев. В 1942 году правители нацистской Германии собрались на вилле берлинского пригорода Ванзее для выработки "Окончательного решения". Как впоследствии стало известно, нацисты планировали уничтожить всех евреев в Европе, - от Британии до Советского Союза. Они составили подробные списки на полное уничтожение 11 миллионов человек, вплоть до двух сотен албанских евреев, внесенных в ликвидационный список/4. В первоначальном плане немцы предусматривали уничтожение только евреев Европы. Однако, когда нацистские армии вторглись в Северную Африку, началась депортация евреев в лагеря смерти также и из этих стран. Их, как и евреев России, спасло лишь поражение гитлеровской Германии.

Это, по-видимому, было следствием длительного, чудовищного перерождения евреев: сыны Маккавеев были обречены исчезнуть с лица земли.

Однако, на этом нижайшем из уровней еврейской истории начало свершаться второе великое преображение: евреи вновь открыли в себе способность к сопротивлению. В огромных армиях стран посленаполеоновской Европы стали муштроваться и солдат из евреев, а к началу первой мировой войны на военной службе находились уже сотни тысяч евреев, которые сражались в армиях по обе стороны фронта. Во Второй мировой войне евреи участвовали в борьбе на стороне союзников. Но наиболее поразительная трансформация вершилась в глубинах самой бездны. В Варшавском гетто, в Трешлинке и Собиборе евреи героичес-

ки сопротивлялись нацистам. Восставая против нацистов в этих ужасающих, невероятных условиях, они доказывали, что не прервалась еще та древняя нить, что была вплетена в ткань их характера.

Во время Первой мировой войны сионисты приступили к воссозданию (после многовекового перерыва) подразделений еврейских вооруженных сил. Начало этому положил Еврейский легион Жаботинского, затем его сменили временные формирования самообороны в 20-х годах. Особые ночные отряды Орде Уингейта в 30-х и Еврейская бригада в английской армии времен Второй мировой войны. На их основе впоследствии сформировались вооруженные соединения Хаганы, ЭЦЕЛа и ЛЕХИ, которые, в свою очередь, проложили путь к созданию Армии Обороны Израиля.

С основанием государства Израиль подавляющее большинство евреев быстро пришло к осознанию чрезвычайной важности военной мощи для страны – перемена гораздо более неожиданная и разительная, нежели постепенная утрата в прошлом этого понимания. Ибо если превращение евреев из воинственного народа в народ покорный происходило на протяжении многих веков, то всего лишь за несколько лет возрождения независимости евреи вновь овладели военным искусством. К великому изумлению мира, Еврейское государство создало армию, доказавшую свою способность вновь и вновь наносить поражение армиям лучше оснащенного и гораздо более многочисленного противника. Более того, в борьбе с терроризмом израильские солдаты показали деморализованному и парализованному миру, что цивилизованные общества могут справиться с этим бедствием. Бесчисленными операциями и спецрейдами, достигшими апогея в спасительной миссии в "Энтеббе", Израиль доказал, что с терроризмом можно бороться и его можно победить.

Это изменило само представление о еврее у неевреев. Уважение к военной доблести израильтян, сражающихся

против превосходящих сил противника, вовсе не означает, что антисемитские стереотипные представления о евреях изменились всюду и везде, - у некоторых антисемитов, поощряемых арабами, создан карикатурный образ трусливого корыстного еврея, облаченного в десантную форму. Однако, несмотря на эти гротескные искажения, большинство людей во всем мире прекрасно понимают, что с еврейским народом в Израиле происходят важные перемены. Восхищаясь, как и в древности, решимостью, находчивостью и отвагой, проявленными еврейской армией, многие меняют свое представление о евреях, или, по крайней мере, о некоторых из них.

Однако гораздо значительнее оказались перемены в отношении евреев к самим себе. Началось это в 90-х годах прошлого века. Все, кто приезжал в эти годы в Палестину, отмечали перемены, происходившие в еврейской молодежи первого поколения пионеров ("халуцим"). В отличие от своих правоверных собратьев из еврейских кварталов Цфата и Иерусалима, эти молодые евреи, главным образом, сыновья и дочери недавних репатриантов, обрабатывали землю, объезжали лошадей, учились стрелять, говорили на возрожденном иврите, умели поддерживать дружеские отношения с арабами, а, если надо, то и противостоять им, чем снискали у них если не любовь, то уважение.

Примером людей этого нового поколения была семья Ааронсонов из поселения Зихрон-Яков, которая на переломе столетий стала широко известна как в Палестине, так и за рубежом. Зажиточные фермеры, они получили шумную международную известность благодаря достижениям старшего из сыновей - решительного и волевого Аарона. Ааронсон был многосторонней личностью: талантливый агрономом, мудрым и дальновидным политиком, трезвым организатором и руководителем. Он сам, его не менее волевая и решительная сестра Сара и группа молодых палестинских евреев, в которую входили такие колоритные фигуры, как искатель приключений Иосеф Лишанский

и мечтательный романтик Авшалом Файнберг, создали тайную разведывательную сеть. Они передавали сигналы английским кораблям из собственного имения, с отвесной скалы над Средиземным морем. Каждой из этих неординарных личностей - членов группы НИЛИ - была уготована, как стало потом известно, трагическая смерть: Сара наложила на себя руки, когда турки пытали ее на допросах; Авшалома убили бедуины в песках близ Рафияха, когда он шел к британской линии фронта в Египет; Лишанского турки повесили в Дамаске - после того, как он был пойман на севере страны; Аарон пропал без вести тридцати девяти лет, когда его самолет таинственно исчез над Ла-Маншем. И, тем не менее, мужество и отвага, проявленные этими молодыми евреями, присущий им особый дух, сочетавший в себе поглощенность земными интересами с неистовой гордостью и столь же неукротимым стремлением изгнать с еврейской земли оттоманских оккупантов, сформировали моральные качества целых поколений молодых палестинских (а потом и израильских) евреев. Британский полковник Ричард Майнерцаген, о котором я рассказал во второй главе, в качестве офицера разведки генерала Алленби работал с группой Ааронсонов и в результате этого сотрудничества полностью изменил свое прежнее представление о евреях.

Эта существенная перемена в еврейском характере совершилась на земле Палестины чрезвычайно быстро - за первую половину столетия. Накануне провозглашения независимости Израиля возник совершенно новый тип характера еврея, готового подняться на борьбу за освобождение своего народа. Пятьдесят лет - это миг в совокупной жизни древнего народа, но в жизни каждой отдельной личности этот срок может показаться вечностью. К тому моменту, когда выросло и достигло зрелости второе и третье поколение, евреи Израиля начали забывать гетто.

Я познал это на собственном опыте. Хаим Бен-Йона был одним из молодых израильских новобранцев, с которым я познакомился в элитной военной части, куда мы оба

пошли добровольцами. Хаим был на добрые полголовы выше всех нас, да и во всем остальном он тоже выделялся. Застенчивая улыбка скрывала сильный характер, сочетавшийся с внутренней собранностью, что делало его первым из всего нашего призыва кандидатом на поступление в офицерскую школу. Если вообще существовал человек, являющий собой наглядный пример тех качеств, которые мы ценим в характере израильтянина, то этим человеком был Хаим. Нам всем это было ясно с первого дня в армии. Зачисление в часть оказалось сопряжено с суточным восьмидесятикилометровым переходом, причем путь пролегал по труднопроходимой местности, и происходило это во время жесточайшей зимней бури. В самом начале перехода офицер, командовавший группой Хаима, вывихнул лодыжку. Его должны были эвакуировать, и он попросил Хаима, такого же, как и все мы, необученного новобранца, принять командование. Хаим сделал это просто и спокойно.

В 1969 году, непроглядной ночью, когда группа наносила контрудар через Суэцкий канал - после кошмарного египетского налета - Хаим погиб во время внезапно начавшегося артобстрела. Он упал в канал и исчез. Мы безуспешно искали его всю эту и следующую ночь. Несколько дней спустя египтяне вернули нам его тело. Хаим был погребен в конце длинной кипарисовой аллеи в кибуце Эц-Хаим в западной Галилее, у своего родного дома. Здесь же я познакомился с матерью Хаима, Шуламит, и узнал, что Хаим родился вскоре после того, как они с его тцом были освобождены из нацистского лагеря смерти. Родись этот отважный молодой офицер двумя годами раньше, он был бы брошен в печь, как миллион других еврейских младенцев. Мать Хаима поведала мне, что хотя она и испытывает ужасную боль, в ней нет привкуса горечи, потому что сын ее погиб в форме еврейского солдата, защищающего свой народ.

Мне было тогда девятнадцать лет, и слова эти глубоко запали мне в душу. Я ловил себя на мысли: что, если бы

Хаим не прожил даже и такой короткой жизни. Или, еще ужасней, что он мог бы пережить войну, но жить в мире, где не было бы Израиля. Родись Хаим в другой стране - стал бы он таким же бесстрашным еврейским парнем, но говорящим по-венгерски, был бы он так же уверен в своем месте в жизни, был бы он так же внутренне спокоен? Для меня это была очень сложная проблема, и я не был уверен в ответе. Я-то родился в еврейском государстве и потому верил, что та система ценностей и отношений, в которых выросли я и мои сверстники, были естественны, неизменны и даже общеприняты у евреев.

Отличительной чертой характера многих евреев в Израиле стало отсутствие чувства личной незащищенности, которое присуще наиболее удачливым их собратьям в диаспоре. Что значит быть евреем в Израиле? Не лучше ли живет еврей в галуте? Этим вопросом почему-то задаются крайне редко. Несмотря на множество проблем, израильтяне в подавляющем своем большинстве чувствуют себя в Израиле целиком и полностью дома. Конечно, многие евреи чувствуют себя как дома и в Америке, но испытав на себе проявления откровенного антисемитизма, они могут лишиться этого чувства безопасности. Когда неевреи отмечают в евреях эту уязвимость, то зачастую ошибочно приписывают ее трусости. Я долго не мог до конца уразуметь, почему евреев считают малодушными. Хотя, конечно же, мне в детстве и юности попадались в Иерусалиме поразительные трусы, но чаще я видел у израильтян, с которыми вместе рос, прямо противоположные качества. Речь здесь идет не о мужестве отдельно взятой личности (или о его отсутствии), но о присущей израильтянам сплоченности, которая, в свою очередь, рождает у человека чувство спокойной уверенности. Это чувство стало еще одним величайшим результатом Возвращения. Возвращение не только физически собрало евреев, но и побудило их к духовному объединению, породило те чувства и отношения, которые были утрачены еврейством в пору рассеяния.

Скорость, с которой в Израиле выросло поколение, развившее пришедшие из глубины веков моральные принципы, оказалась беспрецедентной в истории становления культур. Эта поразительная метаморфоза могла произойти только потому, что еврейский народ сохранил память о своем былом величии. Он сберег стремление не только вновь обрести свою национальную независимость, но и возродить самоценность каждой отдельно взятой личности. Вот почему весть о событиях, происходивших в Израиле, достигала самых отдаленных уголков диаспоры и оказывала колоссальное воздействие на евреев, живущих в различных уголках мира. Победа в Шестидневной войне возродила еврейскую национальную гордость. И вовсе не случайно после победы в Шестидневной войне произошло великое пробуждение советского еврейства, покоившегося в полувековой коммунистической амнезии. Становление Государства Израиль, способность евреев к решительному сопротивлению, возродившаяся после столетий покорности, трансформировали душевное состояние рассеянного по всему миру еврейского народа.

Но эта трансформация не была перерождением. Ибо еврейский народ и не мог сразу приспособиться к новой, независимой жизни. Когда вашу судьбу веками определяли другие, то очень сложно принять мысль, что вы сами можете направлять действия других. Политическая культура предполагает, что борьба за обеспечение политических прав является естественной и неотъемлемой частью борьбы за существование.

Однако евреям очень трудно было смириться с мыслью о необходимости применения военной силы, они мучительно преодолевали укоренившееся представление о том, что нашему народу это чуждо. Призывы Теодора Герцля и Владимира Жаботинского к формированию еврейских вооруженных сил были отвергнуты многими евреями как неуместный вздор. Еврейские критики изо всех уголков света предупреждали, что появление у евреев своей военной

машины приведет наш народ к милитаризму и национальному экстремизму, словно сам по себе факт владения оружием не совместим с нравственностью. Если бы союзники, сражавшиеся с нацистами, придерживались того же мнения, то человечество было бы обречено.

Отвергая призыв сионистов организовать политическое и военное сопротивление, евреи Европы потеряли целых четыре десятилетия. В результате этой нерешительности и стал возможен Освенцим.

Упорное нежелание большинства евреев признать очевидную необходимость самообороны кажется сейчас невероятным. Конечно, после Катастрофы евреи пришли к пониманию необходимости военной силы. Они осознали тот суровый факт, что именно отсутствие возможности оказать нацистам физическое сопротивление привело к беспощадному массовому истреблению трети еврейского народа. Это осознание и привело к созданию Армии Обороны Израиля, без которой на долю евреев выпал бы новый Холокост - от рук арабов.

Но даже многие израильтяне, признающие необходимость вооруженного сопротивления, внутренне противятся тому факту, что противостояние продлится в течение неопределенного времени. Возможно, мучительная одиссея еврейского народа стала причиной тому, что им хочется найти способ не тратить время и силы на это постоянное политическое, а зачастую и военное, противостояние. Когда же все это кончится? Именно таким вопросом задаются многие евреи - в Израиле и за его пределами. Мы что, вечно будем сражаться? Неужели взявшие меч вечно будут от него погибать?

Израилю никогда не получить окончательного ответа на эти вопросы. Никто не в состоянии ни прозреть бесконечную череду войн, ни предсказать масштабы сражений или их исход. Разразятся ли новые войны, или взрывоопасная обстановка разрядится дипломатическим путем - на эти вопросы никто не может ответить с уверенностью. Но

уверенно можно предположить, что конфликт на Ближнем Востоке не прекратится ни при каких обстоятельствах - разве что вдруг выяснится, что история подошла к своему концу, и мы вступаем в золотой век. И не случайно мечта эта - тоже еврейского происхождения. Правда, видения Исайи и других иудейских пророков устремлены были, главным образом, на то, чтобы научить нас стремиться к тому, чего вовсе не обязательно ожидают на будущей неделе. У евреев столь обострено представление о том, каким человечеству следовало бы быть, что они зачастую поступают так, словно это уже и есть на самом деле.

Нигде стремление увидеть, что все движется к скорому и успешному концу, не ощущается столь остро, как в Израиле. Естественно, что в стране, которую неоднократно осаждали вражеские армии, стремившиеся ее уничтожить, в стране, чьи восемнадцатилетние сыновья и дочери отдают годы своей молодости службе в армии, а взрослые резервисты служат еще двадцать пять лет, возникает непреодолимое стремление к миру. В результате этого в широких кругах израильского общества сформировалось упрощенное, несколько сентиментальное и едва ли не мессианское представление о политике.

Я хорошо помню, какую позицию заняли многие израильтяне после победы в Шестидневной войне. Тогда широко распространилось мнение, что арабы запросят немедленного прекращения конфликта. Помню, что даже мне, восемнадцатилетнему, казалось невероятной ребяческой глупостью убеждение, будто арабские лидеры снимут телефонную трубку и в мгновение ока предложат прекратить многолетнее противостояние. Знаменательно, сколь многие в Израиле тогда действительно верили в это, не допуская мысли, что арабы будут продолжать борьбу с Израилем другими методами - пока не подготовятся к следующему военному витку; не учитывая, что для изменения арабского отношения к Израилю потребуется немалое время.

Такое отношение было, отчасти, результатом сложившейся

ся тенденции приписывать арабам те же самые чувства, что испытывали мы в Израиле. Сторонники такой позиции совершенно не принимали в расчет различий в ментальности, культуре, истории и политических ориентациях. Многие израильтяне верили, что арабы ненавидят войну так же, как и они сами. Мол, если им как следует разъяснить мирные намерения Израиля, то арабы с восторгом заключат нас в свои объятия. Такой сентиментальный подход к этому вопросу отстаивало в 20-х годах движение "Брит Шалом" (Союз мира). Его возглавлял американский раввин Джуда Магнес, поселившийся в Иерусалиме и ставший ректором Еврейского университета. Магнес, как истинный американец, считал, что арабо-еврейский конфликт был результатом неумения общаться. Он полагал, что муфтия можно убедить, умиротворить и успокоить, что ни при каких обстоятельствах евреи не должны братья за оружие и наносить ответный удар, ибо это только усугубит враждебное отношение к ним со стороны арабов. Трудно поверить, как много выдающихся представителей интеллигенции еврейского ишува в Палестине продолжало цепляться за эту точку зрения - не только перед лицом спровоцированных муфтием кровавых антиеврейских вспышек, но даже и в тот период, когда он был активным сторонником нацистов. Среди нас и сегодня все еще немало последователей движения "Брит Шалом", игнорирующих реалии арабской политической жизни, отвергающих саму мысль о том, что арабы стремятся к уничтожению Израиля. Следуя какой-то извращенной логике, эти люди считают, что нужно проводить политику умиротворения агрессора, а не оказывать ему сопротивление.

Это отношение к арабо-еврейскому противостоянию заметно сказывается на образе мыслей неожиданно многочисленной части населения Израиля - людей как левой, так и правой ориентации. Основывается оно на неослабном желании евреев увидеть конец этой борьбы. По сути, это антиполитический подход к жизни наций. Согласно ему,

история, или точнее, ближневосточная история, должна носить конечный характер. Мы должны достичь некоего состояния, именуемого "миром", при котором история попросту прекратится. Войнам будет положен конец, внешние конфликты утихнут, внутренние прекратятся, арабы признают Израиль, а евреи пребудут в согласии. И тогда-то Израиль станет некоей блаженной твердыней во облацах, волшебной землей иудейской, где евреи смогут наконец-то вздохнуть после борьбы и сражений.

Подобные рассуждения я помню с детства. В иллюстрированных учебниках по географии Израиля были картинки с возделанными нивами на пологих холмах, в центре которых располагались группы беленьких домиков с красными черепичными крышами и водонапорными башнями позади селений, по-видимому, олицетворяющими некий идиллический кибуц или мошав. Идея была такова: каждому из нас уготовано судьбой иметь собственный вариант этой идиллии со своим собственным домиком в тени густолиственного дерева и лужайкой перед ним, как будто мы жили не в чреве песчаной бури, как будто вокруг нас не бушевали пыльные смерчи фанатизма и войны, как будто мы жили не на Ближнем Востоке, а на Среднем Западе. Это фантастическое представление о положении дел в Израиле, включая сказочную развязку, доминировало в обучении подрастающих поколений как до образования государства, так и после того, как оно было создано.

Ввиду продолжительного отсутствия долгожданного мира пропасть между идиллией и реальностью все углублялась, порождая чувство безысходности, которое особенно обострялось на полюсах израильского политического спектра. Дело, оказывается, не в том, что эта идиллия оказалась несвоевременной или нуждается в пересмотре, а в том, что мы сбились с пути истинного и нас наказуют за грехи наши тем, что арабы отказываются нас признавать. Если только мы сумели бы исправить пути наши, мы достигли бы состояния того вождя пасторального блаженства,

стремление к которому столь глубоко укоренись в израильской душе.

Для левых эта мессианская вера сконцентрирована на "грехе" захвата Израилем территорий во время Шестидневной войны. Сторонники этой точки зрения ностальгически оглядываются на 20-е годы, когда Израиль существовал в уязвимо зачаточном состоянии. Они как-то ухитряются помнить не ту чудовищную опасность, которой подвергалась страна, а только лишь относительную сплоченность нации, кстати, этой опасностью и порожденную.

Переоценка истории с этих левых позиций началом всех зол полагает включение в состав Израиля новых территорий после Шестидневной войны. Израиль стал самоуверенным и самодовольным, бесчувственным и антигуманным, угнетающим палестинских арабов и опорочившим израильскую душу, находящуюся в процессе становления. Дабы спасти душу Израиля, мы должны отсечь часть тела. Едва лишь нация освободится от этих территорий, как экономика страны выправится, израильтянам придется меньше служить в резервистах, появится работа для новых репатриантов и деньги на строительство безопасных автострад. Время от времени такого рода аргументы выплескиваются на страницы зарубежной прессы в виде статей о негативных последствиях "напряженных отношений, вызванных оккупацией". Основной тезис сторонников этой точки зрения таков: отдай территории и спасешься. Истинно верующие убеждены, что мы находимся на пороге спасения, но либо слишком глупы, либо, попросту, слепы, чтобы переступить его.

Зеркальным отражением этого мессианства является правое религиозное крыло, где убеждены, что уже самого по себе обустройства земли достаточно, чтобы быть достойным промысла Божия и прекращения бедствий страны. Если бы только Израиль поднапрягся и построил побольше поселений на новых землях, то можно было бы и не обращать внимания на давление мирового общественного мнения.

Вариацией на тему праворелигиозной точки зрения является выдвинутая частью нерелигиозных правых идея, что Израиль мог бы добиться стабильности, если бы только смог избавиться от живущих среди нас арабов. То есть, левые считают, что избавление от новых территорий излечило бы все недуги Израиля, правые же уверены, что сохранение территорий способствовало бы достижению того же самого результата.

Все эти простые решения на самом деле не так уж просты, да и ничего не решают. Ибо в основе всего лежит проблема враждебного отношения арабского мира к Израилю. Обе фантастические идеи свидетельствуют о полной незрелости политической культуры израильтян, об отчаянном стремлении уклониться от той тяжелой борьбы, которую на протяжении всего этого столетия диктует нам враждебное окружение, и с которой Израилю придется столкнуться еще и в грядущем столетии.

Конечно, непрерывная борьба вовсе не означает ведения бесконечных военных действий. Но она обязательно предполагает постоянное напряжение сил всей нации. Прекращение состояния войны с арабскими государствами и установление официального мира с ними, конечно же, существенно снизит уровень напряженности конфликта, но никогда не сможет полностью исключить возможность будущих войн и переворотов - так же, как окончание холодной войны вовсе не является концом всех конфликтов или концом собственно исторического развития, как некоторые наивно полагают. Невозможно положить конец борьбе за существование, не покончив с самой жизнью.

С этим-то и не могут согласиться евреи вообще и израильтяне, в частности. Мы - нация идеалистов, и идеалистов кабинетных, у которых до сих пор ощущается слишком долгое отсутствие опыта существования в условиях политического суверенитета, и которые почитают освоение реалий международной политики непосильным трудом для себя. Пораженческие тенденции израильской политики коре-

няться именно в этой еврейской неспособности примириться с постоянной необходимостью проявления силы.

***

По прошествии десятилетий большинство израильтян смирилось с мыслью, что именно армия, по крайней мере, в данный период, составляет необходимую основу безопасности Израиля. Однако успехи ЦАХАЛа в деле защиты страны и ее граждан затмили собой главное: только лишь численности вооруженных сил вовсе не достаточно для того, чтобы нация выжила. Точно так же, как еще совсем недавно евреи не могли осознать необходимость военной мощи, многие израильтяне сейчас никак не могут понять значение и необходимость наличия той тотальной силы, которая складывается из совокупности военных, экономических и политических возможностей страны.

В противоположность своей вновь обретенной готовности защищаться от вооруженного нападения, многие израильтяне демонстрируют тревожащую склонность идти на уступки при первых же признаках международного политико-экономического давления. Кто мы такие, - спрашивают они, - чтобы противостоять всему миру? И если на то воля объединенных наций, то что нам остается, как не следовать ей? То, что зачастую просто необходимо выражать несогласие с господствующим мнением - эта идея крайне редко приходит израильтянам в голову. В самую возможность выражения несогласия верится еще меньше. Нам все еще в значительной мере присуща склонность к пассивности и покорности, приобретенная в изгнании.

Двадцатое столетие наглядно доказало, что в условиях международных конфликтов политическая власть важна не менее, чем военная мощь. И никому не позволено забывать эту аксиому. Чехи пренебрегли ею и позволили Гит-

леру загнать себя в Мюнхене в угол. Фюрер вынудил их без единого выстрела сдать оборонительные рубежи своей страны. Однако за недооценку значения политической власти расплачиваются не одни только жертвы агрессии. Забывают об этом порой и сами агрессоры. Саддам Хусейн, скажем, не учел этого при попытке захватить Кувейт. Его армия в считанные часы подавила всякое сопротивление кувейтцев, однако Саддам был совершенно не готов принять политической бой, разразившийся шесть месяцев спустя, когда нужно было убедить международное общественное мнение, что его дело правое, и что правительства стран мирового сообщества не должны объявлять эмбарго и предпринимать военные действия, чтобы вырвать Кувейт из-под его власти. Он мог бы заранее подготовить почву, организовав на Западе широкую пропагандистскую кампанию, которая скрыла бы истинные намерения Ирака за ароматными клубами завесы приличествующих случаю заверений. что-де правители Кувейта - коррумпированные угнетатели собственного народа, что кувейтцы являются неотъемлемой частью народа иракского, что они приветствуют власть Саддама и т.п. Так и не сумев вступить в сражение на этом поприще, Саддам позорно проиграл. Никто не только не пришел ему на помощь, но даже и не выступил посредником в достижении более или менее благопристойного компромисса. Спасло Саддама лишь то, что в последние часы войны американцы не проявили достаточной решительности.

Иракский диктатор познал на горьком опыте: чтобы побеждать с помощью военной силы, надо одержать политическую победу, чтобы одержать политическую победу, нужно завладеть общественным мнением, чтобы завладеть общественным мнением, нужно убедить общественность в том, что твое дело - правое. Это цепь непреложных условий, главное из которых состоит в поддержке со стороны общественного мнения, мобилизованного в самых широких масштабах.

Господство демократических идеалов и демократической терминологии, наряду с появлением всепроникающих средств массовой информации, вывело международное общественное мнение на главную арену политических баталий. Практически не имеет никакого значения, правое ли ваше дело или не правое, морально оно или аморально. Всякий, кто вступает в политический или военный конфликт в нашем столетии, обязан стремиться убедить международную аудиторию в том, что его дело правое. Гитлер и Черчилль - вот поистине выдающиеся примеры политических лидеров, постигших логику новой настоятельной потребности. Гитлер и Геббельс усовершенствовали методику контрпропаганды и скрывали свои агрессивные намерения, взывая к справедливости и свободному волеизъявлению. Хотя это была лишь возмутительная пародия на правду, она все же воспринималась в свое время как объяснение акций нацистов (и как оправдание бездействия Запада). Черчилль усматривал свою первейшую задачу военного руководителя в мобилизации всего западного мира через обращение в защиту его наиболее чтимых идеалов - свободы и человеческого достоинства. Главное его оружие - речи - были тщательно продуманы и точно ориентированы на эту цель, как, впрочем, и речи его союзника Франклина Рузвельта, который первым стал систематически использовать радиовещание как средство сплочения народа.

Чтобы продемонстрировать силу общественного мнения в век массовой коммуникации, достаточно всего лишь сравнить потрясающий эффект речей Черчилля, передававшихся по радио для миллионов слушателей, с безрезультатным на первых порах Геттисбергским обращением Авраама Линкольна. Это обращение было ничуть не менее воодушевляющим, чем все, что написано Черчиллем, но услышала его лишь горстка людей - поэтому оно почти не оказало непосредственного влияния на ход гражданской войны. Те миллионы людей, на кого повлияла поэзия и

энергия этого обращения, познакомились с ним гораздо позднее великих событий, подвигнувших Линкольна составить его.

Принцип обращения к широкому общественному мнению понимали многие персонажи новейшей истории. Весьма активно пользовался им Сталин, став - в глазах многих - спасителем мира и представляя деспотию демократией. Это наследие большой лжи Гитлер и Сталин завещали бесконечному множеству мелких диктаторов - от Насера до Хо Шимина и Фиделя Кастро, которые, в свою очередь, практиковали их методы на своих жертвах и союзниках своих жертв, с тем, чтобы ослабить сопротивление своей агрессивности.

Возьмем, к примеру, северных вьетнамцев. Они с большим успехом вели пропаганду войны против Южного Вьетнама, представляя себя образцом добродетели и поливая при этом грязью Юг, правительство которого было, конечно же, далеко не безгрешным, но и не было повинно в массовых убийствах и насильственном выселении десятков тысяч людей, что обыкновенно практиковалось Севером. Бесперывная северовьетнамская пропагандистская кампания, направленная на американское общественное мнение, внесла немалую лепту в ослабление у американцев желания продолжить войну. К вполне понятному вопросу, почему, собственно, американские парни должны сражаться в дальнем закоулке Азии, было добавлено: особенно когда союзник Америки коррумпирован и порочен. При повторении этого вопроса ответ становился все очевиднее, подготавливая почву для победы Северного Вьетнама.

Однако, каких бы успехов не достигли северовьетнамцы, я уверен, - в послевоенную эпоху арабы превзошли всех в деле превращения пропаганды в средство политического давления. Арабские режимы и террористические организации поняли всю важность этого инструмента применительно к своей специфической задаче - уничтожению Израиля. Они поняли, что в ответ на военную победу

Израиля в 1967 году им нужно нанести Израилю поражение в области политики, уничтожить его на поле битвы за общественное мнение. Они последовательно и целенаправленно подбирали клочки для лоскутного одеяла своей большой лжи: лживой теории о приоритете палестинской проблемы в кризисе на Ближнем Востоке, лживой перестановки всех причинно-следственных связей, лживого изображения легитимности ООП. Кроме того, арабы вопиющим образом исказили еврейскую историю, подменив ее вымышленной - палестинской: арабы заняли место евреев в качестве коренного населения этой земли, а евреи вместо арабов стали теперь оккупантами; чудовищное изгнание евреев и рассеяние их по всему свету превратилось теперь в "изгнание" палестинских арабов (в соседние арабские государства); злодеяния, совершенные против евреев, отрицаются и отбрасываются как несущественные, зато трудности, выпавшие на долю арабов, раздуваются до уровня новой Катастрофы. И все это - с целью убедить народы мира, в особенности, США и Европы, что Израиль совершил чудовищную несправедливость, которую арабы всего лишь пытаются исправить, и что люди доброй воли всей земли обязаны им в этом помочь.

В то время, как арабы заметно выделялись на поприще длительной и систематической борьбы за общественное мнение, евреи Израиля, в свою очередь, проявляли незаурядное упорство, постоянно отказываясь от борьбы на этом поприще. Большинство считало, что нет никакой необходимости оказывать сопротивление арабской пропаганде. Разве не спас ЦАХАЛ Израиль от уничтожения в 1948-м и 1967-м годах? Неужели не сможет он сделать это еще раз? Что из того, что арабы продолжают что-то там лепетать в ООН, в средствах массовой информации и в западных университетах? Конечно же, Израиль не станет обращать внимания на злопыхательство, коль скоро он обладает такой военной мощью для собственной защиты. Так прямо и заявил юной нации Давид Бен-Гурион в 50-х

годах:

"Важно не то, что говорят гоим (неевреи), а то, что делают евреи".

Конечно, в чем-то он был прав. Без решительных действий со стороны евреев не было бы возможно ни строительство, ни укрепление еврейского государства. О том, что он был совершенно неправ, отрицая значение общественного мнения, он узнал гораздо позднее, - когда израильские вооруженные силы вступили в Синай в 1956 году, отвечая на бандитские выпады финансируемых Египтом террористов. В тот момент Бен-Гурион заявлял, что Израиль тысячи лет не уйдет с Синая. Однако провал попытки Израиля получить поддержку своим акциям у американской администрации, у Конгресса и у американского народа, с тем, чтобы противопоставить ее демаршам Эйзенхауэра, имел своим результатом поспешный отход израильтян.

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы большинство израильтян признали силу общественного мнения. И хотя теперь уже многие сетуют на все еще не изжитую беспомощность Израиля в этой сфере, большинство так до сих пор и не отдают себе полного отчета в том, какой громадный ущерб наносит их стране сложившееся негативное представление о ней, насколько это усложняет задачу заключения союзов, без которых ни одна малая нация не может выжить.

Забавно, что именно эта общеизраильская вера в первостепенность значения военной мощи как раз и уменьшала для израильтян возможность заключать такие союзы. Доминирующее представление, будто одной военной мощи достаточно, чтобы гарантировать безопасность нации, неизбежно порождает пренебрежительное отношение к политической стороне национального могущества. Союзы, которые не поддерживаются и не развиваются, - это союзы, которые не становятся реальностью, а отсутствие надежных союзов, в свою очередь, способствует развитию деморализующего фатализма: Израиль, мол, обречен на

неблестящую изоляцию* в мире политики, а весь свет неизменно настроен против него и ничего не остается делать, как совершенствоваться исключительно в физической силе, чтобы противостоять нажиму извне.

То, что так порой бывает, вовсе не значит, что так и должно должно быть всегда. Симпатии и антипатии государств мира формируются в соответствии с их меняющимися интересами во все более и более расширяющемся демократическом мире, в соответствии со сложившимся в них общественным мнением. Израиль поэтому мог бы действовать на обоих этих фронтах - интересов и мнений, - дабы склонить правительства других стран, а равно и граждан этих стран, к мысли о целесообразности и справедливости оказания ему поддержки. Возможно, это привлекло бы на сторону Израиля далеко не каждого, и даже, пожалуй, на стороне Израиля оказалось бы далеко не большинство, но все же кого-нибудь да привлекло бы, и уменьшилась бы степень неприязни к Израилю у прочих.

Именно Герцлю принадлежала идея попытаться заручиться поддержкой сионизма у правителей Британии, Германии, России и Турции, которую он успешно претворил в жизнь. Однако нельзя сказать, чтобы его последователи поняли его идею, или как следует применяли ее на деле. Так случилось, возможно, потому, что сам Герцль интуитивно понимал все значение политической власти и общественного мнения и блестяще этим пользовался. После его смерти большинство сионистских лидеров практически без сопротивления приняли вопиющую несправедливость, с которой англичане обращались с ними в период между двумя мировыми войнами, полагая что евреи бессильны перед великой державой - даже при том, что общественное мнение в Англии, как, позднее, и в Америке, с симпатией относилось к обращениям сионистов.

---

* Unsplendid isolation - по аналогии с историч. splendid isolation - "блестящим одиночеством", "блестящей изоляцией"; - английской доктриной отказа от длительных союзов с другими державами. (Прим. перев.)

Единственным учеником Герцля, который понял все значение и все возможности политического сопротивления, был Жаботинский. Жаботинский не только подчеркивал, что евреям необходимо иметь вооруженные силы и территорию, на которой они могли бы строить свое государство, но и предложил, как он ее назвал, теорию общественного давления: "Ибо в политике нет дружбы - есть только давление. Чаши весов склоняются в ту или иную сторону вовсе не в зависимости от того, плох или хорош правитель, а от того, какое давление оказывается его подданными. Если давление оказывается только лишь нашими противниками, безо всякого ответного сопротивления с нашей стороны, тогда, что бы ни происходило в Палестине, это обернется против нас, будь главой правительства хоть Бальфур, хоть Веджвуд или сам Теодор Герцль!"

Политика не терпит пустоты, и если одна сторона оказывает на другую политико-пропагандистское давление, тогда как ее оппонент ничего не предпринимает в ответ, то пассивная сторона вынуждена будет в конце концов уступить нажиму. Поэтому у еврейского народа единственной возможностью оказать сопротивление такому уступлению было, по мнению Жаботинского, использование контрдавления с целью повлиять на иностранные правительства и общество этих стран. И при этом, как и на поле брани, у евреев должно было быть не меньшее желание сражаться: "Ибо никакие изменения условий на государственном уровне не происходят без давления и борьбы. И тот, кто не обладает стойкостью, мужеством, умением и желанием бороться, не сможет достичь даже малейшей корректировки (этих условий) в нашу пользу"/5.

Жаботинского, как и Герцля, плохо понимали. И он тоже умер сравнительно молодым - как раз, когда пытался начать в 1940 году одну из таких кампаний с целью привлечь на свою сторону общественное мнение США в вопросе о еврейском государстве. Большинство из его последователей прекрасно усвоили его военно-территориаль-

ные установки, но лишь немногие поняли все значение третьей - политической - составляющей его концепции государственной власти: необходимость в неослабном направлении всех сил убеждения и давления на защиту еврейских интересов. Вот почему последовательно сменявшиеся правительства блока Ликуд, начертавшего на своих идеологических знаменах учение Жаботинского, продолжали действовать на международной арене фактически вразрез с его принципами. Они часто предпринимали акции, которые сами по себе были вполне оправданы, но они совершенно не пытались склонить мир на свою сторону, - вот в чем все дело. Правительства Ликуда делали упор на чувство гордости, которое должны испытывать евреи, действуя решительно и твердо, а не на благоразумную осмотрительность, гарантирующую, что предпринятая акция будет воспринята как правильная и справедливая. Просто, необходимость завоевывать общественное мнение не осознавалась, как первоочередная (или, хотя бы, реальная), а потому не предпринимались попытки реализовать на мировой арене даже потенциальные возможности.

Поэтому - как самый банальный пример - израильский военный удар по иракскому ядерному реактору в 1981 году был подвергнут почти единогласному осуждению, так как Израиль не сделал практически ничего, чтобы парировать арабскую пропаганду и противостоять негативной оценке Запада, хотя, в данном случае, было бы сравнительно легко доказать несостоятельность обеих. А когда Израиль вступил в Ливан в 1982 году, эта ошибка еще более усугубилась: вместо того, чтобы вступить в политическую борьбу, Израиль сделал прямо противоположное, введя запрет на публикацию сообщений в первые, решающие дни войны. Главное, чего этим добились - было обеспечено, практически, полное отсутствие информации, отражающей позицию израильской стороны. Полностью отсутствовала информация о том, что северные города Израиля целое десятилетие систематически подвергались обстрелу ракетами ООП и

террористическим нападениям, когда дети выросли в бомбоубежищах, а городское население сокращалось год от года. Не принималась во внимание также и история убийств, насилия и грабежей, совершенных членами ООП за предшествующее десятилетие в Ливане, и тот факт, что даже мусульмане-шииты приветствовали израильских солдат как освободителей. ООП в полной мере воспользовалась преимуществами этого вакуума и наводнила средства массовой информации измышлениями об израильских злодеяниях. Ей удалось, например, на какое-то время убедить средства массовой информации в том, что израильское наступление оставило без крова шестьсот тысяч жителей Южного Ливана - что значительно превышает реальное число жителей этого региона. К тому моменту, когда в Израиле был снят информационный запрет, уже многое из того, что говорила ООП, было воспринято как правда, и даже самым преданным друзьям Израиля за границей стоило большого труда объяснить, почему же Израилю необходимо оказать поддержку. Политическая битва была уже проиграна.

Но это было гораздо хуже, чем поражение. Ибо ливанская кампания памятна всему миру лишь одним - зверским убийством нескольких сотен палестинских арабов, совершенным ливанскими христианами-фалангистами, сотрудничавшими в прошлом с Израилем, в лагерях беженцев Сабра и Шатила, расположенных недалеко от Бейрута. Эта чудовищная резня была учинена не израильскими солдатами, а арабами, жаждавшими отомстить за убийство избранного, но еще не вступившего на пост президента Ливана Башира Жмайеля (который был христианином). Это была еще одна кровавая страница гражданской войны, в которой палестинцы и христиане систематически уничтожают друг друга с начала 70-х годов. Израильские вооруженные силы не только не участвовали в резне, не только не способствовали ей, но даже и не знали о ней. Словом, израильская судебно-следственная комиссия Кага-

на рекомендовала в результате подать в отставку министру обороны Ариэлю Шарону, потому что он ничего не знал о резне, но, по мнению Комиссии, обязан был предвидеть, что христиане попытаются устроить массовое убийство палестинцев, и обязан был принять меры для предотвращения резни. Однако умелая арабская пропаганда в сочетании с параличом израильских средств массовой информации оставила свой неизгладимый след в умах тысяч людей, создав впечатление, будто Израиль развязал бессмысленную военную агрессию, опустил до избиения невинных арабов.

Последствия этого были весьма ощутимы. Южноливанская кампания не только не была воспринята в качестве решительного удара по международному терроризму, а напротив, была оценена как необоснованная и несправедливая даже в Соединенных Штатах и Великобритании, странах, которым пришлось три года спустя бомбить Ливию - в ответ на террористические акты. Результатом стало растущее на Западе осуждение действий израильтян и все нарастающее давление с требованием остановить Израиль и не допустить уничтожения членов ООП, оказавшихся в окружении в Западном Бейруте и взятых в кольцо израильской армией. И вот тот самый Запад, чьи пассажирские самолеты взрывают в воздухе, чьих граждан похищают, а дипломатов убивают террористы, посланные из логова ООП в Ливане, борется за выведение из-под удара Израиля той самой организации, которая ответственна за совершение всех этих преступлений. В конце концов, давление Запада возобладало, и десять тысяч террористов ООП с оружием в руках были под охраной выведены из Бейрута и бесследно испарились на надежно укрытых базах ООП в Тунисе и других арабских странах.

Во время ливанской кампании ничего не могло бы нагляднее продемонстрировать значение политической борьбы, нежели инцидент с президентом Рейганом и безрукой палестинской девочкой. Армия Оборона Израиля

одержала полную военную победу, повсеместно избавив Южный Ливан от присутствия ООП. Оставался лишь Западный Бейрут, последний оплот ООП, и израильская армия подвергла выборочному орудиному обстрелу укрепленные центры сопротивления ООП в надежде ускорить капитуляцию и избежать более значительных людских потерь, которые были бы неизбежны при фронтальном штурме. В самый разгар осады президенту Рейгану была передана фотография маленькой палестинской девочки, которая, как было сказано, потеряла руку во время израильского обстрела. Сострадание и жалость президента не знали границ. В гневе он схватил трубку и потребовал от израильского премьер-министра Менахема Бегина, чтобы обстрел прекратили. Бегин уступил.

В это время я занимал пост заместителя руководителя Израильской миссии в Вашингтоне. Когда я увидел эту фотографию, то заинтересовался, нельзя ли ее увеличить. Мы долго и пристально изучали снимок. В конце концов, мне удалось связаться по телефону с израильским штабом в Бейруте и подсказать идею, чтобы военные постарались отыскать эту девочку. Через несколько дней израильским военным удалось обнаружить ее. Рука девочки действительно была покалечена - но несколько лет назад, во время гражданской войны в Ливане. Девочка была жертвой арабского, а не израильского обстрела. Но к тому времени было уже слишком поздно. Убеждение в жестокости Израиля уже укоренилось в сознании американского руководителя и общественности его страны.

Тем не менее, тот факт, что политика и интерпретация политики тесно связаны между собой, все еще никак не дойдет до сознания многих израильтян в той мере, как это понимается в западных странах. Президент Соединенных Штатов, да и многие другие руководители мирового уровня, не принимают решений, не сообразуясь с тем, как эти решения будут восприняты отечественным и международным общественным мнением. Неотъемлемой частью

процесса принятия любого решения является выяснение вопроса, как оно скажется на общественном мнении, и что необходимо предпринять, чтобы его содержание в наименее резкой и наиболее действенной форме было доведено до международной аудитории. Очень крупные государства этого требования могут порой не придерживаться, хотя позволяют себе это крайне редко. Для маленькой же страны, которая гораздо больше зависит от международной обстановки, непозволительная роскошь игнорировать принцип нераздельности политики и ее презентации.

Израиль сейчас находится на полпути к открытию в себе политических способностей, которые необходимы ему, чтобы выжить в стремительно меняющемся мире. И эти способности, как мне кажется, потребуют генерального смотра всех талантов и дарований Израиля, чтобы достойно представить мировому сообществу его дело и его политику. Это нужно воспринимать как основу основ и организовать соответствующим образом, чтобы внести все необходимые изменения не только в словесное оформление обращений Израиля к миру, но и в сознание тех, кто несет миру эти обращения.

Вопреки устоявшемуся мнению, проблема, которую мы здесь обсуждаем, вовсе не принадлежит к тому типу "картинок", которые мельтешат на телеэкранах. Речь идет о высокой профессиональной отточенности аргументации и о формировании необходимого образа языковыми средствами, что является всегда важнейшим первым шагом в политических дебатах, и, как правило, сначала появляется в напечатанном виде, и лишь затем получает доступ к волнам широкого вещания. За годы своей работы я пришел к выводу, опять-таки, вопреки сложившемуся представлению, что порой одно-единственное слово может стоить тысячи кадров. Вот, например, слово "оккупация". Или словосочетание "лишенные крова люди". Или "арабская земля". Или "территории в обмен на мир". Арабы задействовали огромные интеллектуальные ресурсы, чтобы на

страницах бесчисленных газет, журнальных статей и книг так подтасовывать аргументацию и подать ее таким образом, чтобы вышло ложное представление об Израиле. Израилю придется приложить еще большие интеллектуальные усилия, чтобы выбраться из той ловушки, в которую он с готовностью попался. И, прежде всего, для этого потребуются четко и ясно написанные слова, ярко и убедительно связанные друг с другом аргументы и факты, которые должны распространяться через журналы, периодические издания и газеты Запада, а, в скором времени, еще и Востока - особенно России и Японии. Израиль обязан объяснить мировой общественности, на каком основании он имеет право на эту землю, рассказать историю арабо-израильского конфликта, цели и тактику противоборствующих сторон, а также необходимые предварительные условия для установления подлинного мира в этом регионе.

Ратую за выдвижение контрдоводов против клеветы, возводимой арабами на Израиль, я вовсе не имею в виду, что надо предать забвению слово устное, особенно, если это слово произносится с телеэкрана. Как показала война в Персидском заливе, международные конфликты все больше превращаются в телешоу, где сторонники и противники значительной частью информации обмениваются прямо на глазах у зрителей. Во время войны в Персидском заливе не только для руководителей государств, но и для рядовых телезрителей основным источником текущей информации о происходящем и, что гораздо важнее, источником впечатлений от реально развертывающихся в данный момент событий стала новая международная сетевая система передачи теленовостей. То, что видел Джордж Буш на экране у себя в Белом доме, видели и Саддам Хусейн в своем багдадском бункере, и Михаил Горбачев в Кремле, и Ицхак Шамир в кабинете премьер-министра в Иерусалиме - так же, как и члены любого другого правительства в мире. То, что произносилось с телеэкрана, прямо и непосредственно воздействовало на отношение к происходяще-

му руководящих кругов и, соответственно, той общественности, которой эти руководители в демократических обществах, в конечном счете, подотчетны. Если общественное мнение имело решающее значение при формировании политических процессов в первой половине нашего века, то теперь, в конце второй половины века, значение это приняло масштабы, просто немыслимые тридцать или сорок лет назад. И Израиль, который уже столько раз становился центром политических бурь, больше не имеет права продолжать вести свои политические и дипломатические дела так, словно ничего на свете не изменилось.

Поразительно, но некоторые считают, что в настоящее время Израилю следует прекратить борьбу за общественное мнение. Так, одна из ежедневных израильских газет объясняла, что нынешнее левое правительство считает израильских дипломатов "избавленными от бремени активных связей с общественностью", правительство, заявляет она, "объявило об одностороннем прекращении огня в войне средств массовой информации" и "обещает не поддаваться на провокации тех, кто выражает взгляды арабской стороны"/6.

Насколько эффективна такая стратегия, было продемонстрировано в декабре 1992 года, когда новое левое правительство выслало в Ливан более 400 исламских фундаменталистских агитаторов и подстрекателей из ХАМАСа, не предприняв ничего, чтобы предотвратить крушение своего престижа, что и воспоследовало, едва высланные расположились лагерем на склоне холма около израильской границы - перед объективами камер телекомпаний всего мира. Прекращение огня средств массовой информации Израиля было, по существу, равносильно капитуляции: отказавшись от представления реальных фактов в соответствующем достойном оформлении, наши масс-медиа всего лишь излагали мирные намерения Израиля в надежде, что этого будет вполне достаточно. Сторонники этой точки зрения оказались неспособными осознать значение направ-

ленной против Израиля непрекращающейся кампании диффамации, которую ведут арабские режимы вне зависимости от того, какая из партий находится у власти в Иерусалиме. За последние несколько десятилетий отсутствие сколь-нибудь убедительного стремления объяснить миру израильскую позицию вело от одного политического поражения к другому, а, коль скоро, пропаганду ведет лишь арабская сторона, то изменения в складывающейся ситуации могут идти лишь от плохого к худшему.

Что касается тех, кому следует нести правду об Израиле, то есть министров, парламентариев и дипломатов, то им придется стать специалистами по связям с международной общественностью. На самом деле, имея в виду эти способности, дипломатов надо бы отбирать уже с первых их шагов по служебной лестнице. Израилю придется мобилизовать самые изощренные умы и самые острые перья для опровержения всей той массы напраслины, которая была на него возведена, и для восстановления истины. С точки зрения техники, придется тщательно проинспектировать работу правительственных министерств, имеющих к этому непосредственное отношение, и, определяя, например, рамки работы дипломата, подбирать соответствующим образом подходящих кандидатов. Для этого необходим также и принципиально иной уровень подбора кадров и финансирования тех, кто будет привлечен к научным исследованиям, к подготовке изданий к печати, к радио- и телевещанию и к связям с прессой. Подобные реформы в государственном аппарате Израиля станут возможны только вместе с проведением реформ политических, которые предоставят необходимые полномочия для расчистки авгиевых конюшен, в которых ныне обретается сфера информации.

Конечно, некоторые израильтяне, да и, пожалуй, некоторые из неизраильских читателей нашей книжки не видят во всем этом ни малейшей необходимости. С Израилем, полагают они, весь мир станет нянчиться, едва лишь он начнет следовать правильному курсу.

Под этим, возможно, подразумевается избавление от ненавистных "территорий", поскольку, как считают эти люди, все беды Израиля проистекают из тех роковых дней в июне 1967 года, когда он завладел этими землями. Они забыли, какие кампании террора и какие военные действия были развязаны арабским миром против евреев и еврейского государства за полвека до Шестидневной войны. У них изгладилось из памяти, в какой опасности находился Израиль накануне этой войны, запаматовали они и тот факт, что именно с этих территорий начинались атаки арабов. Забывают они и то, что претензии к Израилю не прекратятся с уходом с Западного берега (как не прекратились они с уходом с Синая). Едва лишь арабам удастся заполучить эти территории, как они тут же вернутся к претензиям на Восточный Иерусалим, потребуют "право на возвращение", автономию (а потом и независимость) для арабов Галилеи и пустыни Негев. Необходимость проведения кампании информирования мировой общественности не отпадает и с изменением политических реалий.

В мире, который приучен видеть в Израиле злодея, любой израильтянин, уходящий с позиций, являющихся предметом разногласий с арабами, естественно, будет встречен аплодисментами. Израиль будут похлопывать по плечу и похваливать, пока он будет продолжать делать односторонние уступки.

Едва лишь израильское правительство решит, а это рано или поздно произойдет, провести черту, за которую оно не может отступить, международные аплодисменты тут же стихнут и снова начнется нажим. Следовательно, проверкой израильской дипломатии станет не то, сможет ли она завоевать недолговечные симпатии ценою жизненных интересов Израиля, а сможет ли она отстоять эти интересы. Уступать нажиму ради эфемерного международного признания, гораздо легче, чем повсеместно защищать свою позицию в жизненно важных вопросах, и заслужить уважение

наций, занимая эту позицию, гораздо труднее, но, в конечном счете, гораздо умнее и надежнее. Те, кто полагают, будто проблемы восприятия Израиля мировым общественным мнением закончатся с созданием Палестинского государства, глубоко ошибаются. В этом случае Израиль окажется перед прямой угрозой своему существованию и перед лицом информационного кошмара, поскольку все силы арабского мира нацелятся на все еще невоссоединенное арабское население на оставшейся территории Израиля. Сопротивление такому исходу событий, напоминающему Чехословакию 1938 года, Ливан и Балканы сегодня, имеет критическое значение для дальнейшего существования еврейского государства. Израиль должен направлять поток общественного мнения, а не соглашаться, чтобы этим потоком его тащило к грядущим политическим порогам. У многих из тех израильтян, кто не придает значения воздействию на общественное мнение, такое представление сформировалось под влиянием значительных объемов информации, искаженной арабской пропагандой. Они стали соглашаться с объяснением, будто Израиль подвергается нападкам со стороны арабского мира после его победы в Шестидневной войне 1967 года. Это - предельное состояние психики осажденного: если я попал в блокаду, значит, я, должно быть, что-то сделал не так. И если мой враг приказывает мне опустить подъемный мост, а иначе он продолжит осаду, я обязательно должен сделать так, как он говорит, чтобы ослабить тяжесть его неодобрения. (Существуют различные варианты аргументирования такого рода поведения: этот враг и не враг вовсе, осада вовсе не осада, а крепостные стены вовсе не так уж крепки и т.д. Более того, настаивают такие "обоснователи", внешнеполитическая ситуация уже совсем не та. Разве не изменился сам мир, где повсюду прежние враги вновь становятся друзьями?). Почему же Израиль должен являть собой печальное исключение из этого ликующего правила? Давайте сократим армии, заключим в объятия своих супостатов и заживем с

ними в непреходящем мире и покое.

Тот факт, что, возможно, во многих частях света происходят изменения к лучшему, вовсе не означает, что то же самое происходит в непосредственной близости от Израиля. Несмотря на хорошую новость, что крах советского спонсора привел к столу переговоров такой режим, как сирийский, остается фактом, что во многих отношениях сосед Израиля меняется к худшему. И уж, конечно, никак не становится лучше. Разве изменился Саддам Хусейн? А Каддафи? Есть ли за иракскими кулисами свой Лех Валенса? А за иранскими - Вацлав Гавел? Бесчисленные бандитские ближневосточные режимы продолжают оставаться нереформированными, арабские армии продолжают увеличивать закупки оружия на Западе и Востоке, и больше не нужно ждать одобрения Советов, чтобы развязать очередную авантюру. Хуже того, исламский фундаментализм продолжает накапливать силы. А еще хуже то, что разработка ядерного оружия арабскими государствами и Ираном продолжается с бешеной скоростью. Однако, все это не имеет значения для тех, кто с готовностью отбрасывает эти проблемы как "ловлю блох", нарушающую картину, которую им ужасно хотелось бы видеть за осажденными стенами.

Эти же самые израильтяне предлагают порой иные рецепты самоубийства. Какой смысл сопротивляться требованиям арабов, вопрошают они, если Соединенные Штаты и другие мировые державы неизменно стоят за поддержку этих требований? Как Израилю удастся когда-либо завоевать расположение Америки, если он не выполняет американских условий? Этим капитулянтам и в голову не приходит, что задача израильских руководителей как раз в том и состоит, чтобы постараться убедить американское правительство, что в интересах Соединенных Штатов проводить политику, согласованную с израильскими интересами, а не наоборот. По крайней мере, основная цель внешней поли-

тики любой страны - добиваться осуществления своих собственных интересов.

Странно, но адвокаты этой позиции покорности никак не могут понять, что Соединенные Штаты - это колеблющаяся демократия, на формирование политики которой оказывают влияние различные силы: и администрация, и конгресс, и, особенно, общественное мнение. И каждый из этой аудитории жаждет быть в курсе различных мнений и легко доступен для убеждения. Американская политика в отношении Израиля, в конечном счете, определяется синтезом всех этих сил, и Израиль должен пользоваться любой удобной возможностью и стараться убедить всех и каждого в справедливости своего дела. К этому стремятся даже те, кому нечего сказать в свое оправдание, и Израиль не может себе позволить не воспользоваться своим шансом. Как в 30-х годах, когда евреи были слабы и ничего не предпринимали против британской политики, столь враждебной их интересам. Тогда они отказались от попытки обратиться к английскому народу и парламенту, благосклонно настроенным к еврейству. Сегодня и в Израиле и среди части евреев диаспоры существует фракция, которой претит сама идея активной оппозиции опасной для Израиля политике, которая исходит из Вашингтона, ибо они уверены, что подобная оппозиция сама по себе поставила бы под угрозу отношения Израиля с Соединенными Штатами.

Это логика порочного круга. Израилю не следует жертвовать жизненно важными интересами во имя отношений, которые предполагают защиту, в первую очередь, именно этих интересов. Более того, такое мышление не учитывает, что в Вашингтоне, как, впрочем, и во многих других местах, хорошо разбираются в здоровой убедительной аргументации, мощно подкрепленной твердой волей. Слабый и робкий может добиться удачи на время, но не очень продолжительное. Словом, в международной политике, как, впрочем, и во внутренней тоже, сила к себе притягивает, а слабость отталкивает.

И это справедливо не только в борьбе за общественное мнение (где поддержку получает сильная позиция, а не слабая), но также и в увеличении возможности получить поддержку правительства даже прежде, чем будет задействован фактор общественного мнения. Как-то забывается, что существенная иностранная помощь Израилю не поступала между 1948-м и 1967 годами, когда наша страна воспринималась как образование недолговечное и находящееся под постоянной угрозой уничтожения. Резкий подъем американской помощи Израилю начался только после Шестидневной войны, когда Израиль одержал блестящую победу над арабами, завладел территориями, несмотря на серьезные разногласия, и, вне всякого сомнения, доказал, что он стал военной силой, превосходящей все остальные на Ближнем Востоке. Предположение это было подтверждено в сентябре 1970 года, когда израильские силы были использованы для предотвращения установления сирийского контроля над Иорданией. Те, кто постоянно призывают вернуться к границам 1967 года, по-видимому, никак не учитывают этих обстоятельств, невпопад утверждая, что владение территориями поставит под угрозу американскую помощь. На самом же деле, ничто не может поставить под угрозу американскую поддержку Израиля с большей вероятностью, чем возвращение Израиля в состояние хронической уязвимости. Ни одна нация в мире не вступит в союз с Израилем, если он вернется к демонстрации пассивной добродетели еврейской беспомощности.

Все это относится и к экономической беспомощности. Экономически слабый Израиль не внушал никакого желания заключать с ним экономические или политические союзы. Однако Израиль, которому удалось бы сбросить политико-бюрократические путы, стесняющие его экономику, быстро преобразился бы в заметную экономическую державу, с которой другие старались бы сблизиться. Так, Тайвань и Южная Корея смогли преодолеть свою политическую изоляцию, продемонстрировав реальную экономи-

ческую силу. Более того, поскольку американская помощь Израилю в ближайшие годы, по всей вероятности, значительно сократится, если не прекратится вообще, - из-за внутренних причин, не связанных с Ближним Востоком, - все силы израильской экономики нужно сосредоточить на привлечении американских инвестиций, а вовсе не на американской филантропии. В результате американский интерес к Израилю должен неизбежно возрасти, и возрасти даже значительно, чем в годы американо-советского соперничества.

Некоторые считают, что то, что Советский Союз прекратил свое существование и больше не представляет угрозы американским и западным интересам в регионе, бесповоротно изменило значение Израиля для Соединенных Штатов и Запада. Я не разделяю эту точку зрения. Крушение СССР просто сменило одну угрозу на другую. СССР очень внимательно контролировал агрессивные поползновения своих сателлитов, в Кремле всегда знали, когда следует отказаться от выполнения обязательств, которые могут привести к наращиванию противостояния с американской военной мощью. Кроме того, советские лидеры чрезвычайно внимательно следили за тем, чтобы никакая советская ядерная технология не попала в руки марионеточных режимов - возможно потому, что прекрасно понимали, какую страшную опасность может представлять эта технология в таких руках. И вот именно перед этой-то опасностью мир и оказался сегодня. Ирак, Иран и Сирия состязаются сейчас в разработке ядерного оружия и ракетных систем для его доставки. Кончина Советского Союза облегчила возможность неограниченного развития военных режимов на Ближнем Востоке, когда никто в этом регионе не осуществляет постоянного контроля ни над их амбициями, ни над их маниакальными планами вооружения. Никто - это значит никто, кроме Израиля, который не только хочет, но и может действовать в интересах собственной защиты, а, следовательно, выступать оплотом и более широких мир-

ных интересов. Не похоже, чтобы международное сообщество собиралось в ближайшее время размещать в этом регионе постоянные вооруженные силы противодействия, даже если бы арабы это позволили, а необходимость в такой силе не уменьшается. Израиль во многом и служит этой цели. Не вмешайся Израиль, соседи, конечно, тут же проглотили бы Иорданию. Ничто не воспрепятствует экспансии радикальных режимов Сирии и Ирака, если Соединенные Штаты не будут готовы повторять свои действия в Персидском заливе каждые несколько лет.

Сильный Израиль вносит элемент стабильности в крайне нестабильный регион. Слабый Израиль этого сделать не в состоянии. Постоянно поглощенный необходимостью отдавать все свои средства и ресурсы на оборону собственных непрочных границ, он не сможет вносить свой вклад в сдерживание агрессивных поползновений радикальных государств региона, в ослабление международного терроризма. Все это - те реальные опасности, которые не отошли в мир иной с исчезновением Советского государства. В действительности они могут даже усилиться в ближайшие годы. Наряду со многими другими государствами, Израиль заинтересован в отражении этой опасности, и это общее дело может стать основой серьезных политических союзов, которые могли бы сформироваться в будущем.

Однако развал Советского государства уже вывел на поверхность иные, ранее недоступные сферы взаимных интересов. Многие страны, которые разорвали свои отношения с Израилем после Шестидневной войны и Войны Судного Дня, восстановили дипломатические связи с Израилем в период между 1988 и 1992 годами - Китай, Россия, Индия, Нигерия и еще почти тридцать стран. Для этой перемены было немало причин (и среди прочих - демократизация Восточной Европы). Главной движущей силой этой, казалось, бесконечной процессии дипломатов и глав государств, посетивших Израиль за последние годы, было то, они считают, что Израиль обладает особой возможно-

стью влиять на американскую политику в нынешнем "однополюсном" мире. Совершенно не важно, правильна ли эта оценка. Для тех, кто доказывал, что Израиль обречен на международную изоляцию до тех пор, пока он не откажется от новых территорий, это была очень печальная новость. Некоторые выразители этой точки зрения выступили с мрачными статьями в ведущих израильских газетах, сокрушаясь по поводу узости взглядов иностранных правительств, которыми движут лишь эгоистические соображения.

Руководителей государств в первую очередь интересуют власть и сила, и только потом - добродетель или ее проявления. Вот почему кампания воздействия на общественное мнение, которое, в свою очередь, оказывает влияние на политику правительства, имеет нередко столь важное значение. И нигде это не имеет такого значения, как в Соединенных Штатах. Американская поддержка Израиля - это не только вопрос интересов, но даже и не главным образом вопрос интересов. Соединенные Штаты, более чем какая бы то ни была другая страна, формируют свою политику в соответствии с общественным мнением, и тот настрой, который господствовал на протяжении очень долгого времени, предполагал в Израиле общество, которое разделяет те же самые ценности, которые почитаются в Соединенных Штатах. Отныне первоочередной заботой каждого израильского правительства должно быть воспитание тех чувств и культивирование тех ценностей, которые сближают американцев и израильтян.

Я убежден, что слабый Израиль пользовался бы большой симпатией в Америке. Но не более того. И это - не отвлеченное теоретизирование. Такое тестирование было проведено перед Шестидневной войной. Жизни израильтян угрожала блокада, навязанная насеровской коалицией, но крайне благожелательная, произраильски настроенная администрация США осталась в стороне. Тот же самый урок был преподан миру еще раз: ужасными событиями, развернув-

шимися на руинах Югославии в 1992 году. Боснийцам симпатизировал весь мир. Но интервенция против сербов была слишком дорогим выбором, настолько опасным и не сулящим явных политических выгод, что ни одна держава в мире ни на что не решилась - резня в регионе могла свирепствовать годами. Если у вас нет сил защитить себя, вряд ли у кого-нибудь еще, при отсутствии непреодолимых обстоятельств, возникнет желание сделать это за вас и для вас.

Напрашивается следующий вывод: сила - вот краеугольный камень в деле сохранения сложившегося союза и привлечения на свою сторону новых союзников. Однако без пропагандистской кампании, обеспечивающей сочувствие международной общественности, даже самых огромных финансовых накоплений и экономической мощи недостаточно, чтобы гарантировать длительную поддержку. В равной степени сочувствия международной общественности не может заменить самообороны. Еврейский народ должен изо всех сил сопротивляться поверхностному представлению израильских левых, будто Израиль, лишившись естественных оборонительных рубежей, станет так силен духовно, что внушит сильным мира сего стремление всегда ему покровительствовать. Слабостью вы ничего не добьетесь, она не обеспечит вам поддержку правительств других стран, не побудит их выступить на вашей стороне. Напротив, это самый верный способ добиться их безразличия.

Но в равной мере Израиль не должен поддаваться и незрелой концепции правых, будто ничего не изменится в этом неизменно враждебном мире от того, что бы мы ни делали, или что бы мы ни говорили. Дела неизменно говорят громче слов, утверждают, показывая свое истинное лицо, спартанские "реалисты" из среды правых, так что давайте молча делать дело. Они ошибаются. Поддержку мирового сообщества, особенно великих демократий Запада, можно стимулировать, поощрять и сохранять только лишь постоянно уговаривая публику. Если бы еврейский

народ сумел понять этот принцип в нынешнем столетии, он смог бы подвигнуть других помогать ему в трудную минуту. Усвой Израиль этот принцип, он, конечно же, не допустил бы, чтобы арабская пропаганда, со всеми ее вопиющими искажениями, подробно рассмотренными в нашей книге, захватила ключевые позиции в международном общественном мнении.

Кого-то, возможно, и озадачит, почему, после всех чудовищных бедствий, которые выпали на долю евреев за последнее столетие, все это не стало самоочевидным. Есть немало людей, которые, взглянув мельком на детали этой мозаики, могут вынести совершенно различные впечатления. В Израиле, например, некоторые чувствуют, что одних только вооруженных сил недостаточно, а потому делают вывод, что в них нет никакой необходимости. Другие подвергают сомнению мудрость предвидения Герцля, приводя доводы о том, что нападки на евреев все так же продолжаются, но только уже в виде выступлений против еврейского государства, как когда-то против евреев, живших в многочисленных общинах, рассеянных по всему миру. Они упускают из виду главное. Никто и не ждал, что еврейское государство исключит все нападки на еврейский народ, оно должно было, всего лишь, создать возможность эффективной защиты против этих нападков. Еврейское государство виделось Герцлю инструментом, с помощью которого евреи смогли бы возродить у себя способность к сопротивлению превратностям судьбы.

Что же изменило Еврейское государство в судьбах евреев? Оно спасло из вражеского окружения еврейские общины Йемена и Эфиопии, перенес их на землю их исторической родины. Оно манит и влечет к себе как Земля Обетованная миллионы евреев России, Украины и других стран, где они у себя за спиной ощущают призрак антисемитизма. У этих евреев есть то, чего не было у евреев Европы полвека назад: они знают, что им есть куда податься, что есть страна, которой они не только нужны, но которая позабо-

тится об их безопасности и их благоденствии.

В сильном эпизоде фильма "Шоа", мелкий чиновник польского правительства в изгнании, нееврей, описывает, как во время уничтожения польских евреев нацистами к нему обратилась делегация евреев Варшавы с просьбой о помощи союзников - будь то военная акция, оружие для борцов еврейского сопротивления в гетто или, на худой конец, официальное публичное заявление о поддержке. Никто не хотел их выслушать, так что они подошли к нему и сказали: "Мы понимаем, у нас нет своей собственной страны, у нас нет правительства, не имеем мы и голоса в советах союзников. Поэтому мы вынуждены (обращаться за помощью)... к маленьким людям вроде вас... Не могли бы вы подойти... к кому-нибудь из союзных лидеров?" Но он, конечно же, практически ничего не мог сделать/7.

Если бы Израиль появился раньше, Катастрофы, конечно же, не случилось бы. Была бы страна, которая хотела и могла бы принять еврейских беженцев, когда Америка, Англия и другие державы отказывались их принимать. Была бы страна, которая добивалась бы их переселения. И была бы армия, готовая сражаться за них. Евреи больше не беспомощны, они больше не страдают от невозможности предъявлять свои права и бороться за них. Создание Еврейского государства возвратило евреям возможность вновь овладеть собственной судьбой, вновь управлять своей участью. И если эта возможность будет и дальше развиваться, и если еврейский народ сумеет избавиться от своих аполитичных привычек, приобретенных за годы изгнания, то этот процесс сможет пойти значительно быстрее. Еврейское государство находится в самом центре международного политического круговорота, и ему необходимо владеть незаурядным искусством маневрирования на международной арене. Так или иначе, Израилю придется спрессовать те долгие десятилетия, которые необходимы для создания когорты настоящих политических деятелей, в которых он так остро нуждается. Он не может ждать, пока наступит естественная поли-

тическая зрелость. Ему придется перескочить свою юность и вступить в пору политической зрелости. Еврейский народ прошел через такую ускоренную трансформацию при создании своих вооруженных сил, а теперь он должен будет проделать то же самое в процессе реализации своих политических возможностей.

Конечно, не только евреям трудно приспособливаться к переменам. Израиль сталкивается с трудностями, с которыми не встречалась никакая другая нация. Ни одна страна не оказывалась одновременно перед постоянной угрозой своему существованию и под постоянным огнем критики за то, что она противодействует этой угрозе. Я не верю, что в основе полнейшего непонимания мировым сообществом того затруднительного положения, в котором находится Израиль, лежит всего-навсего успех арабской пропаганды и неэффективность ответной реакции Израиля. Такое объяснение может вскрыть лишь поверхностный слой отношений к еврейскому государству, но не раскроет его глубинной психологической подоплеки. А этой подоплекой, как мне кажется, является главное затруднение - неумение или нежелание согласиться с коренными изменениями в статусе евреев.

Весь мир является свидетелем исторического преобразования еврейского народа от беспомощности к силе и энергии, от невозможности мужественно встретить роковые обстоятельства до прокладки курса собственной судьбы. Для мира, привыкшего видеть в евреях вечную жертву, сносящую нескончаемые притеснения бесконечного ряда гонителей, это - ошеломляющая перемена, которая с трудом едва начинает осознаваться. Такое восприятие особенно свойственно тем, кто враждебно настроен по отношению к евреям и считает, что нынешняя сила евреев - не более, чем мимолетное отклонение от нормы, и что Еврейское государство рано или поздно падет под воздействием военных и политических сил.

Но, как ни странно, невозможность осознать реальное существование еврейской силы в равной мере свойственна и тем, кто с сочувствием относится к страданиям евреев и хотел бы увидеть конец их мытарствам. Многие филосемиты высоко ценят евреев как народ гонимый, а следовательно, как народ, который не может не быть морально безупречным. Ибо тот, кто не властен ни над кем, - и даже над собой - не может быть обвинен во зле, в которое впадают остальные. Сочувствующим такого толка нелегко наблюдать превращение евреев в народ, обладающий силой и властью. Власть и сила неизбежно подразумевают моральную ответственность, а значит, порой, также и совершение ошибок. Раз у евреев есть армия и государство, то их легко обвинять за их действия, - и с сожалением оглядываться на бывшее моральное совершенство беззащитного еврея.

Это важная составляющая секрета успеха арабской пропаганды: она обращена к миру, который еще не привык к виду еврейской силы, как военной, так и политической. Что заставляет филосемитов тайно тосковать по более "чистой" эпохе, когда евреи были безукоризненны, ибо всегда были беспомощны. Вот из этого-то корня и произрос позорный извращенный критерий, по которому арабы остаются совершенно безнаказанными за изгнание сотен тысяч людей: так Саудовская Аравия поступила со своими йеменцами в 1990 году, а Кувейт - со своими палестинцами в 1991 году. Израиль же за высылку профессиональных террористов склоняли на всех углах. Или обвинили Израиль за присутствие нескольких сотен солдат в шестимильной полосе в Ливане, тогда как Сирия аннексировала почти всю оставшуюся часть этой же самой страны. Или совершенно незамеченным осталось введение саудовскими и иорданскими законами апартеида на проживание там евреев, тогда как Израиль, где арабские граждане живут гораздо свободнее, чем их соплеменники в арабских государствах, обвиняется в расизме - за усмирение нарушителей общественного поряд-

ка. Все это исходит не от противников Израиля, но от многих из его истинных доброжелателей, которые искренне верят в идею еврейского государства, но не могут заставить себя принять связанную с этим реальность, диктующую, что такому государству, чтобы выжить приходится создавать буферные зоны, высылать тех, кто занимается подрывной деятельностью, или следить за общественным порядком с удвоенным вниманием. Оказывается, и неевреям трудно изменять взгляды, формировавшиеся на протяжении столетий.

Несмотря на все это, в современном обществе живет навеянное библейскими ценностями глубокое стремление увидеть конец одиссеи еврейского народа. Я неожиданно столкнулся с этим одним прекрасным утром 1986 года, когда под морозящим дождем пришел к арке Тита в Риме, которую римляне воздвигли в честь своей победы над евреями в 70 году н.э. Я стоял в пролете арки, разглядывая пришедший в запустение Форум. Группа японских туристов сменялась скандинавской группой. Экскурсоводы указывали мокрыми зонтиками на высеченное в камне изображение священного еврейского семисвечника-меноры, уносимого в неволю на плечах римлян-триумфаторов. Это было 1900 лет тому назад, когда римляне праздновали разрушение Иудейского Храма в Иерусалиме.

В своих мыслях евреям, или, по крайней мере, некоторым из евреев, свойственно интроспективно возвращаться к таким событиям. Разрушение Храма было одной из величайших катастроф в изобилующей катастрофами еврейской истории. Но больше всего поразило меня в то утро, что, как я понял по их лицам, японцы и скандинавы все это легко понимали. Они кивали головами, показывали жестами и произносили несколько раз слово "Израиль". Может быть, они чувствовали то же, что чувствовали многие из тех, кто приходил к этой арке - что Семисвечник, выгравированный на одной из ее сторон, могущественный символ, опровергающий законы истории.

Итальянский философ семнадцатого века Джованни Баттиста Вико выдвинул идею жестко обусловленного исторического круговорота - все нации проходят предсказуемый цикл рождения, молодости, зрелости и смерти. Ученые-историки от Гегеля до Арнольда Тойнби приняли эту идею, указывая на ассирийцев, вавилонян, персов, египтян, греков, римлян и более поздних их продолжателей, таких как инки и ацтеки, и даже совсем недавних - коммунистов - представителей цивилизаций, которые расцвели, увяли и погибли. Если подождать достаточно долго, уверяют нас историки, то удары времени довершат, в конечном итоге, свою работу над каждым народом. Однако евреи оказались крепким орешком. Им досталось гораздо больше ударов, чем какой-либо другой нации, но они отказываются умирать. Или, если быть более точным, как объяснил один из евреев - ученик Гегеля - рабби Нахман Крохмал, как и все нации, евреи подвержены упадку, но всякий раз они избегают смерти новым рождением, начиная цикл заново. Они не желают отказаться от мечты о своем спасении и о возможности добиться справедливости. Вот потому-то, вероятно, Фридрих Великий и удовольствовался таким ответом своего лекаря, когда потребовал от него доказательства бытия Божия: "Доказательством того, что Бог существует, является то, что существуют евреи".

Именно эта великая тайна делает историю евреев столь притягательной для Руссо и Байрона, Бальфура и Уилсона, и для несчетных миллионов людей во всем мире. Говоря об этом, Марк Твен задавался вопросом: "Евреи составляют лишь один процент всего человечества. Это напоминает какое-то туманное, полупрозрачное облачко звездной пыли, затерянное в безграничности светового пространства Млечного Пути. В сущности, о евреях едва ли что-нибудь должны были говорить, но о нем говорят, о нем всегда говорили. Он столь же заметен на нашей планете, как и любой другой народ... Он во все времена вел в этом мире удивительную борьбу, и вел ее со связанными за спиной руками...

Египтяне, вавилоняне и персы рождались, наполняли всю планету шумом и блеском, потом гасли, превращаясь в грезы сказок и предания, и потом исчезли совсем. За ними появились греки и римляне, устроили жуткий шум и гам, но и они исчезли, появились и другие народы, некоторое время высоко держали свой светоч, но он выгорел, и они сидят теперь в полумраке, если вовсе не исчезли с лица земли. Еврей видел их всех, превзошел их всех, но и сейчас он тот же, каким и был всегда... Все на свете смертно, кроме еврея. Все минует, а он остается. В чем же тайна его бессмертия?" /8

Эта притягательная сила еще более возросла с возрождением Израиля. Можно было бы указать на разрозненные фрагменты других древних народов в разных частях света, - осколки великих твердынь, рассеянные по чужим землям. Но одни только евреи, эти тлеющие угольки, не угасают, даже если домашний очаг уже больше не теплится. И только в Израиле эти пламенеющие угольки собрались вместе, чтобы возжечь новое пламя. Но теперь евреи вошли в новую фазу своей истории. С возрождением Израиля изменилась суть их устремлений. Если основной целью еврейского народа во время изгнания было вернуть и восстановить то, что было утрачено, то теперь проблема - сохранить то, что уже восстановлено. К решению этой задачи едва приступили, но исход ее решения глубоко значим для судьбы не только евреев, но и всего человечества. В сердцах народов мира теплится надежда, что евреи сумеют одолеть непреодолимые преграды, громоздящиеся на их пути, преодолеть бушующий поток меж полным исчезновением и вечным блаженством и вновь возведут свой Обетованный Храм. Если, по слову пророка Амоса, упавший шатер Давидов воистину возвысился снова, возрождение его свидетельствует о том, что под солнцем есть надежда для каждого народа. Тем самым, возрождение Израиля являет собой одну из самых прекрасных и величественных эпопей в истории человечества. Это повествование не только о евре-

ях, но о духе человеческом, который вновь и вновь не соглашался смириться с ужасами истории. Это ни с чем не сравнимое стремление народа, стремящегося обрести, в конце нескончаемого странствия, собственное место среди других народов.

העמותה לקליטת עליית בתיא

רח'י ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

1254

..... מס'

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечание к русскому изданию.

Тексты документов, опубликованные в приложениях, переведены на русский язык с английского при подготовке русского издания настоящей книги и, следовательно, не могут быть использованы как официальные документы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АРАБО-ЕВРЕЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ВЕРСАЛЕ

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ЭМИРОМ ФЕЙСАЛОМ И ДОКТОРОМ ВЕЙЦМАНОМ ОТ 3 ЯНВАРЯ 1919

Его королевское величество эмир Фейсал, представляющий Арабское королевство Хиджаз, и д-р Хаим Вейцман, действующий от лица и по поручению Сионистской организации, памятуя о расовой близости и давних связях арабского и еврейского народов, отдавая себе отчет, что только через самое тесное сотрудничество в развитии Арабского государства и Палестины возможно осуществление основных чаяний этих народов, желая дальнейшего укрепления отношений и взаимопонимания, пришли к согласию по поводу следующих пунктов:

Статья 1

Во всем, что касается их взаимоотношений, Арабское государство и Палестина будут неизменно руководствоваться исключительно доброй волей и взаимопониманием, и во обеспечение этого на соответствующих территориях будут своевременно аккредитованы арабские и еврейские уполномоченные.

Статья 2

По завершении всех согласований на Мирной Конференции, между Арабским государством и Палестиной будут незамедлительно установлены специальной Комиссией четкие границы, которые должны быть одобрены сторонами.

Статья 3

При выработке палестинской Конституции и создании администрации Палестины должны быть использованы те критерии, которые наиболее полным образом гарантируют исполнение Декларации Британского правительства от 2 ноября 1917 года.

Статья 4

Будут приняты все необходимые меры для поощрения наиболее широкой иммиграции евреев в Палестину и, по возможности, наиболее быстрого расселения иммигрантов на землях с предпочтением компактных поселений и интенсивного земледелия. При этом права арабских феллахов и фермеров-арабов не должны ущемляться, и им должна быть оказана помощь в скорейшем экономическом развитии.

Статья 5

Не могут издаваться законы и не может официально одобряться какое-либо ограничение или вмешательство в свободу религиозных отправлений. Навсегда провозглашается свобода вероисповедания и отправления религиозных обрядов без какой бы то ни было дискриминации. При осуществлении гражданских или политических прав религиозные убеждения не должны приниматься в расчет.

Статья 6

Мусульманские Святые Места остаются под мусульманским контролем.

Статья 7

Сионистская организация предполагает направить в Палестину комиссию экспертов для исследования экономических возможностей страны и выработки лучших способов ее развития. Сионистская организация предоставит вышеупомянутую комиссию в распоряжение Арабского государства с целью обследования экономического состояния этого

государства и определения наилучших способов его развития. Сионистская организация приложит все усилия, чтобы помочь Арабскому государству в разработке природных богатств и экономического потенциала в целом.

Статья 8

Стороны обязуются действовать в полном согласии и сотрудничать во всех начинаниях, предпринимаемых до Мирной Конференции.

Статья 9

По всем спорным вопросам, могущим возникнуть между сторонами, следует обращаться за третейским судом к правительству Великобритании.

Подписано в Лондоне, Англия, третьего января тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Хаим Вейцман
Фейсал ибн Хусейн

УСЛОВИЕ, ПОСТАВЛЕННОЕ ЭМИРОМ ФЕЙСАЛОМ

Если арабские проблемы будут решены так, как я просил в меморандуме, направленном 4 января британскому министру иностранных дел, то я выполню пункты данного соглашения. Если же будут изменения, то я снимаю с себя ответственность за невозможность выполнения данного соглашения.

Фейсал ибн Хусейн

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ФЕЙСАЛА С ФРАНКФУРТЕРОМ *ДЕЛЕГАЦИЯ ХИДЖАЗА*

ПАРИЖ, 3 марта 1919

Уважаемый господин Франкфуртер! Я, пользуясь случаем своего первого знакомства с американскими сионистами, хочу высказать то, что неоднократно говорил д-ру Вейцману на Ближнем Востоке и в Европе.

Мы считаем, что арабы и евреи являются двоюродными братьями по расе. Оба народа одинаково пострадали от держав более мощных, чем они сами, и, по счастливому стечению обстоятельств, смогут сделать первые шаги по достижению своих национальных идеалов вместе.

Мы, арабы, особенно, образованные среди нас, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению. Наша делегация здесь, в Париже, внимательно ознакомилась с предложениями, представленными вчера Сионистской Организацией на рассмотрение Мирной Конференции, и находит их умеренными и справедливыми. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы они были приняты. Мы готовы сердечно приветствовать возвращение евреев на родину.

У нас сложились близкие отношения с лидерами вашего движения, особенно с доктором Вейцманом. Он очень помог нам в осуществлении наших задач, и я надеюсь, что у арабов скоро появится возможность отблагодарить евреев за их доброту. Мы вместе работаем на дело возрождения и реформирования Ближнего Востока, и наши движения дополняют друг друга. Еврейское движение является национальным и не империалистическим, наше движение - национальное и не империалистическое, и в Сирии нам всем хватит места. Более того, я думаю, что один без другого мы не добьемся успеха.

Игнорируя необходимость сотрудничества арабов и сионистов, люди, менее информированные и менее ответственные, чем наши лидеры, пытались и пытаются эксплуатиро-

вать локальные трудности, которые неизбежно возникают в Палестине на ранних стадиях работы. Кое-кто из них, я боюсь, в ложном свете представил арабскому крестьянству ваши цели, а наши цели неверно объяснил простым евреям. И все это для того, чтобы создать себе капитал на том, что они называют нашими противоречиями.

Мне хочется донести до вас мое твердое убеждение, что наши разногласия касаются не принципиальных вопросов, а лишь незначительных пунктов, споры по которым неизбежно возникают между соседними народами и легко улаживаются при обоюдной доброй воле. Все они, я уверен, исчезнут, благодаря дальнейшему распространению информации и знаний.

Я и мой народ с надеждой ждем того времени, когда мы будем помогать вам, а вы - нам, чтобы страны, в которых мы взаимно заинтересованы, снова заняли достойное место в семье цивилизованных народов мира.

Полагайтесь на меня и верьте мне, искренне ваш

(подписано) Фейсал

5 марта 1919

24 июля 1922

МАНДАТ НА ПАЛЕСТИНУ

Совет Лиги Наций:

Поскольку главные союзнические державы, во исполнение оговоренного параграфов 22 Устава Лиги Наций, пришли к решению передать власть над Палестиной, которая ранее принадлежала Оттоманской империи, Мандатному уполномоченному, избранному этими державами, и в границах, устанавливаемых этими державами;

Поскольку главные союзнические державы также пришли к решению, что Мандатный уполномоченный будет нести ответственность за реализацию заявления от 2 ноября 1917 года, сделанного правительством Его Величества короля Британии и одобренного вышеназванными державами, об образовании национального дома еврейского народа при неперемennom условии, что не будут ущемлены гражданские и религиозные права живущих на этой территории нееврейских общин, а также политические права евреев, проживающих в других странах;

Поскольку историческая связь еврейского народа с Палестиной осознана и признана, так же, как и право евреев возродить свой национальный дом на этой земле;

Поскольку своим Мандатным уполномоченным по Палестине главные союзнические державы избрали Его Величество короля Британии;

Поскольку условия мандата на Палестину уже сформулированы и представлены на утверждение Совету Лиги Наций;

Поскольку Его Величество король Британии принял на себя мандатные полномочия в отношении Палестины и согласился отправлять их от лица Лиги Наций и по предложенным ему принципам;

Поскольку в вышеупомянутом параграфе 22 (раздел 8) Устава Лиги Наций степень полномочий мандатного правительства, заранее не согласованного членами Лиги, подлежит эксплицитному определению Советом Лиги Наций;

Подтверждая вышеуказанный мандат, определяет его условия следующим образом:

Статья 1

Мандатный уполномоченный будет обладать всей полной административной и законодательной власти, за исключением тех случаев, когда ее ограничивают условия данного мандата.

Статья 2

Мандатный уполномоченный будет нести ответственность за создание в стране таких политических, административных и экономических условий, которые наилучшим образом обеспечат создание Еврейского национального дома, как это сформулировано в преамбуле, обеспечат развитие институтов самоуправления, а также защиту гражданских и религиозных прав всех жителей Палестины, независимо от расовой и религиозной принадлежности.

Статья 3

Мандатный уполномоченный будет, насколько позволят обстоятельства, развивать местную автономию.

Статья 4

Соответствующая еврейская организация получит статус официальной организации, в задачи которой входят консультации и сотрудничество с Администрацией Палестины в тех экономических, социальных и других вопросах, которые могут повлиять на создание Еврейского национального дома, на интересы еврейского населения Палестины и -

постоянно под контролем Администрации - на развитие страны в целом.

Такой организацией может быть признана Сионистская организация, до тех пор, пока она, с точки зрения Мандатного уполномоченного, подходит по всем основным принципам своей структуры и организации. После консультаций с правительством Его Величества короля Британии она должна предпринять меры по привлечению к сотрудничеству всех евреев, которые хотят участвовать в создании Еврейского национального дома.

Статья 5

Мандатный уполномоченный несет ответственность за то, чтобы ни одна часть палестинской территории не была отдана, сдана в аренду или попала под контроль какого-либо иностранного государства.

Статья 6

Обеспечивая защиту прав и положения других групп населения, Администрация Палестины будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для иммиграции евреев и - совместно с упомянутой в пункте 4 еврейской организацией - компактное расселение иммигрантов на земле, включая как государственные, так и пустующие земли, не востребуемые для общественных нужд.

Статья 7

Администрация Палестины будет ответственна за принятие закона о гражданстве, включающего параграфы, которые облегчат получение палестинского гражданства евреям, избравшим Палестину местом своего постоянного проживания.

Статья 8

Привилегии и неприкосновенность иностранцев, включая консульскую юрисдикцию и защиту, которыми они ранее

пользовались по Капитуляциям* или по обычаям Оттоманской империи, применяться в Палестине не будут.

Если же державы, чьи подданные пользовались вышеупомянутыми привилегиями до 1 августа 1914 года, не откажутся заранее от прав на их возобновление или же не согласятся с их неприменением на оговоренный период, то по истечении срока Мандата эти привилегии и неприкосновенность будут восстановлены во всей их полноте или с теми изменениями, о которых договорятся заинтересованные державы.

Статья 9

Мандатный уполномоченный обязан проследить за тем, чтобы судебная система, создаваемая в Палестине, полностью гарантировала все права как иностранцев, так и местных жителей.

Должно полностью гарантироваться уважение к статусу различных народностей общин и к их религиозным убеждениям. В частности, контроль и управление вакфами должны осуществляться в соответствии с религиозным правом и распоряжениями дарителей.

Статья 10

Для принятия специальных экстраординарных соглашений на Палестину распространяются договоры о выдаче преступников, заключенные между Мандатным уполномоченным и иностранными государствами.

Статья 11

Администрация Палестины примет все необходимые меры по защите интересов населения в связи с развитием страны и, выполняя все международные обязательства, принятые Мандатным уполномоченным, будет иметь необходимые полномочия, чтобы обеспечить общественное владение

---

* Капитуляции - договоры Оттоманской империи с христианскими державами об особом статусе граждан этих держав, находившихся на территории турецкой Палестины (прим. переводчика).

или общественный контроль за естественными богатствами страны, общественными работами, коммунальными услугами и предприятиями общественного пользования, как существующими уже, так и проектируемыми. Администрация введет такую систему землепользования, которая наиболее отвечает нуждам страны, в частности, с учетом желательности компактных поселений и интенсивного земледелия.

Администрация может передать еврейской организации, упомянутой в пункте 4, строительство любых сооружений или руководство любыми общественными работами и услугами, а также разработку любых природных ресурсов, естественно, на справедливых условиях и не в ущерб своим собственным планам. При заключении подобных договоров необходимо оговаривать, что данная еврейская организация имеет право распоряжаться, будь то прямо или косвенно, лишь разумным процентом с прибыли на вложенный капитал. Остальная часть прибыли должна использоваться под контролем администрации на нужды страны.

Статья 12

На Мандатного уполномоченного будет возложен контроль за международными отношениями Палестины и право выдавать экзекватуры консулам иностранных государств. Ему также вменяется в обязанность дипломатическая и консульская защита граждан Палестины, когда они находятся за пределами страны.

Статья 13

Мандатный уполномоченный возьмет на себя ответственность за Святые Места и религиозные сооружения в Палестине, сохраняя все их права и обеспечивая к ним свободный доступ и свободное отправление там религиозных ритуалов, в то же время, гарантируя общественный порядок и соблюдение всех приличий. За все вышперечисленное и связанное с ним, Мандатный уполномоченный несет ответственность исключительно перед Лигой Наций и

может договариваться с Администрацией о разумных мерах по реализации поставленных в этом пункте задач, однако с запрещением вмешиваться в структуру и управление сугубо мусульманских Святых Мест, чья неприкосновенность должна гарантироваться.

Статья 14

Мандатным уполномоченным будет назначена специальная комиссия по изучению, выяснению и определению прав и притязаний в связи со Святыми Местами и вообще прав и притязаний различных религиозных общин в Палестине. Принцип структуры, выбора членов и функционирования данной комиссии должен быть представлен на утверждение Совету Лиги Наций, без разрешения которого невозможно ни назначение комиссии, ни начало ее деятельности.

Статья 15

Мандатный уполномоченный должен обеспечить равную для всех граждан свободу совести и отправления различных религиозных обрядов, при условии, что не нарушается общественная мораль и сохраняется общественный порядок. Запрещается любая дискриминация жителей Палестины по расовому, религиозному или языковому признакам. Никто не может быть изгнан из страны только по причинам исключительно религиозного характера.

За каждой из общин признается право создавать школы для обучения своих членов на своем языке, сообразуя программу обучения с учебными требованиями общего характера, выдвинутыми Администрацией.

Статья 16

Мандатный уполномоченный будет осуществлять такой надзор над религиозными и благотворительными организациями всех конфессий в Палестине, который обеспечит сохранение общественного порядка и успешное функционирование этих организаций. При надзоре не должно проис-

ходить никакого вмешательства в деятельность этих организаций и никакой дискриминации их представителей или членов по религиозной и национальной принадлежности.

Статья 17

Администрации Палестины разрешается создать на добровольной основе силы для поддержания мира и порядка, а также для защиты страны. Эти силы будут находиться под наблюдением Мандатного уполномоченного и не могут без его согласия использоваться для иных, не перечисленных выше, целей. Не допускается создание Администрацией Палестины никаких сухопутных или воздушных сил для каких-либо, не обозначенных выше, целей.

Ничто, изложенное в данной статье, не запрещает администрации вкладывать средства на поддержание вооруженных сил Мандатного уполномоченного Палестины.

Статья 18

Мандатному уполномоченному вменяется в обязанность проследить, чтобы в Палестине не дискриминировались подданные государств-членов Лиги Наций (включая фирмы и компании, зарегистрированные в этих державах) и граждане других иностранных государств в отношении налогов, коммерции, перевозок, деловой, промышленной или профессиональной деятельности, а также коммерческого судоходства и гражданской авиации. Таким же образом в Палестине не допускается дискриминация товаров, произведенных в вышеперечисленных государствах, или направляемых туда. В подмандатных районах должен осуществляться свободный транзит на справедливых условиях.

Принимая во внимание как вышеизложенное, так и другие положения мандата, Администрация Палестины может, по согласованию с Мандатным уполномоченным, устанавливать такие налоги и таможенные пошлины и предпринимать такие шаги по разработке естественных ресурсов страны и защите интересов граждан, какие сочтет

необходимыми и полезными. Администрация также может, после консультаций с Мандатным уполномоченным, заключать особые таможенные договоры с любым государством, территория которого полностью входила в 1914 году в состав азиатской части Оттоманской империи или в Аравию.

Статья 19

От имени Администрации Палестины Мандатный уполномоченный подписывает все международные соглашения, как уже существующие, так и новые из числа тех, которые будут заключаться с одобрения Лиги Наций, касающиеся работоторговли, торговли оружием и боеприпасами, торговли наркотиками, а также договоры, касающиеся торгового равноправия, свободы транзита, морской и воздушной навигации, почтовой, телеграфной и беспроволочной связи, прав на литературную, художественную и промышленную собственность.

Статья 20

От имени Администрации Палестины Мандатный уполномоченный будет проводить, насколько позволят религиозные, социальные и другие условия в стране, общую с Лигой Наций политику по профилактике и борьбе с болезнями, включая болезни животных и растений.

Статья 21

Мандатный уполномоченный обеспечит в течение года принятие и введение в действие закона о памятниках древности, основанного на следующих принципах. Закон предоставит равные права в отношении раскопок и археологических исследований всем представителям держав, являющихся членами Лиги Наций.

1) Под памятником древности понимается любое сооружение или продукт человеческой деятельности, датированный ранее 1700 года.

2) Закон о памятниках древности предпочтительнее осуществлять с помощью поощрений, не наказаний. Любой человек, обнаруживший памятник древности, но не имеющий специального разрешения, упомянутого в подпункте 5, заявив о находке официально представителю соответствующего департамента, получит вознаграждение, соразмерное ее ценности.

3) Любой памятник может быть передан только в соответствующий департамент, за исключением тех случаев, когда департамент отказывается от приобретения данного памятника. Ни один памятник древности не может быть вывезен без экспертного разрешения вышеупомянутого департамента.

4) Любой человек, по злому умыслу или халатному небрежению разрушающий, или наносящий вред памятникам древности, будет подвержен наказаниям, систему которых предстоит разработать.

5) Под угрозой штрафа запрещается расчистка земли и раскопки с целью поиска памятников древности лицами, не получившими специального разрешения от соответствующего департамента.

6) При отчуждении, временном или постоянном, земель, представляющих исторический или археологический интерес, должны быть выработаны справедливые условия.

7) Право производить раскопки будет предоставляться только лицам, обладающим достаточной археологической квалификацией. При этом, Администрация Палестины, предоставляя эти права, не должна без веских причин отказывать в разрешении ученым отдельных стран.

8) Находки, сделанные в процессе раскопок, могут быть поделены между археологами и соответствующим департаментом в пропорциях, установленных департаментом. Если такой раздел по научным причинам невозможен, археологи должны получить справедливое возмещение своей части найденного.

Статья 22

Официальными государственными языками Палестины будут английский, арабский и иврит. Любая арабская надпись на марках или деньгах должна быть повторена на иврите, любая надпись на иврите должна быть повторена на арабском.

Статья 23

Администрация Палестины признает религиозные праздники соответствующих общин официальными выходными днями для членов этих общин.

Статья 24

Мандатный уполномоченный будет представлять Лиге Наций ежегодный отчет для одобрения мер, принятых за год по реализации положений мандата. К отчету будут прилагаться копии всех законов и постановлений, принятых за данное время.

Статья 25

На территориях, расположенных между Иорданом и восточной границей Палестины, по ее окончательному установлению, Мандатный уполномоченный получает право, с согласия Совета Лиги Наций, отложить применение или воздержаться от применения тех положений Мандата, которые, на его взгляд, не подходят к местным условиям, и одновременно разработать такие положения для местной администрации территорий, которые эти особые условия учитывают. При этом не должны предприниматься действия, противоречащие пунктам 15, 16 и 18 мандата.

Статья 26

Мандатный уполномоченный дает согласие на то, что, при возникновении какого-либо спора между ним и государством-членом Лиги Наций по поводу трактовки того или иного положения данного мандата, этот спор, если он не может быть урегулирован путем двусторонних переговоров, будет вынесен на решение постоянно действующего Международного Суда, созданного на основании параграфа 14 Устава Лиги Наций.

Статья 27

Для изменения положений и условий данного мандата требуется согласие Совета Лиги Наций.

Статья 28

В случае завершения Мандата, передаваемого этим документом Мандатному уполномоченному, Совет Лиги Наций предпримет все необходимые шаги по защите прав, предоставляемых в пунктах 13 и 14, и использует все свое влияние, при гарантии Лиги Наций, чтобы правительство Палестины полностью приняло на себя законные финансовые обязательства Администрации Палестины, законно принятые во время срока мандата, включая права государственных служащих на пенсии и пособия.

Настоящий документ будет храниться в оригинале в архиве Лиги Наций, а его заверенные копии государственной секретарь Лиги направит всем ее государствам-членам.

Лондон, двадцать четвертое июня тысяча девятьсот двадцать второго года

Генеральный секретарь

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ОБЕЩАНИЕ РИББЕНТРОПА МУФТИЮ УНИЧТОЖИТЬ ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОЧАГ В ПАЛЕСТИНЕ

Министерство иностранных дел
Берлин, 28 апреля 1942

Ваше Преосвященство!

В ответ на Ваше письмо и на сопровождавшее его послание Его Превосходительства премьер-министра Рашида Али Эль Гайлани, а также подтверждая положения нашей беседы, имею честь сообщить Вам следующее:

Германское правительство высоко оценивает одобрение арабскими народами целей Держав Оси и их решимости довести борьбу против общего врага до победного конца. Германское правительство относится с большим пониманием к национальным устремлениям арабских стран, как они были выражены вами обоими, и испытывает глубокое сочувствие к страданиям ваших народов под британским гнетом.

Имею честь уверить Вас, с полного согласия итальянского правительства, что достижение независимости и свободы страдающих под английским ярмом арабских стран, являются одной из целей германского правительства.

Германия, соответственно, готова оказать всемерную поддержку угнетенным арабскими странам в их борьбе с британскими завоевателями, в осуществлении их стремления к независимости и суверенитету, а также в разрушении Еврейского национального очага в Палестине.

Как было договорено ранее, содержание данного письма должно сохраняться в полной тайне до особого решения.

Уверяю Ваше Преосвященство в своем искреннем уважении.

(подписано) Риббентроп

Его Преосвященству, Великому Муфтию Палестины Амину
Эль Хусейни

**ХАРТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ПАЛЕСТИНЫ**

(принято в 1964 году, пересмотрено в 1968)

Данный Устав будет называться "Палестинским Национальным Уставом (Al-Mihaq Al-Watani Al-Filastini)

Статья 1

Палестина является родиной арабского народа Палестины, неотъемлемой частью великой арабской родины. Народ Палестины является частью арабской нации.

Статья 2

В границах, существовавших во времена Британского мандата, Палестина представляет собой неделимое региональное образование.

Статья 3

Арабский народ Палестины имеет законное право на свою родину, и когда ее освобождение завершится, он осуществит самоопределение только согласно своему собственному выбору и волеизъявлению.

Статья 4

Черты палестинского национального характера являются врожденными, устойчивыми, они не исчезают, а передаются от отца к сыну. Сионистская оккупация и, как результат этого бедствия, рассеяние арабского народа Палестины, не лишают его ни национального характера, ни национальных корней.

Статья 5

Палестинцем считается гражданин арабского происхождения, который постоянно проживал в Палестине до 1947г.,

независимо от того, остался он, или был изгнан. Тот, кто рожден от отца-палестинца после этого срока, будь то в самой Палестине или за ее пределами, является палестинцем.

Статья 6

Евреи, постоянно проживавшие в Палестине до начала сионистского вторжения, будут считаться палестинцами.

Статья 7

Палестинские корни, материальные, духовные и исторические связи с Палестиной являются постоянными, неизменными реалиями. Воспитание палестинцев в арабском и революционном духе, закаливание их сознания для ощущения себя истинными "палестинцами", глубокое ознакомление с родиной, чтобы всеми средствами подготовить их к противостоянию и вооруженной борьбе, к жертве как имущества, так и самой жизни ради восстановления родины - все это является национальным долгом.

Статья 8

Период времени, который сейчас переживает палестинский народ - это период национальной (Watani) борьбы за освобождение Палестины. Поэтому противоречия между палестинскими национальными силами сейчас являются второстепенными и должны быть преодолены ради фундаментального противоречия между сионизмом и колониализмом с одной стороны, и арабским народом Палестины с другой. В связи с этим, палестинские массы на своей родине и в местах изгнания (Mahajir), как организации, так и отдельные личности, составляют единый национальный фронт, который, в целях освобождения Палестины, действует посредством вооруженной борьбы.

Статья 9

Вооруженная борьба - единственный способ освободить Палестину, и, посему, она является стратегией, а не такти-

кой. Арабский народ Палестины подтверждает свою непреклонную решимость наращивать и усиливать вооруженную борьбу, доведя ее до народной революции с целью освободить родину и вернуться в свою страну, возвратив себе право на нормальную жизнь, самоопределение и суверенитет.

Статья 10

Федаинские действия составляют ядро народной палестинской войны за освобождение, что требует их развития, усиления и защиты. Чтобы гарантировать продолжение революции, ее нарастание и победу, требуется мобилизация всех сил и интеллектуальных способностей палестинцев, их организованное включение в вооруженную революционную деятельность, сплоченность в национальной (Watani) борьбе различных групп и их тесная связь с массами.

Статья 11

У палестинцев три лозунга: Национальное (Wataniyya) единство, национальная (Qawmiyya) мобилизация и освобождение.

Статья 12

Арабский народ Палестины верит в арабское единство. Чтобы сыграть свою роль в осуществлении этого стремления, он должен сохранить на данной стадии национальной (Watani) борьбы свой палестинский национальный характер, его основные черты, а, следовательно, должен повышать самосознание и противиться любым замыслам, способным ослабить или разрушить этот национальный характер.

Статья 13

Арабское единство и освобождение Палестины - взаимодополняющие цели. Одна прокладывает путь другой. Арабское единство ведет к освобождению Палестины, а освобождение Палестины ведет к арабскому единству. Работая на одну цель, работаешь на другую.

Статья 14

Судьба арабской нации, само существование арабов зависит от решения палестинской проблемы. Этим и объясняются стремления и усилия арабской нации, направленные на освобождение страны. Народ Палестины взял на себя ведущую роль в осуществлении этой священной национальной (Qawmi) задачи.

Статья 15

Освобождение Палестины, с арабской точки зрения, является национальным (Qawmi) долгом арабов по отражению сионистского, империалистического вторжения в великую арабскую родину и по очистке ее от сионистского присутствия. Полная ответственность за осуществление этой задачи ложится на всю арабскую нацию, ее народы и правительства во главе с народом Палестины.

Для этой цели арабская нация должна мобилизовать весь свой военный, человеческий, материальный и духовный потенциал и активно участвовать в борьбе вместе с народом Палестины. Арабская нация, особенно на данном этапе вооруженной борьбы палестинцев, обязана предоставить им всю возможную помощь, материальную и моральную поддержку, использовать любые средства, чтобы народ Палестины продолжал играть ведущую роль в вооруженной революционной борьбе до победного конца - освобождения своей родины.

Статья 16

С духовной точки зрения, освобождение Палестины создаст в Святой Земле атмосферу мира и спокойствия, защитит все Святые Места, даст гарантию их свободного посещения и поклонения без всякой дискриминации по расовому, языковому и религиозному принципу. На этом основании народ Палестины надеется на поддержку всех духовных сил мира.

Статья 17

С гуманистической точки зрения, освобождение Палестины восстановит достоинство, величие и свободу палестинцев. На этом основании арабский народ Палестины надеется на поддержку тех, кто верит в достоинство и свободу личности.

Статья 18

С международной точки зрения, борьба за освобождение Палестины - акт вынужденной самозащиты. На этом основании народ Палестины, желающий жить в дружбе со всеми народами, надеется на поддержку всех государств, которые разделяют идеалы свободы, мира и справедливости и которые помогут восстановить в регионе законность, безопасность и мир, осуществить право палестинцев на национальный (Wataniyya) суверенитет и национальную (Qawmiyya) свободу.

Статья 19

Раздробление Палестины в 1947 году и образование Израиля - недействительны и не имеют законной силы, сколько бы времени ни прошло с того момента, поскольку были совершены вопреки воле палестинского народа, вопреки его правам на свою родину и вошли в противоречие с принципами, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций, первым из которых является право на самоопределение.

Статья 20

Декларация Бальфура и Мандат на Палестину и все, что было сделано на их основе, - недействительно и не имеет силы. Претензия на историческую и духовную связь евреев с Палестиной не соответствует ни исторической реальности, ни основным характеристикам государственности в их истинном понимании. Иудаизм, как религия откровения, не имеет национальности и независимого существования.

Точно так же и евреи - не единый народ и не обладают национальным характером. Они, скорее, граждане тех государств, в которых проживают.

Статья 21

Арабский народ Палестины, выражая себя через вооруженную революционную борьбу, отвергает любое решение палестинской проблемы, подменяющее ее полное освобождение, отвергает любые планы урегулирования и интернационализации.

Статья 22

Сионизм является политическим движением, органически связанным с мировым империализмом, и враждебным всем силам, выступающим за свободу и прогресс в мире. По своей сути - это расистское и фанатичное движение; по целям - агрессивное, экспансионистское и колониалистское; по средствам - фашистское и нацистское. Израиль - орудие сионизма, поставщик человеческого материала и географическая база мирового империализма, необходимая ему в сердце арабской родины как база сосредоточения сил и как стартовая площадка для посягательства на надежды арабской нации на свободу, единство и прогресс.

Израиль представляет постоянную угрозу миру на Ближнем Востоке и на земном шаре в целом. Поскольку освобождение Палестины очистит регион от сионистского и империалистического присутствия, приведет к стабилизации мира, то народ Палестины надеется на поддержку всех свободомыслящих людей, всех сил прогресса и мира, независимо от их политической ориентации и просит их о помощи в своей справедливой и законной борьбе за освобождение родины.

Статья 23

Стремление к миру и безопасности, правде и справедливости обязывает все государства, выступающие за дружес-

кие отношения между народами и уважающие преданность граждан своей родине, считать сионизм незаконным движением и запретить его деятельность и существование.

Статья 24

Арабский народ Палестины верит в принципы справедливости, свободы, суверенитета, самоопределения, уважения человеческого достоинства и прав человека на осуществление этих принципов.

Статья 25

Чтобы осуществить принципы и цели данной программы, Организация Освобождения Палестины приложит все силы для освобождения своей родины.

Статья 26

Организация Освобождения Палестины, представляющая силы палестинской революции, несет ответственность за борьбу арабского народа Палестины с целью освобождения родины, возвращения в свою страну и получения в ней права на самоопределение. Ответственность распространяется на военные, политические, финансовые и любые другие сферы, которые касаются палестинской проблемы как в арабских странах, так и на международной арене.

Статья 27

Организация Освобождения Палестины будет сотрудничать со всеми арабскими государствами, соответственно возможностям этих государств, будет сохранять нейтралитет в отношениях с ними в свете нужд борьбы за освобождение и придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела арабских государств.

Статья 28

Арабский народ Палестины требует признания самобытности и независимости своей национальной (Wataniyya)

революции и отвергает любое вмешательство или руководство ею со стороны.

Статья 29

Арабский народ Палестины имеет преимущество, особое право на освобождение и восстановление своей родины и определит свои отношения со всеми другими государствами и силами на основе их позиции в отношении палестинского вопроса и размера помощи, оказанной революционной борьбе (палестинцев) за осуществление их целей.

Статья 30

Те, кто сражался с оружием в руках в битве за освобождение, являются ядром Народной армии и станут крепким щитом арабского народа Палестины.

Статья 31

У организации будет знамя, присяга и гимн, созданные в соответствии с особыми принципами.

Статья 32

К данной программе прилагается закон, известный, как Основной Закон Организации Освобождения Палестины, где, в соответствии с программой, определяется структура создания организации, ее комитеты, учреждения, их особые функции и обязанности.

Статья 33

Поправки в эту программу могут быть внесены только большинством в две трети членов Национального Совета Организации Освобождения Палестины при голосовании на специальном, созванном для этой цели заседании.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

РЕЗОЛЮЦИЯ # 242 СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

22 ноября 1967

Совет Безопасности,

Выражая постоянное беспокойство по поводу серьезного положения на Ближнем Востоке.

Подчеркивая недопустимость захвата территорий путем войны и необходимость добиваться справедливого и прочного мира, при котором каждое государство в данном районе может жить в безопасности.

Подчеркивая далее, что все государства - члены Организации Объединенных Наций, принимая устав ООН, взяли на себя обязательства действовать в соответствии со статьей 2 Устава.

1. Утверждает, что выполнение принципов Устава требует установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, который должен включать применение обоих нижеследующих принципов:

- а) Вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта,
- б) Прекращение всех претензий или состояний войны и уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире, безопасности и в признанных границах, не подвергаясь угрозам или применению силы;

2. Утверждает далее необходимость:

- а) Обеспечения свободы судоходства по международным водным путям в данном районе;
- б) Достижения справедливого урегулирования проблемы беженцев;

в) Обеспечения территориальной неприкосновенности и политической независимости каждого государства в данном районе с помощью мер, включающих установление демилитаризованных зон;

3. Просит Генерального секретаря назначить Специального представителя, который должен выехать на Ближний Восток для установления и поддержания контактов с заинтересованными государствами в целях содействия достижению соглашения и поддержке усилий, направленных на достижение мирного и приемлемого урегулирования, в соответствии с положениями и принципами настоящей резолюции;

4. Просит Генерального секретаря как можно скорее поставить Совет Безопасности в известность о ходе деятельности Специального представителя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ПЛАН ПЕНТАГОНА

29 июня 1967
JSCM - 373 - 67

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Тема: ГРАНИЦЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

1. Рекомендации по вышеобозначенной проблеме сделаны в ответ на Вашу докладную записку от 19 июня 1967 года, что потребовало консультации в Объединенном комитете начальников штабов по вопросу минимального количества территорий в дополнение к удержанным 4 июня 1967, которые, без учета политических проблем, необходимы Израилю, чтобы организовать наиболее эффективную защиту от возможной агрессии арабов и террористических нападений.
2. С сугубо военной точки зрения, Израилю потребуется удержать некоторые захваченные арабские земли с целью создания благоприятных для обороны границ. Определение подобных удерживаемых территорий должно основываться на общепринятых тактических принципах - таких, как контроль над господствующими высотами, использование естественных преград, срезание выступов фронта противника, обеспечение необходимой глубины обороны для важных сооружений и установки оборудования. Более подробное обсуждение ключевых пограничных зон, предложенных к рассмотрению на дискуссии, приведено в приложении к

данному меморандуму. В целом, взгляды Комитета начальников штабов на вышеупомянутые зоны таковы:

А. ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ ИОРДАНА

Контроль над возвышенностью, идущей с севера на юг по центру западной Иордании, преимущественно, к востоку от важного шоссе, проложенного с севера на юг по оси Дженин - Наблус - Бира - Иерусалим, а затем поворачивающего на юго-запад к Мертвому Морю у Вади аль-Дарайа, предоставит Израилю хорошо обороняемую с военной точки зрения границу. Предполагаемая оборонительная линия пройдет к востоку от Иерусалима. К тому же, могут быть приняты меры по обеспечению интернационального статуса города, что не нанесет особого урона израильским оборонительным позициям.

Б. ПРИЛЕГАЮЩАЯ К ИЗРАИЛЮ СИРИЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Израиль особенно страдает от террористических набегов и приграничных инцидентов в этом районе. Оккупированная на настоящий момент территория - возвышенность, идущая с севера на Юг в глубине 15 миль от сирийской границы на линии Кунейтры, даст Израилю контроль над землями, которые Сирия эффективно использовала для нарушения спокойствия на границе.

В. РАЙОН ИЕРУСАЛИМ - ЛАТРУН

См. выше, подпункт А.

Г. СЕКТОР ГАЗА

Заняв этот сектор, Израиль сократит примерно 45 миль враждебной границы до 8 миль. По своей конфигурации сектор служит клином для пропуска подрывных и террорис-

тических групп арабов, и его удержание будет, с военной точки зрения, оправданным.

Д. ГРАНИЦА НЕГЕВ - СИНАЙ

Кроме удержания демилитаризованной зоны вокруг Аль Ауджи и части территории для защиты порта Эйлат, постоянная оккупация Синая грозит Израилю таким количеством проблем, которое перевесит любые военные преимущества.

Е. РЕГИОН НЕГЕВ - ИОРДАН - АКАБА - ЗОНА ТИРАНСКОГО ПРОЛИВА

Целью Израиля тут может быть безопасный путь через залив Акаба и защита своего порта Эйлат. С большими неудобствами для себя Израиль мог бы оккупировать Шарм аш-Шейх и положиться на какую-либо форму интернационализации, чтобы обеспечить себе свободный доступ в пролив. Без этого Израилю понадобятся ключевые позиции на Синае, чтобы обеспечить безопасное использование Тиранского пролива. Эйлат, расположенный на самом кончике узкой полоски на юге Израиля, уязвим для прямых наземных операций с территории Египта. Израиль уменьшит подобные угрозы, удержав за собой часть Синайского полуострова на юге и востоке по Вади эль Герафи и к востоку до залива Акаба - приблизительно 29 градусов 20' северной широты.

3. Следует подчеркнуть, что, в соответствии с Вашими пожеланиями, данные выводы базируются на военных соображениях и сделаны с точки зрения Израиля.

За Комитет начальников штабов

(подписано) Эрл Г. Уилер,

Председатель Объединенного комитета начальников штабов.

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ДЛЯ ИЗРАИЛЯ ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ

1. ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ ИОРДАНА

а) Опасности. Иордано-израильская граница имеет 330 миль и тянется от залива Акаба на юге к Мертвому морю, затем вдоль демаркационной линии, проложенной по перемирию, затем дальше на север по Иордану к реке Ярмук и по ней к Сирии. Эта граница, обычно, не очень усиленно охранялась военными подразделениями. Ее защита состояла из небольших, далеко отстоящих друг от друга, постов и патрулей, что делало переход в Израиль террористов и диверсантов делом относительно несложным. За период с января 1965 года по февраль 1967 года здесь зарегистрировано 53 случая диверсий и подрывной деятельности, в результате чего 3 человека погибли, 35 были ранены, а домам, дорогам, мостам, железнодорожным путям, водо- и электроснабжению Израиля нанесен урон. Часто происходили небольшие перестрелки. Большинство этих инцидентов имело место на участке между горой Хеврон и районом Арава, где иорданские власти не принимали должных мер против нарушителей. Возвышенность, которая тянется с севера на юг по центру Западной Иордании, подходит к узкой срединной части Израиля и дает возможность быстрого вражеского прорыва к морю, что сразу разделило бы страну на две части.

б) Рекомендации. Граница вдоль господствующих высот над рекой Иордан с запада, сделает оборонительный рубеж менее протяженным. Однако Израилю, как минимум, понадобится оборонительная линия вдоль оси: Бардала - Тубас - Наблус - Бира - Иерусалим и затем идущая к северной оконечности Мертвого моря. Это расширит узкую центральную часть Израиля, даст дополнительные тылы для защиты Тель-Авива и дополнительную буферную зону для воздушной базы в Беэр-Шеве. К тому же эта линия включит

часть склонов и уберезет низинные израильские поселения от артиллерийского огня. Линия также сделает оборонительные рубежи короче, чем они были по границе 4 июня 1967 года, уменьшит клин, врезающийся в Израиль со стороны Иордании и предоставит лучшие линии коммуникаций для фланговых маневров.

2. ПРИЛЕГАЮЩАЯ К ИЗРАИЛЮ СИРИЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

а) **Опасности.** Граница между Сирией и Израилем составляет около 43 миль. Она тянется от точки схождения ливано-сирийских границ на восток к Баниясу, затем на юг к Тивериадскому озеру и далее по восточному берегу этого озера к сирийско-иорданской границе. За период с января 1965 по февраль 1967 годов на этой границе зарегистрировано 28 диверсий и террористических актов. Кроме того, с высот на юго-востоке от Тивериадского озера не раз обстреливались израильские поселения. Семь человек были убиты, 18 - ранены.

Контроль над господствующими высотами дает Сирии возможность прорыва в северный Израиль, но главная угроза в этом секторе - терроризм и диверсии.

б) **Рекомендации.** Израилю следует удержать господствующие над Галилеей высоты к востоку от границ 4 июня 1967 года. Чтобы эшелонировать оборону в глубину, Израилю понадобится полоса шириной около 15 миль, идущая от границы с Ливаном до границы с Иорданией. Она защитит израильские деревни на восточном берегу Тивериадского озера, но сделает оборонительные силы к востоку от озера уязвимыми для вражеской атаки из Иордании в направлении южной оконечности Тивериадского озера, которая способна эти силы отрезать. Израильтяне, скорее всего, пойдут на такой риск. В качестве побочной выгоды эта полоса предоставит Израилю контроль над 25 милями трансарабского трубопровода.

3. РАЙОН ИЕРУСАЛИМ - ЛАТРУН

а) Опасности. В течение многих лет этот район время от времени доставлял приграничным странам много беспокойства, так как и израильтяне и иорданцы незаконно обрабатывали земли, находящиеся между линиями. Однако в период с января 1965 по февраль 1967 годов здесь произошел лишь один серьезный инцидент.

б) Рекомендации. Чтобы создать адекватные позиции по защите Иерусалима, израильская граница должна проходить к востоку от города. С другой стороны, если Иерусалим получит интернациональный статус под эгидой ООН, граница, установленная к западу от города, может быть защищена соответственно положениям, рассмотренным в параграфе 1 данного анализа.

4. СЕКТОР ГАЗА

а) Опасности. В годы с 1949-го по 1956-й, предшествующие Суэцкой войне, Египет использовал сектор Газа для бесчисленных инфильтраций и террористических набегов на территорию Израиля. После размещения в секторе и вдоль границы по Синаю миротворческих сил Организации Объединенных Наций в 1957 году, ситуация стабилизировалась. С января 1965-го по февраль 1967-го здесь зарегистрировано только три диверсии. Будучи под египетским контролем, сектор Газа вклинивается в территорию Израиля. Этот клин имеет около 30 миль в длину и от 4 до 8 миль в ширину. Он служил местом для размещения тренировочных лагерей армии Организации Освобождения Палестины, и хотя большого количества инцидентов в этом районе в недавнее время не происходило, надо отметить, что в последнем конфликте Израиль, в первую очередь, наглухо закрыл границу сектора с Синаем.

б) Рекомендации. Оккупация сектора Газа позволит Израилю сократить вражескую границу в пять раз и уничтожить источник, откуда совершаются террористические нападения и где проходят подготовку бойцы армии Организации Освобождения Палестины.

5. ГРАНИЦА НЕГЕВ - СИНАЙ

а) Опасности. С момента размещения в этом регионе в 1957-м сил ООН, в нем не было никаких пограничных проблем. Демилитаризованная зона вокруг Аль Ауджи, которая охватывает пересечение главных дорог с севера на юг и с востока на запад в восточном Синае, а также включает основные водные источники района, выступает тут главным преимуществом с военной точки зрения.

б) Рекомендации. Кроме регулировки участка границы, связанного с защитой порта Эйлат, обсужденного выше, и сохранения демилитаризованной зоны вокруг Аль Ауджи, никакой нужды удерживать захваченные на Синае земли у Израиля нет.

6. РЕГИОН НЕГЕВ - ИОРДАН - АКАБА - ЗОНА ТИРАНСКОГО ПРОЛИВА

а) Опасности. С января 1965-го года по февраль 1967-го в районе отмечено лишь пять случаев диверсионной деятельности. Основная забота Израиля - свободный проход через Тиранский пролив и залив Акаба, а также защита Эйлата - главного нефтяного и торгового порта, связывающего страну с Западной Африкой. Эйлат, находящийся на самом конце южного острья израильских земель, легко отрезать с египетской территории.

б) Рекомендации. Чтобы защитить порт, граница должна быть проведена приблизительно в двадцати километрах

вдоль Вади эль Гирафи, затем к югу до истоков и на востоке до залива Акаба, приблизительно, 28 градусов 20' северной широты. В случае, если международные гарантии свободного судоходства в Тиранском проливе и заливе Акаба предоставлены не будут, Израиль должен занять ключевые позиции, чтобы контролировать пролив.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

РЕЗОЛЮЦИЯ # 338 СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

22 октября 1973 года

Совет Безопасности

1. Призывает все стороны, участвующие в боевых действиях, прекратить всякий огонь и все военные действия незамедлительно, не позже, чем через 12 часов после принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позициях;
2. Призывает все заинтересованные стороны незамедлительно после прекращения огня начать выполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности во всех ее частях;
3. Постановляет одновременно и немедленно с прекращением огня начать переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой об установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ПОЭТАПНЫЙ ПЛАН

ТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНА, ОДОБРЕННОГО СОВЕТОМ ООП

8 июня 1974

(передано по Саут Фаластын Радио, Египет)

На основе Палестинской Национальной Программы и политического плана ООП, принятого на 11 сессии (6-12 января 1973); исходя из уверенности, что справедливый и прочный мир в регионе невозможен без восстановления всех национальных прав палестинского народа, первым и главным из которых является право на возвращение и самоопределение на родной земле; после анализа политического положения и его развития в период между предыдущей и данной сессией,

Совет решил следующее:

1. Особо подчеркнуть позицию ООП по отношению к резолюции 242 Совета Безопасности, которая игнорирует национальные права нашего народа и рассматривает палестинскую проблему как проблему беженцев.

Совет отвергает любые действия, предпринятые на подобной основе, на любом уровне, как в арабском мире, так и на международной арене, включая Женевскую конференцию.

2. ООП борется всеми возможными средствами, главным образом, путем вооруженной борьбы, чтобы освободить Палестину и образовать национальное, независимое и борющееся правительство во всех частях палестинской земли, которые предстоит освободить. Для этого требуется значительное изменение баланса сил в пользу нашего народа и его борьбы.

3. ООП отвергает любой план решения палестинской проблемы, требующий отказа от национальных прав и национальной прерогативы на возвращение родины, самоопределения, признания, мира (sulh) и безопасности границ.

4. Любой шаг к освобождению является звеном в осуществлении стратегии ООП, направленной на создание палестинского демократического государства, как это решено на предыдущих сессиях Совета.

5. Вместе с иорданскими национальными силами необходимо бороться за создание национального иордано-палестинского фронта с целью формирования в Иордании национального демократического правительства, которое обеспечит взаимную солидарность.

6. ООП ратует за объединение усилий обоих народов, а также всех сил арабского освободительного движения, которые поддерживают данный план.

7. В соответствии с этим планом, ООП ратует за укрепление национального единства до такой степени, когда появится возможность реализации национальных идей.

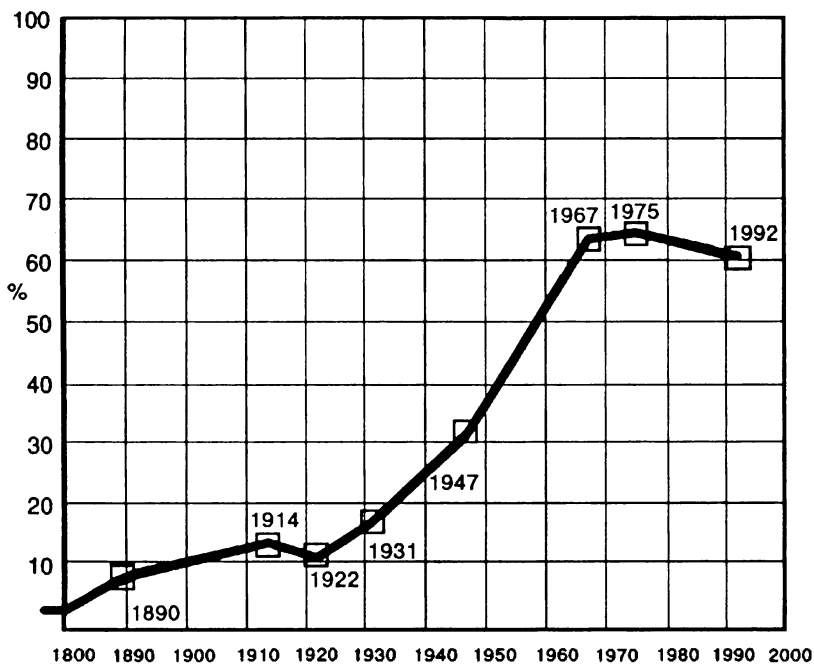
8. После своего создания национальное палестинское государство будет выступать за единство борющихся стран с целью полного освобождения всех палестинских земель и, в дальнейшем, за единство всех арабских стран.

9. ООП ратует за укрепление солидарности с социалистическими странами и всеми другими силами свободы и прогресса, за разрушение всех сионистских, реакционных и империалистических замыслов.

10. На основе данного плана руководство выработает тактику, которая сделает возможным реализацию этих целей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Доля евреев (%) в совокупном населении
к западу от реки Иордан
1800—1992

Примечание: совокупное население составляло 532 060 в 1890 г. увеличившись до 6 792 000 в 1992 г.

Источники:

1. За 1800—1975 гг.: Roberto Vachi, *The Population of Israel* (Jerusalem: The Institute of Contemporary Jewry, Hebrew University, 1977), p. 5.
2. За 1992 г.: Israel Central Bureau of Statistics.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

\1 Письма от Дж. Роудс 31 янв. 1993; М. Хитч (11 февр. 1991); Дж. Т. Фалп (20 янв. 1991).

\2 Mark Twain, *The Innocents Abroad* (New York: Literary Classics of the United States, 1984), pp. 385, 398.

Введение

\1 David Fromkin, *A Peace to End All Peace: Creating the Modern Middle East 1914-1922* (London: Andre Deutsch, 1989), p. 403.

\2 См: J.A.S. Grenville, *The Major International Treaties: A History with Text* (London: Methuen, 1974), pp. 48-49.

1. РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СИОНИЗМА

\1 Anna Nordau. *Memoirs* (Jerusalem: Mitzpah 1930), p. 159.

\2 Печатные призывы Алкалаи к созданию еврейских поселений в Эрец-Исраэль стали появляться в 1834 году в Землине, столице Сербии, где Алкалаи был раввином. Одним из горячих его поклонников был еще один уроженец Землина по имени Шимон-Лейб Герцль, дед основателя сионизма. Труд Калишера ("В поисках Сиона" ("Seeking Zion", 1862) получил большее распространение, нежели труды Алкалаи, и оказал влияние не только на людей духовного звания, но и на такого человека, как Гесс, который в своей книге "Рим и Иерусалим" ("Rome and Jerusalem", 1862) на него ссылается. Книга Гесса стала классическим выражением еврейского национализма, что не может не удивлять, поскольку написана она была одним из ярких представителей немецкой космополитической интеллигенции. Переведенные (на англ. яз.) отрывки из сочинений всех троих авторов см. в работе *The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader* (New York: Atheneum, 1984), pp. 102 - 138.

- \3 Marvin Lowenthal, ed., *The Diaries of Theodor Herzl* (New York: Dial, 1956), pp. 267 - 73, 339.
- \4 *Encyclopaedia Judaica* (Jerusalem: Keter, 1971), vol.14, pp.352 - 53.
- \5 *Encyclopaedia Judaica*, vol. 9, p. 1312.
- \6 Jean - Jacques Rousseau, *Emile*, trans. Allan Bloom (New York: Basic, 1979), p. 304.
- \7 В силу существования многочисленных диктаторских режимов в странах коммунистического блока и Третьего мира, умами легковерной западной интеллигенции овладело фантастическое убеждение, что миллионы поработенных людей можно считать "свободными", поскольку угнетатели их принадлежат к той же нации. Сами того не сознавая, они исказили до неузнаваемости идеи Исаяи Берлина, изложенные им в эссе "Две концепции свободы" (*Two Concepts of Liberty*), успешно лишая своих подданных свободы любого рода. См.: *Four Essays on Liberty* (New York: Oxford, 1969).
- \8 Цит. по: *Encyclopaedia Judaica*, vol. 4, p. 1549.
- \9 Цит. по: Nahum Sokolow, *A History of Zionism 1600 - 1918* (Bombay: Longmans, Green and Co., 1919), vol. 1, p.59.
- \10 Цит. по: Peter Grose, *Israel in the Mind of America* (New York: Knopf, 1983), p. 8.
- \11 Цит. по: Sokolow, *History of Zionism*, p. 123.
- \12 Цит. по: Leonard Stein, *The Balfour Declaration* (London: Vallentine, Mitchell and Co., 1961), pp. 6 - 7.
- \13 A. W.C. Crawford, Lord Lindsay, *Letters on Egypt, Edom and the Holy Land* (London: Henry G. Bohn, 1858), p. xi.
- \14 George Gawler, *Tranquillisation of Syria and the East* (London: T. and W. Boone, 1845), p. 6.
- \15 Примеры просионистских симпатий со стороны выдающихся британцев и американцев можно найти в книге: Sokolow, *History of Zionism*. Также заслуживают внимания работы: Fromkin, *Peace to End All Peace*, pp. 268 - 70; Grose, *Israel in the Mind of America*; Samuel Katz *Battleground: Fact and Fantasy in Palestine* (New York: Bantam, 1973), pp. 100-106.
- \16 George Eliot, *Daniel Deronda* (London: William Blackwood and Sons, 1876), vol. 3, book 6, p. 248.
- \17 Книга пророка Исаяи 11:12; Книга пророка Иеремии 31:10; Книга пророка Иезекииля 36:24.
- \18 Цит. по: Grose, *Israel in the Mind of America*, pp. 8 - 10.
- \19 Цит. по: *Ibid.*, p. 36.

\20 Цит. по: Moshe Pearlman, *Digging Up the Bible: The Stories of the Great Archaeological Discoveries in the Holy Land* (London: Wiedenfeld and Nicolson, 1980), p. 47.

\21 Цит. по: Ronald Sanders, *The High Walls of Jerusalem: A History of the Balfour Declaration and the Birth of the British Mandate for Palestine* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1983), p. 12.

\22 Sokolow, *History of Zionism*, p. 299.

\23 Edwin Sherwin Wallace, *Jerusalem the Holy* (New York: Arno Press, 1977), pp. 310, 355.

\24 Цит. по: Grose, *Israel in the Mind of America*, p. 62.

\25 Fromkin, *Peace to End All Peace*, pp. 270 - 75.

\26 Churchill White Paper of 1922.

\27 Официально римляне включили Иудею в состав империи только в 44 г. н.э. В предшествующие десятилетия они управляли ею с помощью режима их ставленника Ирода и его семейства.

\28 Дион Кассий. *Римская история*, кн. 69, раздел 12.1. Цит. по: M. Stern, *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism* (Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1980), vol. 2. p. 393.

\29 Каракалла издал положение о гражданстве (*Constitutio Antoniniana de civitate*), согласно которому римскими гражданами становились "свободные жители" империи. Salo Baron, *A Social and Religious History of the Jews* (New York: Columbia University Press, 1952), vol. 11, p. 109. См. также *Encyclopaedia Judaica*, vol. 5, p. 157.

\30 Katz, *Battleground*, p. 88.

\31 Benzion Dinur, *Israel in the Diaspora* (Tel Aviv: Dvir, 1960; Hebrew), vol., "From the Conquest of the Land of Israel by the Arabs to the Crusades", pp. 27 - 30. В работе проф. Динура представлена исчерпывающая компиляция исторических источников, большей частью, арабских и еврейских, документально освещающих положение евреев при начале арабского завоевания и быстрый упадок их вследствие арабской колонизации.

\32 Тойнби говорит: "В законах, как я полагаю, в любом из них, есть такая вещь, как понятие о сроке давности, по которому, во имя уменьшения ущерба и страданий, постановляется, что всякое законное требование перестает быть таковым по истечении того или иного промежутка времени". "Selective Debates on Palestine", Kadhim Jawad, ed., *Baghdad Magazine* (1970), p. 74.

И еще одно высказывание Тойнби: "После временного промежутка в 1800 лет, невозможно утверждать, что Палестина -

- это земля евреев. В противном случае Соединенные Штаты должны были бы принадлежать краснокожим индейцам. (...)
По моему мнению, евреи не имеют никаких прав в Палестине, за исключением личной собственности. У них нет права создавать государство. Достоинно крайнего сожаления, что это государство было создано на религиозной основе". Shakil Ahmed Zia, *A History of Jewish Crimes* (Karachi: Ahmed Alam Khan, 1969), p. 231.
- \33 Цит. по: Joseph Schechtman, *The Vladimir Jabotinsky Story: The Early Years* (New York: Thomas Yoseloff, 1956), p. 89.
- \34 Книга Руфь 1:16; Псалтырь 137:5. Шмоне-эсре, или Амида - основная молитва в ежедневном каноне молитв - содержит восемнадцать молений, из которых шесть посвящены возвращению в Сион.
- \35 Знаменитая формула "В следующем году в Иерусалиме" произносится в конце традиционного ритуала как на Пасху, праздник национального освобождения, так и в Йом Кипур - День искупления, или Судный День.
- \36 In J. Davidson et al., eds., *Prayerbook of Rav Saadiah Gaon* (Jerusalem, 1963), pp. 77 -78. Цит. по: Н.Н. Ben - Sasson, ed., *A History of the Jewish People* (Cambridge: Harvard, 1976) pp. 446 - 47.
- \37 Solomon Greyzel, *A History of the Jews* (New York: New American Library, 1968), pp. 296 - 97.
- \38 Maimonides, "Epistle to Yemen" in Isadore Twersky, *A Maimonides Reader* (New York: Behrman House, 1972), pp. 456 - 57.
- \39 Nahmanides' commentary on Numbers 33:53.
- \40 Grayzel, *History of the Jews*, pp. 372 - 73.
- \41 Maharal, *The Eternity of Israel* (Prague, 1591), vol. 2г. Цит по: Ben-Sasson, *History of Jewish People*, p. 709.
- \42 Hillel of Shklov, *Kol Hator* (B'nei Brac, Israel: Kol Hator Committee, 1968, Hebrew), p. 83.
- \43 *Encyclopaedia Judaica*, vol. 13, p.216. Краткий очерк жизни евреев в стране в период изгнания см. в работе: Katz, *Battleground*, pp. 89 - 100.
- \44 Franklin Delano Roosevelt, memo to U.S. Secretary of State, dated May 17, 1939, *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers* (Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1955), vol. 4, p. 757.
- \45 Arieh Avneri, *The Claim of Dispossession: Jewish Land Settlement and the Arabs, 1878 - 1948* (New York: Herzl Press, 1982) p. 262.
- \46 *Ibid.*, p. 261.

\47 Ibid., p. 255.

\48 Обращение Арафата к Организации Объединенных Наций на Двадцать девятой сессии 13 ноября 1974 г. Официальный перевод был опубликован под заголовком "Палестина жива" издательством "People Press" - Middle East Project, p. 8.

\49 В 1820 - 21 гг. такие путешественники, как Ричардсон, Карн и Шольц отметили, что евреи составляют самую крупную этническую группу в Иерусалиме. По данным первой официальной переписи, произведенной турками в 1844 году, еврейское население насчитывало 7120 человек против 5760 мусульман. См.: Eliyafahu Tal, Whose Jerusalem? (Jerusalem: Tal Communications, 1933), p. 51.

\50 The Journal of Henry Maundrell from Aleppo to Jerusalem, 1697 (London: Henry Bohn, 1848), pp. 428, 450, 477.

\51 Thomas Shaw, Travels and Observations Relating to Several Parts of Barbary and the Levant (London, 1754), pp. 336-37.

\52 Count Constantine F. Volney, Travels through Syria and Egypt in the Years 1783, 1784, 1785 (London: Pater, Noster and Row, 1788), vol.2, p.36.

\53 Alexander Keith, The Land of Israel (Edinburgh: William, Whyte, 1844), p. 465.

\54 J.C. Buckingham, Travels in Palestine (London, 1821), p. 146.

\55 Alphonse de Lamartine, Recollections of the East (London, 1845), pp. 268, 308. Цит. по.: Katz, Battleground, p. 107.

\56 Finn, letter to Earl of Clarendon, Sept. 15, 1857; British Foreign Office Documents 78/1294 (Pol. no 36).

\57 Twain, Innocents Abroad, pp. 384, 403, 414, 442, 480, 485-86.

\58 Arthur Penrhyn Stanley, Sinai and Palestine (London: John Murray, 1881), p. 118.

\59 Alexander Scholch, "The Demographic Development of Palestine" in International Journal of Middle East Studies, vol. 17, 1985, p. 488.

\60 Avneri, Claim of Dispossession, pp. 30-31. В момент предоставления Мандата население Трансиордании достигало примерно трехсот тысяч человек, причем половина из них - кочевники. Ja'akov Shimoni, Political Dictionary of the Arab World (New York: Macmillan, 1987), p. 254.

\61 Цит. по.: Lowenthal, Diaries of Theodor Herzl, p. 292.

\62 Цит. по: Hertzberg, Zionist Idea, p. 562.

\63 Lewis, "Palestinians", p. 32.

\64 British Royal Commission Report (1937), ch. 1, p. 6.

\65 Felix Bovet, *Egypt, Palestine and Phoenicia: A Visit to Sacred Lands* (London, 1882), pp. 384-85. Цит по.: Michael Ish-Shalom, *Christian Travels in the Holy Land* (Tel Aviv: Am Oved, 1965; Hebrew), p. 714.

\66 Эти и множество других арабизированных названий можно найти в кн.: Michael Avi - Yanah, *Quedem Monographs in the Institute of Archaeology* (Jerusalem: Institute of Archaeology the Hebrew University of Jerusalem and Carta, 1976).

\67 Katz, *Battleground*, p. 114.

\68 Ibid.

\69 Цит по.: Stein, *Balfour Declaration*, pp. 641, 643, 650.

\70 Цит по.: Jill Becker, *The PLO: The Rise and Fall of the Palestine Liberation Organization* (New York: St. Martin's, 1984), p. 13.

\71 Цит. по.: Stein, *Balfour Declaration*, p. 565.

\72 Цит. по.: Fromkin, *Peace to End All Peace*, p. 401.

\73 Цит. по.: Stein, *Balfour Declaration*, p. 627.

\74 Benzion Netanyahu, ed., *Max Nordau to His People* (Jerusalem: Political Library, 1937), vol. 2, p. 59.

\75 Цит. н.: Fromkin, *Peace to End All Peace*, pp. 519, 520, 523.

2. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

\1 Цит. по: Grose, *Israel in the Mind of America*, p. 134.

\2 Horace Samuel, *Unholy Memories of the Holy Land* (London: Leonard and Virginia Woolf, 1930), pp. 6, 26.

\3 Цит. по: Fromkin, *Peace to End All Peace*, p. 321.

\4 Ibid, p. 318.

\5 Ibid, p. 321.

\6 Ibid, pp. 323, 325.

\7 Цит. по: Conor Cruise O'Brien, *The Siege: The Saga of Israel and Zionism* (New York: Simon and Schuster, 1986), pp. 135, 138-39.

\8 Sanders, *High Walls of Jerusalem*, p. 651.

\9 O'Brien, *Serge*, p. 139.

\10 William Bernard Ziff, *The Rape of Palestine* (London: St. Botolph's, 1948), p. 14.

\11 Sanders, *High Walls of Jerusalem*, p. 653.

\12 Katz, *Battleground*, p. 61.

\13 Sanders, *High Walls of Jerusalem*, p. 653.

- \14 Fromkin, *Peace to End All Peace*, p. 322.
- \15 Цит. по: Sanders, *High Walls of Jerusalem*, p. 653.
- \16 Richard Meinertzhagen, *Middle East Diary, 1917 - 1956* (London: Cresset, 1959), p. 149.
- \17 Ibid., p. 67.
- \18 Ibid., p.18.
- \19 Ibid., pp.68, 132.
- \20 Samuel, *Unholy Memories*, p. 57.
- \21 Meinertzhagen, *Middle East Diary*, p. 56.
- \22 Ibid., p. 82.
- \23 Ibid.
- \24 Samuel, *Unholy Memories*, p. 57.
- \25 Ibid., p. 58.
- \26 Цит. по: Meinertzhagen, *Middle East Diary*, p. 83.
- \27 Цит. по: Ziff, *Rape of Palestine*, p. 20.
- \28 Samuel, *Unholy Memories*, p. 68.
- \29 Цит. по: Sanders, *High Walls of Jerusalem*, p. 656.
- \30 Meinertzhagen, *Middle East Diary*, p. 97.
- \31 Ibid., p. 115.
- \32 Ziff, *Rape of Palestine*, p. 19.
- \33 Meinertzhagen, *Middle East Diary*, p. 116.
- \34 Fromkin, *Peace to End All Peace*, pp. 497-99.
- \35 Цит. по: Howard Sachar, *A History of Israel: From the Rise of Zionism to Our Time* (New York: Knopf, 1986), p. 110.
- \36 Цит. по: Ibid., p. 127.
- \37 Цит по: Ziff, *Rape of Palestine*, p. 23.
- \38 Цит. по: Katz, *Battleground*, pp. 54-55.
- \39 Цит. по: Ziff, *Rape of Palestine*, p. 79.
- \40 Sachar, *History of Israel*, p. 127.
- \41 Ziff, *Rape of Palestine*, p. 82.
- \42 Цит. по: Fromkin, *Peace to End All Peace*, pp. 504-505. Точная хронология событий, приведших к отторжению трансйорданской Палестины, приводится в кн.: Becker, *The PLO*, p. 243: "24 апреля 1920 года Британия получила Мандат на управление Палестиной на мирной конференции в Сан-Ремо. 1 июля 1920 года сэр Герберт Сэмюэль, приняв бразды правления от военных властей, возглавил гражданскую администрацию на обоих берегах реки Иордан (см.: Viscount Samuel's *Memoirs*) /.../ В марте 1921 года Абдалла был назначен губернатором Трансиордании. Решение считать "Трансиорданию" некой отдельной частью Палестины

было одобрено международным сообществом только в тексте Мандата, утвержденном Советом Лиги Наций 24 июля 1922 года (в статье 25 было заявлено, что "на территории, расположенной между рекой Иордан и восточными границами Палестины, как они были определены, действие некоторых положений Мандата временно приостанавливается или отменяется). Лишь 23 сентября 1922 года Лига Наций одобрила меморандум, относящийся к статье 25, в котором территория Трансиордании окончательно исключалась из сферы применения положений Мандата, определявших создание Еврейского национального очага.

\43 Meinertzhagen, Middle East Diary, pp. 99-100.

\44 Samuel, Unholy Memories, pp. 70-71.

\45 Ziff, Rape of Palestine, p. 21.

\46 Цит. по: Samuel, Unholy Memories, p. 73.

\47 Цит. по: Fromkin, Peace to End All Peace, p. 125.

\48 J'Brien, Siege, p. 151.

\49 Fromkin, Peace to End All Peace, p. 524.

\50 Ibid., p. 518.

\51 Meinertzhagen, Middle East Diary, pp. 132-33.

\52 Ziff, Rape of Palestine, p.23.

\53 Sachar, History of Israel, pp. 175-76.

\54 Joseph Schechtman, The Vladimir Jabotinsky Story: The Later Years (New York: Thomas Yoseloff, 1956), p. 126.

\55 Sanders, High Walls of Jerusalem, p. 661.

\56 Meinertzhagen, Middle East Diary, p. 166.

\57 Цит. по: Israel Beer, Hagana as Britain's Ally (Tel Aviv: Cooperative Press "Achduth", 1947).

\58 Цит. по: David Pryce - Jones, The Closed Circle: An Interpretation of the Arabs (New York: Harper and Row, 1989), p. 198.

\59 Abram Sachar, The Redemption of the Unwanted: From the Liberation of the Death Camps to them Founding of Israel (New York: St. Martin's, 1983), p. 224.

\60 David Wyman, Paper Walls: America and the Refugee Crisis, 1938-1941 (New York: Pantheon, 1985), pp. 38-39.

\61 Meinertzhagen, Middle East Diary, p. 171.

\62 Цит. по: A. Sachar, Redemption of the Unwanted, p. 225.

\63 Цит. по: Ibid., p. 231.

\64 Ibid.

\65 Цит. по: Ibid., p. 2407.

\66 Ibid., p. 210.

\67 Ibid., p. 237.

\68 Майнерцаген следующим образом комментирует это ничем не объяснимое предательство: "В высшей степени несправедливо, что евреям не позволено приглашать людей своего народа, тогда как (иорданский) Арабский легион, вооруженный, экипированный, финансируемый и командуемый британцами, вместе с объединенными армиями Ирака, Сирии, Саудовской Аравии и Египта, движется на Палестину, чтобы атаковать евреев". Meinerzhagen, Middle East Diary, p. 223.

\69 Прайс - Джонс описывает союз арабских лидеров с Германией в кн.: Closed Circle, pp. 199-206.

\70 Цит. по: Ibid., p. 202.

\71 Цит. по: Ziff, Rape of Palestine, p. 111.

\72 Цит. по: A Sachar, Redemption of the Unwanted, p. 318.

\73 Цит. по: Ziff, Rape of Palestine, p. 110.

\74 David Wyman, The Abandonment of the Jews: America and the Holocaust, 1941 - 1945 (New York: Pantheon, 1984), p. 159.

\75 Цит. по: A. Sachar, Redemption of the Unwanted, p. 201.

\76 Цит. по: Ibid.

\77 Цит. по: Associated Press (Jan. 9, 1954). Цит. в кн.: Henry Atkinson, Security and the Middle East: The problem and Its Solution (New York: Ballantine, 1955), p. 26; предложения, подаваемые Президенту Соединенных Штатов.

\78 Намеки о переговорах о мире и земле подвергались в то время и публичному осуждению. В важной политической речи 1955 года Государственный секретарь Джон Фостер Даллес подчеркнул, что линия прекращения огня, возникшая после Войны за независимость, не должна быть постоянной. Приведем в пример Пегев, он выразил сожаление, что "совершенно бесплодная земля приобрела сентиментальное значение" для израильтян, в силу чего трудно добиться необходимых уступок. Британский премьер-министр Энтони Иден пошел еще дальше, открыто призвав к территориальному компромиссу. A. Sachar, History of Israel, p. 476.

\79 Theodor Herzl, Altneuland (New York: Herzl Press, 1960), p. 476.

\80 Преамбула: "Несоблюдение и нарушение прав человека привели к варварским деяниям, оскорбившим совесть человечества. /.../ Государства-члены принимают на себя торжественное обязательство добиться, в сотрудничестве с

Организацией Объединенных Наций, уважения и соблюдения прав человека и основных свобод..."

Статья 28: "Права и свободы, провозглашенные в Декларации, не могут быть соблюдены в стране, где царит террор, или в мире, где господствует война и происходят беспорядки. /...?/ Лишь при таком социальном и международном порядке, где главенствует закон и принципы взаимного уважения, человеческие права могут быть соблюдены в их полном объеме". - *The Universal Declaration of Human Rights: A standart of Achievement* (New York: United Nations, 1948), pp. 1, 11.

\81 Генеральная ассамблея ООН 111 голосами за при 25 против и 13 воздержавшихся приняла резолюцию, отменяющую это равенство. *The Jerusalem Post*, Dec. 16, 1991.

\82 Frederick Chary, *The Bulgarian Jews and the Final Solution 1940 - 1944* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1972), p. 189; and Marshall Lee Miller, *Bulgaria During the Second World War* (Stanford: Stanford University Press, 1975), p. 96.

3. ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

\1 Shimoni, *Political Dictionary*, pp. 30, 165-66, 311-13.

\2 *Ibid.*, pp. 198, 514, 518-19.

\3 Pryce - Jones, *Closed Circle*, p. 261.

\4 *The Jerusalem Post*, Nov. 1, 1990, p. 4.

\5 Shimoni, *Political Dictionary*, p. 229.

\6 *Ibid.*, pp. 295, 299.

\7 Высказывание Асада цит. по кн.: Kamal Jumblatt, *I Speak for Lebanon* (London: Zed, 1982), p. 78.

\8 Shimoni, *Political Dictionary*, pp. 311-13.

\9 *Ibid.*, pp. 23, 491-92.

\10 *Ibid.*, p. 230.

\11 *Ibid.*, p. 479.

\12 *Ibid.*, p. 101.

\13 Atkinson, *Security*, p. 94.

\14 Двести тысяч курдских беженцев в 1975 году перебравшись в Иран после того, как шах Ирана приостановил помощь курдской повстанческой организации Пеш Пурга. Shimoni, *Political Dictionary*, p. 287.

\15 Atkinson, *Security*, pp.95, 101.

\16 Pryce - Jones, Closed Circle, p. 265.

\17 The New York Times, Sept. 1, 1988.

\18 Саддам слил в залив два миллиона баррелей неочищенной нефти, что в шесть раз превысило масштабы катастрофы, происшедшей у берегов Аляски в 1989 году по вине печально знаменитого танкера "Вальдес" компании Эксон. The Jerusalem Post, March 11, 1991.

\19 Al-Gumhuria, Oct. 19, 1984.

\20 Превосходное описание интриг, которые во время первой мировой войны вели на Ближнем Востоке соперничающие Англия и Франция, см. в кн.: Fromkin, Peace to End All Peace, passim.

\21 Pryce-Jones, Closed Circle, pp. 26-27.

\22 Amir Shakib-Arslan, Our Decline and Its Causes: A Diagnosis of the Symptoms of the Downfall of Moslems, trans. M.A. Shakoор (Lahore, 1944). Цит. по кн.: John Donohue and John Esposito, edc., Islam in Transition: Muslim Perspectives (New York: Oxford, 1982), pp. 60-62.

\23 Anti-Defamation League pamphlet, "The Myth of Linkage", 1990.

\24 The New York Times, Aug. 12 and 15, 1990.

\25 Высказывание Кутба цит. по кн.: Emmanuel Sivan, Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics (New Haven: Yale, 1985), p. 31.

\26 Высказывание Фараджа опубл. в Al-Ahram (Egypt), July 12, 1974. Цит. по кн.: Sivan, Radical Islam, p. 20.

\27 Pryce-Jones, Closed Circle, pp. 27-28.

\28 Гонения на евреев в арабских странах начались с массовых убийств евреев Медины Мухаммедом в 625 году. Бесчисленные погромы и массовые убийства евреев арабами и мусульманами происходили и далее, в том числе, в Каире (1012), Фесе (1032), Марракеше (1146), Багдаде (1333), Фесе (1640), Басре (1776), Алжире (1801), Дамаске (1840), Джербе (1864), Тунисе (1869), Фесе (1912), Константиине (1934), Дамаске (1936), Багдаде (1941), Триполи (1945) и повсеместно в арабском мире в 1948 и 1967 гг. Краткий перечень арабских преследований евреев см. в кн.: Joan Peters, From Time Immemorial (New York: Harper, 1984), pp.33-71.

\29 После разрушения Второго Храма в 70 году н.э. эта ситуация нашла свое отражение в известном изречении раввинов о том, что еврейское государство было разрушено беспричинной

- ненавистью между евреями. (Талмуд, трактат Йома 9-б).
Драматичным исключением относительно утверждения, что среди евреев не было политических убийств, явилась стрельба, открытая группировкой "Хагана" по кораблю "Альталена", доставившему оружие и боеприпасы группировке Иргун непосредственно перед провозглашением государства Израиль; итогом явилась гибель 82 членов Иргуна. Другим исключением стало убийство Эмиля Гринцвайга в феврале 1983 года на антивоенном митинге, что вызвало всеобщее крайнее осуждение.
- \30 Shakib - Arslan, in Donohue and Esposito, Islam in Transition, p.61.
\31 Abdallah Laroui, Contemporary Arab Ideology (Paris: Maspéro, 1967), p. 15, in Donohue and Esposito, Islam in Transition, p. 141.
\32 Shakib - Arslan, in Donohue and Esposito, Islam in Transition, pp. 60-62.
\33 Muhammad Nuwayhi, Towards a Revolution in Religious Thought (1970), in Donohue and Esposito, Islam in Transition, pp. 167-68.
\34 Bitar, symposium of Al-Ihya Al-Arabi, Nov. 17, 1979. Цит. по: Sivan, Radical Islam, p. 157.
\35 Pryce-Jones, Closed Circle, p. 235.
\36 Cited in Ibid., p. 238.
\37 Michel Aflag, In Remembrance of the Arab Prophet (1972), in Donohue and Esposito, Islam in Transition, p. 111.
\38 Muammar Qaddafi, The Third Way, in Donohue and Esposito, Islam in Transition, pp. 104-106.
\39 Гури цит. по: Becker, PLO, p. 18.
\40 Цит по кн.: Yehoshafat Harkabi, Arab Attitudes to Israel (Jerusalem: Keter, 1972), p. 70.
\41 Цит. по кн.: Pryce - Jones, Closed Circle, p. 235.
\42 См. Becker, PLO, p. 249.
\43 Цит. по кн.: Pryce-Jones, Closed Circle, p. 214.
\44 Tsurani in Al-Qabas, Oct. 27, 1986.
\45 Слова Арафата см. в: Saudi News Agency, Jan. 2, 1989.
\46 В период челночной дипломатии Генри Киссинджера Асад радушно принимал его под написанным маслом полотном, изображавшим победу Саладина над крестоносцами. Edward Sheehan, The Arabs, Israelis and Kissinger: A Secret History of American Diplomacy in the Middle East (New York: Readers Digest Press, 1976), p. 95.
\47 К 1963 году от пуль сирийцев, стрелявших с Голанских высот,

погибло так много израильских фермеров, что бронированные тракторы стали обычной принадлежностью галилейских крестьянских хозяйств. Н. Sachar, History of Israel, p. 618.

\48 Слова Мубарака цит. по: The New York Times, Sept. 16, 1990.

\49 Sheikh Saud Nassir al-Sabah, Nov. 5, 1990. Cited in Anti - Defamation Leadue pamphlet, "The Myth of Linkage", 1990.

4.ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ

\1 Насер цитирован по Н. Sachar, History of Israel, p. 633.

\2 Радио Багдада, 31 мая 1967 год.

\3 Алжирская внутренняя служба (по - арабски), 4 июня 1967 года.

\4 Радио Дамаска, 5 июня 1967 года.

\5 Н. Sachar, History of Israel, p. 633.

\6 Радио Омана, 7 июня 1967 года.

\7 Реальное соотношение сил арабских армий (Египет, Сирия, Иордания, Ирак) с силами Израиля: артиллерия: 960 к 200; авиация: 682 к 286; танки 2330 к 1000. Colonel Trevor Dupuy, U.S. Army, Ret., Elusive Victory: The Arab - Israeli Wars, 1947 - 1974 (London: Macdonald and Jane's 1978), p. 337.

\8 Защита израильского судоходства и предотвращение блокады Тиранского пролива является основной целью введения сил ООН по поддержанию мира в данный район в 1957 году. Dupuy, Elusive Victory, p.221. Эйзенхауэр подтвердил эту миссию: "Мы не должны допускать, (чтобы)... Египет препятствовал использованию израильскими судами Суэцкого канала или Акабского залива. Если, к несчастью, Египет затем нарушит соглашение о перемирии или другие международные обязательства, тогда Объединенные нации примут строгие меры". (20 февраля 1957).

\9 Dupuy, Elusive Victory, p. 247.

\10 Jonathan Netanyahu, Self-Portrait of a Hero: The Letters of Jonathan Netanyahu (New York: Random Nouse, 1980), p. 133.

\11 International Documents on Palestine (1967), p. 62.

\12 Ibid., pp. 62-63.

\13 Ibid., p. 61.

\14 Ibid., p. 100.

\15 Устав Объединенных наций, статья 2, раздел 4: "Все члены должны воздерживаться в своих международных контактах от угроз или использования силы против территориальной

целостности или независимости любого государства, или от любого другого способа воздействия, несообразного с целями Объединенных наций".

\16 Аззам Паха цитирован по Leonard Davis, *Myth and Facts: A Concise Record of the Arab - Israeli Conflict* (Washington, D.S.: Near East Report, 1989), p. 273.

\17 Filastin, 16 февраля, 1949; цитировано по Katz, *Battleground*, p. 16.

\18 Al-Hoda, 18 июня 1951; цитировано по Katz, *Battleground*, p. 17.

\19 Al Difaa, 6 сентября 1954; цитировано по Katz, *Battleground*, p. 18.

\20 Akhbaz al-Yom (Каир), 12 октября 1963 года.

\21 По оценкам, II мировая война оторвала от дома 48 миллионов человек в Европе, а также 31 миллион в Азии. Между 1945 и 1957 годами беженцы, появившиеся вследствие насильственных переселений, обменов населением и войн, составили еще 57 миллионов. Israel Central Bureau of Statistics, "Immigration to Israel, 1948 - 72", p. 72.

Война в Персидском заливе переместила еще 5 миллионов человек, принятие которых Иорданией, Ираком, государствами Залива и другими странами происходит без задержек и торжеств. "The Jerusalem Post", 8 августа 1991 года, с. 6.

\22 Речь д-ра Эльфана Риза, перепечатана в Newsletter of the Anglo - Israel Association 47, (Oct. 1957).

\23 Atkinson, *Security*, p. 102.

\24 Ibid., pp. 102-103.

\25 Ibid., p. 102.

\26 Арафат цитирован по Sant Falastin, 9 декабря 1977 года.

\27 Мохсин цитирован по "Trouw" (Netherlands), 31 марта 1977 года.

\28 Официальная резолюция Восьмой Конференции Национального Совета Палестины, март 1971 года.

\29 Хут по Радио Каира, 30 мая 1967 года.

\30 Речь Арафата в ООН, 13 ноября 1974 года.

\31 Хасан по Al-Destour, 5 февраля 1970 года.

\32 Король Хусейн по Египетскому TV, 10 октября 1977 года.

\33 Король Хусейн по Al-Nahar Al - Arabi, 26 декабря 1981 года.

\34 Король Хусейн по Al-Alba (Кувейт), 30 октября 1984 года.

\35 Абу Ийяд по Al-Majallah, 8 ноября 1988 года.

\36 Кейтель цитирован по William Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany* (New York: Ballantine, 1950), p. 572.

- \37 Генлейн цитирован по указ. соч., с. 448.
- \38 Указ. соч., сс. 488-89.
- \39 Указ. соч., сс. 524-26.
- \40 Указ. соч., сс. 493, 523-24.
- \41 Указ. соч., сс. 490, 519-538.
- \42 Указ. соч., с. 489.
- \43 Указ. соч., сс. 552, 526.
- \44 Указ. соч., с. 527.
- \45 Указ. соч., с. 535.
- \46 Бенеш цитирован по указ. соч., сс. 529, 564.
- \47 Гитлер цитирован по указ. соч., с. 577.
- \48 Редакционная статья в "Times" цитирована по указ. соч., с. 518.
- \49 Yitzhak Zaccai, Judea, Samaria and the Gaza District, 1967 - 1987; Twenty Years of Civil Administration (Jerusalem: Carta, 1987), pp. 14, 17, 25, 45, 84, 87, 96.
- \50 Цит. по: Ze'ev Schiff and Ehud Ya'ari, Intifada (New York: Simon and Schuster, 1990), p. 18.
- \51 Радио ООП (Багдад), 10 октября 1987 года.
- \52 Арафат в Рияде 1 января 1989 года. Цитируется Представителем Государственного Департамента США на ежедневном брифинге для прессы 19 января 1989 года. Немного отличная версия была процитирована Кувейтским агентством новостей 2 января 1989 года, но смысл остается тем же: "Любой палестинский руководитель, который предлагает окончание интифады, тем самым, подставляет себя под пули своего же народа и подвергает опасности свою жизнь. ООП знает, как расправиться с ними".
- \53 Листовки Фатха за 21 января 1991 года; Хамас за 5 марта 1989 года; Объединенное национальное командование интифады от 1 июня 1992 года.
- \54 Цитировано по CBS, 48 Hours, 9 февраля 1988 года.
- \55 К середине 1992 года общее число убитых в столкновениях с Армией Обороны Израиля составляло 77 чел., в то время, как число арабов, убитых активистами интифады, составляло 698. Источник: представитель Армии Обороны Израиля, 23 августа 1992 года.
- \56 "The Jerusalem Post", 27 ноября 1992 года.
- \57 Ibid.
- \58 Эта цифра включает всех солдат, наказанных за несанкционированное или несоразмерное использование силы с

- 27 июля 1992 года, независимо от того, пострадал ли кто-нибудь в результате. Источник: представитель Армии Оборона Израиля.
- \59 Радио Бейрута, 26 октября 1954 года.
- \60 Al Difaa, 19 апреля 1957 года.
- \61 Al-Nahaz, 25 апреля 1963 года.
- \62 Reuters and Al-Gumhuria, 22 ноября 1966 г.
- \63 "The New York Times", 2 марта 1987 года: "The Associated Press", 20 мая 1988 г.
- \64 "The Jerusalem Post", 3 мая 1992 года, с. 6.
- \65 "The Jerusalem Post", 22 июля 1990 года, с. 4.
- \66 "Мы не верим в необходимость новых поселений на Западном Берегу или в Восточном Иерусалиме". "The New York Times", 9 марта 1990 года. Администрация США сообщает о поселенческой деятельности и о приезде новых иммигрантов на территории, включающие Восточный Иерусалим, и таким образом, приходит к выводу, что 10 процентов иммигрантов из России, которые приехали в еврейские районы Восточного Иерусалима, являются "поселенцами". Ibid.
- \67 Zaccai. Judea, Samaria, p. 50; Department of Geography, Office of the Prime Minister of Israel.
- \68 Возможна только приблизительная оценка. Источник: Pliia Albeck, State Attorney's Office.
- \69 Фрагменты из Naomi Shemer, "Jerusalem of Gold", 1967. Перевод на англ. яз. автора книги. (Русский перевод сделан с английского).
- \70 J. Netanyahu, Self-Portrait, p. 238.
- \71 Даян цитирован по Н. Sachar, History of Israel, p. 674.
- \72 I книга Маккавеев, 15. Шимон не только заявил, что Иудея и Самария являются еврейскими землями. Отвечая на требования вернуть города Иоппию (сегодня - Яффа, к югу от Тель-Авива, который Шимон не считал еврейской землей) и Газару (Гезер), Шимон приводит аргументы, исходя из соображений безопасности: "Что касается Иоппии и Газары, которых ты требуешь, то они сами причинили много зла народу в стране нашей" (Там же).

5. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ПО ИМЕНИ ООП

- \1 Becker, PLO, p. 38.
- \2 Ibid., p. 42.

- \3 Официальное письмо Бандунгской юбилейной конференции (24 апреля 1985 г.) под названием "Послание Его Превосходительства Ясира Арафата, Председателя Исполнительного Комитета Организации Освобождения Палестины, Главнокомандующего Силами Палестинской Революции, Его Превосходительству г-ну Сухарто, Президенту Республики Индонезия, по случаю празднования тридцатилетней годовщины Азиатско-Африканской конференции".
- \4 Pryce - Jones, Closed Circle, p. 199.
- \5 Ibid., p. 196.
- \6 Ibid., pp. 196-197.
- \7 Becker, PLO, p. 25.
- \8 Pryce-Jones, Closed Circle, p. 199.
- \9 Аль-Банна цит. по кн.: Donohue and Esposito, Islam in Transition, p. 80.
- \10 Sami al-Jundi, Al-Ba'th, p. 27. Цит. по кн.: Lewis, Semites, pp. 147-48.
- \11 Becker, PLO, p. 19.
- \12 Ibid.
- \13 Lewis, Semites, p. 150.
- \14 Ibid., p. 158.
- \15 Ibid., p. 151.
- \16 Ibid., pp. 152-153.
- \17 Ibid., p. 152.
- \18 Муфтий цит. по: Ibid., p. 155.
- \19 Ibid., p. 154.
- \20 Ibid., p. 156.
- \21 J.B. Schechtman, The Mufti and the Fuhrer: The Rise and Fall of Haj Amin el-Husseini (New York: Tomas Yoseloff, 1965), p. 156.
- \22 Ibid., p. 157.
- \23 Ibid., p. 156.
- \24 Ibid., pp. 159-160.
- \25 Ibid., p. 160.
- \26 Lewis, Semites, p. 160.
- \27 Pryce - Jones, Closed Circle, pp. 206-207.
- \28 Hans Josef Horchem, "Terror in West Germany", in "Conflict Studien", No 185, 1985. Хорхем возглавлял западногерманское Управление по охране Конституции, одной из его функций было наблюдение за левыми и правыми экстремистскими группами.

- \29 Ibid.
- \30 Интервью с Абу Ийадом см. в: *Der Spiegel*, July 17, 1981, and *Die Tat*, July 19, 1985.
- \31 Источник - Игаль Кармон, советник премьер-министра по терроризму, устное сообщение (22 декабря 1992 г.).
- \32 *Agence France Presse*, May 21, 1986 and *Reuters*, July 4, 1986; о деятельности Аббаса см.: *Liberation*, July 1, 1985 and *France Soir*, July 2, 1985.
- \33 *The London Observer*, Feb. 5., 1989.
- \34 Источник - Игаль Кармон, устное сообщение (22 декабря 1992 г.).
- \35 Ibid. Кармон показал мне фотокопии захваченных удостоверений ООП с этими именами.
- \36 Pryce - Jones, *Closed Circle*, pp. 206-207.
- \37 Sheehah, *Secret History*, p. 217.
- \38 Neil Livingstone and David Halevy, *Inside the PLO: Cover Units, Secret Funds, and the War Against Israel and the United States* (New York: William Morrow, 1990), p. 64.
- \39 O'Brien, *Siege*, p. 368.
- \40 H. Sachar, *History of Israel*, p. 342.
- \41 O'Brien, *Siege*, p. 476.
- \42 Арафат цит. по: *Al-Destour*, Dec. 26, 1983.
- \43 Цит. по: Becker, *PLO*, p. 53.
- \44 Ibid., p. 51.
- \45 "Те (израильяне), которые выживут, останутся в Палестине. Я думаю, что ни один из них не выживет". Шукейри цит. по кн.: H. Sachar, *History of Israel*, pp. 633-34.
- \46 Becker, *PLO*, p. 66.
- \47 H. Sachar, *History of Israel*, p. 685.
- \48 По оценке ООП, количество убитых составило тридцать тысяч человек. Becker, *PLO*, p. 76. Израиль предложил пострадавшим лечение в израильских больницах. *The Jerusalem Post*, Sept. 23, 1970.
- \49 *The Jerusalem Post*, May 16 and June 7, 1982.
- \50 Raphael Israeli, *The PLO in Lebanon: Selected Documents* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1983).
- \51 Livingstone and Halevy, *Inside the PLO*, p. 82.
- \52 *Al-Saeyasa* (Kuwait), June 2, 1990.
- \53 Jimmy Carter. *The Blood of Abraham* (Boston: Houghton Mifflin, 1985), pp. 112-113.

- \54 Арафат впервые обратился к Соединенным Штатам с заявлением, что он готов признать, что "Израиль останется здесь" в 1973 г, спустя целых пятнадцать лет после предполагаемого признания им Израиля, которое сделало возможным диалог между США и ООП. Поначалу Арафат предложил американцам свое признание Израиля в обмен на их поддержку государства ООП в Иордании. Американцы не ответили, отчасти потому, что были уверены в том, что ООП "чрезвычайно похожа на партию ирредентистов" и не удовлетворится Иорданией. Henry Kissinger, *Years of Upheaval* (Boston: Little, Brown, 1982), p. 626.
- \55 *The Jerusalem Post*, March 26, 1973.
- \56 Harris Schoenberg, *Mandate for Terror: The United Nations and the PLO* (New York: Shapolsky, 1989), pp. 413-14.
- \57 *The New York Times*, Oct. 10, 1985. Цит. по кн.: Livingstone and Halevy, *Inside the PLO*, p. 317.
- \58 Livingstone and Halevy, *Inside the PLO*, p. 259.
- \59 На завтраке, данном Арабской Лигой в ООН, на котором присутствовал генеральный секретарь ООН; *The New York Times*, Dec. 4, 1985.
- \60 *The New York Times*, Nov. 13, 1988. Аббас продолжал: "Не мы сделали это (имеется ввиду "Achille Lauro"), а американцы. Они все это делали. Американцы пытаются играть роль "ковбоя" *Al-Watan Al-Arabi* (Paris), Dec. 16, 1988.
- \61 *The Wall Street Journal*, July 26, 1979.
- \62 Nov. 8 - 11, 1987. *The Record of Events* называют эту конференцию "необычной", поскольку она была призвана обсудить ситуацию с ирано-иракской войной, а не рассматривать ставшую обычной повестку дня. "The Middle East and North Africa" (London: Europa Publications, 1991), 37 th ed., p. 244.
- \63 Интервью Абу Ийада на Би-би-си 10 ноября 1985 г.
- \64 См. материал Каддуми в: *Quotidien de Paris*, Nov. 19, 1985.
- \65 Отрицание было дано спикером ООП Махмудом Лабади. *The Jerusalem Post*, July 26, 1982.
- \66 Официальный текст Арафата, Женева, 13 декабря 1988 г.
- \67 Там же.
- \68 *The New York Times*, Jan. 19, 1989. Такие реакции основывались на мнении Госдепартамента, представитель которого заявил, что "положение вещей уже никогда не будет таким в ближневосточном мирном процессе. *The Washington Post*, Dec. 16, 1988.

- \69 Выступление Арафата по австрийскому телевидению 19 декабря 1988 г.
- \70 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Dec. 23, 1988.
- \71 Цит. по: Al-Rayan (Qatar), Jan. 13, 1990.
- \72 Цит. по: Al-Rayan (Qatar), Jan. 13, 1990.
- \73 Цит. по: Jamahiriyy News Agency (Libya), Apr. 19, 1989.
- \74 Выступление Абу Ийада - радио Монте-Карло, 4 марта 1989 г.
- \75 Цит. по: Politiken (Denmark), May 18, 1989.
- \76 Цит. по: Al-Watan (Kuwait), Feb. 11, 1989.
- \77 Цит. по: PELP's Al-Hadaf, April 9, 1989.
- \78 Saudi Press Agency, Aug. 8, 1989.
- \79 Заявление Арафата и Каддафи, см.: Jana Libyan News Agency, цит.: Agence France Presse, Jan. 7, 1990.
- \80 Выступление Арафата по радио Монте-Карло, 2 мая 1989 г.
- \81 Цит. по: Agence France Presse, May 5, 1989.
- \82 Интервью Балави см.: Al-Sabban (Tunisia) Kuwait News Agency, May 6, 1989.
- \83 Цит. по: Al-Saeyasa (Kuwait), June 1, 1989.
- \84 Цит. по: Ukaz (Saudi Arabia), Jan. 23, 1989.
- \85 Цит. по: Al-Watan (Kuwait), Jan. 8, 1989.
- \86 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Sept. 7, 1988.
- \87 Цит. по: Al-Yom Al-Sabi, Nov. 28, 1988.
- \88 Цит. по: Al-Sapir, Jan. 1988.
- \89 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Dec. 18, 1988.
- \90 Цит. по: Dehira Ufales (Kuwait), Jan. 6, 1987.
- \91 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Sept. 7, 1988.
- \92 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Dec. 6, 1988.
- \93 Цит. по: Al-Anba (Kuwait), Dec. 12, 1988.
- \94 Цит. по: Libyan News Agency, May 1, 1990.
- \95 Цит. по: BBC Arabic Service, Apr. 5, 1989.
- \96 Цит. по: Al-Sacyasa (Kuwait), Dec. 21, 1988.
- \97 Цит. по: Al-Shira (Beirut), Aug. 22, 1988.
- \98 Заявление НФОП: Voice of the Mountain Radio (Lebanon), June 9, 1989.
- \99 PELP's Al-Hadaf, Apr. 9, 1989.
- \100 Цит. по: Agence France Presse, Jan. 1989.
- \101 Цит. по: Al-Qabas, Dec. 26, 1989.
- \102 Цит. по: Al-Rai (Amman), Nov. 12, 1992.
- \103 Цит. по: Ukaz (Saudi Arabia), Nov. 22, 1988.
- \104 Цит. по: Al-Watan (Kuwait), Jan. 8, 1989.

- \105 Danny Rothschild, Israel Government Coordinator for Jubea and Samaria, Oct. 1991.
- \106 Цит. по: Al-Watan (Kuwait), Feb. 21, 1990.
- \107 Atkinson, Security, p. 164. В 1992 г. это составляло более 5 миллиардов долларов.
- \108 Выступление Каддафи по Би-би-си 20/20, 27 янв. 1988 г. Тремя десятилетиями ранее Насер сказал: "Если арабы вернуться в Израиль, Израиль прекратит существование". *Zuricher Woche*, Sept. 1, 1961; цит. по: Katz, Battleground, p. 31.
- \109 Цит. по: Qatar News Agency, Jan. 13, 1989.
- \110 Цит. по: Al-Watan (Kuwait), Jan. 8, 1989.
- \111 Цит. по: Middle East News Agency, Aug. 1, 1991.
- \112 Algiers Voice of Palestine, March 15, 1992.
- \113 Becker, PLO, pp. 175, 197.
- \114 Цит. по: Ibid., p. 197.
- \115 Напр.; 23 августа 1992 г. 698 "коллорабационистов" были убиты на присоединенных территориях комитетами интифады. Источник - представитель Израильских сил самообороны.
- \116 Цит. по: People's Daily, June 29, 1989.
- \117 Цит. по: Associated Press, Jan. 7, 1991.
- \118 Выступление Фарука Каддуми по радио А-Шарк (Ливан), 20 авг. 1991 г.
- \119 Voice of Palestine, Aug. 19, 1991. Как и можно было ожидать, через несколько часов после провала путча Арафат послал свои противоречивые поздравления Горбачеву и Ельцину.
- \120 Цит. по: Schechtman, Mufti, p. 104.

6. ДВА ВИДА МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- \1 Immanuel Kant, "Perpetual Peace", in Hans Reiss, ed., *Kant's Political Writings* (New York: Cambridge, 1970), pp. 100, 103.
- \2 Shirer, *Rise and Fall*, pp. 556-57.
- \3 В период между 1989 и 1992 гг. правительство США предоставило примерно 8 миллиардов долларов в качестве беспроцентной гарантированной ссуды восьми арабским правительствам, в том числе 500 миллионов долларов было выделено Ираку непосредственно перед его вторжением в Кувейт. *Near East Report*, April 6, 1992.
- \4 Страны Запада поставили Саддаму боевые самолеты;

штурмовые, противотанковые и разведывательные вертолеты; ракеты и пусковые установки класса воздух - воздух, земля - воздух и воздух - земля; электронные системы защиты на земле и на море; разнообразный военный транспорт; бронемшины и противотанковые бронемшины, ракетные фрегаты и сторожевые корабли; боеприпасы и взрывчатку. Yedidya Atlas, "Where did Saddam Get All Those Weapons?" (The Jerusalem Post, Sept. 17, 1990). Последние разоблачения в Британии и США свидетельствуют, видимо, о еще более серьезном участии Запада в создании иракской угрозы.

\5 Max Nordau, *Morals and the Evolution of Man*, Marie Lewenz, trans. (New York: Funk and Wagnalis, 1922), pp. 1-2.

7. ГОРНЫЙ ЩИТ ИЗРАИЛЯ

\1 Perkins Ch. *Arms to the Arabs: The Arab Military Buildup since 1973*. Washington, 1989, p. 5.

\2 Затраты Саудовской Аравии на оборону в 1990 г. составили 31,9 миллиарда долларов, расходы Великобритании на военные нужды составили, для сравнения, 38,5 миллиарда долларов. В последующие годы затраты Саудовской Аравии могут включать еще десятки миллиардов долларов на дополнительное оружие, запрошенное у США и других стран. *International Institute for Strategic Studies, Military Balance, 1991*. London: Brassey, 1991, p. 117.

\3 У Германии было 3500 танков. Col. T. N. Dupuy, *A Genius for War: The German Army and General Staff 1807 - 1945* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1977), p. 269. Для сравнения, Сирия имеет сегодня 4350 танков. *Military Balance*, p. 120.

\4 В сирийской регулярной армии служит 404 000 человек. Регулярная армия Израиля насчитывает 141 000 человек, во время военных конфликтов Израиль может рассчитывать на 504 000 резервистов. *Military Balance*, pp. 108, 120.

\5 Войска НАТО, на случай возможной агрессии со стороны Советского Союза, были развернуты по всей территории Западной Германии; оборонительные рубежи протянулись на 150 миль между Восточной Германией и Францией; в самом узком месте в обороне Западной Германии. David Isby and Charles Kamps, *Armies of NATO's Central Front* (London: Jane's, 1985), p. 104.

\6 Twain, *Innocents Abroad*, p. 379.

\7 Общая площадь арабских государств составляет 5,4 миллиона квадратных миль, тогда как площадь Соединенных Штатов - 3,5 миллиона квадратных миль. Площадь Мэриленда - 9837 квадратных миль, площадь Израиля, для сравнения, 8290 квадратных миль (в границах, существовавших до 1967 г.). Территория Западного Берега составляет 2187 кв. миль.

\8 В неожиданном нападении на Израиль со стороны Сирии, Иордании и Ирака их преимущество в численности сухопутных войск над войсками Израиля в первые сорок восемь часов сражений исчислялось соотношением шесть к одному. Aryeh Shalev, *The West Bank Line of Defense* (New York: Praeger Publishers, 1985), p. 42.

\9 *The Washington Times*, Oct. 12, 1988.

\10 *The Jerusalem Post*, Nov. 7, 1991.

\11 *The Jaffee Center Study Group on War in the Gulf: Implications for Israel* (Boulder: Westview, 1992), p. 388.

\12 Протяженность границы Западного Берега с Израилем (в его границах до 1967 г.) составляла 361 км по сравнению со 100 км сегодня. Shalev, *West Bank Line*, p. 10.

\13 *Ha'aretz*, July 22, 1988.

\14 *The Jerusalem Post*, Nov. 12, 1986, and April 5, 1987.

\15 *The Associated Press*, Jan. 14, 1990.

\16 Livingstone and Halevy, *Inside the PLO*, p. 68.

\17 Arthur Goldberg, "The Meaning of 242", *The Jerusalem Post*, June 10, 1977.

\18 *Ibid.*

\19 Caradon on *The MacNeil-Lehrer Report*, Mar. 30, 1978.

\20 Eugene Rostow, "The Truth About 242", *Jerusalem Post*, Nov. 5, 1990.

\21 Johnson, Address before the 125-th anniversary meeting of B'nai Brith, Washington, D.C., Sept. 10, 1968. Reprinted in the Department of State Bulletin, Oct. 7, 1968.

\22 Цит. по: H.Sachar, *History of Israel*, p. 674.

8.СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УГРОЗА

\1 *The Times*, цит. в: Shirer, *Rise and Fall*, p. 518.

\2 Donin *Ha'aretz*, Jun. 28, 1987.

\3 Friendlander and Goldscheider in *The Jerusalem Post*, Sept. 28, 1977.

- \4 Eisenbach in The Jerusalem Post, Mar. 10, 1978.
- \5 Sofer in The Tribune, Nov. 22, 1978.
- \6 Della Pergola in Yediot Aharonot, Oct. 23, 1987.
- \7 Sofer in Ha'aretz, Aug. 3, 1988.
- \8 Herzl, Altneuland, p. VI.
- \9 Peres, цит. в: Zot Ha'aretz, Dec. 27, 1968.
- \10 Moslem Arabs in pre - 1967 Israel. Eric Peritz and Mario Barag, Studies in the Fertility (Jerusalem: Institute of Contemporary Jewry, Hebrew University, 1992), pp. 23, 99.
- \11 Meron Benvenisti in The Chicago Tribune, Nov. 22, 1987.
- \12 Moslem Arabs in pre - 1967 Israel. Peritz and Barag, Studies, p. 99.
- \13 Statistical Abstract of the United States, 1991 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1991), p. 128.
- \14 Meron Benvenisti, The West Bank Handbook: A Political Lexicon (Jerusalem: Jerusalem Post, 1986), pp. 51-52.
- \15 Civil Administration of Judea, Samaria, and Gaza.
- \16 Этот расчет включает Восточный Иерусалим в цифрах на период до 1967 года, поскольку точных цифр с включением Восточного Иерусалима в Иудею - Самарию не имеется. Если Восточный Иерусалим будет включен в Иудею - Самарию (используя оценки относительно арабского населения Восточного Иерусалима, приведенные в тексте, результат будет сопоставимым: уменьшение доли арабского населения Иудеи - Самарии от 27.5% в 1967 г. до 27.1 процента в 1992; и увеличение арабского населения в Израиле до 1967 г. с 8.7% в 1967 г. до 11.1% в 1992.
- \17 Uziel Schmeltz, World Jewish Population in the 1980s: A Short Outline (Jerusalem: Institute for Contemporary Jewry, Hebrew University, 1988), pp. 5-6, 9. Произведенные недавно расчеты, показывающие снижение рождаемости среди еврейского населения Израиля, отражают прибытие сотен тысяч евреев из бывшего Советского Союза, у которых рождаемость была еще намного меньше - как и у всех евреев диаспоры во всех странах. Совершенно нелепо предполагать, что они и в дальнейшем, когда проживут в Израиле несколько лет, будут иметь так же мало детей. The New York Times, Nov. 8, 1992.
- \18 Roberto Vachi, "World Jewish Population: Trends and Policies", opening address before the Conference on Demography of the Jewish People, Jerusalem, Oct. 19, 1987.
- \19 Mahmoud Abbas цит. по: Al-Majallah, Mar. 13, 1990.

- \20 Eichman цит. в: Schechtman, Mufti, p. 158.
- \21 Maurice Roumani, The Case of the Jews from Arab Coutries (Tel-Aviv: World Organization of Jews from Arab Countries, 1975), vol.1, p.50.
- \22 Ibid., pp. 50-51.
- \23 Подобные утверждения были представлены Комитету ООН по Палестине представителями как Египта, так и Ирака. Ibid., p. 51.
- \24 Эта кампания была подхвачена даже королем Иордании Хусейном, который заявил, что Ближний Восток идет "очень опасным курсом" из-за советской иммиграции в Израиль. The Jerusalem Post, July 18, 1990.
- \25 The Jerusalem Post, Oct. 11, 1991.
- \26 Iraqi News Agency, July 16, 1990.
- \27 Saddam цит. по: Iraqi News Agency, Feb. 19, 1990.
- \28 Abu Daoud цит. в: Al-Qabas, Apr. 4, 1990.
- \29 Arafat quoted in Al-Moharer, Apr. 10, 1990.
- \30 The Jerusalem Post, Dec. 24, 1991.
- \31 Near East Report, Apr. 6, 1992.
- \32 В 1990 г. производство валового национального продукта на душу населения в Израиле составляло 11 296 долл.; для сравнения: в США - 21 974, а в Германии - 24 980 долл. Information Please Almanac (Boston: Houghton Mifflin, 1992).
- \33 Statistical Abstract of the United States, 1991, p. 203; and Israel Lands Administration.
- \34 Телефонная дискуссия со спикером, Israel Contractors Organization, Aug. 24, 1992.

9. ПУТЬ К ПРОЧНОМУ МИРУ

- \1 "Мы, народ Палестины, мысленно возвращаемся к решениям Палестинского Национального Совета, принятым в ноябре 1988 года, где Организация Освобождения Палестины выдвинула свою мирную инициативу, основываясь на резолюциях Совета Безопасности за номерами 242 и 338, и провозгласила независимость Палестины на основании Резолюции 181 Организации Объединенных Наций, постановившей создать два государства в 1948 году - Израиль и Палестину". Глава делегации Хейдар Аббель Шафи в "The New York Times", от 1 ноября 1991 года.
- \2 "Требование Израиля дать разрешение на иммиграцию евреев всего мира наносит ущерб арабскому населению и противоречит

всем законным и человеческим установлениям. Если подобные принципы будут приняты во всем мире, то христианам придется эмигрировать в Ватикан, а мусульманам - в священную Мекку". Сирийский министр иностранных дел Фарук Аль-Шара Ibid.

\3 Цит. по: Damascus Television Service, Mar. 7, 1990.

\4 The Jerusalem Post, Oct. 22 and 23, 1991.

\5 The New York Times, Mar. 22, 1991.

\6 The New York Times, Mar. 18, 1991.

\7 Телефонная беседа с Элиягу Розенталем, из израильского управления водных ресурсов.

\8 Ibid.

\9 Saudi News Agency, Jan. 2, 1989.

\10 The Jerusalem Post, May 19, 1992.

\11 Приложение к докладу Генерального комиссара Организации Объединенных Наций по вопросам облегчения положения палестинских беженцев на Ближнем Востоке: "Financial Situation of UNRWA in 1990 and 1991 and Budget Estimates for 1992-93.

10. ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?

\1 Цицерон. Цит. по: Stern, Greek and Latin Authors, vol. 1, p. 19.

\2 Жаботинский. Цит. по: Benzion Netanyahu, Jabotinsky's Place in History of the Jewish People (Haifa; University of Haifa Faculty of Humanities Publications, 1981), p. 15.

\3 Shoah; An Oral History of the Holocaust: The Complete Text of the Film by Claude Lanzmann (New York: Pantheon, 1985), p. 200.

\4 Protocols of the Wannsee Conference, Jan. 20, 1942, in Yizhak Arad, ed., Documents of the Holocaust (Jerusalem: Yad Vashem, 1981), p. 254.

\5 Жаботинский в Do'ar Hayom, May 17, 1929. Цит. по: B. Netanyahu, Jabotinsky's Place, p. 7.

\6 Ha'aretz, Aug. 27, 1992.

\7 Shoah, p. 169.

\8 Марк Твен. Цит. по: The Complete Essays of Mark Twain, Charles Neider, ed. (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1963), p. 249.

העמודים 1259-1260 נכללו בתוכנית

רמ"י ל. כרך 20 חומר 33041

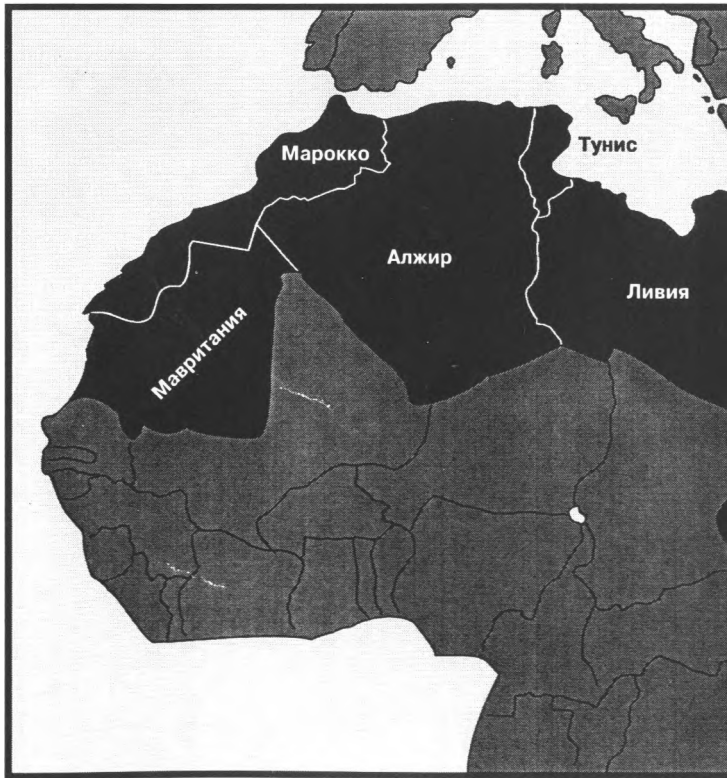
סג"ה

1259

מס'

КАРТЫ

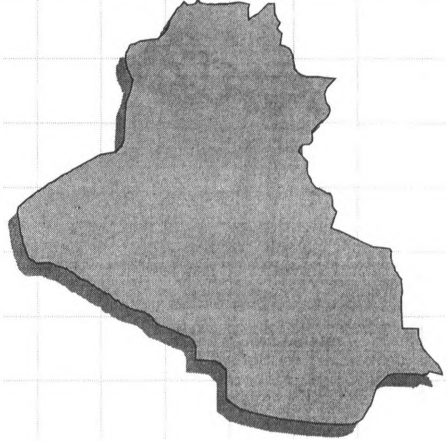

2. Сравнительная площадь Израиля

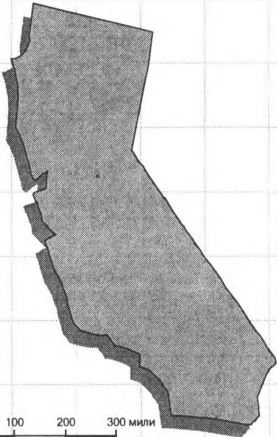
Израиль
10 840 кв. миль

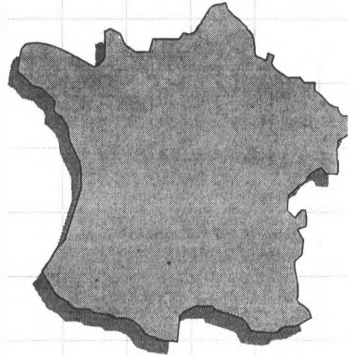
Ирак
280 000 кв. миль

Калифорния
160 222 кв. мили

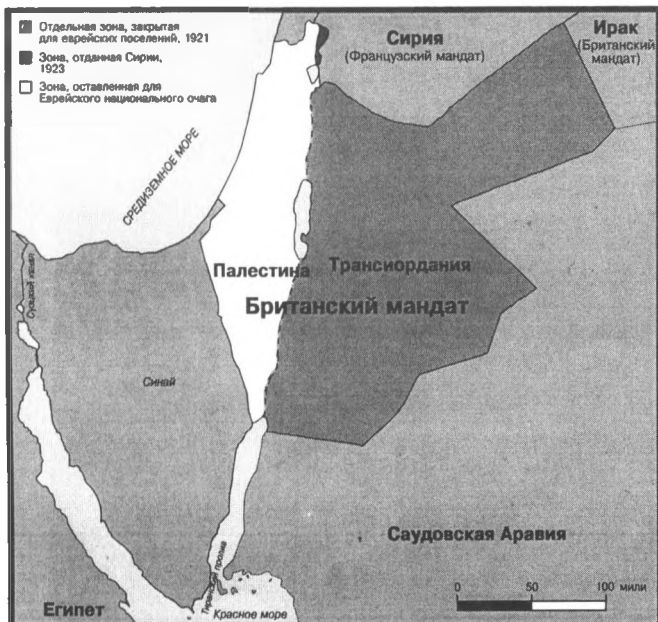
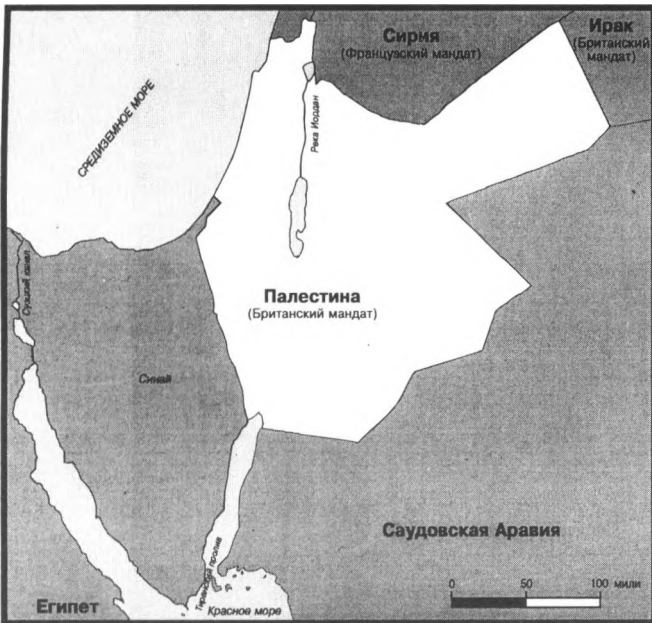

Франция
213 673 кв. мили

3. 1920

Еврейский национальный очаг под Британской администрацией

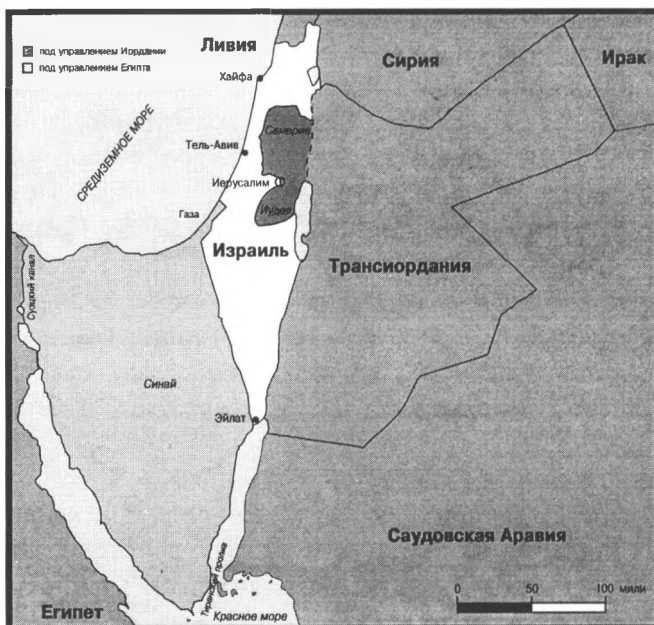
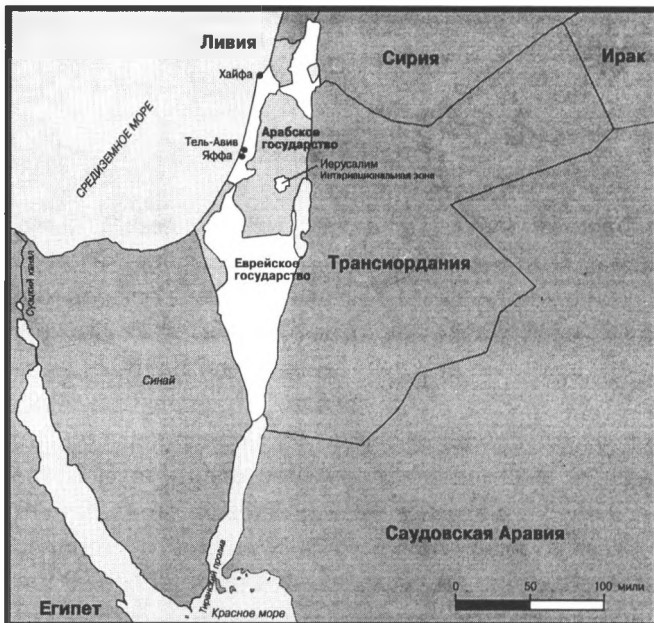

4. 1922

Еврейский национальный очаг после создания Трансиордании

5. 1947

ООН

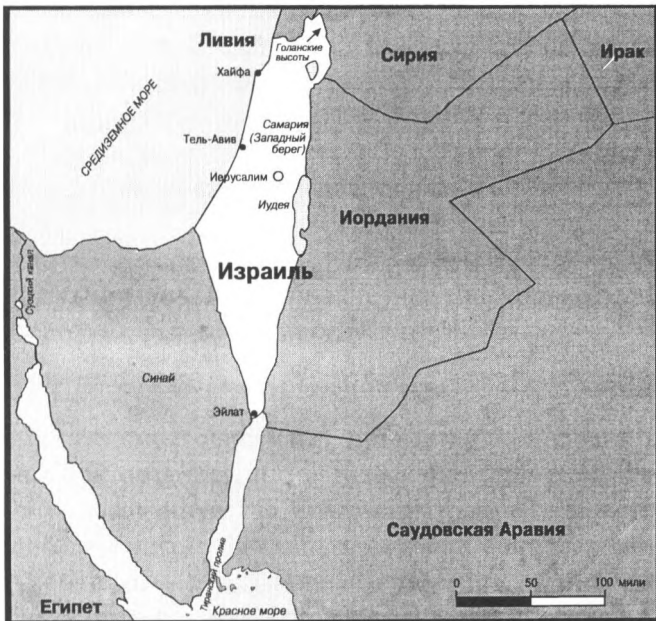
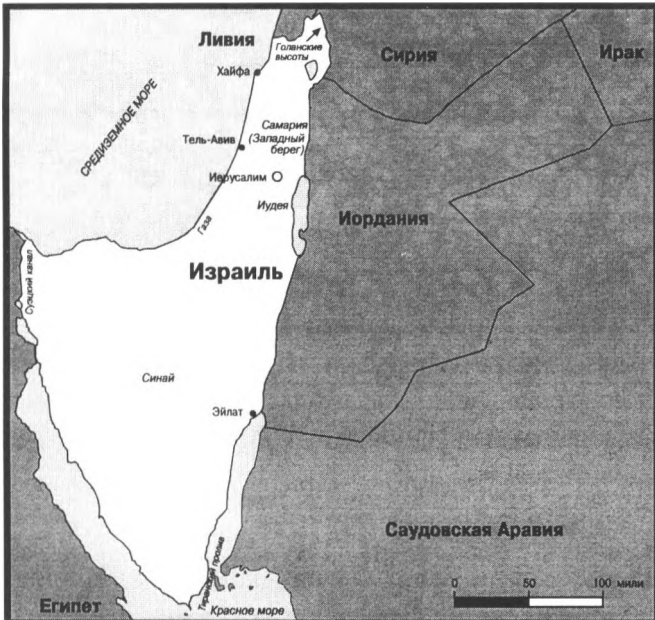

6. 1949

После войны за независимость

7. 1967

линии после Шестидневной войны

8. 1993

Израиль в нынешних границах

